SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VIII-й. № 6-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮНЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Дозволено цензурою 22 мая 1899 г. С.-Петербургъ.

AP50
M47
1899:6
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. МНИМЫЯ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЯ ПРИЧИНЫ ОСТАНОВКИ ВЪ ПРИРОСТѢ НАСЕЛЕНІЯ ФРАНЦІИ. (Политико-экономическій этюдъ). Прив.-доц. **І. Гольдштейна** 1
2. ИЗЪ ИСТОРІИ ЕРЕСЕЙ НА ЗАПАДѢ. **К. Каутскаго**. Переводъ съ нѣмецкаго **В. Всеволожскаго**. 30
3. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПОБѢЖДЕННЫЕ. (Изъ Ады Негри). **Тана**. 44
4. РИШТАУ. Повѣсть. В. **Сѣрошевскаго**. (Продолженіе) 46
5. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ. (Переводъ съ польскаго). **Тана**. 68
6. НА МОНБЛАНЪ. Прив.-доц. **Н. Иванцова**. (Окончаніе). . . 69
7. ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧЕНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ XVIII И XIX ВѢКОВЪ. Проф. **Р. Виппера**. (Продолженіе). 93
8. СТИХОТВОРЕНІЕ. ОТДЫХЪ. **С. Маковскаго**. 130
9. СРЕДИ РАБОЧИХЪ. («Изъ житейскаго опыта»). (Окончаніе). **И. К—ва**. 132
10. СТУДЕНТКА. Романъ **Грэхэмъ Трэверса**. Переводъ съ англійскаго **З. Журавской**. (Продолженіе) 155
11. КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ. (Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію). **Н. Гарина**. (Продолженіе) . 183
12. РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. (Продолженіе). **К. Станюковича** . . 228
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ А. МИЦКЕВИЧА. АККЕРМАНСКІЯ СТЕПИ. (Изъ «Крымскихъ сонетовъ»). **А. Колтоновскаго** . . 250

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Пушкинъ», Л. Майкова.—Изъ жизни Пушкина.—Характеристика его личности окружающими и близкими людьми.—Пушкинъ, какъ критикъ.—Впечатлѣнія смерти Пушкина на современниковъ: воспоминанія Гончарова.—Судъ потомства.—«Русская школа»: мнѣнія стараго педагога о современной молодежи.—Мнѣнія попечителя г. Яновскаго о современной школѣ.—Почему эта школа не удовлетворяетъ всѣхъ.—Современная школа есть бюрократическое учрежденіе и должна быть разсматриваема какъ преддверіе канцеляріи. **А. Б.** 1

884312

стр.
15. ПУШКИНЪ И ВОЙНА. (Замѣтка). **С. Ашевскаго** 14
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** На голодѣ. — Фабричные безпорядки.—Еврейскіе безпорядки въ Николаевѣ. — Воспоминанія о Салтыковѣ. — Пушкинская выставка. — Пушкинъ въ сельскомъ населеніи. 21
17. VII-й ПИРОГОВСКІЙ СЪѢЗДЪ РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ. **Врача В. И. Бинштока.** 37
18. **За границей.** Дрейфусовская эпопея.—Двѣ годовщины.—Музей общественной гигіены въ Берлинѣ. — Городское управленіе въ Лондонѣ и палата общинъ.—Первые шаги японскаго государственнаго дѣятеля.—Парижскій соціальный музей и его дѣятельность. 44
19. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue de Paris»,—«Revue des Deux Mondes».—«North American Review». 56
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. **Физика и метеорологія.** Жертвы молніи и нѣкоторыя ея эффекты.—**Медицина и гигіена.** 1) Новыя изслѣдованія о зараженіи туберкулёзомъ. 2) Стерилизація воды для питья посредствомъ озона.—**Этнографія.** Русскіе на рѣкѣ Колымѣ. **Н. М.** 60
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Юридическія науки.—Философія и психологія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 71
22. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. О театрѣ и идеяхъ. **И. Иванова.** 95
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 118
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ВЕРОНИКА. Историческій романъ **Шумахера.** Переводъ съ нѣмецкаго **З. А. Венгеровой.** (Окончаніе) 137
25. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный **Морицомъ Вилькомомъ,** покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго **Н. М. Могилянскаго** и **Д. Н. Нелюбова.** Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ. (Продолженіе). 157

Мнимыя и дѣйствительныя причины остановки въ приростѣ населенія Франціи.

(Политико-экономическій этюдъ).

I.

Въ прошломъ году государственныя науки праздновали, одинъ изъ наиболѣе важныхъ своихъ юбилеевъ. Я подразумѣваю подъ этимъ столѣтній юбилей появленія въ свѣтъ перваго изданія знаменитаго труда Мальтуса, теорія котораго о населеніи считалась многими учеными и политиками въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій за non plus ultra мудрости. Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы пожелали подробно критиковать здѣсь теорію Мальтуса; къ тому же, дальнѣйшія разсужденія о ростѣ народонаселенія въ Англіи и Франціи дадутъ и безъ того косвенную оцѣнку его ученія. Поэтому, упомянемъ только, что по Мальтусу населеніе имѣетъ тенденцію размножаться въ геометрической прогрессіи, тогда какъ жизненные продукты растутъ только въ прогрессіи ариѳметической. Исходя изъ этого, построеннаго при помощи поверхностныхъ статистическихъ наблюденій закона—статистика, какъ извѣстно, обрѣталась тогда еще въ пеленкахъ—Мальтусъ пришелъ къ заключенію, что несостоятельные классы, поскольку они хотятъ избѣжать нищеты и страданій, должны отказаться отъ женитьбы и дѣторожденія или, по крайней мѣрѣ, значительно сократить число дѣтей.

Какъ уже упомянуто выше, теорія эта была признана многочисленными выдающимися учеными и политиками. Особенной популярностью пользовалась она однако во Франціи, гдѣ многочисленные классы населенія, которые, быть можетъ, никогда не слышали имени Мальтуса, проводили на практикѣ рекомендуемое имъ ограниченіе числа дѣтей. Для характеристики прежняго отношенія большинства французскихъ ученыхъ къ теоріи Мальтуса, достаточны слѣдующія цитаты. Извѣстный экономистъ J. B. Say писалъ по этому поводу: «Учрежденія, наиболѣе способствующія счастью человѣчества, это тѣ, которыя поощряютъ ростъ капитала. *Лучше, поэтому, поощрять людей къ экономіи, чѣмъ къ дѣторожденію*» *). Другой французскій писатель Giresse

*) Цитировано по Nitti, «La population» etc., стр. 90.

въ своемъ сочиненіи, появившемся въ 1867 г., «Essai sur la population», проводилъ слѣдующую теорію: «Число рожденій уменьшилось съ конца XVIII столѣтія на цѣлую треть. Если бы, къ несчастью, современные французы слѣдовали заповѣди: «плодитесь и размножайтесь» до сихъ поръ съ тѣмъ же рвеніемъ и тѣмъ же безразсудствомъ, какъ въ 1777 г., мы имѣли бы во Франціи ежегодно около 1.330.000 рожденій, т. е. почти на 330.000 больше, чѣмъ ихъ имѣется на самомъ дѣлѣ. Чтобы показать быстроту прогресса, достаточно констатировать, что онъ избавилъ человѣчество отъ сопряженныхъ съ 330.000 родами тягостей и мученій, отъ смерти многихъ женщинъ и отъ приблизительно 15.000 мертворожденныхъ. Содрогаясь,—заключаетъ Giresse свои разсужденія,—подумавъ, сколько бѣдствій, страданій и потрясеній были бы внесены въ нашъ соціальный строй этими лишними 330.000 рожденіями». Въ томъ же духѣ высказался Josef Garnier, членъ Institut de France. Излишекъ населенія является, по его мнѣнію, одной изъ главныхъ причинъ нищеты и бѣдности *). То же самое писалъ Léonce de Lavergne въ 1860 г., высказывая мысль, что Нормандію можно только поздравить по поводу медленнаго прироста ея населенія **).

Но французы не довольствовались однако только теоретическими совѣтами по поводу необходимости ограниченія числа дѣтей. Тамъ и самъ они заходили такъ далеко, что платили даже преміи за это. Уже упомянутый нами Josef Garnier сообщаетъ, наприм., что версальскій муниципальный совѣтъ учредилъ въ 1859 г. премію за умѣренность въ 1.000 франковъ. При присужденіи ея особое вниманіе должно было быть обращено на малое число дѣтей ***). Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій во Франціи произошла значительная перемѣна во взглядахъ на этотъ вопросъ. Тогда какъ прежде, какъ мы видѣли, среди ученыхъ и политиковъ считалось какъ бы принадлежностью хорошаго тона высказываться сторонникомъ теоріи Мальтуса, въ настоящее время ученые мальтузіанцы должны прикрывать свои взгляды всякими прикрасами и снабжать ихъ ограниченіями. Статистики, соціологи, экономисты и цѣлыя ученыя общества занимаются теперь разрѣшеніемъ вопроса, какими средствами можетъ быть увеличенъ приростъ населенія.

Откуда взялась эта перемѣна во взглядахъ, мы увидимъ при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи прироста населенія во Франціи. Сперва необходимо разсмотрѣть нѣкоторыя данныя о ростѣ населенія въ Англіи, такъ

---

*) Сравн. J. Garnier, «Du principe de population», II изданіе. Парижъ, 1885 стр. 10.

**) Сравн. L. de Lavergne, «Economie rurale de la France», Paris, 1860, стр. 100.

***) Сравни вышеназванный трудъ Garnier, стр. 224. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи также циркуляръ, опубликованный префектомъ департамента Allier въ 1833 г. Префектъ этотъ рекомендуетъ ограниченіе числа дѣтей, какъ лучшее средство къ поднятію благосостоянія. Сравн. Arthur Cheroin, «Histoire statistique de la population française», Paris, 1889, стр. 46.

какъ это является conditio sine qua non для пониманія хода развитія Франціи.

Въ концѣ XVII столѣтія Англія была, какъ это изложено въ I томѣ моихъ изслѣдованій *), государствомъ, населеніе котораго занималось преимущественно земледѣліемъ. Изъ всего населенія Англіи и Уэльса, которое исчислялось тогда, приблизительно, въ $5^1/_2$ милліоновъ, около $^1/_5$ жило въ городахъ и мѣстечкахъ, остальныя же четыре пятыхъ жили въ селахъ и деревняхъ. Въ вышеназванномъ трудѣ было также доказано, что теперь въ Англіи замѣчается обратное отношеніе, такъ какъ въ настоящее время около $^3/_4$ населенія живутъ въ городскихъ округахъ. Въ вышеуказанномъ мѣстѣ былъ установленъ интересный фактъ, что почти весь приростъ населенія Англіи сосредоточился въ промышленныхъ центрахъ, тогда какъ въ сельскихъ округахъ населеніе оставалось неизмѣннымъ или даже уменьшалось. Наконецъ, приведенныя тамъ данныя привели насъ къ выводу, что измѣненное положеніе мірового рынка и возрастающая агломерація населенія оказали на сельскохозяйственную культуру Англіи рѣзко охарактеризованное вліяніе въ томъ отношеніи, что воздѣлываніе пшеницы и ячменя отодвигается на задній планъ. Земли, бывшія прежде подъ этими культурами, заняты теперь, въ большинствѣ случаевъ, пастбищами или садами. Особенный интересъ заслуживаетъ проявившаяся при этомъ закономѣрность явленій, выразившаяся въ томъ, что графства съ наиболѣе густымъ населеніемъ имѣли въ то же время наибольшій процентъ постоянныхъ пастбищъ и садовъ.

Охарактеризовавъ въ краткихъ чертахъ эволюцію Англіи, мы можемъ перейти теперь къ изслѣдованію хода развитія Франціи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія населеніе главнѣйшихъ культурныхъ государствъ Европы исчислялось слѣдующимъ образомъ: Англія, включая Уэльсъ, имѣла около 9 милліоновъ жителей, Германія **) отъ 22 до 23 милл., Франція около 27 милліоновъ. Франція занимала, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи *первое* мѣсто, причемъ, число ея жителей составляло почти что 47% населенія этихъ 3-хъ странъ.

Иное видимъ мы въ настоящее время. На основаніи новѣйшихъ переписей, нынѣшнее населеніе Англіи, включая Уэльсъ, исчисляется приблизительно въ 31 милл., Германіи въ 53 милліона, Франціи же только въ 39 милліоновъ. Населеніе Франціи составляетъ, слѣдовательно, теперь уже не 47% всего населенія вышеназванныхъ 3-хъ государствъ, а только 32%. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что Англія и Германія дали за это время міру нѣсколько милліоновъ эмигрантовъ, тогда какъ во Франціи иммиграція значительно превышаетъ эмиграцію.

*) «Berufsgliederung u. Reichtum», изданіе Cotta, Stuttgart, 1897. См. «Міръ Божій» 1898 г., августъ, статья І. Гольдштейна «Индустрія и земледѣліе, какъ основы эконом. и финанс. могущества».

**) Здѣсь подразумѣвается пространство, занимаемое Германіей въ *настоящее* время.

Еще яснѣе выступаетъ перемѣщеніе политическаго и экономическаго центра тяжести, если принять во вниманіе абсолютный приростъ населенія въ этихъ 3-хъ странахъ. Съ начала XIX столѣтія приростъ населенія Англіи, включая Уэльсъ, исчислялся въ 22 милліона, въ Германіи въ 30 милліоновъ, во Франціи же только въ 12 милліоновъ, причемъ разница становилась все значительнѣе по мѣрѣ приближенія къ настоящему времени *).

Достаточно въ этомъ отношеніи указать на результаты предпринятыхъ за послѣднія 25 лѣтъ переписей. Съ начала 70 годовъ населеніе Англіи, включая Уэльсъ, увеличилось, приблизительно, на 8 милліоновъ, населеніе Германіи на 12 милліоновъ, населеніе же Франціи только, приблизительно, на 2 милліона. Чтобы покончить съ этимъ, необходимо еще упомянуть, что населеніе Франціи равнялось къ началу великой революціи почти что 25% населенія тогдашнихъ великихъ державъ, тогда какъ теперь оно составляетъ только 13%, т. е., приблизительно половину тогдашняго отношенія.

Приведенные факты чрезвычайно важны для выясненія значенія, которое придается этимъ вопросамъ въ настоящее время во Франціи. Французы боятся потерять свое положеніе среди великихъ державъ и эта боязнь является одной изъ главныхъ причинъ появленія различныхъ законопроектовъ, имѣющихъ цѣлью увеличеніе населенія. Достаточнымъ доказательствомъ правильности выше высказанныхъ взглядовъ являются часто появляющіяся во французскихъ журналахъ вычисленія, трактующія о военныхъ силахъ Франціи въ сравненіи съ военными силами другихъ государствъ. Мы находимъ тамъ, поскольку дѣло касается 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, постоянно указанія на тотъ фактъ, что Франція, вслѣдствіе сравнительно незначительнаго процента дѣтей и сравнительно большаго процента мужчинъ въ зрѣломъ возрастѣ, можетъ выставить столь же многочисленную армію, какъ Германія, такъ что пока нѣтъ собственно никакого повода къ безпокойству. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія исчезло однако и это послѣднее утѣшеніе, такъ какъ уже въ 1885 г. одинъ изъ такихъ утѣшителей—Le Roy—долженъ былъ констатировать фактъ, что мужское населеніе Германіи въ возрастѣ отъ 20 лѣтъ и выше превышаетъ таковое во Франціи больше, чѣмъ на 600.000 **).

Въ заключеніе приведемъ еще цитату изъ читаннаго во французской медицинской академіи реферата д-ра Rochard'a, которая очень характерно выражаетъ печальное настроеніе французской интеллигенціи. «Если наше населеніе,—говоритъ онъ,—остается безъ измѣненія, или даже растетъ, то это нужно приписать иммиграціи; чужіе страны

*) Приростъ населенія во Франціи составлялъ между 1821 — 1841 г. 5,9 на 1.000 душъ, между 1841—1861 г. 3,7, между 1861—1881 около 2.5. Сравни Arthur Chervin, «Histoire statistique de la population française», стр. 10.

**) Сравни «Journal de Société de Statistique de Paris». 1890, стр. 360.

заполняютъ нашу пустоту и этотъ наплывъ въ большинствѣ враждебныхъ намъ элементовъ является на самомъ дѣлѣ скрытымъ вторженіемъ непріятеля, страшной опасностью для нашей будущности. Народъ, поддерживающій свое существованіе при помощи другихъ странъ, теряетъ скоро свой характеръ, свои нравы и свою силу. Онъ теряетъ при этомъ со временемъ и свое величайшее достояніе—свою національность» *).

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію причинъ замедленія прироста населенія, надъ которымъ французы такъ давно уже ломаютъ себѣ головы, необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе на слѣдующемъ, чрезвычайно важномъ явленіи. Въ началѣ великой революціи Франція стояла по плотности населенія во главѣ культурныхъ странъ. Въ среднемъ тамъ приходилось тогда почти что 50 человѣкъ на квадратный километръ, противъ 30 въ тогдашней Пруссіи и, приблизительно, 40 въ Соединенномъ Королевствѣ. На этотъ фактъ необходимо обратить особое вниманіе, такъ какъ онъ является, какъ мы потомъ увидимъ, при своеобразныхъ обстоятельствахъ экономическаго развитія Франціи, одной изъ главныхъ причинъ медленнаго прироста населенія.

Первый вопросъ, который намъ предстоитъ разрѣшить, это вопросъ о теперешней плотности населенія въ главнѣйшихъ культурныхъ государствахъ. Соотвѣтствующія вычисленія даютъ слѣдующія цифры. На квадр. километръ приходится въ среднемъ: въ Соединеномъ Королевствѣ 126 человѣкъ, въ Германіи, приблизительно, 97, во Франціи же только 73. При этомъ необходимо не упускать изъ виду, что въ Англіи (включая Уэльсъ) самой по себѣ, т. е. безъ Шотландіи и Ирландіи, на квадр. километръ приходится свыше 203 человѣкъ. Эти данныя показываютъ съ достаточной ясностью, что по отношенію къ плотности населенія съ конца прошлаго столѣтія совершился крупный переворотъ. Франція не стоитъ болѣе во главѣ культурныхъ государствъ, такъ какъ Англія и Германія значительно опередили ее въ этомъ отношеніи. Каковы причины этого быстраго уменьшенія прироста населенія во Франціи въ теченіе послѣдняго столѣтія?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо прослѣдить по порядку главнѣйшіе, играющіе тутъ роль, моменты. Первымъ дѣломъ надо обратить вниманіе на число заключаемыхъ браковъ. На 10.000 душъ населенія—масштабъ, какъ мы увидимъ дальше, могущій уяснить дѣло только приблизительно—во Франціи приходилось въ промежуткѣ между 1881—1890 гг., въ среднемъ ежегодно около 74 браковъ, въ Англіи, приблизительно, 75, въ Германіи 78. Если принять во вниманіе существующія различія относительно возраста и гражданскаго состоянія населенія, то, по Бодіо, приходилось между 1874 и 1891 гг.

*) Цитировано по Nadaillac, «Affaiblissement de la natalité», etc., стр 4.

на 10.000 холостыхъ, вдовыхъ и разведенныхъ, старше 15 лѣтъ, въ Швейцаріи 408 лицъ, сочетавшихся бракомъ, въ Бельгіи 419, во Франціи 458, въ Англіи, включая Уэльсъ, 526, въ Германіи 530 *). Въ среднемъ у французовъ, какъ видно, заключается меньше браковъ, чѣмъ въ Германіи и Англіи; ихъ относительное число во Франціи, однако, гораздо больше, чѣмъ въ Швейцаріи и Бельгіи, въ которыхъ остановки прироста населенія не замѣчается. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что на пожилой и на старческій возрастъ во Франціи приходится бо́льшій процентъ, чѣмъ въ Германіи и Англіи. Въ виду этого вышеприведенная разница относительно средняго числа должна значительно уменьшиться. Особаго вниманія заслуживаетъ при этомъ еще то обстоятельство, что процентъ женатыхъ во Франціи въ теченіе этого столѣтія значительно повысился. Такъ, напримѣръ, въ 1806 г. ихъ числилось около 36%, противъ 40% всего населенія въ 1891 году. Подобное же увеличеніе замѣчается относительно числа овдовѣвшихъ, именно съ 6,6 на 8,1%.

Всѣ эти факты заставляютъ насъ согласиться съ выводомъ большинства французскихъ изслѣдователей **), что нѣсколько меньшее среднее число браковъ, само по себѣ, не можетъ быть причиной остановки прироста населенія. Это дѣлаетъ понятнымъ скептическое отношеніе извѣстнѣйшихъ французскихъ ученыхъ, какъ Levasseur, Bertillon-отецъ и мн. др., къ часто рекомендованнымъ съ разныхъ сторонъ мѣрамъ для искусственнаго повышенія числа браковъ. Прежде всего необходимо упомянуть, что эти предложенія не оригинальны и не новы. Они являются большею частью только повтореніемъ мѣръ, примѣнявшихся въ свое время очень часто просвѣщеннымъ абсолютизмомъ. Чтобы показать, какіе безсмысленные проекты предлагались съ этой цѣлью въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, достаточно цитировать слѣдующій законопроектъ, предложенный въ 1801 году нѣкіимъ Poncet de la Grave, какъ средство для борьбы съ безбрачіемъ ***).

Въ первой статьѣ своего проекта онъ требуетъ, чтобы всѣ холостяки въ возрастѣ отъ 25—60 лѣтъ были объявлены впредь неспособными занимать какую-либо государственную или иную должность. Какъ дополнительная мѣра, высказывается имъ затѣмъ требованіе, чтобы холостяки, находящіеся уже на подобныхъ должностяхъ, немедленно оставили ихъ. Не повинующимся онъ угрожаетъ заключеніемъ въ цѣпи на 10 лѣтъ и лишеніемъ имущества.

Во II статьѣ выражается имъ требованіе, чтобы холостяки платили двойныя подати.

Въ ст. III и IV Poncet de la Grave требуетъ, чтобы холостяки были лишены права наслѣдовать имущество родителей, родныхъ и т. п. Эти

*) Сравн. G. v. Mayr, «Bevölkerungsstatistik», стр. 386.

**) Сравн. Arthur Chervin, «Histoire statistique» etc., стр. 18.

***) Сравн. Poncet de la Grave, «Considérations sur le célibat», стр. 136.

наслѣдства конфискуются въ пользу казны. У холостяковъ отнимается затѣмъ право завѣщанія.

Въ дальнѣйшихъ статьяхъ предлагается устройство института цензоровъ, которые должны были бы слѣдить за холостяками, затѣмъ установленіе особыхъ внѣшнихъ значковъ для отличія холостяковъ отъ женатыхъ. Такимъ значкомъ для мужчинъ должна была служить желтая кокарда, для дѣвушекъ желтая вуаль.

Въ ст. X онъ предлагаетъ, наконецъ, запретить холостымъ лицамъ обоихъ половъ, принужденнымъ вышеупомянутыми мѣрами къ браку: мужчинамъ женитьбу на женщинѣ, старше 40 лѣтъ, и женщинамъ замужество съ мужчинами старше 60 лѣтъ. Цѣль, преслѣдуемая этой мѣрой, дѣлается понятной, если принять во вниманіе фактъ, что вышеназванный возрастъ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ является предѣльной границей зачатія и дѣторожденія.

Такую же незначительную роль, какъ, сравнительно, меньшее число браковъ, играетъ относительно неувеличенія населенія мнимая безнравственность французовъ, поскольку о ней вообще можно судить при помощи числа незаконнорожденныхъ. На 1.000 незамужнихъ женщинъ въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ во Франціи приходится ежегодно въ среднемъ только 17 незаконнорожденныхъ, противъ 27 въ Германіи. Если сравнить Францію съ Саксоніей или Баваріей, то результатъ окажется для Франціи еще болѣе благопріятнымъ.

Въ такой же независимости, какъ отъ нѣсколько мѣньшаго числа браковъ и отъ процента незаконнорожденныхъ, находится остановка прироста населенія отъ большой смертности, поскольку эта послѣдняя будетъ разсматриваться *сама по себѣ*. На 1.000 душъ населенія во Франціи приходилось между 1884—1893 гг. около 22,4 смертныхъ случаевъ, въ Германіи же почти 24,6. Наоборотъ, въ Англіи, гдѣ $^3/_4$ населенія живетъ въ городскихъ округахъ, иными словами—почти цѣликомъ занимается промышленностью, торговлей и т. п. ремеслами, на 1.000 душъ приходится въ среднемъ всего 19,2 смертныхъ случаевъ.

Намъ остается, слѣдовательно, еще только одинъ важный моментъ, въ зависимость отъ котораго можетъ быть приведена остановка прироста населенія, а именно: чрезвычайно малое количество рожденій, которое замѣчается во Франціи *). На 1.000 душъ населенія здѣсь приходилось между 1865 и 1883 гг. ежегодно около 25 рожденій, тогда какъ въ Англіи (включая Уэльсъ) ихъ числилось около 35, а въ Германіи даже 39 **). Кромѣ того, важно отмѣтить еще тотъ фактъ, что въ то время, какъ въ Англіи и Германіи относительное число рожденій

*) Отъ этого зависитъ въ значительной степени вышеупомянутая слабая смертность во Франціи.

**) Въ промежуткѣ времени отъ 1887—1891 гг. во Франціи приходилось на 1.000 душъ 23 рожденія, въ Англіи—31.3, въ Германіи—36,5. Сравн. вышеназванный трудъ G. v. Mayr'a, стр. 177.

подвергалось только сравнительно незначительнымъ измѣненіямъ, во Франціи замѣчается изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе быстрое уменьшеніе. Въ общемъ оно понизилось съ 32 рожденій на 1.000 душъ въ началѣ нашего столѣтія на 23 въ послѣднемъ десятилѣтіи. Это явленіе поражаетъ изслѣдователя еще больше, если принять во вниманіе, что абсолютное число рожденій во Франціи, несмотря на то, что населеніе увеличилось почти на половину, теперь значительно меньше, чѣмъ въ началѣ нынѣшнаго столѣтія.

Чтобы уже здѣсь обратить вниманіе читателя на косвенную причину этого явленія, мы приведемъ цифры, касающіяся отношенія законныхъ рожденій къ числу браковъ, заключенныхъ въ теченіе разсматриваемыхъ періодовъ. Такихъ рожденій приходилось на бракъ въ первомъ пятилѣтіи этого столѣтія почти 4,24. Постепенно понижаясь, ихъ число достигло въ промежуткѣ отъ 1886 до 1889 года цифры 2,96 *). Такимъ образомъ, цифра, показывающая отношеніе числа рожденій къ числу заключенныхъ за тотъ же періодъ браковъ, понизилась во Франціи съ начала нашего столѣтія на цѣлыхъ 30%. При этомъ можно замѣтить слѣдующее чрезвычайно интересное явленіе. Сравнивая колебанія этой цифры за отдѣльныя пятилѣтія нынѣшняго столѣтія, мы замѣтимъ, что до 50-хъ годовъ цифра эта понижалась чрезвычайно быстро и достигла уже въ 1856—1860 гг. 3,04. Съ тѣхъ поръ она колеблется, если исключить катастрофу начала 70-хъ годовъ, между 3,15 въ промежуткѣ отъ 1866 до 1870 г. и 2,96 въ промежуткѣ отъ 1886 до 1889 г. Levasseur и многіе другіе французскіе изслѣдователи констатируютъ, правда, это явленіе и стараются даже утѣшить французовъ этимъ фактомъ. Они не даютъ, однако, объясненія его. Мы попробуемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи выяснить причины этого явленія. Прежде необходимо, однако, коснуться въ нѣсколькихъ словахъ числа законныхъ рожденій въ различныхъ странахъ. По вычисленіямъ извѣстнаго итальянскаго статистика Бодіо, на 1.000 замужнихъ женщинъ въ возрастѣ отъ 15—50 лѣтъ приходилось ежегодно въ Германіи **) около 270, въ Англіи (включая Уэльсъ) около 250, въ Франціи же ***) только около 163 такихъ рожденій.

Въ виду вышеприведенныхъ цифръ, въ настоящее время нельзя больше оспаривать факта, что число рожденій во Франціи очень мало и что оно показываетъ, къ тому же, сильное стремленіе къ дальнѣйшему пониженію. При отысканіи объясненія для остановки прироста населенія, насъ, однако, куда меньше интересуютъ косвенныя причины, въ данномъ случаѣ низкая законная рождаемость, чѣмъ установленіе непосредственныхъ причинъ, т. е. отысканіе факторовъ, которые привели къ этому быстрому уменьшенію числа рожденій. Здѣсь находится

*) Сравн. Levasseur, «La population française», III томъ, стр. 150.

**) Въ промежуткѣ 1874—1890.

***) Въ промежуткѣ 1874—1891.

центръ тяжести вопроса, надъ разрѣшеніемъ котораго французскіе ученые и политики трудятся уже въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій.

Мы разсмотримъ сперва главнѣйшія изъ имѣющихся объясненій этого явленія.

II.

Одною изъ важнѣйшихъ причинъ замедленія прироста населенія Франціи, является, по мнѣнію многихъ извѣстныхъ французскихъ изслѣдователей, быстрый ростъ большихъ городовъ. Большіе города, говорятъ они растутъ на счетъ сельскихъ коммунъ. Благодаря проистекающему отсюда уменьшенію сельскаго населенія, изсякаетъ главный источникъ рожденій страны. Чтобы повысить число рожденій, по ихъ мнѣнію, необходимо воспрепятствовать росту большихъ городовъ.

Подобные совѣты можно найти уже у многихъ писателей, жившихъ въ прошломъ столѣтіи, въ особенности часто у Ж. Ж. Руссо. «Большіе города,—говоритъ знаменитый авторъ книги «Contrat social»,—истощаютъ государство и являются причиной его слабости» [1]). Похожіе взгляды высказали въ новѣйшее время Bertillon отецъ, Cheysson, Toussaint Loua, Arsène Dumont, Lagneau и много другихъ.

Что касается знаменитаго демографа Bertillon'a, то онъ называетъ большіе города скопищемъ, вреднымъ какъ для нравственнаго, такъ и для физическаго здоровья [2]). Коллега Bertillon'a, академикъ Lagneau, считаетъ ограниченіе эмиграціи изъ деревень въ города однимъ изъ главныхъ средствъ для ускоренія прироста населенія [3]). Arsène Dumont, о теоріи котораго мы говоримъ въ дальнѣйшемъ болѣе подробно, жалуется на то, что уменьшеніе плодовитаго сельскаго населенія, вслѣдствіе эмиграціи въ города, должно еще болѣе ухудшить и безъ того печальное положеніе Франціи [4]).

Въ томъ же родѣ высказываются Cheysson [5]), Toussaint Loua [6]) и Tounissoux [7]). Особенно далеко идутъ однако въ этомъ отношеніи Bertheau и Dr. Dunant. Первый объявляетъ, что относительное число рожденій уменьшается, съ начала столѣтія, какъ во всей Франціи, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ департаментѣ, и что сельское населеніе является *главнымъ* источникомъ плодовитости націи [8]); послѣдній счи-

---

[1]) Сравн. Bertheau, «Essai sur les lois de la population», стр. 386.

[2]) Сравн. «Mouvementsde la population», Annales de la «Demographie internationale» 1877, стр. 180.

[3]) Сравн. «Du dépeuplement et de la décroissance de population» etc., стр. 37.

[4]) «Depopulation et civilisation», стр. 83.

[5]) «La Question de la population en France». Journal de la Société de stat. de Paris. 1883, стр. 453.

[6]) «Les deplacements de population en France». Journal de la Soc. de Stat. de Paris 1895, стр. 125.

[7]) «La désertion de campagnes» Ib., стр. 195.

[8]) «Essai sur les lois de la population», стр. 389.

таетъ доказаннымъ, что остановка прироста населенія Франціи зависитъ отъ быстраго роста Парижа и другихъ большихъ городовъ *).

Намъ не остается другого исхода, кромѣ изслѣдованія правильности или неправильности этихъ утвержденій. Главные вопросы, на которые при этомъ необходимо отвѣтить, могутъ быть сформулированы слѣдующимъ образомъ:

1) Есть ли быстрый ростъ большихъ городовъ явленіе, свойственное одной только Франціи?

2) Увеличивается ли населеніе большихъ французскихъ городовъ скорѣе или медленнѣе населенія большихъ городовъ въ Германіи и Англіи?

3) Чѣмъ обусловливается болѣе быстрый или болѣе медленный приростъ населенія въ большихъ городахъ Франціи?

Отвѣтомъ на первый вопросъ можетъ служить констатированіе факта, что быстрый приростъ населенія свойственъ не только большимъ городамъ Франціи, но и большимъ городамъ почти всѣхъ культурныхъ странъ. Такъ какъ въ этихъ странахъ, не смотря на это, замѣтенъ большой приростъ населенія, то большіе города могли бы только въ томъ случаѣ считаться существенной причиной остановки прироста населенія во Франціи, если бы результаты изслѣдованія показали, что большіе города Франціи растутъ гораздо скорѣе, чѣмъ большіе города въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Англіи и Германіи. Иными словами, это явленіе только тогда могло бы быть принято серьезно во вниманіе, если бы вышеназванное мнимое *зло* — быстрый ростъ городовъ ceteris paribus выступало тамъ значительно сильнѣе.

Прежде всего слѣдуетъ установить, какъ велико, собственно говоря, число большихъ городовъ въ упомянутыхъ трехъ странахъ? Если считать «*большими городами*» всѣ города, имѣющіе болѣе 100.000 жителей, то такихъ городовъ числилось по результатамъ послѣднихъ переписей въ Германіи 28, въ Англіи съ Уэльсомъ 24, въ Франціи же только *12*. Если принять еще во вниманіе пятилѣтній промежутокъ, лежащій между послѣднею французскою переписью (1896) и послѣднимъ англійскимъ цензомъ (1891), то число большихъ городовъ въ Англіи должно равняться теперь, приблизительно, 30.

Уже относительно числа такихъ городовъ Франція стоитъ, слѣдовательно, съ 12 большими городами далеко позади Германіи съ 28 и Англіи съ приблизительно 30. Еще интереснѣе становятся результаты, если принять во вниманіе приростъ населенія большихъ городовъ этихъ странъ за послѣднія два десятилѣтія—промежутокъ времени, въ которомъ этотъ приростъ былъ особенно значителенъ. При этомъ необходимо, разумѣется, руководствоваться только результатами переписей, а не основанными на вычисленіяхъ данными. Чтобы яснѣе показать

*) «Influence de l'immigration» etc. «Annales de Démographie», стр. 430.

тенденцію развитія, мы оставимъ пока въ сторонѣ Лондонъ, Парижъ и Берлинъ и разсмотримъ сперва только приростъ населенія въ другихъ большихъ городахъ названныхъ странъ.

Что касается Англіи съ Уэльсомъ, то, по исключеніи Лондона, населеніе остальныхъ 23 большихъ городовъ увеличилось тамъ между 1871—1891 гг. съ 3,6 до 5 милліоновъ. Приростъ составлялъ, значитъ, почти 1,4 милл., т. е. около 38%.

Населеніе остающихся, по исключеніи Берлина, 27 большихъ городовъ Германіи увеличилось между 1875—1895 гг. съ 2,9 до 5,6 милл. Приростъ равнялся, значитъ, приблизительно, 2,7 милл., т. е. почти 93%.

Населеніе же остающихся, по исключеніи Парижа, 11 большихъ городовъ Франціи увеличилось въ промежуткѣ съ 1876—1896 гг. только съ 1,8 до 2,3 милл. Приростъ составлялъ, слѣдовательно, меньше полумилліона или около 27%. Изъ этого видно съ достаточной ясностью, что приростъ населенія въ большихъ городахъ Франціи былъ за разсматриваемыя 20 лѣтъ, какъ абсолютно, такъ и относительно, *значительно медленнѣе* соотвѣтственнаго прироста въ большихъ городахъ Англіи и Германіи.

Подобное же явленіе можно констатировать относительно городовъ съ 50.000 до 100.000 жителей. Такихъ городовъ числилось во время послѣднихъ переписей въ Англіи съ Уэльсомъ 37, въ Германіи—29, во Франціи же только 22. Населеніе этихъ городовъ увеличилось въ теченіе вышеупомянутыхъ 20 лѣтъ слѣдующимъ образомъ:

Въ Англіи съ Уэльсомъ съ 1,7 до 2,6 милл., т. е., приблизительно, на 900.000, или 53%; въ Германіи съ 1,2 до 2 милл., т. е. почти на 800.000, или 69%; во Франціи же всего съ 1,17 до 1,54 милл., т. е., приблизительно, на 370.000, или 32%.

Слѣдовательно, и города съ 50.000 до 100.000 жителей были во Франціи въ гораздо меньшемъ числѣ и расли при этомъ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Германіи и Англіи.

Если мы займемся теперь, въ заключеніе, населеніемъ всѣхъ городовъ съ болѣе нежели 50.000 жителей, включая сюда Лондонъ, Парижъ и Берлинъ, то получимъ слѣдующія цифры:

Приростъ населенія ихъ равнялся въ Англіи съ Уэльсомъ (61 городъ), приблизительно, 3,3 милл., или 38%, въ Германіи (57 городовъ) 4,2 милл., или 82%, во Франціи же (34 города) только 1,4 милл., или 29%. Процентное отношеніе населенія всѣхъ городовъ съ болѣе нежели 50 000 жителей ко всему населенію этихъ странъ было, наконецъ, слѣдующимъ:

Во Франціи.....	включая	Парижъ.....	около	16%
Въ Германіи.....	»	Берлинъ	»	19%
» Англіи съ Уэльсомъ	»	Лондонъ	»	41%
Во Франціи	безъ	Парижа	»	10%
Въ Германіи.....	»	Берлина.....	»	15%
» Англіи.....	»	Лондона.....	»	26%

Имѣя налицо всѣ эти факты, едва ли возможно говорить объ особомъ избыткѣ большихъ городовъ во Франціи. Каждому безпристрастному изслѣдователю придетъ, наоборотъ, невольно въ голову мысль, не является ли какъ разъ малочисленность большихъ городовъ одною изъ главныхъ причинъ замедленія прироста населенія въ этой странѣ. Насколько правильнымъ было бы такое заключеніе, мы узнаемъ въ концѣ нашего изслѣдованія, при разсмотрѣніи причинъ медленнаго роста большихъ городовъ во Франціи. Сперва необходимо еще упомянуть два чрезвычайно важныхъ момента, на которые до сихъ поръ обращалось мало вниманія.

Первымъ изъ этихъ моментовъ является тотъ фактъ, что, кромѣ Парижа, изъ 11 такъ называемыхъ *большихъ* городовъ Франціи въ 1896 году только 2 имѣли отъ 200.000 до 300.000 жителей и другіе 2 больше 300.000 жителей. Въ Германіи имѣли въ 1895 г., кромѣ Берлина, изъ 27 большихъ—3 отъ 200.000 до 300.000 жителей и 6 городовъ болѣе 300.000. Наконецъ, въ Англіи съ Уэльсомъ, кромѣ Лондона, числилось уже въ 1891 г. 5 городовъ, имѣвшихъ отъ 200.000 до 300.000 и столько же съ болѣе нежели 300.000 жителей. Изъ этого видно съ достаточной ясностью, что во Франціи въ дѣйствительности очень мало большихъ городовъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Если принять при этомъ еще во вниманіе извѣстный фактъ, что большіе города обладаютъ тѣмъ большей притягательной силой, чѣмъ многочисленнѣе ихъ населенія, то окажется, что Франція, имѣющая, включая Парижъ, всего 5 городовъ съ болѣе нежели 200.000 жителей, имѣетъ, относительно, *очень мало* такихъ притягательныхъ пунктовъ въ сравненіи съ Германіей, имѣющей 10, и Англіей—11 такихъ городовъ. Результаты сравненія окажутся еще менѣе благопріятными для Франціи, если мы напомнимъ читателю, что послѣдняя перепись была предпринята во Франціи въ 1896 г., въ Англіи же въ 1891 г.

Еще важнѣе, пожалуй, второй моментъ, а именно, очень своеобразное географическое положеніе большихъ городовъ во Франціи. Они находятся, по большей части, вблизи границъ, тогда какъ въ центральной части страны—въ противоположность къ Германіи и Англіи—имѣется очень мало большихъ городовъ. Значеніе этого момента выступитъ особенно ясно, если мы упомянемъ установленный многочисленными изслѣдованіями фактъ, что притягательная сила большихъ городовъ распространяется преимущественно на непосредственно къ нимъ примыкающія области.

Познакомившись съ ходомъ развитія большихъ городовъ во Франціи, Германіи и Англіи, поскольку это было возможно при существующихъ различіяхъ относительно времени переписей и другихъ препятствій, въ родѣ присоединенія къ городамъ предмѣстій, разсмотримъ теперь нѣсколько подробнѣе ростъ сельскаго населенія этихъ странъ.

Касательно Англіи было въ другомъ мѣстѣ уже констатировано,

что число людей, занимающихся земледѣліемъ, тамъ постоянно уменьшается. Подобные же результаты, или, по крайней мѣрѣ, сравнительное уменьшеніе значенія земледѣлія, какъ источника доходовъ, дала, какъ извѣстно, въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ, предпринятая въ іюнѣ 1895 г. ремесловая перепись *). Остается изслѣдовать, каково въ этомъ отношеніи положеніе дѣлъ во Франціи. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны обратиться, вслѣдствіе недостаточной достовѣрности французской ремесловой статистики, первымъ дѣломъ къ распредѣленію населенія по коммунамъ различной величины.

Сравнивая приростъ населенія въ коммунахъ съ болѣе нежели 2.000 жителей съ населеніемъ коммунъ, имѣющихъ менѣе 2.000 жителей, мы найдемъ, что въ послѣднихъ съ половины 40-хъ годовъ замѣчается почти регулярное уменьшеніе, тогда какъ весь приростъ населенія страны сосредоточился въ коммунахъ съ болѣе нежели 2.000 жителей. Для характеристики тенденцій развитія, проявившихся за послѣднія десятилѣтія во Франціи, достаточны слѣдующія данныя. Въ 1876 г. во Франціи числилось 2 670 коммунъ, съ населеніемъ, превышающимъ 2.000, въ 1891 году—2.761. Число этихъ коммунъ увеличилось, слѣдовательно, только на 31. Населеніе 2.670 коммунъ исчислялось, однако, въ 1876 г. въ 12 милл., населеніе 2.701 коммуны въ 1891 г. уже въ 14,3 милл. На всѣ остальныя коммуны Франціи съ населеніемъ меньше чѣмъ въ 2.000 приходилось, слѣдовательно, въ 1876 г. около 24,9 милл., въ 1891 только 24 милл. Если даже отсчитать 50.000 или 60.000 душъ, составлявшихъ до 1876 года населеніе 31 коммуны, причисляющихся теперь къ городскимъ округамъ **), то и тогда уменьшеніе деревенскаго населенія должно равняться, по меньшей мѣрѣ, 850.000. Касательно этого можно привести, однако, еще болѣе интересныя данныя. Сравнивая приростъ населенія въ отдѣльныхъ департаментахъ Франціи, мы замѣтимъ поразительный фактъ, что послѣ выдѣленія 5 департаментовъ: Nord, Pas-de-Calais, Seine, Rhône и Bouches du Rhone—вмѣстѣ эти 5 департаментовъ занимаютъ около 4 % всей поверхности Франціи—населеніе остальной Франціи (82 департамента) въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ значительно уменьшилось. Основной экономическій характеръ выдѣленныхъ нами 5 департаментовъ ясно характеризуется тѣмъ фактомъ, что въ 4 изъ нихъ населеніе коммунъ, имѣвшихъ болѣе 2.000 жителей, составляло уже въ 1891 году 65, 70, 83 и 99% всего населенія. Это департаменты, охватывающіе главнѣйшіе города Франціи: Paris, Marseille, Lyon, Lille и т. д.

Въ Англіи, Германіи и во Франціи замѣтно, слѣдовательно, абсолютное или, по крайней мѣрѣ, очень значительное относительное умень-

---

*) Сравн. «Ergebnisse der *Berufs-* und *Gewerbezählung* vom 14 juni 1895».

**) Какъ въ большинствѣ другихъ государствъ, такъ и во Франціи коммуны съ менѣе нежели 2.000 жителей считаются сельскими, остальныя—городскими.

шеніе сельскаго населенія; и все это наблюдается не смотря на то, что въ новѣйшее время многочисленныя фабрики, какъ-то: химическіе, кирпичные, сахарные и т. п. заводы часто строятся изъ-за дешевизны земли, рабочихъ рукъ и т. д. подальше отъ городовъ.

Чѣмъ объясняется это явленіе?

Главнѣйшія причины были мной подробно разсмотрѣны въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь достаточно будетъ указать на учащающееся употребленіе земледѣльческихъ машинъ. Улучшенія въ устройствѣ плуга и молотилки дѣлаютъ возможной все бо̀льшую экономію рабочихъ рукъ. Для подтвержденія этого достаточны слѣдующія цитаты. Уже въ 1859 г. Pagezy писалъ, что при замѣнѣ плуга, стоющаго 70 франковъ, улучшеннымъ цѣною въ 100 франковъ, земля приноситъ на цѣлую треть бо̀льшую жатву. Плуги стараго устройства, прибавляетъ онъ при этомъ, требуютъ *двойное* количество труда *). «Journal de l'Agriculture» за 1883 г. сообщаетъ данныя, на основаніи которыхъ новѣйшія американскія модели плуга съ тѣмъ же числомъ лошадей и людей исполняютъ *двойную* работу **). Точно также высказался въ началѣ 80-хъ годовъ профессоръ агрономической техники Grandvoinnet въ своемъ докладѣ объ успѣхахъ въ области земледѣльческаго машиностроенія. Только во внѣшнемъ видѣ улучшенный плугъ, писалъ онъ, даетъ возможность при помощи того же числа лошадей и рабочихъ рукъ совершать на половину бо̀льшую работу. Къ этому онъ прибавляетъ, что, употребляя улучшенный плугъ съ тремя или четырьмя лошадьми, рабочій въ состояніи выполнить *тройную* работу. Дальнѣйшая экономія можетъ быть достигнута посредствомъ придѣлки къ плугу сидѣнья: взрослый мужчина можетъ быть тогда легко замѣненъ женщиной или подросткомъ ***). Эти сообщенія показываютъ съ достаточной ясностью, насколько неосновательны такъ часто раздающіяся, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ, жалобы работодателей въ томъ отношеніи, что бѣгство изъ деревень является будто бы *не результатомъ увеличивающагося недостатка въ работѣ, а результатомъ нравственной порчи сельскихъ рабочихъ и ихъ растущей страсти къ наслажденіямъ*. Какъ стары эти жалобы, видно изъ того, что уже въ XVII столѣтіи знаменитый министръ Colbert высказался за необходимость принятія строгихъ мѣръ для устраненія бѣгства изъ деревень ****).

Мы видѣли уже, что характеръ земледѣльческой культуры Англіи, благодаря увеличивающейся агломераціи населенія съ одной стороны и измѣненію условій производства на всемірномъ рынкѣ—съ другой,

*) «La maine d'oeuvre et les machines en Agriculture». «J. de la Soc. de Stat. de Paris». 1883, стр. 427.

**) «Journal de l'Agriculture». 1883, стр. 121.

***) «Journal de la Soc. de. Stat. de Paris». 1883, стр. 428.

****) Сравни Legoyt, «Du progrés des agglomerations urbaines», стр. 8.

значительно измѣнился. Особаго вниманія заслуживаетъ при этомъ тотъ фактъ, что таможенныя пошлины на хлѣбные продукты были уничтожены въ Англіи уже съ середины 40-выхъ годовъ. Англійское земледѣліе подпало вслѣдствіе этого вполнѣ подъ вліяніе мірового рынка. Иное видимъ мы во Франціи. Вызванное конкурренціей Америки быстрое паденіе цѣнъ повело здѣсь къ установленію высокихъ пошлинъ на хлѣбъ. Въ виду этого дѣлается интереснымъ прослѣдить вліяніе, которое эти мѣры оказали на распространеніе во Франціи различныхъ хлѣбныхъ культуръ.

Сравнивая между собой пространства, находившіяся подъ разными культурами въ послѣднія два десятилѣтія, мы найдемъ, что между десятилѣтіемъ съ 1886 до 1895 г. и предъидущимъ произошли слѣдующія измѣненія: пространство подъ различными сортами пшеницы уменьшилось, приблизительно, на 200.000 гектаровъ, подъ рожью, приблизительно, на 215.000, подъ ячменемъ на 100.000, подъ маисомъ почти на 60.000 гектаровъ. Наоборотъ, пространство подъ овсомъ точно такъ же, какъ и въ Англіи, значительно увеличилось. За указанный промежутокъ времени это увеличеніе равнялось почти что 325.000 гектарамъ. Сравнивая эти данныя съ данными о ходѣ развитія Англіи, мы найдемъ, что высокія пошлины на зерновые продукты, пожалуй, замедлили переходъ къ наиболѣе доходной при теперешнихъ условіяхъ части земледѣльческаго производства; задержать этотъ переходъ вполнѣ онѣ однако не могли. Чтобы показать, что переходъ этотъ былъ вызванъ во Франціи такъ же, какъ и въ Англіи, главнымъ образомъ, увеличивающейся агломераціей населенія и улучшеніемъ способовъ транспорта, достаточно привести слѣдующія наблюденія. Извѣстный французскій статистикъ Alfred de Foville сообщаетъ въ своемъ сочиненіи: «La Transformation des Moyens de Transport», многочисленныя данныя о вліяніи, оказываемомъ быстрымъ ростомъ Парижа на характеръ сельскохозяйственнаго производства. При этомъ онъ констатируетъ еще тотъ интересный фактъ, что въ департаментахъ La Manche, Calvados, Orne и др,, въ которыхъ все болѣе и болѣе распространяются разведеніе скота и молочное хозяйство, результатомъ сопряженнаго съ этимъ распространенія постоянныхъ пастбищъ является значительный излишекъ рабочихъ силъ *). Въ этомъ же родѣ высказался Baudrillart, дѣлавшій по порученію академіи изслѣдованія о положеніи крестьянскаго населенія во Франціи. Итакъ, переходъ къ постояннымъ пастбищамъ, который, къ счастью, не былъ вполнѣ задержанъ неимовѣрно высокими пошлинами на хлѣбъ, имѣлъ послѣдствіемъ и во Франціи извѣстный излишекъ рабочихъ силъ.

Здѣсь необходимо упомянуть еще въ нѣсколькихъ словахъ о мѣрахъ, предложенныхъ для прекращенія бѣгства изъ деревень. Остав-

*) «La Transformation des Moyens de Transport», стр. 391.

ляя въ сторонѣ репрессивныя мѣры, какъ-то: запрещеніе переселенія и установленіе городами высокихъ налоговъ, взимаемыхъ съ иммигрантовъ, мы коснемся здѣсь, чтобы не останавливаться слишкомъ долго на этомъ пунктѣ, только предложеній, сдѣланныхъ знаменитымъ демографомъ Bertillon'омъ-отцомъ. Bertillon думаетъ, что сельская эмиграція не можетъ быть прекращена искусственными мѣрами. Прекращеніе ея можетъ, по его мнѣнію, быть достигнуто только тогда, когда жизнь въ деревнѣ будетъ сдѣлана болѣе привлекательной. Для достиженія этой цѣли онъ совѣтуетъ устраивать въ деревняхъ частыя народныя празднества, танцовальныя и иныя вечеринки и т. д. Какъ коррелатъ, упоминается имъ при этомъ еще уничтоженіе запрещенія разыскивать отца незаконнорожденныхъ *). Объ успѣхѣ, который могутъ имѣть эти скромныя предложенія Bertillon'а, можно судить по слѣдующимъ сообщеніямъ того же автора. Въ томъ же трудѣ Bertillon жалуется на то, что сельскіе работодатели основали союзъ съ цѣлью нанимать въ рабочіе только *вполнѣ безграмотныхъ*. Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы пожелали подробно изслѣдовать вліяніе различныхъ причинъ, вызывавшихъ и вызывающихъ еще въ настоящее время переселеніе изъ деревень въ города, какъ, напримѣръ, вытѣсненіе извознаго промысла желѣзными дорогами и рѣчнымъ судоходствомъ, вытѣсненіе сильно распространенныхъ въ деревняхъ кустарныхъ промысловъ фабричнымъ производствомъ и т. п. Разсмотримъ подробно только тѣ явленія, которыя являются особенно характерными для Франціи и которыя въ состояніи въ то же время выяснить намъ главныя причины остановки въ приростѣ населенія этой страны.

III.

Мы констатировали уже, что прогрессъ въ области перевозочныхъ средствъ, улучшеніе земледѣльческихъ машинъ, распространеніе постоянныхъ пастбищъ, и т. д. оставили безъ работы часть населенія, занятаго прежде въ земледѣліи. Если мы напомнимъ при этомъ, что во Франціи, какъ мы видѣли, очень мало большихъ городовъ, являющихся большею частью центрами крупной промышленности, то читатель, вѣроятно, легко и самъ догадается, гдѣ слѣдуетъ искать причины замедленія прироста населенія Франціи. Догадаться, въ чемъ дѣло становится еще легче, если упомянуть общеизвѣстный фактъ, что французы въ теченіе цѣлыхъ столѣтій выказывали очень слабую наклонность къ эмиграціи.

Мы оставимъ, однако, пока напрашивающіяся умозаключенія, такъ какъ намъ не хватаетъ еще нѣсколькихъ звеньевъ. Прежде всего необходимо рѣшить вопросъ, какіе классы населенія являются виновни-

*) «Mouvement de la population dans les divers Etats de l'Europe». стр. 196.

ками остановки прироста. Переходя къ этому вопросу, мы коснемся наиболѣе интересной части нашей темы.

Перелистывая труды французскихъ ученыхъ по этому вопросу, легко убѣдиться, что почти всѣ изслѣдователи утверждаютъ, что медленный приростъ населенія зависитъ не отъ физическаго вырожденія, а отъ того, что французы или вовсе не желаютъ имѣть дѣтей, или же только въ маломъ числѣ. Единогласіе исчезаетъ однако, какъ только мы коснемся взглядовъ на причины этого явленія. Смотря по принадлежности къ той или другой политической партіи, сообразно религіозной точкѣ зрѣнія, личнымъ симпатіямъ или антипатіямъ и т. п., выдвигаются на первый планъ то кокетство и страсть къ наслажденіямъ, свойственныя французскимъ женщинамъ, то якобы слишкомъ поздній возрастъ вступающихъ въ бракъ, то законы, запрещающіе розыски отца незаконнорожденныхъ, то своеобразное распредѣленіе поземельной собственности и т. п.

Я нисколько не намѣренъ оспаривать вліяніе большинства вышеназванныхъ моментовъ. Но не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти факторы выказываютъ свое вліяніе отчасти въ еще большей степени и въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Бельгіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи; несмотря на это, тамъ, однако, не замѣчается остановки въ приростѣ населенія. Во Франціи должны быть, слѣдовательно, другія, только ей свойственныя важныя причины, которыхъ въ другихъ странахъ или совсѣмъ не имѣется, или же, если и имѣется, то только въ очень слабой степени. Различные изслѣдователи дѣйствительно утверждаютъ, что такія спеціально Франціи свойственныя причины существуютъ. Въ видѣ примѣра достаточно упомянуть здѣсь вкратцѣ теорію довольно извѣстнаго во Франціи демографа и антрополога Arsène Dumont'a. Его теорія покажетъ намъ, къ какимъ невѣроятнымъ заключеніямъ приходили тамъ искатели этихъ причинъ. Dumont, трудъ котораго «Dépopulation et Civilisation» рекомендуется Tarde'омъ какъ одна изъ наиболѣе остроумныхъ и содержательныхъ книгъ, полагаетъ, что причиной остановки въ приростѣ населенія является только французамъ свойственная черта, что они представляютъ собой *фасонированную монархіей демократію* (democratie façonnée par la monarchie). «Вытекающее отсюда полное отсутствіе гармоніи въ различныхъ сферахъ нашей умственной дѣятельности,—говоритъ онъ,—и сопряженное съ этимъ исчезновеніе внутренняго мира есть характерная черта, свойственная *только* современной Франціи и притомъ черта, выступающая чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче» *). Этотъ примѣръ показываетъ съ достаточной ясностью, куда можно забраться, покинувъ почву дѣйствительности.

*) Вышеприведенному выводу Dumont предпосылаетъ слѣдующія разсужденія: «Какіе моменты,—спрашиваетъ онъ,—причинили остановку въ приростѣ населенія? Мы можемъ прежде всего констатировать, что эти причины должны имѣть общій характеръ, такъ какъ онѣ оказываютъ вліяніе на всю страну, за исключеніемъ 4-хъ

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть, какіе классы населенія прибѣгаютъ къ ограниченію числа дѣтей. Что высшіе классы довольно часто ограничиваютъ число дѣтей, было уже часто констатировано и въ другихъ странахъ. Эти классы составляютъ, однако, сравнительно очень ничтожную часть населенія, такъ что ихъ *непосредственное* вліяніе можетъ быть лишь очень незначительнымъ. По общераспространенному мнѣнію, главнымъ источникомъ прироста является сельское населеніе вообще и въ особенности *крестьянство*.

Это сельское населеніе, какъ мы видѣли, во Франціи однако особенно многочисленно. Въ 1891 году тамъ приходилось вездѣ на коммуны съ менѣе нежели 2,000 жителей почти 63% всего населенія. Основываясь на этихъ фактахъ, можно было бы предположить, что во Франціи, въ противоположность Германіи и Англіи, населеніе которыхъ, по мнѣнію аграріевъ, подвергается подъ вліяніемъ быстраго развитія промышленности все большей и большей нравственной и физической порчѣ—что во Франціи—этомъ Эльдорадо крестьянства, населеніе чрезвычайно быстро размножается.

Мы видѣли уже въ предъидущемъ, что во Франціи такого явленія *не* замѣчается. Невѣрность взгляда, будто бы крестьянство *само по себѣ* является источникомъ быстраго прироста населенія, выступаетъ еще яснѣе наружу, если припомнить часто констатированный фактъ, что во Франціи какъ разъ крестьяне особенно склонны къ ограниченію числа своихъ дѣтей. Для доказательства, достаточно сравнить число рожденій въ различныхъ частяхъ страны. Мы найдемъ тогда, что въ нѣкоторыхъ департаментахъ число рожденій оставалось съ начала нашего столѣтія почти неизмѣннымъ, въ другихъ же наоборотъ значительно колебалось. Такъ, напримѣръ, въ департаментѣ Nord приходилось на 1000 жителей *) между 1801—1810 гг. около 35 рожденій противъ почти 29 за пятилѣтіе отъ 1886 до 1890 г., въ департаментѣ *Pas-de-Calais* 32 противъ 30, въ департаментѣ *Finistere* 37 противъ 33. Въ департаментахъ же съ многочисленнымъ и притомъ состоятельнымъ крестьянскимъ

департаментовъ. Эти причины,—продолжаетъ онъ,—должны быть очень вліятельны и глубоки, потому что всѣ повинуются имъ безсознательно и никто еще не нашелся, чтобы сигнализировать ихъ. Наконецъ, вліяніе ихъ простирается только до границъ Франціи; дальше оно не идетъ—доказательство, что онѣ связаны съ обстоятельствами характерными для *чьей* націи и только для *нашей* націи. Это есть свойственная нашей цивилизаціи характерная черта, привившаяся намъ съ давнихъ временъ, такъ какъ только въ этомъ случаѣ она могла пропитать всю націю. Эти факторы должны были, наконецъ, развиться съ начала этого столѣтія, какъ и само зло, слѣдствіемъ котораго они являются». Объ употребляемомъ Dumont'омъ для объясненія этого явленія выраженіи «соціальная капиллярность» сравн. «Dépopulation et Civilisation», стр. VI. См. «Міръ Божій» 1898 г., апрѣль, от. II, корр. изъ Парижа.

*) Неимѣніе данныхъ дѣлаетъ невозможнымъ опредѣлить для начала столѣтія число рожденій на 1.000 женщинъ, находящихся въ годномъ для дѣторожденія возрастѣ.

населеніемъ число рожденій, наоборотъ, быстро понизилось. Такъ, напримѣръ, въ департаментѣ *Garonne* съ 33 на 18, въ департаментахъ *Gers* и *Lot-et-Garonne* съ 30 на 15 и т. д. Результаты изслѣдованій по этому вопросу могутъ быть выражены кратко слѣдующимъ образомъ

Число рожденій, сравнительно, мало измѣнилось въ департаментахъ земледѣльческое населеніе которыхъ сравнительно очень *бѣдно*, и затѣмъ въ департаментахъ, въ которыхъ *значительная часть населенія занята въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности*. Въ дальнѣйшемъ мы познакомимся подробнѣе съ своеобразностями этихъ индустрій. Раньше необходимо однако изслѣдовать вліяніе благосостоянія на число рожденій среди крестьянскаго и среди городского населенія. Почти всѣ статистики *) и всякіе иные изслѣдователи утверждаютъ, что существованіе такого вліянія можетъ быть доказано. Такъ, напримѣръ, Tous-saint Loua констатируетъ, что въ четырехъ департаментахъ Нормандіи, отличающихся особымъ благосостояніемъ крестьянъ, число рожденій чрезвычайно низко **).

Въ южной Франціи особенно сильное уменьшеніе рожденій замѣтно въ уже упомянутыхъ департаментахъ съ многочисленнымъ состоятельнымъ крестьянскимъ населеніемъ. Arsène Dumont, изслѣдовавшій много французскихъ коммунъ, подтверждаетъ наблюденія Dr. Dubert'a и другихъ, говоря, что число рожденій у богатыхъ и состоятельныхъ крестьянъ постоянно *уменьшается*, тогда какъ въ коммунахъ, населеніе которыхъ состоитъ главнымъ образомъ изъ бѣдныхъ крестьянъ и изъ сельскаго и промышленнаго пролетаріата, число рожденій *очень велико* ***). При этомъ необходимо упомянуть еще слѣдующее. Какъ въ Англіи и Германіи, такъ и во Франціи можно часто встрѣтить высказываемый какъ неопровержимая истина взглядъ, будто число рожденій среди сельскаго и въ особенности среди земледѣльческаго населенія гораздо больше, нежели среди городского и промышленнаго. Прежде всего необходимо констатировать, что относительное число рожденій въ различныхъ большихъ городахъ очень различно. Уже академикъ Hippolyte Passy указывалъ въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія на тотъ фактъ, что въ городахъ, населенныхъ крупной и мелкой буржуазіей, число рожденій было очень незначительно, тогда какъ въ городахъ съ многочисленнымъ рабочимъ населеніемъ относительное число рожденій было очень велико.

Въ городахъ Tours, Versailles, Angers и др. приходилось, напримѣръ, на бракъ въ среднемъ только отъ 2,5 до 2,6 рожденій, тогда какъ въ Saint-Etienne, городѣ, населенномъ преимущественно промышленнымъ пролетаріатомъ почти что 4,6, въ Nimes и Boulogne при-

*) Сравн. особенно Tallquist «Becherches statistiques sur la tendence à une moindre fécondité des mariages. Гельсингфорсъ 1886 г.

**) Сравн. «Journal de la Société de stat. de Paris.» 1886, стр. 91.

***) Сравн. «Depopulation et Civilisation», стр. 78, 81 и т. д.

близительно, 4,0 *). Кромѣ того, Passy констатировалъ, что въ городахъ съ сильно развитой фабричной промышленностью среднее число рожденій было *значительно выше* средняго числа рожденій во всей Франціи. Тѣ же наблюденія были сдѣланы и въ новѣйшее время шефомъ парижскаго статистическаго бюро относительно этого города. Продолжая изслѣдованія Passy, онъ констатируетъ, что въ богатыхъ округахъ Парижа на 1.000 женщинъ въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ приходится ежегодно отъ 34 до 53 рожденій, тогда какъ въ бѣдныхъ и очень бѣдныхъ частяхъ Парижа 95 до 108. Относительное число рожденій было, такимъ образомъ, въ послѣднихъ *вдвое* или *втрое* больше **). Мы достигли теперь главнаго пункта нашего изслѣдованія. Спрашивается, на чей счетъ увеличивается населеніе Франціи, если по большей части состоятельное французское крестьянство съ одной стороны и многочисленные, сравнительно преуспѣвающіе средніе классы—съ другой, все болѣе ограничиваютъ число своихъ дѣтей?

Кромѣ иммиграціи, приросту населенія способствуютъ во Франціи два класса: во-первыхъ, бѣдное *крестьянское* населеніе и сельскій пролетаріатъ. Особенно выдѣляются въ этомъ отношеніи 4 департамента старой провинціи Bretagne. Академики Chateauneuf и Villermé даютъ намъ въ своемъ докладѣ, поданномъ академіи въ началѣ 40-хъ годовъ этого столѣтія, интересныя описанія образа жизни *большинства* бретонскихъ крестьянъ. Оба писателя, объѣздивъ по порученію академіи Bretagne, разсказываютъ слѣдующее: «Какая масса несчастныхъ живетъ въ Бретани! Необходимо видѣть все собственными глазами, чтобы составить себѣ понятіе объ ихъ безпомощности! Для этого необходимо пробраться во внутрь прокопченной дымомъ хижины бѣднаго бретонскаго крестьянина, крыша которой едва поднимается надъ уровнемъ земли. Въ этой конурѣ, въ которую свѣтъ проникаетъ только черезъ дверь, живетъ онъ со всей своей полунагой семьей. Весь ихъ инвентарь состоитъ изъ сквернаго стола, скамьи, котла и нѣсколькихъ посудинъ изъ дерева или глины. Кроватью служитъ ящикъ съ пукомъ ничѣмъ не покрытой соломы. Въ противоположномъ углу жуетъ свою жвачку худая и тощая корова, молокомъ которой питается онъ и его семья. Онъ долженъ считать себя, впрочемъ, счастливцемъ, если у него есть такая корова» ***). По свидѣтельству тѣхъ же академиковъ, въ Бретани часто можно было встрѣтить семейства, принужденныя прокармливаться 250 франками въ годъ.

И вотъ эти-то бѣдные крестьяне, для которыхъ переходъ къ промышленности или вступленіе въ торговый флотъ—по единодушнымъ сообщеніямъ всѣхъ изслѣдователей—являются какъ бы *повышеніемъ* въ

*) Сравн. H. Passy, «De la division des héritages», стр. 291.

**) Сравн. «De la dépopulation de la France etc., Journal de la Soc. de stat. de Paris» 1895, стр. 418.

***) Сравн. «Rapport d'un voyage» etc., стр. 644.

рангѣ и значительнымъ улучшеніемъ ихъ матеріальнаго и соціальнаго положенія, эти-то крестьяне и являются первымъ изъ вышеупомянутыхъ двухъ главныхъ источниковъ прироста населенія во Франціи.

Вторымъ источникомъ служатъ департаменты *Nord* и *Pas-de-Calais*. Ихъ значеніе легко понять изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

Годы.	Естественный [1]) приростъ насел. Франціи.	Естеств. приростъ насел. въ департамент. Nord и Pas-de-Calais. абсолютн.	Естеств. приростъ насел. въ департамент. Nord и Pas-de-Calais. въ % всего естеств. прир. во Франціи.	Естеств. прир. насел. въ такъ назыв. город. коммун. въ департам. Nord и Pas-de-Calais абсолютн.	Естеств. прир. насел. въ такъ назыв. город. коммун. въ департам. Nord и Pas-de-Calais въ % ест. прир. н. Фр.
1861—1865	716.000	91.000	13%	44.000	6%
1882—1886 [2])	376.000	98.000	26%	65.000	17%
1886—1890 [3])	191.000	100.000	53%	68.000	36%
1891—1893 [4])	16.000	84.000	!!!	54.000	!!!

Въ началѣ 60-хъ годовъ излишекъ рожденій надъ смертными случаями равнялся, слѣдовательно, въ этихъ двухъ департаментахъ всего 13‰ естественнаго прироста населенія Франціи, въ промежуткѣ отъ 1882 до 1886 года отношеніе это повысилось до 26%, отъ 1886 до 1890 года даже до 53%. За послѣдніе четыре года можно впрочемъ, констатировать еще болѣе странное явленіе! Если выдѣлить эти два департамента или даже только ихъ городскія общины, то число смертныхъ случаевъ во всей остальной Франціи *превысило бы* на нѣсколько десятковъ тысячъ число рожденій!! Намъ остается теперь остановиться нѣсколько подробнѣе на экономическихъ особенностяхъ департаментовъ Nord и Pas-de-Calais, спасающихъ Францію отъ быстраго уменьшенія населенія. Для этого достаточно привести слѣдующія вычисленія:

На эти 2 департамента, занимающихъ только 2,3% всей поверхности Франціи, приходилось въ 1894 году почти *28*% [5]) всѣхъ веретенъ, работавшихъ въ хлопчатобумажныхъ прядильняхъ и почти *68*% веретенъ, занятыхъ въ шерстопрядильняхъ Франціи. Въ нихъ добывалось затѣмъ почти *15*% всего чугуна, около *24*% сфабрикованной во Франціи стали и почти *58*% всего угля. Наконецъ, на эти два департамента приходилось больше 20% всѣхъ паровыхъ машинъ, занятыхъ во французской промышленности. Если, значитъ, населеніе Франціи не уменьшается, то это слѣдуетъ приписать только большому числу рожденій въ центрахъ угольнаго производства и въ центрахъ крупной промышленности Франціи.

---

[1]) Излишекъ рожденій надъ смертными случаями.

[2]) Годы 1882—1885 и первые 5 мѣсяцевъ 1886 г. сравн. «Résultat stat. du Dénombrement de 1886», стр. 77.

[3]) 4 полныхъ года 1887—1890, 7 мѣсяцевъ 1886 г. и 3½ мѣсяца 1891 г.

[4]) 4 полныхъ года. Въ 1891 г. былъ констатированъ излишекъ смертныхъ случаевъ надъ рожденіями въ 10.000, въ 1892 году въ 20.000, въ 1890 году почти въ 38.000.

[5]) Небольшая часть приходилась на Pas-de-Calais, остальное на Nord.

На это заключеніе намъ могутъ, пожалуй, возразить, что причиной значительнаго числа рожденій въ департаментахъ Nord и Pas-de-Calais является не столько фабрично-заводское населеніе, сколько большое число живущихъ тамъ иностранцевъ. Это возраженіе было сдѣлано извѣстнымъ нѣмецкимъ статистикомъ, проф. Georg'омъ v. Мауг'омъ.

Но изъ данныхъ о рождаемости видно, что число рожденій въ департаментахъ съ небольшимъ числомъ иностранцевъ, но съ сильно развитой крупной промышленностью было въ большинствѣ случаевъ значительно выше средняго числа рожденій въ остальной Франціи. При дальнѣйшемъ сравненіи мы найдемъ, что число рожденій на 1.000 женщинъ въ возрастѣ отъ 15 до 45 лѣтъ, въ департаментахъ съ многочисленнымъ состоятельнымъ крестьянскимъ населеніемъ было почти вдвое меньше, чѣмъ, напримѣръ, въ промышленномъ, но имѣющемъ мало иностранцевъ департаментѣ Seine-Inférieure.

Въ заключеніе упомянемъ еще слѣдующую характерную черту: въ 14 департаментахъ, съ крупной промышленностью потреблялось, приблизительно, 57% всего консумированнаго во Франціи угля. Добыча же равнялась 84% всего добытаго во Франціи угля. Остальные 73 департамента, занимающіе почти 83% поверхности Франціи, коммунировали слѣдовательно, только 43% всего консума, доставляли же всего 16% всей добычи.

Посмотримъ теперь, какъ относятся французскіе ученые и политики къ тому факту, что источниками прироста населенія являются, во-первыхъ, бѣднѣйшіе слои крестьянства и, во-вторыхъ, сельскій и промышленный пролетаріатъ?

До 60-хъ годовъ французскіе ученые и политики въ большинствѣ случаевъ осуждали эти классы за большое число рожденій. Съ конца 60-хъ годовъ и, въ особенности, послѣ франко-прусской войны во Франціи стали, однако, высказываться осторожнѣе. Антипатія эта однако не исчезла! Французскіе писатели, предлагающіе различныя мѣры для увеличенія числа рожденій, имѣютъ и теперь въ виду главнымъ образомъ не сельскій и городской пролетаріатъ; число рожденій среди этой части населенія, по ихъ мнѣнію, нерѣдко даже слишкомъ велико. Цѣль, къ которой они стремятся, это, наоборотъ, увеличеніе числа рожденій среди состоятельной части крестьянъ и среди средняго сословія. Каковы же мѣры, рекомендуемыя ими для этого?

Перелистывая сочиненія, трактующія объ этомъ вопросѣ, мы найдемъ цѣлую уйму всевозможныхъ проектовъ. Нѣкоторые изъ проектовъ рекомендуютъ уничтоженіе формальностей при бракосочетаніи, другіе— учрежденіе прямыхъ и косвенныхъ премій за дѣторожденіе *), третьи—

*) Въ 1885 и 1889 годахъ во Франціи были изданы законы, освобождающіе отъ извѣстныхъ налоговъ семьи, имѣющія 7 и болѣе дѣтей. По закону 1889 г., родители 7 дѣтей должны были быть освобождены отъ платежа «contribution personnelle et mobilière». Законъ 1885 г., являющійся возобновленіемъ закона, издан-

облегченіе податныхъ тягостей, падающихъ на крестьянъ и на среднее сословіе. Устрашаемые мыслью, что Франція можетъ потерять свое положеніе великой державы, нѣкоторые дошли даже до предложенія конфискаціи имуществъ. Какъ средство для достиженія этой цѣли предлагался особый видъ налоговъ съ наслѣдствъ лицъ, умершихъ бездѣтными или же оставившихъ лишь небольшое число дѣтей. Изъ другихъ часто рекомендуемыхъ мѣръ слѣдуетъ еще упомянуть: привлеченіе иностранцевъ, имѣющихъ, какъ извѣстно, въ среднемъ гораздо большее число дѣтей, нежели французы, устраненіе законовъ, запрещающихъ розыски отца незаконнорожденныхъ, уничтоженіе равномѣрнаго дѣленія наслѣдствъ и т. д. Чтобы показать, до какого сумасбродства доходили многіе изобрѣтатели подобныхъ средствъ, достаточно упомянуть слѣдующее предложеніе извѣстнаго врача *Lombard'a*. Въ своемъ рефератѣ, читанномъ на конгрессѣ врачей въ Lyon'ѣ, Lombard возстаетъ противъ вкоренившагося въ состоятельныхъ семьяхъ обычая, слѣдуя которому супруги спятъ въ отдѣльныхъ кроватяхъ *). Гоняясь за призракомъ, онъ, стало быть, забываетъ, что, съ точки зрѣнія гигіены обычай спать отдѣльно является очень большимъ шагомъ впередъ!

Итакъ, мы разсмотрѣли большинство мѣръ, особенно часто предлагаемыхъ какъ средства для увеличенія числа рожденій. Остается указать еще на въ высшей степени важныя мѣры, которыя или вовсе не предлагались, или же если и предлагались, то только очень робко и притомъ, менѣе всего, какъ средства для увеличенія числа рожденій среди крестьянъ и среди средняго сословія.

Сперва необходимо однако прибавить еще нѣсколько словъ о положеніи фабричныхъ рабочихъ во Франціи въ серединѣ нынѣшняго столѣтія. Отличную характеристику даетъ въ своемъ докладѣ цитированный уже нами академикъ Villermé. Рабочій день очень продолжителенъ, докладывалъ онъ французской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Онъ длится для всѣхъ рабочихъ въ бумажныхъ и шерстяныхъ мануфактурахъ отъ 15 до 15½ часовъ, безъ перерывовъ для отдыха въ среднемъ *13* часовъ. Предпринятая въ 1834 г. энкета показала, что въ Roubaix рабочій день продолжался обыкновенно, включая перерывы для отдыха, 14½ часовъ. Дѣти, въ томъ числѣ *6-ти* и *8-ми*-лѣтнія, работали столько же часовъ, какъ и взрослые. Въ городѣ Saint-Quintin всѣ рабочіе, безъ различія пола и возраста, работали по 13 часовъ въ день. То же самое можно было встрѣтить въ Elbeuf'ѣ, Abbeville'ѣ и въ Louviers'ѣ. Въ Sedan'ѣ рабочій день длился *15* час. Въ отчетахъ «Société Industrielle de Mulhause» въ Эльзасѣ за 1837 г. находится слѣдующее мѣсто: «Во Франціи есть прядильныя

наго въ XIII году, имѣлъ цѣлью поощреніе дѣторожденія посредствомъ прив и легіи, заключающейся въ томъ, что родителямъ 7 дѣтей позволялось воспитывать одного изъ ихъ сыновей на казенный счетъ.

*) «De la dépopulation en France», Lyon. 1873.

фабрики, въ которыхъ рабочій день охватываетъ 17 часовъ. На завтракъ полагается при этомъ $^1/_2$ часа и на обѣдъ 1 часъ, такъ что дѣйствительное рабочее время равняется $15^1/_2$ часамъ» *).

Чтобы показать своимъ коллегамъ еще яснѣе, что такой рабочій день для дѣтей чрезмѣрно длиненъ, Villermé прибѣгаетъ къ слѣдующему сравненію: онъ указываетъ на то, что даже каторжники на галерахъ работаютъ значительно меньше, такъ какъ по регламенту ихъ работа ограничивается *10-ью* часами въ день. Свободные же рабочіе и между ними 6-ти и 8-ми-лѣтнія дѣти должны были работать ежедневно отъ 13 до $15^1/_2$ часовъ.

Таковымъ было положеніе французскихъ рабочихъ, впрочемъ, не только въ 30-хъ, но также и въ 40-хъ, отчасти даже въ 50-хъ годахъ нашего столѣтія. Положеніе же французскихъ крестьянъ, наоборотъ, за это время чрезвычайно улучшилось, благодаря совершенной во время революціи конфискаціи земель, принадлежавшихъ церкви и эмигрантамъ, съ одной стороны, и значительному облегченію податныхъ тягостей—съ другой.

Стоитъ только противопоставить эти два факта и одна изъ главныхъ причинъ остановки въ приростѣ населенія выступаетъ ясно наружу. Земледѣліе въ состояніи прокормить, какъ мы видѣли, только очень ограниченное число душъ. Положеніе же фабричныхъ рабочихъ было, въ особенности, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія до того жалкимъ и бѣдственнымъ, что по большей части состоятельное французское крестьянство должно было считать стыдомъ и униженіемъ для себя, если ихъ сыновья и дочери становились фабричными рабочими. Этимъ же объясняется подчеркиваемая почти всѣми изслѣдователями характерная черта состоятельныхъ французскихъ крестьянъ и средняго сословія, проявляющаяся въ желаніи помѣстить своихъ сыновей на государственную или коммунальную службу.

Для полнѣйшаго выясненія связи между этими явленіями необходимо упомянуть еще слѣдующій чрезвычайно важный фактъ. Дѣло въ томъ, что число рожденій уменьшалось особенно быстро какъ разъ съ начала нынѣшняго столѣтія до конца 50-хъ годовъ то-есть, въ эпоху, когда положеніе большей части французскихъ рабочихъ становилось вслѣдствіе переворотовъ въ техникѣ и многихъ другихъ причинъ все болѣе шаткимъ и ненадежнымъ, тогда какъ положеніе крестьянства постоянно и притомъ значительно улучшалось.

Наконецъ, необходимо еще вспомнить, что къ ограниченію числа дѣтей прибѣгаютъ только состоятельное крестьянство и болѣе или менѣе состоятельное городское населеніе. Бѣдные крестьяне, для которыхъ переходъ къ индустріальнымъ занятіямъ является въ экономи-

*) «Сравн. Rapport à l'Academie des Sciences Morales et Politiques sur l'état physique et moral des ouvriers», стр. 387.

ческомъ и соціальномъ отношеніи повышеніемъ ихъ Standard'a of life, почти никогда не прибѣгаютъ къ этому средству.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что для увеличенія чрезвычайно малаго числа рожденій среди многочисленнаго богатаго крестьянства и средняго сословія во Франціи имѣется только одинъ исходъ. Этимъ исходомъ является поощреніе развитія крупной промышленности съ одной стороны *) и основательное проведеніе крупныхъ соціальныхъ реформъ, особенно въ область рабочаго законодательства—съ другой. Реформы эти должны, понятно, быть направлены къ уничтоженію громадной разницы, которая существуетъ нынче между столь благопріятнымъ въ экономическомъ и соціальномъ отношеніи положеніемъ французскихъ крестьянъ съ одной и въ сравненіи съ этимъ въ высшей степени жалкимъ положеніемъ промышленныхъ рабочихъ съ другой стороны. Этими реформами было бы также уничтожено отчасти и зло, подъ вліяніемъ котораго въ настоящее время ни одна изъ культурныхъ націй не страдаетъ въ такой степени, какъ Франція. Я подразумѣваю неслыханную смертность въ городахъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ за 1893 г. *):

	Число рожденій.	Число смертн. случаевъ
Парижъ **)	58.939	52.955
11 городовъ, имѣющ. отъ 100.000 до 432.000 жит.	53.480	56.000
46 » » » 30.000 » 100.000 » .	55.556	60.553
50 » » » 20.000 » 30.000 » .	27.431	29.843
127 » » » 10.000 » 20.000 » .	42.019	45.464
Города, имѣющіе болѣе 5.000 жителей ***). . . .	300.031	307.559

Вышеприведенныя мѣры должны, на мой взглядъ, принудить сельское населеніе и состоятельные городскіе классы—а эти два слоя составляютъ во Франціи громадное большинство населенія—къ увеличенію числа дѣтей. Развитіе промышленности и связанное съ нимъ быстрое увеличеніе спроса на инженеровъ, техниковъ, на учрежденія, занимающіяся транспортомъ кладей и людей и т. д., дало бы состоятельнымъ крестьянамъ и среднему сословію новые рынки для сбыта своихъ дѣтей.

*) Принимая во вниманіе, что во Франціи отъ 1/4 до 1/3 угля, потребляемаго въ странѣ, ввозится изъ за-границы, поневолѣ должно казаться очень страннымъ, что тамъ существуетъ таможенная пошлина въ размѣрѣ 1 ф. 20 сант. съ 1.000 килограммовъ каменнаго угля. Въ главныхъ центрахъ французскаго горнаго промысла, въ департаментахъ Nord и Pas-de-Calais, эта пошлина составляла въ 1894 году отъ 12 до 13% стоимости угля на мѣстѣ добычи.

*) Сравни «Annuaire statistique de la France». 1896, стр. 13.

**) Большое число рожденныхъ въ Парижѣ дѣтей отдается кормилицамъ, живущимъ въ провинціи. Часть смертныхъ случаевъ среди дѣтей въ провинціи должна, слѣдовательно, быть перенесена насчетъ Парижа.

***) Въ томъ числѣ нѣсколько уѣздныхъ городковъ, съ населеніемъ меньше этой цифры.

Слѣдующій по пятамъ за быстрымъ развитіемъ промышленности, сильный спросъ на фабричныхъ рабочихъ, особенно, если при этомъ будутъ проведены широкія соціальныя реформы, не могъ бы никоимъ образомъ повлечь за собой ограниченіе числа дѣтей среди бѣдной части крестьянскаго населенія! Вѣдь этотъ классъ считаетъ уже теперь переходъ къ индустріи значительнымъ повышеніемъ въ соціальномъ и экономическомъ отношеніи.

Наконецъ, основательно проведенныя широкія соціальныя реформы, въ особенности сокращеніе рабочаго дня, ограниченіе труда женщинъ и дѣтей и т. д., поведутъ къ уменьшенію ужасающей смертности среди промышленнаго пролетаріата Франціи. Этимъ само собой будетъ созданъ косвенно излишекъ числа рожденій надъ смертными случаями и, слѣдовательно, болѣе быстрый приростъ населенія.

На основаніи этихъ фактовъ можетъ показаться страннымъ, что въ трехтомномъ трудѣ извѣстнаго французскаго статистика Levasseur'a «La population française» не имѣется даже нѣсколькихъ строкъ, трактующихъ о необходимости коренныхъ реформъ въ области рабочаго законодательства *). Недоумѣніе можетъ только увеличиться, если мы вспомнимъ, какъ мало сдѣлано въ этой области во Франціи до сихъ поръ.

Здѣсь именно выступаетъ ясно наружу одно изъ наиболѣе интересныхъ явленій! Обыкновенно утверждаютъ—подобныя мнѣнія можно часто встрѣтить въ англійской, нѣмецкой, французской и русской экономической литературѣ,—что существованіе и процвѣтаніе государства основано на существованіи и преуспѣваніи многочисленнаго крестьянства и сильныхъ въ численномъ отношеніи среднихъ классовъ.

Но вѣдь Франція и является такимъ государствомъ, такъ какъ при существующей тамъ всеобщей подачѣ голосовъ многочисленное состоятельное крестьянство и средніе классы дѣйствительно правятъ страной. Въ виду этого дѣлается интереснымъ прослѣдить, каковы были результаты этого господства для Франціи за послѣднія десятилѣтія?

Въ настоящее время окончательно установленъ фактъ, что Наполеонъ III сдѣлался президентомъ республики и узурпировалъ императорскій тронъ, опираясь на крестьянство и на среднее сословіе. Результатами его господства были: Седанъ и потеря Эльзасъ-Лотарингіи.

Изъ боязни возбудить недовольство той же мелкой буржуазіи и того же состоятельнаго крестьянства, французскія правительства въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій платили бо́льшіе проценты по государ-

*) То же самое можно констатировать относительно Arthur'a Chervin'a и почти всѣхъ остальныхъ французскихъ изслѣдователей. Chervin подчеркиваетъ въ своей «Histoire Statistique», стр. 63, важность гигіеническихъ мѣръ, какъ средства для уменьшенія смертности, не говоритъ, однако, ни слова о необходимости *коренныхъ* реформъ въ области рабочаго законодательства.

ственнымъ и коммунальнымъ долгамъ, нежели это требовалось положеніемъ денежнаго рынка. Результаты: неслыханное отягощеніе бюджета и безсмысленное финансовое хозяйство, выразившееся въ томъ, что въ теченіе 15 лѣтъ—отъ 1876 до 1891 г.—было сдѣлано на 7 милліардовъ франковъ новыхъ долговъ. Франція можетъ, кстати сказать, въ настоящее время похвалиться тѣмъ, что ей принадлежитъ сомнительная честь имѣть наибольшій государственный долгъ.

Тѣ же сословія: мелкая буржуазія и крестьянство всегда задерживали, да и теперь еще задерживаютъ введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога, коренную реформу налога съ наслѣдствъ и многія другія финансовыя мѣры, способныя привести въ порядокъ финансовое хозяйство Франціи. Та же мелкая буржуазія и то же крестьянство были затѣмъ всегда главной опорой реакціи, направленной противъ реформъ въ области рабочаго законодательства.

Наконецъ, мы видѣли, что именно многочисленная мелкая буржуазія и состоятельное крестьянство являются тѣми классами, которые охотно ограничиваютъ число дѣтей и, такимъ образомъ способствуютъ тому, что Франція быстро теряетъ значеніе первоклассной политической и экономической державы.

Разсмотрѣніе вопроса: можетъ ли въ наше время большое государство преуспѣвать, находясь подъ управленіемъ среднихъ классовъ, переходитъ за предѣлы изслѣдуемыхъ здѣсь вопросовъ. Я ограничусь поэтому только разсмотрѣніемъ 2-хъ важныхъ фактовъ. Прежде всего необходимо разрѣшить вопросъ, кто, собственно говоря, несетъ на своихъ плечахъ во Франціи главную тяготу податей и налоговъ? Извѣстный французскій политикъ и финансистъ Coste, очень симпатизирующій земледѣльческимъ классамъ, сдѣлалъ на этотъ счетъ слѣдующія вычисленія *). Въ 17 почти цѣликомъ земледѣльческихъ департаментахъ Франціи, въ которыхъ свыше двухъ третей населенія занимались земледѣліемъ, на душу приходилось ежегодно, приблизительно, 34 франка государственныхъ налоговъ. Сумма эта повышалась постепенно, сообразно съ приростомъ промышленнаго населенія и достигла въ 8 департаментахъ, въ которыхъ свыше $^2/_3$ населенія было занято въ индустріи, цифры въ 97 франковъ на душу, т. е. почти тройного размѣра. Въ Парижѣ приходилось на душу въ *восемь* разъ большая сумма налоговъ, нежели въ вышеупомянутыхъ 17 департаментахъ. Все земледѣльческое населеніе Франціи платило по дальнѣйшимъ вычисленіямъ Coste'а въ видѣ государственныхъ налоговъ около 910 мил. франковъ, промышленное же и городское почти 2.650 мил. франковъ, т. е. въ *три* раза больше **).

Эти данныя вполнѣ достаточны для разрѣшенія вопроса, какіе слои

*) Coste, «Etude statistique etc. Paris» 1891, стр. 7.

**) Сравн. Journal de la Soc. de Stat. de Paris» 1889, стр. 52.

населенія несутъ на своихъ плечахъ всю тяжесть основанной на косвенныхъ налогахъ податной системы Франціи.

Второй важный фактъ, на который я желаю обратить вниманіе читателя, это—глубокія потрясенія, къ которымъ должно повести современное финансовое хозяйство Франціи. Извѣстный французскій статистикъ и финансистъ, Alfred de Foville, политическіе взгляды котораго въ высшей степени умѣренны, отлично характеризовалъ на этотъ счетъ положеніе своей родины. «Сравнивая Францію съ Англіей—говоритъ Foville,—мы видимъ, что въ Англіи министерства съ согласія всей страны и даже при поддержкѣ враждебныхъ политическихъ партій работаютъ надъ улучшеніемъ національнаго механизма. Тамъ стараются децентрализировать управленіе, понизить податныя тяжести, уменьшить капиталъ государственныхъ долговъ и платимые за нихъ проценты. Иное видимъ мы у насъ!.. Тяжесть налоговъ гнететъ насъ, никто, между тѣмъ, не старается объ ихъ уменьшеніи. Наоборотъ, ихъ даже еще больше увеличиваютъ! Впрочемъ, не только нашъ бюджетъ превосходитъ по своей тяжести бюджеты всѣхъ другихъ странъ, то же самое наблюдается относительно нашихъ государственныхъ долговъ. Они достигли уже 30 милліардовъ! Не смотря на это, ихъ увеличиваютъ ежегодно на новыхъ полъ-милліарда» *).

Таково въ настоящее время положеніе Франціи по сообщеніямъ французскихъ ученыхъ. Положеніе, виновниками котораго являются, какъ мы видѣли, столь многочисленная во Франціи мелкая буржуазія и состоятельное крестьянство. Разрѣшеніе вопроса о причинахъ замедленія въ приростѣ населенія можетъ быть, слѣдовательно, выражено для Франціи слѣдующимъ образомъ:

Причиной остановки прироста является противорѣчіе между стремящимися къ прогрессу способами производства и направленной на сохраненіе устарѣвшихъ формъ экономической и соціальной политикой Франціи.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о теоріи Мальтуса. Вышеприведенные факты показываютъ съ достаточной ясностью, что его ученіе опровергается дѣйствительностью; національное богатство увеличивалось какъ въ Англіи, такъ и во Франціи гораздо быстрѣе населенія. Богатство Франціи исчислялось, напримѣръ, въ 1821 г. въ 55 милліардовъ, въ настоящее время, приблизительно, въ 225 до 250 милліардовъ франковъ. Національное богатство увеличилось, слѣдовательно, *вчетверо*, въ то время, какъ населеніе только на одну четверть.

Несмотря на это, безпартійному историческому критику приходится признать правильность очень многихъ наблюденій Мальтуса. Для объясненія этого кажущагося противорѣчія стоитъ только заглянуть въ исто-

*) Сравн. «Journal de la Soc. de stat. de Paris» 1888, стр. 249.

рію его времени. Когда Мальтусъ выпустилъ въ свѣтъ первое и въ особенности второе изданіе своего труда, Англія переживала сильный кризисъ.

Война съ возставшими сѣверо-американскими колоніями и съ революціонной Франціей съ одной стороны, быстрое распространеніе прядильной машины, механическаго ткацкаго станка и т. п.—съ другой, имѣли слѣдствіемъ глубокій финансовый и экономическій переворотъ, оставившій безъ куска хлѣба сотни тысячъ рабочихъ. Къ бремени неимовѣрно быстро увеличивавшихся государственныхъ долговъ присоединилось теперь еще новое бремя—страшно быстрый ростъ налоговъ въ пользу бѣдныхъ. Это былъ, слѣдовательно, для Англіи приблизительно тотъ же періодъ развитія, который позже сказался голодными бунтами въ Ліонѣ во Франціи, и возстаніями голодающихъ силезскихъ ткачей въ Германіи.

Ошибка, сдѣланная Мальтусомъ, состоитъ, значитъ, въ томъ, что онъ возвелъ свои наблюденія, болѣе или менѣе вѣрныя для извѣстнаго періода экономическаго развитія, на степень общаго закона.

Прив.-доцентъ І. Гольдштейнъ.

Цюрихъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ЕРЕСЕЙ НА ЗАПАДѢ.

К. Каутскаго.

Переводъ съ нѣмецкаго.

I.

Нидерланды, или, выражаясь точнѣе, Фландрія и Брабантъ были первыми странами къ сѣверу отъ Альпъ, гдѣ впервые въ среднихъ вѣкахъ развилось производство товаровъ и торговли ими. Тамъ перекрещивались самые разнообразные торговые пути. Въ фландрскія гавани стекались съ юга французы, особенно итальянцы, съ продуктами своей собственной страны, а также и съ продуктами востока. Эти купцы ѣхали обыкновенно внизъ по Рейну черезъ Кёльнъ, но позднѣе стали предпочитать морской путь. За французами и итальянцами скоро послѣдовали купцы Испаніи и Португаліи. Съ запада наѣзжали англичане, съ сѣвера купцы сильнѣйшихъ ганзейскихъ городовъ, которые вели торговлю между востокомъ и западомъ сѣверной Европы, отъ Новгорода до Лондона и которые сдѣлали своимъ складочнымъ мѣстомъ фландрскія гавани и прежде всего городъ Брюгге (Brügge, который въ среднихъ вѣкахъ лежалъ еще у моря). Рука объ руку съ этимъ шло развитіе промышленности. Нидерландскія пастбища и дюны способствовали развитію овцеводства, а съ нимъ и шерстяной промышленности. Возрастаніе торговли побуждало расширять производство за предѣлы потребностей мѣстнаго рынка, а это обстоятельство вызывало здѣсь сильный спросъ на чужіе сырые продукты, главнымъ образомъ на англійскую шерсть, считавшуюся тогда наилучшей. Совпаденіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ было причиной того, что во Фландріи уже съ давнихъ поръ развился значительный экспортъ суконъ, означавшій ни что иное, какъ-то, что уже съ давнихъ поръ ткачи Фландріи были въ зависимости отъ капитала, и ихъ промышленность стала капиталистической.

Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что къ сѣверу отъ Альпъ, впервые въ Нидерландахъ образовалась значительная секта—секта беггардовъ.

О происхожденіи ея такъ же мало извѣстно, какъ не ясно и значеніе ея названія *).

Въ серединѣ XI-го столѣтія въ Нидерландахъ существовали общества благочестивыхъ женщинъ, носившихъ имя Бегуинъ или Бегутъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ничего обстоятельнаго объ ихъ основныхъ взглядахъ. Общества Бегуинъ отчасти были вызваны къ жизни крестовыми походами, которые значительно уменьшили мужское населеніе и породили тѣмъ самымъ сильный избытокъ женщинъ. Для многихъ вступленіе въ бракъ сдѣлалось невозможнымъ, образовался мучительный «женскій вопросъ», общины Бегуинъ старались облегчить его, давая убѣжище не вступившимъ въ бракъ женщинамъ. Эти организаціи имѣли то преимущество передъ монастырями, что онѣ были свободными союзами, изъ которыхъ можно было выходить во всякое время.

На подобіе этого общества женщинъ были организованы и общества мужчинъ, образовавшіяся въ Нидерландахъ въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка — это были братства неженатыхъ ремесленниковъ, большею частью ткачей, которые собирались въ особыхъ домахъ, вели коммунистическое хозяйство, жили своимъ трудомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ занимались богоугодными дѣлами, преимущественно призрѣніемъ бѣдныхъ и больныхъ. Членамъ предписывалось, какъ и во всѣхъ тогдашнихъ обществахъ, безбрачіе.

Вѣрный взглядъ на сущность беггарденства даетъ намъ очеркъ, написанный извѣстнымъ Дамгудеромъ въ XIII вѣкѣ о началѣ этой секты. «Тридцать лѣтъ тому назадъ, — разказываетъ онъ, — было, здѣсь тринадцать неженатыхъ ткачей-мірянъ, ревностно стремившихся къ братской и благочестивой жизни. Они нанимали у игумена Экутена земельный участокъ съ большой удобной усадьбой вблизи городской стѣны, платя 6 фунтовъ грошеновъ (libris grossorum) и извѣстное количество воску и перцу въ качествѣ процентовъ. Они скоро начали заниматься ткачествомъ и жить общимъ хозяйствомъ, расходы на которое покрывали изъ доходовъ совмѣстной работы (ex communibus laboribus simul convivere coeperunt); они не подчинялись никакимъ регламентамъ и совершенно не были связаны обѣтами (если не считать того внѣшняго признака, что всѣ они носили коричневую одежду), а на началахъ христіанской свободы и братства образовывали благочестивое общество. Они носили имя «братьевъ ткачей». Въ 1450 г. беггарды г. Брюгге отказались отъ ткачества и примкнули къ францисканцамъ, чтобы защитить себя отъ преслѣдованій.

Беггарды устраивали въ другихъ мѣстахъ, какъ и въ Брюгге, свои

*) Самымъ правдоподобнымъ кажется намъ предположеніе Мосгейма, производящаго это слово отъ старо-саксонскаго beg, просить милостыню; такимъ образомъ беггарды были нищими (Мосгеймъ, «Исторія ересей», стр. 378). Ихъ называли также лоллардами отъ слова lallen, пѣть, бормотать. Оба имени ничто иное, какъ клички, данныя имъ народомъ. Сами себя беггарды называли просто «братьями».

общины. Внутри каждой изъ нихъ господствовала общая собственность, насколько этого требовало благосостояніе общества, но, кромѣ того, каждый членъ долженъ былъ обладать извѣстной частной собственностью, которую онъ либо наслѣдовалъ, либо заработывалъ, либо получалъ въ подарокъ. При жизни онъ располагалъ ею свободно, по смерти же она переходила во владѣніе общества,

Такой внутренній распорядокъ коммунистическаго общества въ экономическомъ отношеніи доставлялъ ему громадное превосходство передъ отдѣльными ремесленниками, да и большое хозяйство было экономнѣе раздробленныхъ мелкихъ хозяйствъ отдѣльныхъ ремесленниковъ. Къ тому же надо прибавить безбрачіе и отсутствіе у беггардовъ семьи. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что эти рабочіе союзы являлись сильными конкуррентами для цеховыхъ ткачей и не пользовались ихъ любовью. Мосгеймъ сообщаетъ, что въ Гентѣ и другихъ городахъ городскія власти были вынуждены сдерживать притѣсненія беггардовъ со стороны цеховыхъ ткачей и возстановлять въ общинѣ миръ между ними и цехомъ посредствомъ полюбовныхъ соглашеній. Зато въ массѣ неимущихъ беггарды пользовались большой любовью, такъ какъ избытокъ средствъ, который давала имъ работа, служилъ у нихъ для поддержки бѣдныхъ и больныхъ. Даже Бонифацій IX, въ одной своей буллѣ, восхвалялъ ихъ за то, что они «принимаютъ въ свои госпитали бѣдныхъ и несчастныхъ и по возможности занимаются другими благочестивыми дѣлами».

На такихъ же коммунистическихъ началахъ было основано товарищество, подъ именемъ «братья общинники», которые появились тоже въ Нидерландахъ только въ концѣ XIV столѣтія. Основателемъ считался Гергардъ Гротъ изъ Девентера. Учрежденіе этихъ товариществъ исходило не отъ ремесленниковъ, а отъ членовъ высшихъ классовъ, стремившихся помогать нуждающемуся народу. По характеру они совершенно походили на общества беггардовъ. Если беггарды преимущественно были ткачи, то «братья общинники» зарабатывали себѣ пропитаніе перепиской книгъ, и въ то время, какъ первые расходовали свой избытокъ на матеріальныя нужды бѣдныхъ, послѣдніе на первое мѣсто ставили удовлетвореніе духовной нужды и обращали главное вниманіе на образованіе народа. Они достигали этого частью раздачей книгъ, въ которыхъ до изобрѣтенія книгопечатанія чувствовался недостатокъ, но преимущественнымъ средствомъ для ихъ цѣлей было учрежденіе школъ. На этой почвѣ имъ удалось сдѣлать многое. Порой, одно такое братство дѣйствовало на все населеніе города въ смыслѣ возвышенія его культурнаго состоянія. Въ Амерсдорфѣ, напр., въ XVI столѣтіи знаніе латинскаго языка было такъ обыкновенно, что масса ремесленниковъ понимала и говорила на этомъ языкѣ: образованные купцы знали греческій языкъ и говорили на немъ, дѣвушки пѣли ла-

тинскія пѣсни, а всюду на улицахъ была слышна настоящая латинская рѣчь.

Картина, можетъ быть, нѣсколько и преувеличена, но все-таки она показываетъ то направленіе, въ которомъ обваруживалась дѣятельность братьевъ.

Общество ихъ было чисто коммунистической организаціей. Братство «было тѣсно связаннымъ, но свободнымъ союзомъ... Входъ въ корпорацію не обусловливался связывающимъ на всю жизнь обѣтомъ, и среди правилъ, которымъ подчинялись братья, не было тѣхъ мелочей, опредѣляющихъ каждый шагъ члена братства, которыми, напр., отличались уставы монастырей... Обыкновенное устройство братскихъ обществъ было слѣдующее: въ одномъ домѣ жило вмѣстѣ около 20 братьевъ, имѣвшихъ общую кассу и общій столъ... Принятію въ братство предшествовалъ годъ испытанія, въ продолженіи котораго съ послушниками обращались строго... Отъ поступающаго требовалось, чтобы онъ вносилъ для общаго пользованія часть имущества». Флорентій (другъ и ученикъ Гергарда) говоритъ въ своихъ запискахъ: «Горе тому, кто, живя въ общинѣ, ищетъ своего или утверждаетъ, будто тамъ что-либо принадлежитъ ему...» Роды дѣятельности братьевъ были распредѣлены среди отдѣльныхъ лицъ. Разныя ремесленныя работы, необходимыя для общины, производились отдѣльными ея членами. Среди законовъ братства, существовавшаго въ городѣ Везелѣ, находятся постановленія для братьевъ портныхъ, парикмахеровъ, булочниковъ, поваровъ, садовниковъ, также какъ и для братьевъ учителей и писцовъ, братьевъ переплетчиковъ, библіотекарей и чтецовъ. Но главной братской работой была переписка книгъ. Для этой работы были назначены особые часы, а также было опредѣлено и время, когда они переписывали книги въ пользу бѣдныхъ *).

Эти общества однако никогда не становились исходнымъ пунктомъ коммунистическаго, оппозиціоннаго движенія, вѣроятно, вслѣдствіе ихъ связи съ имущими и образованными классами. Они всегда оставались въ хорошихъ отношеніяхъ съ папой, но буря реформаціи XVI столѣтія положила конецъ и ихъ мирнымъ дѣйствіямъ.

Иначе дѣло обстояло у беггардовъ. Вначалѣ, конечно, они не проявляли себя ничѣмъ, стараясь только добиться расположенія папства; они не выступали открыто противъ существующаго общества и его властей; но постепенно въ ихъ средѣ начали развиваться революціонные элементы. Беггарды не представляли привилегированнаго сословія, вродѣ монашескихъ орденовъ; они требовали, но не получили никакихъ привилегій отъ папской власти, не были связаны съ ней никакими интересами и остались независимыми отъ нея. Они никогда не выдѣлялись изъ среды неимущихъ, съ которыми оставались въ тѣсной связи, такъ

---

* Ульманъ, «Реформаторы передъ реформаціей», стр. 97—102.

какъ у нихъ не было никакихъ опредѣленныхъ регламентовъ и обѣтовъ, даваемыхъ на всю жизнь. Каждый членъ могъ по собственному желанію выйти изъ общества и жениться, не вступая въ противорѣчіе съ уставомъ послѣдняго. Въ этомъ беггарды были болѣе всего сходны съ францисканцами, съ которыми они по временамъ и въ разныхъ мѣстахъ дѣйствительно сливались; но, если признанные папой и привилегированные францисканцы вступали съ нимъ въ конфликтъ, этотъ конфликтъ былъ еще болѣе непримиримъ у совершенно независимыхъ беггардовъ, пролетарскія тенденціи которыхъ стояли прежде всего въ противорѣчіи съ богатствомъ и характеромъ добыванія средствъ, практикуемымъ существующей церковью. Такъ какъ они старались казаться благочестивыми и покорными, то папству каждое такое движеніе казалось опаснымъ, какъ скоро оно достигало широкаго распространенія, что́ имѣло случай у беггардовъ XIII-го столѣтія. Съ невѣроятной быстротой распространялись ихъ приверженцы по всей Германіи, Франціи и Англіи. Этому могло много содѣйствовать и то, что въ это самое столѣтіе разные города старались расположить къ себѣ фландрскихъ ткачей, чтобы поднять свою шерстяную промышленность. Ткачи проникли на востокъ до Вѣны, Тюрингена, Бранденбурга, Лаузица, на западъ до Англіи. Между прочимъ, этимъ странствованіямъ не нужно приписывать слишкомъ большого значенія въ дѣлѣ распространенія принциповъ беггарденства. Однѣ и тѣ же причины вызываютъ одни и тѣ же слѣдствія. Ткачи льна и хлопчатой бумаги въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ промышленность стала экспортной, развили у себя идеи, очень родственныя идеямъ беггардовъ.

Не смотря на строгую послѣдовательность въ проведеніи своихъ идей, беггарды однако не мѣшали образованію въ своей средѣ и другихъ направленій, такъ какъ перенималось собственно то же ученіе, только практическое примѣненіе его было иное. Если одна часть беггардовъ и осталась смиренными богомольцами, совершенно умершими для суетнаго міра, то въ другой начали шевелиться дерзкія мысли. Пробудилось желаніе противодѣйствовать несправедливости существующаго общества не столько игнорированіемъ, сколько анализомъ общественной жизни и полнѣйшимъ отрицаніемъ основаній этой несправедливости. Изъ беггарденскихъ общинъ выходила масса агитаторовъ — «апостоловъ», которые, подобно членамъ секты вальдензовъ *), переходили съ мѣста на мѣсто, возвѣщая евангеліе первохристіанства и устраивая общины. Рядомъ съ открыто дѣйствующими общинами, Германію **) начала покрывать сѣть тайныхъ союзовъ съ радикальными

*) Вальдензы — коммунистическая секта, основанная въ XII вѣкѣ купцомъ Петромъ Вальдомъ. Членами этой секты были преимущественно ткачи, разсѣянные по южной Франціи и сѣверной Италіи.

**) Сюда относятся также и Нидерланды.

тенденціями; хотя эти общества не были мѣстомъ для подготовленія насильственныхъ переворотовъ, а заботились только о пропагандѣ своихъ идей, но, какъ и всякіе протестанты, не пользовались любовью властей, особенно папской церкви, охотно ихъ преслѣдовавшей.

Совѣтъ въ Бенціерѣ обвинялъ ихъ уже въ 1299 г. въ томъ, что они вселяютъ въ народѣ хиліастическія надежды о скорой гибели міра, т. е. существующаго общества; и на Рейнѣ въ это же самое время беггарды сжигались, какъ еретики. Такія преслѣдованія ихъ однако не имѣли повсемѣстнаго успѣха. Болѣе умѣренныя и трусливыя фракціи беггардовъ были, безъ сомнѣнія, запуганы, и общины беггардовъ этого направленія искали и часто находили защиту въ сильныхъ монашескихъ орденахъ, или же прямо закрывались. Францисканцы, имѣвшіе связи съ этою частью беггардовъ, воспользовались ихъ затруднительнымъ положеніемъ и пріобрѣли у нихъ рядъ домовъ.

Новыя общества беггардовъ только изрѣдка основывались послѣ XIII-го столѣтія. Но болѣе энергичная часть беггардовъ была вынуждена преслѣдованіями къ еще болѣе конспиративной дѣятельности и рѣшительной оппозиціи. Этотъ процессъ былъ ускоренъ французскими и итальянскими эмигрантами, которые со времени альбигойской войны охотно переселялись въ Германію, гдѣ государственная власть не имѣла той силы и не была заинтересована въ охраненіи папства, что, напротивъ, имѣло мѣсто во Франціи и итальянскихъ государствахъ. Въ Германіи поэтому легче было найти защиту въ городѣ или имѣніи какого-нибудь помѣщика, который часто бывалъ очень доволенъ появленію новыхъ рабочихъ.

Изъ южной Франціи и Италіи шли вальдензы и «братья апостолы»; изъ сѣверной Франціи «братья и сестры свободнаго духа». Производство сукна, какъ предмета вывоза, изъ Фландріи быстро распространилось по сосѣднимъ странамъ, съ которыми существовалъ правильный торговый обмѣнъ: по Нижнему Рейну, по сѣверной Франціи, преимущественно же по Шампани, гдѣ оно процвѣтало въ XIII столѣтіи. Въ XIV вѣкѣ въ отрасли этой промышленности замѣчается поворотъ назадъ вслѣдствіе франко-англійской войны, которая заперла торговыя дороги и отрѣзала доставку сырого матеріала.

Въ связи съ такимъ раннимъ развитіемъ шерстяной промышленности мы находимъ тамъ и раннія братства ткачей-«апостоловъ» съ коммунистическими тенденціями (или, по меньшей мѣрѣ, съ тенденціями первохристіанства, что для пролетаріевъ было почти одно и то же), апостоликовъ, поставившихъ себѣ задачей возстановленіе апостольской жизни. «Они были уже извѣстны въ XII вѣкѣ во время св. Бернарда, сильно опровергавшаго ихъ въ двухъ своихъ рѣчахъ о высотѣ пѣсенъ Соломона... Апостолики жили преимущественно во Франціи... Они трудомъ своихъ рукъ зарабатывали себѣ хлѣбъ. Это были ремесленники, преимущественно ткачи, что можно видѣть изъ рѣчей св. Бернарда,

*

который, не смотря на критическое къ нимъ отношеніе, хвалитъ ихъ за трудолюбіе *).

Между тѣмъ сѣверная Франція въ XII столѣтіи никогда не представляла для подобныхъ сектъ такой почвы, какъ южная Франція и Фландрія. Апостолики никогда не имѣли такого значенія, какъ вальдензы и беггарды въ XIII столѣтіи.

Эта секта была основана Амальрихомъ изъ Бены, бывшимъ въ 1200 году магистромъ теологіи въ Парижѣ. Обвиненный въ ереси, онъ былъ вызванъ въ Римъ къ папѣ Инокентію III (1204 г.), который и принудилъ его отречься отъ своихъ заблужденій. Этимъ думали обезвредить опасныя ученія, но послѣ смерти Амальдриха (1206 г.) убѣдились, что онъ оставилъ за собой много приверженцевъ.

Самымъ значительнымъ изъ его учениковъ былъ Давидъ изъ Динанта (при Намурѣ въ Бельгіи). Въ 1209 году парижскій синодъ проклялъ ученіе Амальриха и началъ ревностно преслѣдовать амальриканъ.

Среди коммунистическихъ сектъ того времени это были самыя смѣлыя и радикальныя. Они объявили не только общность имуществъ, но и женъ, отвергали неравенство, а слѣдовательно, и власть. Они объявили, наконецъ, что Богъ — все и всюду, чего хочетъ человѣкъ—того Самъ Богъ хочетъ, что поэтому всякое лишеніе свободы человѣка беззаконно и каждый воленъ, даже обязанъ повиноваться своимъ влеченіямъ. Если снять съ этого пантеистическаго ученія его мистическое покрывало, то оно представится въ видѣ коммунистическаго анархизма,—ученія, которое для попраннаго въ своихъ правахъ и подвергавшагося жестокому обращенію пролетарія имѣло большую притягательную силу. Это ученіе быстро распространилось изъ Парижа черезъ восточную Францію въ Германію, большая часть беггардовъ приняла это ученіе, а къ концу XIII столѣтія оно было такъ распространено среди беггардовъ на Рейнѣ, что названіе «братья и сестры свободнаго духа» и беггарды стали почти синонимами. Понятіе «беггарды» становилось постепенно все шире. Чѣмъ большее распространеніе получали идеи той части беггардовъ, которая ставила на первый планъ борьбу съ папствомъ, тѣмъ сильнѣе должна была обнаруживаться точка соприкосновенія этихъ сектъ съ буржуазной и крестьянской демократической оппозиціей, которая также была противницей существующаго строя и видѣла въ папствѣ величайшаго и опаснѣйшаго противника... Оба направленія могли тѣмъ легче слиться одно съ другимъ, что они опирались на одни и тѣ же принципы, заимствованные у первохристіанства, и въ концѣ концовъ ни мистическій туманъ, въ который были погружены ученія этихъ сектъ, ни умышленныя покрывала, въ которыя облекали ихъ агитаторы для цѣлей защиты отъ преслѣдованія, не могли помѣшать ясности ихъ принциповъ. Такимъ образомъ имя

*) Мосгеймъ «Исторія ересей».

беггардовъ въ XIV столѣтіи сдѣлалось нарицательнымъ, для обозначенія еретика вообще. Въ Англіи, гдѣ беггарды назывались лоллардами, съ именемъ послѣднихъ произошло то же самое.

Если мы поэтому слышимъ, что въ первой половинѣ XIV столѣтія Германія, а позднѣе Англія были переполнены беггардами или лоллардами, то мы не должны предполагать, что коммунистическое движеніе было такъ сильно, какъ позволяетъ думать распространеніе этой секты. Но все-таки оно было довольно значительно.

II.

Хорошее время наступило въ Германіи для беггарденства, а также для еретическихъ стремленій вообще, когда король Людовикъ IV Баварскій (1314—1347) вступилъ въ конфликтъ съ папой. На этомъ мы должны остановиться нѣсколько дольше.

Національ-либеральные историки, преимущественно въ популярныхъ статьяхъ, любятъ разсматривать всякій конфликтъ между королемъ и папой съ той же точки зрѣнія, какъ и «культурную борьбу», борьбу между высшей культурой германскаго королевства и темнымъ варварствомъ папства, независимо отъ того, когда ведется эта борьба— въ X-мъ или XIX-мъ столѣтіи.

Въ дѣйствительности ни разу средневѣковыя войны между королемъ и папами не носили такого хнрактера. Отъ Оттона до Гогенштауфеновъ война въ сущности вращается около вопроса о томъ, кто долженъ быть организаторомъ господства и владыкой сѣверной Италіи. Послѣдній вопросъ кончился тѣмъ, что города верхней Италіи освободились отъ всякой опеки и образовали самостоятельныя государства. Первый споръ кончился, какъ и разные другіе, побѣдой высшей культуры итальянскаго папства надъ варварствомъ германскаго королевства. Жадность послѣдняго къ сокровищамъ Италіи повела къ тому, что оно раздробило свои силы, и какъ папство торжествовало надъ королевствомъ, такъ и нѣмецкіе территоріальные князья могли торжествовать надъ нимъ. Развитіе товарнаго производства и торговли требовало повсюду возрастанія княжескаго абсолютизма; но въ Германіи оно не вело къ укрѣпленію центральной власти, все больше приходившей въ упадокъ съ гибелью Гогенштауфеновъ, а къ возвышенію имперскихъ князей, которые становились суверенными господами и въ германскомъ императорѣ видѣли только союзнаго президента.

Въ сосѣдней Франціи сила короля, наоборотъ, съ XIII-го столѣтія начинаетъ сильно возрастать какъ разъ въ то самое время, когда, продолжавшаяся цѣлое столѣтіе между германскимъ королемъ и папой, война кончилась побѣдой послѣдняго; короли Франціи были такъ могущественны, что имъ удалось сдѣлать то, къ чему напрасно стремились германскіе императоры, т. е. подчинить себѣ церковь и сдѣлать папу своимъ орудіемъ. Бонифацій VIII тщетно пытался избавиться

отъ господства Филиппа IV французскаго (1303). Чтобы положить конецъ вожделѣніямъ самостоятельности, Филиппъ принудилъ второго преемника Бонифація, француза Климента, избраннаго въ 1305 г., покинуть Римъ и избрать мѣстомъ жительства южную Францію. Послѣ долгихъ скитаній, онъ, наконецъ, и поселился въ Авиньонѣ (1308), который въ теченіе двухъ поколѣній оставался резиденціей папы.

Папская власть стала теперь совершенно зависимой отъ Франціи. Уже при своемъ избраніи Климентъ вынужденъ былъ сдѣлать рядъ важныхъ обѣщаній—и онъ заботился о томъ, чтобы онѣ были выполнимы. Тотчасъ же по своемъ коронованіи Климентъ уступилъ королю десятую часть всѣхъ духовныхъ имѣній Франціи, но самымъ важнымъ было уничтоженіе необыкновенно богатаго ордена храмовниковъ, имѣвшаго своимъ центромъ южную Францію. Филиппъ давно уже засматривался на сокровища этого ордена *) и въ этомъ желаніи Климентъ

*) Храмовники также мало занимались благочестивыми дѣлами, какъ и другіе ордена, но зато отлично понимали всякаго рода коммерческія дѣла. «Не оспорима была,—говоритъ Пруссъ,—слава военной храбрости храмовниковъ, но велико также порицаніе ихъ эгоистичной политики, которая все время противопоставляла выгоду ордена выгодамъ всего христіанства. На это указывали многократныя сомнительныя отношенія ордена къ невѣрующимъ. Онъ старался самъ на средства христіанскихъ вельможъ и князей увеличить свои владѣнія, но упрекать его въ алчности было бы преждевременно. Онъ распоряжался колоссальными финансовыми средствами и представлялъ въ концѣ концовъ своего рода финансовую силу. Ко времени катастрофы его владѣнія въ недвижимыхъ имѣніяхъ были оцѣнены въ 26—62 милліона франковъ, помимо ренты, десятины, процентовъ и т. д.—суммы, ежегодно не меньше двухъ милліоновъ, что по теперешней стоимости денегъ представляло бы сумму, въ двадцать пять разъ большую. Это болѣе чѣмъ королевское богатство, конечно, плохо согласовалось съ слѣдуемой по уставу бѣдностью «бѣдныхъ братьевъ храмовниковъ»; только очень малая часть этой суммы употреблялась на соотвѣтствующія призванію ордена цѣли и на помощь бѣднымъ святой страны. Кромѣ того, орденъ не только перевозилъ товары моремъ на собственныхъ корабляхъ, но онъ совершалъ и крупныя торговыя дѣла. На своихъ галерахъ онъ перевозилъ ежедневно тысячи пилигримовъ въ Палестину и обратно, а привилегія безпошлиннаго ввоза товаровъ западной Европы для собственнаго потребленія въ высшей степени облегчала ему спекуляціи, приносящія огромныя выгоды; какъ главный посредникъ сношеній между востокомъ и западомъ, онъ достигъ большого значенія во всѣхъ денежныхъ операціяхъ. Его главный домъ въ Парижѣ, храмъ, сдѣлался даже интернаціональной биржей, на которой сходились вмѣстѣ совершенно чуждые другъ другу дѣловые люди, для совершенія договоровъ, сами князья дѣлали это: французскіе короли хранили тамъ свои сокровища, совершали и принимали платежи. Конечно, изъ любви только къ ближнему, безъ выгоды для себя самого, орденъ не сталъ бы естественно заниматься такими дѣлами. Военная сила и крупный земельный собственникъ, съ которымъ никто не могъ конкуррировать, на этомъ пути орденъ храмовниковъ становился также еще и финансовой силой. Короли добивались его благосклонности и становились его должниками, Филиппъ IV испыталъ на себѣ это значеніе ордена». (Г. Пруссъ, «Исторія государствъ западной Европы въ средніе вѣка». Берлинъ 1887 г. VI, ст. 49, 50). Храмъ самыхъ христіаннѣйшихъ христіанско-германскихъ рыцарей торговая биржа! Эта дѣйствительность еще больнѣе для антисемитовъ, чѣмъ выдуманный Лессингомъ храмовникъ, который подружился съ жидомъ.

долженъ былъ уступить; какъ ни старался онъ вывернуться, ничто не помогло: онъ, какъ говорятъ нѣмцы, съѣлъ кислое яблоко и послѣ скандальнаго ложнаго процесса долженъ былъ проклясть и закрыть орденъ, якобы за отсутствіе въ немъ религіозности и за его безнравственность. Что въ другихъ мѣстахъ князья могли достигнуть только посредствомъ отреченія папы, напр., отчужденіе богатыхъ церковныхъ имѣній, о томъ для Франціи заботился самъ папа. Нѣтъ ничего удивительнаго, что во Франціи короли остались добрыми католиками и усердно преслѣдовали еретиковъ.

Во внѣшней политикѣ папы также должны были исполнять волю французскихъ королей, которые находились въ постоянной враждѣ съ Англіей и на счетъ Германіи хотѣли увеличить свою страну. Поэтому они побуждали папу къ столкновеніямъ съ англійскими и германскими королями.

Для этого не нужно было прибѣгать къ сильнымъ мѣрамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ папы были въ зависимости отъ французской верховной власти, они лишились лучшихъ сборовъ изъ Франціи, а такъ какъ они теперь не жили въ Римѣ, то доходы отъ церковной области становились также все необезпеченнѣе и часто совершенно прекращались. Одновременно съ развитіемъ торговли и промышленности, при папскомъ дворѣ, какъ и при всякомъ дворѣ того времени, появилась роскошь и потребность въ деньгахъ; чѣмъ меньше доставляла Франція и Италія, а вскорѣ и Испанія, тѣмъ больше нужно было содрать съ сѣверныхъ государствъ. Папы въ Авиньонѣ выдумали ту систему фискальнаго добыванія, которая въ заключеніе привела къ отдѣленію Германіи отъ Рима, къ реформаціи. Въ Германіи, центральная власть которой была такъ слаба, папы могли въ XIV-мъ столѣтіи противустоять всему. Все сильнѣе становились требованія, которыя они возлагали на священниковъ и на монастыри Германіи, все болѣе дерзкой къ тому же становилась метода прямого обложенія, напр., посредствомъ торга разрѣшительными грамотами и вымогательства посредствомъ отлученія отъ церкви.

«Благодаря постояннымъ папскимъ требованіямъ,—говоритъ одинъ добрый католикъ,—благодаря дорого стоющимъ поѣздкамъ въ Римъ, благодаря вѣчной борьбѣ, большая часть нѣмецкаго духовенства (въ XIV и XV столѣтіяхъ) залѣзла въ неоплатные долги и должна была платить лихвенные проценты итальянскимъ банкирамъ. Эти банкиры въ Сіенѣ, Римѣ, Флоренціи пользовались папскимъ авторитетомъ, чтобы высасывать нѣмецкую церковь. Если настоятель не платилъ въ срокъ, они пускали въ ходъ папскія приказанія, благодаря которымъ настоятели должны были платить большіе проценты подъ угрозой отлученія и отрѣшенія отъ должности».

Но этого для папъ было недостаточно. Іоаннъ XXII, наслѣдовавшій въ 1316 г. Клименту V, объявилъ, что послѣ смерти короля его власть

переходитъ къ папѣ, что онъ, рабъ Франціи, есть властелинъ Германіи. Однако король, если онъ вообще хотѣлъ быть королемъ, не могъ допустить этого. Неохотно и нерѣшительно началъ Людовикъ войну. Это былъ совершенно иной конфликтъ, не похожій на тотъ, въ который вступали съ папами еще Гогенштауфены. Дѣло шло больше не за преобладаніе Италіей, а за преобладаніе Германіей. Не о томъ, кто долженъ быть главой церкви, а о томъ, будетъ ли духовный глава церкви вмѣстѣ съ тѣмъ и господиномъ мірового могущества. Эта борьба велась на ряду съ другой. Имперскіе князья начали превращаться въ суверенныхъ господъ; они старались ослабить королевскую власть. Напротивъ того, тѣ элементы, которымъ угрожала князья, прежде всего свободные города, видѣли въ королевской власти своего лучшаго союзника. Они были самыми сильными и надежными союзниками короля въ борьбѣ съ папствомъ; высшее же дворянство склонялось большей частью на сторону папы. Иногда, конечно, требованія послѣдняго бывали такъ велики, что сами князья должны были возставать противъ этого. Но обыкновенно они смотрѣли на короля, какъ на ближайшаго своего противника, и помогали папѣ въ его стремленіяхъ ослабить и унизить королевскую власть.

Противъ короля папа употреблялъ свое самое сильное оружіе: онъ проклиналъ и отлучалъ его отъ церкви. Города же не придавали этимъ отлученіямъ никакого значенія и подчасъ смѣялись надъ папой. Нѣкоторые города, голодомъ или подъ угрозой высылки, заставляли папскихъ священниковъ исполнять ихъ требованія. Вообще, всѣ нѣмецкіе города во главѣ управленія которыхъ не стоялъ патриціатъ, были безусловными противниками Рима и вѣрными преверженцами Людовика. Среди такихъ обстоятельствъ беггарденская ересь сильно разрослась. Всю Германію наполнилъ воинственный крикъ противъ папы. И каждый, стоявшій за интересы буржуазіи и короля, былъ желаннымъ союзникомъ. «Назначеніе Людовикомъ раскольниковъ на почетныя должности,—говоритъ хроникеръ францисканцевъ, котораго приводитъ Мосгеймъ,—и безнаказанность ихъ преступленій увеличили ихъ дерзость и упорство другихъ орденовъ, которые при дѣйствительныхъ или мнимыхъ поводахъ отпадали отъ папы и къ великому вреду католическаго дѣла увеличивали секту «братьевъ» (а также и беггардовъ), безсовѣстно покушавшихся выйти изъ своихъ норъ и одобрить дѣйствія Петра Корбаріуса (котораго Людовикъ сдѣлалъ вторымъ папой подъ именемъ Николая V) и Людовика.

Еретики, бѣжавшіе изъ заграницы въ Германію, тоже находили защиту у Людовика. Въ 1324 г. Іоаннъ XXII въ одной изъ своихъ буллъ отзывается о королѣ, какъ о защитникѣ и покровителѣ людей, изобличенныхъ въ еретичествѣ, преимущественно ломбардскихъ еретиковъ, подъ которыми можно понимать вальдензовъ или братьевъ-апостоловъ. Людовикъ пользовался даже коммунистическими идеями, впрочемъ, въ

безопасной францисканской, а не беггарденской формѣ. Мы уже раньше указывали на борьбу, возникшую внутри францисканскаго ордена относительно вопроса: должна ли быть пріобрѣтаема частная собственность, или нѣтъ? Съ того времени, какъ папа Иннокентій IV (1245 г.) сталъ на сторону фракціи, сочувствующей собственности, строгое направленіе францисканцевъ становилось все недружелюбнѣе по отношенію къ папству. Конфликтъ съ строгими францисканцами-спиритуалистами обострился особенно тогда, когда Іоаннъ XXII, противникъ Людовика, въ 1322 г., призналъ ихъ ученіе о томъ, что Христосъ и его ученики не обладали собственностью, еретическимъ; послѣ же, 1327 г. онъ ввелъ противъ нихъ инквизицію. Уже въ 1328 г. Іоаннъ отрѣшилъ отъ должности генерала ордена Михаила Казена, ставшаго на сторону строгаго направленія. Послѣдній рѣшительно перешелъ на сторону Людовика, строгіе францисканцы были его усерднѣйшими и безстрашными агитаторами. Изъ ихъ рядовъ Людовикъ избралъ своего второго папу, выше упомянутаго Николая V, котораго онъ велѣлъ избрать отъ римлянъ, конечно, только для того, чтобы вскорѣ опять его бросить на произволъ судьбы. Николай уже въ 1330 г. покорился авиньонскому папѣ и съ сердечнымъ сокрушеніемъ сознался во всѣхъ своихъ «ошибкахъ». Этотъ жребій королевской креатуры ясно указывалъ на то, къ какому концу долженъ былъ привести конфликтъ между папой и королемъ, и мы видимъ, что послѣдній палъ.

III.

Папа Климентъ VI, второй наслѣдникъ Іоанна XXII, нашелъ кандидата для нѣмецкой короны, безусловно преданнаго папѣ и Франціи, въ лицѣ Карла, сына короля Іоанна Богемскаго. Слабость нѣмецкой имперіи содѣйствовала не только тому, что имперскіе князья начали дѣлаться суверенными господами, но и тому, что имперскія территоріи, лежавшія на границѣ, сдѣлались самостоятельными, напр., Швеція и Нидерланды. Богемія тоже все болѣе отдѣлялась отъ государства. Въ противоположность этому, богемскіе короли для поднятія государственной власти и искали защиты во Франціи. Люксембуржецъ Іоаннъ Богемскій былъ шуриномъ Карла IV французскаго, женатаго на его сестрѣ. Сынъ Іоанна, Венцель, воспитывался при французскомъ дворѣ, гдѣ онъ, въ силу того, что тамъ имя Венцеля не нравилось, былъ принятъ подъ именемъ Карла, которое онъ себѣ и присвоилъ. Воспитаніе и династическіе интересы сдѣлали его приверженнымъ союзникомъ папы и Франціи. Когда было рѣшено, что Карлъ готовъ принять императорскую корону, Климентъ объявилъ царствующаго Людовика отрѣшеннымъ отъ престола и потребовалъ отъ Германіи избранія новаго короля. Благодаря церковной поддержкѣ и своему туго набитому карману, Карлъ нашелъ четырехъ курфюрстовъ, которые его и избрали 1346 г. Побѣда

досталась ему легче, чѣмъ онъ думалъ, такъ какъ прежде, чѣмъ это могло повести къ серьезной борьбѣ между обоими императорами, умеръ Людовикъ Баварскій.

Карлъ не былъ политикомъ чувства. Онъ основательно изучилъ новое государственное искусство во Франціи и Италіи и потому отлично зналъ, что дни королевскаго могущества исчезли навсегда и что его сила имѣетъ своимъ основаніемъ страну, а не королевскую корону. Его главной заботой была Богемія. Изъ королевской короны онъ старался извлечь все, что было возможно, однако же остерегаясь начать ради нея войну или чѣмъ-либо пожертвовать. Остатокъ королевскаго уваженія казался ему тѣсно связаннымъ съ уваженіемъ папской церкви. Папа и король были вынуждены идти рука объ руку, что, между прочимъ, для Карла было облегчено его личными склонностями и воспитаніемъ.

Такимъ образомъ Карлъ, «папскій король», какъ его называли итальянцы, сдѣлался ревностнымъ представителемъ всѣхъ требованій папы, которыя хоть на сколько-нибудь были совмѣстими съ его властью. Отъ этого, естественно, больше всего страдало демократическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и коммунистическое еретичество. Во время Людовика были совершенно прекращены или стали почти недѣйствительными преслѣдованія противъ беггардовъ. Теперь же наступилъ кровавый періодъ ихъ преслѣдованій.

Воспоминанія объ этомъ относятся уже къ 1348 году, но съ особой силой свирѣпствовала реакція въ послѣдней трети столѣтія, когда увеличеніе еретичества въ Англіи привело въ особую ярость римскую церковъ. Декреты Карла, касающіеся беггардовъ, слѣдовали одинъ за другимъ, хотя особенно ужаснымъ былъ декретъ, объявленный въ Лукка 10-го іюня 1369 г., давшій инквизиторамъ полную власть.

Въ 1367 году папа Урбанъ V отправилъ въ Германію двухъ инквизиторовъ, но скоро они не могли уже справиться съ работой. Слѣдующій папа Григорій IX послалъ имъ на помощь еще пять инквизиторовъ(1372 г.). Повсюду пылали костры, еретики сжигались сотнями.

Наконецъ, 30-го января 1394 г. папа Бонифацій IX издалъ эдиктъ, въ которомъ онъ дѣлаетъ резюме всѣхъ существующихъ до сихъ поръ опредѣленій папъ объ искорененіи еретиковъ, ссылаясь на предписанія короля Карла IV. Бонифацій ссылался на мнѣніе германскихъ инквизиторовъ объ еретикахъ Германіи, которыхъ народъ называетъ беггардами, лоллардами и швестріонами и которые сами себя называютъ «бѣдными» и «братьями». Онъ горько жаловался на то, что хотя эта ересь и существуетъ болѣе ста лѣтъ, все-таки ее не удалось подчинить своему господству и, не смотря на костры, отъ нея избавиться. Теперь же, наконецъ, имъ удалось совершенно искоренить еретичество.

Въ 1395 г. инквизиторъ Петръ Пилихдорфъ торжественно сооб-

щаетъ, что, наконецъ, еретичество подавлено *). Но уже въ 1399 г. Бонифацій былъ вынужденъ опять увеличить на шесть человѣкъ число инквизиторовъ.

Секта безпрерывно находила новую пищу въ отношеніяхъ, вводимыхъ въ нее все новыми приверженцами. Но какъ бы то ни было, число ея было страшно уменьшено кровавыми преслѣдованіями.

Открытое, самостоятельное беггарденство исчезло совершенно. Мы видѣли, что уже первыя преслѣдованія въ XIII вѣкѣ привели къ сближенію большей части умѣренныхъ беггардовъ съ орденомъ нищенствующихъ. Теперь этотъ процессъ былъ завершенъ. Самостоятельныя общины беггардовъ совершенно исчезли. Онѣ превратились въ монастыри, которые частью перешли во владѣніе нищенствующихъ монаховъ, преимущественно францисканцевъ, частью удержали старое имя, но фактически стали на почву монашества. Папа Николай V оффиціально принялъ эти общества въ концѣ 1453 года въ лоно церкви и даровалъ имъ права францисканцевъ.

Тайныя общества не могли быть ни совершенно уничтожены, ни подчинены папѣ. Но все ихъ геройство и покорность въ теченіе больше чѣмъ столѣтія не дали ничего, кромѣ безконечнаго ряда мучениковъ.

Какъ каждая еретическая оппозиція, такъ и коммунистическая, и она прежде всего, только тогда смогла поднять въ Германіи свою голову, когда всемірный властитель вступилъ въ новый сильный конфликтъ съ папствомъ, когда значительная часть нѣмецкихъ фюрстовъ стала достаточно сильной, чтобы начать одновременно войну съ церковью и королемъ.

По смерти Людовика IV ереси до великой нѣмецкой реформаціи нашли только два свободныхъ государства: сначала Англію, а потомъ—удивительное явленіе—Богемію, ту самую страну, отъ властителя которой исходила въ Германіи католическая реакція.

В. Всеволожскій.

---

*) Л. Кегперъ. «Реформація».

ПОБѢЖДЕННЫЕ.

(Изъ Ады Негри).

Ихъ тысячи, ихъ тьмы, ихъ рать неисчислима...
Безъ перерывовъ и преградъ,
Сомкнувъ плечо къ плечу, они проходятъ мимо,
Что каждый мигъ, то новый рядъ.

Пускай гроза реветъ надъ лономъ черной ночи,
Тотъ дикій гнѣвъ не страшенъ имъ.
Таинственнымъ огнемъ сквозь тьму горятъ ихъ очи,
Ихъ мѣрный шагъ неутомимъ.

Я вижу, вотъ они. Передо мной тѣснится
Толпа вздымаясь, какъ приливъ.
Ко мнѣ обращены невѣдомыя лица,
И всѣ уста мнѣ шлютъ призывъ.

И клики скорбные, сливаясь въ громкій ропотъ,
Ко мнѣ плывутъ со всѣхъ сторонъ,
Но чутко я ловлю малѣйшій слабый шопотъ,
И каждый вздохъ, и каждый стонъ.

Изъ хижинъ мы пришли, гдѣ сырость въѣлась въ стѣны,
Гдѣ ни огня, ни хлѣба нѣтъ,
Гдѣ изнывали мы, не видя перемѣны
Такъ много безотрадныхъ лѣтъ.

Мы вышли изъ трущобъ холодныхъ, какъ могила,
Гдѣ смерть сосѣдкой намъ была,
И пала тѣнь отъ насъ и землю всю покрыла,
Какъ вѣсть насилія и зла.

Завѣтный идеалъ искали мы упорно,
Но не открылся онъ для насъ,
Мы жаждали любви и вѣры животворной,
Но ихъ огонь давно угасъ.

Въ трудѣ искали мы источникъ обновленья.
Но мы трудомъ не спасены.
Онъ далъ не силу намъ, но тягость утомленья.
О, горе! Мы побѣждены.

Предъ нами солнце шлетъ привѣтъ живой и знойный
Землѣ, любовницѣ своей;
И гимнъ возносится торжественный и стройный
Съ ея смѣющихся полей.

Желѣзная змѣя, дыша волнистымъ паромъ,
Сквозь скалы вырыла проходъ,
И молотъ исполинъ торжественнымъ ударомъ
Зоветъ на праздникъ весь народъ.

И тысячи сердецъ тамъ сходятся на встрѣчу,
И каждый духъ отвагой полнъ.
И юность пылкая бросается, какъ въ сѣчу,
Въ водоворотъ житейскихъ волнъ.

Зачѣмъ же только намъ для мукъ и слезъ ненужныхъ
Природа мачиха шальную жизнь дала?
Зачѣмъ ея рука насъ душитъ безоружныхъ?
Намъ смутный взоръ застлала мгла...

Чья злая ненависть поймала насъ, какъ въ сѣти?
Чья тайная вражда сгубила безъ вины?
Зачѣмъ намъ рокъ гласилъ: Вамъ мѣста нѣтъ на свѣтѣ?
Проклятье! Мы побѣждены!..

Танъ.

РИШТАУ.

Повѣсть.

(*Продолженіе* *).

VI.

Только справились съ сѣнокосомъ, подошло жниво. Вечерами всѣ они возвращались до того усталые, что не въ состояніи были разговаривать и ложились сейчасъ послѣ ужина, чтобы проснуться завтра до свѣту и опять весь день напролетъ склоняться къ землѣ на жгучемъ зноѣ. Вихлицкій скучалъ одинъ дома, а къ полевымъ работамъ еще нельзя было ему присоединиться. Елену онъ видѣлъ только мелькомъ, всегда очень усталую и сонную, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ воскресенія. Пришло и оно,—до того жаркое, что, казалось, окрестности и скалы, и лѣсъ, и море расплавятся въ безжалостномъ, золотомъ пламени, льющемся съ неба широкой, непрерывной струей. Юрій еще до восхода солнца ушелъ съ ружьемъ въ горы. Остальные были дома. Селимъ усѣлся подъ стѣной въ тѣневой сторонѣ и съ большимъ достоинствомъ чинилъ свою рваную черкеску. На верандѣ Семенъ, которому не здоровилось, пилъ неторопясь чай. Пани Страсевичъ сидѣла тамъ же съ неизмѣннымъ чулкомъ. Вихлицкій глядѣлъ разсѣянно на лѣса, горы, долину, пока на тропинкѣ не появилась Елена съ корзинкой въ рукахъ; тогда онъ торопливо сбѣжалъ внизъ.

— Мама, замѣтили? Ничего не замѣчаете!—прошепталъ Семенъ, кивая головой на уходящихъ.

— Нѣтъ: я все вижу. Но что я могу сдѣлать? Особенно настаивать нельзя. Еще дѣвушка подумаетъ, что мы требуемъ отъ нея платы за воспитаніе.

— Хорошо! Дѣлайте, что угодно... Вы, вѣдь, всегда дѣлаете, что вздумаете. Только послѣ не жалуйтесь.

— Я жалуюсь? Я дѣлаю, что мнѣ угодно... Когда же это? Это вы всегда дѣлаете, что вамъ угодно. Да и ничего не слу-

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

чится. Онъ уѣдетъ черезъ двѣ недѣли, дѣвушка поплачетъ и забудетъ. Даже лучше, когда сама убѣдится, что нѣтъ у нея больше дѣйствительныхъ друзей, кромѣ насъ. А онъ не женится, онъ мнѣ это самъ говорилъ; говорилъ, что онъ бѣденъ, что женитьба его свяжетъ... У него есть какія-то цѣли...

— И зная все это, вы позволяете ему плести этой дѣвочкѣ, Богъ знаетъ что...

Вошла Юстина и стала нехотя собирать посуду, Семенъ гнѣвно замолкъ. Пани Страсевичъ положила чулокъ и сняла очки.

— Будемъ искренни, Сеня!—сказала она серьезно.—Не думай, что меня проведешь. Хорошо я понимаю, къ чему все клонится... Если бы ты былъ умный, хорошій мальчикъ,—давно бы догадался и поѣхалъ искать другой. Эта для тебя черезчуръ молода... Она тебя не полюбитъ... Расходовъ нечего жалѣть на такое дѣло!.. Мы прекрасно могли бы продать часть скота... А теперь... Я съ тревогой жду, чѣмъ все это кончится. Лучше бы вышла за посторонняго...

Пани Страсевичъ испугалась, что сказала черезчуръ много, и подняла глаза на сына; тотъ сидѣлъ съ наклоненной головой и барабанилъ по столу, затѣмъ всталъ и быстро ушелъ внутрь дома. Женщины взглянули другъ на друга, одна съ тревогою, другая—съ дурно скрытымъ страданіемъ.

Между тѣмъ Вихлицкій догналъ Елену.

— Вы за ежевикой? А знаете, есть уже спѣлая „лыча“? Хотите, я покажу вамъ деревцо...

Дѣвушка наклонила съ улыбкой голову. Онъ повелъ ее внизъ по узкой щели, поросшей мелколистымъ темнымъ „самшидомъ“. По дну среди огромныхъ мшистыхъ камней струился крошечный ручей. Курчавыя вязи плюща покрывали скалы, обвивали деревья. Высоко надъ всѣмъ рѣялъ темный сводъ перепутанныхъ верхушекъ дубовъ и грабовъ исполинской величины. Сѣрая паутина льянъ густо свѣшивалась оттуда. Было сумрачно, жарко и ароматно, точно въ сказочномъ гротѣ восточныхъ преданій. Золотые лучи солнца, въ видѣ стрѣлъ и прозрачныхъ столбовъ, пронизывали этотъ мракъ и зелень. Ажурные вѣера исполинскихъ папоротниковъ, тронутые путниками, тихо колыхались за ними и струйки знойнаго воздуха бѣжали отъ нихъ.

— Чудесный уголокъ... Вы не находите?—спросилъ Станиславъ въ надеждѣ, что дѣвушка остановится и поговоритъ здѣсь съ нимъ. Елена дружескимъ, веселымъ взглядомъ окинула лощину, но шла все дальше. Шла она, ловко отклоняя по дорогѣ вѣтки, огибая огромные валуны или прыгая по камнямъ на другую сторону ручья. Ея тонкій, гибкій станъ, прикрытый темной „безрукавкой“, склонялся съ граціозностью природной жительницы горъ.

— Да, здѣсь хорошо, но нужно торопиться. Мы должны возвратиться до обѣда. Нужно Юстинѣ помочь доить, накрыть столъ, перебрать плоды, — отвѣтила она.

У выхода, гдѣ щель оканчивалась крутымъ обрывомъ и ручей падалъ водопадомъ, Вихлицкій свернулъ въ сторону и повелъ дѣвушку вверхъ, по крутой опасной тропинкѣ, къ сѣрому высокому обрыву. Подъ утесомъ среди кустовъ жидкой черемухи, коренастый „мушмулы“ и тонкаго ивовиднаго „кизиля“, онъ показалъ ей деревцо, блестящее отъ несмѣтнаго количества спѣлыхъ, желтыхъ плодовъ, круглыхъ, прозрачныхъ, точно шарики, налитые солнечнымъ свѣтомъ, съ темной въ серединѣ косточкой и легкимъ съ боку румянцемъ. Елена вскрикнула отъ удовольствія, быстро стала рвать плоды и бросать ихъ въ корзинку. Вихлицкій присоединился къ ней. Понятно, по пути кой-что попадало въ ротъ, поэтому они первое время молчали. Вихлицкій нагибалъ вѣтви, хваталъ все выше, какъ будто все дерево, весь лѣсъ хотѣлъ положить къ ногамъ дѣвушки.

— Почему вы смѣялись тогда съ Юрьемъ? — спросилъ онъ неожиданно.

— Когда?

— Да тогда... Когда я разсказывалъ, что влѣзъ на дерево...

Елена засмѣялась опять.

— Это было такъ давно, а вы все помните! Видите, мнѣ показалось это очень забавно, когда я васъ, такого серьезнаго, вообразила на вѣтвяхъ. Здѣсь, на Кавказѣ, никто не прячется на деревья. Я не слыхала. Юрій всегда спитъ прямо на землѣ и даже огня не разводитъ... Говоритъ, что такъ нужно, что это менѣе пугаетъ звѣря...

— А вы были когда-нибудь ночью въ лѣсу?

— О, да! Не разъ! Раньше я ходила съ Юрьемъ на кабановъ и однажды даже на медвѣдя. Теперь тетя не позволяетъ. Хотя нѣтъ никакой опасности: Юрій прекрасный стрѣлокъ. Онъ очень силенъ и смѣлъ. Я съ нимъ пошла бы безъ страха, куда угодно. Онъ очень ловокъ. Случалось, онъ по джеранимъ *) тропамъ спускался въ такія пропасти, что смотрѣть страшно. Даже мѣстные горцы говорятъ, что онъ „хорошій товарищъ“, а это рѣдкая у нихъ похвала. Онъ вспыльчивъ и грубоватъ, но у него золотое сердце... Я очень, очень его люблю и никогда любить не перестану... Я вѣрная! Когда съ кѣмъ дружна, никогда не измѣню... Что вы дѣлаете? Зачѣмъ рвете незрѣлые плоды, а этотъ вотъ совсѣмъ даже испорченъ...

Дѣвушка взглянула съ недоумѣніемъ на Вихлицкаго, который

*) Джеранъ—дикій козелъ.

мрачно рвалъ, что попало подъ руку и бросалъ въ корзину. Лицо ея сейчасъ же стало серьезно, но тутъ же какая-то шаловливая догадка сверкнула неожиданно въ глазахъ, она еще разъ внимательно посмотрѣла на него, затѣмъ перевела потемнѣвшій взоръ на ту сторону долины, гдѣ рдѣли на солнцѣ зеленыя вершины и жемчужныя тучки плыли надъ ними по голубому небу, а подъ ними шумѣла въ ущеліи рѣка. Мягкая, робкая улыбка пріоткрыла ея губы и легкій румянецъ пробѣжалъ по загорѣлымъ, свѣжимъ, какъ персикъ, щекамъ. Она больше уже на него не глядѣла. Молча простояла она мгновеніе, не двигаясь и не выпуская изъ рукъ захваченныхъ вѣтвей. А онъ рвалъ гнѣвно, ничего не видѣлъ и былъ ужасно забавенъ. Только шелестили листья въ ихъ рукахъ, да жужжали осы, во множествѣ слетающіяся къ спѣлымъ плодамъ.

Наконецъ, Елена опустила вѣтвь и присѣла небрежно на землю у корзины.

— Нужно перебрать... Какую гадость вы сюда набросали.

Онъ не отвѣтилъ и даже не остановился.

— Скажите: этотъ вашъ край... нашъ край... онъ сѣрый?

— Сѣрый!

— И... плоскій?

— Плоскій!

Вихлицкій хотѣлъ быть рѣзокъ, но въ голосѣ дѣвушки звенѣли такіе очаровательные, ласкающіе, новые для него звуки, столько въ нихъ дрожало непонятной для него радости и счастія, что онъ въ удивленіи поднялъ голову и улыбнулся.

— Зачѣмъ это... вы... Нашъ край совсѣмъ другой...—спохватился онъ, замѣтивъ въ началѣ фразы испугъ въ ея глазахъ.— Онъ красивъ по другому. Красивъ своимъ прошлымъ, воспоминаніями, вѣковымъ трудомъ... Нѣтъ мѣста, съ которымъ не связано было бы преданіе, то героическое, то значительное, то ужасное... Но и такая у него есть красота... Только—своя!.. Горизонты мягкіе, цвѣта нѣжные... Даже на солнцѣ они не поражаютъ, не ослѣпляютъ, а только какъ бы грустно и мило улыбаются. Все покрыто прозрачною сизою дымкою... И небо виситъ надъ полями уютное, низкое, полное тучъ. Много я изъѣздилъ земли и знаете: нигдѣ не чувствуешь *себя*, не испытываешь той удивительной полноты ощущенія, такъ сильно той спокойной радости, какъ на родинѣ. Не разъ думалъ, пусть бы люди взяли себѣ всѣ эти моря, и тропики, и горы и другія чудеса, пусть бы оставили намъ только наши пески, сосны да можжевельникъ... Все это убого, но именно въ этой своей бѣдности безконечно мило, дорого... Куда ни посмотришь многовѣковой, собирательный трудъ, нашъ трудъ! Много неважнаго, несовершеннаго, прямо по-

порченнаго, но какъ-то вѣришь, что будетъ лучше... Чувствуешь желаніе лучшаго... Затѣмъ—людно! Куда ни обернешься—деревни, мѣстечки, дома, кресты, дороги...

Онъ все продолжалъ въ томъ же тонѣ, настаивалъ на томъ, что люди должны жить въ обществѣ, хотя бы несовершенномъ и стремиться къ исправленію его, а не уходить въ пустыню, на Кавказъ, отъ грѣховъ, ради спасенія души...

— Семенъ говоритъ вздоръ, ваша жизнь здѣсь никому не приноситъ пользы, вы должны вернуться!—настаивалъ онъ.

— Вы знаете, мы хотѣли бы, да нѣтъ средствъ!—защищалась дѣвушка.

— Не въ томъ дѣло: Семенъ высказываетъ такія странныя мнѣнія, можно думать, вы здѣсь живете по принципу...

— Ну, что Семенъ? Семенъ прежде всего работаетъ теперь до смерти. Раньше и онъ былъ другой...

— Хорошо: буду отвѣчать этому другому. Допустимъ, что семья ваша, ну, колонія увеличится. Вы вырубите немного больше лѣса, посѣете немного больше кукурузы и только... Что же дальше? Самая цѣнная доля вашего существованія, эта тонкая, сложная работа духа, кристаллизующаяся въ обычаяхъ, въ языкѣ, въ оттѣнкахъ понятій и чувствъ, погибнетъ... Кругомъ васъ нѣтъ людей, нѣтъ матеріала, который бы воспринялъ эту работу... Внѣшняя культура легко гибнетъ. Вотъ здѣсь: были когда-то черкесы и ничего послѣ нихъ не осталось, кромѣ одичалыхъ садовъ. Ваша работа здѣсь—работа лошадей и быковъ не больше. Работать для будущаго, для человѣчества можно только среди своего народа и при его посредствѣ... Все остальное—зоологія!

— А вы?—спросила вдругъ Елена.

— Я другое. Я пришелъ сюда въ горы, какъ предки наши ходили въ походы—за добычей...

Въ это время вышелъ къ нимъ незамѣтно Юрій, привыкшій всегда ходить по лѣсу тихо, какъ барсъ. По звукамъ голоса, по блеску глазъ и волненію, съ какимъ Елена слушала Вихлицкаго, онъ вообразилъ себѣ больше, чѣмъ было, и золотистый, солнечный свѣтъ, зелень горъ и голубое небо, на фонѣ которыхъ онъ увидѣлъ разговаривающую пару, вдругъ померкли передъ нимъ и подернулись кровавой вуалью. Въ первое мгновеніе ему захотѣлось сбросить немедленно обоихъ съ обрыва и самому прыгнуть туда же; затѣмъ подумалъ, что раньше слѣдуетъ вернуть Вихлицкому потерянныя имъ деньги, а еще немного, онъ рѣшилъ уйти незамѣтно и возненавидѣть вѣтреную дѣвушку.

— Теперь уже я долженъ найти деньги во что бы то ни стало... Переберу, обшарю каждый камень, каждый кусточекъ травы, а найду...

Сегодня онъ не могъ продолжать поисковъ, такъ какъ убилъ кабана и шелъ какъ разъ за лошадью, чтобы привезти добычу. Когда онъ уже миновалъ ихъ и сходилъ въ ущелье, камень, задѣтый имъ по разсѣянности, покатился съ грохотомъ на дно и обратилъ на себя вниманіе разговаривающихъ.

— Кто-то былъ! — сказала Елена, вставая съ земли.—Пора домой!

. . . . . .

— Слушай, Юрій, ты ихъ тамъ не встрѣтилъ? Куда они дѣлись? — спрашивалъ Семенъ брата, который, поймалъ лошадь и не дожидаясь обѣда, готовился въ путь.

— Ну тебя, къ чорту!

Отвѣтъ брата утвердилъ окончательно Семена въ рѣшеніи „выжить“ опаснаго гостя.

Онъ понималъ, что этого прямо сдѣлать нельзя, что у нихъ есть по отношенію къ Вихлицкому извѣстныи обязанности. Но онъ предполагалъ, что Вихлицкій долженъ быть чутокъ къ нелюбезности, и надѣялся устроить все прекрасно и безъ шума. Во время обѣда онъ сдѣлалъ сейчасъ же первые шаги. Онъ все время старался держать носъ такимъ образомъ, чтобы гость видѣлъ только его профиль, отвѣты на вопросъ оттягивалъ, непододвинулъ ему хлѣба и соли, хотя видѣлъ, что онѣ ему нужны. Нѣсколько разъ, когда Станиславъ пробовалъ завязать общій разговоръ, онъ помѣшалъ и вниманіе всѣхъ направилъ въ другую сторону. Пани Страсевичъ, тоже чѣмъ-то разстроенная, забыла угощать гостя, что дѣлала до сихъ поръ всякій разъ неизмѣнно. Елена ловко исправила это. Станиславъ, который все это въ началѣ объяснялъ себѣ болѣзнью Семена, наконецъ удивился, а затѣмъ сталъ съ скрытой веселостью наблюдать за „маневрами“ старшаго Страсевича. Его непріятно поражало только поведеніе Елены, непростительно, по его мнѣнію, осторожное, почти робкое.

„Вотъ кто здѣсь настоящій хозяинъ!“—думалъ онъ съ горечью.—На Семена онъ больше не обращалъ вниманія и когда пани Страсевичъ ушла отдохнуть послѣ обѣда, а они остались еще чай пить, Вихлицкій обратился къ Еленѣ съ продолженіемъ утренняго разговора:

— Вы спрашивали, какъ это случилось?! Какимъ путемъ я пришелъ къ моимъ заключеніямъ!! Видите: къ несчастью я не унаслѣдовалъ истинъ *простыхъ* и *ясныхъ*, которымъ могъ бы повѣрить безусловно...

Елена съ испугомъ взглянула на Семена, но тотъ притворился, что не слушалъ ихъ. Вихлицкій съ нѣкоторымъ раздраженіемъ прочелъ цѣлую лекцію объ обязанностяхъ человѣка по отношенію къ обществу, о законахъ развитія общественныхъ формъ.

*

Это были немудреныя теоріи, почерпнутыя изъ учебниковъ и популярныхъ статей, дополненныя собственными размышленіями, но Еленѣ онѣ показались откровеніемъ. Она слушала ихъ съ тѣмъ большимъ вниманіемъ, что смутно чуяла въ нихъ защиту Вихлицкаго передъ какими-то неясными для нея обвиненіями. Въ чемъ могли упрекать его, она не понимала. Вѣдь онъ многократно говорилъ, что желаетъ всѣмъ добра, что не прочь за это пострадать, лишь бы отъ этого только была польза... Даже теперь, развѣ не собирался ѣхать куда-то, гдѣ никто еще не былъ!..

Вихлицкій, который по многимъ причинамъ не желалъ дурно разставаться съ этой семьей, очень былъ доволенъ, что появленіе Юрія, а затѣмъ очистка и укладываніе привезеннаго кабана прекратили натянутое положеніе.

Вечеромъ онъ позвалъ Селима, отдалъ ему свои золотые часы и бельгійское ружье, приказалъ ему заложить ихъ въ мѣстечкѣ и на вырученныя деньги нанять квартиру.

— Благодарю васъ сердечно за все. Я уже вполнѣ здоровъ и могу справиться самъ. Въ городѣ я буду ближе къ почтѣ... а для меня каждый день дорогъ,—говорилъ онъ, прощаясь съ Іани Страсевичъ.

Старушка не особенно удерживала его. Семенъ сіялъ.

VII.

Городокъ въ которомъ поселился Вихлицкій оказался типичной захолустной трущобой. Интеллигенція его состояла исключительно изъ чиновъ полиціи и семейства мѣстнаго попа. Врачъ и фельдшеръ существовали, но существованія своего ничѣмъ ни проявляли, кромѣ періодически устраиваемыхъ кутежей. Остальные жители, туземцы, жили своей обособленной отъ русскихъ жизнью. Вихлицкій очутился здѣсь какъ въ ссылкѣ, совершенно одинокимъ отрѣзаннымъ ломтемъ. Онъ никуда не ходилъ и никто не ходилъ къ нему. Въ городѣ знали, что онъ „ученый баринъ“, и этимъ довольствовались. Онъ и радъ былъ, что его оставили въ покоѣ. Отсутствіе денегъ, писемъ, газетъ повергало его въ мрачную хандру. Къ тому же онъ былъ влюбленъ, а извѣстно, что тронутые этимъ недугомъ предпочитаютъ одиночество.

Изрѣдка заходилъ къ нему „коллега“ естественникъ, сынъ попа, студентъ, который лѣчилъ его. Онъ неизмѣнно пилъ чай и разсказывалъ безконечные, похожіе другъ на друга, разсказы о студенческой жизни въ Петербургѣ, о профессорахъ и курсисткахъ. Затѣмъ онъ уходилъ, очень довольный собою. Вихлицкій долго надѣялся, что онъ когда нибудь принесетъ, хоть маленькую вѣсточку отъ Страсевичей, но напрасно. Разъ самъ Вихлицкій ви-

дѣлъ на базарѣ Семена, но тотъ не замѣтилъ его и къ нему не зашелъ.

Минутами его охватывала жажда бросить все и сейчасъ же идти и сказать ей все, а послѣ—пусть будетъ, что будетъ... Но что будетъ? что можетъ быть? У него ничего нѣтъ, не зачто, какъ говорятъ, рукъ зацѣпить. Экспедицію, въ виду приключенія и поздняго времени, могутъ отмѣнить. И опять пойдутъ годы ожиданія, поисковъ, труда, нужды, тоски, ѣдкой жажды дѣятельности, славы и вліянія!.. Кто знаетъ, куда все это загонитъ его, въ какія трущобы и страны... А между тѣмъ онъ прельщалъ ее вѣдь обратнымъ: жизнью на родинѣ, общественной дѣятельностью и т. дальше... Когда-нибудь онъ все это исполнитъ, онъ въ это вѣрилъ... Онъ исполнитъ, добьется или погибнетъ, но теперь?.. Что представляетъ онъ теперь? Семенъ и Юрій куда надежнѣе, какъ мужья и главы семействъ. Зачѣмъ говорить ей? Онъ всегда видѣлъ передъ собою длинный рядъ приключеній и непрерывной борьбы. Къ тому же у него, повидимому, нѣтъ счастія... Сразу—неудача! Правда, онъ упоренъ, онъ сто разъ упадетъ, чтобы подняться въ сто первый... Но до сихъ поръ онъ не знаетъ себя, не знаетъ границъ своихъ силъ. До сихъ поръ его даже мало интересовала личная удача, онъ выполнялъ свою отвлеченную программу и не думалъ ни о чемъ, ничего не боялся... Была у него, старуха мать, которая, въ случаѣ его гибели, осиротѣла бы, но она была женщина иного типа и первая научила его мужеству, какъ залогу удачи. Другое дѣло эта дѣвушка, которую въ сущности онъ зналъ такъ мало...

Онъ не досказывалъ... сердце его сжималось, ныло, и онъ предпочиталъ, закрывши глаза, повторять, какъ ребенокъ:

— А вотъ, будетъ моей, будетъ, увидите!—и предавался мечтамъ, вспоминая блескъ глазъ, звукъ голоса, золотистые волосы, длинныя дрожащія тѣни рѣсницъ, на смуглыхъ щекахъ, всю фигуру ловкую, сильную здоровой, правильно воспитанной женщины, и ту безконечную грусть, съ какою она сказала тогда: „тетя, я боюсь... онъ умретъ!“

Лежалъ онъ разъ лицомъ на постелѣ и не думалъ, не шевелился, чтобы не увеличивать страданія, когда двери широко раскрылись и вошелъ Юрій.

— Вихлицкій, господинъ Вихлицкій... Вы спите?

Вихлицкій приподнялся.

— А! это вы? Что случилось?

— Семенъ отравленъ! Если вы въ состояніи помочь, такъ ѣдемъ...

— Отравленъ?.. Почему вы думаете, что онъ *отравленъ*?

— Рвота, судороги... Такъ полагаемъ...—отвѣтилъ рѣзко Юрій, удивленный тономъ и почти враждебнымъ взглядомъ Вихлицкаго.—

Мы обратились къ вамъ, мама послала, потому, что не желаетъ шума... Но вы скажите, если вы не знаете или не хотите, то я пойду къ фельдшеру...

Онъ сердился, потому что вынужденъ былъ лгать: послала его не мать, а Елена.

— Хорошо! А лошадь у васъ есть?

— Вы садитесь на мою, а я пойду лѣсомъ на прямикъ...

Минуту спустя Вихлицкій мчался по пустынной, пыльной, единственной въ городѣ улицѣ. Жара стояла невыносимая, потоки ярко-золотистаго свѣта потопляли все и навѣсы крышъ, стѣны домовъ и деревья отбрасывали рѣзкія, короткія тѣни. Необычный топотъ лошади вызвалъ изъ занавѣшенныхъ оконъ головы женщинъ, а изъ прохладныхъ, темныхъ лавокъ и духановъ бородатыя мужскія фигуры въ черныхъ, бурыхъ или сѣдыхъ черкескахъ съ кинжалами, револьверами и кривыми шашками у пояса. На головахъ зѣвакъ пестрѣли бѣлыя мингрельскія шляпы, черныя папахи или свѣтлые, живописно повязанные башлыки.

— Хорошая лошадь!—говорили они, причмокивая и хлопая по ляжкамъ руками.

— И и!.. Ты вижу не прочь бы украсть! Оставь—неукусишь!

— Это тѣхъ поляковъ подъ горою?..

— Да, да!.. А вотъ и Юрій...

— Бисмильляхъ!

— Безъ ружья? Что случилось?!.

Туземцы обступили охотника и стали распрашивать ломаннымъ русскимъ языкомъ. Онъ кивалъ имъ въ привѣтствіе рукою и шелъ дальше...

— Медвѣдь убилъ?.. Помни: полъ-кожа моя... продай, сказывалъ... кричалъ вслѣдъ за нимъ высокій горецъ съ кривымъ ястребинымъ носомъ и черной до пояса бородою.

У послѣдняго зданія Юрій повернулъ въ сады и прошелъ оттуда въ горы.

Вихлицкій сдѣлалъ нѣсколько верстъ по хорошей торной дорогѣ, прорѣзанной въ густомъ лѣсу, затѣмъ по узкой тропинкѣ свернулъ въ бокъ и спустился въ каменистое русло Аучи. Здѣсь ему пришлось сбавить шагу, ввиду массы нагроможденныхъ каменныхъ глыбъ и бурныхъ быстринъ рѣчки, затрудняющихъ путь.

Въ хуторъ онъ попалъ не задолго до заката солнца. На верандѣ встрѣтила его пани Страсевичъ, а затѣмъ выбѣжала и Елена.

— Знаете, эпидемія!.. Только что стало лучше Сенѣ, захворала Юстина...

— Такъ Семену лучше?!

— Да, лучше! Спитъ. Только у Юстины точь въ точь тоже

самое: рвота, судороги... Съѣли что-нибудь... или еще хуже—эпидемія... Я слышала, что она гдѣ-то близко... въ Индіяхъ.

— Хотя и не совсѣмъ близко, но...

Вихлицкій пошелъ торопливо къ больной. Лицо ея было мертвенно блѣдно, капли пота выступили на лбу, волоса растрепались. Она тихо стонала, закатывала глаза и судорожно вздрагивала. Вихлицкій пощупалъ у нея пульсъ, выслушалъ сердце, осмотрѣлъ рвоту, пожалъ плечами и сталъ выспрашивать присутствующихъ.

— Молокомъ ее поили,—торопливо заговорила пани Страсевичъ,—по совѣту Лели... Хотя я настаивала, если это холера, такъ нужно горячіе компрессы и растираніе... Я это хорошо помню еще съ того времени, когда...

— Милая тетя, будьте добренькой, приготовьте ужинъ пану Вихлицкому... Онъ вѣрно съ дороги голоденъ, а у меня руки и все платье боюсь испачкано, — просила старушку Елена. Когда та ушла, она быстро повернулась къ Станиславу.

— Молоко, я слышала, лучшее средство отъ отравы... Юстина вѣдь тоже отравилась... Она созналась, взявши съ меня слово; но должна же я вамъ сказать, чтобы вы знали, какъ лѣчить... Она отравила неумышленно Семена. Видите, она призналась, что они съ Семеномъ давно... другъ друга любятъ! Въ послѣднее время Юстина замѣтила, что Семенъ охладѣлъ... и вотъ, она, по совѣту Сембата, подбавляла ему въ пищу ежедневно... лѣкарство... пока не случилось... Вотъ оно это лѣкарство...

Дѣвушка достала изъ подъ кровати бутылку, на днѣ которой осталось немного желтоватой жидкости. Вихлицкій осмотрѣлъ ее, понюхалъ, попробовалъ на языкъ.

— Семенъ все время прихварывалъ, но Юстина не подозрѣвала, что отъ лѣкарства, а думала отъ другого... пока утромъ не случилась съ нимъ рвота, судорога... Ужасно! Всѣ мы страшно испугались. Казалось, что онъ умретъ. Тогда она догадалась, выпила съ отчаянія остатокъ, а мнѣ разсказала все, чтобы спасти его... Мнѣ страшно жаль ее...

— Конечно, жаль... особенно потому, что вмѣсто смерти и любви будетъ у нихъ продолжительный катарръ желудка!—разсмѣялся Вихлицкій.

— Оба жить будутъ!?

— Конечно. Пойдемъ къ больному, можетъ быть проснулся.

Елена была непріятно задѣта его веселостью, которой онъ не старался даже сдержать. Дѣйствительно, онъ былъ очень доволенъ. Все навѣрное окончится благополучно, а между тѣмъ Семенъ навсегда былъ развѣнчанъ, уничтоженъ въ глазахъ Елены. Вихлицкій легко убѣдилъ пани Страсевичъ, что нѣтъ никакой опас-

ности, и веселымъ разсказомъ о скучной жизни въ мѣстечкѣ согналъ съ лица женщинъ грусть и заботу. Поблѣднѣвшія щеки дѣвушки опять зардѣлись, потемнѣвшіе глаза раскрылись широко и радостно. На мгновеніе ему удалось заглянуть туда, но это случилось разъ, а больше она не позволила. Будетъ съ него! Онъ уѣдетъ и найдетъ себѣ другую, ловкую и благовоспитанную, а она останется здѣсь навсегда съ мучительной печалью. Недаромъ Семенъ предостерегалъ, что этотъ „пріѣзжій“ опасный волокита... Она этому вполнѣ вѣритъ... Она сама убѣдилась...

На другой день утромъ больные почти поправились. Семенъ всталъ и работалъ дома. Юстина, все еще слабая, оставалась— въ постелѣ. Вихлицкій далъ указанія, что дѣлать въ случаѣ неожиданныхъ осложненій, и уѣхалъ послѣ обѣда. Коня онъ обѣщалъ отослать съ Селимомъ.

Цѣпь однообразныхъ дней, полныхъ будничнаго труда и сѣрыхъ впечатлѣній, постепенно затушевала въ душѣ дѣвушки воспоминанія послѣдней встрѣчи. Только общее неясное безпокойство все росло и росла жажда вырваться изъ этого мирнаго, соннаго угла. Здѣсь она рѣшила не оставаться ни въ какомъ случаѣ. Она догадалась, къ чему стремился Семенъ, поняла, что Юрій любитъ ее, узнала точно причину покушенія на самоубійство Юстины. Все это возбуждало въ ней раздраженіе. Въ то же время, хотя она и старалась объ этомъ не думать, она чувствовала на днѣ души другой образъ, прикрытый, точно вуалью, тоскою и сожалѣніемъ. При малѣйшемъ толчкѣ извнѣ, онъ всплывалъ ясно и вызывалъ на ея лицо и шею густой румянецъ. Вернется ли онъ? Увидитъ ли она его? Пріѣдетъ ли прощаться? Долженъ пріѣхать! Вѣдь Юрій нашелъ деньги! Въ воскресеніе пошлютъ ему съ армянами записочку. Теперь вторичное окапываніе кукурузы совершенно поглощало мужчинъ. Елена раздумывала о томъ, что скажетъ Вихлицкому въ часъ разлуки. Соображала и колебалась, не спросить ли ей совѣта, какъ вырваться ей отсюда, туда, гдѣ, какъ онъ говорилъ, люди живутъ и борются за чудное будущее, гдѣ всякій поступокъ получитъ и смыслъ, и содержаніе. Нужно только это такъ сдѣлать, чтобы онъ, Боже упаси, не подумалъ... И опять страхъ, что онъ что-нибудь заподозритъ, заставлялъ ее отказываться и отъ совѣта, и отъ разговора... Она сама, безъ всякой помощи, найдетъ и выходъ, и средства... Будетъ трудно, но она не попроситъ его... Нужно только торопиться, она уже не дѣвочка, ей двадцать лѣтъ, и каждый годъ для нея чрезвычайно много. Конечно, она ему не скажетъ, она только намекнетъ слегка, что и она не желала бы пройти безъ слѣда „какъ цвѣты или лѣсъ“. Это тогда онъ сказалъ: „живете какъ цвѣты“, но хотѣлъ вѣрно сказать „живете какъ звѣри!“—И онъ правъ:

работаемъ, чтобы ѣсть, и ѣдимъ, чтобы работать... Нѣтъ ничего, изъ-за чего бы ныло и болѣло сердце или потрясала тревога... Развѣ Юрій больше, чѣмъ слѣдуетъ, проплутаетъ въ лѣсу... Но къ этому всѣ привыкли и это другое... не общее, не грозное, не мощное и величавое... Нѣтъ, она покончитъ съ этимъ „мирнымъ сномъ"—она предпочитаетъ „страданія и даже гибель..." „Всѣ погибнемъ", вспоминала она его слова. Ахъ, если бъ пришелъ онъ, знающій, опытный, умный и такой добрый... и показалъ ей выходъ и тутъ среди этого лабиринта... Она бы имя его повторяла до конца дней съ благодарностью и любовью... Но онъ не идетъ... онъ даже недогадывается... Боже мой, какъ мужчинамъ необходимо, чтобы все было грубо и откровенно... Онъ пожалуй правъ, что здѣсь у нея все, что она любитъ, къ чему привыкла... Да, но не настолько, чтобы пожертвовать этому всю жизнь, которая вѣдь у насъ одна...

Засыпая, послѣднюю недѣлю, она не разъ думала о будущемъ воскресеніи, о письмѣ, объ армянахъ и предполагаемой встрѣчѣ, волновалась и билась съ мыслями.

И вотъ, въ одну лунную ночь, когда она, измученная жарой и внутренней борьбою, уснула очень поздно, показалось ей спросонья, что вѣтерокъ чуть приподнялъ колышущуюся занавѣску, и со двора влетѣла бабочка-ли, цвѣтокъ-ли, но что-то нѣжное и благовонное, что коснулось ея лица. Прикосновеніе, хотя легкое, было до того явственно, что Елена открыла глаза и сѣла. Дѣйствительно: рядомъ на подушкѣ лежала роза. Раньше, чѣмъ она сообразила откуда взялся цвѣтокъ, занавѣска опять чуть приподнялась и новый бутонъ ударилъ ее въ грудь. Удивленная она побѣжала къ окну: вѣтеръ казался ей не настолько сильнымъ. Она раздвинула занавѣску и сейчасъ же съ легкимъ крикомъ отскочила назадъ: тамъ, въ лунномъ сіяніи, съ ружьемъ на плечѣ стоялъ Вихлицкій, собаки ласкались къ нему, а онъ глядѣлъ въ окно и держалъ въ рукахъ связку цвѣтовъ.

— Выйдите!.. Простите! — тихо шепнулъ онъ, когда она вскрикнула.

Наступило тяжелое молчаніе. Онъ не дышалъ, чутко прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Теперь только онъ понялъ все безрасудство, всю нелѣпость и грубость своего поступка... Но жребій былъ брошенъ! Какъ сильно она должна была бы любить его, чтобы простить и выйти?.. На что разсчитывалъ онъ? Навѣрное не выйдетъ...

Ему было больно, стыдно, и онъ почти дрожалъ отъ страха.

— Не выйдетъ, не выйдетъ! Лучше уйти пока не замѣтили другіе,—повторялъ онъ.

А дѣвушка стояла между тѣмъ посерединѣ комнаты и при-

жимала руками колышущуюся грудь. Она была возмущена и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно счастлива.

— Выйдите, умоляю! Вы сердитесь, вы сердитесь!.. Если не выйдете, все для меня потеряно; я все объясню... Не думайте дурно обо мнѣ...

Онъ вздрогнулъ и сдѣлалъ шагъ къ окну. Ему показалось, что занавѣска шевельнулась и онъ сію минуту увидитъ ее. Но нѣтъ, это вѣтерокъ колыхалъ легкую ткань.

— На разсвѣтѣ я уѣзжаю, лошади готовы, вещи уложены...

— Такъ!.. Безъ прощанія!?—прошептала она.

— Выйдите, молю васъ! Возможно, что не вернусь. Экспедиція запоздала, а мнѣ поручено проникнуть къ ледникамъ Риштау!.. Не хотите? Такъ хоть руку протяните на прощаніе, дайте взглянуть въ лицо...

— Хорошо! Идите и подождите у воротъ. Юрій нашелъ деньги. Принесу ихъ вамъ, разъ вы не можете быть у насъ больше... Вѣрно онѣ будутъ вамъ нужны...

Дѣвушка говорила тихо, шопотомъ, но ему слова ея казались внятны, какъ крикъ. Онъ боялся, что въ домѣ проснутся, и эта чудная ночь, которая засіяла вдругъ для него и пахнула всѣмъ ароматомъ и нѣгой дальняго юга, что эта ночь превратится въ скучный заученный разговоръ за стаканомъ чаю. Онъ торопливо ушелъ, хотя не былъ увѣренъ, найдетъ-ли ворота, до того кружилась у него голова. Онъ прислонился къ столбу, ладони положилъ на дуло ружья, и безсильный, потрясенный глядѣлъ на долину. Онъ не двинулся, хотя слышалъ, что она идетъ. И только когда она, завернутая въ темную шаль, остановилась около него, онъ очнулся.

Они пошли по тропинкѣ на край пропасти.

— Вы пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ.

— И не боялись? А если бы васъ опять?..

— О, теперь... я бы свистѣлъ...

Елена засмѣялась.

— А вы знаете, Юрій деньги нашелъ?

— Да, вы говорили... Да, ну ихъ! Хватитъ тѣхъ, что прислали.

— Но вѣдь тамъ четыреста рублей. Цѣлехонькіе, только чуть, чуть заплѣснѣли... Мы ихъ высушили...

— Пускай останутся у васъ... на храненіи!

— Вы значитъ вернетесь!

— Поэтому только я и не былъ у васъ... прощаться. Я не могъ попрощаться молча, а сказать всего я не рѣшался... Я хотѣлъ сказать вамъ „люблю“ только тогда... когда я могъ бы... въ случаѣ... Я не хотѣлъ смущать васъ... мнѣ казалось, вамъ будетъ тяжело...

— Вы добрый! Это я знаю!..—шепнула она.

— Нѣтъ: я самонадѣянный... Не правда ли? Не безумно ли было прійти... Но когда я подумалъ, что могу не вернуться, могу никогда, никогда больше увидѣть васъ... Меня охватила такая тревога... Сонъ бѣжалъ отъ меня... Сѣлъ я писать,—не клеится. Въ комнатѣ Селимъ храпѣлъ... лошади бились въ загонѣ... Негдѣ ходить, вездѣ вещи, тюки, сѣдла... Взялъ я ружье и вышелъ пройтись, а какъ вышелъ, меня охватило такое непреодолимое желаніе—быть здѣсь еще разъ... Простите! Можетъ быть погибну...

— Развѣ такъ опасно?

— Тотъ не побѣждаетъ, кто не готовъ идти до предѣла!

— А вы?

— До сихъ поръ я не думалъ объ этомъ. Просто не боюсь! Незнаю почему—нѣтъ во мнѣ этого чувства. И въ этомъ, кажется, лежитъ вся суть успѣха...

— А теперь вы будете опасаться?

Онъ медлилъ отвѣтомъ.

Дѣвушка вздохнула.

Они присѣли на краю пропасти. Кругомъ стояли горныя вершины, темныя, зубчатыя, высокія, точно стѣны и бастіоны громадной крѣпости. Подъ ними внизу, сквозь вѣтви деревьевъ сверкала серебристая лента Аучи. Знойныя, благовонныя дуновенія долетали къ нимъ съ ущелій, съ лѣсу, съ луговъ. Елена отняла у него руку, которую онъ цѣловалъ и прижималъ къ груди.

— Какъ сыро!..—сказала она съ дрожью въ голосѣ, подымая упавшую шаль. Она отодвинулась отъ него и спрятала подъ платье маленькія ножки въ кавказкихъ „чувякахъ“.

— Разсказывайте, куда поѣдете и что тамъ будете дѣлать?

— Я хотѣлъ бы взобраться на самую вершину Риштау. Тамъ еще никто не былъ. Если это неудастся, то, по крайней мѣрѣ, изслѣдовать ледники и геологическія формаціи со стороны истоковъ Уруха. Это самая недоступная часть горы. Рѣка Урухъ—одна изъ быстрѣйшихъ въ этой части Кавказа. Ущеліе очень крутое съ отвѣсными стѣнами, что въ связи съ частыми обвалами и наводненіями, дѣлаютъ его по общему мнѣнію недоступнымъ... Но я надѣюсь добраться! По всѣмъ даннымъ тамъ можно найти обнаженія такихъ геологическихъ напластованій, которыя перевернутъ вверхъ дномъ геологію Кавказа.

— А если погибнете!?

Онъ опять промедлилъ отвѣтомъ.

— Не погибну... Не отнимайте у меня рѣшимости...—прошепталъ онъ, наклоняясь къ ней.

— Хорошо: я не скажу больше!..

— Знаешь, съ первой минуты, когда я увидѣлъ тебя надъ

собою свѣтлую и золотую, я подумалъ, ты именно та... моя... И какъ странно случилось, что я нашелъ тебя... Вѣдь я могъ не найти тебя... Ахъ, какъ трудно найти новыя настоящія слова любви... И какъ они невообразимо хороши.

— Именно—невообразимо! Я не представляла себѣ совсѣмъ!.. Только... есть въ ней какое-то... страданіе... Сядь, милый, ниже, чтобы я могла положить руку на твою голову... Смотри на долину и говори... о себѣ. Ты вѣрно любилъ не разъ, а я люблю впервые... Мнѣ страшно, мнѣ безпокойно!..

Онъ чувствовалъ, какъ дрожали ея пальцы, покоящіеся на его волосахъ, и самъ былъ глубоко тронутъ ея тревогой и взволнованъ.

— Теперь вмѣстѣ пойдемъ въ жизни...

— О, какъ я любить тебя буду... Вѣдь ты откроешь для меня этотъ міръ, о которомъ ты говорилъ, полный дѣлъ важныхъ и святыхъ... Все, что ты любишь и знаешь...

— Теперь люблю только одну тебя!..

Она засмѣялась и наклонилась къ нему.

— А, между тѣмъ, уѣзжаешь завтра!

— Чтобы вернуться и получить тебя навсегда!

— Да, да! Мы даже умремъ вмѣстѣ...

Онъ снова хотѣлъ овладѣть ея рукою, но она не дала ему.

— Не хочешь, а между тѣмъ смотри: уже свѣтаетъ!

Онъ всталъ и протянулъ руку къ востоку; и она встала и съ испугомъ глядѣла на быстро бѣлѣющій надъ горами небосклонъ.

— И ты сейчасъ уйдешь?

— Да! Проводники ждутъ. Имъ приказано явиться съ восходомъ солнца. Если не прійду, уйдутъ и трудно ихъ будетъ поймать... Небрежность всегда роняетъ авторитетъ начальника... Они должны меня слушать и уважать! Въ этомъ только моя сила! Вчера мы рѣшили до жары перевалить вотъ этотъ хребетъ!

— Высоко!

— Зато дальше будетъ хорошо, поѣдемъ долиною нагорной рѣчки... Тихо поѣдемъ; тамъ тоже много интереснаго. Развѣ не поцѣлуешь меня?—спросилъ онъ, не отпуская ея руки.

Она отрицательно покачала головою.

— Нѣтъ! Чувствую, что если поцѣлуешь меня, заплачу... страшно расплачусь!.. Зачѣмъ? Вѣдь вернешься.

— Вернусь... милая... вернусь... вернусь... На крыльяхъ прилечу! Прощай!..

— Не говори такъ. Прощай! Я суевѣрна... Скажи до свиданія... Не цѣлуй... не цѣлуй... Точно сердце уходитъ... Будь остороженъ, умоляю тебя... Не упади гдѣ-нибудь въ пропасть!..

Онъ махнулъ ей въ послѣдній разъ шляпой и сталъ быстро

спускаться по слабо заросшей кручѣ горы, розовой отъ блеска зари. И все онъ оглядывался, пока, наконецъ, ее не закрыла грань темнаго обрыва. Еще разъ со дна долины Вихлицкій увидѣлъ Елену, она стояла неподвижно съ рукою на груди все на томъ же камнѣ.

VIII.

Всѣ, не исключая пани Страсевичъ, замѣтили удивительную перемѣну въ дѣвушкѣ. Ея движенія, рѣчь, пріобрѣли особую серьезную прелесть, а въ лицѣ сіяла такая доброта, такое ровное, милое ко всѣмъ участіе, что даже Семенъ, который съ нѣкоторыхъ поръ сталъ къ ней злобно придираться, опять покорился и ворчалъ только за глаза. Впрочемъ, и на это онъ осмѣливался только въ отсутствіе Юрія, такъ какъ пылкій юноша при малѣйшемъ порицаніи дѣвушки вспыхивалъ какъ порохъ. Естественные союзницы Семена—мать да Юстина—тоже съ нимъ не соглашались, мать—по привычкѣ, а Юстина, потому что не разъ въ мучительные моменты она выплакивала теперь свои страданія на груди дѣвушки. Семенъ разъ какъ-то застигъ ихъ вдвоемъ, догадался, что Елена *все* знаетъ и нѣсколько дней ходилъ мрачный, какъ туча.

— Видишь, Лёля, какъ все это путается... даже въ такомъ маленькомъ обществѣ, какъ наше, какъ все это многосложно,— заговорилъ онъ грустно съ дѣвушкой, поймавъ ее, наконецъ, наединѣ.—Ты только ее жалѣешь, а между тѣмъ.. Ну, посовѣтуй, что дѣлать?

— Женись на ней!

Семенъ покачалъ головою.

— Стара она!.. Дѣтей у насъ не будетъ... Да и зачѣмъ это ей?.. А для меня, видишь, нѣтъ будущности безъ семьи... Зачѣмъ работать? Зачѣмъ хлопотать? Виноватъ я, но несу я тяжелое наказаніе за ошибку молодости... Она была старше меня, она была опытнѣе... Теперь ея привязанность для меня хуже кандаловъ. Сознайся, если бы не она, ты, можетъ быть, полюбила бы меня... современемъ...

Дѣвушка встряхнула отрицательно головой.

— Почему? Ты раньше дружила со мной!

— Знаешь, Семенъ: ты и Юрій непремѣнно... непремѣнно должны продать хуторъ или *такъ* уѣхать на нѣкоторое время на Родину... Тамъ много хорошихъ женщинъ. Объ этомъ вамъ нужно подумать заблаговременно... Самое лучшее продать... Здѣсь ваша жизнь проходитъ даромъ...

Семенъ задумался.

— Значитъ и Юрій, говоришь?..

Дѣвушка не отвѣтила.

Старшій Страсевичъ, между тѣмъ, въ серьезъ, повидимому, принялъ ее совѣтъ. Съ этого дня онъ громко сталъ говорить о продажѣ колоніи, о безполезной жизни вдали отъ родного народа. Елена съ гордостью узнавала въ его разсужденіяхъ мнѣнія Вихлицкаго. Тѣмъ не менѣе она не совсѣмъ ему довѣряла. По временамъ онъ подолгу не спускалъ съ нея мрачнаго взгляда, а пойманный ею, переводилъ его на мать, на Юрія, куда-нибудь вдаль, тщательно минуя Юстину. Наконецъ, онъ сталъ подъ предлогомъ поисковъ купца отлучаться въ мѣстечко и все чаще и чаще возвращался оттуда пьянымъ.

— Отъ тебя по-ги-баю!—бормоталъ онъ тогда Еленѣ. Юстина брала его подъ свое попеченіе, счастливая, что опять, хоть на минуту, она ему нужна и близка. Юрій молчалъ и работалъ за себя и за брата, а пани Страсевичъ жила въ полномъ невѣдѣніи положенія.

— Старѣетъ Семенъ,—сожалѣла она.—Эти дѣла городскія да разъѣзды сильно его утомляютъ. Помню раньше, бывало, пѣшкомъ два раза дальше сходитъ и не замѣтно; теперь верхомъ ѣздитъ, а по возвращеніи глазами хлопаетъ, ничего разсказать не можетъ, и сейчасъ... Опять что-то его долго нѣтъ!

На верандѣ стоялъ на столѣ пустой самоваръ, грязная чайная посуда и горѣла лампа. Ночныя бабочки густо летали и бились крыльями о фарфоровый абажуръ. Юрій въ сторонѣ чинилъ сломанную лопату для вѣйки хлѣба. Юстина отсутствовала, а Елена, прислонившись къ столбу крыльца, тоскливо глядѣла къ даль. Ночь такая свѣтлая, серебристая, какъ та, въ которую ушелъ Вихлицкій, покрыла окрестности. Съ того времени прошелъ почти мѣсяцъ. Дѣвушка пробовала угадывать, глядя на вершины горы, гдѣ *онъ*, что дѣлаетъ, когда пріѣдетъ или дастъ о себѣ вѣсточку. Скрипъ калитки обратилъ ея вниманіе. Возвращался Семенъ. Онъ былъ, какъ всегда, пьянъ, но въ его фигурѣ на этотъ разъ что-то поразило ее. Онъ не направился, какъ всегда къ черному ходу, къ кухнѣ, чтобы подъ предлогомъ ухода за лошадью оттянуть сколько возможно появленіе въ обществѣ. Нѣтъ, онъ шелъ прямо къ нимъ. Поводья постоянно выскользали у него изъ рукъ, онъ оступался и покачивался и всякій разъ его красивая горная лошадка храпѣла и пятилась отъ него. Юрій сбѣжалъ съ лѣстницы и грубо отнялъ у него животное. Семенъ остановился въ нерѣшительности у нижнихъ ступенекъ; очевидно, подъемъ былъ ему не подъ силу.

— Не пугайся...—пробормоталъ онъ и уставился полусознательнымъ взглядомъ въ Елену.—Не пугайся!.. Будешь моею... Даже исправникъ... даже самъ губернаторъ... ничего не подѣлаетъ... не

найдетъ... Будетъ!.. Урухъ исчезъ и никто... его... не найдетъ! Не увернешься... будешь моей... Разсѣялся... развѣялся, какъ хотѣлъ... въ безконечности жизни... Вотъ и все! И только! И не вернется... Да, да!..

Елена въ мигъ очутилась около него.

— Что?.. Кто исчезъ?!

— Урухъ, говорю тебѣ... Пусти, оборвешь рукавъ... Безконечность жизни... Ха! ха!.. Что тебѣ... Вѣдь я остался,—смѣялся онъ противно.

— Кто исчезъ?.. И кто тебѣ сказалъ?—настаивала Елена. Ей почему-то показалось, что Семенъ менѣе пьянъ, чѣмъ притворяется.

— Урухъ исчезъ... Урухъ, говорю... Добрая душа,—Гуциръ-оглы посадилъ меня на лошадь... И вотъ я пріѣхалъ...

— Юрій, тамъ вѣрно Вихлицкій!—вскрикнула Елена, блѣдная какъ платокъ.

— Именно... Вихлицкій...

— Что ты слушаешь его, пьяницу! Иди въ свою комнату!—возмутилась пани Страсевичъ. Всѣ были чрезвычайно взволнованы и смущены. Юрій мрачно глядѣлъ на брата, котораго тщетно старалась приподнять со ступенекъ Юстина.

— Прочь... Иди... Я спокоенъ... я...—бормоталъ онъ отбиваясь.

— Юрій, ты уже разсѣдлалъ коня? Мнѣ необходимо сейчасъ съѣздить въ городъ...—заговорила тихо, но рѣшительно Елена.

— Теперь?.. Ночью? Безуміе! Да ты ничего не узнаешь... и еще случится съ тобой что-нибудь... Безуміе, прямо безуміе... Мама, слышишь, что говоритъ она?

— Она не поѣдетъ! Елена, что случилось?.. Я совсѣмъ не понимаю!.. Зачѣмъ тебѣ ѣхать?.. Стыдно... Боже мой, Боже! Милліонъ несчастій... Семенъ пьянъ, наплелъ Богъ знаетъ что... Наказаніе Господне!.. Не слыханное дѣло: сынъ, мой сынъ—пьяница! Давно я уже чуяла, но не рѣшалась даже сознаться... Сынъ Эдуарда Страсевича—пьяница!.. Елена, сейчасъ отправляйся въ свою комнату!..—жалобно причитала старушка.

Елена не трогалась. Она прислонила голову къ столбу, стиснула свисшія руки, закрыла глаза и шептала сжатыми губами:

— Я хочу!.. я хочу!.. я должна!..

На ея рѣсницахъ дрожали слезы, и вся она, застывшая въ мѣсячномъ сіяніи, походила на статую отчаянія. Юрій исподлобья глядѣлъ на нее и судорога сводила его лицо.

— Если хочешь, непремѣнно, я пойду... хотя теперь спятъ въ мѣстечкѣ и нѣкого даже разспросить... И ничего раньше утра я не узнаю...

— Ну да, всѣ спятъ... Куда ты пойдешь?.. Пойдешь завтра, слышишь, Юрій... Все это капризы... Неприличные капризы... Вижу, мнѣ придется барышню прибрать къ рукамъ! Мы потолкуемъ. Извольте отправляться въ комнату сейчасъ! — говорила старушка и увела дѣвушку за руку.

Та не сопротивлялась, только взглянула умоляюще на Юрія, а тотъ кивнулъ въ отвѣтъ головою. Она знала хорошо этотъ упрямый, полный преданности жестъ юноши еще съ дѣтства, когда онъ послѣ потасовки каялся и клялся, что ради нея онъ готовъ „въ огонь и въ воду!..“

Въ комнатѣ старушка поставила на столѣ взятую съ веранды лампу и усѣлась въ кресло.

— Скажи мнѣ, дѣточка, что все это значитъ!? Почему ты такъ волнуешься? Конечно, судьба этого человѣка ужасна. Но онъ мужчина, а ты дѣвушка и это очень неприлично... Скажи мнѣ, милочка, что онъ тебѣ говорилъ? что у васъ было?

Пани Страсевичъ взглянула на Елену, пристальнымъ, подозрительнымъ взглядомъ.

— Я тебѣ довѣряла,—продолжала старушка,—и ему довѣряла... Онъ казался благороднымъ человѣкомъ, говорилъ много хорошаго... А про тебя я думала, что ты, воспитанная въ правилахъ старинной добродѣтели, не позволишь себѣ никогда... Вѣдь я видѣла, что оба вы увлекаетесь... Но думала, онъ просто ухаживаетъ, какъ обыкновенно ухаживаетъ молодежь... Что же ты не говоришь, нехорошая дѣвочка!.. И какой грѣхъ будетъ у меня на душѣ... вѣчный укоръ изъ-за тебя, если онъ чего Боже упаси... погибъ... или не вернется!..

— Не говори, тетя, не говори такъ: онъ вернется,—воскликнула въ отчаяніи дѣвушка, склоняя свою золотую головку на колѣни старушки.

— Онъ говорилъ... что вернется. Онъ долженъ былъ уѣхать... У него есть мать, которая осталась теперь одинешенька. О, тетя! Я умру... непремѣнно умру, если что нибудь съ нимъ случится...

Дѣвушка плакала, уткнувшись лицомъ въ колѣни старушки; вдругъ она вскочила.

— Ты куда?

— Сейчасъ вернусь, тетя!

Она побѣжала въ комнату Юрія и въ темнотѣ обшарила стѣну, гдѣ обыкновенно висѣло его ружье. Ружья не оказалось. Не успѣла она обернуться, какъ въ дверяхъ появилась пани Страсевичъ съ лампой.

— Видишь: пошелъ! Пойдемъ, дѣточка, будемъ ждать его обѣ! Пусть будетъ, какъ рѣшилъ Богъ. Только ты помни, что мы всегда тебя любили крѣпко и искренно!

Пани Страсевичъ опять сѣла въ кресло и приказала дѣвушкѣ положить голову къ себѣ на колѣни; разспустила ея золотые волосы и стала худыми, морщинистыми пальцами перебирать длинныя, мягкія косы.

— Видишь, дѣтонька, это судьба большинства женщинъ. Всякая любитъ разъ въ жизни глубоко, страстно—жалкія, которыя не узнали этого—но рѣдко имъ удается соединиться съ человѣкомъ любимымъ этой единственной любовью. Большинство вѣчно протягиваетъ руки къ отошедшимъ. То они остались равнодушны, то сближеніе невозможно по другимъ причинамъ, то бѣдность мѣшаетъ... Можетъ быть, оно и лучше, потому что эти браки по страстной любви всегда почти несчастны; вѣкъ свой не успокоятся, волнуются, спорятъ, какъ я съ Эдуардомъ... Правда я чувствую, еслибъ пришлось все вновь передѣлывать, я бы все-таки вышла за него. Но я была душа неспокойная, любила героевъ, а онъ былъ герой и всѣ его за героя почитали. По разсудку лучше всего, когда мужъ любитъ жену, а жена дѣтей... Тогда въ домѣ согласіе и спокойствіе, а это уже большой для женщины выигрышъ. Нѣтъ никакого подвига въ томъ, что этотъ Вихлицкій въ тебя влюбился! Ничего онъ этимъ не доказалъ! Тебя вѣдь всѣ любятъ!..

— Тетя, кажется, лаютъ собаки. Пойду, посмотрю не Юрій ли?

— Какъ можно? Гакъ далеко... Вѣдь онъ пѣшкомъ... Тебѣ показалось. Ужъ я этому Вихлицкому надеру уши за то, что такъ дитя мое мучитъ. Отдамъ ему тебя, что подѣлаешь, хотя, право, не стоитъ... Была ты у насъ одна и ту онъ отнялъ... а вѣдь тамъ ихъ... другихъ... у него много...

Елена безпокойно задвигалась.

— Тетя, ты что-нибудь знаешь?

— Ничего я не знаю. Не смотри, какъ подстрѣленная коза! Вернется и женится на тебѣ, вотъ и все... Потерялся какой-то Урухъ, а не онъ... Слышала!? Вѣдь Семенъ ясно сказалъ. Значитъ неизвѣстно!

— Урухъ—это рѣка, къ истокамъ которой пошелъ Вихлицкій...

— Ну да, рѣчка!.. Что же что рѣчка... Рѣчки здѣсь часто теряются, перемѣняютъ направленіе... А онъ вернется.. Къ тебѣ и невернулся бы!

Пани Страсевичъ вздохнула и перекрестилась.

— Тетя, ты, знаешь, засни, а меня отпусти на обрывъ, тамъ ближе... Какъ скоро я услышу Юрія прибѣгу и тебя разбужу...

— Нѣтъ, дитя мое, я не усну. И тебя одной не отпущу. Еще пойдешь по дорогѣ въ городъ и повстрѣчаешь бродягъ... Къ тому же роса холодная, простудишься! Или вотъ что сдѣлаемъ: пойдемъ обѣ. Отыщи мою шаль, а сама надѣнь накидку... Я пока схожу...

къ этому... Боже мой, Боже!.. милліонъ несчастій!.. Только подумать!..

Вернувшись отъ Семена старушка разрыдалась не на шутку. Нужно было ее утѣшить, уложить въ постель, прогулку оставить. Пани Страсевичъ кашляла, охала, просыпалась и часто подзывала къ себѣ дѣвушку.

Вспыхнула заря, взошло солнце, туманы съ горныхъ покатостей поднялись выше, синева неба накалилась, а Юрія все не было видно. Въ домикѣ загудѣли обычные голоса. Въ кухнѣ хозяйничала Юстина, со скотнаго двора доносились окрики Семена. Елена оттягивала выходъ изъ комнаты. Ей было крайне непріятно думать о встрѣчѣ съ Семеномъ или Юстиной. Между тѣмъ необходимо было приготовить завтракъ. Привычка работать наравнѣ съ другими и надежда, авось они не спрошенные скажутъ ей что-нибудь о Вихлицкомъ, въ концѣ подвинули ее къ дверямъ. Только она нажала ручку, какъ пани Страсевичъ проснулась и окликнула ее. Даже руками всплеснула старушка, увидѣвъ ея почернѣвшія, высохшія губы и воспаленные глаза.

— Ты совсѣмъ не спала! Юрія все еще нѣтъ? Семена ты видѣла, ты распрашивала? Нѣтъ! Ну такъ позови его ко мнѣ!

Семенъ не пришелъ, а послалъ вмѣсто себя Юстину. Долго женщины запершись разговаривали съ собою. Юстина вышла оттуда чрезвычайно смущенная и заплаканная. Когда Елена принесла пани Страсевичъ чашку чаю, предполагая, что та еще лежитъ въ постели, она застала старушку на молитвѣ передъ иконою.

— Семенъ ничего точно не знаетъ. Потерпи. Скоро долженъ прійти Юрій. Ты, милочка, принесла чаю! Хорошо!

Къ концу завтрака явился на тропинкѣ Юрій. Елена хотѣла броситься къ нему, но пани Страсевичъ придержала ее за рукавъ. Юрій усталый и сумрачный въ нѣсколькихъ словахъ передалъ, что случилось: обвалъ засыпалъ входъ въ ущеліе Уруха. Рѣка запружена, не плыветъ. Вихлицкій въ моментъ обвала, находился въ ущеліи, но погибъ онъ или спасся—неизвѣстно. Сообщеніе привезъ въ городъ осетинъ изъ деревушки у входа въ ущеліе, гдѣ Вихлицкій оставилъ часть своего груза. Изъ города сейчасъ же дали телеграмму въ общество, пославшее Вихлицкаго, а завтра становой приставъ поѣдетъ на мѣсто для розысковъ и составленія описи оставленнымъ вещамъ. Елена, которая во время разговора до того поблѣднѣла, что пани Страсевичъ въ испугѣ поддержала ее за талью, вдругъ выпрямилась:

— Поѣду и я! Они его не найдутъ, не будутъ даже искать его... Юрій, милый братъ... Ты, который иголку въ горахъ найти въ состояніи... Мой милый... мой дорогой,—ѣдемъ!

Она склонилась низко передъ нимъ и искала руки, чтобы цѣ-

ловать ихъ. Онъ взволнованный пятился и съ тоскою глядѣлъ на дѣвушку.

— Ты вѣдь любилъ меня, Юрій, а *онъ*—часть меня... душа моя лежитъ тамъ и... коршуны рвутъ его тѣло! Вѣдь онъ твой соотечественникъ, твой братъ, Юрій!

— Онъ могъ спастись!..—бормоталъ Юрій.—Вихлицкій смѣлъ и находчивъ, а Селимъ лучшій въ округѣ проводникъ. Хорошо, хорошо!.. Если ты думаешь, что я могу... я пойду... куда хочешь пойду!

Она обхватила его шею.

— Ты думаешь, что можетъ быть онъ живъ!? Поѣдемъ, поѣдемъ! Вы и меня должны взять съ собою... Я не останусь, не могу!.. Говоришь, что могъ спастись!? Спасибо тебѣ... Только бы поскорѣе!.. У меня вѣдь есть четыреста рублей Вихлицкаго... Мы купимъ лошадей и сегодня еще вечеромъ... Вѣдь правда, Юрій, нужно спѣшить!..—говорила она лихорадочно и на восково-блѣдныхъ щекахъ ея выступилъ яркій румянецъ.

Пани Страсевичъ въ началѣ ошеломленная проектомъ, согласилась послѣ краткаго совѣщанія съ Юріемъ.

— Ни къ чему! Если не придавило, такъ навѣрно утонулъ! Но путешествіе успокоитъ ее!

— Именно: возьми ее, Юрій! Непремѣнно возьми. Самъ не особенно лѣзь, но если безъ опасности можно отыскать тѣло, то постарайся... Мальчикъ стоилъ человѣческихъ похоронъ. Все-таки жалко его... Былъ хорошихъ правилъ, хорошей семьи и, нужно думать, очень способный... Царство ему небесное!

Весь слѣдующій день шли лихорадочныя приготовленія къ дорогѣ. Семенъ пошелъ сейчасъ же за перевалъ покупать у армянъ вторую лошадь. Другіе укладывали вещи, провизію. Пани Страсевичъ не однократно во время работъ посматривала на Юрія и Елену, занятыхъ дѣломъ, улыбалась, но тутъ же сейчасъ вздыхала и дѣлала незамѣтно крестъ, прогоняя сатану, который искушалъ ее радоваться несчастію ближняго.

В. Сѣрошевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ.

(Переводъ съ польскаго).

Ой пошла бъ я жить на волѣ,
Словно вихрь, что свищетъ въ полѣ,
Свищетъ въ полѣ, вьется птицей,
Гонитъ тучи вереницей
Въ роковую даль.
Только сердцу жаль
Той нивы,
Гдѣ надъ рѣчкой плачутъ ивы,
Гдѣ родныя кости тлѣютъ
И колосья мирно зрѣютъ.
Только сердцу жаль!

Ой пошла бъ я въ путь далекій,
Какъ идутъ весной потоки,
Какъ плывутъ рѣчныя воды,
И сплетаютъ хороводы,
И блестятъ какъ сталь.
Только сердцу жаль
Той хаты,
Гдѣ разросся дубъ косматый,
Гдѣ сверкаетъ садъ росою,
Гдѣ луга звенятъ косою.
Только сердцу жаль!

Ой пошла бъ я хоть за море
Разогнать нѣмое горе,
Въ сумракъ ночи безпросвѣтной
Понесла бы кладъ завѣтный,
Пенесла печаль
Только сердцу жаль
Орленка,
Что въ степи клекочетъ звонко,
Что надъ лѣсомъ птицу гонитъ,
Молодыя перья ронитъ.
Только сердцу жаль!

Танъ.

НА МОНБЛАНЪ.

(*Окончаніе*) *)

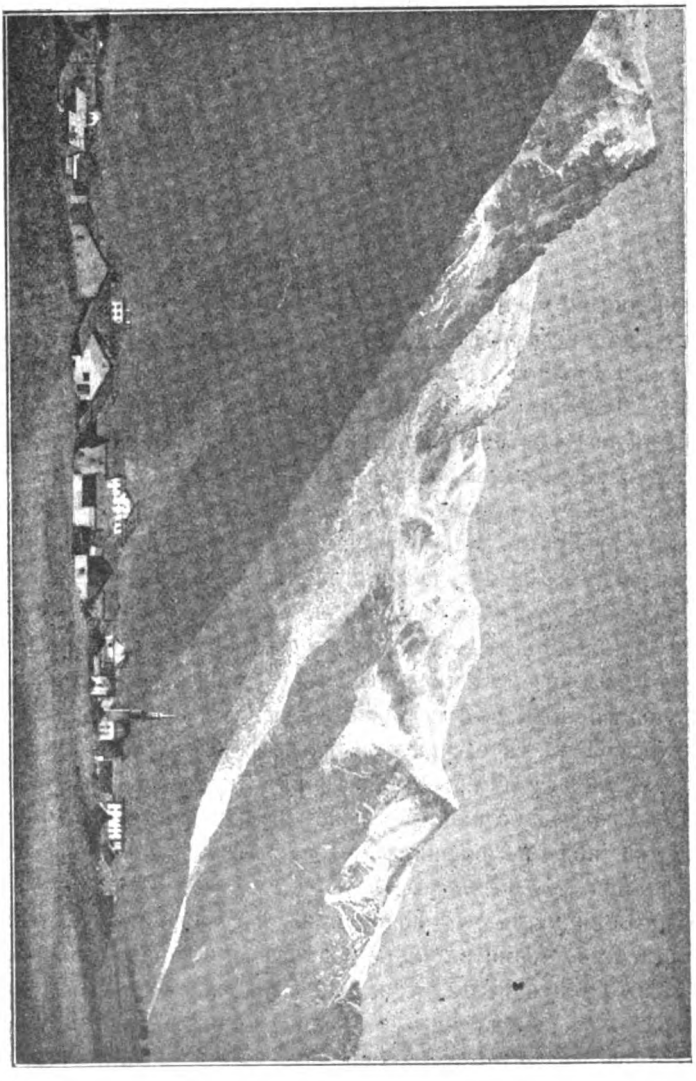
III.

Первые дни по моемъ пріѣздѣ въ Шамуни самая вершина Монблана была закутана легкими облаками, указывавшими на то, что на верху былъ сильный вѣтеръ. Эти дни я употребилъ на прогулки на ледникъ де-Боссонъ, Флежеръ, Каскадъ де-Блетьеръ, Монтанверъ съ его дивнымъ ледникомъ, получившимъ названіе Ледяного Моря, и къ нижней части послѣдняго, носящей названіе Лѣсного ледника—Гласье де-Буа,—изъ котораго съ страшнымъ ревомъ, клубясь и пѣнясь, вытекаетъ притокъ Арвы Арвейронъ. Кто-то справедливо сказалъ, что горы нельзя любить въ половину. Къ нимъ или остаешься равнодушнымъ, или отдаешься имъ съ полнымъ увлеченіемъ. Вершины Монблана все еще не было видно, но начинало влечь туда неотразимо, на эту высочайшую гору Европы, которая представлялась чѣмъ-то таинственнымъ, окутаннымъ величіемъ опасностей, изъ которыхъ человѣкъ вышелъ тѣмъ не менѣе побѣдителемъ. Есть своего рода поэзія въ побѣжденіи опасностей, хотя по правдѣ сказать, если погода благопріятна, восхожденіе на Монбланъ требуетъ только выносливости, но не представляется столь опаснымъ, какъ кажется издали, и какимъ является восхожденіе на нѣкоторыя другія вершины.

Черезъ хозяйку отеля я познакомился съ однимъ очень хорошимъ гидомъ по имени Франсуа Мѣнье. Отъ него я узналъ, что восхожденіе на Монбланъ не представляется еще возможнымъ вслѣдствіе сильнаго вѣтра. Онъ предложилъ мнѣ пока сдѣлать прогулку вверхъ по Ледяному Морю въ такъ-называемый Садъ (Жарденъ). Это трехугольная скала посреди ледника Талефра, какъ стѣнами окруженная со всѣхъ сторонъ моренами, словно островъ по срединѣ Ледяного Моря, на высотѣ 2.787 метровъ. Здѣсь есть небольшой источникъ, вокругъ котораго къ концу лѣта расцвѣтаютъ прелестные альпійскіе цвѣты, отчего онъ и получилъ свое поэтическое названіе. Дикая чарующая природа горныхъ

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

вершинъ и ледниковъ раскрывается здѣсь во всей своей красѣ и величіи. Ледяное Море—одинъ изъ самыхъ типичнѣйшихъ альпійскихъ ледниковъ съ краевыми и срединными моренами, трещинами, ледяными пирамидами и сераками, ледниковыми столами и колодцами. Онъ образуется изъ сліянія трехъ главныхъ ледниковъ—ледника Талефра, Лешо



Шамуни и Монбланъ.

и Гиганта. Здѣсь я получилъ первое знакомство съ трудностями восхожденій. При разставаніи, мой гидъ сказалъ мнѣ что, по его мнѣнію, можно ждать хорошей погоды, и въ ближайшіе дни предпринять восхожденіе на Монбланъ.

Черезъ день, вечеромъ, я снова видѣлся съ своимъ гидомъ, и онъ сказалъ, что погода довольно благопріятна и что завтра можно, пожалуй,

идти на Монбланъ, но что лучше еще подождать немного, если время терпитъ, такъ какъ неизвѣстно, насколько погода устойчива. Мы ходили съ нимъ вмѣстѣ разсматривать огромный, прекрасно сдѣланный рельефъ всей цѣпи Монблана, на которомъ можно видѣть во всѣхъ подробностяхъ пути различныхъ экскурсій. Здѣсь же французъ, показывающій свое произведеніе, разсказываетъ о тѣхъ катастрофахъ, которыя случились на Монбланѣ и прилежащихъ вершинахъ.

На другой день, 5-го іюля новаго стиля, проснувшись около 7 часовъ утра, я вышелъ на террасу. Небо въ сторону Бреванъ было покрыто облаками, но надъ цѣпью Монблана не было ни одного облачка. На темной синевѣ ясно вырисовывалась бѣлоснѣжная вершина колосса, на которой въ телескопъ можно было отчетливо различить обсерваторію Жансена. Мною овладѣло прямо лихорадочное стремленіе туда, въ эту далекую заоблачную высь, которое усилилось еще тѣмъ болѣе, когда я узналъ, что цѣлый караванъ отправился на Монбланъ рано утромъ. Послѣ оказалось, что эти туристы намѣрены были подняться только до Гранъ Мюле. Я готовъ былъ сердиться на своего гида и даже сомнѣваться въ немъ, готовъ былъ взять другого, чтобы только онъ велъ меня на вершину. Я послалъ за Мёнье. «Неужели же и теперь нельзя еще идти на Монбланъ? Вѣдь отправились же другіе».—«Да,—сказалъ онъ мнѣ,—кажется, погода будетъ благопріятна, хотя навѣрно поручиться еще нельзя. Вѣтеръ наверху можетъ измѣниться каждую минуту».—Онъ отправился сдѣлать необходимыя приготовленія и взять носильщика. По правиламъ бюро для восхожденія на Монбланъ путешественникъ долженъ брать, по меньшей мѣрѣ, двухъ проводниковъ, которымъ приходится платить по сто франковъ, и одного носильщика за 50 франковъ; каждый новый туристъ беретъ еще одного проводника. Такимъ образомъ, считая, кромѣ того, необходимые расходы, и притомъ довольно большіе, на провіантъ, ночевку въ Гранъ Мюле и такъ далѣе, восхожденіе на Монбланъ, особенно если его дѣлаешь одинъ, обходится довольно дорого. Однако, это правило всегда можно обойти и взять одного проводника и одного носильщика, хотя это является уже нѣсколько рискованнымъ въ случаѣ, если застигнетъ дурная погода или путешественникомъ овладѣетъ сильное изнеможеніе. Мёнье, однако, успокоилъ меня тѣмъ, что онъ увѣренъ въ моихъ силахъ, а носильщикъ, котораго онъ возьметъ, будетъ такъ же хорошъ, какъ онъ самъ, и что двухъ человѣкъ будетъ достаточно. Это былъ молодой скромный малый, по имени Жозефъ Куттэ, дѣлавшій восхожденіе на Монбланъ въ первый разъ.

Я торопился одѣваться и сдѣлать необходимыя приготовленія. Несмотря на значительный холодъ, котораго можно всегда ожидать при большихъ поднятіяхъ, одежду приходится брать довольно легкую, чтобы не тяжело было идти. При такихъ экскурсіяхъ чувствуется всякая излишняя тяжесть. Кромѣ того, на ходу холода почти не чувствуешь. На мнѣ было надѣто шерстяное бѣлье, тирольская куртка, такая же

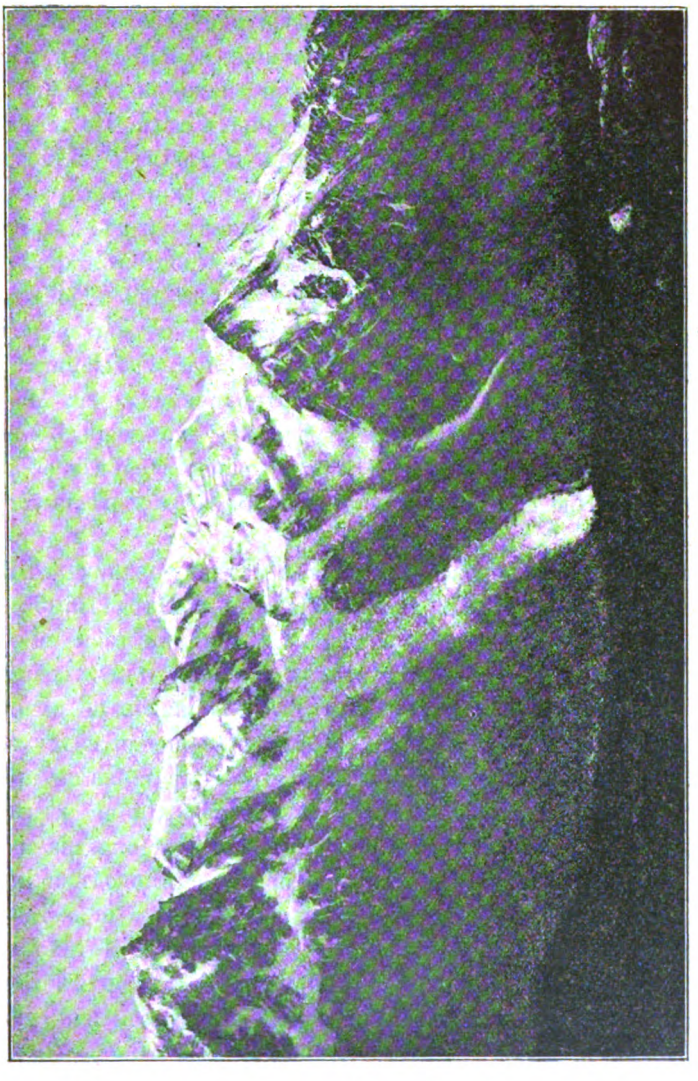
шляпа съ привязанной къ ней веревочкой отъ вѣтра еще съ экскурсіи въ Жарденъ, на ногахъ шерстяные чулки и башмаки изъ толстой кожи на толстыхъ подошвахъ, подкованныхъ крѣпкими гвоздями. Въ карманѣ лежали теплыя перчатки и темные очки отъ солнца, въ рукахъ неизбѣжный піоле или ледяной топоръ. Приблизительно также были одѣты и гиды. Про запасъ была взята еще другая теплая рубашка, вторая пара шерстяныхъ чулокъ, суконный пиджакъ, гетры отъ снѣга и туфли, чтобы было что́ надѣть при остановкѣ въ Гранъ Мюле, когда будутъ сушиться мои башмаки. Все это вмѣстѣ съ провизіей, которая состояла изъ курицы и полубутылки коньяку (остальное мы предполагали, чтобы не тащить съ собой лишняго, взять въ Гранъ Мюле), было уложено въ легкій мѣшокъ съ ремнями для ношенія за спиной, который взялъ нести мой носильщикъ. Въ такихъ же мѣшкахъ взяли запасную одежду мои проводники. Кромѣ того, была взята большая жестяная фляга для вина и крѣпкая длинная веревка, которой мы должны были связаться, какъ скоро вступимъ на ледникъ. Я захватилъ съ собою также небольшой фотографическій аппаратъ, при помощи котораго снималъ во время восхожденія фотографіи.

Въ 9 часовъ 5 минутъ мы вышли изъ Шамуни. Мы перешли черезъ мостъ около нашей гостинницы на лѣвую сторону Арвы и вышли на площадь, гдѣ поставленъ памятникъ Соссюру и Бальма. Бальма какъ будто намъ указывалъ на бѣлоснѣжную вершину исполина горъ, такъ заманчиво рисовавшуюся на темносинемъ небѣ. Дорога шла по лѣвой сторонѣ Арвы, за которой на фонѣ горъ Бревана красовался, освѣщенный лучами утренняго солнца, Шамуни. Пройдя мимо небольшихъ группъ домиковъ Пра-Кондюи, Бара и Тсуръ, мы вступили въ еловый лѣсъ, весь заваленный каменьями—остатками моренъ когда-то проходившаго здѣсь ледника. Темная зелень съ огромными красноватыми и сѣроватыми камнями на первомъ планѣ, ослѣпительно бѣлый снѣгъ съ зеленоватыми полутонами льдовъ и темносинее небо даютъ необыкновенно гармоничное сочетаніе. Съ непривычки, а частью вслѣдствіе нетерпѣнія, я шелъ слишкомъ быстро, и проводнику нѣсколько разъ приходилось умѣрять мой шагъ. Нужно было беречь свои силы, и мы шли очень медленно. Идти приходилось все время въ тѣни, и еще не было жарко. На встрѣчу намъ попадались коровы, весело позванивающія своими колокольцами.

Поднимаясь все выше, мы шли черезъ лѣсъ по правой сторонѣ шумнаго ручья, текущаго съ горъ, невдалекѣ отъ чудеснаго водопада—Каскада дю-Доръ.

Въ мою бытность въ Швейцаріи меня всегда поражало то огромное количество естественной силы, которое теряется здѣсь совершенно даромъ. Швейцарія несомнѣнно одна изъ богатѣйшихъ странъ Европы, но она предлагаетъ свои богатства человѣку не въ видѣ богатыхъ минеральныхъ залежей или плодородія почвы, но въ формѣ живой силы

текущей воды. Солнце, источникъ всякой жизни и движенія на землѣ, поднимаетъ съ океана огромныя массы воды въ видѣ облаковъ, несетъ ихъ къ сѣверу и осаждаетъ въ видѣ дождя и снѣга на склоны горъ. Здѣсь энергія, затраченная солнцемъ на ихъ поднятіе, вновь освобождается въ видѣ энергіи паденія водопадовъ и теченія быстрыхъ гор-



Монбланъ.

ныхъ рѣкъ. Но человѣкъ, давно умѣющій пользоваться этими силами, здѣсь оставляетъ ихъ въ пренебреженіи; значительнѣйшая часть ихъ теряется совершенно безполезно. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ построено нѣсколько небольшихъ лѣсопильныхъ заводовъ или фабрикъ, утилизирующихъ лишь ничтожное количество той силы, которой было бы можно воспользоваться. Аллюминіевая фабрика на Рейнскомъ водопадѣ поль-

зуется сравнительно весьма небольшой частью той силы, которую онъ предлагаетъ въ распоряженіе человѣка. Насколько громадно количество силы текущей воды Швейцаріи, можно видѣть изъ того, что одинъ лѣвый рукавъ Роны даетъ Женевѣ при помощи ея огромныхъ сооруженій съ турбинами, построенныхъ для этой цѣли въ 1883—1886 году, постоянную силу въ количествѣ 4.200 лошадиныхъ силъ. При помощи этой силы городъ снабжается водой, освѣщается электричествомъ, она же приводитъ въ движеніе многочисленныя фабричныя машины. Въ настоящее время строится другое подобное сооруженіе ниже по теченію, которое будетъ давать 12.000 постоянныхъ лошадиныхъ силъ. Но теченіе Роны лишь ничтожная часть того богатства силы, которымъ обладаетъ Швейцарія. Ея жители привыкли жить иностранцами. Они тратятъ огромныя суммы на проведеніе зубчатыхъ дорогъ, фуникулярокъ и тому подобныхъ сооруженій ради удобства англійскихъ туристовъ. Электрическая дорога на вершину Юнгфрау, которую уже начали строить, будетъ стоить восемь милліоновъ франковъ, огромныя суммы затрачены на желѣзныя и электрическія дороги на Пилатъ, Риги, на Шинниге Плятте, на дорогу изъ Гриндельвальдена въ Лаутербруннентъ, на Мюрренъ и много другихъ, нужныя только для туристовъ, желающихъ совершать путешествія со всѣмъ комфортомъ. Насколько значительнѣе обогатилась бы страна, если бы тѣ же самыя суммы были затрачены на сооруженія болѣе полезныя.

Оставивъ вправо дорожку, ведущую къ началу ледника де-Боссонъ, мы достигли небольшого ресторанчика Шале де-ля Пара (1.605 метровъ), гдѣ сдѣлали короткій первый привалъ. Проводники спросили себѣ свой обычный напитокъ — воду съ сиропомъ и небольшимъ количествомъ коньяка. Онъ прекрасно утоляетъ жажду, а коньякъ, по ихъ словамъ, предохраняетъ отъ простуды при дыханіи холоднымъ воздухомъ. Ребенокъ хозяйки жевалъ лакомство, котораго я уже давно не пробовалъ. Это былъ сухарь изъ ржаной муки, очень похожій на нашъ черный хлѣбъ. Я взялъ съ собою цѣлую краюшку, которая оказала мнѣ послѣ большую услугу. Если много пить во время остановокъ и потомъ во время дороги жевать кусокъ сухаря или вообще что-либо твердое, то это сильно гонитъ слюну, и жажды не чувствуется. Потомъ я узналъ, что многіе проводники дѣлаютъ точно также; въ горахъ Берна они берутъ для этой цѣли или кристаллизованный сахаръ, или, еще чаще, сухой черносливъ.

Оставивъ любезную хозяйку, мы продолжали подыматься въ гору по узкой дорожкѣ для муловъ, которая становилась все круче. Черезъ деревья виднѣлся ледникъ де-Боссонъ, сползавшій въ долину изломанными ледяными массами съ остроконечными глыбами, ярко блестѣвшими на солнцѣ. Ель понемногу замѣнялась лиственницей и затѣмъ исчезла. Лиственница стала рѣдѣть и мельчать и тоже исчезла. Мы шли по скаламъ, покрытымъ роскошными альпійскими розами (родо-

дендрономъ) въ полномъ цвѣту. Его замѣнилъ рододендронъ съ только что распускающимися цвѣточными бутонами и все болѣе и болѣе низкорослый. Наконецъ, исчезъ и онъ. Кое-гдѣ на скалахъ росла жалкая травка, незабудки, альпійская ромашка, куриная слѣпота и другія цвѣтковыя растенія болѣе высокихъ областей Альпъ. Въ вышинѣ въ темно-

«Серакъ» въ Альпахъ.

синемъ небѣ парилъ орелъ, описывая величественные круги, едва шевеля крыльями. Въ ущельяхъ горъ лежалъ талый снѣгъ, съ горъ текли ручьи, въ воздухѣ становилось прохладно, между тѣмъ какъ солнечные лучи жгли все сильнѣе. Мы вступили въ область грандіозной весны въ ея второй половинѣ, когда снѣгъ уже почти сошелъ и только что начинаютъ зацвѣтать полевые цвѣты, когда воздухъ чистъ и прозра-

ченъ и солнце сильно грѣетъ, еще не успѣвъ, однако, справиться съ прохладою воздуха и тѣни. Въ 11¾ часовъ мы достигли Пьеръ Пуантю (2.049).

Пьеръ Пуантю (Острый Камень) — большой гранитный камень на склонѣ горы на краю грандіознаго ледника де-Боссонъ. Прямо напротивъ возвышается куполъ Монблана, кажущійся почти совершенно вблизи, налѣво голый скатъ горы, по которому предстоитъ подниматься далѣе по направленію къ Пьеръ à л'Ешель, направо за раздробленной массой ледника Игла Домъ дю-Гуте. На полдорогѣ къ вершинѣ Монблана ясно различаются скалы Гранъ Мюле. На сѣверѣ развернулась цѣпь Красныхъ Горъ и Бревавъ; далеко внизу шумѣлъ ручей и виднѣлись игрушечные домики Шамуни.

Здѣсь построенъ небольшой чистенькій ресторанчикъ со стѣнами изъ свѣжаго еловаго дерева, исписанными именами посѣтителей и различными остроумными изреченіями, какія обыкновенно оставляются посѣтителями. На небольшомъ столѣ лежали обычныя вещи для продажи: камешки, роговые стаканчики, маленькія папки-гербаріи и такъ далѣе. На стѣнѣ сушились чулки и рубашки, и висѣли лубочныя картинки, изображавшія «Различные возрасты человѣческой жизни», «Назначенія человѣка на землѣ» и «Различныя соціальныя положенія». Пока приготовляли завтракъ, я занялся ихъ разсматриваніемъ.

За три съ половиною франка мнѣ подали завтракъ, состоявшій изъ закуски—масла, ветчины и двухъ ломтиковъ колбасы, яичницы и маленькаго кусочка мяса, половина котораго была кость и жиръ; на десертъ дали плохого сыра, немного изюму и орѣховъ.

Въ 12 часовъ 50 минутъ мы вышли изъ Пьеръ Пуантю. Здѣсь кончается дорога, удобная для муловъ, и далѣе ведетъ по скаламъ крутая узенькая тропинка, иногда прерываемая снѣгомъ. Растительность почти исчезла; только кое-гдѣ скалы были покрыты мохомъ и жалкой травкой. Взбираясь все выше и выше, мы достигли въ часъ три четверти Пьеръ à л'Ешель, то-есть, Камня Лѣстницъ, названнаго такъ потому, что прежде здѣсь оставлялись обыкновенно лѣстницы, которыя брали съ собою для перехода черезъ большія трещины ледниковъ. Мы были уже на высотѣ 2.411 метровъ надъ уровнемъ моря. Остроконечная Игла дю-Миди возвышалась слѣва, справа блистали на солнцѣ раздробленныя ледяныя массы ледника де-Боссонъ. Передъ нами совсѣмъ близко виднѣлись Гранъ Мюле и снѣжный куполъ Монблана, до котораго вслѣдствіе необыкновенной прозрачности воздуха казалось гораздо ближе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Горы на противоположной сторонѣ долины застилались облаками, которыя медленно ползли на насъ. Вверху разстилалось темно-синее небо, съ которымъ составляли гармоничный контрастъ снѣгъ и сѣровато-фіолетовыя скалы. Въ воздухѣ не было ни звука органической жизни, только слышно было, какъ внизу шумѣли ручьи, и съ глухимъ грохотомъ катились

съ горъ лавины. Мы надѣли гетры и, перейдя черезъ морену, вступили на покрытый снѣгомъ ледъ ледника де-Боссонъ.

Мы шли по протоптанной дорожкѣ, по которой каждый день въ Гранъ Мюле носильщики носятъ провизію, пока безъ особенныхъ предосторожностей, такъ какъ здѣсь ледникъ не представлялъ еще опас-

Ледникъ де-Боссонъ.

ностей. Мы перепрыгивали черезъ трещины болѣе узкія и обходили болѣе широкія или переправлялись по оставшимся между ними узкимъ снѣжнымъ мостикамъ. Ледникъ де-Боссонъ, сползающій слѣва съ горы Монблана дю-Такюль, былъ передъ нами во всемъ своемъ величіи съ трещинами и ледяными глыбами или, какъ ихъ здѣсь назы-

ваютъ, сераками. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли форму огромныхъ ледяныхъ пирамидъ. Снѣгъ таялъ, текли ручьи, сливаясь другъ съ другомъ, прокладывая свое русло во льду, низвергаясь мѣстами въ бездонныя трещины. Мы были въ царствѣ только что пробуждающейся весны грандіозныхъ размѣровъ, о которой наша весна можетъ дать лишь такое же отдаленное представленіе, какъ пигмей о великанѣ. Мы были въ царствѣ жизни неорганическихъ силъ природы. Среди ледниковъ эта жизнь дышитъ такою мощною грудью, что не даромъ мѣстные жители горъ считали ихъ живыми существами.

Въ 3 часа 35 минутъ мы пересѣкли ледникъ де-Боссонъ и достигли такъ называемаго Джонксіонъ или Соединенія, мѣста, гдѣ ледникъ де-Боссонъ и ледникъ Таконаца, раздѣленные вверху скалами Гранъ Мюле, а внизу Горой де-ля-Котъ, соприкасаются другъ съ другомъ. Вслѣдствіе взаимнаго давленія двухъ ледниковъ, сползающихъ внизъ съ неодинаковой скоростью, здѣсь образуется много трещинъ, изъ которыхъ, словно страшныя пасти, вѣющія холодомъ могилы, въ это время зіяли только самыя большія, меньшія же были закрыты снѣгомъ, который стаиваетъ только къ концу лѣта. Обиліе трещинъ, особенно когда онѣ скрыты подъ снѣгомъ, дѣлаетъ переходъ по этому мѣсту опаснымъ. Снѣгъ можетъ провалиться и легко упасть въ трещину. Мы связались веревками на разстояніи метровъ четырехъ другъ отъ друга, такъ что, если бы одинъ изъ насъ провалился, то былъ бы удержанъ другими. Съ такою предосторожностью переходъ по леднику представляется относительно безопаснымъ и нѣтъ надобности тратить много времени на выщупываніе трещинъ палками.

Мы перешли черезъ Соединеніе безъ приключеній. Далѣе приходилось долго и круто взбираться кверху, все время по снѣгу. Но снѣгъ былъ хорошъ, нога по нему не скользила и не проваливалась, такъ что подъемъ не былъ очень затруднителенъ. Становилось значительно холоднѣе, хотя солнечные лучи пекли довольно сильно. Ручьевъ уже болѣе не было; все было сковано холодомъ; мы вступили въ царство вѣчной зимы. На встрѣчу намъ попалась возвращавшаяся назадъ компанія изъ шести человѣкъ молодыхъ туристовъ съ двумя проводниками. Это былъ караванъ, о которомъ утромъ въ Шамуни предполагали, что онъ отправился на Монбланъ. На самомъ дѣлѣ они дѣлали экскурсію лишь въ Гранъ Мюле, и теперь весело возвращались назадъ, связавшись всѣ вмѣстѣ веревками. Далѣе намъ попались два носильщика, также связавшіеся другъ съ другомъ, съ высокими корзинами за спинами, носившіе провизію въ Гранъ Мюле.

Перейдя еще нѣсколько трещинъ, мы достигли въ 4 часа 50 минутъ Гранъ Мюле (3.050 метровъ надъ уровнемъ моря).

Гранъ Мюле — это нѣсколько скалъ, торчащихъ изъ снѣга и составляющихъ, по всей вѣроятности, продолженіе Горы де-ля-Котъ. Здѣсь находится маленькая обсерваторія, построенная Жансеномъ,

старая альпійская хижина, отслужившая свою службу, и построенная взамѣнъ ея два года тому назадъ небольшая чистенькая гостинница. Въ послѣдней восемь комнатъ съ двумя постелями каждая, кухня, столовая, комнаты для гидовъ. Вся мебель сдѣлана изъ некрашеной ели и была еще совершенно новенькая. Передъ мягкими постелями, съ чистѣйшимъ бѣльемъ, были постланы мѣха вмѣсто ночныхъ ковриковъ. Зданіе было похоже на только что отстроенную дачку. Такія же, еще не обитыя обоями и не загаженныя маленькія комнатки, вездѣ пахло свѣжимъ деревомъ. Все было устроено съ такимъ комфортомъ, котораго не ожидаешь встрѣтить среди вѣчныхъ снѣговъ на высотѣ 3.050 метровъ надъ уровнемъ моря. Рядомъ съ зданіемъ на скалѣ укрѣплена палка съ просмоленой тряпкой, служившая сигналомъ на случай непогоды для заблудившихся туристовъ.

Кругомъ на скалахъ не было замѣтно никакой растительности, кромѣ ярко желтыхъ и зеленоватыхъ пятенъ лишаевъ. Въ концѣ лѣта здѣсь появляется, однако, довольно богатая для такой высоты растительность, въ короткій промежутокъ времени нѣсколькихъ недѣль завершающая полный циклъ своей жизни. Здѣсь насчитано всего 24 вида явнобрачныхъ, 26 мховъ, 2 печеночника и 30 различныхъ лишаевъ, всего, слѣдовательно, 82 вида растеній, преимущественно изъ низшихъ. Снѣговая полевая мышь находитъ себѣ въ нихъ пищу. Трудно вообще сказать, гдѣ лежитъ та черта, за которой кончается всякая растительность. На вѣчномъ снѣгѣ ледниковъ или питающихъ ихъ фирновъ не растетъ, конечно, ничего. Но зато едва ли не на всякой скалистой вершинѣ торчащей изъ снѣгового покрова, на которой снѣгъ не удерживается вслѣдствіе ея крутизны, можно найти желтоватыя и красноватыя пятна лишаевъ, забирающихся въ малѣйшія неровности камня и ведущихъ здѣсь свою медленную, но вѣрную разрушительную дѣятельность, изгладывая камень точно такъ же, какъ наши растенія разрыхляютъ почву, на которой они растутъ. Немногихъ лѣтнихъ дней, когда камень нагрѣвается выше температуры замерзанія, хотя въ воздухѣ продолжаетъ царствовать холодъ, достаточно для того, чтобы не прерывалась ихъ жизнь. Медленно, но вѣрно, рука объ руку съ атмосферическими дѣйствіями разрушаютъ они каменныя породы и подготовляютъ почву для растеній высшаго порядка, когда обломки породы лавинами и ледниками будутъ унесены внизъ, въ мѣста, болѣе благопріятныя для жизни.

Мы сняли свои промокшіе сапоги, поставивъ ихъ сушиться на солнышкѣ, надѣли взятую съ собой болѣе легкую обувь и расположились на отдыхъ.

Усталости не чувствовалось совершенно, и такъ легко дышалось въ прохладномъ горномъ воздухѣ. Воздухъ высотъ оказываетъ возбуждающее вліяніе и обладаетъ какой-то особой живительной силой, заставляющей организмъ усиленно работать. На солнцѣ было довольно тепло

въ одной рубашкѣ, и лучи его прямо жгли, но стоило войти въ тѣнь, чтобы сейчасъ же почувствовать холодъ. Блескъ солнца на снѣжныхъ вершинахъ былъ ослѣпителенъ, такъ что безъ темныхъ очковъ больно было смотрѣть. Небо было темно-темно-синее, настолько синее, что прославленное голубое небо Италіи должно было бы показаться въ сравненіи съ нимъ разбавленнымъ водою молокомъ. Горныя вершины торчали кругомъ изъ снѣжнаго покрова.

Съ противоположной стороны, значительно внизу, медленно клубясь, ползли блестящія освѣщенныя сверху облака, сливающіяся съ темными горами на противоположной сторонѣ долины, на которую они бросали свои тѣни. Черезъ прорывъ облаковъ словно группа игрушечныхъ домиковъ былъ виденъ совсѣмъ внизу Шамуни, а за нимъ открывалось цѣлое безпредѣльное поле горъ, сливающееся съ горизонтомъ. Совсѣмъ подъ ногами узкой тропинкой былъ видѣнъ пройденный путь; трещины и ледяныя пирамиды ледника представлялись темными черточками и комами снѣга.

Кругозоръ былъ необъятенъ и картина похожа на то, какъ изображаютъ твореніе міра, только не было Бога, распростирающаго надъ нимъ свои длани. Природа казалась огромнымъ живымъ существомъ, живущимъ своею собственною жизнью. Пантеистическій восторгъ охватывалъ душу, и становились понятны слова Мишле, что отдѣльныя частныя религіи имѣютъ слабый голосъ и часто ложный передъ этой высокой религіей горъ, религіей, открывающейся во всемъ своемъ величіи и необъятности природы.

Кругомъ поминутно раздавался громъ скатывающихся лавинъ и трескъ ледниковъ, то какъ раскаты дальняго грома, то совершенно близко оглушительнымъ грохотомъ.

Картина была такъ величественна, такъ превосходила въ своемъ великолѣпіи все мное видѣнное до тѣхъ поръ, что я долго не могъ отъ нея оторваться? Мысли были настроены на самый возвышенный тонъ. «Здѣсь жизнь кажется легкой; тяжелыя тучи души исчезаютъ на этихъ высотахъ» (Мишле).

Нужно было идти обѣдать. За столомъ я познакомился съ другимъ туристомъ-французомъ, по фамиліи П....ъ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ пріѣхалъ въ Шамуни прямо съ парижскихъ бульваровъ и, не испытавъ себя предварительно на болѣе легкихъ экскурсіяхъ, прямо отправился на Монбланъ. Часто имѣютъ совершенно ложное представленіе о трудностяхъ восхожденія, и это фактъ, что два года тому назадъ одна пріѣзжая англичанка искала въ Шамуни экипажъ, который бы доставилъ ее на вершину, и была удивлена, что такового не оказалось. Г-нъ П. чувствовалъ себя совершенно уставшимъ и почти не могъ ѣсть, чѣмъ я и воспользовался, съ волчьимъ аппетитомъ съѣвъ довольно сытный свой обѣдъ и половину его. По наружному виду

г-нъ П. былъ силенъ и хорошо сложенъ, но уже до Гранъ Мюле сталъ чувствовать затрудненіе въ дыханіи и усиленное сердцебіеніе отъ разрѣженнаго воздуха. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ намѣренъ завтра достичь вершины. Рисковать подобнымъ образомъ было чистое безуміе. Если и удастся при помощи гидовъ подняться до вершины, то все удовольствіе будетъ отравлено чрезмѣрной усталостью и горной болѣзнью, припадки которой часто бываютъ ужасны и могутъ вести къ роковымъ послѣдствіямъ и даже смерти.

Послѣ обѣда я снова вышелъ наружу. Солнце садилось. Облака скопились внизу и образовали цѣлое безбрежное море, изъ котораго какъ острова здѣсь и тамъ торчали темныя вершины горъ. Ослѣпительно бѣлыя волны медленно клубились. Тѣни горъ сдѣлались синеватыми. Потомъ снѣжныя вершины и облака стали загораться розовымъ свѣтомъ съ полутонами еще болѣе синими и совершенно малиновыми тамъ, гдѣ солнечные лучи прорывались черезъ темную массу облаковъ. Золотистыя и пурпурныя легкія облака плавали вдали въ нѣжно-голубомъ небѣ. Солнце зашло за облако, и сразу повѣяло холодомъ. Сумерки спустились очень быстро. Облака и горы тухли одна за другою, послѣдней потухла вершина Монблана. Въ темномъ небѣ засвѣтился совершенно серебряный серпъ луны.

Около восьми часовъ я легъ въ постель, но заснуть не могъ. Возбуждающій воздухъ высотъ, разнообразіе и новизна впечатлѣній, самыхъ высокихъ, оказали свое дѣйствіе. Сердце усиленно билось. Пережитыя картины заоблачнаго міра вновь проносились передо мною, путаясь подъ грохотъ лавинъ съ давними впечатлѣніями земной жизни.

Въ 12 часовъ ко мнѣ уже постучались въ комнату. Была пора приготовляться въ дорогу. Предстоялъ длинный и утомительный путь до вершины Монблана, и затѣмъ въ этотъ же день засвѣтло слѣдовало вернуться въ Шамуни.

Умывшись холодной ледниковой водой, чувствовалъ себя, не смотря на ночь, проведенную безъ сна, совершенно бодрымъ. За завтракомъ, состоявшимъ изъ кофе, къ которому была подана какая-то гадость подъ именемъ консервированныхъ сливокъ, и хлѣба съ медомъ, я снова встрѣтился съ французомъ. Онъ также провелъ безсонную ночь и чувствовалъ себя въ еще болѣе скверномъ расположеніи духа.

Я одѣлся во все, что у меня съ собой было, и ровно въ часъ ночи мы двинулись въ путь. Лишнія вещи были оставлены въ Гранъ-Мюле. Взяли съ собой только провизію, бутылку холоднаго кофе и вино. Все это долженъ былъ нести носильщикъ. Мѣнье взялъ только жестяную флягу, въ которую было влито двѣ бутылки краснаго вина и двѣ бутылки асти. Получился довольно пріятный на вкусъ напитокъ, хорошо утоляющій жажду. Другой поклажи у него на этотъ разъ не было; онъ долженъ былъ быть совершенно свободенъ на случай опасности; на немъ лежала теперь вся отвѣтственность.

Отъ Гранъ Мюле къ намъ присоединился еще новый спутникъ. Гидъ, сопровождавшій француза, взялъ съ собой 15-лѣтняго сынишку. Это былъ еще совсѣмъ молодой мальчикъ, уже весь горѣвшій поэтической страстью къ могущественной красотѣ горъ и опасностямъ. Его мечта была сдѣлаться со временемъ гидомъ, не такимъ гидомъ, которые сопровождаютъ англичанокъ къ Леднику де-Боссонъ, Монтанверъ и Меръ де-Глясъ, Флежеръ или Бреванъ, но гидомъ на Монбланъ и опасныя вершины горной цѣпи. На 300 слишкомъ гидовъ, значащихся въ спискахъ бюро общины, такихъ не болѣе 50. Эти гиды шамоньяры своего рода поэты, поэты природы и опасностей. Надо видѣть, съ какимъ дѣтскимъ восторгомъ они смотрятъ на снѣжныя вершины, съ какой нѣжностью любуются на горные цвѣты, съ какой любовью пьютъ воду глетчеровъ. Надо видѣть, съ какою удалью и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какимъ хладнокровіемъ и самоувѣренностью карабкаются они по отвѣснымъ скаламъ или скатываются на ногахъ внизъ по снѣгу, дѣлая скачекъ въ сторону надъ самымъ обрывомъ. Гиды нѣмецкой Швейцаріи, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться позже, отличаются въ большинствѣ случаевъ полной прозаичностью. Изъ нихъ есть не менѣе смѣлые и опытные. Въ этомъ я убѣдился во время восхожденія на Монте Розу и когда затѣмъ дѣлалъ переходъ съ однимъ изъ нихъ черезъ Альпхубельйохъ, во время котораго насъ застигла на ледникѣ при рѣзкомъ холодѣ снѣжная мятель, продержавшая около пяти часовъ. Но они дѣлаютъ свое дѣло какъ какую-то скучную работу, безъ того увлеченія, которое отличаетъ гидовъ шамоньяровъ.

Отецъ присоединившагося къ нашей компаніи мальчика также былъ однимъ изъ лучшихъ гидовъ. На Монбланѣ онъ былъ 64 раза. Мой гидъ дѣлалъ восхожденіе на вершину Монблана всего въ 25-й разъ, но зато онъ дѣлалъ много восхожденій на другія вершины цѣпи Монблана, а равно въ Зерматѣ и другихъ мѣстахъ. Мальчикъ былъ уже на первой ступени къ тому, чтобы сдѣлаться со временемъ гидомъ: онъ сопровождалъ туристовъ въ качествѣ погонщика муловъ. Потомъ онъ сдѣлается носильщикомъ, а затѣмъ, выдержавъ испытаніе, будетъ принятъ въ общину гидовъ. Восхожденіе на Монбланъ было его мечтой. Между тѣмъ уже въ Гранъ Мюле можно было предполагать, что французъ не дойдетъ до цѣли; къ тому же, онъ шелъ слишкомъ медленно, а сердце молодого Каша рвалось такъ ретиво. Онъ просился, чтобы мы взяли его съ нами, въ чемъ я, конечно, и не могъ ему отказать, хотя такимъ образомъ на двухъ опытныхъ проводниковъ, изъ которыхъ одинъ, впрочемъ, также дѣлалъ восхожденіе на Монбланъ въ первый еще разъ, приходилось двое неопытныхъ.

Связавшись всѣ вмѣстѣ веревкой, мы двинулись въ путь. Мёнье шелъ впереди и освѣщалъ дорогу фонаремъ. Кругомъ царила темная ночь и тишина, время отъ времени прерываемая грохотомъ лавинъ, но и онѣ какъ будто спали, ожидая, чтобы ихъ пробудило утреннее солнце.

Луна уже скрылась; на небѣ яркимъ блескомъ горѣли звѣзды; въ воздухѣ было морозно. Снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами и визжалъ подъ стальными наконечниками нашихъ горныхъ топоровъ. Дѣлая зигзаги, мы поднимались по Малому Подъему по направленію къ Малому Плато. Подъемъ былъ настолько крутъ, что мѣстами мы шли, упираясь руками въ снѣжную стѣну. Черезъ нѣкоторое время внизу далеко позади насъ показался другой огонекъ: это французъ также двинулся въ путь... Окна гостинницы оставались нѣкоторое время освѣщенными, затѣмъ потухли, и Гранъ Мюле снова погрузились въ объятія ночного мрака и сна.

Молча, таинственнымъ шествіемъ, освѣщая дорогу фонаремъ, мы подвигались впередъ.

Было около трехъ часовъ ночи. Голубоватая полоска показалась на востокѣ. Звѣзды тухли одна за другою. Свѣтало. Фонарь былъ болѣе не нуженъ и оставленъ на снѣгу, чтобы взять его на обратномъ пути. Мы поднялись до Малаго Плато. Здѣсь идти было уже легко, но переходъ черезъ это мѣсто всегда представляетъ нѣкоторую опасность. Съ правой стороны Плато поднимается почти отвѣсная снѣговая стѣна, съ которой часто скатываются лавины. Слѣды ихъ были видны въ видѣ дорожекъ по снѣгу; на пути лежала разбившаяся лавина. Равно вѣсіе снѣжныхъ массъ, лежащихъ на весьма наклонной покатости, бываетъ настолько неустойчиво, что, проходя мимо такихъ мѣстъ, гиды предостерегаютъ даже отъ громкаго разговора. Достаточно иногда малѣйшаго сотрясенія воздуха, производимаго звукомъ, который въ различныхъ направленіяхъ отражается отъ скалъ, чтобы нарушить равновѣсіе и вызвать обвалъ, и тогда снѣжная масса сваливается, словно комъ снѣга все наростая по пути, и огромная лавина разбиваетъ и засыпаетъ все встрѣчное.

Перейдя Малое Плато, мы должны были снова круто подниматься вверхъ по такъ называемому Большому Подъему, имѣющему наклонъ около 70 градусовъ, и въ $3^3/_4$ часа достигли Большого Плато. Мы шли такимъ образомъ сравнительно очень быстро.

Большое Плато, на которомъ Бальма провелъ свою первую ночь— огромная снѣжная равнина, приблизительно, въ часъ ходьбы, съ лѣвой стороны которой возвышаются Проклятыя Горы, впереди куполъ Монблана, справа Игла дю-Гуте и Домъ дю-Гуте; назади она круто спускается внизъ по направленію къ Малому Плато.

Вообще весь путь отъ Гранъ Мюле до вершины Монблана гораздо однообразнѣе, чѣмъ первая половина дороги. Снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ, лежащій на различной степени покатостяхъ.

Передъ нами виднѣлось нѣсколько скалъ и узкій кряжъ около нихъ. Это былъ путь, по которому дѣлались первыя восхожденія. Для того, кто смотритъ на вершину Монблана снизу, онъ представляется наиболѣе естественнымъ. Но теперь онъ давно уже оставленъ и провод-

никамъ даже запрещено водить по нему послѣ частыхъ несчастій, которыя здѣсь случались вслѣдствіе снѣжныхъ обваловъ. Мы должны были взять одинъ изъ двухъ другихъ путей, или налѣво отъ Большого Плато черезъ такъ называемый Корридоръ—путь, нѣсколько болѣе длинный, но зато защищенный отъ вѣтра, или болѣе короткій путь

Серакъ Монблана.

вправо къ Боссъ дю-Дромадеръ и затѣмъ по узкому снѣговому кряжу, составляющему границу между Франціей и Италіей. Этотъ путь нѣсколько короче, но зато представляется болѣе опаснымъ при сильномъ вѣтрѣ. Такъ какъ вѣтеръ показался намъ не очень сильнымъ, то мы выбрали послѣдній и взяли отъ Большого Плато вправо.

Вершина Монблана загоралась розовымъ свѣтомъ, который затѣмъ сталъ палевымъ, и, постепенно блѣднѣя, перешелъ въ бѣлый. Мало-по-малу освѣщались и другія вершины. Внизу было еще совершенно темно. Небо сдѣлалось уже свѣтлымъ на востокѣ, но было еще совершенно темно-синее на западѣ, и на его темномъ фонѣ блистала вершина Монблана. Понемногу освѣщались кряжи горъ противоположной стороны и наступалъ день. Въ 4 час. 20 мин. показалось солнце. Оно встало раньше, но его не было видно за иглою дю-Миди.

Мы поднимались все выше и выше по боковой сторонѣ Дома. Снѣгъ горѣлъ милліонами алмазовъ, по склону горы отъ насъ падали рѣзкія гигантскія тѣни. Подъ лучами солнца становилось все теплѣе; только ноги, не смотря на ходьбу, сильно зябли въ снѣгу.

Въ 5 час. 30 мин. мы достигли хижины Валло на высотѣ 4.400 метровъ, построенной на небольшихъ скалахъ у основанія снѣжнаго хребта, соединяющаго Домъ дю-Гуте съ вершиной Монблана, и получившаго за всю форму названіе Горбовъ Верблюда—Боссъ дю-Дромадеръ. Хижина представляетъ собою небольшой досчатый сарайчикъ, въ который ведетъ двойная дверь, устроенная такимъ образомъ, что наружная дверь отворяется, а во внутренней прорѣзано окно, черезъ которое нужно влѣзать. Такъ устроено для защиты отъ наметанія снѣга. Внутреннее помѣщеніе раздѣлено на двѣ части, отдѣленныя другъ отъ друга дверью. Въ первой, большей, комнатѣ устроены палати; на нихъ лежатъ грубые матрацы, одѣяла и подушки. Всякій путешественникъ во время непогоды можетъ найти здѣсь пристанище. Въ горахъ Швейцаріи во многихъ мѣстахъ устроены такія хижины и много путешественниковъ обязано имъ спасеніемъ жизни. Невдалекѣ отъ хижины стоитъ небольшая обсерваторія Валло.

Мы сѣли на камнѣ возлѣ хижины и расположились на завтракъ. Дверь въ хижину сильно примерзла, и мы не стали ее отбивать. Разрѣженный воздухъ уже началъ оказывать свое дѣйствіе. Чувствовалась легкая усталость, какъ бы легкая дурнота и нѣкоторая наклонность ко сну. Все это однако быстро прошло послѣ кофе съ коньякомъ и послѣ того, какъ на солнцѣ согрѣлись ноги. Мы сытно и съ большимъ аппетитомъ позавтракали и немного отдохнули. Въ 6 час. 20 мин. мы снова двинулись въ путь, взявъ съ собою только самое необходимое, остальное же оставивъ на мѣстѣ нашего привала.

Это былъ послѣдній и самый трудный переходъ. Не смотря на короткое разстояніе, онъ былъ труднѣе чѣмъ весь путь, сдѣланный до сихъ поръ.

Отъ хижины Валло мы снова взяли влѣво, поднимаясь по боку Дромадера. Снѣгъ былъ твердъ, и приходилось съ силою становить ноги, чтобы не съѣхать внизъ. Подниматься было очень утомительно вслѣдствіе разрѣженности воздуха. На такихъ высотахъ силы истощаются чрезвычайно быстро. Нѣтъ возможности сдѣлать двадцати

шаговъ, чтобы не остановиться перевести дыханіе. Послѣ этого силы быстро возвращаются на новые пятнадцать, двадцать шаговъ, а затѣмъ приходится останавливаться, хотя бы на нѣсколько секундъ, снова.

Мы миновали Турнеттъ—послѣднюю небольшую скалу недалеко отъ снѣжнаго купола Монблана, и достигли узкаго снѣжнаго кряжа, ведущаго къ вершинѣ. Справа открылся необозримый видъ на Италію, но было не до видовъ, такъ какъ нужно было смотрѣть подъ ноги. Мы шли по узкому снѣжному ребру, круто спускающемуся направо въ Италію, налѣво во Францію —двѣ бездны справа и слѣва. Невѣрный шагъ могъ увлечь насъ или туда, или сюда. Снѣгъ былъ настолько твердъ, а кряжъ настолько узокъ, что приходилось вырубать ступеньки для каждаго шага. Подвигаться такимъ образомъ шагъ за шагомъ впередъ, тяжело дыша въ сильно разрѣженномъ воздухѣ, было очень утомительно. Къ тому же, когда мы были уже недалеко отъ вершины, поднялся рѣзкій вѣтеръ, который дулъ намъ въ спину и тѣмъ еще болѣе затруднялъ дыханіе.

Наконецъ, черезъ два часа съ половиной такой работы, въ 8 час. 50 мин. мы достигли вершины. Вѣтеръ сорвалъ шляпу съ моего проводника и унесъ ее далеко внизъ въ Италію.

Едва мы достигли вершины и остановились около обсерваторіи, мною овладѣла сильная усталость, которая почти не чувствовалась, пока мы шли. Въ обсерваторію нельзя было проникнуть, такъ какъ дверь ея была занесена снѣгомъ. Мёнье поднялъ какой-то желѣзный желобъ, валявшійся рядомъ, оторванный вѣтромъ отъ обсерваторіи, положилъ его однимъ концомъ на лѣсенку обсерваторіи, а другимъ на снѣгъ, и мы сѣли.

Мною овладѣла сильная наклонность ко сну и какъ бы апатія къ тому, гдѣ я, и что меня окружаетъ. Это былъ легкій приступъ горной болѣзни, которой подвергается почти всякій, достигающій вершины Монблана. Мальчикъ и носильщикъ, которые такъ же, какъ и я, въ первый разъ поднимались на такую высоту, чувствовали себя еще хуже моего. Одинъ Мёнье не показывалъ никакихъ замѣтныхъ признаковъ усталости.

Это не была собственно усталость, такая усталость, какая чувствуется послѣ усиленной ходьбы или работы. Это было какъ бы полное истощеніе силъ, соединенное съ совершенной апатіей. Я не чувствовалъ ни голода, ни жажды, хотя обыкновенно въ такихъ случаяхъ испытывается палящая жажда, и съ трудомъ заставилъ себя выпить немного коньяку. Заснуть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, могло значить болѣе не проснуться. Часто путешественниковъ, засыпавшихъ на большихъ высотахъ на морозѣ, ихъ проводники не могли разбудить никакими усиліями. Мнѣ не хотѣлось также компрометировать себя передъ проводниками. Коньякъ нѣсколько

ободрилъ меня, но не на долго. Я зналъ, что главная причина недомоганья заключается въ затрудненномъ дыханіи въ разрѣженномъ воздухѣ. Если я стану противъ вѣтра, подумалъ я, то мнѣ должно стать лучше. Дѣйствительно, это помогло почти немедленно, и я снова сталъ чувствовать себя бодрымъ и свѣжимъ.

Мы стояли на самой вершинѣ Монблана на высотѣ 4.810 метровъ. Передо мною разстилалась картина, которой я, конечно, никогда не забуду. Есть явленія въ природѣ, которыя до такой степени превосходятъ видѣнное до тѣхъ поръ, до такой степени выходятъ изъ рамокъ привычнаго, что на первыхъ порахъ остаешься въ недоумѣніи, что это красиво, величественно, или не представляетъ ничего замѣчательнаго? Ихъ дивная красота начинаетъ чувствоваться тогда, когда она начинаетъ пониматься.

Во всѣ стороны вокругъ далеко внизу разстилалось волнистое море горъ, маленькихъ какъ на выпуклой картѣ, уходящее въ безпредѣльную даль. Мой проводникъ говорилъ мнѣ ихъ названія. Вотъ горы Бернской Швейцаріи, вотъ Юра, вотъ Зерматъ, Санъ-Бернаръ... Но меня эти названія нисколько не интересовали. До такой степени эти горы были ничтожны, до такой степени онѣ не стоили названія. Только Монтъ Роза выдѣлялась еще нѣсколько среди другихъ горныхъ кряжей. Земля съ ея горами и долинами, со всей ея жизнью, городами и государствами, со всѣми ея интересами и треволненіями, была далеко внизу. Я смотрѣлъ на нее съ заоблачной выси и видѣлъ, насколько она ничтожна.

Но къ этому чувству ничтожества земного существованія примѣшивалось еще другое чувство, которое дѣлало картину еще болѣе величественной.

Здѣсь на высочайшей вершинѣ цивилизованной Европы, на мѣстѣ, не принадлежащемъ ни одному государству, такъ какъ вершина Монблана составляетъ границу между Италіей и Франціей, высоко надъ политической и экономической злобой дня, водрузилъ человѣкъ свое научное знамя и какъ бы начерталъ на немъ: «симъ побѣдиши».

Чувство ничтожества земли въ сравненіи съ этимъ необъятнымъ темно, темно-синимъ небомъ, земли, которой горы стали такъ мизерны, а города превратились въ едва различимыя точки, и чувство величія и могущества человѣка, наукой и знаніемъ покоряющаго дикія силы, производили какое-то странное, но гармоничное въ своемъ противорѣчіи сочетаніе.

Дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, который все усиливался. Облака снѣжной пыли проносились мимо насъ. Оставаться долѣе было опасно. Въ 9 час. 30 мин. мы стали спускаться по прежнему пути по снѣжному кряжу. На этотъ разъ пришлось идти противъ сильнаго вѣтра. Это нѣсколько облегчало дыханіе, но вообще спускъ былъ труднѣе, чѣмъ подъемъ, такъ какъ не было той увѣренности въ ногахъ и было легко

оступиться. Теперь Мёнье шелъ послѣднимъ, такъ какъ на него было всего болѣе надежды въ случаѣ, если бы передніе поскользнулись, и, не удержавшись, упали. Мы всѣ были сильно утомлены, когда достигли хижины Валло. Здѣсь мы сдѣлали долгій привалъ. Вмѣстѣ съ молодымъ Каша я залѣзъ на нары и легъ на грязные тюфяки. Во всѣхъ членахъ чувствовалалось сильное утомленіе. Голову сжимало словно обручемъ, и такое же стѣсненіе чувствовалось вокругъ пояса, какъ будто бы я все еще былъ крѣпко обвязанъ веревкой. Мы отдыхали довольно долго. Здѣсь была оставлена наша провизія, но никто изъ насъ не могъ ѣсть. Мы всѣ потеряли аппетитъ—обычное явленіе при подобныхъ восхожденіяхъ. На всемъ возвратномъ пути вплоть до Шамуни, то-есть, за весь день я съѣлъ только небольшой кусочекъ шеколада, а проводники вмѣстѣ съѣли лишь маленькую коробочку сардинокъ.

Когда мы пришли назадъ въ хижину де-Боссъ, отсюда выходилъ французъ, съ которымъ я встрѣтился въ Гранъ Мюле. Онъ былъ въ самомъ отчаянномъ положеніи и не могъ идти далѣе. По дорогѣ назадъ онъ на каждомъ шагу спотыкался, падалъ, лежалъ на снѣгу и мѣстами его проводникамъ прямо приходилось нести его на рукахъ, такъ что они вернулись въ Шамуни крайнѣ измученными.

Это было дѣйствіе горной болѣзни, отъ которой я отдѣлался сравнительно очень легко. Ея степень зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей и привычки къ разрѣженному воздуху; равнымъ образомъ и проявленія ея не одинаковы для различныхъ организмовъ. Нѣсколько медиковъ поднималось на вершину Монблана спеціально для изученія симптомовъ и причинъ этой болѣзни, однако въ своихъ показаніяхъ и выводахъ они не вполнѣ сходятся другъ съ другомъ, быть можетъ именно потому, что припадки этой болѣзни подвержены значительнымъ индивидуальнымъ измѣненіямъ.

Главная причина болѣзни заключается въ усиленной работѣ въ холодномъ и сильно разрѣженномъ воздухѣ. Барометръ на вершинѣ Монблана стоитъ почти на половинѣ своей нормальной высоты, температура же никогда не поднимается выше точки замерзанія, спускаясь зимой до -43° Ц. Однако, одно уменьшеніе давленія и холодъ сами по себѣ еще не вызываютъ горной болѣзни. При поднятіяхъ на воздушномъ шарѣ на высотѣ, соотвѣтствующей вершинѣ Монблана, еще не ощущается обыкновенно никакихъ непріятныхъ симптомовъ; они чувствуются лишь значительно выше. Равнымъ образомъ, докторъ Жансенъ, поднимавшійся на вершину Монблана на плечахъ проводниковъ, не употребляя собственныхъ усилій, не чувствовалъ симптомовъ болѣзни, пока находился въ совершенномъ спокойствіи. Какъ скоро, однако, онъ принимался за работу, болѣзнь не замедляла обнаружиться. Отсюда ясно, что причина болѣзни заключается именно въ работѣ въ разрѣженномъ и холодномъ воздухѣ.

Усиленная работа вмѣстѣ съ повышеннымъ испареніемъ въ разрѣ-

женномъ воздухѣ ведетъ къ значительной потерѣ вещества въ организмѣ. По наблюденіямъ одного медика, восхожденіе на Монбланъ обходится человѣку въ одну двадцать пятую часть вѣса его тѣла—потеря громадная, которая, впрочемъ, впослѣдствіи довольно быстро возстановляется. Затрудненіе дыханія ведетъ къ венозному застою и недостаточному окисленію крови, которое проявляется въ томъ, что руки дѣлаются обыкновенно темно-синими, какъ у мертвеца. Отсюда—учащеніе дыханія и дѣятельности сердца. Еще Соссюръ сравнивалъ такое состояніе съ лихорадочнымъ. Пульсъ на вершинѣ Монблана доходитъ до 160 ударовъ въ минуту. Развивается задыханіе, головокруженіе, наклонность ко сну и апатія, вмѣстѣ съ болѣе или менѣе сильнымъ истощеніемъ, доходящимъ до прострацiи. Часто къ этому присоединяется головная боль, палящая, ничѣмъ неутолимая жажда, склонность къ обморокамъ и кровотеченіямъ, особенно у женщинъ, тошнота и рвота. Наконецъ, въ рѣдкихъ, правда, случаяхъ, горная болѣзнь ведетъ къ смерти. Такой случай имѣлъ мѣсто на Монбланѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Докторъ Джакотэ изъ Шамуни умеръ въ припадкахъ горной болѣзни въ обсерваторіи Валло. Вскрытіе обнаружило начинающееся воспаленіе легкихъ и мозга. Отъ крайняго истощенія, главнымъ образомъ, погибъ на Монбланѣ дю-Такюль и извѣстный русскій путешественникъ Федченко.

Горная болѣзнь съ ея послѣдствіями является однимъ изъ главныхъ препятствій къ достиженію вершины Монблана. Большая часть попытокъ остается неудачной, въ особенности, если восхожденіе затрудняется сильнымъ вѣтромъ или дурной погодой, и путешественники принуждены бываютъ совершенно изнуренные вернуться назадъ, не достигнувъ цѣли своей экскурсіи.

Я не говорю уже о тѣхъ печальныхъ случаяхъ, которые окончились смертью. Въ настоящее время Монбланъ насчитываетъ всего 55 констатированныхъ жертвъ на одной французской сторонѣ. Одни нашли смерть въ трещинахъ, другіе замерзли, третьи убиты лавинами, четвертые сорвались и разбились, пятые пропали безъ вѣсти неизвѣстно, что съ ними случилось.

Приходишь въ ужасъ, читая этискорбныя страницы катастрофъ, и можноутѣшаться только тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ смерть бываетъ вовсе не такъ ужасна, какѣ кажется издали. Смерть въ большинствѣ случаевъ безболѣзненна, а страхъ смерти, который обыкновенно ужаснѣе самой смерти, рѣдко овладѣваетъ альпинистомъ. Онъ борется съ непогодой его застигшей, до послѣдней возможности и теряетъ сознаніе скорѣе, чѣмъ впадаетъ въ отчаяніе. Здѣсь всего болѣе примѣнимы слова Шопенгауера, что жизнь со смертью не встрѣчаются. Пока есть жизнь, есть и желаніе жизни, которое заглушаетъ мысль о смерти и страхъ предъ нею, а когда приходитъ смерть, уже нѣтъ жизни и некому ея бояться. Замерзая, че-

ловѣкъ засыпаетъ и не чувствуетъ особенныхъ страданій, смерть же вслѣдствіе паденія, если вѣрить доктору Гейму, доказывающему свои слова на научныхъ основаніяхъ и подтверждающему ихъ разсказами тѣхъ, которые остались живы послѣ паденія, есть самая пріятная и самая лучшая, какая только можетъ быть. Онъ утверждаетъ, что страданій при этомъ не испытывается никакихъ, но мысль напрягается до чрезвычайныхъ размѣровъ, и въ этомъ напряженіи мысли время кажется продолженнымъ до безконечности; потомъ слышится очаровательная музыка, и летящій внизъ вступаетъ въ прекрасное голубое небо, окаймленное розовыми облаками. Наконецъ, сознаніе прекращается, обыкновенно, въ самый моментъ удара при паденіи, который самое большее можно слышать, но не ощущать, такъ какъ чувство слуха исчезаетъ послѣднимъ.

Но и изъ тѣхъ, которые достигаютъ вершины, только четверо изъ двадцати приходятъ на своихъ ногахъ. Остальныхъ встаскиваютъ гиды. Въ такихъ случаяхъ восхожденіе, разумѣется, не доставляетъ ровно никакого удовольствія и не вознаграждаетъ той страшной усталости и непріятностей горной болѣзни, которымъ приходится подвергаться. Въ нѣкоторыхъ путеводителяхъ, въ виду этого, прямо не рекомендуется ни въ какомъ случаѣ, особенно путешественникамъ, не испытавшимъ себя въ трудныхъ восхожденіяхъ, рисковать своимъ здоровьемъ и даже, можетъ быть, жизнью, предпринимая восхожденіе на Монбланъ.

Для меня лично горная болѣзнь не причинила большихъ непріятностей. У меня не было аппетита, я чувствовалъ наклонность ко сну, затѣмъ уже при спускѣ тяжесть въ головѣ и довольно сильное изнуреніе, но далеко не въ такой степени, чтобы не могъ съ этимъ справляться или чтобы восхожденіе было отравлено. Но это, вѣроятно, благодаря нѣкоторой тренировкѣ за предъидущіе дни и прекрасной погодѣ, которая выпала на нашу долю.

Отдохнувъ и выпивъ немного вина, мы пошли далѣе. По мѣрѣ того, какъ я спускался, я почти съ каждымъ шагомъ внизъ чувствовалъ себя лучше; недомоганіе и чувство изнуренія постепенно проходили, не смотря на то, что спускаться было крайне трудно. Снѣгъ отъ дѣйствія солнца сдѣлался рыхлымъ, и съ каждымъ шагомъ нога увязала то по колѣно, то вплоть до пояса. Изломанный ледъ, который ноги встрѣчали подъ рыхлымъ снѣжнымъ покровомъ, дѣлалъ шагъ неровнымъ и труднымъ. Мѣстами мы скатывались сидя, но это было возможно только на большихъ покатостяхъ, на мѣстахъ же болѣе пологихъ рыхлый снѣгъ мѣшалъ этому. Лучи солнца буквально жгли, и всѣ мы, подходя къ Гранъ Мюле, сильно устали, но это была уже простая усталость, а не то чувство полнаго истощенія, которое одно время мною овладѣло на вершинѣ.

Около Гранъ Мюле мы снова нагнали француза. Онъ шелъ, шатаясь изъ стороны въ сторону, еле передвигая ноги, и имѣлъ самый

жалкій видъ. При встрѣчѣ онъ пробормоталъ нѣсколько словъ, которыя однако нельзя было разобрать.

Въ часъ 40 минутъ мы были въ Гранъ Мюле. Здѣсь мы отдыхали довольно долго, такъ что вышли изъ Гранъ Мюле уже въ 3 часа съ четвертью. Такъ какъ ледъ ниже Грань Мюле былъ покрытъ менѣе толстымъ слоемъ снѣга, то идти было гораздо легче и ноги вязли не такъ глубоко. Мы спускались почти бѣгомъ. Послѣ отдыха, по мѣрѣ того, какъ мы спускались ниже, проходила послѣдняя усталость. Расположеніе духа было самое прекрасное. Недалеко отъ конца ледника мы снова перегнали француза, который вышелъ изъ Гранъ Мюле раньше нашего, такъ какъ боялся, чтобы темнота не застигла его на дорогѣ, «Что же, довольны вы своимъ восхожденіемъ?—спросилъ онъ меня,—я очень усталъ».—«Очень доволенъ», отвѣчалъ я.—«До свиданья, быть можетъ, но только не на вершинѣ Монблана»,

Перейдя ледникъ де-Боссонъ, мы вступили на землю. «Теперь мы внѣ опасности», сказалъ мой проводникъ. Мы весело шли нога въ ногу и скоро были въ Пьеръ Пуантю.

Здѣсь я долженъ былъ заплатить по счету, поданному въ Гранъ Мюле. Этотъ счетъ настолько интересенъ по своимъ цѣнамъ, что я приведу его цѣликомъ. Обѣдъ—6 франковъ. Полбутылки самаго простаго вина къ нему—2 фр. 75 сант. Обѣдъ проводниковъ—5 фр. Комната—12 фр. Кофе утромъ—3 фр. Завтракъ проводниковъ утромъ—5 фр. Провизія на дорогу (въ весьма небольшомъ количествѣ)—12 фр. Двѣ бутылки Асти—12 фр. Двѣ бутылки простого краснаго вина—8 фр. Бутылка холоднаго кофе—2 фр. Свѣчка для фонаря—1 фр. Итого 67 фр. 75 сантимовъ,—дороже, чѣмъ въ самыхъ первоклассныхъ ресторанахъ. Если принять однако во вниманіе, чего стоила постройка гостинницы въ Гранъ Мюле, и съ какими трудностями приходится доставлять туда ежедневно свѣжую провизію, то эти цѣны не покажутся особенно высокими.

Въ семь часовъ вечера мое возвращеніе было привѣтствовано въ Шамуни по установившемуся обычаю пушечными выстрѣлами.

Я съ большимъ аппетитомъ пообѣдалъ, взялъ ванну и заснулъ самымъ богатырскимъ сномъ. На другой день усталости также почти не чувствовалось, только было нѣчто вродѣ зубной боли въ пяткахъ, которыя я съ непривычки отбилъ при быстромъ спускѣ внизъ. Руки у меня были коричневыя, все лицо обожжено и долго послѣ этого лупилось. Цѣлую недѣлю послѣ восхожденія я ѣлъ и спалъ много больше обыкновеннаго.

Французъ вернулся въ Шамуни только въ десятомъ часу вечера совершенно изнуреннымъ. Страшно изнурены были и его гиды, которымъ пришлось тащить его.

На другой день въ бюро гидовъ мнѣ выдали свидѣтельство, въ которомъ удостовѣрялось мое восхожденіе.

Ни одна изъ экскурсій ни раньше, ни позже, не доставила мнѣ столько разнообразныхъ, совершенно новыхъ, высокихъ впечатлѣній, какъ восхожденіе на Монбланъ. Черезъ два дня я оставилъ Шамуни, но послѣ Монблана значительная часть Швейцаріи показалась мнѣ скучной. Я искалъ повторенія тѣхъ же впечатлѣній въ восхожденіи на Монтъ Розу, которая только немного ниже Монблана, въ большихъ турахъ по горамъ, въ переходахъ черезъ ледники, но есть вещи, которыя во всей своей цѣльности переживаются только однажды, а затѣмъ утрачиваютъ свою дѣвственность. Повторяясь во второй разъ, они уже не тѣ. Мнѣ казалось, что я слышалъ какую-то дивную небесную пѣснь, которой не могли замѣнить

Скучныя пѣсни земли.

Прив.-доц. Н. Иванцовъ.

Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вѣковъ.

Проф. **Р. Виппера.**

(*Продолженіе* *).

VII. Общественная философія и историческая теорія индивидуализма. Помимо традиціи старыхъ религіозныхъ теорій, передавшихъ XVIII-ому вѣку представленіе о человѣчествѣ, какъ о великомъ цѣломъ, которое придетъ къ общему объединенію и просвѣтлѣнію, къ концу вѣка можно было отмѣтить два главные толчка, два ряда новыхъ впечатлѣній, давшихъ направленіе теоріи безконечнаго прогресса. Это были, во-первыхъ, успѣхи естественныхъ наукъ: они составляли исходный моментъ мысли о быстромъ развитіи власти человѣка надъ природой, о его безконечномъ техническомъ торжествѣ на земной поверхности; и вмѣстѣ съ тѣмъ они вырабатывали представленіе о преемственности формъ на землѣ, о единствѣ матеріала и силъ во всей природѣ; благодаря этому, человѣческое общество стало представляться высшей ступенью въ восходящей линіи развитія земного міра, и общій законъ непрерывнаго движенія былъ перенесенъ на его будущее.

Другимъ возбудителемъ мысли о прогрессѣ служилъ быстро возрастающій торговый и культурный обмѣнъ, который развили европейцы между собою и во всѣхъ частяхъ свѣта, и связанное съ этимъ обмѣномъ огромное раздѣленіе труда, которое ускоряло производство, раздвигало сношенія и усиливало взаимодѣйствіе общественныхъ и національныхъ группъ.

Параллельно съ теоріей прогресса и въ значительной мѣрѣ подъ тѣми же впечатлѣніями развивалась своеобразная общественная философія, слѣды и вліяніе которой доходятъ до нашего времени. Соціальная доктрина индивидуализма, обошедшая всю Европу и торжествовавшая свои успѣхи также съ конца XVIII в., примыкала тѣсно къ крупному промышленному перевороту, въ который втянуты были одна за другой главныя европейскія страны. Подъ давленіемъ этого огромнаго факта различными общественными группами болѣе или менѣе живо

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

сознавалась тяжесть формъ, сохранившихся отъ временъ стараго натуральнаго и замкнутаго хозяйства. Большая часть этихъ формъ были теперь затрудненіями въ прямыхъ или косвенныхъ сношеніяхъ съ большими всесвѣтными рынками: таковы были неравномѣрности въ податяхъ, стѣсненія въ сбытѣ товаровъ или въ расширеніи ремесла, устарѣлыя повинности, которымъ не отвѣчали болѣе ни выгоды, ни охрана въ общественномъ союзѣ.

Новыя соціальныя теоріи всего интенсивнѣе отражали настроеніе тѣхъ общественныхъ группъ, которыя были наиболѣе втянуты, увлечены въ обмѣнъ, наиболѣе непосредственно въ немъ заинтересованы. Классъ, который стоялъ ближе всего къ сбыту и обмѣну, крупные торговцы и промышленники, всего яснѣе и чувствовалъ необходимость устраненія того, что стояло на пути къ соединенію съ огромными міровыми рынками всѣхъ нитей экономической жизни народа.

Въ XVIII в. классъ, о которомъ идетъ рѣчь, переживалъ свою, такъ сказать, героическую пору. Онъ находился въ томъ періодѣ, который можно бы назвать періодомъ его эмансипаціи. У самаго порога этого періода можно помѣстить характерный для его понятій эпизодъ. Когда великій опекунъ французской индустріи и торговли, Кольберъ, въ свои послѣдніе годы изыскивая средства поощренія и регулированія французскаго производства и вывоза, собралъ крупныхъ промышленниковъ на совѣщаніе, одинъ изъ нихъ, Лежандръ, сказалъ министру: laissez nous faire! т. е. дайте намъ просторъ въ дѣлахъ, не опекайте насъ, не затрудняйте благожелательными регламентами! Лежандръ произнесъ слова, которыя потомъ стали эпиграфомъ цѣлаго ученія, лозунгомъ партіи и наконецъ догматомъ цѣлой эпохи.

Изъ всѣхъ европейскихъ странъ ранѣе и болѣе всего втянулась во всѣ условія міроваго обмѣна Англія. Она есть классическая страна индивидуалистическихъ теорій. Ихъ, можно бы сказать, стремительный характеръ на англійской почвѣ объясняется силой, рѣзкостью переворота. Здѣсь около смѣны XVIII вѣка нашимъ вѣкомъ экономическая и общественная перемѣна прошла въ особенно бурной формѣ — «промышленной революціи». Здѣсь не было ни провозглашенія правъ человѣка, ни сверженія старой политической формы, ни истребительной борьбы партій, какъ во Франціи. Но общественная физіономія страны даже ея культурно-географическая картина измѣнилась не менѣе быстро и ярко. Въ первой половинѣ вѣка, большая часть населенія Англіи сидѣла въ ея южной половинѣ, въ области пахоти и земельныхъ луговъ, и преобладалъ въ немъ значительно деревенскій составъ надъ городскимъ. Повсюду перевѣшивала старая трехпольная система хозяйства; сбытъ сельскихъ продуктовъ изъ внутреннихъ областей былъ невеликъ, они употреблялись большею частью въ самихъ хозяйствахъ. Дороги были плохи; путешествія были мало распространены. Много сидѣло на землѣ мелкихъ хозяевъ, которыхъ мы затруднимся теперь

назвать опредѣленно помѣщиками или крестьянами. На большихъ помѣстьяхъ преобладали некрупные арендаторы. Большимъ подспорьемъ для мелкаго люда, особенно для батраковъ, которые жили въ собственныхъ избахъ, были общинныя земли и пустоши, гдѣ можно было брать дрова, пасти скотъ, распахивать полоски. Въ деревнѣ частью помѣщалась и мануфактура: она держалась здѣсь на кустаряхъ, работавшихъ на дому, всей семьей, своими инструментами; подмогою служила землица, огородъ, или само ремесло было дополнительнымъ заработкомъ къ земледѣлію.

Съ захватывающей быстротой стали разрушаться эти устои старой Англіи около средины вѣка. Не даромъ англійская дипломатія устраивала коализаціи, моряки англійскіе забирали проливы и разрѣзывали пути чужой торговли. Англійскій хлѣбъ, шерсть и мануфактуры широко двинулись въ разные концы Европы, Азіи и Америки. Приспособляясь къ работѣ на весь міръ, Англія перестроилась сверху до низу. Большой землевладѣлецъ, обладатель капитала, сталъ скупать землю, округлять разбросанные участки подъ знаменемъ раціональнаго хозяйства. Подъ его давленіемъ пошелъ дѣлежъ деревенскаго запаснаго капитала, общинныхъ земель, и съ этимъ дѣлежомъ вмѣстѣ разорялся и эмигрировалъ изъ деревни мелкій хозяинъ и полусамостоятельный рабочій. Исчезалъ и мелкій арендаторъ съ его натуральными взносами: все равно, игралъ-ли собственникъ на блескъ политическаго представительства въ столицѣ, или увлекался самъ усовершенствованной техникой сельскохозяйственнаго дома, ему нуженъ былъ дѣловой фермеръ-предприниматель; оба они искали рабочаго чистаго типа, рабочаго-номада, который выросталъ бы изъ земли, когда нужно, и не занималъ досадливо мѣста въ имѣніи. Вдобавокъ поля замѣнялись пастбищами, занятыхъ людей требовалось меньше, и деревня пустѣла.

Ея бывшіе жители стягивались въ другомъ концѣ Англіи, въ томъ краю, который потомъ назвали ея черной Индіей, на почвѣ залежей каменнаго угля и желѣза, и здѣсь быстро выросли фабричные центры. Мануфактура изъ избы стала перемѣщаться въ большія общія мастерскія, а кустарь обратился въ фабричнаго рабочаго. Возрастаніе спроса кружило головы, и предпринимательскій рискъ сказывался одинаково въ разнообразныхъ помѣщеніяхъ капитала и въ многочисленныхъ техническихъ изобрѣтеніяхъ. Дорожныя сооруженія и каналы, новыя и новыя машины слѣдуютъ быстро другъ за другомъ. Это—эпоха техниковъ-самоучекъ и диллетантовъ, типомъ которыхъ можетъ служить неутомимый иниціаторъ, фабрикантъ и изобрѣтатель машинъ, Аркрайтъ, сначала парикмахеръ, который къ ужасу своей семьи отрывался отъ своего покойнаго занятія для приготовленія моделей, а потомъ умеръ милліонеромъ, человѣкъ, который производилъ свои техническіе разсчеты какими-то ему одному понятными пріемами самоучки и въ 50 лѣтъ сѣлъ

учиться элементарнымъ предметамъ, а въ то же время носился съ грандіозными планами монополіи всего ввоза хлопчатой бумаги.

Въ свое время Аристотель, подводя итоги экономической мысли древности, заявлялъ, что рабство прекратится развѣ тогда, когда сами собою безъ помощи человѣческихъ рукъ забѣгаютъ челноки въ станкахъ; въ его устахъ это почти значило—когда остановится земля. Чудеса техники въ концѣ XVIII в. осуществили то, что считалъ невозможнымъ Аристотель. Забѣгали сами челноки, и быстрота производства, его размѣры стали въ десять, въ сто разъ больше, чѣмъ въ эпоху ручного труда. Но при какой обстановкѣ?

Рабство исчезло гораздо раньше; сказочная техника пока не сопровождалась соціальными улучшеніями, напротивъ съ нею объ руку, косвенно подъ вліяніемъ ея успѣховъ рушились старые классы и образовались массы, поставленныя исключительно на наемный трудъ. Глава предпріятія, который долженъ былъ вложить большой капиталъ, чтобы воспользоваться новой техникой и который получалъ въ свое распоряженіе множество спеціальныхъ рабочихъ рукъ, рѣзкой чертой отдѣлялся теперь отъ старыхъ мастеровъ, отъ мелкаго промышленника, работавшаго на мѣстнаго потребителя. При весьма развитой иниціативѣ и подвижности, эти люди, нерѣдко пробившіеся кверху полуразвитые рабочіе, вносили извѣстную жесткость, мало вниманія къ нуждамъ тѣхъ, кто силою вещей долженъ былъ имъ служить. Для общественнаго мнѣнія въ средѣ развитыхъ классовъ темныя стороны начинающагося движенія также закрывались громадностью достигнутыхъ успѣховъ. Можно-ли было жалѣть о невозвратномъ прошломъ? Тамъ было невѣжество, косность, неумѣнье пользоваться силами природы. Правда, крестьянинъ, обратившійся въ наемника, и кустарь, ставшій фабричнымъ рабочимъ, не жили лучше. Но, можетъ быть, потому что блага техники не распространили всюду своего дѣйствія, потому что массы еще не развиты? Нельзя-ли было надѣятся, что если возрастаетъ общее богатство страны, оно должно постепенно сказаться на всѣхъ? Наконецъ худо или хорошо, переворотъ былъ необходимъ и неизбѣженъ, какъ результатъ культуры, и теперь, когда онъ совершился, надо приспособить къ нему соціальныя отношенія.

Такъ приблизительно могло думать большинство современниковъ, и увлеченныхъ, и смущенныхъ крупнымъ событіемъ. Среди его шумныхъ перипетій одно обстоятельство должно было бросаться въ глаза: государство было здѣсь ни причемъ; усиліями частныхъ лицъ возникали крупныя сооруженія; напримѣръ, система каналовъ родилась благодаря иниціативѣ ливерпульскихъ купцовъ; безъ поощреній, безъ участія законодательства, какимъ-то стихійнымъ образомъ возникла эксплуатація минеральныхъ богатствъ сѣверной Англіи, большія фабрики Манчестера и другихъ городовъ, и эта стихія слагалась изъ множества интересовъ личностей, направленныхъ къ однѣмъ цѣлямъ и риску.

Съ сознаніемъ этого факта могущества частной иниціативы и огромной неизбѣжности ея направленія сплеталась другая мысль, мысль о ненужности формъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго и ставившихъ промышленника, рабочаго, землевладѣльца, въ стѣснительныя рамки. Зачѣмъ первородство, эти запутанныя условія перехода земель, когда надо поощрять пріобрѣтеніе земли свѣдущимъ энергическимъ хозяиномъ? Зачѣмъ законы, требующіе для рабочаго осѣдлости или опредѣляющіе количество занятыхъ въ мастерствѣ лицъ, если размѣры фабричнаго предпріятія должны сообразоваться съ большими иностранными рынками, и если техническія условія требуютъ привлеченія новыхъ и новыхъ рабочихъ массъ?

Такъ слагалась мысль о могуществѣ и здравости частной иниціативы, которая поддерживается соревнованіемъ и необходимымъ взаимодѣйствіемъ въ сложной организаціи труда и обмѣна.

Важное новое впечатлѣніе получалось и отъ обширности самого обмѣна. Раздѣленіе труда выходило за предѣлы территоріи, націи. Оно ставило свои требованія, свои законы, и, подчиняясь имъ, предприниматель долженъ былъ смотрѣть выше политическихъ границъ. Отсюда космополитическая черта въ направленіи соціальной мысли конца XVIII вѣка. Реальныя основы космополитизма у разныхъ націй были различныя. У французовъ, гдѣ онъ появляется болѣе преходящимъ образомъ въ видѣ момента энтузіазма, онъ прямо сопровождаетъ побѣдоносные штыки и демократическія формулы, шагающіе черезъ горы и другія естественныя границы націй Европы: человѣчество на нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ, представляется побѣдителямъ и пропагандистамъ очень большой расширенной Франціей. У англичанъ болѣе мирный и болѣе цѣпкій космополитизмъ: онъ вырастаетъ вмѣстѣ съ проникновеніемъ во всѣ моря и ко всѣмъ материкамъ англійскаго флага и англійскаго товара. Конечно, купцу обыкновенно предшествовалъ требовательный дипломатъ, безпощадный завоеватель, а иногда и отчаянный каперъ; но много было и мирныхъ завоеваній. Во всякомъ случаѣ купецъ смотрѣлъ на войну, какъ на неизбѣжное зло, которое какъ можно скорѣе должно уступить ему дорогу. Поэтому сторонники свободнаго обмѣна, исходившіе отъ интересовъ индустріи и торговли, обыкновенно становились горячими проповѣдниками международнаго мира.

Любопытны слова демократа Томаса Пэна, великаго друга революціонной Франціи и освобожденной Америки; онъ обращается къ своимъ соотечественникамъ, которые не могутъ помириться съ потерею колоній: «вѣдь вамъ могло бы быть безразлично, кто правитъ и начальствуетъ въ Америкѣ, если ваши мануфактурные товары находятъ тамъ сбытъ». Этотъ идеалистическій защитникъ «правъ человѣка» прибавляетъ еще одно реалистическое замѣчаніе въ подкрѣпленіе: «Внимая звукамъ побѣды и увлекаясь безумной любовью къ оружію, вы пренебрегаете подумать о тратахъ на войну и ея послѣдствіяхъ».

Новая экономико-космополитическая школа рекомендовала миръ народовъ не только изъ соображеній выгоды; она считала его необходимой, естественной фазой будущаго развитія. Торговля призвана къ тому, чтобы вытѣснить войну. Такъ разсуждаетъ тотъ же Томасъ Пэнъ, увѣренный, что торговля откроетъ собой эру братства между всѣми людьми. «Вѣдь всего дѣйствительнѣе можно улучшить положеніе человѣка, поддерживая его интересъ. Если бы торговлѣ былъ открытъ просторъ воздѣйствовать въ тѣхъ размѣрахъ, на какіе она способна, она уничтожила бы систему войны и произвела бы революцію въ нецивилизованномъ состояніи нынѣшнихъ правительствъ».

Наконецъ, промышленный переворотъ поражалъ современниковъ захватывающе быстрымъ характеромъ, неожиданностью соціально-культурнаго перелома, который совершился подъ его вліяніемъ. Онъ какъ бы нарушалъ историческія представленія, онъ казался чѣмъ-то внезапно вторгнувшимся въ судьбы старой Европы. Эту черту мы можемъ прослѣдить во взглядахъ Адама Смита.

Знаменитое изслѣдованія глэзговскаго профессора «о богатствѣ народовъ» возникло еще въ началѣ переворота (1776 г.) недалеко отъ центровъ новой промышленной жизни. Оно отражало всю еще неясность движенія, которое развертывалось въ странѣ, всѣ ожиданія, какія оно вызывало въ умахъ. Оно пыталось схватить въ научныхъ формулахъ его смыслъ и результаты и въ то же время дать практическія правила дѣйствія слагавшемуся новому обществу.

Адамъ Смитъ полонъ увлеченія въ виду огромнаго мірообъемлющаго обмѣна и раздѣленія труда, въ виду всей совокупности результатовъ промышленности, столь развитой технически, основанной на многообразномъ взаимодѣйствіи всѣхъ общественныхъ элементовъ. Хорошо припомнить Руссо, его швейцарскія идилліи мелкихъ хозяевъ, не нуждающихся въ остальномъ мірѣ, хорошо припомнить его теперь, читая знаменитую вступительную главу къ «богатству народовъ». Адамъ Смитъ осматриваетъ съ гордостью великую мастерскую земного шара: «для того, чтобы въ настоящее время самый мелкій частный человѣкъ въ цивилизованной странѣ могъ одѣться и обзавестись, нужна работа многихъ тысячъ работниковъ».

Если Руссо видѣлъ верхъ независимости въ условіяхъ замкнутаго въ горахъ существованія изолированныхъ людей, способныхъ на всѣ руки, гармонически развитыхъ, законченныхъ въ себѣ, то Адамъ Смитъ открываетъ основу свободы личности какъ разъ въ противоположныхъ соотношеніяхъ: чѣмъ многообразнѣе связи человѣка съ міромъ, чѣмъ дробнѣе его доля въ сложной общей работѣ, тѣмъ независимѣе онъ поставленъ: надъ нимъ нѣтъ человѣческой власти, нѣтъ конкретнаго личнаго господина, какъ въ старину, когда вся работа, весь оборотъ вертѣлся въ кругу помѣстья, гдѣ поглощались продукты безъ остатка.

У Адама Смита есть и очень любопытный матеріалъ для опытнаго сравненія живой старины съ послѣднимъ словомъ культуры: въ то время, какъ онъ работалъ надъ своей книгой, среди кипѣнія индустріи въ низменной Шотландіи, недалеко въ горахъ той же страны живы были патріархальныя связи: едва минуло время, когда тамъ царили старые вожди, творившіе судъ и расправу, какъ будто не существовало государства и закона, и собиравшіе въ рѣшительную минуту какія-то легендарныя дружины своихъ кліентовъ. Адамъ Смитъ еще помнилъ ихъ появленіе въ шотландскомъ возстаніи 1745 г. Не идилліей вѣяли эти порядки на него, а мракомъ и жалкой косностью.

Пораженный успѣхами обмѣна и раздѣленія труда, Адамъ Смитъ не видитъ однако въ ростѣ городовъ и мануфактуры подъ вліяніемъ міровой торговли—факта, издавна подготовленнаго и необходимаго. Напротивъ, эта перемѣна представляется ему словно бурной революціей, внезапно налетѣвшимъ вихремъ. Нормально было бы постепенное развитіе деревни, ея богатства и культуры и возникновенія среди нея городовъ; такимъ путемъ, правильнымъ, по его мнѣнію, идетъ счастливая молодая страна, Америка. Но въ старой Европѣ, гдѣ традиція вѣками накопила стѣсненія и тягости, гдѣ деревня заснула и задавлена, надо радоваться и этому ненормальному неожиданному подъему торгово-промышленныхъ центровъ: своей огромной движущей силой они, обратно, должны приподнять затвердѣвшія формы сельской жизни, внести въ нее оживленіе, раскрыть и вызвать силы ея.

Къ этимъ взглядамъ у Адама Смита примыкаетъ цѣлая, можно сказать, экономическая философія исторіи. Онъ начинаетъ съ характеристики ранняго средневѣковаго строя; это было господство крупной собственности на основѣ рабскаго труда; оба элемента, и владѣльческій, и рабочій, были неспособны къ движенію, къ экономическому прогрессу. Въ объясненіи феодализма Адатъ Смитъ схватываетъ его глубокую экономическую основу. Феодализмъ коренился не въ правовыхъ условіяхъ; напротивъ, судъ и администрація сеньера—явленія производныя; причина зависимости массы лицъ отъ сеньера заключается въ томъ, что онъ кормилъ при себѣ округу, которая ему и служила, т. е. въ натуральномъ хозяйствѣ.

Ростъ населенія и появленіе внутренняго обмѣна ведетъ къ постепенному очень медленному высвобожденію рабочихъ классовъ: рабы переходятъ въ половниковъ, половники въ арендаторовъ и свободныхъ мелкихъ собственниковъ. Образуются центры обработки деревенскихъ продуктовъ—города. Но эти старые европейскіе города развивались очень медленно. Ихъ вліяніе не могло пробить той массы стѣсненій, привилегій и т. д., которыя остались въ наслѣдіе отъ феодальной эпохи и по сейчасъ задерживаютъ жизнь деревни. Революціонную работу исполняютъ новые города, стоящіе на широкомъ иностранномъ сбытѣ. Ихъ возникновеніе произошло почти на нашихъ глазахъ. Увле-

ченные ихъ силой, народы идутъ «ретроградным шагомъ, противнымъ естественному порядку».

Адамъ Смитъ не вѣритъ въ прочность результатовъ переворота, совершеннаго міровой торговлей и приморскими городами. Вѣрнѣе и прочнѣе улучшеніе, которое совершается черезъ развитіе сельской культуры. Развитіе торговли полно риска: примѣромъ служатъ Италія и Нидерланды. Для разрушенія успѣховъ земледѣлія въ римской имперіи потребовалось не менѣе двухъ вѣковъ страшныхъ конвульсій и расхищеній, совершенныхъ варварами. Для разрушенія торговли достаточно смутъ, одной революціи.

У Адама Смита нѣтъ особыхъ классовыхъ пристрастій: по симпатіямъ онъ совсѣмъ не апостолъ капитализма. Онъ во многомъ сочувствуетъ рабочимъ; у него, напримѣръ, есть горькое замѣчаніе, что рабочихъ рѣзко преслѣдуютъ за стачки, тогда какъ предприниматели могутъ свободно вступать въ соглашенія между собою. Мелкаго землевладѣльца, зажиточнаго крестьянина онъ считаетъ вмѣстѣ съ крупнымъ фермеромъ самымъ лучшимъ хозяиномъ и самымъ здоровымъ соціальнымъ элементомъ.

Но онъ пораженъ фактами, въ которыхъ выражается быстрое возрастаніе національнаго богатства. Онъ ищетъ движущихъ его мотивовъ, во имя общей пользы оправдываетъ и ставитъ очень высоко предпринимательскіе пріемы, хотя бы они исходили отъ очень узкихъ влеченій. Этимъ путемъ онъ незамѣтно подходитъ къ поощренію класса капиталистовъ. «Пропитанія своего мы ждемъ не отъ добраго расположенія мясника, пивовара или булочника, а отъ ихъ заботы о собственныхъ интересахъ. Мы обращаемся не къ ихъ человѣколюбію, а къ ихъ эгоизму, и никогда не ставимъ имъ на видъ свои потребности, а напротивъ всегда ихъ выгоды».

Вся исторія возрастанія культуры сложилась изъ переплетенія выгодъ двухъ классовъ, большихъ землевладѣльцевъ, не знавшихъ, куда тратить свои средства, тщеславныхъ и дѣтски жадныхъ, и промышленниковъ, которые рисковали и напрягали свои силы, чтобы подвозомъ и выдѣлкой массы предметовъ заработать на удовлетвореніи ихъ жадности. Адамъ Смитъ очень низкаго мнѣнія о морали купцовъ. Извѣстно вѣдь, что они граждане всего міра: «имъ мало свойственна забота объ общемъ благѣ и, прибавляетъ съ добродушной ироніей Адамъ Смитъ, не нужно длинныхъ рѣчей, чтобы излечить ихъ отъ этого прекраснаго влеченія».

Всего любопытнѣе слѣдующій шагъ разсужденія. Для Адама Смита несомнѣнно, что всякій человѣкъ, старающійся наивыгоднѣйшимъ образомъ помѣстить свой капиталъ, увеличиваетъ ежегодный доходъ всего общества и слѣдовательно оказываетъ обществу услугу. «Въ дѣйствительности у такого лица вовсе нѣтъ общаго намѣренія послужить общему благу, и оно даже не знаетъ, въ какой мѣрѣ можетъ

быть полезно обществу. Если такой человѣкъ пускаетъ капиталъ въ сферу національной индустріи, то вовсе не изъ патріотизма; успѣхъ національной индустріи онъ просто потому предпочитаетъ успѣху иностранной, что имѣетъ въ виду для себя большую охрану и обезпеченность. Но думая всюду о собственномъ выигрышѣ, онъ въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, направляется мановеніемъ невидимой руки къ достиженію цѣли, которая вовсе не входитъ въ его мысли. И это—не бѣда для общества. Добиваясь личнаго обогащенія люди часто гораздо сильнѣе и дѣйствительнѣе работаютъ на благо общества, чѣмъ если бы они прямо искали этого блага. Я никогда не видѣлъ, чтобы люди, желавшіе путемъ торговли поработать на пользу общую, съумѣли сдѣлать много хорошаго».

Можно замѣтить въ этихъ словахъ особый оттѣнокъ оптимизма, оттѣнокъ какъ бы религіозный? Не должно мѣшать теченію естественнаго порядка, свободной игрѣ силъ; пути осуществленія этого порядка какъ бы предписанія мудраго благаго существа, а это существо, какъ именно и подобаетъ представлять себѣ его въ промышленномъ вѣкѣ, желаетъ обезпечить людямъ и матеріальныя блага. Экономистъ-теоретикъ, обозрѣвающій волнующееся море человѣческихъ интересовъ и предпріятій, видитъ вездѣ слѣды богосозданной гармоніи, слѣды и тропы, которые человѣкъ долженъ раздвинуть въ широкія торныя дороги всесвѣтнаго обмѣна. Гармонія дана и въ соотношеніяхъ людей внутри каждаго общества; она дана и въ сплетеніи интересовъ всѣхъ странъ на земномъ шарѣ.

Еще болѣе горячо проводили эту религіозную идею самопроизвольной гармоніи интересовъ французскіе физіократы. Можно подумать, что имѣешь передъ собой фанатичную проповѣдь какой-нибудь эпохи религіозныхъ войнъ, когда читаешь слѣдующій отрывокъ у Дюпонъ де Немура: «нарушить свободу частныхъ лицъ въ приложеніи ими капиталовъ своихъ, отдаться такому преступному искушенію—значитъ объявить войну своимъ ближнимъ; это значитъ нарушить права и уклониться отъ обязанностей, установленныхъ Творцомъ; это значитъ возмутиться противъ Его велѣній, насколько допускаютъ слабыя силы наши, совершить преступленіе противъ величества Божьяго имени и человѣческой природы».

Такова, можетъ, самая смѣлая варіація XVIII в. на тему о превосходствѣ натуральнаго надъ искусственнымъ, на тему о томъ, что правила и руководительства портятъ и искажаютъ, а природа исправляетъ и ведетъ къ лучшему. Работа индивидуальныхъ силъ, розныхъ и, можетъ быть, злыхъ, должна слиться въ сумму общаго блага, вотъ въ чемъ это чудо природы. При господствѣ такой вѣры даже бѣсъ XVIII в., Мефистофель, долженъ былъ назваться духомъ, который вѣчно желаетъ зла и вѣчно творитъ добро.

Соціальная философія, слагавшаяся подъ вліяніемъ промышленнаго

переворота, и соединилась поэтому съ опредѣленнымъ моральнымъ ученіемъ, которое поставило въ центръ понятіе о личной пользѣ и наслажденіи и отождествило сумму личныхъ выгодъ съ интересомъ и благомъ общества. Въ новомъ вырабатывающемся общественномъ строѣ исчезли или, казалось, должны были исчезнуть всякіе особые союзы и группировки, принудительные или охранительные, чтобы на всесвѣтной аренѣ открыть просторъ высвобожденному отъ опеки, изолированному отъ давленія человѣку. Оставалось-ли еще представленіе объ обществѣ, какъ особомъ, самостоятельномъ цѣломъ, налагающемъ обязанности на личность? Не сводилось ли значеніе общества къ условнымъ рамкамъ, условному обозначенію, простому знаку нѣкоторой суммы живущихъ вмѣстѣ или сплетенныхъ въ своихъ сношеніяхъ и интересахъ людей?

Самый послѣдовательный учитель этихъ моральныхъ идей—Джеремія Бентамъ, котораго надо поставить рядомъ съ Адамомъ Смитомъ по характеру и силѣ вліянія на англійское общество первой половины нашего вѣка. Формулы этого неутомимаго адвоката разумно понятой выгоды широко распространились и за предѣлы Англіи, хотя главнымъ образомъ косвенно, черезъ сочиненія и популяризаціи другихъ, такъ какъ его самого мало читали. Однимъ изъ препятствій къ чтенію его является удивительная сухость изложенія, однообразіе доказательныхъ пріемовъ, скудость жизненныхъ примѣровъ. Это—какая-то алгебраическая голова. Бентамъ прожилъ всю свою долгую жизнь—онъ умеръ въ 1832 году 84-хъ лѣтъ—кабинетнымъ отшельникомъ; онъ все болѣе изолировался въ своей мысли, отвыкалъ отъ людей и наклонность къ отвлеченному разсчету не встрѣчала никакого противодѣйствія. Нельзя не быть пораженнымъ его педантическимъ терпѣніемъ, его неустрашимой и скучной классификаціей, когда онъ, сводя мораль на экономію чувствъ удовольствія и страданія, даетъ длинную таблицу, такъ сказать, сравнительный тарифъ удовольствій и страданій, когда онъ начинаетъ различать 15 простыхъ видовъ удовольствія и 11 простыхъ видовъ страданія, которые въ свою очередь распадаются на второразрядные виды.

Бентамъ съ удивительной настойчивостью старался вывести всѣ требованія морали и права изъ одного простого принципа, одного простого чувства, по его мнѣнію, всегда и въ одинаковой мѣрѣ присущаго людямъ; это именно способность взвѣсить выгоды и невыгоды для себя всякаго поступка, разсчитать количество пріятнаго и непріятнаго въ его результатахъ. Ничто не мѣшало затѣмъ теоретику въ своей кельѣ складывать голыя цифры этихъ одинаково дѣйствующихъ человѣческихъ машинъ. Бентамъ и называлъ это моральной ариѳметикой. Вопросъ стоитъ исключительно ариѳметически въ знаменитой бентамовской формулѣ: величайшее, какое возможно счастье для наивозможно большаго числа людей—вотъ мѣра правды и неправды. И что главное

при этомъ—имѣется увѣренность, что ариѳметическія данныя для рѣшенія могутъ быть просто и отчетливо отысканы и указаны.

Добродѣтель и порокъ опредѣляются исключительно по результатамъ человѣческихъ поступковъ; это—лишь общія обозначенія для совокупности обстоятельствъ, вызывающихъ удовольствія или страданія. Такъ какъ порокъ составляетъ зло лишь вслѣдствіе страданій, сопровождающихъ его, то въ случаѣ, если за образомъ дѣйствій, который мы называемъ добродѣтелью, слѣдуетъ больше страданія, чѣмъ удовольствія, мы не должны колебаться въ обозначеніи этой, будто бы, добродѣтели порокомъ. Добродѣтель состоитъ исключительно въ принесеніи меньшаго интереса въ жертву большему, минутнаго продолжительному, сомнительнаго обезпеченному. Что такое долгъ? Исключительно одно сознаніе высшаго, т. е. болѣе крупнаго интереса, который мы имѣемъ въ виду, отрекаясь отъ удобствъ даннаго момента. Нужно ли держать обязательства? Да, но только въ виду того, чтобы не вызывать къ себѣ недовѣрія въ другихъ сношеніяхъ съ людьми. Совѣсть—лишь привившееся намъ, привычное вниманіе къ сужденію другихъ людей, похвала которыхъ доставляетъ намъ радость, а порицаніе боль. Добродѣтель вообще совпадаетъ съ популярной санкціей. Все, что основывается на противоположномъ разсужденіи, на готовности принимать больше зла, чѣмъ получать добра и выгоды отъ своего поступка,—извращеніе, и Бентамъ называетъ эту ложную мораль аскетизмомъ.

Въ виду этого, Бентамъ беретъ на себя, какъ онъ выражался, роль цензора по отношенію ко всѣмъ формамъ права и общественнаго строя. Поэтому обратно онъ считалъ себя въ правѣ и призваннымъ писать своды законовъ и политическія наставленія для любыхъ народовъ и странъ, хотя бы напримѣръ для Триполиса; онъ составилъ даже проектъ Уложенія для всѣхъ «либеральныхъ» народовъ.

Мѣрка для регулирующей роли учрежденій, для опредѣленія круга полномочій общественной власти, для опредѣленія строгости закона и т. д. одна, это—выгоды наибольшаго количества индивидовъ.

Въ чемъ можетъ заключаться соотвѣтствіе силы наказанія съ тяжестью проступка? Оно соизмѣряется количествомъ вреда, прямого и косвеннаго, нанесеннаго и возможнаго. Всякій законъ, какъ стѣсненіе, нарушеніе свободы, есть зло: онъ терпимъ и желателенъ, поскольку можетъ быть вычислена въ разности приносимая имъ прямо и косвенно польза. Въ концѣ концовъ государственный законъ полезенъ, если онъ именно обезпечиваетъ свободу труду и движенію продукта труда. Государство оправдывается не договоромъ, который разъ взялись соблюдать, не святостью традиціи, а исключительно выгодой для личностей властной защиты и надзора. Этимъ и должны быть опредѣлены размѣры тратъ на правленіе.

И политикъ-моралистъ и политикъ-экономъ, оба выросли на одной почвѣ промышленной, всесвѣтной, предпринимательской Англіи; на обоихъ

видно, какъ направленіе интересовъ, какъ извѣстные, бьющіе въ глаза факты дѣйствительности превращаются въ «законы вещей», т. е. въ научныя формулы и морально общественныя требованія. Статьи новаго кодекса, заповѣди его завершались формулой, смыслъ которой заключался въ томъ, что нити эгоистическихъ влеченій, идущихъ отъ личностей, сами собой связываются въ клубокъ общаго благополучія. Здѣсь въ мысли былъ явный скачокъ: факты не складывались въ аргументы, и добрая вѣра вступала въ свои права.

Въ ученіяхъ индивидуалистовъ роль государства естественно очень непохожа на то опредѣленіе, какое ему давали въ эпоху просвѣтительной публицистики. По Бентаму управленіе должно быть слабое и дешевое. «Стой смирно»! такъ хочетъ ему сказать Бентамъ въ короткой формулѣ. Индустрія, говоритъ онъ, проситъ у управленія лишь того, чего просилъ Діогенъ у Александра: «не закрывай мнѣ солнца». Какъ ни отвлечененъ Бентамъ, но здѣсь у него совершенно ярко отмѣченъ исходный мотивъ; пружина общества есть успѣвающій капиталъ. Съ этимъ комментаріемъ надо читать и слѣдующій совѣтъ: «берегите индивиды, не отягощайте ихъ, не допускайте никогда, чтобы ихъ отягощали—и вы достаточно сдѣлали для общаго блага». Со стороны государства такъ же не нужны поощрительныя мѣры къ развитію производства, какъ невозможно усилить жажду и голодъ у людей. Притомъ «первый министръ меньше понимаетъ, чѣмъ фермеръ въ арендной платѣ, меньше въ перегонкѣ жидкостей, чѣмъ винокуръ, меньше въ кораблестроеніи, чѣмъ корабельный мастеръ».

Государство, по ученію индивидуалистовъ, не имѣетъ другой задачи, какъ только содѣйствовать свободной дѣятельности членовъ общества; общество, сложенное изъ частныхъ интересовъ, а не политическое цѣлое, вотъ что представляется живой ареной; политическая власть, это—предохранительный клапанъ, это—спеціальный аппаратъ на крайній конецъ, на случай, гдѣ не могутъ сразу удобно воздѣйствовать общество и цивилизація. Чѣмъ рѣже его примѣненіе, тѣмъ лучше. Самое лучше—въ немъ вовсе не нуждаться, вовсе его не примѣнять, и достаточно жить въ покойномъ сознаніи, что въ арсеналѣ оружіе есть.

Томасъ Пэнъ, о которомъ уже была рѣчь, говоритъ: «общество дѣлаетъ для себя почти все, что приписывается государству. Чѣмъ выше поднялась цивилизація, тѣмъ менѣе нуждается оно въ правительствѣ. Правительство—ничто иное, какъ національный союзъ, который дѣйствуетъ согласно принципамъ общества».

Итакъ у государства нѣтъ иной задачи, какъ только содѣйствовать свободной дѣятельности членовъ общества путемъ устраненія всѣхъ препятствій. Государство сходитъ на положеніе слуги личныхъ интересовъ: берегите намъ границы, дайте строгій судъ, чтобы не было обмана и прекаканій въ экономическихъ сношеніяхъ—вотъ чего требуютъ отъ здравыхъ политиковъ будущаго. Государство въ ученіи

этой школы упразднено, разложено во имя соціальныхъ интересовъ, а соціальные во имя личныхъ. Послѣдовательные теоретики заранѣе признавали въ государствѣ опасную для личности силу. Надо, говоритъ одинъ, найти такія учрежденія, которыя бы наиболѣе дѣйствительно могли охранить личность отъ «покушеній общественной власти». М—мъ де-Сталь почти физически ощущаетъ это: она находитъ, что самое слово государство заключаетъ въ себѣ что-то жестокое и тираническое.

Едва ли у кого-нибудь въ концѣ прошлаго вѣка политическій и соціальный индивидуализмъ выражался въ такой крайней формѣ, какъ у Вильяма Годвина въ его книгѣ «Политическая справедливость» (1793 г.). Годвинъ былъ сначала сектантскимъ проповѣдникомъ. Его разсужденія далеки отъ какихъ-либо практическихъ совѣтовъ. Онъ отворачивается отъ всякаго насильственнаго переворота. Онъ хочетъ лишь громко и безстрашно объявить то, что считаетъ истиной. Съ возглашенія этого ученія и начнется тысячелѣтнее царство мира и счастья. Вѣруя въ магическую силу слова и увѣщанія, онъ надѣется, что соотечественники его, подъ давленіемъ аргументовъ, сразу прозрѣютъ. Нежелательны даже союзы для политической агитаціи; Годвинъ хочетъ только, чтобы всякій исповѣдалъ познанную истину свободно и открыто, во всей полнотѣ, и, если нужно, съ самоотверженіемъ мученика. Реформы этимъ самымъ станутъ ненужны, такъ какъ наилучшій порядокъ тотъ, когда люди руководятся однимъ разсудкомъ. Этотъ наилучшій порядокъ въ сущности отсутствіе какого-либо порядка, строя, принужденія.

Трогательна вѣра Годвина въ разумную и благую основу человѣческаго существа; но она ведетъ его къ тому, что, внѣ сознанія личности, онъ не признаетъ никакихъ обязывающихъ законовъ. Даже отдѣльные моменты сознанія не связываютъ другъ друга. Напримѣръ, давать обѣщанія—неразумно, а держать ихъ ненужно, потому что въ каждую данную минуту надо слѣдовать указанію истины и справедливости, какъ онѣ именно въ эту минуту представляются человѣку.

При этихъ условіяхъ о принудительной власти общества не можетъ быть рѣчи. Слово «подданный» заключаетъ въ себѣ полное извращеніе. Въ свою очередь нельзя говорить и о правахъ личности на свободу, потому что здѣсь уже чувствуется нѣкоторое ограниченіе; всѣ эти «права личности» лишь сводятся къ отсутствію правъ общества на человѣка, а весь порядокъ къ тому, что люди подчиняются тѣмъ предписаніямъ справедливости и истины, которыя они въ данную минуту признаютъ. Поэтому, напримѣръ, совершенно не нужны какія-либо законодательныя опредѣленія; не нуженъ сводъ гражданскаго права и т. п. Національная слава, расширеніе отечественной территоріи — все это химеры, любовь къ отечеству — иллюзія, потому что нація, общество не представляютъ сами по себѣ живого цѣлаго; общее счастье—лишь сумма интересовъ всѣхъ.

Государство въ сущности вовсе не нужно. Годвинъ осуждаетъ даже какую-либо упорядоченную экономическую кооперацію. Идеалъ его состоитъ въ свободномъ существованіи рядомъ совершенно независимыхъ личностей. Практически лучше всего—мелкіе самостоятельные приходы, которые образуютъ слабую конфедерацію на случай нападенія.

Благожелательный Годвинъ увѣренъ, что съ установленіемъ этой формы или, лучше сказать, при этомъ отсутствіи формъ отпадутъ сами собою и условія матеріальнаго неравенства, а слѣдовательно исчезнутъ войны и столкновенія, которыя теперь неизбѣжны въ обществѣ, основанномъ на несправедливыхъ привилегіяхъ.

Но политическій идеалъ пассивнаго государства является большею частью на службѣ другихъ соціальныхъ направленій. Разъ общество простая сумма людей, болѣе или менѣе случайная, разъ въ немъ на лицо лишь дѣловой договоръ, не захватывающій всего человѣка, связывающій его, лишь пока онъ хочетъ быть въ обществѣ, то государство окажется простой администраціей группы соединившихъ свои интересы лицъ. А какъ скоро государство—только суммарное выраженіе существующаго общественнаго уклада, только показатель распредѣленія силъ и богатствъ, то естественно, что права лицъ и группъ, т. е. ихъ участіе въ открываемыхъ государствомъ выгодахъ должны отвѣчать общественному преобладанію этихъ лицъ и группъ.

Поэтому сторонники этой доктрины сравнивали общество съ акціонерной компаніей, а государство съ ея дирекціей. Сталкиваясь съ требованіемъ равенства, вытекавшимъ изъ признанія правъ личности, политики разбираемаго направленія готовы были продолжать сравненіе: пусть всѣ акціонеры, хотя бы съ мельчайшими паями, войдутъ въ общее собраніе, пусть всѣ заявляютъ желанія, но, безъ сомнѣнія, дѣйствія дирекціи должны опредѣляться вѣсомъ крупныхъ владѣльцевъ акцій, а дивиденды должны распредѣляться не по числу головъ, а пропорціонально числу акцій въ рукахъ членовъ.

Соціальная теорія индивидуализма сказалась и на историческихъ построеніяхъ. Въ работахъ, отражающихъ ея духъ, факты прошлаго выстроились по магическому лозунгу: освобожденіе лица. Первымъ этапомъ въ пройденномъ великомъ пути выступалъ маленькій, но живой греческій міръ, гдѣ хоть на моментъ сверкнули всѣ дарованія и запросы человѣческой личности. Традиція свободы изображалась затѣмъ въ ея движеніи на западъ: здѣсь римское право и христіанство выработали основные принципы правовой и моральной независимости лица. Восходящая линія, казалось, шла безъ нарушенія. Даже въ катастрофѣ древняго міра не видѣли перерыва среди общаго процесса освобожденія личности. Варварское нашествіе не задавило его: германцы принесли изъ лѣсовъ стихійную свободу, ея инстинктъ, который претворился въ охрану независимости лица въ государствѣ. Въ феодализмѣ та же черта сказалась, хотя для ограниченной группы, но

за то съ особой силой. Затѣмъ все ускоряя темпъ, шло освобожденіе чрезъ непринужденную фантастичность и свѣтскую мораль рыцарскаго общества, чрезъ упрямый корпоративный духъ самоуправляющихся городовъ, чрезъ неутомимую критику, духъ изслѣдованія и начала вѣротерпимости эпохъ возрожденія и реформаціи; а заключилось оно вѣнцомъ всего—политической свободой въ Англіи, Америкѣ, Франціи.

Въ этихъ построеніяхъ были излюбленныя эпохи, демократическія Аѳины, средневѣковыя коммуны, реформація, политическіе перевороты новыхъ временъ. Они рисовались вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ моменты матеріальнаго процвѣтанія, полнаго раскрытія всѣхъ силъ и стремленій въ обществѣ.

Ослѣпительно красива была исторія освожденія личности. Что могъ этотъ процессъ обѣщать въ будущемъ?

Такъ же быстро, какъ революція машинъ перевернула весь строй и обликъ промышленности, какъ наводнила она весь международный рынокъ новыми механическими продуктами, и новыя фурмулы пріобрѣли власть въ Европѣ. Во Франціи они сошлись съ ученіемъ физіократовъ, которые разсматривали общество, какъ естественный организмъ, и считали свободный обмѣнъ необходимымъ условіемъ органической жизни. Въ Германіи далекій провинціальный университетъ въ Кёнигсбергѣ, гдѣ училъ великій Кантъ, сталъ главнымъ мѣстомъ пропаганды Смитовыхъ идей, главнымъ разсадникомъ экономистовъ и политиковъ, строившихъ въ будущемъ золотой вѣкъ на торжествѣ личной иниціативы. Скоро департаменты чуть-ли не самаго авторитарнаго государства въ Европѣ, Пруссіи, наполнились убѣжденными сторонниками и даже резонерами невмѣшательства, и терминологія докладовъ и указовъ своеобразно видоизмѣнилась, повторяя рѣзкія положенія доктрины. Въ странѣ, гдѣ еще не такъ давно утверждали, что общество не понимаетъ своихъ выгодъ, что къ индустріи людей надо воспитывать и тянуть, чиновники стали утверждать, что «каждая личность легче откроетъ свой истинный интересъ, чѣмъ это можетъ быть ей предписано правительствомъ».

Въ это время—въ началѣ вѣка послѣ наполеоновскаго разгрома—въ Пруссіи готовилась крупнѣйшая реформа—освобожденіе крестьянъ, вызванное желаніемъ поднять патріотическій духъ народа. Надъ проектами, кругомъ реформы хлопотали ученики и поклонники Смита, которые осуждали крѣпостное право во имя свободнаго договора, свободной иниціативы лицъ. Но доктрина сослужила плохую службу крестьянскимъ интересамъ. Она совпала со стремленіемъ крупныхъ землевладѣльцевъ перевести старое барщинное и оброчное хозяйство съ крестьянской подмогой на капиталистическое съ обезземеленными наемными рабочими.

Только что приведенныя слова принадлежатъ министру фонъ-Шрёттеру. Онъ ими мотивировалъ важный и характерный отказъ: по его

мнѣнію, не слѣдовало продолжать старинную охрану крестьянскихъ дворовъ отъ снесенія ихъ помѣщиками, которые составляли большія фермы и заводили крупное раціональное хозяйство; прекрасно имѣть въ государствѣ многочисленное и зажиточное крестьянство, но, говорилъ онъ, «ускорять, искусственно содѣйствовать его образованію положительными мѣрами» неразумно и рискованно, пока нація въ культурномъ и имущественномъ отношеніи не созрѣла. Лучше дать крестьянамъ политическія права, участіе въ представительствѣ національномъ и въ земствѣ, и пусть они самобытно поднимаются къ лучшему положенію и создадутъ себѣ условія для пріобрѣтенія земли.

Какъ Шрёттеръ, думало большинство либеральныхъ бюрократовъ, усердно и съ добрыми намѣреніями работавшихъ надъ реформой, и реформа была погублена, такъ какъ вмѣстѣ съ освобожденіемъ она создала всѣ условія для обезземеленія.

Этотъ примѣръ можетъ иллюстрировать силу, упорство доктрины, шедшей изъ Англіи: она исходила изъ понятія объ интересахъ личности, изъ вѣры въ ея глубоко правильный инстинктъ и могла приходить на практикѣ къ разрушенію цѣлыхъ классовъ, т. е. массы тѣхъ же личностей, или мириться съ подобнымъ фактомъ. Если она дѣлала это, не смущаясь противорѣчіемъ, или не чувствуя его, то это значитъ, что въ общей суммѣ итоговъ она усматривала такіе перевѣшивающіе факты, которые казались ей важнѣе, чѣмъ видимыя явленія.

Что-же прозрѣвала впереди доктрина? То мистическое благо, которое она усматривала, состояло въ накопленіи дохода, въ безконечномъ торжествѣ производства вообще. Теорія шла къ обоготворенію производства. Въ эпоху, когда такъ внезапно, такимъ чудеснымъ образомъ возросли средства къ произведенію новыхъ богатствъ, было естественно увлечься самимъ процессомъ, который обѣщалъ въ будущемъ безконечное обиліе.

Но почти одновременно напомнилъ о себѣ другой вопросъ. Новая техника, запросы расширеннаго международнаго рынка, создавали новую рабочую организацію. Масса людей, которые на рынокъ могли принести лишь свои руки и спину, лишь продать свой трудъ, становились въ зависимость отъ огромныхъ, часто очень далекихъ, почти стихійныхъ приливовъ и отливовъ международнаго спроса на товары. Они должны были нести послѣдствія торговыхъ кризисовъ, которыхъ мѣстное производство не могло предусмотрѣть, они должны были быть на мѣстѣ, вырости въ числѣ, когда требовалось расширеніе производства, и сократиться, составить нуждающійся резервъ, когда требовалось уменьшеніе производства. Нельзя было также закрывать глаза на тяжелыя физическія и моральныя условія, въ которыхъ пребывала новая рабочая масса. Какъ же было примирить культъ производства съ человѣческими жертвами, съ видимымъ ухудшеніемъ или страданіемъ человѣческой породы?

Въ моментъ, когда писалъ Адамъ Смитъ, эти вопросы не возникали въ острой формѣ. Адамъ Смитъ, напримѣръ, еще могъ говорить о чрезвычайно медленномъ ростѣ населенія въ Европѣ сравнительно съ новыми землями въ Америкѣ. Но вопросы эти приходилось уже задать къ концу вѣка. Въ знаменитой книгѣ Мальтуса опрокидывался старый экономическій догматъ, что обиліе населенія—государственное благо и что политика должна энергически содѣйствовать размноженію его. Свои пессимистическія заключенія о томъ, что новымъ непрошеннымъ пришельцамъ нѣтъ мѣста на землѣ, Мальтусъ старался ослабить жестокими совѣтами воздержанія или ссылкой на нѣкоторыя естественныя жестокости, совершаемыя самой природой ради возстановленія равновѣсія.

Но съ подобными выводами о неизбѣжности массоваго соціальнаго зла, на которомъ строится новое промышленное общество, слѣдуетъ сопоставить картину свѣтлаго будущаго, которую рисуетъ оптимистическій реформаторъ, Бентамъ: она показываетъ, какъ ограничены были обѣщанія индивидуалистовъ относительно предстоящаго совершенствованія. Разумному существованію мѣшаютъ извѣстныя учрежденія, предразсудки и традиціи. Что же произойдетъ съ исчезновеніемъ всѣхъ затрудненій и стѣсненій, которыя теперь испытываетъ личность? Насколько придвинется общее счастье?

Бентамъ изображетъ сначала рядъ свѣтлыхъ, положительныхъ явленій. «Въ спискѣ запрещенныхъ дѣяній не будетъ больше проступковъ, вредъ которыхъ лишь воображаемый; права и обязанности различныхъ классовъ людей будутъ такъ хорошо опредѣлены уложеніемъ, что не будетъ процессовъ по существу права; судопроизводство будетъ упрощено и тяжбы будутъ рѣшаться въ короткій срокъ и дешево. Зданія судебныя будутъ всегда открыты и рѣдко полны; народы, сложивъ оружіе и распустивъ арміи на основаніи договоровъ, а не вслѣдствіе взаимнаго безсилія, будутъ платить только самые необременительные налоги. Торговля будетъ свободна, не будетъ монополій, льготы и стѣсненія не будутъ задерживать естественнаго развитія. Права и обязанности чиновниковъ будутъ хорошо разграничены, и наклонности народа къ повышенію и сопротивленію хорошо урегулированы, благодаря усовершенствованію конституціонныхъ законовъ; тогда политической жизни и всему, что съ ней связано, не будутъ грозить перевороты; наконецъ законы будутъ кратки и ясны».

Но все, что за эти предѣлы выходитъ, принадлежитъ къ области химеръ. Можно уменьшить, но невозможно искоренить въ людяхъ мрачныя и пагубныя страсти; неравенство даровъ природы и судьбы всегда будетъ вызывать въ людяхъ горькое чувство зависти; всегда будетъ существовать противоположность интересовъ, а слѣдовательно и соперничество, и ненависть; удовольствія всегда будутъ покупаться цѣной страданій и лишеній. И наконецъ: тяжелый трудъ, ежедневное пора-

бощеніе, состояніе близкое къ нищетѣ будутъ всегда участью большинства людей.

Вотъ что говоритъ намъ индивидуалистическій реформаторъ. Теорія, создавшаяся подъ вліяніемъ промышленнаго переворота, нарисовала торжество начала движенія въ прошломъ въ видѣ растущаго освобожденія личности. Ея представители должны были почувствовать, что завершеніе этого процесса свободы скоро дойдетъ до извѣстной предѣльной черты. Теорія наталкивалась на свои собственныя положенія о непобѣдимыхъ условіяхъ производства, созданныхъ потребностью культурнаго человѣка и порабощающихъ того же человѣка.

Казалось, какъ будто строитель плана общества будущаго уже откинулъ мысленно всѣ препятствія къ свободному проявленію человѣческихъ силъ; онъ обѣщалъ терпѣливо переждать исчезновеніе дурныхъ привычекъ, созданныхъ несправедливостью и ложными отношеніями стараго порядка. Допустивъ, что все осужденное имъ устранено, онъ долженъ былъ спросить себя, обезпечено ли этимъ счастье? Онъ чувствовалъ, что хотя естественныя силы могутъ теперь вступить въ свои права, но на пути къ счастью какъ будто уже поднимаются преградой недостатки самой природы внѣ и внутри человѣка. И вотъ ему оставалось осмотрѣться снова: не примкнетъ ли какой-нибудь благодѣтельный процессъ къ тѣмъ послѣднимъ усиліямъ, на какія способенъ освобожденный благожелательный человѣкъ?

Ученіе о прогрессѣ, одновременно развивавшееся, подавало въ данномъ случаѣ руку: оно обѣщало ростъ гуманности, знанія и чудеса техники, которая должна насъ поднять надъ многими слабостями нашей натуры, заставить исчезнуть само собою много общественныхъ золъ. Страна, пережившая раньше и рѣзче всѣхъ революцію машинъ, т. е. Англія, всего больше и поддалась культу машины, вѣрѣ въ ея цѣлительную силу. Такъ создавалось крупное и какъ бы конкретное утѣшеніе. Распространеніе знанія даетъ новыя средства; тяжелыя и и недостойныя работы исчезнутъ, эксплуатація природныхъ силъ возрастетъ въ безконечное множество разъ; предѣлы естественные, въ которыхъ сдавлено человѣческое общество, раздвинутся, а съ обиліемъ и просторомъ члены общества не будутъ гибнуть отъ борьбы и станутъ лучше. Вслѣдствіе этого необходимо пока примириться съ тѣми жертвами, которыя уноситъ совершенствованіе техники.

Гораздо раньше, чѣмъ теорія могла сослаться на свой опытъ, испробовать до конца свои средства, поднялись возраженія.

VIII. Мистика и реализмъ въ ученіяхъ реакціи.

Безусловное право и безграничная свобода личности, вытекающія изъ природы вещей; вѣра въ благодѣтельность порядка, создаваемаго этой свободой, вѣра, которая основана была на признаніи добраго на-

чала въ человѣкѣ, но не лишена была и мистической идеи, что природа сама исправляетъ, взаимно стираетъ и гармонизируетъ всю нестроту и хаосъ противоположныхъ влеченій и поступковъ отдѣльныхъ личностей; вѣра въ безконечность прогресса, также требуемаго природой и нынѣ незыблемо стоящаго на торжествѣ гуманности, точныхъ знаній и техники.

Вотъ приблизительно то, что можно назвать завѣщаніемъ просвѣтительнаго вѣка, что лежало въ основѣ революціонныхъ программъ и что стало символомъ либеральной школы начала нынѣшняго вѣка.

Скоро противъ этихъ принциповъ поднялась буря протеста, изъ котораго сложилось своеобразное міровоззрѣніе такъ называемой реакціи. Ожесточенность этого протеста въ значительной мѣрѣ объясняется конвульсивностью поворота, катастрофами революціи. Быстро исчезли старинныя группы и дѣленія общества, сокрушились старинныя привилегіи и учрежденія, прошелъ въ захватывающемъ водоворотѣ рядъ партій, смѣнившихъ у власти другъ друга.

Событія точно разрѣзали общество на два лагеря, рѣзко противоположныхъ, образовавшихъ точно двѣ враждебныя націи, два разныхъ отечества, двѣ противорѣчивыя традиціи. Масса людей, сбитыхъ съ привычнаго положенія, такъ или иначе болѣзненно захваченныхъ переворотомъ, увеличивали возбужденность и односторонность настроеній.

На томъ концѣ, гдѣ собрались вытолкнутые революціей, испугавшіеся ея и разочарованные, естественно все было подвергнуто сомнѣнію и отрицанію, что̀ составляло характерную черту, привычный знакъ мысли предшествующаго направленія. Мало того, вещи безразличныя въ общественномъ отношеніи, какъ, напримѣръ, химическое открытіе, что вода—не элементъ, а составное тѣло, причислены были къ опаснымъ для общественнаго строя ересямъ. Если Кондорсе пропагандировалъ мысль о языкѣ будущаго, универсальномъ отвлеченномъ языкѣ, то Жозефу де-Местру было достаточно этого, чтобы возвеличивать языкъ прошлаго, латынь, сравнивать возстановленіе его, въ которомъ онъ не сомнѣвался, съ воскресеніемъ Христа и говорить о возрожденіи латыни во вѣки вѣковъ.

Все пагубно, все отравлено, что по ту сторону нашихъ окоповъ—вотъ господствующій внѣшній мотивъ реакціи. Вы поклоняетесь Локку, Монтескьё, Руссо: этого достаточно, чтобы намъ ихъ заподозрить.

Злой вѣкъ кажется однимъ нѣсколько длиннѣе, другимъ нѣсколько короче, но всѣ закидываютъ его начало далеко назадъ. При этомъ разсуждаютъ, что такъ же, какъ истинной вѣрѣ предшествовали пророки, такъ и великой лжи задолго готовили пути сѣятели дурныхъ сѣмянъ. Протестантъ Галлеръ помѣщаетъ эру злой науки за два вѣка назадъ, т. е. къ началу XVII-го столѣтія: первые ереціархи, это—Гроцій и Гоббсъ, провозгласившіе ученіе о договорѣ, т. е. объ искусственномъ происхожденіи общества, ученіе о томъ, что общество—

дѣло рукъ людскихъ. Католикъ де-Местръ гораздо мстительнѣе: онъ вспоминаетъ старую рану, нанесенную западной церкви; точно противъ своихъ современниковъ, гремитъ онъ противъ Лютера и Кальвина «двухъ людей ничтожества, съ высокомѣріемъ сектантовъ, злобой плебеевъ и трактирнымъ фанатизмомъ». Вычеркивать, такъ вычеркивать: де-Местръ считаетъ безусловно необходимымъ предварительнымъ шагомъ—стереть изъ европейскаго лексикона роковое слово—«протестантизмъ».

Самый мрачный изъ реакціонеровъ, наименѣе тронутый новой культурой, наиболѣе подозрительный ко всему, что отзывается ею, Бональдъ, уходитъ еще глубже. Отцы новой философіи въ его глазахъ, не только Кальвинъ и Лютеръ, но также Виклефъ и Гуссъ. Дойдя до этихъ проповѣдниковъ «бѣдной церкви», онъ уже чувствуетъ близость къ нимъ еще болѣе раннихъ нищенствующихъ монаховъ, тѣмъ болѣе, что и францисканцы не разъ поднимали голосъ противъ начала власти въ церкви—и вотъ средневѣковые миноріты тоже причислены къ родоначальникамъ революціи. Мало того, Бональдъ находитъ, что революцію начали издавна сами короли, когда они въ XV и XVI вв. отъ системы феодальнаго ополченія перешли къ содержанію оторванныхъ отъ земли наемниковъ, когда они стали увлекаться модами и художественными вкусами Италіи. Все дальше и дальше назадъ въ этихъ поискахъ первыхъ шаговъ злого и безпокойнаго элемента, который разросся до возмущенія массы эмансипированныхъ людей въ современной революціи, и все больше и больше открывается шаткихъ началъ въ старинѣ: бѣда, оказывается, пошла уже со времени судовъ XIII в., которые дали просторъ тяжбамъ и адвокатамъ, со времени установленія, вмѣсто странствующей юстиціи, прочныхъ трибуналовъ, потому что около нихъ стали скопляться люди, рости большіе города. Словомъ нѣтъ конца этому розыску, нѣтъ исхода страху людей, испуганныхъ новымъ духомъ

Нетрудно показать, что они не могли стереть предполагаемаго Каинова знака съ собственнаго лица, что, напрягая усилія къ исцѣленію міра, они не могли исцѣлить самихъ себя отъ «яда», впитавшагося работой вѣковъ, которые они хотѣли вычеркнуть.

Но реакція не есть только возвращеніе побѣжденныхъ, разстроенныхъ или раздраженныхъ общественныхъ группъ. Она не только отражаетъ возмущенное сознаніе тѣхъ, кто не поспѣлъ за движеніемъ, кто защищалъ оспариваемое владѣніе или требовалъ возмездія за отнятое у него. Система идей реакціи не была только сплошнымъ отрицаніемъ всего, что связывалось съ просвѣтительствомъ, что отмѣчено было печатью анализа и критицизма.

Реакція была нѣкоторымъ естественнымъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ настроенія предшествующей эпохи. Она примыкала съ одной стороны къ готовому уже давно протесту противъ культуры,

къ патріархальнымъ идилліямъ и натурально-хозяйственнымъ фантазіямъ. Не даромъ же представители реакціонной школы такъ своеобразно относились къ Руссо, чувствуя къ нему не ненависть, а влеченіе, готовые признать въ немъ глубоко вѣрное чутье и въ то же время испуганные его демократическими принципами. Бональдъ съ сожалѣніемъ говоритъ, что Руссо могъ бы блистать въ качествѣ величайшаго публициста современности, если бы онъ не поддался заблужденіямъ, исказившимъ его ученіе.

Въ то же время реакція подводила до извѣстной степени логическій итогъ крайностямъ индивидуализма.

Для психологіи соціальныхъ настроеній особенно интересны типы людей, перешедшихъ къ реакціи почти нечувствительно черезъ крайнія вершины своего ученія. Энтузіасты индивидуализма, черпнувъ его до дна, нашли тамъ новый авторитетъ, новаго пожирателя—Молоха.

Мы уже видѣли, на какую наклонную плоскость становился англійскій публицистъ Годвинъ. Но это былъ только политическій мечтатель; его мысли о спасительной дезорганизаціи общества предполагали все же въ человѣкѣ нѣчто прочное, несомнѣнное, обязательное отъ природы, именно—охоту къ труду, симпатію къ другимъ, интересъ къ знанію.

Культъ личности, требованіе для нея простора и, можно сказать, беззаконія, гораздо болѣе буйно разростается у нѣмецкихъ романтиковъ. «Сильныя натуры» эпохи Шиллеровскихъ разбойниковъ, которыя во имя характера и геніальной своеобразности попирали все условное и правильное въ жизни, смѣняются поклонниками непосредственнаго чувства, необузданной безсистемной фантазіи, теоретиками безцѣльности и распущенности.

Едва ли гдѣ-нибудь этому культу придана болѣе циническая форма, чѣмъ въ романѣ Фридриха Шлегеля «Люциндѣ» (1799 г.), этомъ своего рода манифестѣ для цѣлой партіи. Герой и героиня романа хотятъ заботливо охранить своего ребенка отъ «всякаго воспитанія». Почему? «Человѣкъ, къ сожалѣнію, отъ природы серьезное животное. Этому позорному и скучному влеченію къ серьезности надо изъ всѣхъ силъ и со всѣхъ сторонъ противодѣйствовать». Вершина общественности—легкомысленные разговоры, изящные и тонкіе, но достаточно безстыдные. Геркулесъ, богъ непринужденной животной натуры, противопоставленъ въ романѣ Прометею «изобрѣтателю воспитанія и просвѣщенію». «Отъ Прометея вы (люди вообще) получили безпокойный духъ. Онъ людей соблазнилъ на работу, зато онъ—это олицетвореніе людей, ставящихъ себѣ цѣли и ведущихъ въ жизни борьбу, и долженъ вѣчно работать, хочетъ или не хочетъ, и никогда не избавится отъ своихъ оковъ».

О праздность, праздность!—слышимъ мы дальше.—Единственная черта богоподобія, которая осталась намъ отъ райской жизни! Полный

стремленія трудъ—скверный капризъ, онъ создаетъ лишь скуку себѣ и другимъ. «Высшая, совершеннѣйшая жизнь» ничто иное, какъ чистое прозябаніе, растительный процессъ. Герой Шлегеля выбираетъ образчикомъ свою дочь, двухлѣтняго ребенка, который, лежа на спинѣ, болтаетъ въ воздухѣ ногами, не безпокоясь объ общественномъ мнѣніи. «Отчего,—говоритъ онъ,—не дѣлать мнѣ того же самаго; вѣдь я же, Господи Боже мой, мужчина и мнѣ незачѣмъ быть чувствительнѣе самаго чувствительнаго женскаго существа»! Съ такой возвышенной точки зрѣнія, на которой божественная непринужденность соединяется съ безсознательностью растенія, гдѣ ужъ устоять морали!.. конечно, она безжалостно сбрасывается въ кучу предразсудковъ. И вотъ у Шлегеля сатанишки, мелкіе бѣсы въ фантастическомъ театрѣ жизни, высмѣиваютъ Прометея и внушаютъ людямъ: «нѣтъ ничего безсмысленнѣе, когда ваши моралисты упрекаютъ васъ въ эгоизмѣ. Они совершенно не правы; какой же богъ можетъ вызвать почтеніе у человѣка, если онъ не будетъ выраженіемъ собственнаго духа человѣка?»

Дальше идти нельзя. Удовлетворять своимъ влеченіямъ—значитъ служить Богу; напротивъ, связывать себя чѣмъ-нибудь—значитъ совершать святотатство, богохульствовать. Чѣмъ сильнѣе въ личности развито это самосознаніе, тѣмъ болѣе избранной является она. Тогда въ ней какъ бы заключена великая, озаряющая міръ сила.

Въ одновременной философіи эти мысли получили систематическую форму. У Фихте весь міръ представляется обстановкой, скрытой во мракѣ, въ центрѣ которой находится свѣтъ личнаго сознанія. Все, что мы называемъ міровыми отношеніями—сознаніе нашей духовной жизни и нашего «я»; остальное—«не я» лишь голое наименованіе того, что внѣ личности, что не существуетъ вообще, потому что не существуетъ въ насъ, или потому что существуетъ только какъ безконечное наше стремленіе и безконечная для насъ возможность расширить предѣлы нашего сознанія.

Литературной иллюстраціей этой теоріи единственнаго всеозаряющаго міръ «я» можетъ служить романъ Тика «Вильямъ Ловель» (1795). Герой его привѣтствуетъ «возвышенную мысль, которая поднимаетъ его на высоту божества». «Вещи существуютъ, потому что мы ихъ мыслимъ; въ далекомъ мракѣ—міръ, который мы освѣщаемъ мерцаніемъ своей личности. Отчего міръ не распадается въ груды развалинъ? Мы—судьба, которая его держитъ на ногахъ. Смѣло иду я впередъ, свободный отъ тяжелыхъ обязанностей, которыя придуманы трусливыми глупцами. Добродѣтель существуетъ только потому, что существую я, потому что я мыслилъ ее; это отраженіе внутри меня самого». «Все подчинено моему произволу; я могу назвать каждое явленіе, каждый поступокъ, какъ мнѣ нравится; я самъ—единственный законъ во всей природѣ: живое и мертвое въ мірѣ связано цѣпями,

которыми правитъ мой духъ; вся моя жизнь—сонъ, различные образы котораго слагаются по моей волѣ».

Головокружительной высоты достигъ здѣсь человѣкъ, и онъ на волоскѣ отъ паденія: добыча мистики въ сущности уже готова. Мы легко и нечувствительно возводимъ въ нѣчто объективное внушенія нашего сознанія, результаты нашей внутренней жизни. Кто мнитъ, что собралъ въ себѣ міровую жизнь, можетъ склониться къ мысли, что черезъ него оперируетъ необъятная таинственная сила.

Вождемъ новѣйшихъ заблужденій реакціонной школѣ представляется по преимуществу Адамъ Смитъ съ его восхваленіемъ новаго общества, основаннаго на широкомъ обмѣнѣ и на раздѣленіи труда. Идущая отъ него наука, политическая экономія, крайне раздражаетъ представителей реакціи: вѣдь она знаетъ, говоритъ АдамъМюллеръ, лишь безличное накопленіе богатства, ея объектъ—чистый доходъ, мертвые, подлежащіе продажѣ продукты, товары и вещи на земной поверхности; она не хочетъ признавать традицій, историческихъ правъ, исконныхъ реальныхъ основъ гражданскаго строя. Во имя неясной будущей цѣли это слѣпо напирающее ученіе опрокидываетъ всѣ установившіяся вѣками отношенія.

Ожесточенное столкновеніе народовъ и правительствъ, демократіи и монархіи, сторонниковъ правъ личности и носителей авторитета—не составляетъ сущности революціи въ глазахъ Адама Мюллера; это лишь показатель совершившагося великаго крушенія, въ которомъ сами государи задолго до революціи посредствомъ системы бюрократическаго абсолютизма служили гибельной разрушительной работѣ. Великое несчастье новой культуры состоитъ въ уничтоженіи тѣхъ разнообразныхъ мелкихъ самобытныхъ общественныхъ группъ, тѣхъ естественно сложившихся корпорацій, тѣхъ первоначальныхъ союзовъ, въ которыхъ родились и органически возрастали личности, и которыя образовали собою настоящія живыя государственныя тѣла. Новая культура безжалостно нивеллируетъ ихъ во имя «фетиша абстрактнаго единаго государства», механически подчиняющаго себѣ всю жизнь людей, всѣ ихъ разнообразныя отношенія и отправленія. Вмѣсто многочисленныхъ «государствъ и свободъ» она ставитъ одно государство, одну свободу. Предъ лицомъ этой огромной бездушной машины остается лишь разрозненная масса изолированныхъ человѣческихъ единицъ. Государи первые стали служить этой отвлеченной идеѣ, этому ненатуральному праву: они разорвали старые контракты съ корпораціями, съ привилегированными, владѣльческими, патріархальными группами. Тогда народы сочли себя въ свою очередь вправѣ разорвать свой мнимый первоначальный договоръ съ государями.

Такъ поднялись другъ противъ друга два догмата, абсолютизмъ государей и народное верховенство, поднялись непримиримыми врагами два заблужденія, два произвола, монархическій и демократиче-

скій. Оба они однако стоятъ на одномъ и томъ же общественномъ принципѣ, на почвѣ одного и того же соціальнаго порядка, въ которомъ люди образуютъ между собою лишь случайную связь, соединены утилитарными выгодами, экономическими интересами, тогда какъ въ старинныхъ общественныхъ организаціяхъ личности скрѣплены были глубокой моральной связью. «Вѣкъ ажіотажа», говоритъ о современности Бональдъ, глубоко возмущаясь свойственнымъ индивидуалистамъ сравненіемъ политическаго общества съ коммерческой компаніей.

Съ великой общественно-политической катастрофой, такъ казалось реакціонерамъ, тѣсно связана революція въ умахъ и настроеніяхъ, именно великое паденіе вѣры. Патріархальныя отношенія, органическія связи въ старыхъ общественныхъ группахъ покрывались религіозной санкціей. Когда начали разрушать ихъ самостоятельность и проводить абстрактное единство новѣйшаго государства, то стала слабѣть, исчезать и старая вѣра: сначала она какъ будто лишь перенесена была изъ сферы общественнаго авторитета въ глубину человѣческаго сердца — здѣсь Адамъ Мюллеръ подразумѣваетъ протестантизмъ съ XVI в.—но это былъ лишь первый шагъ къ ея приниженію и выключенію, какъ дѣятельной моральной силы. Ясный знакъ, грустный показатель отсутствія ея, это — необходимость внѣшняго принужденія, это ростъ грубыхъ и массовыхъ средствъ защиты и господства въ современномъ государствѣ, безъ которыхъ оно разсыпается.

Реакціонеры придавали огромное значеніе совпаденію политической революціи и господства невѣрія или религіознаго индивидуализма. Бональдъ, въ своемъ историческомъ разслѣдованіи отдаленныхъ причинъ революціи, обрушивается на Вестфальскій миръ, установившій религіозную терпимость: вотъ откуда, отъ этого провозглашенія «религіозной демократіи», пошла пропаганда идей политической демократіи. Онъ резонируетъ, что авторитетъ, власть включаютъ въ себѣ творческій элементъ; власть въ общественной жизни можетъ быть приравнена къ причинѣ въ сферѣ философской мысли. И вотъ онъ утверждаетъ, что всякій атеистъ, отрицатель «конечной причины», необходимо долженъ имѣть тайное расположеніе къ отрицанію общественной власти или къ неповиновенію ей.

Въ самой катастрофѣ, въ самомъ дерзкомъ возмущеніи разнузданной личности противъ божескаго и человѣческаго авторитета реакціонеры усматривали страшное доказательство непоколебимой истинности и глубокой жизненной необходимости тѣхъ именно началъ, которыя старались устранить жалкіе святотатцы. Бональдъ недаромъ говорилъ о революціи: «неслыханная смѣсь силы и слабости, позора и величія, безумства и разума, преступленій и добродѣтели, головою въ небесахъ, ногами въ аду». Безумствомъ было въ ихъ глазахъ переносить верховную власть, высшій рѣшающій голосъ и судъ внутрь самого человѣка, какъ это дѣлалъ, по ихъ мнѣнію, атеизмъ; это значило ждать, чтобы

«плотина родилась изъ самого потока». Но въ судорожныхъ усиліяхъ революціонеровъ поставить вмѣсто неизвергнутыхъ авторитетовъ высшій отвлеченный принципъ, продуктъ человѣческаго разума, въ концѣ концовъ вырывалось наружу хотя и болѣзненно, искаженно, жажда несчастнаго поколѣнія найти опять Бога, найти абсолютную силу, вѣчную истину, отъ которой оно само отпало. Его великая ошибка была въ томъ, что оно мнило въ глубокомъ заблужденіи создать эту силу изъ себя, тогда какъ абсолютное было дано свыше, было открыто въ сферѣ вѣры, существовало до насъ и безъ насъ.

Вотъ толкованіе переворота у реакціонеровъ: итакъ революція—огромный ужасающій примѣръ, могущественный отрицательный аргументъ въ пользу того, что авторитетъ, религія составляетъ единственную созидающую и охраняющую силу въ обществѣ. Итакъ, среди общественнаго хаоса, среди полной расшатанности общества снова открываются неизмѣнныя, вѣчныя начала общежитія. Не представляетъ ли вся новая культура временнаго налета, искуственной жалкой надстройки надъ несокрушимымъ твореніемъ природы?

Въ своихъ мечтаніяхъ о предстоящемъ наступленіи эры новой религіи, которыя писались почти одновременно съ «Люциндой», Шлегель и выражается именно въ этомъ смыслѣ: «свободное движеніе геніальнаго субъекта связано съ движеніемъ міротворящаго хаоса, съ объективнымъ содержаніемъ безконечно полнаго и богатаго мірового цѣлаго». О фантазіи и юморѣ въ поэзіи онъ говоритъ такъ: «объясни нѣжное видѣніе и обрати игру въ серьезное, и ты схватишь центръ всего и въ высшемъ свѣтѣ снова ты найдешь дорогое искусство».

Чѣмъ больше человѣкъ приписываетъ творчеству своего сознанія, тѣмъ крупнѣе опасность упасть передъ новымъ кумиромъ. Если онъ попробуетъ опрометчиво собрать все въ одинъ центръ личныхъ чувствъ и личной оцѣнки и освободиться отъ всякихъ связующихъ традицій, отъ всякаго общественнаго закона, то это централизованное «все» легко улетитъ и повиснетъ надъ его личностью деспотическимъ закономъ.

Въ кругахъ романтиковъ, которые довели духовную эмансипацію личности до послѣдней возможной черты, очень скоро совершился этотъ переходъ. Тикъ, поставившій въ Ловелѣ «памятникъ многимъ взлелѣяннымъ и любимымъ своимъ страданіямъ и заблужденіямъ», приводитъ героя своего, послѣ ряда жгучихъ испытаній жизни, послѣ жаднаго служенія всѣмъ прихотямъ своего «я», когда всѣ его изжитыя чувства «окружали его мертвой грудой», когда онъ охваченъ ужасомъ и пустотой полнаго отсутствія убѣжденій,—къ вѣрѣ въ чудесное, въ привидѣнія, знаменія и т. п. Оборотную сторону этой вѣры — составляетъ его предшествующее убѣжденіе, что дѣйствительность лишена существа, что «міръ лишь безсодержательная игра тѣней».

Въ настроеніи такой переходъ едва чувствителенъ: въ самомъ дѣлѣ, разъ все, что сознается, переживается человѣкомъ должно быть глу-

боко, значительно, всякое явленіе этой жизни можетъ казаться чудеснымъ, все сведется на предзнаменованія, на исполненіе таинственныхъ цѣлей и указаній. Пойдетъ ли теперь человѣкъ, испугавшійся мистической силы въ самомъ себѣ, въ лоно старой религіозной организаціи, прошлое которой ему грозно импонируетъ, или сложитъ себѣ свою теософію, это уже менѣе важно. Но его призывъ, его жажда, будутъ направлены къ авторитету. А подъ этимъ заголовкомъ могутъ проскользнуть невѣроятныя уступки и жертвы со стороны здраваго смысла. Шлегель, объявляя эру новой религіи, открываетъ широкій просторъ всему фантастическому и миѳологическому. Не только религія, но всѣ религіи должны быть воскрешены изъ своихъ гробовъ, и онъ толкуетъ о возрожденіи мистерій, оргій и т. п.

На высотѣ своего развитія европейская реакція выработала цѣлую систему ученій о личности и обществѣ, объ условіяхъ возникновенія и жизни общественнаго союза, о законѣ историческаго движенія.

Впереди реакціи стоитъ одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей ораторскаго паѳоса всѣхъ временъ, Эдмундъ Боркъ. Этотъ старый защитникъ политической свободы и чистоты политическихъ нравовъ въ Англіи, неожиданно съ яростью обрушился на великій французскій переворотъ, и притомъ еще въ тотъ моментъ, когда революція торжествовала свои мирныя побѣды, когда она еще не выходила изъ праздничнаго настроенія своихъ молодыхъ дней. Онъ протестовалъ не противъ крайностей революціи, не противъ безпощаднаго примѣненія принциповъ, не противъ принесенія имъ жертвъ, а противъ самихъ принциповъ. Боркъ своими «разсужденіями о революціи» открылъ войну противъ всего, что казалось ему гордыней индивидуализма, который онъ считалъ разлагающей болѣзнью вѣка. Онъ уже сковалъ основныя возраженія противъ просвѣтительнаго вѣка.

Если проводить до конца, думалъ онъ, освобожденіе лица, то «все общество спустя немного поколѣній разрушится; оно разсыплется въ песокъ и пыль индивидуальностей, и вѣтры развѣютъ его во всѣ концы». Для Борка тотъ фактъ, что все подвергается обсужденію, критикѣ, что ко всему прилагается мѣрка личности,—не слава, а позоръ переживаемаго вѣка. Личность глупа. Боркъ возстаетъ противъ механическаго взгляда на общество, какъ простую сумму личностей. Нація есть корпорація, органическое цѣлое. Народъ не простая масса индивидовъ, воля которой можетъ быть открыта и подсчитана вычисляющими головами. Общественный или политическій строй — вовсе не продуктъ сознательнаго выбора или искусственнаго построенія. Онъ медленно выработанъ игрой безконечнаго числа соціальныхъ силъ. Какъ можно мечтать о простомъ, математическомъ разрѣшеніи общественныхъ вопросовъ, о томъ, чтобы дѣлать прямые выводы изъ природы человѣка или характера его потребностей? «Природа человѣка запутана, задачи общества необычайно сложны».

Не анатомировать, не пульверизировать должно общество, какъ это дѣлали современныя поколѣнія, думаетъ Боркъ, надо, напротивъ, крѣпко держаться за существующія связи, беречь и любить ихъ. Онъ выбираетъ сравненіе изъ военнаго быта, чтобы подчеркнуть значеніе дѣла и дисциплины въ общественной жизни. Прилѣпись къ своей кучкѣ, люби свой малый батальонъ, которымъ ты входишь въ великую армію общества—вотъ первое правило въ общественныхъ отношеніяхъ.

Во имя чего однако? Авторитетъ указанъ, это — общество, это — существующія учрежденія, это—цѣлое въ противоположность личности; но почему мы должны считать этотъ авторитетъ святымъ и непреложнымъ?

Боркъ знаетъ два источника авторитета, давность и предразсудокъ. Всѣ правовыя учрежденія основаны на продолжительности существованія; это и есть самое сильное право. Вольности англійскаго народа цѣнны и дороги, но почему? Потому что онѣ получены въ видѣ обезпеченнаго наслѣдства отъ предковъ. Другая опора — предразсудокъ, необыкновенно полезный и спасительный предразсудокъ въ пользу всѣхъ существующихъ установленій.

Боркъ любитъ возвращаться къ этой темѣ. Что такое наши нравственныя чувства? Да они такъ близки къ предразсудку, что почти совпадаютъ съ нимъ. Предразсудокъ обращаетъ добродѣтель въ привычку, тогда какъ иначе она могла бы проявляться лишь въ рядѣ несвязанныхъ между собою поступковъ. Благодаря правильнымъ предразсудкамъ сознаніе долга становится долею природы человѣка. Поэтому спасеніе въ томъ, что предписано, что требуетъ слѣпого подчиненія.

Итакъ во всякой старинѣ хорошо то, что она старина. Но какъ убѣдить человѣка, располагающаго разсудкомъ, больше чтить предразсудокъ? Это достигается слѣдующимъ утвержденіемъ, въ которомъ собственно повторяется знакомая мистика Руссо. Отдѣльная личность лишена разума; толпа въ каждый данный моментъ ошибается; но порода человѣческая мудра; если ей открытъ просторъ и срокъ воздѣйствія, она почти всегда дѣйствуетъ правильно. Значитъ, сами по себѣ наши предки, которые завѣщали намъ извѣстный строй, не были мудрѣе насъ, и въ отдѣльности историческіе шаги были, можетъ быть, рядомъ ошибокъ; но въ цѣломъ смѣнявшіяся поколѣнія обнаружили и провели въ жизнь безсознательную мудрость.

Закрой глаза на происхожденіе вещей, не ищи принципіальныхъ основъ, вѣрь совершившемуся факту, какъ будто хочетъ сказать Боркъ. Съ другой стороны, ему кажется, что осуждаемая имъ общественная философія индивидуализма—безпочвенная игра знаками.

Призвать вниманіе къ фактамъ, т. е. къ явленіямъ вжившимся къ народнымъ привычкамъ и понятіямъ, къ политическимъ традиціямъ, къ живымъ еще учрежденіямъ, было бы, безъ сомнѣнія, полезно въ

то время, когда строители новаго общества однимъ почеркомъ пера готовы были декретировать права и новыя учрежденія для всего міра. Но бѣда всякой реакціи въ томъ, что она бросается въ прахъ предъ лицомъ вызваннаго ею факта.

Хорошо еще было для осуществленія ея требованій, если никто не представлялъ себѣ ясно происхожденія защищаемой святыни. Но какъ только смѣлая рука отмѣчала моментъ и условія возникновенія того, что въ силу старинности объявлялось святымъ, какъ только оказывалось, что старое было когда-то новымъ и даже, можетъ быть, было новизной революціонной, реакція провозглашала: не поднимать покрывала Изиды! Не ставить даже вопроса о возникновеніи общественнаго союза! Это таинство, это божество, котораго не смѣетъ касаться человѣкъ. Притомъ задача—объяснить происхожденіе общества, государства и не по плечу человѣку: онъ долженъ преклониться предъ тѣмъ, что было до него, что выше его, безъ чего онъ самъ не могъ бы существовать. Человѣкъ не можетъ ни создать, ни усовершенствовать общества. Личность формируется обществомъ; она родится слѣпымъ его органомъ и частицей, вступаетъ на положенное ей въ общемъ строѣ мѣсто и назначенную ей функцію.

Начавши съ убѣжденія, что сильно то, что непонятно, люди реакціи могли искренне проникаться взглядомъ, что кругомъ все непонятно, что человѣкъ предназначенъ жить въ сумеркахъ. «Ясное зрѣніе—не удѣлъ сего міра», вотъ формула, къ которой они приходили.

Если Боркъ выставилъ общій манифестъ, военный призывъ къ сбору кругомъ забытыхъ знаменъ, то у слѣдующихъ представителей реакціи появляются болѣе реальныя формулы, возникаетъ систематизація явленій.

Никому, можетъ быть, не удалось такъ отчетливо формулировать предметъ тяжбы двухъ поколѣній и двухъ лагерей, провести между ними такую ясную грань, какъ нѣмецкому публицисту Адаму Мюллеру.

Удивительно интересна въ этомъ превращеніи понятій судьба терминовъ, этихъ какъ-бы безтѣлесныхъ существъ! Реакціонная школа усвоила себѣ всѣ привычныя формулы предшествующаго вѣка, естественное право, противоположность натуры и культуры и т. д. Стоитъ сравнить уже одни заглавія. Сочиненія Бональда называются: «Аналитическій опытъ о естественныхъ законахъ общественнаго порядка»; «Первоначальное законодательство, постигаемое въ наше время исключительно при свѣтѣ разума». Но старыя названія, особенно напримѣръ терминъ «натура», пережившіи благополучно революцію, спокойно перейдя въ противоположный лагерь, закрыли собою понятія обратныя тѣмъ, которыя они означали раньше.

Педантично и откровенно такая переоцѣнка происходитъ въ огромной тяжеловѣсной книгѣ швейцарца Галлера. Основательный публицистъ уже въ характерномъ длинномъ заглавіи постарался выразить

сущность своей мысли. Его книга называется; «Реставрація государственной науки, или теорія натурально-общественнаго состоянія въ противоположность химерѣ искусственно-гражданскаго».

Галлеръ по старому ищетъ повелительнаго голоса природы въ человѣческихъ установленіяхъ. Но онъ думаетъ, что просвѣтительная философія невѣрно опредѣляла отношеніе натуры и культуры, что не тамъ искали натуры, гдѣ она находится. Натура вовсе не есть только фактъ счастливаго прошлаго, она вовсе не есть поставленный въ современности идеалъ. Она всегда была и есть въ силѣ, потому что она сама дѣйствительность, никогда не исчезала и не разрушалась, напротивъ въ идеалахъ и проектахъ просвѣтителей заключена искусственность и порча натуры. Галлеръ хочетъ заставить отказаться отъ «идолослуженія гражданскому договору», изъ котораго исходили просвѣтители общество, и «возстановить честь Бога и природы».

Галлеръ еще возвращается къ другому термину изъ осуждаемаго ученія, «право личности». И это прекрасное слово, но опять не надо его примѣнять къ идеалу; оно цѣнно, по скольку означаетъ дѣйствительныя права нѣкоторыхъ только сильныхъ личностей. Общія, равныя права—безсмыслица. Природа вездѣ создала и освятила неравенство и господство однихъ надъ другими: мужъ правитъ надъ женой, опытный старикъ надъ несовершеннолѣтнимъ молодымъ, землевладѣлецъ надъ батраками, врачъ надъ больными, учитель надъ учениками, юристъ надъ кліентами. Эта естественная іерархія и есть натуральное общество; держится оно на системѣ взаимныхъ услугъ, исполненныхъ любви и преданности. Объявить всеобщее равенство — значитъ разрушить эту систему и создать величайшую несправедливость: у однихъ вы отнимете прирожденное право на власть, у другихъ защиту. Только сильный вѣдь и можетъ править. Проводникъ — естественный повелитель толпы, того отряда, который онъ ведетъ. Какой смыслъ сравнять съ нимъ другихъ?

Выводъ отсюда очень простъ: блажены имущіе, счастливы нынѣшніе обладатели власти. Всѣ фактическія владѣнія и устройства, имѣющіяся въ Европѣ, правильны и незыблемы. Галлеръ идетъ дальше: обладателя власти, патріарха, вожака, короля онъ хочетъ сдѣлать безгранично независимыми лицами, надѣлить ихъ опять-таки натуральной свободой. Ему не нравится выраженіе Фридриха II, что король—первый слуга своего государства; вообще съ властью не связано никакихъ обязанностей ни передъ людьми, ни даже передъ Богомъ. Правитель владѣетъ государствомъ, какъ помѣщикъ усадьбой. Иного права, кромѣ частнаго права собственности на землѣ не существуетъ. Опредѣленіе власти гласитъ такъ: «Правитель ничто иное, какъ богатый, могущественный и черезъ это независимый человѣкъ, или наоборотъ, всякій человѣкъ, котораго счастье или обстоятельства сдѣлали вполнѣ свободнымъ, сталъ черезъ это самое правителемъ, государемъ».

Детали еще лучше иллюстрируютъ дѣло: получить корону, правительственное полномочіе отъ народа, думаетъ Галлеръ, нельзя, потому, что народъ существуетъ какъ цѣлое, только когда его соберутъ для приказа; но купить власть, обмѣнять, взять въ приданое, какъ домъ, какъ поле—можно. Выдаются и просто хорошіе случаи, «восхитительныя наслѣдства», которыя падаютъ съ неба: напримѣръ, съ исчезновеніемъ императорской власти въ Германіи вдругъ стало множество независимыхъ князей, прелатовъ и городовъ, которые до тѣхъ поръ были подданными, вотъ они прямо безъ уполномоченія въ силу дара природы вступили въ число государей.

Мы не ошибаемся: Галлеръ воскрешаетъ старинное правовое начало, то самое, которое называлось прежде феодализмомъ.

Но кто-же этотъ преданный рыцарь феодальнаго права? Галлеръ—совсѣмъ не продуктъ какой-нибудь канцеляріи эмигрантскаго двора; онъ—патрицій бернской республики. Онъ спѣшитъ самъ разсѣять наше недоумѣніе: не считайте республикъ народнымъ правленіемъ. Это то же лишь независимыя богатыя компаніи; бываютъ одинокіе помѣщики, бываютъ товарищества собственниковъ—вотъ и вся разница. Въ аристократической бернской республикѣ члену правящей компаніи, какимъ былъ Галлеръ, власть казалась не результатомъ почетнаго и отвѣтственнаго уполномоченія, а привилегіей, доходной статьей, угодьемъ, какъ право ловли въ такой-то рѣкѣ или охоты въ такомъ-то лѣсу.

Поразительные выводы получились изъ этой теоріи. Напримѣръ, ни о какихъ жалобахъ или протестахъ гражданъ не можетъ быть рѣчи, да и слово гражданинъ—извращенное, революціонное слово. Патріотизмъ то же опасное, ложное понятіе, потому что оно намекаетъ на какія-то общія чувства обывателей помѣстья-государства. Но не странно-ли рядомъ съ этимъ услыхать, что государство не имѣетъ права привлекать жителей ко всеобщей воинской повинности? Вести войну государь можетъ самостоятельно, но идутъ за нимъ на войну или изъ любви, или по особому договору. Это возведеніе въ идеалъ стараго наемничества. Судъ—то же благодать, особая милость, частная помощь со стороны правящихъ.

Всего изумительнѣе разсужденіе о гарантіяхъ, объ обезпеченіи лица отъ неправды. Тутъ мы иногда реально чувствуемъ, что Галлеръ переноситъ насъ въ какой-нибудь X вѣкъ, когда право было на концѣ меча, въ эпоху дружиннаго быта, когда такъ легко было переѣхать отъ одного князя къ другому. Вы недовольны строемъ, ваши права нарушены; вы имѣете право отъѣзда, вы можете найти опять въ другой области нарушенный покой. Власть недостаточно охраняетъ васъ, вашему владѣнію грозятъ; да вѣдь вы можете прибѣгнуть съ самопомощи, у васъ есть самосудъ. Оттого хорошо, чтобы въ государствѣ были еще мелкіе частные союзы для взаимной вооруженной защиты.

Галлеръ находитъ даже, что когда просвѣтительная философія

осуждала самоуправство, какъ варварство и ссылась на государственный авторитетъ, единственно призванный властно охранять права и разрѣшать тяжбы, она лишала человѣка истинной свободы. Онъ находитъ возможнымъ посмѣяться надъ ея будто бы безсиліемъ: «смотрите пожалуйста, нынѣшніе философы хотятъ намъ запретить тушить горящій домъ подъ тѣмъ предлогомъ, что самопощь, частная защита запрещена. Или намъ сначала дождаться судебнаго приговора, чтобы на основаніи него открыть единственный признакъ того, происходитъ-ли здѣсь настоящій пожаръ, или только невинная иллюминація»? Невольно хочется спросить, что-же наконецъ у Галлера въ этомъ противоположеніи свободы, съ которой мы можемъ распорядиться палкой, тѣмъ путамъ, которыя налагаются на насъ деспотическими формальностями суда,—сознательная софистика или глубокое убѣжденіе? Впрочемъ, какъ бы то нибыло, разсуженіе идетъ логично до конца, и лучшаго комментарія къ теоріи оправданія всякаго сущаго владѣнія и торжества частнаго права и не нужно.

Но что же получилось? Галлеръ все время пытался утилизировать для себя оружіе враговъ. Онъ искалъ истинной натуры, онъ защищалъ истинное право личности. Его теорія и разбилась о ту скалу, на которой сокрушились ученія индивидуалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-же то общество, во имя котораго онъ двинулся въ походъ противъ дерзкихъ притязаній случайныхъ человѣческихъ единицъ, притязаній, построенныхъ на отвлеченномъ правѣ равенства всѣхъ? Вѣдь онъ самъ вернулся къ разсыпающимся въ мелкій песокъ, какъ говорилъ Боркъ, притязаніямъ отдѣльныхъ лицъ, съ той только разницей, что онъ провелъ черту между имѣющими и неимѣющими право дерзать, но провелъ тамъ, гдѣ засталъ моментальное распредѣленіе фактической силы, и такимъ образомъ справедливая «натура» оказалась сцѣпленіемъ слѣпыхъ случайностей.

Читая Галлера, кажется, что имѣешь передъ собой благожелательнаго сельскаго патріарха, немного филантропа, большого оптимиста, среди большой группы родства, кліентовъ и работниковъ, въ спокойной обстановкѣ; онъ спрашиваетъ себя, зачѣмъ этимъ людямъ стали толковать о свободѣ, когда имъ въ подчиненіи и подъ охраной лучше. Но онъ не приведенъ въ отчаяніе: онъ думаетъ въ концѣ концовъ, что натуры не повернешь; превратныя ученія исчезнутъ и ихъ забудутъ. Галлеръ предупреждаетъ, что въ его I томѣ главы 3—11, излагающія ложныя ученія съ критикой ихъ, имѣютъ лишь временное значеніе; впослѣдствіи можно будетъ не читать этихъ главъ, когда ученія вывѣтрятся изъ головъ и погрузятся въ забвеніе, котораго заслуживаютъ.

Жозефъ де Местръ далекъ отъ такого оптимизма. Это—другой типъ реакціи. Эмигрантъ, занесенный изъ Турина въ Петербургъ, уполномоченный одного изъ мелкихъ, бѣднѣйшихъ дворовъ Европы, Сардинскаго, который почти былъ забытъ въ теченіе долгаго револю-

ціоннаго и наполеоновскаго кризиса, натерпѣвшись личной нужды и огорченій, де Местръ не только ненавидѣлъ новыя ученія и новые порядки, онъ озлобился вообще противъ человѣческихъ порядковъ и человѣческой натуры.

Зла такъ много кругомъ, что онъ не знаетъ даже на чемъ остановиться. Ужасны въ его глазахъ революціонеры, но и пострадавшіе кажутся ему глубоко виновными. Страшный судъ произошелъ на землѣ. Глядя на терроръ и войны, онъ думаетъ: міръ полонъ законныхъ наказаній и смертныхъ приговоровъ, исполнители которыхъ однако преступны и нечестивы. Какъ же можно удовлетвориться однимъ загробнымъ наказаніемъ великихъ злодѣевъ! Здѣсь, въ земной жизни хочетъ онъ возмездія—такъ велика жажда мести.

Руссо сказалъ, что человѣкъ родился свободнымъ. Какъ разъ обратное положеніе вѣрно, настаиваетъ де Местръ. Да такъ по закону природы и было въ древнихъ государствахъ, гдѣ рабство составляло необходимую основу общества. И зачѣмъ осуждали Аристотеля, который говорилъ, что масса людей отъ природы—рабы. Вѣдь онъ опирался на исторію, которая ничто иное какъ экспериментальная политика, и на самую натуру человѣка, которая создала исторію. Тотъ, кто достаточно изучилъ эту печальную натуру, знаетъ, что человѣкъ вообще, предоставленный самому себѣ, слишкомъ золъ, чтобы быть свободнымъ.

Итакъ, счастлива древность, имѣвшая рабство. Однако вѣдь христіанскій новый міръ осудилъ рабство? Да, говоритъ де Местръ, но, во-первыхъ, отмѣну рабства провозгласилъ папа, притомъ лишь въ принципѣ и очень поздно—въ XII в. А главное, рабство въ существѣ осталось; христіанская церковь придумала ему суррогатъ. Политическая власть не можетъ одна управлять. Ей нуженъ, какъ необходимый помощникъ, или рабство, уменьшающее число волей, дѣйствующихъ въ государствѣ, или высшая сила, которая, посредствомъ особой «духовной прививки», разрушаетъ естественную неподатливость этихъ волей и заставляетъ ихъ дѣйствовать вмѣстѣ, не вредя другъ другу.

Что такое монашество въ католическихъ странахъ? Это облагороженное рабство. Къ древнему учрежденію, которое само по себѣ было полезно, оно прибавляетъ новыя достоинства. Но разъ человѣкъ всегда былъ и есть золъ и ничтоженъ, разъ онъ прирожденный рабъ, то остается искать лишь жестокихъ, страшныхъ, неодолимыхъ сдержекъ; надо стянуть цѣпи, на которыя жаловался Руссо, говоря о противорѣчіи природы съ общественнымъ строемъ. Поэтому де Местръ прославляетъ инквизицію. Для него наказанія суть законы общества. Оттого онъ провозглашаетъ культъ всенастигающей кары и пишетъ знаменитое восхваленіе палача, «существа необычайнаго, созданнаго творческой силой въ качествѣ символа, составляющаго ужасъ и связующее начало человѣческаго единенія».

Поэтому де Местръ стремится къ возстановленію авторитета во что

бы-то ни стало. Нужно найти что-нибудь совершенно безаппеляціонное на землѣ, а если такового нѣтъ, надо придумать. Должна быть центральная власть, которая бы говорила людямъ: «вы заблуждаетесь». И онъ логически приходитъ къ требованію верховенства папы надъ государями, какъ было въ средніе вѣка, и дальше приходитъ къ тому, что должна быть непогрѣшимая папская воля. Будетъ ли, есть ли папа дѣйствительно непогрѣшимъ, это безразлично; онъ долженъ быть таковымъ. На практикѣ вѣдь все равно—не быть подверженнымъ ошибкѣ или не подлежать обвиненію въ ошибкѣ.

Вершина человѣческаго общества на землѣ найдена, потому что такая вершина должна быть. И де Местръ, нарисовавъ идеальную картину среднихъ вѣковъ, когда папскій трибуналъ рѣшалъ всѣ споры, устанавливалъ незыблемыя основы права, охранялъ культуру, пророчитъ, что скоро римскіе епископы будутъ во всемъ мірѣ объявлены «высшими направителями цивилизаціи, создателями монархіи и единства въ Европѣ, охранителями науки и искусства, основателями и прирожденными покровителями гражданской свободы, благодѣтелями рода человѣческаго».

Хотя основнымъ мотивомъ реакціи была мысль, что сила непонятна, что право основано на забвеніи, но исторію невозможно было обойти. Вѣдь исторія всякому кажется сокровищницей примѣровъ и образцовъ, именно для него приспособленныхъ. Если дѣло шло о вѣчныхъ принципахъ, то необходимо было показать ихъ непрерывное дѣйствіе отъ начала временъ. Такъ реакція была направлена на истолкованіе исторіи.

Она встрѣтилась прежде всего съ идеей прогресса. Но кто были носители этой идеи и съ чѣмъ связано было представленіе о немъ? Острая анализирующая наука, безпокойный критическій духъ — тотъ самый, который видѣлся реакціонерамъ и въ революціи. Можно ли было имъ привѣтствовать успѣхи знанія, видѣть въ нихъ залогъ безконечнаго свѣтлаго будущаго? Напротивъ они боялись прикоснуться къ научнымъ и техническимъ открытіямъ, которыя внушали такой смѣлый полетъ человѣческому уму и наполняли его гордымъ сознаніемъ.

Кто же можетъ разобрать, когда именно наука изъ скромной собирательницы обратилась въ верховнаго судью высшихъ вопросовъ жизни? «Ваше хваленое книгопечатаніе»,—говоритъ Галлеръ съ недовѣріемъ о старомъ гуттенберговомъ изобрѣтеніи, какъ будто это было спеціально придуманное для либеральной школы орудіе войны. Новая наука все ссылается на опытъ, на важность индуктивнаго пріема. Кто его родоначальникъ? Бэконъ. И вотъ де Местръ воюетъ съ нимъ, какъ съ личнымъ врагомъ. Тотъ же де Местръ, скрываясь подъ видомъ одного изъ персонажей діалога въ «Петербургскихъ вечерахъ», не одобряетъ научнаго истолкованія приливовъ и отливовъ моря, не одобряетъ и опыта разложенія воды, полагая, что скоро бросятъ эти опрометчивыя

теоріи. Нѣтъ, эти успѣхи науки—не прогрессъ, а явленія вырожденія, это признаки регресса. Да и моральное паденіе на лицо: якобинцы революціи, это—новые варвары. Одинъ изъ реакціонеровъ называетъ революціи—преходящими эпохами вырожденія, озвѣренія человѣка, когда на него обрушивается сатанинскій духъ.

Но въ такомъ случаѣ нельзя ли было вернуться къ мысли Руссо, что наука и культура составляютъ утрату первобытной чистоты? Шатобріанъ въ своихъ индійскихъ идиллiяхъ, разыгрывающихся на берегахъ Миссисипи и въ лѣсахъ Америки, и продолжаетъ въ сущности мечту о добромъ дикарѣ. Но это не шло къ борьбѣ. Лживой культурѣ надо было противопоставить истинную. Ученіе о доброй, исторически первоначальной природѣ человѣка въ глазахъ реакціонеровъ также заключало въ себѣ опасное зерно. И вотъ де Местръ, которому вездѣ чудились страшные грѣхи и страшныя наказанія, круто порвалъ съ идеей добраго дикаря.

Дикарь, это—разжалованный, опустившійся человѣкъ, это—результатъ долгаго и глубокаго паденія, это—наказанное существо. Онъ—своего рода Каинъ. Де Местръ истолковываетъ первородный грѣхъ въ видѣ исторически продолжающагося факта, въ видѣ моральнаго крушенія человѣческой природы путемъ наслѣдственности. Дикарей, въ настоящемъ смыслѣ первобытныхъ, не существуетъ; всѣ они—потомки культурныхъ поколѣній, наказанныхъ за свои пороки. Дикарь никоимъ образомъ не натуральный человѣкъ, онъ менѣе натуральный, чѣмъ мы; но и нынѣшній культурный человѣкъ уже испорченъ, ушелъ отъ натуры, онъ упалъ съ высоты.

Когда и гдѣ былъ этотъ высокій пунктъ истинной натуры и культуры? Де Местръ пускается въ странныя, фантастическія построенія: то онъ говоритъ о великихъ знаніяхъ людей до потопа; то предполагаетъ, что египетская наука дошла до чудесныхъ успѣховъ, о которыхъ намъ и не снится; то думаетъ, что средневѣковые мистики постигали тайны природы глубже насъ. Во всякомъ случаѣ онъ возвеличиваетъ какую-то первоначальную науку, смѣлую науку непосредственной интуиціи надъ кропотливой современной наукой, строющей методически заключенія. Нуженъ ли, спрашиваетъ онъ съ презрѣніемъ къ послѣдней, орлу въ цѣпяхъ воздушный шаръ, чтобы взлетѣть на облака? Нѣтъ, нужно дать лишь свободу его крыльямъ. Новая наука—только машина въ сравненіи съ живымъ организмомъ, какимъ была божественная прежняя.

Печать мертвенности новой науки носитъ и ея языкъ, вообще современный языкъ. Слова аэростатъ, кислородъ и т. п. вызываютъ отвращеніе де Местра. Это сочиненныя, пустыя, алгебраическія слова. Что можетъ быть болѣе варварскаго, думаетъ онъ, чѣмъ терминологія метрической системы?

Старый языкъ былъ въ противоположность этому художествен-

нымъ, символическимъ языкомъ. Это потому, что старый языкъ не былъ сочиненъ. Но онъ и не выработался постепенно изъ элементарныхъ звуковъ. Онъ родился совершенствомъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Де Местръ идетъ дальше: онъ уже не сознаетъ, что языкъ—орудіе мысли. Языкъ въ его глазахъ напротивъ руководитель мысли. Слово умнѣе мысли. Все, что мы можемъ узнать, намъ даютъ слова. Старайся понять вещь изъ ея названія—вотъ высшій научный методъ. Такимъ образомъ языкъ обращается въ непроизвольно возникшій символъ абсолютнаго, въ Божій знакъ, положенный на вещи. И вотъ де Местръ начинаетъ мудрить надъ словами, латинскими и французскими, произвольно разчленять ихъ и подставлять корни, открывая такимъ образомъ въ каждомъ словѣ цѣлую философскую формулу.

Тотъ же своеобразный интересъ къ языку, какъ божественной грамотѣ, какъ откровенію, развитъ у другихъ реакціонеровъ. У всѣхъ мы рискуемъ напасть на игру звуками, сочетаніями слоговъ, на моралистическія этимологіи такъ же, какъ на углубленіе въ мистику чиселъ. Бональдъ разсуждаетъ, напримѣръ, что не даромъ на всѣхъ языкахъ, кельтскихъ, скиескихъ, германскихъ и т. п. имя лица, облеченнаго общественной властью, звучитъ одинаково: König, King, Kân, Chagan, Kiep. Всѣ эти слова происходятъ отъ корня können, мочь, т. е. означаютъ человѣка, который можетъ, имѣетъ силу и т. д.

Въ этихъ фантазіяхъ о древней наукѣ, о божественномъ языкѣ обозначается совершенно своеобразная философія исторіи. Ея основной принципъ и смыслъ сводится къ колебанію великихъ моментовъ грѣхопаденія и искупленія человѣчества, утраты человѣкомъ райскаго облика и райской гармоничности и дальнѣйшаго блужданія его въ поискахъ потеряннаго блаженства, невинности природы и совершеннаго божественнаго знанія. Въ этихъ страданіяхъ и просвѣтахъ, въ смѣнѣ подъема къ божественному и пониженія къ животному, человѣкъ подчиняется великой борьбѣ злого и добраго начала.

Всего послѣдовательнѣе и сильнѣе эта философія исторіи выражена у Фридриха Шлегеля. Шлегель одинъ изъ любопытныхъ примѣровъ обращенія индивидуалиста въ мистика. Онъ перешелъ потомъ въ католицизмъ, т. е. примкнулъ къ самой авторитарной религіозной системѣ, берущей личность въ опеку, властно опредѣляющей все теченіе ея жизни и мысли. Шлегель начинаетъ исторію человѣчества съ грѣхопаденія. Его сущность состояла въ утратѣ божественнаго дара, мудраго языка. Человѣкъ потерялъ сознаніе окружающаго, опустился до уровня животнаго и отдался во власть зла. Философія исторіи должна демонстрировать усилія возстановить утраченное подобіе Божіе въ человѣкѣ.

Шлегель показываетъ на историческихъ событіяхъ древняго и новаго міра, какъ развивалась борьба, какъ стояли другъ противъ друга воинство злого духа и воинство божье, сначала въ потомкахъ Каина

и Сиѳа, потомъ въ титанахъ и патріархахъ, въ чудовищахъ греческой миѳологіи и поборающихъ ихъ герояхъ.

Со времени христіанства борьба видоизмѣнилась: сатанинское начало стало являться въ видѣ преходящихъ умственныхъ направленій, въ видѣ «духа времени»: то въ сектантствѣ первыхъ вѣковъ церкви, то въ схоластическихъ спорахъ, то въ ожесточенныхъ столкновеніяхъ между церковью и государствомъ, то наконецъ въ требованіи безграничной религіозной терпимости и въ индифферентизмѣ.

Въ новомъ мірѣ раздвоеніе перешло во внутреннюю жизнь человѣка; человѣкъ разорвался въ своемъ существѣ, однѣ его силы возстали противъ другихъ, онъ утратилъ моральное равновѣсіе, нигдѣ онъ не можетъ болѣе удержать гармоніи между своими данными. Въ своей невинности человѣкъ обладалъ ими всѣми. Въ паденіи онъ отдается односторонне одному качеству: китаецъ подчиненъ разуму, индусъ—воображенію, еврей—волѣ. Отсюда различіе народнаго характера и ихъ безконечныя взаимныя столкновенія.

Шлегель возстаетъ противъ теоріи прогресса Кондорсе, противъ историческаго либерализма, какъ онъ выражается. Въ человѣческой природѣ есть, правда, способность къ совершенствованію, но рядомъ съ ней есть и другая, столь-же сильная,—къ порчѣ. Въ реальномъ-же историческомъ ходѣ послѣдовательнаго совершенствованія нѣтъ. Факты не пригибаются подъ предполагаемый законъ прогресса, не отвѣчаютъ ему. Нерѣдко напротивъ обнаруживается законъ круговращенія, и притомъ не только въ превратностяхъ жизни нѣсколькихъ изолированныхъ народовъ, но и въ великихъ періодахъ общей культурной исторіи.

Если у человѣка есть какая-нибудь надежда на совершенствованіе, то единственно въ воспоминаніи о первоначальномъ своемъ богоподобіи. «Древнія черты этого богоподобія человѣка, стертыя временемъ' выступаютъ однако на каждой страницѣ исторіи, и слѣды его открываются размышленію, если оно глубоко опускается къ сокровеннѣйшимъ тайникамъ человѣческаго сердца; кто способенъ на такое проникновеніе, тотъ, какъ-бы ни велико было паденіе божественнаго образа въ человѣкѣ, никогда не потеряетъ надежды увидѣть его возрожденіе».

Реакція подняла множество соціальныхъ и историческихъ вопросовъ. Каковъ-же былъ результатъ ея умственной работы, результатъ прямой или косвенный? Реакція не хотѣла научнаго анализа, не хотѣла простора и самобытности личности, не хотѣла даже технико-экономическаго прогресса. Она проповѣдовала господство авторитета и величіе общественнаго союза въ его сложившихся формахъ, вѣру и смиреніе для личности.

Она сама не могла, разумѣется, разобраться въ элементахъ для реставраціи общества. Ея усилія повернуть исторію, открыть въ прошломъ здравыя основы общежитія заставляли подниматься къ миѳиче-

скимъ временамъ, къ порѣ райскаго блаженства, такъ какъ ближе, позднѣе, всюду уже чуялись слѣды опасныхъ и ядовитыхъ началъ критики и самодѣятельности человѣка.

Значеніе реакціи не въ ея идеальныхъ реставраціяхъ; она важна тѣмъ, что дала рядъ толчковъ общественной мысли, важна тѣмъ, что она заставила своихъ противниковъ всмотрѣться въ строеніе общества и искать въ немъ такихъ сторонъ, которыя раньше игнорировались.

Реакція преувеличивала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и выдвигала значеніе тѣхъ элементовъ въ общественной жизни, которые нельзя свести на сознательныя усилія, на акты ума и воли обособленно взятыхъ людей одного даннаго момента; она напоминала о наличности традиціи, привычки, силы несознаннаго, о могуществѣ пассивнаго элемента, наконецъ о значеніи тѣхъ условій, которыя связываютъ людей помимо ихъ воли, раньше, чѣмъ они могутъ ставить себѣ самостоятельныя цѣли, напоминала о тѣхъ явленіяхъ, которыя можно назвать органическими чертами, свойствами и условіями жизни общества.

Но она оставила также въ наслѣдіе послѣдующему поколѣнію нѣкоторую философію революціи, которая выростала въ цѣлую философію всемірной исторіи. Смыслъ ея состоялъ въ томъ, что спокойную гармонію естественно сложившейся общественной іерархіи возмутилъ и опрокинулъ безпокойный критическій и нивеллирующій духъ просвѣщенія и революціи; изъ развалинъ долженъ подняться новый міръ гармоніи и порядка. Ужасы и преступленія, беззаконіе и хаосъ гибельной катастрофы служатъ тому яркимъ подтвержденіемъ: въ нихъ пробивается мутной сильной волной религіозный порывъ, въ нихъ готовится религіозное начало новой эры. Эта формула и опредѣлила надолго историческія представленія и толкованія.

Р. Виппер.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДЫХЪ.

Въ тѣни акацій и черешенъ
Люблю я въ жаркій, лѣтній день
Мечтать безъ дѣла... Зной и лѣнь—
Друзья, и ими я утѣшенъ
Отъ всѣхъ печалей и трудовъ,
И скорбныхъ думъ—среди цвѣтовъ,
Въ тѣни акацій и черешенъ.
Лежишь бывало... Солнца блескъ
Горитъ въ листвѣ. Веселый трескъ
Кузнечиковъ и пчелъ жужжанье,
И крылъ незримыхъ трепетанье
Въ ушахъ безъ умолку звенятъ...
Мгновенья—тихи. Думы спятъ;
И міръ таинственно-безгрѣшенъ;
И льется пряный ароматъ
Въ тѣни акацій и черешенъ.
Сквозь сѣть колеблемыхъ вѣтвей
Надъ самой головой твоей—
Видать, какъ бѣлыми клубами
Скользятъ лѣниво облака,
Большія, круглыя, слегка
Посеребренныя лучами.
Межъ ними свѣтится мѣстами—
Невозмутима, глубока
Лазурь небесъ...
И такъ часами
Лежишь да смотришь. Степь, просторъ,
Дорога вьется. Дальній боръ
Лиловой дымкою завѣшанъ.

А ближе виденъ барскій домъ,
Бѣлѣютъ хаты надъ прудомъ
Въ тѣни акацій и черешенъ.
Глядишь... А знойный трепетъ дня
Ко сну невольно вѣки клонитъ.
Струится нѣга бытія,
И въ ней, какъ легкая струя,
Душа устало, тихо тонетъ.
Она уносится въ мечты;
На землю глядя съ высоты,
Она, какъ солнца лучъ, играетъ,
Какъ облако, на небѣ таетъ,
Благоухаетъ, какъ цвѣты,
И съ ней въ одно созвучье смѣшанъ
Іюльскій день. Шумятъ листы...
И крѣпко засыпаешь ты
Въ тѣни акацій и черешенъ.

С. Маковскій.

СРЕДИ РАБОЧИХЪ.

(«Изъ житейскаго опыта»).

(Окончаніе) *).

Мы разстались съ Викофомъ въ лѣсномъ станѣ Фицъ-Адамса, наканунѣ его ухода оттуда дальше на западъ. Теперь—послѣ нѣкотораго промежутка, о которомъ авторъ не говоритъ намъ ничего, мы находимъ его у воротъ Чикаго, въ моментъ самыхъ горячихъ приготовленій къ всемірной выставкѣ.

Намъ уже приходилось упоминать, какъ сильно занималъ его воображеніе и привлекалъ къ себѣ этотъ громадный человѣческій муравейникъ, этотъ гигантскій городъ, почти до основанія разрушенный пожаромъ 1871 года и за какіе нибудь двадцать лѣтъ успѣвшій стать однимъ изъ первыхъ торгово-промышленныхъ—и пожалуй даже умственныхъ центровъ Великой Заатлантической Республики. Въ этой обширной соціальной лабораторіи,—думалъ онъ,—какъ въ фокусѣ, сходятся всѣ соціальныя проблемы, волнующія современное человѣчество. Здѣсь-то сможетъ онъ не только познакомиться съ ними во всей ихъ реальности, но и разгадать ихъ загадку, рѣшить ихъ или, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ ихъ рѣшенію. Здѣсь онъ впервые столкнется лицомъ къ лицу съ тою «арміею безработныхъ», о которой ему приходилось такъ много читать и думать; съ тѣми тысячами «бунтовщиковъ противъ соціальнаго порядка», самый языкъ которыхъ казался ему до сихъ поръ какимъ-то таинственнымъ и малопонятнымъ для непосвященныхъ сектантскимъ жаргономъ; съ тѣми, наконецъ, полумиѳическими въ глазахъ его свѣтскихъ пріятелей, людьми, вся жизнь которыхъ проходитъ въ хроническомъ голоданіи, въ поискахъ насущнаго хлѣба, въ вѣчной—и часто безуспѣшной—борьбѣ съ призракомъ смерти отъ того, что на языкѣ коронеровъ называется «недостаточнымъ питаніемъ». А рядомъ съ этою изнанкою нашего соціальнаго строя онъ увидитъ тамъ во всей ея красѣ и мощи и ея показную сторону: многомилліонныя торговыя и промышленныя предпріятія, цвѣтущія фабрики и заводы, роскошные отели и дворцы «полководцевъ

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

промышленности», фэшенебельныя церкви, обширныя библіотеки, музеи, университеты,—всѣ эти аттрибуты богатой интеллектуальной, художественной и матеріальной жизни, доступной, увы, лишь для побѣдителей въ соціальной борьбѣ... Сколько предметовъ, достойныхъ изученія, сколько поучительныхъ поводовъ для размышленія, какая неисчерпаемая школа жизни и науки!...

Весь поглощенный нетерпѣливымъ ожиданіемъ, Викофъ совершенно не задумывался о своей собственной судьбѣ въ этой громадной соціальной лабораторіи. Напряженная борьба за жизнь, которую онъ долженъ былъ встрѣтить въ Чикаго, смущала его очень мало. Онъ ни на минуту не сомнѣвался, что безъ труда найдетъ себѣ работу въ безграничномъ морѣ труда, готовомъ поглотить его. Онъ не побоялся поэтому истратить на послѣднемъ этапѣ свои послѣднія деньги на удобную постель и сытный завтракъ и бодро подвигался теперь по пути къ городу. Вотъ, наконецъ, и обширная водяная гладь Мичиганскаго озера; вотъ и городскія предмѣстья съ длинными рядами высокихъ фабричныхъ трубъ, изъ которыхъ вырываются черные столбы дыма, съ возвышающимися тамъ и сямъ элеваторами, съ сложнымъ лабиринтомъ перекрещивающихся рельсовыхъ путей, съ снующими повсюду электрическими конками, съ то и дѣло пролетающими въ разныя стороны поѣздами, съ толпами пѣшеходовъ, сосредоточенно спѣшащихъ каждый по своему дѣлу. Всюду чувствуется могучее біеніе пульса, дѣятельная, бьющая ключемъ жизнь. Улицы принимаютъ все болѣе и болѣе городской видъ. Вотъ, наконецъ, и безконечный заборъ, за которымъ возвышаются гигантскіе желѣзные скелеты причудливыхъ зданій будущей выставки.

И въ такомъ то городѣ, среди такой лихорадочной дѣятельности, да не найти работы!—думаетъ Викофъ, минуя предмѣстья и вступая въ городскую черту.

Онъ чувствуетъ утомленіе и голодъ; въ карманѣ у него пусто; мелкій снѣгъ—или скорѣе дождь—пронизываетъ усталые члены; приближается вечеръ, но Викофъ не теряетъ бодрости и тотчасъ же принимается за поиски работы.

Въ продолженіе двухъ часовъ Викофъ добросовѣстно обходитъ одну за другою попадающіяся по пути постройки, фабрики и иныя работы и предлагаетъ свои услуги въ качествѣ чернорабочаго. Всюду онъ встрѣчаетъ рѣшительный отказъ; отовсюду его гонятъ прочь, въ большинствѣ случаевъ грубо, съ проклятіями и ругательствами, изрѣдка—вѣжливо и съ выраженіемъ сочувствія къ его положенію.

— Вы, по крайней мѣрѣ, пятидесятый,—говоритъ ему одинъ болѣе добродушный и общительный боссъ,—которому мнѣ приходится отказывать съ сегодняшняго утра. Жаль мнѣ вашего брата, да что подѣлаешь? Слишкомъ уже много васъ набралось сюда.

Викофъ начинаетъ понимать, до какой степени не отвѣчали дѣйствительности его мечты, и такъ сильно привлекавшій его къ себѣ

городъ начинаетъ невольно внушать ему какое-то смутное чувство страха. Такъ проходитъ онъ милю за милею, усталый, голодный, вымоченный до нитки, теряя постепенно бодрость, все болѣе поддаваясь унынію и безнадежности. На одномъ изъ перекрестковъ хорошо одѣтый молодой человѣкъ, очевидно членъ какой нибудь христіанской миссіи, раздаетъ проходящимъ объявленія о происходящемъ по сосѣдству религіозномъ собраніи.

— Это совсѣмъ близко отсюда—прибавляетъ онъ, вглядываясь въ стоящую передъ нимъ жалкую фигуру нашего героя—самаго, повидимому, подходящаго объекта «христіанской работы».—Тамъ тепло и уютно. Почему бы вамъ не пойти туда?

Викофъ не заставляетъ просить себя и входитъ въ залу собранія, уже почти полную. Среди нарядныхъ туалетовъ дамъ и черныхъ сюртуковъ мущинъ онъ замѣчаетъ не мало оборванныхъ личностей, которые пришли сюда, какъ и онъ, привлеченные тепломъ и свѣтомъ. Онъ усаживается въ уголкѣ, и блаженное состояніе покоя охватываетъ его измученное тѣло. Какъ хорошо здѣсь! И неужели черезъ какой нибудь часъ снова прійдется итти отсюда на улицу, темную, грязную, холодную? Одна только эта перспектива удерживаетъ его отъ страстнаго желанія положить голову на пюпитръ и уснуть тяжелымъ сномъ. Какъ въ туманѣ проходятъ передъ нимъ послѣдовательныя фазы службы. Вотъ она и кончается. Пропѣтъ послѣдній гимнъ, произнесено послѣднее напутствіе, и присутствующіе начинаютъ расходиться, изчезая группами въ туманной и дождливой атмосферѣ улицы.

— Вы, однако, изрядно промокли,—говоритъ Викофу одинъ изъ посѣтителей, столкнувшійся съ нимъ у выхода.—Не особенно пріятно, чортъ возьми, шататься въ такую погоду по улицамъ,—прибавляетъ онъ, поднимая воротникъ своего легкаго пальто.

— Не особенно,—лаконически подтверждаетъ Викофъ, присматриваясь къ своему собесѣднику. По всему видно, что это рабочій, представитель «искуснаго труда», но въ данный моментъ—безъ мѣста.

— Вамъ некуда идти, что-ли?—продолжаетъ тотъ свои распросы.

— Некуда,—мрачно отвѣчаетъ Викофъ.

— Какъ и мнѣ, значитъ... Давно вы здѣсь?

— Только съ сегодняшняго вечера.

— Ищете работы?

— Да.

— Опять, какъ я. А каково ваше ремесло?

— У меня нѣтъ ремесла; я готовъ работать какую угодно работу.

— Да?.. А впрочемъ, не все ли равно! Вотъ я—имѣлъ ремесло, а развѣ мое положеніе лучше вашего? Я обѣгалъ всѣ заводы Чикаго, но ни въ одномъ изъ нихъ не нашлось для меня мѣста... Гдѣ вы думаете ночевать?

— Я самъ не знаю... У меня нѣтъ ни копѣйки въ карманѣ.

— Въ такомъ случаѣ переночуемъ въ участкѣ на Гаррисоновой улицѣ. Я покажу вамъ дорогу туда, товарищъ. Меня зовутъ Кларкъ, Томасъ Кларкъ...

Но ночлежный пріютъ при участкѣ открывался лишь около полуночи, до которой оставалось еще нѣсколько часовъ. Эти часы надо было провести, бродя по улицамъ, потому что карманы обоихъ новыхъ знакомцевъ были совершенно пусты. Зашли они было въ одинъ изъ дешевенькихъ трактировъ, но подозрительный взоръ гарсона скоро открылъ ихъ въ шумной толпѣ и они предпочли удалиться сами, не ожидая, пока ихъ удалятъ силою. Также неудачна была ихъ попытка провести хоть полчасика въ ночлежномъ домѣ, въ которомъ ночевалъ прошлую ночь Кларкъ. Хозяинъ дома встрѣтилъ ихъ у дверей, и когда выяснилось, что они не имѣли въ виду платить за кровати, довольно недвусмысленно показалъ имъ, что дѣлать имъ у него нечего. Оставались улицы, грязныя, холодныя улицы, по которымъ надо было безостановочно ходить, по возможности не попадаясь на глаза грубымъ блюстителямъ порядка.

Къ счастью, имъ удалось наткнуться на хорошую сухую подворотню, въ темныхъ углахъ которой можно было укрыться и отъ дождя и, пожалуй, даже отъ нескромнаго взора. Они поспѣшили забраться туда и, прижавшись другъ къ другу, старались согрѣться, все время трепеща, какъ бы проходящій полицейскій не лишилъ ихъ этого жалкаго убѣжища. Но люди проходили, не замѣчая ихъ. Никому въ мірѣ, казалось, не было до нихъ дѣла. Единственное существо, обратившее на нихъ вниманье и сказавшее имъ доброе слово, была уличная дѣвушка, спѣшившая домой послѣ неудачной прогулки. Она остановилась, обмѣнялась съ ними нѣсколькими словами и, уходя, всунула въ руку Кларка серебряную монету.

— Прощайте, ребята,—сказала она при этомъ,—вамъ хуже, чѣмъ мнѣ. Я, по крайней мѣрѣ, не голодна и имѣю, гдѣ спать. Возьмите... Это немного, но больше у меня самой нѣтъ... Прощайте...

Этотъ эпизодъ умилилъ Викофа, но у него не хватило духа воспользоваться полученною такимъ образомъ милостынею и послѣдовать за Кларкомъ въ ближайшій кабакъ. Онъ остался подъ воротами и скоро заснулъ, поджидая возвращенья товарища.

Разбудила его внезапная боль въ ногѣ. Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Надъ нимъ стоялъ здоровенный полисменъ и самыми отчаянными ругательствами гналъ его на улицу. Бѣшеная злоба охватила Викофа, но лишь на мгновеніе. Онъ вспомнилъ, кто онъ теперь, склонилъ покорно голову и, молча покинувъ свою подворотню, вышелъ на улицу, гдѣ скоро встрѣтился съ весело возвращавшимся изъ кабака товарищемъ. Наконецъ, настала желанная полночь, и они направились къ участку, куда со всѣхъ сторонъ подходили теперь группами въ 2 и 3 человѣка такіе же бездомные бродяги.

По слѣдамъ одной изъ такихъ группъ наши пріятели вошли въ

обширную контору и, пройдя черезъ формальности пріемки, были, наконецъ, допущены въ широкій внутренній корридоръ, весь полъ котораго былъ густо уложенъ скорченными человѣческими фигурами. Ничего отвратительнѣе этого участковаго пріюта не приходилось еще видѣть Викофу, и онъ долго не рѣшался лечь на отведенномъ ему мѣстѣ. Въ корридорѣ было ужасно душно; атмосфера была густо насыщена тяжелымъ запахомъ человѣческихъ тѣлъ; все было такъ грязно и дико, и въ полной гармоніи съ этою ужасною обстановкою были и сами ночлежники. Какъ мало походили на людей эти оборванныя, грязныя существа съ всклокоченными волосами, съ чертами лица, въ которыхъ ясно читались безхарактерная слабость и параличъ воли, съ безпокойными, бѣгающими глазами, въ которыхъ не замѣчалось ни честной прямоты, ни даже рѣшительной и энергичной «преступности». Попадались, однако, между ними и другіе типы—вродѣ Кларка и Викофа—жертвы случайнаго несчастія, недавно пріѣхавшіе эмигранты, новички въ этой арміи погибающихъ, которые видимо чувствовали себя истинно несчастными, и участь которыхъ была еще болѣе достойна сожалѣнія.

Несмотря на поздній часъ, многіе еще не спали, и въ разныхъ углахъ корридора долго еще слышался шопотъ разговоровъ, прерывавшійся отъ времени до времени дикими проклятіями по адресу разныхъ насѣкомыхъ. Но усталость брала свое, и люди засыпали одинъ за другимъ, несмотря ни на грязь, ни на вонь и духоту, ни на аттаки насѣкомыхъ.

Не спалъ одинъ Викофъ. Его мучилъ голодъ, и тяжелыя мысли занимали его возбужденный мозгъ. Передъ его разстроеннымъ воображеніемъ длинною чередою проходили картины иной жизни и иного міра, свѣтлаго, радостнаго, изящнаго, богатаго художественными, идейными и моральными интересами. Что общаго между этими двумя, столь различными, мірами? Какая неразрѣшимая тайна связываетъ ихъ между собою? Какъ понять, какъ примирить съ ужасною дѣйствительностью слова, такъ часто произносимыя въ церковныхъ проповѣдяхъ: Много насъ, но всѣ мы — одна семья во Христѣ и братья другъ другу?... Заснулъ, наконецъ, и онъ.

Таковъ былъ дебютъ Викофа въ громадномъ городѣ, въ который онъ такъ рвался. Онъ сразу попалъ въ армію безработныхъ и первую же свою ночь провелъ въ полицейскомъ участкѣ, среди профессіональныхъ бродягъ и нищихъ. Проснувшись, онъ чувствовалъ всего себя изломаннымъ отъ лежанія на твердомъ полу безъ всякой подстилки, и первою его мыслью было поскорѣе покинуть участковый пріютъ, казавшійся теперь при дневномъ свѣтѣ, еще болѣе безобразнымъ, чѣмъ съ вечера. Это оказалось, однако, не такъ-то просто. Пришлось ждать до регламентарнаго часа, когда всѣ ночлежники были собраны въ пріемной комнатѣ, провѣрены, подвергнуты опросу и снабжены, каждый, чашкою кофе и кускомъ хлѣба. Только послѣ этого они, въ томъ числѣ

и Викофъ съ своимъ вчерашнимъ товарищемъ, Кларкомъ, были выпущены на улицу и снова предоставлены самимъ себѣ.

Умывшись у озера,—другого способа привести свой туалетъ въ порядокъ у нихъ не было,—наши пріятели нѣсколько оправились отъ ночныхъ испытаній и почувствовали себя способными приступить къ поискамъ работы. Одно за другимъ обходили они мѣста, въ которыхъ можно было надѣяться найти что-нибудь — склады, постройки, магазины, у которыхъ стояли длинные ряды тяжело нагруженныхъ ломовиковъ, и вездѣ, гдѣ только можно было добраться до хозяевъ или боссовъ, предлагали свои услуги.

Все было безполезно. Вездѣ, безъ малѣйшаго колебанія, ихъ отсылали прочь, и мало-по-малу ими снова начинало овладѣвать чувство безнадежнаго уныніа, робкаго сознанія своей ненужности и даже какъ бы виновности передъ кѣмъ-то. И не удивительно: жизнь била ключемъ вокругъ нихъ; во всемъ чувствовалась неисчерпаемая дѣловая энергія; всюду кипѣла напряженная безостановочная работа, подъ тяжестью которой сгибались спины десятковъ и сотенъ тысячъ рабочихъ, и тѣмъ не менѣе для нашихъ пріятелей на этомъ роскошномъ пиру труда не оказывалось ни малѣйшаго мѣстечка. Молодые, здоровые, готовые на всякую работу, которая дала бы имъ возможность утолить свой голодъ, они должны были оставаться въ сторонѣ и съ завистью глядѣть на тѣхъ «счастливцевъ», которые изнемогали, обливаясь потомъ, подъ тяжестью громадныхъ ящиковъ, нагружаемыхъ или разгружаемыхъ у нихъ передъ глазами. Мало того: въ отвѣтъ на предложеніе своихъ услугъ они сплошь и рядомъ выслушивали грубые окрики и ругательства озабоченныхъ боссовъ; на нихъ смотрѣли съ подозрѣніемъ, ихъ гнали прочь, какъ будто желаніе работать было чѣмъ-то продосудительнымъ, постыднымъ, чуть не преступнымъ.

Такъ проходили часы за часами, и голодъ, только раздразненный легкимъ завтракомъ въ участкѣ, давалъ себя чувствовать все сильнѣе, тѣмъ болѣе, что всюду вокругъ были навалены громадныя кучи всевозможныхъ фруктовъ, овощей и прочихъ съѣдобныхъ и лакомыхъ вещей. И вотъ, когда наши пріятели потеряли послѣдній запасъ энергіи, когда ихъ лица начали уже принимать то выраженіе загнанности и безнадежности настигаемаго звѣря, которое такъ поразило Викофа въ лицахъ его вчерашнихъ соночлежниковъ, судьба послала имъ спасителя въ лицѣ хозяина какого-то склада, спѣшившаго нагрузить поскорѣе приготовленные ящики съ апельсинами.

— Эй, ребята!—крикнулъ онъ,—замѣтивъ двѣ фигуры, робко жавшіяся къ стѣнѣ его лавки—не возьметесь ли нагрузить телѣгу вотъ этими ящиками? Дамъ 50 центовъ на брата...

«Ребята» не подпрыгнули отъ восторга, не бросились въ объятья другъ другу, а просто сняли верхнее платье и, не говоря ни слова, принялись за работу. Только черезъ нѣсколько минутъ опомнились они,

и Кларкъ, какъ бы только теперь понявъ всю громадность своего счастья, проговорилъ трепетнымъ шопотомъ, въ которомъ слышались слезы: «по 50 центовъ, товарищъ... какъ мы поѣдимъ; Боже, какъ мы поѣдимъ!»...

Покончивъ съ нагрузкою, наши пріятели условились сойтись къ вечеру въ опредѣленномъ мѣстѣ и для дальнѣйшихъ поисковъ разошлись въ разныя стороны. Пообѣдавъ въ дешевомъ ресторанѣ и отдохнувъ въ одной изъ многочисленныхъ въ городѣ публичныхъ библіотекъ, Викофъ снова вышелъ на поиски и какъ-то нечаянно забрелъ на одну изъ желѣзно-дорожныхъ станцій, какъ разъ въ моментъ прихода поѣзда. Видъ суетливой толпы пассажировъ, расходившихся со станціи съ чемоданами въ рукахъ, подавалъ нѣкоторую надежду на заработокъ, но не успѣлъ еще Викофъ предложить свои услуги первому, попавшемуся ему на дорогѣ, пассажиру, какъ онъ долженъ былъ горько раскаяться въ своей дерзости. Со всѣхъ сторонъ на него накинулась цѣлая орава мальчугановъ и подростковъ, составлявшихъ, повидимому, организованную артель, монополизировавшую станцію и, осыпая его ругательствами и угрозами, заставила поспѣшно ретироваться. Однако, немного подальше отъ станціи ему все-таки удалось пронести чемоданъ одного изъ пассажировъ до гостинницы и получить за это 25 центовъ.

Дальнѣйшія старанія Викофа не дали никакихъ результатовъ. Наступилъ вечеръ, и онъ поспѣшилъ къ условленному мѣсту встрѣчи съ товарищемъ. Было уже совсѣмъ поздно, когда появился, наконецъ, Кларкъ. Видъ его ясно говорилъ о полной неудачѣ его поисковъ. Онъ казался похудѣвшимъ и постарѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ. Онъ обошелъ чуть не всѣ заводы по своей спеціальности, говорилъ съ десятками боссовъ и управляющихъ и нигдѣ не нашелъ не только мѣста, но даже надежды на близкую ваканцію. Все было переполнено. Бѣдный Кларкъ былъ въ полномъ отчаяніи. Такое, повидимому, безвыходное положеніе было для него ново. Случалось ему, конечно, и прежде оставаться безъ работы, но какое же сравненіе? Тогда у него всегда былъ готовый кровъ, кругъ пріятелей и знакомыхъ, нѣсколько отложенныхъ на черный день долларовъ, благодаря которымъ онъ могъ выжидать поворота фортуны безъ особой тревоги. Теперь онъ былъ выброшенъ на улицу, въ чужомъ городѣ, безъ копѣйки въ карманѣ, безъ друзей, если не считать Викофа, находившагося въ такомъ же положеніи, безъ какой бы то ни было поддержки и надежды. Это было выше его силъ, и Викофу пришлось утѣшать и успокаивать его, какъ малаго ребенка.

— Вѣдь я чуть было не поладилъ съ однимъ боссомъ,—говорилъ Кларкъ, едва удерживая слезы.—Мы разговорились; дѣло шло совсѣмъ на ладъ, какъ вдругъ я почувствовалъ, что у меня что-то ползетъ по шеѣ. Это было насѣкомое, которое я захватилъ въ проклятомъ участкѣ... брръ!.. Боссъ тоже увидѣлъ его, и, конечно, все сразу пропало... Меня

съ позоромъ прогнали. Никогда еще не бывало со мною ничего подобнаго, никогда, и, видитъ Богъ, я не меньше другихъ ненавижу нечистоту... но что тутъ подѣлаешь...—И послѣ нѣкотораго молчанія онъ прибавилъ какимъ-то грубымъ, озлобленнымъ голосомъ:—У насъ еще осталось кое-что отъ заработка, пойдемъ выпьемъ...

Викофу удалось, однако, урезонить своего товарища. Денегъ у нихъ едва хватило бы на плату за ночлегъ и за легкій ужинъ. Это было благоразумнѣе, чѣмъ пропить ихъ и потомъ ночевать въ участкѣ. На этомъ, въ концѣ концовъ, и порѣшили...

Такъ шли дни за днями, смѣняя другъ друга, но не принося съ собою нашимъ пріятелямъ ничего утѣшительнаго. Съ неослабною энергіею, но безъ всякихъ сколько-нибудь осязательныхъ результатовъ продолжали они свои поиски, Кларкъ—въ сферѣ своего ремесла, Викофъ—вездѣ, гдѣ только могли потребоваться его руки. Эти безплодные поиски сами по себѣ составляли работу пожалуй болѣе тяжкую, чѣмъ самый напряженный трудъ гдѣ-нибудь на фабрикѣ или заводѣ, особенно по своему моральному дѣйствію, конечно. И чѣмъ дальше, тѣмъ эта работа становилась непріятнѣе и тяжелѣе. Вы, правда, научаетесь нѣкоторымъ практическимъ пріемамъ, легче ориентируетесь въ окружающей обстановкѣ, по немногимъ признакамъ узнаете, куда стоитъ обращаться и куда нѣтъ, но за то всякое новое обращеніе дается вамъ все труднѣе, и всякій новый отказъ становится все болѣе обиднымъ и унизительнымъ. Вы молча и безропотно,—по наружности,—переносите такой отказъ, въ большинствѣ случаевъ выражаемый въ грубой и рѣзкой формѣ, но въ глубинѣ души у васъ на долго остается сочащаяся кровью и желчью рана. Вы пытаетесь не замѣчать ее, усиливаете энергію поисковъ, но боль нанесенной обиды не прекращается ни на минуту, заставляя васъ иногда долго колебаться, прежде, чѣмъ вы соберетесь, наконецъ, съ силою сдѣлать новую попытку. Ваши неудачи начинаютъ, въ концѣ концевъ, казаться чѣмъ-то фатальнымъ, непреодолимымъ. Васъ охватываетъ уныніе и апатія. Вы теряете всякое мужество, всякую надежду на успѣхъ; вы готовы отказаться отъ дальнѣйшей борьбы. Все вокругъ васъ окрашивается въ мрачный цвѣтъ. Камни мостовой кажутся вамъ поломъ громадной тюрьмы; небо надъ вашею головою—ея потолкомъ; ряды домовъ—ея стѣнами. Вы спрашиваете себя, чѣмъ эта незапертая на ключъ тюрьма лучше настоящей тюремной камеры, гдѣ васъ, по крайней мѣрѣ, кормятъ и одѣваютъ, даютъ вамъ кровъ и тепло?..

Вы доходите до той точки, съ которой начинается крутой спускъ въ міръ преступнаго. Вы въ томъ критическомъ моментѣ, когда все окружающее — и люди, проходящіе индиферентно мимо, и магазины, нагло выставляющіе на показъ роскошь своихъ товаровъ, и мраморныя статуи въ нишихъ богатыхъ домовъ, и полисмены, существующіе для ихъ охраненія, и, вообще, все общество со всѣми

его репрессивными силами — начинаютъ казаться вамъ чѣмъ-то несправедливымъ и ненавистнымъ, чѣмъ-то достойнымъ гибели и разрушенія... И Богъ знаетъ, сколь многіе не удерживаются на этомъ опасномъ пунктѣ и скатываются съ него внизъ, вольными или невольными нарушителями порядка и закона, преступниками въ глазахъ «благонамѣренныхъ и самодовольныхъ», несчастными—въ глазахъ тѣхъ, кто знаетъ ихъ прошлое и путь, который привелъ ихъ къ кризису.

Въ одинъ изъ особенно тяжелыхъ моментовъ своей безработной карьеры, Викофъ незамѣтно для самого себя близко подошелъ къ этому опасному состоянію. Голодный, озлобленный, измученный душевно и тѣлесно брелъ онъ однимъ такимъ вечеромъ по тихой улицѣ отдаленнаго городского квартала, въ которомъ жили преимущественно богатые люди. Безсвязныя мысли обрывками толпились въ его разгоряченномъ мозгу, навѣвая на него смутные проекты не то самоубійства, не то какой-нибудь дикой выходки, вродѣ разбитія стекла перваго попавшагося магазина, не то возвращенія домой... Лучи заходящаго солнца освѣщали окна, черезъ которые можно было любоваться изящною меблировкою комнатъ... И вдругъ, въ одной изъ этихъ комнатъ разсѣянный взоръ Викофа упалъ на знакомое лицо. Въ комфортабельно убранномъ кабинетѣ, передъ ярко горѣвшимъ каминомъ, въ удобномъ креслѣ сидѣлъ съ газетою въ рукахъ молодой человѣкъ, въ которомъ Викофъ сразу призналъ одного изъ своихъ ближайшихъ друзей. Годъ тому назадъ этотъ самый господинъ, разставаясь съ нимъ на пароходной пристани, взялъ съ него слово погостить у него въ Чикаго, если когда-нибудь занесетъ его туда судьба. И вотъ теперь онъ здѣсь, на послѣдней ступени нищеты и безпріютнаго одиночества. А рядомъ съ нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, гостепріимное убѣжище, въ которомъ его примутъ съ распростертыми объятьями, гдѣ онъ найдетъ комфортабельную обстановку, истинную дружбу и участіе, культурныя условія жизни и, вообще, все, что краситъ человѣческое существованіе. Стоитъ только протянуть руку, постучать въ дверь, и мракъ разсѣется, кошмаръ изчезнетъ и засіяетъ живительный солнечный свѣтъ!.. И, съ другой стороны, къ чему упорствовать, отворачиваться отъ спасенія, которое само дается въ руки? Не дало ли задуманное, и болѣе чѣмъ наполовину выполненное, имъ предпріятіе все, что оно могло дать, и не значило ли бы продолжать его дальше, лишь обречь себя на безполезныя и безсмысленныя страданія? Что можетъ принести оно наукѣ, человѣчеству? Вѣдь, въ сущности, все, что онъ видѣлъ и испыталъ до сихъ поръ и, конечно, все, что ему еще предстоитъ испытать, новое и интересное для него, давно извѣстно наукѣ, отмѣчено въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, занесено въ статистическія таблицы, объяснено, обобщено, подведено подъ законы и формулы. Къ чему же продолжать свой опытъ? Не благоразумнѣе ли, не умнѣе ли отказаться отъ него и вернуться къ нормальной человѣческой жизни? Не само ли прови-

дѣніе посылаетъ ему якорь спасенія въ лицѣ такъ нечаянно обрѣтеннаго друга?..

Такъ размышлялъ Викофъ, стоя передъ квартирою пріятеля, но что то въ глубинѣ его души глухо протестовало противъ соблазнительныхъ доводовъ разума и не позволяло ему принять окончательное рѣшеніе въ соотвѣтствующемъ духѣ. Въ концѣ концовъ, онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этого труднаго испытанія, оторвалъ свой очарованный взоръ отъ заманчиваго окна и поспѣшилъ къ условленному мѣсту встрѣчи съ Кларкомъ, говоря себѣ сквозь стиснутые зубы: «Не теперь... продержусь еще немного»...

Кларкъ уже давно ожидалъ его. «Ну что—говорили его тревожно-нетерпѣливые глаза—подвернулось ли вамъ хоть что-нибудь»?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Викофъ на этотъ молчаливый вопросъ.—Я ничего не нашелъ и не ѣлъ съ самаго утра... У васъ видно, тоже ничего?

— Конечно, ничего — отвѣчалъ съ проклятіемъ Кларкъ, и наши друзья опять принуждены были искать себѣ прибѣжища на ночь въ участкѣ, а въ ожиданіи полночи—прогуливаться по улицамъ и обсуждать выставленные въ окнахъ ресторановъ меню.

Выпадали, однако, и на ихъ долю праздничные дни, когда имъ удавалось случайно заработать не только на ночлегъ въ приличномъ ночлежномъ домѣ, но и на обѣдъ въ дешевомъ ресторанѣ. Одинъ изъ такихъ особенно счастливыхъ дней надолго остался въ памяти Викофа. Выпалъ онъ какъ разъ на воскресенье. Съ ночи выпалъ глубокій снѣгъ, и на утро всѣ улицы были покрыты бѣлою пеленою. Предстояло много работы по очисткѣ тротуаровъ, и наши пріятели поспѣшно направились въ богатые городскіе кварталы, надѣясь всего скорѣе найти тамъ работу. Сначала они были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Повсюду, оказалось, имѣлись свои дворники, не нуждавшіеся въ чужой помощи. Нашлись, однако, и исключенія изъ этого правила, и послѣ ряда неудачъ имъ удалось найти тротуаръ, за очистку котораго имъ было обѣщано по 25 центовъ на брата. Велико было искушеніе оставить на время работу и сбѣгать чего-нибудь перекусить, но надо было ковать желѣзо, пока оно было горячо, надо было не упускать драгоцѣннаго времени, и наши друзья самоотверженно принялись за дѣло на голодный желудокъ. Наградою имъ былъ еще одинъ тротуаръ, предложенный для очистки за ту же цѣну,—не считая того, что предварительно ихъ позвали на кухню и дали позавтракать. Давно не приходилось имъ такъ завтракать! Имъ дали по большой мискѣ супа, яичницу, бифштексъ съ картофелемъ и, въ довершеніе этой необыкновенной роскоши, по большой чашкѣ прекраснаго, ароматнаго, домашняго кофе со сливками! Кухаркѣ оставалось только изумленно раскрывать глаза, глядя на ихъ аппетитъ. Когда же она узнала, какъ долго и безплодно они ищутъ работы, она прониклась къ нимъ самымъ искреннимъ сочувствіемъ и заявила, что

«всему виною эти грязные итальянцы, которые перебиваютъ работу у всѣхъ», и что «государство прежде всего должно бы было издать законъ, по которому работа должна быть доставляема всякому честному человѣку, который въ ней нуждается».

Счастье не покидало ихъ въ этотъ день до конца, и, оканчивая работу, они имѣли въ карманѣ громадную сумму въ 1 даллара, не говоря уже о томъ, что они были сыты. Заплативъ впередъ за мѣста въ знакомомъ ночлежномъ домѣ, они умылись, почистились, привели себя въ приличный видъ и остатокъ дня посвятили удовольствіямъ, каждый по своему вкусу. Кларкъ рѣшилъ посѣтить нѣкоторыхъ изъ боссовъ съ которыми успѣлъ познакомиться во время своихъ шатаній по заводамъ: спокойная и обстоятельная бесѣда въ праздничный день должна была, какъ онъ надѣялся, дать лучшіе результаты, чѣмъ поспѣшный обмѣнъ лаконическихъ вопросовъ и отвѣтовъ во время работы. Викофъ же, напрасно уговаривавшій своего компаньона сходить лучше въ церковь, отправился туда самъ. Какъ глубоко религіозный человѣкъ, онъ никогда не пропускалъ случая прослушать проповѣдь и пропѣть нѣсколько десятковъ гимновъ. Въ этотъ разъ, однако, онъ рѣшился на это не безъ колебаній, побаиваясь, что его пожалуй и не пустятъ, въ его настоящемъ видѣ, въ «порядочную» церковь. Опасенія эти оказались, однако, совершенно неосновательными. Скорѣе наоборотъ: къ нему были болѣе внимательны и предупредительны, чѣмъ къ другимъ. Оборванный бродяга, онъ очутился рядомъ съ разодѣтою дамою, которая не только не выражала неудовольствій по поводу такого сосѣдства, но даже охотно дѣлилась съ нимъ своимъ молитвенникомъ.

Приведенный въ прекрасное настроеніе такимъ истинно христіанскимъ демократизмомъ чикагскихъ методистовъ, Викофъ рѣшилъ воспользоваться свободнымъ вечеромъ, чтобы выполнить свое давнишнее намѣреніе и посѣтить одинъ изъ мѣстныхъ клубовъ рабочей партіи. Онъ былъ знакомъ съ доктринами партіи, со многимъ въ нихъ соглашался—исходя, впрочемъ, въ этомъ согласіи не столько изъ какихъ нибудь научныхъ принциповъ, сколько изъ гуманитарныхъ соображеній,—многое—отрицалъ, но настоящихъ собраній этой партіи ему еще не приходилось видѣть, и онъ былъ недалекъ отъ того, чтобы смѣшивать ихъ, по общему обыкновенію, съ революціонерами, анархистами и прочими «врагами общества». Дѣйствительность совершенно не отвѣчала этому представленію. Самая внѣшность митинга, на который онъ проникъ, противъ всякаго ожиданія, безъ малѣйшихъ затрудненій, поразила его отсутствіемъ какого бы то ни было элемента таинственности и заговорщицкаго оттѣнка. Все носило характеръ «респектабельности», какою отличаются обыкновенно публичныя лекціи, организуемыя либеральными пасторами при своихъ церквахъ. Въ публикѣ преобладали прилично одѣтые рабочіе съ серьезными и интеллигентными лицами—очевидно, хорошо оплачиваемые представители такъ называе-

маго квалифицированнаго труда,—которыхъ всякій принялъ бы скорѣе за среднихъ буржуа, чѣмъ за пролетаріевъ. Произносимыя рѣчи отличались,—за рѣдкими исключеніями,—сравнительною умѣренностью и указывали на такое знакомство съ политическою экономіею, какого трудно бы было ожидать отъ простыхъ рабочихъ. Партійный элементъ въ нихъ сводился исключительно къ кое-какимъ рѣзкимъ оборотамъ рѣчи. Почти всѣ ораторы высказывали себя убѣжденными эволюціонистами, вѣрующими въ естественные законы общественнаго развитія, непризнающими насилія и рѣшительно отвергающими какъ теоріи, такъ—еще болѣе практику анархистовъ, на которыхъ они нападали въ своихъ рѣчахъ съ еще большимъ, кажется, ожесточеніемъ, чѣмъ на самихъ капиталистовъ. Вообще, они произвели на Викофа гораздо лучшее впечатлѣніе, чѣмъ онъ ожидалъ, и впослѣдствіе онъ не разъ посѣщалъ ихъ собранія и познакомился довольно близко съ нѣкоторыми изъ нихъ. Они, конечно, не убѣдили его и не привлекли въ свои ряды, но онъ не могъ не видѣть, что въ ихъ ученіи есть много общаго и съ его собственными инстинктивными гуманными стремленіями, и съ высшимъ для него воплощеніемъ истины.

Это же воскресенье закончилось однимъ инцидентомъ, на долго оставшимся въ памяти Викофа. Возвращаясь съ митинга, на которомъ онъ наслушался горячихъ рѣчей о братствѣ людей, и приближаясь къ своему ночлежному дому, онъ замѣтилъ въ темномъ углу улицы двѣ маленькія копошившіяся въ снѣгу, дѣтскія фигурки. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ двухъ дѣвочекъ—младшей изъ нихъ было не болѣе 4 или 5 лѣтъ—дѣятельно рывшихся въ сорномъ ящикѣ, наполненномъ отбросами изъ сосѣдняго ресторана. Онѣ выбирали изъ нихъ лучшіе обрывки мяса, кусочки хлѣба и складывали ихъ въ старую, дырявую корзину. Имъ, должно быть, было очень холодно, потому что одѣты онѣ были въ жалкія лохмотья, едва прикрывавшія наготу, но онѣ весело щебетали между собою, не обращая вниманія ни на что, кромѣ своей работы.

— Что вы дѣлаете тутъ, дѣти?—спросилъ Викофъ, подойдя къ нимъ вплотную.—Зачѣмъ вамъ эти остатки?

Испуганныя дѣти вздрогнули. Глаза старшей дѣвочки загорѣлись, какъ у собаки, у которой отнимаютъ кость. Она схватилась обѣими руками за свою корзинку и, закрывая ее своимъ маленькимъ тѣльцемъ, закричала: «не трогайте... не смѣйте!...»

Викофъ поспѣшилъ ее успокоить, и довѣрчивый ребенокъ началъ объяснять ему, въ чемъ дѣло.

— Мама послала насъ сюда набрать что нибудь на ужинъ,—говорила она.—У насъ трое жильцовъ, только двое изъ нихъ ничего не платятъ мамѣ вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, а папа всегда пьянъ и никогда не работаетъ. Сегодня онъ вышелъ было съ лопатою, и мама ждала, что онъ хоть что нибудь заработаетъ, а онъ вернулся пьянъ и безъ

денегъ. Мама сама занята съ бебе и потому посылаетъ насъ однихъ. Она сердится, когда мы мало приносимъ... Но сегодня она не будетъ сердиться, не правда-ли? Вотъ посмотрите!... О, она будетъ рада...

Викофъ подождалъ, пока дѣвочки окончатъ свою работу, и проводилъ ихъ до дому—полуразвалившейся избенки въ концѣ улицы,—желая собственными глазами взглянуть на ихъ жизнь. Не веселую картину увидѣлъ онъ. Комната была грязна и пуста, почти безъ мебели. Больной ребенокъ кричалъ на рукахъ у худой, истощенной, оборванной женщины. Невдалекѣ отъ нея сидѣлъ грубый мужчина, флегматически дымившій изъ своей трубки, а въ углу, на кучѣ лохмотьевъ, спалъ тяжелымъ сномъ какой-то пьяница. Все дышало здѣсь такою безъисходною нуждою, такою нищетою, что жутко было смотрѣть, и Викофъ поспѣшилъ выйти на свѣжій воздухъ. Эта, выхваченная изъ жизни, картинка долго не могла исчезнуть изъ его памяти. Это была замѣчательно подходящая иллюстрація къ той проповѣди, которую онъ слушалъ въ этотъ день въ церкви, и къ тѣмъ рѣчамъ, которыя произносились затѣмъ на митингѣ.

Не менѣе сильное впечатлѣніе произвели на него и тѣ портняжныя мастерскія, въ которыхъ практикуется такъ называемая *sweating system*. Особенно запомнилась ему одна изъ нихъ. Это была большая низкая комната въ подвальномъ этажѣ стараго дома. Слабый дневной свѣтъ проникалъ въ нее черезъ два узкихъ и грязныхъ окошка. Капризные узоры и пятна на стѣнахъ и потолкѣ говорили о страшной сырости. Въ одномъ углу комнаты стояла печка съ плитою, возлѣ которой возилась какая то отвратительная старуха; въ другомъ жалась группа дѣвочекъ отъ 8 до 12 лѣтъ, которыя дѣятельно работали иглами, получая за это до 75 центовъ въ недѣлю; все остальное мѣсто было занято тѣсно уставленными одна возлѣ другой швейными машинами съ склоненными надъ ними фигурами рабочихъ. Мастерская занималась производствомъ дамскихъ пальто и накидокъ для одной изъ самыхъ уважаемыхъ въ городѣ фирмъ, и, Боже, какъ, мало подходили эти изящныя, кокетливые предметы къ окружающей обстановкѣ!...

Какъ разъ въ присутствіи Викофа посѣтилъ эту мастерскую членъ санитарной инспекціи. Съ мрачнымъ лицомъ обходилъ онъ комнату, но его посѣщеніе ни на одну секунду не пріостановило движенія машинъ. Ни одинъ изъ рабочихъ не поднималъ глазъ отъ своей работы; только хозяинъ слѣдилъ тревожнымъ взоромъ за инспекторомъ, который дѣлалъ какія то отмѣтки въ своей записной книжкѣ. Обойдя комнату, онъ подошелъ къ хозяину и, подавая ему печатный бланкъ, сказалъ:

— Вы должны заполнить этотъ бланкъ къ моему слѣдующему визиту.

Затѣмъ, не говоря болѣе ни слова, онъ повернулся, чтобы выйти, но, наткнувшись у порога на какую-то особенно поразившую его кучу нечистотъ, не выдержалъ и, повернувшись къ ближайшему рабочему, заговорилъ возмущеннымъ тономъ:

— Послушайте, вы должны вычистить это... Это безобразіе... Вѣдь вы распустите такую заразу по всему городу, что ее не скоро остановишь!...

Молодой еврей, къ которому онъ обратился, поднялъ голову. Глубокія морщины покрывали его безбородое истомленное лице, на которомъ какъ уголья горѣли громадные глаза.

— Вы требуете отъ насъ чистоты!—почти истерически закричалъ онъ ломаннымъ англійскимъ языкомъ.—Развѣ у насъ есть время для соблюденія чистоты, когда намъ некогда проглотить кусокъ хлѣба? Вы толкуете тамъ о какой-то заразѣ, а вѣдь мы *голодны*, понимаете, *голодны*!...

Въ его голосѣ звучало такое отчаяніе, что инспекторъ поспѣшно отвернулся и вышелъ. За нимъ вышелъ и Викофъ, почувствовавшій себя на грязной и холодной улицѣ какъ бы вырвавшимся изъ ада.

Между тѣмъ время шло, а положеніе нашихъ пріятелей оставалось неизмѣннымъ. Несмотря на всѣ поиски, ни одинъ изъ нихъ не могъ найти сколько нибудь регулярной и постоянной работы, случайные-же заработки, вродѣ чистки тротуаровъ, были рѣдки и едва позволяли имъ поддерживать полуголодное существованіе. Тѣмъ не менѣе, теперь они легче переносили его. Изъ новичковъ они постепенно обращались въ ветерановъ безработной арміи, и ихъ положеніе начинало казаться имъ чѣмъ-то чуть не нормальнымъ и естественнымъ. Они испробовали всѣ способы, какими люди достаютъ себѣ работу—посредническія конторы, газетныя объявленія, часовое стояніе у воротъ фабрикъ и заводовъ, ежедневный обходъ складовъ и построекъ—и прекрасно знали ихъ сравнительныя достоинства и недостатки. Менѣе всего, повидимому, можно было надѣятся на посредническія конторы уже по одному тому, что большая часть изъ нихъ были просто мошенническіе ловушки, разсчитанныя на наивныхъ провинціаловъ, пріѣзжающихъ искать счастья въ Чикаго и привозящихъ съ собою коекакія сбереженія «на первое время».

Нѣсколько больше даютъ газетныя объявленія, но лишь при условіи имѣть ихъ тотчасъ-же по выходѣ газеты изъ типографіи. Впрочемъ, даже и при такомъ условіи шансы на полученіе мѣста очень малы, потому что на одно предложеніе откликаются обыкновенно десятки и сотни кандидатовъ. По крайней мѣрѣ, Викофу ни разу не случалось являться по вызову безъ того, чтобы не застать на мѣстѣ цѣлую толпу опередившихъ его претендентовъ. Объ одной изъ такихъ попытокъ Викофъ разсказываетъ очень подробно.

Прочитавъ объявленіе, вызывавшее охотника занять мѣсто рабочаго на всѣ руки, Викофъ поспѣшилъ къ указанному магазину, находившемуся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ его ночлежнаго дома. Задолго до назначеннаго въ объявленіи часа подходилъ онъ къ магазину, надѣясь, что хоть на этотъ разъ онъ будетъ однимъ изъ первыхъ,

если не первымъ. Каково же было его удивленіе и разочарованіе, когда онъ увидѣлъ у магазина толпу въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, терпѣливо поджидавшихъ появленія нанимателя. Къ толпѣ—то кучками, то въ одиночку—ежеминутно подходили новые члены. Къ двумъ часамъ ихъ было уже болѣе 50 человѣкъ. Наниматель, какъ водится, заставилъ себя долго ждать и, явившись, велъ себя какъ капризный покупщикъ рабовъ, несмотря на то, что это былъ лишь приказчикъ, присланный хозяиномъ для предварительнаго осмотра. Съ выраженіемъ брезгливаго презрѣнія на своемъ бритомъ лицѣ обошелъ онъ толпу жадно глядѣвшихъ на него людей, отпуская отъ времени до времени грубыя остроты, вродѣ слѣдующихъ: «Ай да коллекція! И все это за 15 долларовъ въ мѣсяцъ!» или: «Подальше, подальше, чортъ васъ возьми... Не подходите близко... вы, вѣдь, больше нуждаетесь въ водѣ съ мыломъ, чѣмъ въ работѣ...», и т. п. Пересмотрѣвъ поданныя ему рекомендаціи, онъ отдѣлилъ изъ толпы пятерыхъ—въ томъ числѣ и Викофа—и приказалъ имъ явиться въ опредѣленный часъ по данному адресу, гдѣ ихъ посмотритъ самъ хозяинъ, который и выберетъ изъ нихъ наиболѣе подходящаго. Новый визитъ къ хозяину сопровождался новыми непріятностями, но распространяться о нихъ мы не будемъ. Достаточно сказать, что Викофъ мѣста не получилъ, потому что его рекомендаціи оказались недостаточно солидными.

Чаще же всего наши пріятели просто стояли часами у воротъ какой-нибудь большой фабрики, чтобы быть наготовѣ въ случаѣ, если тамъ потребуются лишнія рабочія руки. Опытъ Викофа говорилъ, что такія случаи крайне рѣдки, и тѣмъ не менѣе даже такой ничтожный шансъ найти работу привлекалъ къ воротамъ фабрикъ сотни голодныхъ оборванцевъ. Многіе изъ нихъ, правда, торчали тутъ просто потому, что надо же было куда-нибудь дѣться, но не мало было и такихъ—какъ наши пріятели,—которые всѣмъ существомъ своимъ рвались къ работѣ и были бы на верху счастья, если бы нашли ее.

Однимъ пасмурнымъ утромъ, послѣ цѣлаго ряда особенно неудачныхъ дней, голодные, истощенные и озлобленные стояли наши друзья у воротъ одной изъ такихъ фабрикъ въ обществѣ стоголовой толпы такихъ же, какъ они, чающихъ движенія воды. Прозвонилъ фабричный колоколъ, во дворъ вошелъ послѣдній рабочій и ворота закрылись. Осталась отворенною лишь калитка, передъ которою заходилъ сторожъ,—здоровенный ирландецъ, разнообразившій свое монотонное шаганіе грубыми окриками по адресу тѣхъ, кто осмѣливался слишкомъ близко подходить къ священной оградѣ. Толпа стояла кучками; люди молчали или говорили тихимъ, боязливымъ шопотомъ.

Прошелъ часъ, другой, и толпа начала по-немногу расходиться по сосѣднимъ кабачкамъ. Къ воротамъ подошелъ молодой рабочій, очевидно новичекъ-эмигрантъ, не знавшій еще мѣстныхъ порядковъ. Онъ посмотрѣлъ на толпу, молчаливо ожидающую у открытыхъ воротъ, на сторожа, безучастно

ходившаго передъ ними, и, повидимому, ничего не понялъ. «Вотъ фабрика,—читалось на его простодушномъ лицѣ; вотъ люди, ищущіе на ней работы. Почему же они торчатъ тутъ и теряютъ драгоцѣнное время? Почему не пойти просто къ управляющему и не узнать отъ него въ одну минуту, нужны ли ему рабочіе, или нѣтъ?» Постоявъ нѣсколько минутъ въ нерѣшительности, онъ вдругъ подошелъ къ калиткѣ и занесъ ногу, чтобы перешагнуть порогъ. Сторожъ какъ будто ждалъ этого. Какъ голодный волкъ, намѣтившій свою жертву, онъ бросился на несчастнаго, схватилъ его обѣими руками за горло и затрясъ съ какимъ то непонятнымъ бѣшенствомъ. «Вотъ тебѣ, такой-сякой»—кричалъ онъ, молотя его по спинѣ кулаками и, наконецъ, отбрасывая сильнымъ толчкомъ назадъ въ толпу. Эмигрантъ даже и не пытался бороться, такъ поразило его это неожиданное нападеніе. Онъ растерянно оглядѣлся кругомъ, но вмѣсто знаковъ сочувствія на встрѣчу ему раздался изъ толпы взрывъ грубаго хохота.

Этотъ хохотъ былъ каплею, переполнившею чашу нервнаго возбужденья, охватившаго Викофа во время происшедшей дикой сцены. Не помня себя, не сознавая, что онъ дѣлаетъ, онъ въ одно мгновеніе очутился у воротъ, какъ бѣшеный бросился на сторожа и, вцѣпившись одною рукою въ его горло, другой началъ наносить ему съ какимъ то наслажденіемъ быстрые и мѣткіе удары по лицу. Сторожъ какъ бы оторопѣлъ передъ этимъ неожиданнымъ нападеніемъ, но не надолго. Опомнившись, онъ однимъ движеніемъ своей здоровенной лапы оторвалъ отъ себя тщедушнаго противника и нанесъ ему страшный ударъ въ носъ. Викофъ упалъ, обливаясь кровью, но не чувствуя въ своемъ возбужденіи ни малѣйшей боли.

— Ты съ ума сошелъ!—закричалъ подбѣжавшій къ нему на выручку Кларкъ.

— Ничего, ничего; за то и ему досталось!—отвѣчалъ ему нашъ герой, выплевывая кровь, но съ довольною улыбкою.

А вечеромъ этого же дня судьба повернулась, наконецъ, лицомъ къ одному изъ нашихъ пріятелей. Они стояли у окна ресторана, когда кто-то—какъ оказалось впослѣдствіи одинъ изъ боссовъ, къ которому онъ нѣсколько разъ обращался за работою—тронулъ Кларка за плечо.

— Здорово!—сказалъ онъ, протягивая ему руку.—Ну, что? Какъ дѣла? Нашли работу?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ Кларкъ.

— Ладно!... Я не забылъ о васъ. У насъ на заводѣ все еще нѣтъ свободнаго мѣста, но одинъ мой пріятель въ Мильвоки нуждается въ рабочихъ вашей спеціальности. Не согласились ли бы вы поѣхать туда?

— Поѣхать я не могу, но я могу отправиться туда пѣшкомъ.

— Ну вотъ, пѣшкомъ!.. Надѣюсь, вы не откажетесь занять у меня на билетъ...

Получивъ билетъ и въ придачу къ нему одинъ долларъ «на до-

рожные расходы», Кларкъ почувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Но въ своемъ счастьѣ—какъ и въ несчастьѣ—онъ оказался вѣрнымъ товарищемъ и не позабылъ Викофа, съ которымъ такъ долго дѣлилъ лишенія и горести. Помочь ему какъ-нибудь существенно онъ не могъ, но благодаря полученному доллару онъ могъ, по крайней мѣрѣ, накормить его на прощанье, что и сдѣлалъ въ ближайшемъ ресторанѣ.

А черезъ нѣсколько дней наступилъ чередъ и Викофа. Онъ тоже нашелъ работу,—на фабрикѣ земледѣльческихъ машинъ—въ качествѣ нагрузщика и вообще рабочаго на всѣ руки, съ жалованіемъ въ $1^1/_2$ доллара въ день. Первою его заботою было обезпечить себѣ квартиру съ полнымъ пансіономъ,—съ такимъ ужасомъ думалъ онъ о шатаніи по улицамъ и о ночлегѣ въ пріютѣ. Это удалось ему безъ труда. Достаточно было сказать хозяйкѣ намѣченнаго пансіона, что онъ получилъ работу на сосѣдней фабрикѣ, чтобы она тотчасъ же приняла его въ число своихъ столовниковъ и накормила вкуснымъ домашнимъ обѣдомъ.

Читатель легко представитъ себѣ, съ какимъ чувствомъ глубокаго удовлетворенія возвращался Викофъ въ первый день съ работъ *къ себѣ* на квартиру, съ какимъ наслажденіемъ умылся онъ *въ своей* комнатѣ, поужиналъ въ компаніи своихъ новыхъ сожителей, провелъ вечеръ въ общемъ салонѣ, играя съ хозяйскими дѣтьми и мирно бесѣдуя съ другими квартирантами, и, наконецъ, заснулъ въ чистой и удобной постелѣ. Сознаніе, что онъ имѣетъ постоянную работу, свой уголъ, нѣчто даже въ родѣ домашняго очага, доставляло ему настоящее блаженство. Къ тому же и пансіонъ выдался ему очень хорошій. Хозяева были люди простые, честные и внимательные къ своимъ постояльцамъ. Постояльцы--всѣ безъ исключенія принадлежали къ числу рабочихъ той же фабрики, и хотя по своему положенію въ рабочей іерархіи всѣ они стояли гораздо выше Викофа, они приняли его въ свою среду—вполнѣ по товарищески и съ врожденнымъ джентельменствомъ старались не показывать ему своего превосходства. На самой фабрикѣ Викофъ тоже чувствовалъ себя очень не дурно. Работа его не тяготила и давала ему возможность значительно пополнить запасъ своихъ наблюденій надъ жизнью рабочихъ.

Здѣсь онъ, между прочимъ, впервые познакомился на практикѣ съ системою поштучной платы и нашелъ, что она совсѣмъ не заслуживаетъ тѣхъ обвиненій, которыя приходилось ему встрѣчать въ иныхъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ. По его мнѣнію она вноситъ въ работу элементъ интереса, котораго такъ недостаетъ труду чернорабочихъ, и, обезпечивая ему извѣстный *minimum* заработка, въ то же время позволяетъ ему до извѣстной степени проявлять свою иниціативу и самому устанавливать напряженность своего труда. Но, рядомъ съ этимъ, она не нарушаетъ общихъ интересовъ рабочихъ, не покровительствуетъ сильнымъ противъ слабыхъ и не служитъ въ рукахъ хозяина средствомъ повысить интензив-

ность труда безъ повышенія заработка. Все это, конечно, имѣло бы мѣсто, если бы не молчаливое—несомнѣнное, хотя и неуловимое соглашеніе всѣхъ рабочихъ не устанавливало бы во всѣхъ отрасляхъ труда максимальнаго предѣла напряженности, переходить который не разрѣшалось никому подъ страхомъ общаго осужденія. Этотъ молчаливый контроль парализовалъ потенціальное зло, таящееся въ системѣ поштучной работы, сохраняя заключающееся въ ней добро.

Другая сторона крупнаго фабричнаго производства, останавливавшая на себѣ вниманіе Викофа, была удивительная цѣлесообразность въ устройствѣ фабрики, въ организаціи работъ и управленіи ими въ видахъ возможно большей производительности труда и возможно меньшихъ расходовъ по эксплуатаціи. Все было на диво прилажено одно къ другому; нигдѣ нельзя было замѣтить ни сучка, ни задоринки: машины—самыя усовершенствованныя, комнаты—просторныя, свѣтлыя, прекрасно вентилируемыя и отопляемыя,—именно такія, въ которыхъ рабочіе должны чувствовать себя бодро и не жалѣть усилій; административный персоналъ—замѣчательно дѣятельный, внимательный и ловкій, умѣющій утилизировать всѣ способности, отличать и выдвигать всѣ таланты, награждать всѣ заслуги; наконецъ, сами рабочіе—почти сплошь представители квалифицированнаго труда—опытные, умѣлые, не лишенные извѣстнаго образованія и довольно значительной внѣшней культурности, дорожащіе своимъ положеніемъ, но въ еще большей степени цѣнящіе свое личное достоинство и успѣхъ своего союза. Однимъ словомъ это былъ поражавшій своимъ совершенствомъ организмъ, несмотря на то, что онъ состоялъ изъ столь различныхъ и даже враждебныхъ между собою элементовъ. Только теперь, наблюдая его въ дѣйствіи, Викофъ началъ понимать, какимъ могучимъ факторомъ увеличенія производительности человѣческаго труда является система капиталистическаго хозяйства, и какія прогрессивныя потенціальности скрываетъ она въ себѣ, несмотря—или, быть можетъ, благодаря ей—на ту ожесточенную и безпрерывную борьбу за существованіе, которую она порождаетъ въ нѣдрахъ современнаго общества.

Проработавъ на фабрикѣ $7^1/_2$ недѣль и близко ознакомившись за это время со всѣми сторонами ея жизни, Викофъ нашелъ, что надо было перемѣнить поле своихъ наблюденій, и взялъ разсчетъ, хотя, проработай онъ еще немного, его навѣрное повысили бы въ рангъ «искусныхъ рабочихъ». Несмотря на то, что въ теченіе этихъ безъ малаго двухъ мѣсяцевъ онъ не только жилъ въ приличномъ пансіонѣ, но и привелъ въ порядокъ свой гардеробъ, при уходѣ съ фабрики онъ имѣлъ чистыхъ $17^1/_2$ долларовъ въ карманѣ.

Онъ снова былъ безъ работы и пробылъ въ этомъ положеніи около 3 недѣль, но какъ различно чувствовалъ онъ себя теперь сравнительно съ первымъ временемъ пребыванія его въ Чикаго! Сбереженные $17^1/_2$ долларовъ позволяли ему имѣть квартиру, каждый день обѣдать и ужинать и не

спѣша, исподволь и съ разборомъ, подыскивать себѣ подходящую работу. Да и время теперь было совсѣмъ другое. Наступала весна, и вмѣстѣ съ оживленіемъ природы оживалъ и міръ труда, въ которомъ вращался Викофъ. Онъ чувствовалъ себя какъ бы по окончаніи долгой опустошительной войны. Съ каждымъ днемъ возникали новыя предложенія работы,—особенно въ провинціи—цѣна на рабочія руки поднималась, и посредническія бюро проявляли лихорадочную дѣятельность. Конечно, эта перемѣна не рѣшала окончательно вопроса о безработныхъ. Одни изъ нихъ—бродяги по призванію—сами уклонялись отъ работы, предпочитая итти бродяжничать по деревнямъ и фермамъ, или попрошайничать и нищенствовать въ городахъ. Съ этимъ типомъ окончательно деморализованнаго и падшаго бродяги Викофъ близко познакомился во время своихъ ночевокъ въ участковомъ пріютѣ. Другіе же такъ ослабѣли и отощали отъ зимнихъ лишеній, что теперь, когда имъ чуть не на всякомъ шагу предлагали работу, оказывались физически неспособными на нее.

Викофу не разъ случалось натыкаться на такіе случаи. Одинъ изъ нихъ произвелъ на него особенно сильное впечатлѣніе. Рабочій—Викофъ немного зналъ его: это былъ русскій еврей, всю зиму работавшій по 16 часовъ въ сутки у sweater'a и едва кормившій семью своимъ грошовымъ заработкомъ—просилъ работы у жирнаго, здороваго босса. Боссъ нуждался въ рабочихъ и, несмотря на тщедушный видъ еврея, совсѣмъ было согласился взять его къ себѣ. Но въ послѣдній моментъ онъ нѣсколько внимательнѣе взглянулъ на просительно поднятое къ нему изможденное, жалкое лицо и заколебался. «А покажите ка свою руку»?—сказалъ онъ вдругъ. Рабочій засучилъ рукавъ оборванной рубахи, и взору зрителей открылась худая, какъ плеть, изсиня-блѣдная рука, безъ малѣйшихъ признаковъ мускуловъ,—что называется: кожа да кости. Жалко было смотрѣть, какъ несчастный старался напречь свой biceps и придать рукѣ сколько-нибудь приличный видъ. Боссъ грубо расхохотался, и бѣдняга покорно пошелъ прочь, съ такимъ отчаяніемъ въ глазахъ, какого не передать словами.

Но всякій, кто былъ хоть на что-нибудь годенъ, могъ безъ труда найти себѣ работу не только въ провинціи, но даже въ самомъ Чикаго. Нашъ герой нашелъ себѣ таковую на выставкѣ, въ качествѣ, опять-таки, чернорабочаго. Здѣсь онъ снова столкнулся съ тѣми же условіями, съ какими онъ познакомился на первыхъ же шагахъ своей рабочей карьеры, при сломкѣ старыхъ академическихъ зданій въ Вестъ-Пойнтѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, главный контингентъ рабочихъ принадлежалъ къ различнымъ категоріямъ простаго, чернаго труда—землекопамъ, носильщикамъ и т. п., и эта однородность рабочаго состава одинаково отражалась на организаціи и ходѣ работъ. Онѣ страдали тѣми же недостатками, какъ и тѣ, на которыхъ мы подробно останавливались раньше, съ тою лишь разницею, что здѣсь онѣ были

болѣе значительны и болѣе бросались въ глаза уже по одному тому, что дѣло велось въ гораздо большемъ масштабѣ и присмотръ за рабочими, по самому характеру мѣста и работъ, былъ гораздо затруднительнѣе. Тоже, что такъ удивляло его на первыхъ порахъ въ Вестъ-Пойнтѣ, еще болѣе поражало его здѣсь,—особенно послѣ всего того, что онъ лишь мѣсяцъ тому назадъ могъ наблюдать на фабрикѣ: тотъ же индиферентизмъ; то же отсутствіе какого бы то ни было интереса къ своей работѣ и еще менѣе—чувства отвѣтственности за нее; тотъ же рабскій характеръ труда со всѣми его неизбѣжными послѣдствіями; вѣчное «отлыниваніе» отъ работы, съ одной стороны, и грубый мелочной присмотръ съ другой; слабая, сравнительно, производительность труда; безцѣльная порча орудій и матеріаловъ; громадные непроизводительные расходы; отсутствіе какой бы то ни было нравственной связи между рабочими и администраціею, отношенія которыхъ подъ часъ напоминаютъ собою отношенія между школьниками и нелюбимымъ учителемъ; трудность выдѣлиться изъ общей массы, быть отличеннымъ и повышеннымъ, отсюда безнадежное отношеніе къ своей профессіональной будущности и дѣтская непредусмотрительность, расточительность и пьянство въ личной жизни.

Несмотря на то, что такую же въ сущности картину приходилось наблюдать Викофу всюду, гдѣ только преобладаютъ чернорабочіе, онъ никакъ не могъ заглушить въ своей душѣ благовоспитаннаго джентльмена—инстинктивнаго протеста противъ нея. Временами, даже, этотъ протестъ невольно проявлялся въ его поведеніи, не приводя, впрочемъ, ни къ какимъ практическимъ результатамъ уже по одному тому, что въ своей работѣ онъ былъ тѣсно связанъ съ своими товарищами по артели. Онъ не могъ самостоятельно ни ускорить темпъ работы, ни повысить ея качество. Всякая попытка его въ этомъ направленіи неизбѣжно разбивалась о равнодушную апатію другихъ, вызывая съ ихъ стороны то грубую ругань, то добродушную насмѣшку: «Полегче, полегче, Джонъ,—говорили ему въ такихъ случаяхъ,—что ты спѣшишь, какъ на пожаръ? Уймись...»—и честный Джонъ долженъ былъ униматься и невольно примиряться, «ради товарищества», съ непріятнымъ сознаніемъ, что онъ лѣнтяй и школьникъ.

Познакомившись съ работами на выставкѣ, Викофъ счелъ себя вправѣ отдаться чувству, которое тянуло его вонъ изъ Чикаго на лоно возрождавшейся природы, и взялъ разсчетъ. Прежде, однако, чѣмъ пуститься въ поиски работы по фермамъ, онъ соблазнился случаемъ посѣтить Минеаполисъ, въ которомъ какъ разъ въ это время происходило собраніе національной республиканской конвенціи. На эту затѣю онъ истратилъ почти всѣ свои сбереженія, но время на фермахъ было горячее, онъ не боялся надолго остаться безъ работы. Эта увѣренность еще болѣе возрасла послѣ бесѣды съ однимъ мѣстнымъ докторомъ, который какъ-то предложилъ подвезти его въ своемъ кабріолетѣ.

— Вы разсказываете мнѣ,—говорилъ онъ ему между прочимъ,— объ арміи безработныхъ въ Чикаго, и я охотно вѣрю вамъ, зная, что наша современная цивилизація есть по преимуществу городская цивилизація, что ея развитіе создаетъ крупные городскіе центры съ переполненными рабочими рынками и всѣми, создаваемыми такимъ положеніемъ вещей, ужасами... Но знаете ли вы, что параллельно съ этимъ у насъ здѣсь въ сельской жизни ощущается хроническій недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, недостатокъ настолько большой, что лишь въ двухъ, трехъ смежныхъ графствахъ мы могли бы легко найти занятіе по меньшей мѣрѣ еще для 50.000 рабочихъ... И не думайте, что это только теперь, въ горячій сезонъ весеннихъ и лѣтнихъ работъ!.. Конечно, теперь спросъ на трудъ особенно силенъ, настолько силенъ, что самый плохой рабочій можетъ разсчитывать на 1 долларъ въ день на всемъ готовомъ; хорошій же, опытный рабочій у всякаго фермера получитъ $2^1/_2$—3 доллара въ день, но трудность найти подходящихъ рабочихъ въ надлежащій моментъ дѣлаетъ то, что наши фермеры предпочли бы держать постоянныхъ годовыхъ рабочихъ, съ платою по 20 долларовъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ, даже при томъ условіи, что втеченіе 4 зимнихъ мѣсяцевъ, имъ почти ничего не придется дѣлать... А о теперешнемъ сезонѣ и говорить нечего... Наши фермеры— вы это скоро увидите сами—готовы чуть не драться изъ-за вашего брата!..

И дѣйствительно, чуть не на каждомъ шагу Викофу дѣлали предложенія, одно выгоднѣе другого. Онъ могъ не спѣшить и наслаждаться отдыхомъ, пока не истратилъ послѣдняго гроша. Только истративъ его, онъ принялъ предложеніе одного фермера, нѣкоего Бартона, предваривъ его, однако, что не останется у него дольше недѣли. Недѣля прошла быстро и оставила по себѣ самыя пріятныя впечатлѣнія. Викофъ сразу сблизился съ семьей хозяина, вошелъ въ нее, какъ въ свою, и могъ бы остаться въ ней навсегда на самыхъ выгодныхъ, съ точки зрѣнія рабочаго—условіяхъ.

Дальнѣйшія приключенія нашего героя могутъ быть разсказаны въ короткихъ словахъ. Покинувъ гостепріимную ферму Бартона, онъ продолжалъ свой путь на западъ ускореннымъ шагомъ, задерживаясь для работы лишь тогда, когда оказывалось необходимымъ пополнять истощенный кошелекъ. Ему не приходилось болѣе испытывать сколько-нибудь серьезныхъ лишеній, потому что недостатка въ работѣ не было нигдѣ. Нерѣдко ему случалось находить работу, которая обѣщала ему выгодное и постоянное занятіе; иногда же передъ нимъ возникали даже перспективы обогащенія. Страна, по которой онъ шелъ—преимущественно земледѣльческая—производила на него впечатлѣніе богатой рессурсами и съ блестящимъ будущимъ. Встрѣчался онъ, конечно, съ случаями страданій и нищеты, причиненными болѣзнью, несчастіемъ или, наконецъ, пьянствомъ и лѣнью, съ примѣрами грубости и дико-

сти; съ выраженіями недовольства своимъ положеніемъ, даже со стороны фермеровъ, но какъ мало походило все это на ту безпомощность, которая придаетъ городской нищетѣ ея характеръ отчаянности и безвыходности, и выливаетъ городское недовольство въ форму преступленій!.. Проходилъ онъ, конечно, и черезъ города съ переполненнымъ рабочимъ рынкомъ, но увѣренность, что тутъ же рядомъ раскинуты тысячи фермъ, нуждающихся въ рабочихъ рукахъ, смягчала производимое ими впечатлѣніе. Чѣмъ дальше шелъ онъ, чѣмъ на большемъ пространствѣ знакомился онъ съ этою страною, тѣмъ болѣе проникался онъ къ ней любовью и уваженіемъ, тѣмъ неисчерпаемѣе казались ему ея природныя богатства, тѣмъ большими энергія, предпріимчивость и интеллигентность ея населенія, тѣмъ несомнѣннѣе ея настоящее величіе и ея славное будущее.

Пройдя эту полосу, Викофъ отклонился нѣсколько на югъ, познакомился съ своеобразною жизнью пограничныхъ мексиканскихъ ранчо, перевалилъ скалистыя горы, спустился въ благословенную Калифорнію, съ ея апельсинными и лимонными рощами и, наконецъ, добрался до береговъ Тихаго океана, гдѣ должно было окончиться его предпріятіе. И чѣмъ дальше подвигался онъ на западъ, тѣмъ болѣе простора и довольства замѣчалось кругомъ, тѣмъ легче можно было находить работу, тѣмъ лучше эта работа оплачивалась—даже ему, чернорабочему, удавалось получать до $2^1/_2$ доллара въ день,—тѣмъ разнообразнѣе, колоритнѣе и интереснѣе казалась ему жизнь. Съ того ранняго утра, когда онъ покинулъ, съ котомкою за плечами, роскошную виллу на берегу Атлантическаго океана, до момента, когда передъ его глазами открылась водная гладь Тихаго океана, прошло $1^1/_2$ года. Сколько разъ за это время, когда онъ сгибался подъ непосильнымъ трудомъ, или, еще хуже, когда онъ совсѣмъ не имѣлъ работы, и матеріальныя условія существованія становились окончательно невыносимыми, онъ проклиналъ свою затѣю и съ нетерпѣніемъ призывалъ ея конецъ,—и вотъ этотъ конецъ пришелъ, а онъ, странно сказать, не чувствовалъ въ душѣ ни малѣйшаго облегченія. Напротивъ, ему было какъ-то не по себѣ, не то грустно, не то стыдно. Возвратъ къ прежнему, нормальному для него, существованію его не радовалъ. Разрывъ съ настоящимъ, которое открыло ему такъ много новаго и важнаго, благодаря которому онъ такъ близко сроднился съ интимною жизнью своего народа и своей страны, вызывалъ въ немъ чувства тоски и сожалѣнія.

«Быть можетъ,—говоритъ онъ, заканчивая свою книгу, и этими же словами закончимъ мы нашу статью,—я обошелъ ее (страну) безъ опредѣленнаго плана и ясно поставленной цѣли, но мой опытъ не пропалъ для меня даромъ. Поставивъ меня лицомъ къ лицу съ настоящею жизнью, окунувъ меня въ наполняющую ее борьбу людей за существованіе, онъ далъ мнѣ совершенно новое пониманіе всего окружающаго. Еще болѣе далъ онъ мнѣ познать мою родину, и я съ какимъ-то свя-

щеннымъ трепетомъ думаю теперь о ея безграничныхъ пространствахъ и о быстротѣ, съ какою эти, недавно еще дикія, пространства, призываются къ плодотворной и культурной жизни. Но болѣе всего укрѣпило мою національную гордость соприкосновеніе съ народною массою. Мѣстныя условія, вторженіе въ страну громадныхъ массъ не ассимилированныхъ еще иностранныхъ элементовъ, слишкомъ быстрыя перемѣны въ области экономическихъ отношеній, наконецъ, индивидуальныя отклоненія и слабости являются причиною ужасныхъ язвъ на нашемъ политическомъ организмѣ; рядомъ съ этимъ быстро растетъ могущество концентрированнаго капитала, сословная рознь и классовая вражда. И тѣмъ не менѣе, подъ этою внѣшнею оболочкою противорѣчивыхъ событій и теченій нельзя не видѣть единой великой націи, цементированной моремъ пролитой за нее крови; нельзя не видѣть народа интеллигентнаго, находчиваго, энергичнаго и полнаго жизни. Онъ многому еще долженъ научиться, но онъ ни сидитъ, сложа руки, и учится, въ тоже время, какъ живетъ. Онъ съ изумительною быстротою ассимилируетъ пришлые элементы и въ результатѣ этого процесса лишь здоровѣетъ; онъ работаетъ съ напряженною энергіею и въ награду получаетъ довольство и процвѣтаніе; онъ не знаетъ, что такое пораженіе, не понимаетъ, что такое страхъ, и съ каждымъ годомъ въ немъ растетъ и крѣпнетъ національное сознаніе и предвидѣніе великаго будущаго»...

Эти заключительныя строки покажутся, быть можетъ, читателю не совсѣмъ умѣстными въ устахъ человѣка, который только что съ такимъ патетическимъ краснорѣчіемъ описывалъ намъ ужасы безработнаго существованія на улицахъ и въ участковыхъ пріютахъ Чикаго. Не надо, однако, забывать, что они относятся не столько къ настоящему—притомъ американскому настоящему—сколько къ будущему. При всемъ своемъ оптимизмѣ авторъ далеко не принадлежитъ къ числу Панглоссовъ, для которыхъ все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Онъ видитъ язвы настоящаго не хуже насъ съ вами, но въ то же время онъ глубоко вѣритъ, что эти язвы исцѣлимы, что онѣ залечатся и зарубцуются въ процессѣ жизни и развитія. И благо ему,—скажемъ мы,—потому что трудно жить безъ такой вѣры и еще труднѣе—работать на благо и пользу человѣчества.

И. К—въ.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

(*Продолженіе* *).

Глава XXXIII.

Сѣверные туманы.

Немного жестоко перенести читателя отъ розъ, яркаго солнца и чистаго синяго неба въ сторону тумановъ, холода и грязи,—это необходимо. Я не долженъ терять изъ виду главную свою героиню.

Въ пасмурные декабрьскіе дни Борроунессъ казался еще скучнѣе обыкновеннаго, но въ «магазинѣ» миссъ Симпсонъ кипѣла жизнь. Торговля шла бойко. Изъ Лондона прибыло еще нѣсколько ящиковъ съ товаромъ, и странствующій торговецъ уже не забавлялъ своихъ кліентовъ разсказами о томъ, какъ миссъ Симпсонъ хозяйничаетъ въ своемъ магазинѣ. Мало того, онъ чувствовалъ сильное искушеніе предложить руку и сердце хорошенькой и ловкой помощницѣ миссъ Симпсонъ. Еслибъ не его блестящіе виды на будущее и не боязнь оскорбить чувства своихъ родныхъ, онъ бы такъ и сдѣлалъ. Имѣть жену, которая кое-что смыслитъ въ твоемъ дѣлѣ, выгодно во многихъ отношеніяхъ; а вѣдь ей, бѣдняжкѣ, не легко будетъ найти себѣ мужа въ Борроунессѣ. У нея, очевидно, была какая-то сердечная исторія; можетъ-быть, ее бросилъ женихъ—иначе зачѣмъ бы ей селиться въ такой глуши? Съ ея наружностью, манерами и умѣньемъ считать, она вездѣ нашла бы мѣсто.

Къ счастью, Мона не подозрѣвала, какой соблазнительный фруктъ качался на вѣткѣ надъ самой ея головой. Правда, во время посѣщеній торговца ей довольно трудно было заставить его говорить только о дѣлѣ, но при ея маломъ знакомствѣ съ сильнымъ поломъ это не казалось ей особенно страннымъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

Она отъ души радовалась успѣху магазина и еще больше радовалась тому, что ея кліентки понемногу привыкали совѣтоваться съ ней обо всѣхъ своихъ дѣлахъ. «Теперь у меня двѣ профессіи,—писала она Дорисъ,—я помощница миссъ Симпсонъ и въ то же время какой-то третейскій судья, къ которому женщины и дѣвушки обращаются за совѣтомъ при покупкѣ новыхъ вещей и передѣлкѣ старыхъ. «Вещи»—терминъ, довольно неясный, его можно толковать очень широко, и въ данномъ случаѣ подъ нимъ разумѣются не только платья, шляпы и мебель, но и мужья.»

Рэчель не особенно одобряла этотъ новый видъ практики, отнимавшій много времени и совсѣмъ не вознаграждавшійся. Еслибъ еще Мона наставляла своихъ кліентовъ въ «добродѣтели и религіи», а то толкуютъ о разныхъ домашнихъ пустякахъ—стоитъ того дѣло!

Къ Матильдѣ Куксонъ она относилась милостивѣе, чѣмъ къ другимъ, но зато не могла надивиться непослѣдовательности Моны.

— Стоило Куксонамъ приласкать васъ, и вы раболѣпствуете передъ ними, какъ и всѣ прочіе! — вырвалось у нея какъ-то подъ сердитую руку.

Мона не могла смирить себя настолько, чтобы отвѣтить шуткой, и потому вынуждена была промолчать, хотя это было очень непріятно и шло въ разрѣзъ съ ея правилами.

Матильда оставалась вѣрна своему идолу и свято хранила его тайну. Въ этотъ періодъ времени она представляла собой весьма интересный объектъ наблюденій для психолога. Всѣ ея взгляды и мнѣнія можно было съ перваго же взгляда раздѣлить на двѣ категоріи: ея собственные и заимствованные у Моны. Первые она высказывала осторожно и застѣнчиво; вторые бросала въ лицо всѣмъ и каждому, безаппеляціоннымъ тономъ, не допускавшимъ возраженій и тѣмъ болѣе непріятнымъ, что самые взгляды нерѣдко поражали новизной. Матильда съ гордостью повторяла своимъ знакомымъ смѣлыя и оригинальныя замѣчанія Моны; когда ей случалось высказать собственную незрѣлую и робкую мысль, она запиналась и краснѣла. Благодаря первымъ, за ней скоро установилась незаслуженная репутація «умницы»; вторыми особенно дорожила Мона. Нетрудно подкидывать дрова, когда костеръ уже пылаетъ; но вызвать первую искру священнаго огня въ душѣ ближняго, оберегать ее, слѣдить за тѣмъ, какъ она разгорается въ пламя—ради этого стоитъ жить.

У Моны была еще *protegée*, о которой Рэчель избѣгала упоминать,—блѣдная дѣвушка, упавшая въ обморокъ на вечерѣ въ часовнѣ. Мона заинтересовалась своей паціенткой, прописала ей мышьякъ и овощи, и больная быстро поправлялась.

— Бывало, она пока на лѣстницу взойдетъ, такъ два раза присядетъ,—хвасталась ея бабушка Рэчели,—а теперь бѣгомъ бѣжитъ, словно кошка на дерево.

Рэчель, конечно, остереглась повторить это замѣчаніе Монѣ, боясь, что успѣшный результатъ лѣченія укрѣпитъ дѣвушку въ намѣреніи заниматься медициной, отъ котораго, какъ втайнѣ надѣялась Рэчель, она отказалась навсегда. Добрая женщина просто ужаснулась, увидавъ рецептъ, подписанный Моной. Совсѣмъ настоящій рецептъ,—какъ у доктора Бёрнса! Когда женщина дошла до того, что выучилась писать рецепты, развѣ ее убѣдишь, что она не можетъ быть докторомъ? А доктора-то что же дѣлаютъ? тѣ же рецепты пишутъ. Оставалась одна надежда—на м-ра Броуна, и Рэчель рѣшила пригласить его съ сестрами къ себѣ на чай.

Изученіе *Musci*, *Algae* и *Fungi* пока еще не дало особенно утѣшительныхъ результатовъ. Устроилась одна восхитительная прогулка по скаламъ и прудамъ, но повторить ее не удалось. Предположеній было много, но ничего изъ этого не вышло. Одинъ разъ миссъ Броунъ захворала и ей запретили выходить; въ другой не могла участвовать въ прогулкѣ, такъ какъ ей необходимо было навѣстить больную тетку; въ третій—просто дождь помѣшалъ.

Придя къ такому героическому рѣшенію, Рэчель тотчасъ же принялась дѣйствовать. Въ одно прекрасное утро она сказала Монѣ:

— Душа моя, если вы сегодня пойдете въ Киркстоунъ, зайдите пожалуйста, къ Дональду и закажите печенье и сладкій пирогъ. Завтра я пригласила на чай м-ра Броуна и его сестеръ.

Мона чуть не выронила коробки съ лентами, которую держала въ рукахъ.

— Кузиночка, да вѣдь онѣ не бываютъ у васъ?

— Ну, не бываютъ,—такъ что-жъ изъ того? надо же когда-нибудь начать. Вѣдь онѣ же угощали насъ чаемъ.

— Я обѣщала м-рсъ Юингъ завтра вечеромъ акомпанировать хору на спѣвкѣ.

— Нѣтъ, это ужъ изъ рукъ вонъ! Она просто эксплуатируетъ васъ.

— Не забудьте, что за это она позволяетъ мнѣ играть самой, сколько душѣ угодно, а это для меня истинное наслажденіе.

— Да польза-то въ этомъ какая? Вѣдь вы не можете взять съ собой въ гости органъ?

— Что правда, то правда, — разсмѣялась Мона, — это несомнѣнно эгоистическое удовольствіе... Хорошо, я закажу пирогъ у Дональда.

— Скажите ему, что печенье я возьму во всякомъ случаѣ, но пирогъ только въ томъ случаѣ, если придутъ мои гости.

— Такъ онѣ еще не дали вамъ знать, что придутъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ нечего и безпокоиться, — подумала Мона,—онѣ навѣрное пришлютъ отказъ.

Но и это было ей непріятно. Съ какой стати было приглашать только для того, чтобы нарваться на отказъ?

А отказъ и очень сухой, пришелъ въ тотъ же вечеръ:—миссъ Броунъ сожалѣли, что не могутъ быть, но не сочли нужнымъ объяснить, почему онѣ не могутъ.

Рэчель очень разсердилась, но не отказалась отъ своего плана. Одинъ козырь убитъ, но у нея на рукахъ еще тузъ и король. Король — это Монино «чудачество», а тузъ — самъ м-ръ Броунъ. За первымъ ящикомъ съ растеніями послѣдовали другіе, и теперь Рэчель радовалась имъ гораздо больше самой Моны. За м-ра Броуна безпокоиться нечего: его намѣренія ясны; а Мона...—Рэчель не допускала мысли, что Мона можетъ быть настолько слѣпа и равнодушна къ своей собственной участи, чтобы встать на сторону миссъ Броунъ.

Глава XXXIV.

Algae и Fungi.

— Душа моя!—вскричала Рэчель, вбѣгая въ лавку и еле переводя духъ отъ волненія.—У меня чудесная новость для васъ. Миссъ Бонтронъ просятъ, чтобъ вы помогли имъ устроить кіоскъ для базара! Онѣ очарованы вашимъ обхожденіемъ и думаютъ, что вы будете имъ несравненно полезнѣе, чѣмъ расфуфыренныя барышни, которыя жаждутъ однихъ развлеченій и не въ состояніи сообразить, сколько останется, если изъ фунта вычесть три съ половиною шиллинга. Ну само собой и поторговать вамъ придется. Я сказала, что вы будете въ восторгѣ. Онѣ еще спрашивали, неужели вы до сихъ поръ не присоединились къ нашей, баптистской церкви.

Мона низко наклонилась надъ счетной книгой и долго не отвѣчала. Первой мыслью ея было отказаться наотрѣзъ; второй—согласиться, высказавъ напрямикъ, что это дѣлается противъ воли; третьей и послѣдней—принять безъ возраженій. Еслибъ ей суждено было всю жизнь жить у кузины,—дѣло другое; но вѣдь до срока остается меньше трехъ мѣсяцевъ. Въ эти послѣдніе мѣсяцы надо избѣгать всякаго повода къ неудовольствію.

— Я увѣрена, что совсѣмъ не гожусь для базара,—возразила она спокойно,—но, если вы уже дали слово Бонтронамъ, мнѣ кажется, тутъ и разговаривать не о чемъ.

— О, я увѣрена, что все сойдетъ отлично. У васъ на это врожденный талантъ. А удовольствіе-то какое! Я думаю, сколько барышенъ позавидуютъ вамъ! Угощеніе, обѣдъ, завтракъ—все даромъ, и еще билетъ для входа на балъ.

— Ну, на балъ я не собираюсь.

— Что за вздоръ, дѣточка! неужели же вы останетесь дома, имѣя даровой билетъ! Я и то думаю, не пойти ли мнѣ, чтобъ вамъ одной не было неловко. Любопытно взглянуть на все это великолѣпіе, да и

моему зеленому шелковому платью нехудо провѣтриться; мнѣ не часто представляется случай надѣть его.

И опять, какъ въ первый вечеръ въ Борроунессѣ, эта женщина своей сердечностью взяла приступомъ сердце Моны, и ласковый отвѣтъ самъ собой сорвался съ ея устъ.

Зато послѣ обѣда она сочла себя вправѣ пойти пить чай къ тетѣ Белль, и Рэчель не стала ей перечить.

— Не можете-ли вы, проходя черезъ Кильвинни, исполнить для меня маленькое порученіе?

— Съ удовольствіемъ.

— Зайдите къ м-ру Броуну и спросите, есть-ли у него еще та зеленая лента, которую я брала на шляпку въ прошломъ году. Завязки совсѣмъ износились. Я думаю, полтора аршина будетъ достаточно, я вамъ дамъ образчикъ.

Монѣ было бы несравненно пріятнѣе купить ленту въ какомъ-нибудь другомъ магазинѣ, но она уже обѣщала и отступать было поздно.

Проходя по главной улицѣ Кильвинни, Мона замѣтила въ окнѣ верхняго этажа лицо одной изъ трехъ сестеръ Броунъ, поклонилась и вошла въ лавку. М-ръ Броунъ былъ занятъ съ другимъ покупателемъ, и Мона обратилась къ приказчику, очень довольная, что ей удалось ускользнуть отъ разговора. Но она ошиблась. М-ръ Броунъ мгновенно передалъ своего кліента приказчику, а самъ подошелъ къ ней, весь сіяя отъ радостной неожиданности. У него, какъ у вѣрныхъ собакъ, бывали минуты, когда глаза его болѣе чѣмъ искупали его неумѣніе говорить.

— Какъ здоровье миссъ Симпсонъ?—спросилъ онъ, находя это самымъ подходящимъ началомъ для разговора.

— Благодарю васъ, она здорова.—И Мона объяснила, что ей нужно, и вздохнула свободнѣе, заслышавъ на лѣстницѣ шаги одной изъ миссъ Броунъ.

— Не зайдете-ли вы къ намъ отдохнуть минутку, миссъ Маклинъ, мы какъ разъ теперь пьемъ чай. Нѣтъ, нѣтъ, Филиппъ, тебя намъ ненужно. Мужчинамъ не годится пить чай послѣ обѣда.

Мона не сумѣла бы объяснить, что заставило ее принять приглашеніе. Ей безспорно не хотѣлось итти, но ее слишкомъ тяготилъ краснорѣчивый взглядъ этихъ карихъ глазъ, и она рада была спастись отъ него какой угодно цѣной.

У м-ра Броуна вытянулось лицо, потомъ опять просвѣтлѣло.

— Быть можетъ, вы сговоритесь, когда назначить вторую прогулку.

Мона прошла вслѣдъ за миссъ Броунъ по узенькой темной лѣсенкѣ въ уютную гостиную. Хозяйки встрѣтили гостью очень радушно и приложили всѣ старанія, чтобы занять ее разговоромъ, не отличавшимся

ни остроуміемъ, ни глубиной. Постепенно они свели рѣчь на охоту за женихами.

— Да вотъ, скажите по совѣсти, какъ вамъ кажется, миссъ Маклинъ, можно назвать моего брата интереснымъ мужчиной?

Мона, захваченная врасплохъ, отвѣтила вполнѣ искренно:

— Я никогда не думала о немъ въ этомъ смыслѣ.

— Ну вотъ, видите, онъ совсѣмъ не изъ тѣхъ людей, которые женятся. Это, казалось-бы, всякому ясно, а между тѣмъ вы не повѣрите, сколько женщинъ всячески стараются поймать его въ свои сѣти. У другого-бы голова закружилась отъ всѣхъ этихъ ухаживаній, а ему хоть-бы что—онъ и не замѣчаетъ. Зато мы потѣшаемся.

— И вотъ подите же,—подхватила другая сестра,—умный вѣдь человѣкъ, а съ женщинами точно дурачекъ,—право! Онъ говоритъ съ ними все равно, какъ съ мужчинами, а онѣ этимъ пользуются, и вѣчно онъ оказывается въ смѣшномъ положеніи.

— Мы сколько разъ ему говорили, что это просто глупо,—сказала третья,—пора бы ему уже выучиться самому беречь себя.

Мона вся поблѣднѣла, но отвѣтила спокойнымъ голосомъ:

— Когда вы спросили, считаю-ли я м-ра Броуна интереснымъ мужчиной, мнѣ въ первую минуту хотѣлось отвѣтить: нѣтъ. Но послѣ того, что вы сказали, у меня сложилось иное мнѣніе. Я нахожу его очень интереснымъ въ томъ отношеніи, что онъ можетъ говорить съ женщиной просто какъ съ человѣкомъ, забывая о различіи половъ. Онъ способенъ понять, что женщина можетъ искать знанія, даже дружбы, а не только мужа. На вашемъ мѣстѣ я бы не сокрушалась объ этомъ и не старалась измѣнить его. Его взгляды могутъ казаться странными здѣсь, но въ культурной средѣ они не такъ ужъ рѣдки.

Послѣднія слова она выговорила мягко, съ улыбкой и съ видомъ спокойнаго достоинства, который сдѣлалъ бы честь самой леди Мунро. Броуны сразу почувствовали себя отодвинутыми на почтительную дистанцію.

Онѣ такъ растерялись, что ни одна не нашлась, что отвѣтить.

— Вы уже уходите?—слабо выговорила старшая, видя, что Мона облеклась въ свою мѣховую пелеринку.—Отчего-бы вамъ не выпить еще чашечку?

— Благодарю васъ, мнѣ пора итти. Я спѣшу къ м-рсъ Иссонъ.

— Она такая чудачка — совсѣмъ простая! — замѣтила одна изъ сестеръ.—Какъ она вамъ приходится,—тоже кузиной?

— Да, и я горжусь этимъ родствомъ.

— А мы и не сговорились насчетъ прогулки,—спохватилась младшая.—Выберите, какой хотите день, на будущей недѣлѣ—мнѣ все равно.

— Благодарю васъ, но этотъ удивительный базаръ поглотилъ всю мою энергію. Боюсь, что нашу прогулку придется отложить на неопредѣленное время.

Мона любезно пожала руки хозяйкамъ и медленно спустилась съ лѣстницы въ сѣни, выходившія прямо на улицу.

— Будь я на пять лѣтъ моложе,—говорила она себѣ,—у меня бы послѣ такого разговора, пожалуй, явилось искушеніе слегка поощрить м-ра Броуна и за тѣмъ...

Но это была неправда: будь Мона даже совсѣмъ молоденькой дѣвушкой, у нея не могло-бы явиться серьезнаго желанія выместить мелочную обиду за счетъ этихъ большихъ печальныхъ глазъ.

М-ръ Броунъ поджидалъ ее и взволнованный бросился къ ней:

— Ну что, назначили день?

— Нѣтъ; боюсь, что я въ теченіе нѣсколькихъ недѣль буду очень занята. Это очень мило съ вашей стороны еще разъ предложить мнѣ свою помощь. Прощайте.

Она не сознавала, насколько измѣнились за послѣднюю четверть часа ея тонъ и манеры, но онъ это сразу почувствовалъ и догадался, что могло произойти наверху.

— Миссъ Маклинъ,—выговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ, сжимая руку, которую она старалась отнять у него,—къ чему намъ третій въ нашихъ прогулкахъ? Пойдемте одни. Хотите, пойдемъ сейчасъ же наверхъ и скажемъ имъ.

— Я и такъ засидѣлась у васъ... надо спѣшить,—прощайте!

И она ушла, даже не обернувшись: она не рѣшалась даже взглянуть на него. Щеки ея пылали, глаза были полны слезъ.

— Какой стыдъ! какой стыдъ!—повторяла она про себя.—Я сама во всемъ виновата! Если-бъ я была осторожнѣе, никогда не дошло-бы до этого!:..

На выручку ей, какъ и всегда, явилась комическая жилка.

— Понятно, душа моя, сказала она себѣ,—изученіе Algae и Fungi—дѣло опасное и можетъ завести насъ дальше, чѣмъ мы предполагаемъ.

Тетя Белль, какъ умная женщина, съ перваго взгляда замѣтила, что съ ея любимицей что-то неладно, но проявила свое участіе только тѣмъ, что поспѣшила заварить свѣжій чай и нарѣзать большими ломтями домашнюю булку.

— Э, да какая же ты сегодня интересная!—говорила она, то вбѣгая, то выбѣгая изъ гостиной.—Ты положительно похорошѣла. Ну, какъ тебѣ живется, нехудо?

— Какъ видите, цвѣту. Рэчель тоже здорова.

— Что ей дѣлается. Она себѣ кровь понапрасну портить не станетъ,—не таковская! Что-жъ вы, ходите еще съ м-ромъ Броуномъ за бабочками?

Мона не ожидала этого вопроса и покраснѣла.

— Нѣтъ, не ходимъ. Погода неподходящая.

— И человѣкъ неподходящій. Онъ хорошій человѣкъ, слова нѣтъ, и, говорятъ, не глупый, знаетъ толкъ въ букашкахъ, въ растеніяхъ и т. д. но для моей дѣвочки онъ не годится. Ты бы не пошла за него, Мона?

— Милая тетя Белль,—сконфуженно засмѣялась Мона,—мнѣ даже въ голову не приходило ничего подобнаго...

Она не прибавила: «пока», но ея лицо говорило достаточно краснорѣчиво.

— Онъ уже дѣлалъ тебѣ предложеніе?

— Нѣтъ, нѣтъ, и никогда не сдѣлаетъ. Неужели мужчина и женщина не могутъ пойти «за бабочками», какъ вы выражаетесь, безъ всякихъ помысловъ о любви и бракѣ?

На лицо тети Белль стоило взглянуть въ эту минуту.

— Н—не знаю,—протянула она,—а что-то мнѣ сомнительно.

— Увѣряю васъ, что м-ръ Броунъ ни разу не заводилъ объ этомъ рѣчи, даже намекомъ.

Тетя Белль зорко поглядѣла на нее сквозь золотыя очки, но Мона выдержала этотъ взглядъ, не краснѣя.

— Ну, не онъ, такъ его сестры,—рѣшила умная старуха.—Какъ только соберусь въ городъ, зайду къ нимъ и распушу ихъ хорошенько.

Сейчасъ же послѣ чаю Мона поднялась, чтобы итти. Дни въ это время года такъ коротки, что ей по необходимости приходилось сокращать свои визиты.

— Ты все-таки намѣрена вернуться домой, въ Лондонъ?

— О да, я не могу остаться дольше.

— А что же будетъ съ лавкой?

— Постараюсь найти на свое мѣсто какую-нибудь толковую дѣвушку.

— И поѣзжай, дѣвочка. Здѣсь тебѣ не мѣсто. Я даже не стану просить тебя, чтобъ ты осталась, хотя мнѣ, старухѣ, будетъ очень тоскливо безъ тебя.

— Милая тетя Белль,—ласково возразила Мона,—вѣдь мы рѣшили, что вы пріѣдете ко мнѣ.

— Я то! Богъ съ тобой, голубка! Гдѣ же мнѣ, старухѣ, пускаться въ такой дальній путь. Я и по желѣзной дорогѣ разучилась ѣздить, не то что на пароходѣ.

Онѣ стояли у открытой двери; мѣсяцъ свѣтилъ прямо въ лицо тетѣ Белль и въ этомъ свѣтѣ ея усталое морщинистое лицо казалось еще старше.

— Тогда поѣдемте вмѣстѣ со мной. Я не умѣю сказать, какъ я буду радоваться и гордиться, если вы захотите жить у меня.

Старческое лицо просіяло.

— Ей Богу, она способна посадить меня въ вагонъ перваго класса и обращаться со мной, какъ съ королевой. М-рсъ Доудсъ, съ сосѣд-

ней фермы, все смѣется надо мной, отчего я никогда не съѣзжу съ дешевымъ поѣздомъ въ Эдинбургъ. Вотъ я ей и похвастаю, что могу поѣхать не то что въ Эдинбургъ, а даже въ Лондонъ, и еще въ первомъ классѣ, со всѣми удобствами!..

Тетя Белль даже въ плясъ пустилась отъ радости, но вдругъ притихла и, напустивъ на себя важный видъ, промолвила:

— Можешь поклониться отъ меня Рэчели и сказать ей, что тетя Белль также бодра, какъ и была.

— Еще-бы! вѣдь вы обѣщали танцовать на моей свадьбѣ,—отозвалась Мона уже на ходу, послала ей воздушный поцѣлуй и легкой, быстрой поступью пошла дальше.

Много она передумала за дорогу и, еще не дойдя домой, пришла къ опредѣленному рѣшенію:

— Сегодня же напишу записочку м-ру Броуну и скажу ему, что жизнь слишкомъ коротка для изученія Algae и Fungi.

Глава XXXV.

Базаръ.

Въ день открытія базара погода стояла теплая, ясная. Въ городѣ царило необычайное оживленіе. Убранству залы недоставало художественной гармоніи; придирчивый критикъ нашелъ-бы въ немъ, пожалуй, разительное сходство съ одѣяломъ изъ кусочковъ, присланнымъ какой-то доброй женщиной въ даръ устроительницамъ и теперь служившимъ мишенью для разныхъ шуточекъ и остротъ;—но мѣстные жители думали иначе. Чтобы полюбоваться базаромъ, они съѣзжались со всѣхъ концовъ графства. И дѣйствительно, зала, вся увѣшанная разноцвѣтными матеріями и гирляндами, имѣла веселый нарядный видъ.

Надъ входной дверью красовалась выложенная изъ остролистника надпись: «Да процвѣтаетъ Киркстоунъ!» На хорахъ гремѣлъ мѣдный оркестръ, очевидно привыкшій играть подъ открытымъ небомъ, но рѣзкіе громкіе звуки были по сердцу обывателямъ и не разстраивали уравновѣшанныхъ нервовъ.

Старѣйшій изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ сэръ Родерикъ Алисонъ изъ Бальнамора объявилъ базаръ открытымъ. Наплывъ посѣтителей былъ такъ великъ, что двигаться можно было только съ трудомъ, Мона была въ началѣ не особенно довольна, что ее заставили принять участіе въ этой «затѣѣ», но потомъ увлеклась ею. Весь день наканунѣ она трудилась въ своемъ кіоскѣ, разставляла, раскладывала, драпировала, и дѣвицы Бонтронъ могли только поздравлять другъ дружку съ удачнымъ выборомъ помощницы. Добрыя старушки застѣнчиво предложили Монѣ снабдить ее подходящимъ костюмомъ;—«Знаете, что-нибудь повеселѣе, посвѣтлѣе, хотя и ваше платьице очень миленькое»...—

но она поблагодарила и отказалась, говоря, что свѣтлыя платья остались въ Лондонѣ и она попроситъ пріятельницу прислать ей, что нужно.

Платье, которое было теперь на Монѣ, тоже не било въ глаза, но очевидно вышло изъ рукъ художницы-портнихи и обращало на себя вниманіе всѣхъ, знавшихъ «помощницу миссъ Симсонъ».

— Я нахожу, что продавщицѣ такъ одѣваться просто смѣшно,— говорила Клоринда Куксонъ своей сестрѣ. — Это страшно мове-тонъ. Сразу видно, что у нея никогда въ жизни не было такого платья. Обрадовалась, что пригласили продавать на базарѣ. Впрочемъ, и то сказать, для нея это—событіе.

Матильда закусила губы и не отвѣтила. Она уже привыкла сдерживаться.

Скоро, однако, у продавщицъ не стало времени думать о тряпкахъ: публика валомъ валила, и все такая, которая приходитъ именно съ цѣлью купить; деньги лились рѣкою. Монѣ приходилось то дѣлать вычисленія за своихъ покровительницъ, то отыскивать что нибудь подходящее для джентельмена, то симпатизировать тѣмъ, кому нравились только вещи съ надписью «продано», и т. д. и т. д., — словомъ ее разрывали на части.

Но она всюду поспѣвала. Въ этотъ день она чувствовала себя совсѣмъ молодой. Она была жизнью и душой своего уголка. Дорисъ какъ всегда ясная, спокойная и прелестная, продававшая въ сосѣднемъ кіоскѣ, каждую свободую минуту любовалась подругой. Пожалуй, главной причиной хорошаго настроенія Моны было то, что Рэчель простудилась и не могла выходить изъ дому. Мона искренно жалѣла кузину и готова была раздѣлить съ ней болѣзнь и заключеніе, но это было невозможно,—а все таки пріятно день-два быть себѣ госпожей и заботиться только о себѣ.

Первая партія покупателей необыкновенно быстро исчезла и передъ обѣдомъ наступилъ перерывъ: продавщицы болтали между собой, хвастались другъ передъ дружкой итогами, успѣвали даже сбѣгать въ буфетъ. Но вдругъ у входной двери раздались голоса и шаги.

— Смотрите, смотрите!—заволновались всѣ три миссъ Бонтронъ;— вѣдь это изъ Тоуэрса пріѣхали!

Въ околодкѣ было всего два магната: сэръ Родерикъ Алисонъ изъ Бальнаморы и лордъ Киркгопъ изъ Тоуэрса. Сэръ Родерикъ, въ качествѣ депутата отъ восточной части графства, живо интересовался вѣми мѣстными дѣлами, его присутствіе на разныхъ сборищахъ считалось за честь, но всѣ къ этому привыкли и находили это въ порядкѣ вещей. Киркгопы, наоборотъ, вели разсѣянную веселую свѣтскую жизнь, не водились съ низшими и въ дѣлѣ выполненія общественныхъ обязанностей ограничивались тѣмъ, что позволяли иногда устраивать цвѣточныя выставки въ своихъ садахъ. По этому, когда имъ случалось

принять участіе въ какомъ нибудь мѣстномъ торжествѣ, это всегда производило сенсацію.

Леди Киркгопъ позвала къ себѣ на праздники полонъ домъ гостей, и ей пришла фантазія свезти ихъ всѣхъ на базаръ, какъ два мѣсяца тому назадъ на деревенскую ярмарку смотрѣть великаншу и дѣвочку о двухъ головахъ. «Все, что угодно, лишь-бы весело было»,—говаривала она и придумывала для своихъ гостей самыя причудливыя развлеченія, а гости, простодушные провинціалы, подчиняясь ея затѣямъ, спрашивали себя: что-же тутъ веселаго?

Мона, не будучи мѣстной уроженкой, мало интересовалась ново-прибывшими и видѣла въ нихъ только выгодныхъ покупателей. Прислонившись къ стѣнѣ, она отдыхала и улыбалась тому, какъ всѣ суетились изъ-за пріѣзда важной дамы, какъ вдругъ у нея екнуло сердце и кровь прилила къ щекамъ. Въ десяти шагахъ отъ нея, въ группѣ, окружавшей леди Киркгопъ, стоялъ сагибъ. Ошибиться было невозможно. Вмѣсто старой соломенной шляпы и холоднаго пиджака на немъ былъ безукоризненный костюмъ, сшитый по послѣдней модѣ, но круглое молодое привѣтливое лицо осталось все тѣмъ-же. Какъ отрадно было увидать его! сколько счастливыхъ воспоминаній разомъ встали въ душѣ! И она ликовала, думая о томъ, какъ много у нихъ найдется чего поразсказать другъ другу, но черезъ минуту ее позвала миссъ Бонтронъ:

— Скажите, пожалуста, душенька,—у васъ въ магазинѣ, кажется, есть такія шкатулочки,—какъ вы думаете, сколько за нихъ спрашивать?

Этотъ вопросъ, подобно стуку въ дверь въ *Макбетѣ*, разомъ вернулъ Мону къ дѣйствительности. Неумолимая память подсказала ей, что сагибъ пріѣхалъ съ «графами», что онъ здѣсь въ качествѣ почетнаго гостя, а она — бѣдная дѣвушка, продавщица, приглашенная сюда отчасти изъ желанія доставить ей удовольствіе, отчасти же благодаря ея умѣнью складывать и вычитать.

— Сколько спрашивать? Мы ихъ продаемъ по полкронѣ. Здѣсь я думаю, можно брать по три шиллинга,—отвѣчала она, улыбаясь, про-себя же думала:—Господи, хоть бы онъ не замѣтилъ меня! Могу себѣ представить сагиба въ лавкѣ!

Она засмѣялась, но смѣхъ этотъ походилъ на рыданіе, а глаза ея подозрительно блестѣли.

— Мона! — подойдя, окликнула ее Дорисъ, — одна особа сегодня просто очаровательна, вы это знаете?

— О да!—отвѣтила Мона полнымъ восхищенія взглядомъ;—я ужъ давно замѣтила и все утро любуюсь ею.

— Мнѣ такъ и хочется крикнуть на всю залу: — Вы видите, что это за прелесть? Это студентка, медичка!

— Ради Бога:—ужаснулась Мона.—Кузина никогда бы вамъ этого не простила, да и я тоже.—Ну, какъ у васъ?

— Я продала цѣлую кучу всякаго хламу. Въ сущности, весь секретъ успѣха на базарѣ въ томъ, что у каждаго свой вкусъ.

Въ это мгновеніе къ столику Моны подошелъ покупатель; пришлось заняться имъ. Оглянувшись черезъ минуту, она увидала, что Дорисъ оживленно бесѣдуетъ съ какимъ-то пожилымъ господиномъ и разслышала нѣсколько словъ о «власти женщинъ».

— Женщины не могутъ властвовать — возразилъ пожилой господинъ, съ почтительнымъ поклономъ,—онѣ могутъ только вліять.

Дорисъ покраснѣла и молвила съ ясной улыбкой:

— Не будемъ спорить о словахъ. Власть не что иное, какъ внѣшняя форма вліянія.

Она была прелестна въ эту минуту, — стройная, нѣжная съ закинутой назадъ головкой, съ видомъ робости и вмѣстѣ вызова. Никогда еще Мона не видала свою подругу такой очаровательной, такой непохожей на всѣхъ другихъ. Скоро она замѣтила, что любуется не одна. Не подозрѣвая, что за ними наблюдаютъ, невдалекѣ стоялъ молодой человѣкъ и съ интересомъ прислушивался къ разговору. Лицо его выражало забавную смѣсь удивленія и восторга. Человѣкъ этотъ былъ Сагибъ.

Еще мигъ—и лицо его засіяло такой радостью, что у Моны всколыхнулось сердце, и всѣ ея страхи разсѣялись. Нѣтъ, на этого человѣка можно положиться вполнѣ. Недаромъ всѣ женщины смотрятъ на него, какъ на брата.

Тѣмъ не менѣе, подходя къ Монѣ, чтобы подать ей руку, Сагибъ придалъ своему лицу болѣе серьезное выраженіе. Онъ не могъ отрицать, что радъ былъ видѣть ее, но не могъ и забыть, что она обошлась съ нимъ очень дурно.

— Я заходилъ къ вамъ въ Лондонѣ,—замѣтилъ онъ обиженнымъ тономъ, когда они обмѣнялись первыми привѣтствіями—но мнѣ сказали только, «уѣхала, не оставивъ адреса».

— Ахъ, какъ мнѣ жаль! мнѣ и въ голову не приходило, что вы зайдете.

Онъ зорко посмотрѣлъ на нее. Она, очевидно, говорила совершенно искренно, а между тѣмъ трудно было повѣрить, что это правда. Вѣдь она не заурядная барышня, готовая флиртовать съ каждымъ встрѣчнымъ. Неужели-же послѣ всѣхъ ихъ встрѣчъ и разговоровъ въ Норвегіи, она могла думать, что онъ позволитъ ей навсегда уйти изъ его жизни, даже не попытается отыскать ее?

Мона и теперь была очень далека отъ того чтобъ угадать его мысли. Убѣжденная, что она «не въ мужскомъ вкусѣ», она ничего не ждала отъ мужчинъ. Лично къ Сагибу она питала самыя дружескія чувства, но никогда не спрашивала себя, что онъ чувствуетъ и какъ онъ относится къ ней. Она и черезъ десять лѣтъ такъ же обрадовалась-бы ему и такъ же горячо пожала-бы его руку, но чтобы въ

эти десять лѣтъ онъ хоть разъ свернулъ съ дороги, чтобы навѣстить ее,—это, какъ она говорила совершенно искренно, просто-на-просто не не приходило ей въ голову.

— Кто бы могъ ожидать встрѣтить васъ на базарѣ! — удивлялся сагибъ.

— Это мнѣ слѣдовало бы сказать, а не вамъ. Впрочемъ, я здѣсь, правду говоря, не по собственному желанію. За меня дали слово безъ моего вѣдома. Я-бы повиновалась охотнѣе еслибъ знала, что увижу васъ.

Лицо его просвѣтлѣло.

— Теперь моя очередь сказать, что вы предвосхитили мою мысль. Меня привезли сюда. Я гощу въ Тоуэрсѣ, полагаю проводить Рождество по старинному. Гдѣ вы здѣсь живете, или вы нарочно пріѣхали сюда, для этого базара?

У Моны упало сердце.

— Нѣтъ, я гощу у родственниковъ по сосѣдству.

— Въ такомъ случаѣ, надѣюсь, имѣть удовольствіе быть у васъ. Вы уже завтракали?

— Нѣтъ еще.

— Вотъ и отлично. Идемте въ буфетъ. Могутъ же они четверть часа обойтись безъ васъ.

Мона представила его дѣвицамъ Бонтронъ, какъ «друга семьи», и взяла его подъ руку. Разъ они уже встрѣтились, надо же поговорить по душѣ.

— Вы знакомы съ леди Киркгопъ? — спросилъ онъ, прокладывая себѣ дорогу черезъ толпу.

— Нѣтъ, да и не имѣю возможности познакомиться съ ней. Лучше ужъ сказать вамъ сразу, что я...

— Леди Киркгопъ, — сказалъ сагибъ, неожиданно останавливаясь передъ очень подвижной пожилой дамой, — я увѣренъ, что вы будете рады познакомиться съ миссъ Маклинъ. Она—дочь Гордона Маклина, о которомъ мы говорили давеча вечеромъ.

— Горжусь возможностью пожать ея руку,—ласково отвѣтила леди Киркгопъ.—На свѣтѣ очень немного людей, миссъ Маклинъ, которыми бы я такъ восхищалась, какъ вашимъ отцомъ.

Онѣ обмѣнялись еще двумя-тремя любезными фразами; затѣмъ Мона и сагибъ продолжали свой путь.

— О, м-ръ Дикинсонъ,—начала Мона, когда они вошли въ просторный буфетъ и сѣли въ уголокъ,—что вы сдѣлали!

— Что жъ я такого особеннаго сдѣлалъ?—добродушно удивился сагибъ.—Положимъ, мнѣ слѣдовало спросить у васъ позволенія, прежде чѣмъ знакомить васъ съ кѣмъ нибудь на базарѣ, но леди Киркгопъ въ этомъ отношеніи не очень взыскательна; притомъ же мы встрѣтили ее такъ *à propos*. Я увѣренъ, что вы не гнѣвались бы на меня, еслибъ знали, какъ восторженно она отзывалась о вашемъ отцѣ.

— Не въ томъ дѣло.—Мона тяжело перевела духъ.—Вы ни чуточки не виноваты, но все-таки мое положеніе преглупое.

Мона запнулась. Въ первый моментъ, при видѣ дружеской улыбки сагиба, она вообразила, что ей легко будетъ разсказать ему всю правду; но теперь дѣло приняло такой нелѣпый, смѣшной, невозможный оборотъ, что она не находила словъ.

— М-ръ Дикинсонъ,—выговорила она наконецъ,—леди Мунро моя родная тетка.

— Она, повидимому, и сама убѣждена въ этомъ.

— А Гордонъ Маклинъ мой отецъ.

— И это мы слыхали.

— Мать моя, миссъ Леннокъсъ, была настоящая леди, знакомство съ которою каждый могъ считать за честь.

— За это я могу поручиться!

— Но вѣдь я вамъ никогда не говорила этого? Никогда не хвасталась своими родственниками?

— Думаю, что этотъ вопросъ не требуетъ отвѣта. Ваше вступленіе изумительно, но пожалуйста, не держите меня такъ долго въ ожиданіи. Я умираю отъ любопытства.

Мона не улыбнулась въ отвѣтъ на его улыбку.

— Все это,—продолжала она съ усиліемъ,—сущая правда; но правда и то, что въ данный моментъ я живу у кузины, которая держитъ небольшой галантерейный магазинъ въ Борроунессѣ. Меня пригласили продавать на этомъ базарѣ просто потому что—*c'est mon métier à moi*, что я, говорятъ, мастеръ своего дѣла. Теперь вы понимаете, почему я не желала быть представленной леди Киркгопъ.

Прошло добрыхъ двѣ минуты, прежде чѣмъ сагибъ заговорилъ; отвѣтъ его былъ весьма характеренъ.

— Чего ради вы это дѣлаете?

Мона мгновенно овладѣла собой: въ ней проснулась ея обычная гордость.

— Зачѣмъ я это дѣлаю? Почему же мнѣ этого не дѣлать? Кузина имѣетъ на меня такія же права, какъ и Мунро, а нуждается во мнѣ гораздо больше. Если бы мнѣ пришлось выбирать, я предпочла-бы пасть вмѣстѣ съ Рэчелью Симпсонъ, чѣмъ устоять съ леди Мунро.

Она поднялась было, но сагибъ удержалъ ее за руку.

— Вы какъ-то сказали, что не желали бы помѣряться со мною силой,—молвилъ онъ вполголоса.—Я все равно не пущу васъ, поэтому вамъ лучше сѣсть. А то вѣдь хуже будетъ—выйдетъ скандалъ.

— Во всякомъ случаѣ вы пустите мою руку.

— На честное слово?

Мона невольно сдалась.

— На честное слово.

— Я могу остаться еще ровно на десять минутъ И она положила передъ собою на столъ часы.

— Ладно. Трудное положеніе не станетъ легче отъ того, что человѣкъ откажется отъ завтрака.

— Я не нахожу свое положеніе труднымъ, да и для васъ выходъ открытъ.—Она движеніемъ головы указала на дверь.—Мнѣ только жаль, что вы не дали мнѣ разсказать вамъ все это, прежде чѣмъ вы меня познакомили съ леди Киркгопъ. Знай я, что вы будете здѣсь, я бы сдѣлала вамъ знакъ избѣгать меня.

— Миссъ Маклинъ, позвольте вамъ замѣтить, что вы стали болѣзненно обидчивы.

Онъ заглянулъ ей въ глаза. Она не опустила своихъ.

— Это правда,—сказала она просто.

— А для такой женщины, какъ вы, замѣтить это въ себѣ и искоренить—одно и то же.

— Можете быть увѣрены, что мнѣ это крайне непріятно, но право же при такихъ условіяхъ трудно держать себя совсѣмъ просто. Я часто смѣюсь, вспоминая, какъ я говорила вамъ, что въ моей жизни не было ни одного компромисса.

— Если не ошибаюсь, вы тогда сказали еще, что я человѣкъ несравненно болѣе цѣльный и прямолинейный, чѣмъ вы. Полагаю, теперь вы этого не сказали бы.

— Напротивъ, и съ полнымъ убѣжденіемъ.

— Гм. Вы считаете меня способнымъ откапывать бѣдныхъ родственниковъ ради удовольствія посвятить себя исключительно имъ? Напрасно?

Мона вспыхнула.

— М-ръ Дикинсонъ, я должна вамъ сказать, что поѣздка къ кузинѣ была рѣшена раньше, чѣмъ я познакомилась съ Мунро. Не скажу, чтобы я вообще не способна была этого сдѣлать, но все таки рѣшеніе мое было принято въ то время, когда, имѣя множество друзей, я была въ сущности, совсѣмъ одинока. Кромѣ того,—Мона вспомнила «сказочку» полковника Лауренса,—даже оставивъ въ сторонѣ Мунро, еслибъ я знала все, что знаю теперь, я бы, пожалуй, не поѣхала. Вотъ и судите, чего стоитъ мое геройство.

— Ваша добросовѣстность по истинѣ великолѣпна.

— Я не увѣрена, что это не шарлатанство. Еще двѣ минуты. Вы слышали, что леди Киркгопъ собирается заѣхать ко мнѣ?

— Не тревожьтесь: это мы уладимъ. Вы простили мнѣ это знакомство?

Мона улыбнулась.—Въ отплату я познакомлю васъ съ несравненно болѣе интересной женщиной—съ моей пріятельницей Дорисъ Колькхунъ.

— Когда мы увидимся? Вы позволите мнѣ зайти?

— Нѣтъ.

— Какъ вы доберетесь домой?

— Миссъ Бонтронъ отвезутъ меня въ кэбѣ.

— Вы будете на балу?

— Нѣтъ.

— Но вѣдь вы легко могли бы найти себѣ дуэнью?

— О да.

— Поѣхали ли бы вы, еслибъ я попросилъ васъ сдѣлать это въ видѣ личнаго мнѣ одолженія?

Мона подумала и просто сказала:

— Не вижу, почему бы мнѣ не сдѣлать этого.

— Спасибо. Еще одно, миссъ Маклинъ,—зачѣмъ непремѣнно побѣждать, или падать? Не слѣдуетъ думать только о себѣ одной; всѣ мы связаны другъ съ другомъ. А теперь—я вашъ плѣнникъ. Ведите меня къ своему столику: я готовъ купить все, что вамъ будетъ угодно.

Сагибъ былъ не единственной жертвой въ этотъ день, добровольно и безстрашно предоставившей себя въ распоряженіе Моны. Часъ спустя пришелъ м-ръ Броунъ съ пятифунтовымъ билетомъ въ карманѣ и четыре съ лишнимъ фунта оставилъ у столика миссъ Бонтронъ.

Глава XXXVI.

Балъ.

Просторная зала съ хорошо навощеннымъ паркетомъ, множество разноцвѣтныхъ свѣчей и тепличныхъ растеній, струнный оркестръ, играющій увлекательные вальсы и жизнерадостныя кадрили; словомъ—балъ въ полномъ разгарѣ. Даже почтенныя матери семействъ, забывъ свои лѣта приняли участіе въ танцахъ, по просьбѣ сѣдобородыхъ кавалеровъ.

Дорисъ упросила Мону ѣхать на балъ вмѣстѣ съ ней и ея знакомыми, такъ какъ дѣвицы Бонтронъ вообще не одобряли этой поѣздки. Рэчель таки соблазнилась посмотрѣть на базаръ, хотя бы въ день закрытія, и возвращаясь домой, простудилась еще сильнѣе, такъ что никоимъ образомъ не могла сопровождать кузину. Мона отъ души готова была провести вечеръ съ нею, но Рэчель и слышать объ этомъ не хотѣла. Она чувствовала себя такъ нехорошо, что за день прочла цѣлыхъ двѣ проповѣди, и, придя въ умиленное настроеніе, геройски отвергла предложеніе Моны, которое казалось ей гораздо болѣе великодушнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Гости изъ Тоуэрса пріѣхали уже въ одиннадцатомъ часу, и притомъ одни мужчины. Сагибъ думалъ, что леди Киркгопъ, въ погонѣ за «весельемъ» тоже будетъ сопровождать, но она объявила, что «всему есть граница» и она отказывается «танцовать съ бакалейщиками». Зато между джентльменами нашлись желающіе. По дорогѣ они много

смѣялись и острили насчетъ провинціальныхъ дамъ, за которыми имъ придется ухаживать; поэтому сагибъ не безъ гордости представилъ своихъ знакомыхъ Дорисъ и Монѣ.

Мона была въ тяжеломъ бархатномъ платьѣ, которое не годилось для танцевъ, но очень шло къ ней; Люси говорила, что она въ этомъ платьѣ смотритъ императрицей;—а танцовать она и не собиралась. Она и Дорисъ—вся въ свѣтломъ шелку—представляли рѣзкій контрастъ съ вычурно разряженными матронами и барышнями, одѣтыми въ тарлатанъ и кисею.

Дорисъ, какъ и всегда, скоро сдѣлалась центромъ небольшой группы. Мона пришла только посмотрѣть и поболтать съ сагибомъ, но и за ней много ухаживали, что положительно изумляло ее, въ виду ея «ложнаго положенія».

Разумѣется, это ей нравилось. Ей было пріятно, что въ двухъ миляхъ отъ лавки ее встрѣчаютъ, какъ леди, и видятъ въ ней только свѣтскую женщину; но, въ сущности, изъ присутствовавшихъ о ея профессіи знали только м-рсъ Юингъ, да Куксоны. Большинство ее кліентокъ принадлежали къ низшимъ слоямъ общества, или же были членами баптистской церкви и потому не могли быть на балу. А кто и видалъ Мону въ лавкѣ, не узналъ «помощницы миссъ Симпсонъ» въ этой изящной, красивой дамѣ, пріѣхавшей съ избраннымъ обществомъ изъ Сентъ-Рульса.

Матильда ликовала; еслибъ можно было она хвастала бы всѣмъ и каждому, что она одна все время знала тайну переодѣтой принцессы. Кларинда надула губки и объявила, что она надѣется по крайней мѣрѣ, что «у этой лавочницы» жемчугъ поддѣльный, а кружево—имитація.

Мона была приглашена на всѣ танцы, но не танцовала, а сидѣла и разговаривала со своими кавалерами. Веселая, непринужденная болтовня не смолкала ни на минуту, и Мона дивилась тому, какъ легко быть интересной собесѣдницей вечеромъ, когда голова не утомлена цѣлымъ днемъ умственнаго труда.

— Вы ждете кого-нибудь?—неожиданно спросилъ ее во время галопа, кэптенъ Стиль, красивый господинъ среднихъ лѣтъ, представленный ей сагибомъ.

— Нѣтъ,—а что? Почему вы спрашиваете?

— Вы такъ пристально всматриваетесь въ каждаго входящаго.

— Развѣ? Это машинально. Я здѣсь почти никого не знаю.

Тѣмъ не менѣе она слегка покраснѣла. Этотъ вопросъ заставилъ ее сознаться себѣ, что въ глубинѣ ея сердца таится желаніе, чтобы докторъ Дудлей пришелъ полюбоваться ея успѣхомъ. Онъ видѣлъ ее совсѣмъ при другихъ условіяхъ—пусть бы посмотрѣлъ теперь; скоро и Рождество; его ждутъ со дня на день; почему бы ему не пріѣхать сегодня? Это было очень скромное, очень невинное желаніе, но Мона поспѣшила отогнать его и посвятить все свое вниманіе своему кавалеру.

Бѣдное маленькое желаніе! ему не суждено было исполниться. Дудлей цѣнилъ свою ловкость по достоинству и никогда не пускался въ танцы; въ эту минуту надвинувъ на лобъ мѣховую шапку, онъ сладко спалъ въ вагонѣ, мчавшемъ его въ Борроунессъ... А между тѣмъ, еслибы это желаніе осуществилось, можетъ быть все вышло бы по другому!

Во время паузъ Мона наблюдала за подругой и сагибомъ. Рѣдкая женщина не кажется хорошенькой въ изящномъ вечернемъ туалетѣ, а Дорисъ, въ серебристомъ шелку, смотрѣла рождественской розой въ дымкѣ тумана. Она оживилась—говорила съ увлеченіемъ; сагибъ слушалъ улыбаясь, и эта улыбка чрезвычайно красила его простоватое лицо. Мона была увѣрена, что онъ во всю свою жизнь не смотрѣлъ ни на одну женщину съ такой улыбкой и съ такимъ свѣтомъ въ глазахъ. «Счастливъ будетъ тотъ, кому достанется моя Дорисъ!»—сказала она себѣ, и сейчасъ же вслѣдъ за этой мыслью пришла другая: «говорятъ, свахи всегда только портятъ дѣло, но мнѣ кажется, если начать хвалить женщину мужчинѣ, а мужчину при женщинѣ бранить, они непремѣнно заинтересуются другъ другомъ».

Оркестръ заигралъ вальсъ.

— Мы съ вами, миссъ Маклинъ,—сказала сагибъ, подходя.—Пойдемте, спрячемся куда-нибудь въ уголокъ и поговоримъ по душѣ.

— Это очень заманчиво, только говорить то мнѣ придется все больше грустное.

— И мнѣ тоже. Вамъ нравится здѣшнее общество?

— Другими словами: нравлюсь ли я сама себѣ? Не особенно.

— Не философствуйте. Не мѣшаетъ иногда и посплетничать. Мнѣ здѣсь не нравится, все такъ глупо, пошло и напыщенно.

— Люди, пожалуй, но мѣстность чудная. Какъ вы сюда попали?

— Я давно знакомъ съ Киркгопомъ. Мы встрѣтились въ Индіи, и я оказала ему маленькую услугу, а потомъ мы случайно столкнулись мѣсяцъ тому назадъ. Онъ пригласилъ меня погостить; я имѣлъ слабость принять приглашеніе; а теперь, оказывается судьба была ко мнѣ благосклоннѣе, чѣмъ я того заслуживалъ.

— Я видѣла васъ разъ, въ Эдинбургѣ на станціи.—И Мона разсказала ему, какъ она досадывала, что имъ не удалось поговорить.

— Этакая досада! Я вѣдь часто бываю въ Эдинбургѣ; это моя родина;—тамъ живетъ мой отецъ.

— Неужели вы никогда не встрѣчались съ Дорисъ?

Сагибъ не сразу отвѣтилъ.

— Я не былъ ей представленъ. Но я видѣлъ ее. Ея лицо не изъ тѣхъ, которые забываются.

— А если бы вы знали, что это за душа! Вы не найдете другой такой женщины. Полное отсутствіе эгоизма;—настоящее дитя природы.

— Она удивительно проста и естественна. Въ этомъ ея очарованіе. Что за человѣкъ Колькхунъ? по имени-то его всякій знаетъ.

— Да; онъ изъ лучшихъ артистовъ. Кромѣ того онъ ученый, но въ этомъ отношеніи немножко—трогателенъ. Вы намѣрены быть у нихъ?

— Получилъ разрѣшеніе.

— Пожалуйста, когда онъ будетъ вамъ показывать свои инструменты и приборы, или разсказывать о своихъ опытахъ, отнеситесь къ нему снисходительно,—ради меня. Онъ часто и не замѣчаетъ, что надъ нимъ смѣются. А я его очень люблю.

— Не думаю, чтобы у меня явилось желаніе смѣяться надъ нимъ. А миссъ Колькхунъ тоже занимается наукой?

— Лучше того. Она любитъ собаку за то, что она собака,—червяка за то, что онъ червякъ. Сама наука должна преклонится передъ такой врожденной любовью къ природѣ.

Опять наступила пауза. Но вдругъ сагибъ встрепенулся.

— Миссъ Маклинъ, уговоръ дороже денегъ. Я вамъ объяснилъ, какъ я попалъ сюда. Теперь ваша очередь.

Мона вздохнула.

— Когда я видѣлъ васъ въ послѣдній разъ, вы готовились быть яркимъ свѣтиломъ медицинскаго горизонта. Почему вы зарыли свой талантъ?

— Прекрасно. Вы сразу бьете по больному мѣсту. Такъ и надо. Это полезно, хоть и больно. Я скажу вамъ правду, сагибъ. Я здѣсь главнымъ образомъ потому, что дважды провалилась на экзаменѣ при переходѣ на старшій курсъ.

Снова молчаніе. Эти паузы составляли характерную особенность рѣчи сагиба.

— Какимъ образомъ вы ухитрились это сдѣлать?—выговорилъ онъ наконецъ.—Когда видишь, какіе дураки мужчины переходятъ...

Краска на щекахъ Моны сгустилась.

— Не думаю, чтобы на медицинскомъ факультетѣ въ Лондонѣ кончало много дураковъ... Разумѣется, человѣкъ ищетъ себѣ оправданія.—Такъ и я говорю себѣ, что слишкомъ рано начала работать въ госпиталѣ, училась не по программѣ, что уровень моихъ занятій былъ выше, чѣмъ нужно для экзамена и т. д. и т. д. и только въ рѣзкіе моменты когда я бываю вполнѣ добросовѣстна, я сознаюсь себѣ, какъ сознаюсь теперь вамъ, что вся бѣда въ моей собственной тупости и неспособности къ дѣлу.

— Полноте, меня въ этомъ не проведете. Это неправда, и вы сами этому не вѣрите. Это не значитъ говорить добросовѣстно.

Слова звучали грубовато, но сердце сагиба было въ эту минуту полно нѣжности къ Монѣ. Онъ всегда находилъ ее прелестной и талантливой,—пожалуй, немножко черезчуръ независимой,—тѣмъ болѣе восхитительно было видѣть ее смущенной и покорно, какъ ребенокъ, отвѣчающей на его вопросы, видимо считая себя обязанной говорить вполнѣ искренно, хотя это стоило ей усилій.

— Это правда и только правда. Иногда я позволяю себѣ думать, что это не все правда.

— Вы намѣрены еще разъ попытаться?

— Да.

— Когда?

— Въ іюлѣ.

— Надѣетесь выдержать?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же пытаться?

— Я обѣщала.

Снова наступило молчаніе, и вдругъ сагибъ брякнулъ безъ всякихъ предисловій.

— Послушайте, миссъ Маклинъ: бросьте вы это все и поѣдемте вмѣстѣ въ Индію!

Это было такъ неожиданно, что въ первый моментъ Мона думала, что онъ шутитъ.—Это было-бы весьма пріятный и простой способъ выйти изъ затруднительнаго положенія,—начала она и недокончила, только тутъ догадавшись, что онъ хотѣлъ сказать. Она хотѣла сдѣлать видъ, что не поняла, но не могла, внезапная блѣдность выдала ее.

— Поѣдемте!—повторилъ онъ.—Хотите? Я никогда ни одной женщины не любилъ такъ, какъ васъ!

— О сагибъ, и я васъ люблю, но это не то. Я нашла въ васъ, то, чего мнѣ недоставало—брата.

Ей не было жаль его; она слишкомъ досадовала на его глупость. Ни на минуту ей не пришло въ голову, что онъ можетъ быть дѣйствительно любитъ ее. Конечно, она ему нравится; онъ восхищается ею, сочувствуетъ ей, въ данный моментъ жалѣетъ ее, но неужели же онъ думаетъ, что женщина не можетъ принять его дружбу, восхищеніе, симпатію, даже жалость, просто, такъ, безъ того, чтобы это было переведено на ходячую монету, на предложеніе руки и сердца? Неужели женщинѣ только и можно предложить бракъ, какъ нищему деньги, и нѣтъ другой формы, въ которой мужчина могъ бы выразить ей свои чувства?

Мона довольно вѣрно прочла въ его душѣ: сестра сагиба, Лена, въ недалекомъ будущемъ должна была выйти замужъ, его отпускъ приходилъ къ концу, и онъ подумывалъ о томъ, что недурно было бы влюбиться и увезти съ собою въ Индію жену, вмѣсто того, чтобы ѣхать одному.

Среди его знакомыхъ дѣвушекъ миссъ Маклинъ была несомнѣнно *facile princeps* и во многихъ отношеніяхъ подходила къ нему. Она была изъ тѣхъ женщинъ, которые въ зрѣломъ возрастѣ интереснѣе и красивѣе, чѣмъ въ молодости. Въ Англо-Индійскомъ обществѣ она явится совершенно новымъ типомъ, а три мѣсяца пріемовъ въ своей собственной гостиной сдѣлаютъ изъ нея блестящую свѣтскую даму.

Осенью, охотясь въ Шотландіи, сагибъ тѣшилъ себя мыслью, что онъ по доброй водѣ сошелъ со сцены, и еще больше радовался, думая о томъ, какъ онъ «самъ, по собственной иниціативѣ», пойдетъ къ ней въ Лондонѣ—провѣрить, возобновятся ли въ полной силѣ прежнія впечатлѣнія. Онъ былъ горько разочарованъ, не найдя Моны на ея прежней квиртирѣ, и при этомъ почти убѣдился, что онъ влюбленъ.

А тутъ эта неожиданная встрѣча въ Киркстоунѣ.—Видите вы эту—особу въ мѣховой накидкѣ?—сказала ему Мона въ день закрытія базара.—Не пугайтесь; я не собираюсь васъ знакомить; но это моя кузина. Теперь вы знаете все, что мнѣ нужно сказать вамъ.

Его изумленіе и недовѣрчивый взглядъ не ускользнули отъ Моны, хотя онъ тотчасъ же овладѣлъ собой и былъ настолько тактиченъ, что промолчалъ. Онъ, дѣйствительно, изумился при видѣ «кузины», но особеннаго огорченія не ощутилъ.—Въ сущности,—говорилъ онъ себѣ,—каждый изъ насъ, при желаніи, могъ бы откопать гдѣ-нибудь въ глуши такую же родственницу.—При мысли объ этой захолустной кузинѣ и о неудачахъ Моны въ ея медицинской карьерѣ, онъ испытывалъ безсознательное удовольствіе, чувствуя себя рыцаремъ изъ волшебной сказки, которому предстоитъ освободить принцессу. Притомъ же, благодаря исключительнымъ условіямъ, въ которыя была поставлена Мона, они очень сблизились за послѣдніе дни. Она позволила сагибу заглянуть въ сокровенный уголокъ своей души, и онъ былъ очарованъ. Пріятно было видѣть, какъ сгущается румянецъ на ея щекахъ, слышать ея учащенное, взволнованное дыханіе, а сегодня—она была просто красавицей, и у него не осталось и тѣни сомнѣнія въ томъ, что онъ любитъ ее.

— Вы, конечно, лучшій судья въ дѣлѣ своихъ чувствъ ко мнѣ, но позвольте мнѣ самому знать, что чувствую я,—отвѣтилъ онъ холодно.

Сагибъ былъ хорошій и добрый человѣкъ, но онъ зналъ себѣ цѣну, и странно было бы, еслибъ отвѣтъ Моны не удивилъ его. Этотъ отвѣтъ могъ быть объясненъ только однимъ, и такое объясненіе приводило сагиба въ негодованіе. Дальнѣйшія слова его были непростительны, но естественны. Быть можетъ, Мона сама избаловала его своей откровенностью.

— Скажите мнѣ,—спросилъ онъ рѣзко,—тамъ, въ Норвегіи, когда мы видѣлись чуть не каждый день, былъ у васъ еще кто-нибудь?

Мона поднялась и спокойно молвила:

— Это уже обида. Вы думаете, что каждая незамужняя женщина только и ждетъ, что жениха? Вамъ кажется невозможнымъ, чтобы женщина предпочла не выйти замужъ, ради того дѣла, которое доступно только незамужней женщинѣ.

Лицо сагиба замѣтно просвѣтлѣло. Въ сущности, эта умная и образованная дѣвушка въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе ребенокъ, чѣмъ всѣ эти кисейныя барышни, прыгающія по залѣ.

— Миссъ Маклинъ, простите мою безтолковость и отвѣтьте мнѣ тремя словами: «Никого не было».

Мона подняла на него свои правдивые глаза и просто сказала:

— Никого не было.

— Благодарю васъ. Если у меня нѣтъ иныхъ соперниковъ, кромѣ дѣла, доступнаго лишь незамужней женщинѣ, я отказываюсь принять вашъ отвѣтъ за окончательный.

— Не дурачтесь, м-ръ Дикинсонъ. Вы звали меня честной, и въ данномъ случаѣ я безусловно поступаю съ вами честно. Если бы у меня была хоть тѣнь сомнѣнія, я бы сказала вамъ. На свѣтѣ немного людей, которые мнѣ такъ симпатичны и которымъ я такъ безусловно довѣряю, какъ вамъ, но выйти за васъ замужъ для меня это также дико, какъ выйти за сэръ Дугласа Мунро. А вы, вы жертвуете собой изъ рыцарства. Я испортила себѣ жизнь, и вы, чтобы утѣшить меня, готовы сдѣлать меня своей женой.

— Это неправда. Одно только нехорошо, что въ васъ больше мужественности, чѣмъ во мнѣ.

Мона засмѣялась.

— *Eh bien! L'un n'empeche pas l'autre.* Нѣтъ, нѣтъ; вы слишкомъ хороши для того, чтобы отдать себя женщинѣ, которая только симпатизируетъ и довѣряетъ вамъ.

— Когда вы уѣзжаете?

— Въ мартѣ.

— Заѣдете по дорогѣ въ Эдинбургъ?

— Да; я обѣщала погостить недѣльку у Колькхуновъ.

— Хорошо. Тамъ я еще разъ приду къ вамъ за отвѣтомъ.

— Милый сагибъ, не портите себѣ жизни. Пока она еще не испорчена. Но потратить хотя бы три мѣсяца на рыцарскую фантазію было бы жаль. Выкиньте меня изъ головы и постарайтесь совсѣмъ забыть обо мнѣ, пока не встрѣтите молоденькую хорошенькую дѣвушку, полную иллюзій и энтузіазма, а не стараго истрепаннаго циника вродѣ меня. Тогда, если *она* позволитъ мнѣ быть ея сестрой, мы съ вами снова станемъ сестрой и братомъ.

— Можно мнѣ писать вамъ?

— Я полагаю, что это было бы большой ошибкой.

— Ваша воля—законъ. Но помните, я буду думать о васъ безпрестанно, а когда вы будете въ Эдинбургѣ, приду къ вамъ. Не вернуться ли намъ въ залу?—Онъ всталъ и предложилъ ей руку.

— М-ръ Дикинсонъ, я положительно отказываюсь оставить вопросъ открытымъ. Къ чему?

— Вы даже этого не хотите для меня сдѣлать?

— Это значило бы отплатить за добро зломъ.

— Все равно Послѣдствія я беру на себя.

Они снова были въ толпѣ, на яркомъ свѣту; продолжать разговоръ стало немыслимо.

— Кто бы могъ ожидать встрѣтить здѣсь двухъ прелестныхъ *эманципантокъ*?—удивлялся Кэптенъ Стиль по дорогѣ домой.

— Если всѣ *эманципантки* похожи на миссъ Колькхунъ,—воскликнулъ рыжеволосый юноша съ убѣгающимъ назадъ подбородкомъ,—я готовъ хоть завтра же идти собирать голоса за права женщинъ!

Глава XXXVII.

Locum tenens.

Послѣ возбужденія наступила реакція. Здоровье Рэчели не улучшилось, а настроеніе сдѣлалось положительно хуже; сборникъ проповѣдей по прежнему лежалъ на столѣ, но, подобно самому нездоровью, и онъ утратилъ для больной привлекательность новизны.

Мона тоже заразилась общимъ унынiемъ и придирчивость кузины была для нея въ эти дни тяжелымъ испытанiемъ. Къ счастью, это имѣло свою хорошую сторону. Какой же изъ меня выйдетъ врачъ,—сказала себѣ Мона,—если у меня не хватаетъ терпѣнія даже въ такихъ пустякахъ?—И она взяла себя въ руки и легкой поступью, съ веселымъ лицомъ переходила изъ лавки въ гостиную и обратно, стараясь развлекать Рэгмель, не вызывая ее на разговоръ.

— М-трсъ Смитъ пришла узнать о вашемъ здоровьи,—сказала она, входя въ маленькую душную гостиную. — Хотите вы ее видѣть? По моему, не слѣдовало бы. Давеча, послѣ разговора съ м-трсъ Андерсонъ, у васъ разболѣлась грудь.

— Интересно знать, какъ это я поправлюсь, если я весь день буду киснуть здѣсь одна съ утра до ночи! Скука вѣдь смертная. Другіе веселятся, а ты сиди. Хорошо вамъ говорить: «не слѣдовало бы». А мнѣ и на базаръ, и на балъ, и въ лавкѣ въ день сколько народу перебываетъ...

— Хорошо, я приведу ее сюда; только сами-то вы поменьше говорите, поберегите свой голосъ.

Разговоръ длился долго, но не произвелъ желаемаго эффекта; и послѣ него настроеніе больной не улучшилось.

— Ей Богу,—вскричала она, когда гостья ушла,—я въ жизнь свою не видала такой скрытной дѣвушки! Я тутъ сижу больная, скучаю, а она выѣзжаетъ, веселится. Я думала, она мнѣ хоть новости всѣ разскажетъ—гдѣ тамъ!

— Да вѣдь я же вамъ все разсказала, кузиночка. Даже разсказала, какъ кто былъ одѣтъ.

— Да, про всякіе пустяки. А о томъ, что ея сіятельство мило-

стиво разговаривала съ вами, ни слова? Интересно знать, что обо мнѣ подумала мистрисъ Смитъ, замѣтивъ, что я этого не знаю.

Мона не сразу сообразила, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, да, вы о леди Киркгопъ? — выговорила она, наконецъ.— Она вѣдь сказала мнѣ только нѣсколько словъ.

— А о чемъ же ей еще разговаривать-то съ вами?—*ей съ вами?* Вы думаете, что сестра вашей матери замужемъ за сэромъ, такъ и вы, важная птица? Нѣтъ, душенька, лорды на дорогѣ не валяются. Много эта тетенька сдѣлала для васъ, нечего сказать! Дѣвочка набиваетъ себѣ голову всякой дурью, а ей и горюшка мало! И все-таки, я увѣрена, что вы гораздо больше дорожите ею, чѣмъ мною, хоть и живете здѣсь вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ первый разъ въ разговорѣ между кузинами было упомянуто имя Мунро. Мона поспѣшила прекратить разговоръ. «Вышла замужъ за сэра!»—повторила она мысленно.—Фу, какая пошлость!

Мона отказалась видѣться съ сагибомъ въ остальное время, проведенное имъ въ Тауэрсѣ, и ни минуты не жалѣла о своемъ отказѣ, но тѣмъ не менѣе ощущала въ своей жизни пустоту. Она, очевидно, лишилась друга, можетъ быть, на время, а можетъ быть, и навсегда. Впрочемъ, послѣдняго она не особенно боялась; она надѣялась вернуть его себѣ черезъ Дорисъ.

— Эти два мѣсяца онъ постоянно будетъ видѣться съ нею,—говорила себѣ Мона,—и непремѣнно полюбитъ ее. Онъ уже теперь ее любитъ, только не сознаетъ этого. Нелѣпо даже думать, чтобы его глаза когда-нибудь такъ заискiяли при видѣ *меня*. Онъ восхищается мною и разбираетъ меня по косточкамъ, а Дорисъ захватила его всего. Полюбитъ ли она его—это вопросъ другой, но по теоріи вѣроятности трудно предположить, чтобы двѣ разумныя женщины въ промежутокъ двухъ мѣсяцевъ отказали одна за другой такому великолѣпному сыну Анака. Онъ, разумѣется, будетъ считать себя связаннымъ со мной, но отъ этого только еще скорѣе влюбится въ нее и въ назначенный срокъ явится, дрожа отъ страха, какъ бы я не поймала его на словѣ. Какъ это будетъ забавно!

И при этой мысли блѣдный, холодный лучъ солнца пробился сквозь сѣрый туманъ ея жизни.

Въ этотъ день Рэчели въ первый разъ измѣнилъ аппетитъ; лицо ея какъ-то все распухло; вялыя влажныя руки стали сухими и горячими. Мона встревожилась и поставила ей термометръ; температура оказалась 39° слишкомъ.

— У васъ маленькій жарокъ, дорогая. Надѣюсь, серьезнаго ничего нѣтъ, но все-таки лучше бы вамъ лечь въ постель, а я пойду за докторомъ. Или, можетъ быть, лучше послать Салли?

— Пошлите, и пожалуйста ничего ему не говорите объ этой вашей машинкѣ. Онъ и самъ замѣтитъ, что у меня жаръ.

— Я сдѣлаю, какъ вы хотите, хотя теперь почти въ каждомъ домѣ есть термометръ, имъ пользуются даже такіе люди, которые знаютъ о медицинѣ не больше, чѣмъ вотъ эта ложка. Впрочемъ, у вашей ложки по этой части опытъ большой, — улыбнулась она, вспомнивъ о пристрастіи кузины ко всякимъ домашнимъ средствамъ.

Рэчель тоже улыбнулась. Сознаніе, что она дѣйствительно больна, подѣйствовало на нее замѣчательно благотворно: она сразу почувствовала себя первымъ лицомъ въ домѣ и нашла, что это хорошій случай проявить на практикѣ свои христіанскія чувства.

Докторъ пришелъ только вечеромъ и объявилъ, что пока не можетъ сказать ничего опредѣленнаго. Молочная діэта, прохладительное питье, полный покой и терпѣніе—иныхъ лекарствъ не надо. Онъ зайдетъ завтра въ полдень.

— Боюсь, что вы сами еще больше кузины нуждаетесь въ уходѣ и покоѣ,—замѣтила Мона, когда жестокій приступъ кашля прервалъ окончательныя инструкціи доктора.

— Я просто съ ногъ сбился,—сознался онъ.—Въ послѣднее время то и дѣло приходилось выѣзжать по ночамъ, а тутъ еще этотъ балъ вызвалъ рядъ бронхитовъ и нервныхъ головныхъ болей. Одинъ товарищъ обѣщалъ меня замѣнить недѣльки на двѣ, но онъ не можетъ пріѣхать раньше, какъ черезъ десять дней. Надо какъ-нибудь дотянуть до того времени. Хоть бы морозъ ударилъ; эта сырость просто убиваетъ меня.

Желаніе доктора скоро исполнилось; морозъ, словно по заказу, завернулъ въ ту же ночь. На утро Мона нашла у себя на окнѣ цѣлый тропическій лѣсъ. Мрачный старый домъ и лавка сразу утратили свое гнетущее вліяніе, и сама дѣвушка почувствовала себя мыслящимъ существомъ, благодарнымъ природѣ за то, что она одарила его жизнью.

Рэчель была все въ томъ же состояніи, и Мона, покончивъ уборку комнаты и больной, отправилась на рынокъ. Несмотря на просьбу Рэчели «послать Салли», она не рѣшилась довѣрить покупку провизіи небрежной и глуповатой служанкѣ, тѣмъ болѣе, что покупатели обыкновенно являлись не раньше десяти часовъ. Она шла быстро и вернулась съ пушинками снѣгу на мягкомъ темномъ мѣху шапочки и съ лицомъ, похожимъ на полураспустившуюся розу.

— Докторъ только что прошелъ наверхъ,—шепнула Салли, и Мона поспѣшила наверхъ, но нашла тамъ не доктора Бёрнса, а доктора Дудлея. Захваченная врасплохъ, она не съумѣла скрыть своего удовольствія и, какъ ни готовился Дудлей къ этой встрѣчѣ, у него закружилась голова отъ этой радостной, прелестной улыбки. Въ первую минуту онъ даже не нашелъ словъ для привѣтствія.

— Боюсь, что докторъ Бёрнсъ заболѣлъ,—сказала Мона пожимая его руку.

— Да. Онъ серьезно простудился, и это отразилось на легкихъ.

*

Ему, бѣднягѣ, надо основательно полечиться. Его товарищъ пріѣдетъ черезъ недѣлю, а пока, *volens-nolens*, придется мнѣ замѣнять его. Благодарю васъ, миссъ Симпсонъ; теперь достаточно.

Онъ взялъ у Рэчели термометръ, посмотрѣлъ его на свѣтъ и далъ нѣсколько наставленій Монѣ.—Своего термометра у васъ, вѣроятно, нѣтъ?

— Я этой машинки и въ рукахъ-то никогда не держала,—поспѣшно заявила Рэчель.

— Вы знаете, что достать градусникъ очень не трудно,—строго замѣтила Мона.

— Ну, да это не бѣда. Тутъ все дѣло несомнѣнно, въ простудѣ. Продолжайте микстуру и не мѣшало бы дать больной нѣсколько порошковъ хинина. Черезъ нѣсколько дней она будетъ совсѣмъ здорова.

Онъ написалъ рецептъ,—безъ чего свободно можно было обойтись, какъ подумала Мона,—и пошелъ внизъ. Мона послѣдовала за нимъ. Войдя въ лавку, онъ остановился и круто повернулся къ ней лицомъ, но сказать ничего не могъ; у него все спуталось въ умѣ. Онъ уже не думалъ о красотѣ ея души, ея лица и характера; онъ пересталъ даже восхищаться ею. Онъ только зналъ, что она ему необходима и принадлежитъ ему по праву, потому что онъ первый открылъ её; всѣ другія мысли и чувства потонули въ сладостномъ сознаніи того, что возлѣ него женщина, которую онъ любитъ а что они—одни.

Онъ стоялъ спиной къ свѣту, и Мона, не видя его лица, удивлялась только, почему ея «товарищъ» такъ молчаливъ.

— Неудачные у васъ вышли праздники,—сказала она.

Онъ тряхнулъ головой, словно отгоняя видѣнія, и весело отвѣтилъ:

— Не знаю. Это своего рода отдыхъ для тѣхъ мозговыхъ клѣтокъ, которыя работали въ Лондонѣ, притомъ маленькое предвкушеніе настоящаго дѣла, отодвинутаго моей глупостью въ неопредѣленное будущее.

Эти полныя смиренія слова были сказаны съ гордостью, и самъ говорившій смотрѣлъ вполнѣ сложившимся мужчиной, даже на взглядъ Моны, еще сохранившей живое воспоминаніе о сагибѣ. Въ тяжеломъ зимнемъ плащѣ плечи его казались шире; онъ держался прямѣе, и лицо его приняло выраженіе спокойной увѣренности въ себѣ.

— «Дѣло» вамъ къ лицу,—улыбаясь, замѣтила Мона.

— Скорѣй бы ужъ оно началось!—Онъ съ силой стукнулъ кулакомъ по прилавку.—Когда я сдамъ экзамены, миссъ Маклинъ, я стану другимъ человѣкомъ—тогда я буду вправѣ говорить и дѣлать то, чего не смѣю говорить и дѣлать теперь.

Онъ выговорилъ это горячо, втайнѣ надѣясь, что она пойметь его, но тотчасъ у него вырвалось съ горечью:

— Если только не провалюсь.

— *Вы* провалитесь!—засмѣялась Мона.

— Ахъ! хорошо вамъ говорить! Вы понятіе не имѣете объ этихъ экзаменахъ; тутъ все зависитъ отъ случая.

Краска залила ея щеки. Сколько разъ уже ей хотѣлось попросить позволенія у Рэчели посвятить его въ свою тайну, и каждый разъ вопросъ: Почему именно ему? сковывалъ ей уста. Не сказать-ли все теперь, на чистоту,—снять бремя съ души;—а тамъ пускай сердится кузина. Другой такой случай врядъ-ли представится.

Мона хотѣла сказать, что ей слишкомъ хорошо извѣстно, съ какими случайностями сопряжены экзамены, но, къ удивленію своему, замѣтила, что исповѣдываться *ему* гораздо труднѣе, чѣмъ сагибу. При одной мысли объ этомъ, сердце ея безумно забилось, и дыханіе сперлось у нея въ груди.

— Нѣтъ, это слишкомъ нелѣпо!—возмущалась она мысленно, негодуя на свою слабость.—Какое тебѣ дѣло до того, что онъ подумаетъ? Но если ты не можешь говорить объ этомъ, не пыхтя, какъ самоваръ, лучше ужъ молчи. Да и не все-ли равно, въ сущности, будетъ онъ знать, или не будетъ!

— А знаете,—весело сказалъ Дудлей,—я было сегодня утромъ подумалъ, что заблудился, не туда попалъ. Я едва узналъ вашу квартиру.

— Вы замѣтили разницу? у васъ зоркіе глаза и хорошая память.

Замѣтилъ разницу! Онъ давно не испытывалъ такого удовольствія, какъ при видѣ этого превращенія. Дудлей не былъ исключеніемъ среди мужчинъ, и видъ наряднаго, чистенькаго, приличнаго магазинчика порадовалъ его, пожалуй, больше, чѣмъ обрадывало бы его появленіе его Золушки на балу. Если ужъ его возлюбленная—продавщица, пусть она по крайней мѣрѣ знаетъ свое дѣло.

— Я былъ увѣренъ, что ваше вліяніе скажется съ теченіемъ времени,—замѣтилъ онъ—миссъ Симпсонъ, должно быть, не очень охотно передала бразды правленія?

— Нѣтъ, она была очень добра ко мнѣ. Не думаю, чтобы я сама дала такую волю помощницѣ. Надѣюсь вамъ понравилось наше окно? По моему это шедевръ.

— Я бы сказалъ, что, это нѣчто лучшее,—выговорилъ онъ суховато и протянулъ ей руку: До свиданія.

— Милая!—думалъ онъ, усаживаясь въ свою бричку.—Она даже не извиняется за свое ремесло, никогда не говоритъ о немъ, такъ какъ это что то ниже ея. А я—Господи, какой же я скотъ!

Когда онъ вышелъ, Мона подняла руку, только что пожатую имъ, и принялась внимательно ее разсматривать. Потомъ пропілась по лавкѣ.— Я не собираюсь замужъ,—вдумчиво говорила она самой себѣ,—и едвали когда-нибудь узнаю, что такое любовь, но для мужчины это былъ-бы хорошій пробный камень—взять меня такой, какой я есть,—полюбить меня, думая, что я только помощница Рэчели Симпсонъ.

Слѣдующій день былъ воскресный. Рэчель чувствовала себя гораздо лучше и настаивала, чтобы Мона шла въ церковь.

— А то люди, пожалуй, вообразятъ, что у меня что нибудь заразительное, и перестанутъ заходить въ нашу лавку. Выздоровѣешь, сойдешь внизъ—пожалуй, и словомъ перемолвиться будетъ не съ кѣмъ.

Утро было ясное, морозное. Мона едва дождалась конца службы.

— Вѣроятно, докторъ уже былъ?—освѣдомилась она съ замѣтнымъ равнодушіемъ, входя въ комнату больной.

— Да, и остался мной очень доволенъ. Говоритъ, все хорошо; сегодня можно будетъ встать къ чаю, а завтра даже выйти ненадолго. Онъ очень занятъ и говорилъ, что не придетъ, пока мы не пришлемъ за нимъ. Вотъ человѣкъ, не то, что иные доктора,—которые только и стараются, чтобы побольше визитовъ накопилось.

— Д-да,—устало протянула Мона, но сейчасъ же овладѣла собою.— Какъ я рада, что вамъ лучше, дорогая!—М-ръ Стюартъ сказалъ, что завтра зайдетъ навѣстить васъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію).

*(Продолженіе *).*

19-го сентября.

Сегодня назначена въ Херіенѣ дневка и потому мы съ Н. Е. надѣялись поспать лишняго, но не пришлось.

Въ шесть часовъ раздались гдѣ то близко какія-то мелодичныя завыванія ближе, ближе и наши дворъ, комната наполнились вдругъ этимъ страннымъ восточнымъ пѣніемъ, завываніемъ.

Неумытый П. Н. просунулъ взволнованное лицо и шепнулъ:

— Начальникъ города.

— Скажите, что мы очень извиняемся, что мы еще въ постелѣ, что не пришелъ обозъ, гдѣ наши вещи. Когда придетъ, мы сами будемъ у него.

Опять заглядываетъ П. Н.

— Начальникъ счелъ своимъ долгомъ, въ виду того, что такіе знатные иностранцы посѣтили его городъ, освѣдомиться объ ихъ здоровьѣ и спросить, довольны-ли помѣщеніемъ.

— Мы очень довольны и отъ всей души благодаримъ.

Нѣкоторая пауза и затѣмъ крикъ десяти голосовъ что-то вродѣ нашего «ура» и затѣмъ опять мелодичное завываніе.

Мы высунули голову и смотримъ вслѣдъ. На носилкахъ сидитъ высокій, старый уже человѣкъ. Онъ въ бѣломъ костюмѣ, черной волосяной шляпѣ, а поверхъ бѣлаго костюма фіолетовая туника. Носилки устроены съ возвышеніемъ, покрытымъ барсовой шкурой, на которой и сидитъ начальникъ (кунжу). Съ двухъ сторонъ его идутъ двое съ алебардами, впереди разноцвѣтный фонарь, около него, молодой мальчикъ, его адъютантъ передаетъ распоряженія старшему палачу, этотъ же въ свою очередь громко выкрикиваетъ то же своимъ исполнителямъ, младшимъ палачамъ. Вся свита кунжи—человѣкъ 10, которые и идутъ гуськомъ за нимъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

Завыванія уже далеко, но сонъ пропалъ.

— Что они кричатъ?

— Кричатъ, чтобъ всѣ давали дорогу. Когда идетъ начальникъ, надо уходить или, пригнувшись, давать дорогу проходить, несмотря.

Начальникъ ѣдетъ въ громадныхъ китайскихъ очкахъ. При встрѣчѣ съ нимъ всѣ остальные должны снимать свои очки. При встрѣчѣ и поклонахъ другъ съ другомъ они тоже обязательно снимаются.

Напились чаю, я сѣлъ за работу, всѣ наши отправляются посмотрѣть городъ, кромѣ Бибика.

— Что тамъ еще смотрѣть? У насъ въ Томской губерніи...

Онъ не договариваетъ, что у нихъ тамъ въ Томской губерніи. Да что и договаривать, когда все и безъ того ясно: Бибикъ ложится спать поэтому и спитъ весь день

Къ двумъ часамъ приходитъ обозъ, мы одѣваемся и идемъ къ кунжу. Его чиновникъ ждалъ насъ и теперь ведетъ къ своему шефу. За нами идутъ дѣти, корейцы, выглядываютъ корейки. Однѣ стыдливо, другія увѣренно. Одна стоитъ съ большими глазами, съ совершенно бѣлымъ, здоровымъ лицомъ, красивая, даже съ нашей точки зрѣнія. У нея въ глазахъ увѣренность и нѣкоторое даже презрѣніе, пренебреженіе.

— Веселая вдова,—говорю я П. Н.

П. Н. освѣдомляется и оказывается, что веселая вдова, по-просту, проститутка.

— Какъ вы догадались? Она была у прежняго кунжу фавориткой, а этотъ новыхъ набралъ, эта недовольна.

— Откуда набираются проститутки?

Съ тѣмъ же вопросомъ П. Н. обращается къ толпѣ корейцевъ, долгій разговоръ, поправки и затѣмъ переводъ П. Н.

— Проститутки набираются со всѣхъ сословій...

— Я читалъ, что собственно танцовщицы поставляются исключительно сословіемъ городскимъ, среднее нѣчто между крестьянами и дворянами.

П. Н. перебрасываетъ вопросъ въ толпу и энергичный крикъ въ отвѣтъ:

— Это невѣрно. Вотъ какъ это бываетъ въ каждой семьѣ. Въ три года предсказатель, по вашему шаманъ, по корейски таинъ, опредѣляетъ будущность дѣвушекъ. Бываетъ такъ, что дѣвушкѣ назначено умереть, а проституткой она остается живой, такую и назначаютъ... Только это послѣднее дѣло...

П. Н. дѣлаетъ соотвѣтственную гримасу. Онъ переводитъ свою мысль толпѣ, толпа дѣлаетъ такія же гримасы, сочувственно кричитъ и отплевывается.

— Вотъ еще проститутка.

Тоже бѣлолицая женщина, рыхлая, съ непріятнымъ лицомъ, стоитъ и мирно разговариваетъ съ толпой.

— Но съ ней разговариваютъ и пренебреженія къ ней невидно.

Я сообщаю это П. Н.

— Ну, конечно,—говоритъ онъ,—тоже человѣкъ, чѣмъ она виновата.

Мы проходимъ черезъ цѣлый рядъ памятниковъ кунжу, прежнихъ пусаевъ, и подходимъ къ дому съ затѣйливымъ на китайскій образецъ черепичными крышами. Деревянная арка, на ней громадный барабанъ, въ который бьютъ вечернюю зорю.

Тамъ на этой аркѣ самъ кунжу со свитой... Увидѣвъ насъ, онъ поспѣшно идетъ во дворъ.

Передъ нами отворяютъ среднія ворота, въ которыя входитъ только кунжу.

Мы входимъ во дворъ и поднимаемся по ступенькамъ подъ большой навѣсъ. Въ сторонѣ лежатъ корейскія розги: длинныя, гибкія линейки, аршина въ два, съ ручками. Здѣсь происходятъ судбища.

Къ намъ идетъ навстрѣчу начальникъ, мы жмемъ другъ другу руки, онъ показываетъ на дверь. Мы входимъ въ комнату, сажени полторы въ квадратѣ. Посреди ея накрытый бѣлой скатертью столъ, по бокамъ четыре табурета: два изъ нихъ покрыты барсовыми шкурами. На нихъ садятъ меня и Н. Е. На два другихъ садятся кунжу и П. Н.

Начинается разговоръ, какъ высокіе гости доѣхали? Какъ нравится имъ страна и люди?

Мы хвалимъ и страну, и людей, благодаримъ за гостепріимство. Съ введеніемъ техническаго образованія предсказываемъ спокойную и безбѣдную будущность народу корейскому.

— Образованіе необходимо,—говоритъ старикъ,—мой сынъ третій годъ уже въ Петербургѣ. Корея можетъ жить, если другіе великіе народы не уворуютъ ихъ страну. Кореецъ не можетъ сопротивляться, но это будетъ большой грѣхъ. Слава Богу, избавились отъ китайцевъ, но теперь японцы захватываютъ: они жадны, корыстолюбивы, двуличны. Мы за ихъ долларъ даемъ 500 кешъ, а между тѣмъ это уже вышедшая изъ употребленія монета и во всемъ остальномъ мірѣ стоимость ея то серебро, которое въ ней. На сто кешъ не будетъ. Три милліона нищій корейскій народъ бросаетъ такъ японцамъ.

Онъ не любитъ японцевъ. Его, вѣроятно, за это прогонятъ скоро, но онъ говоритъ то, что думаетъ.

Предполагать двуличіе нельзя было, хотя бы потому, что въ дверяхъ и окнахъ стояло множество народу, который внимательно слушалъ. Удивительно въ этомъ отношеніи жизнь на людяхъ здѣсь проходитъ. Къ этому приспособлено все вплоть до этихъ домовъ, гдѣ въ одномъ концѣ слышенъ шопотъ съ другого, эти бумажныя двери. Затворите ихъ, продѣлаютъ дырки пальцами и десятки глазъ опять наблюдаютъ каждый вашъ шагъ.

— Вотъ это мой второй сынъ, это третій отъ наложницы,—говоритъ начальникъ города.

— Прежде и въ Кореѣ были законные и незаконные дѣти, но вотъ,— это уже было давно,—съ какихъ поръ все измѣнилось. У одного министра не было законнаго сына и, согласно обычаю, онъ долженъ былъ усыновить кого-нибудь изъ своего законнаго рода, чтобъ передать ему свои права и имущества. Выборъ его палъ на племянника. Въ назначенный для церемоніи день, когда собрались для этого въ домъ министра всѣ знаменитые люди и прибылъ самъ императоръ, вышелъ къ гостямъ незаконный десятилѣтній сынъ хозяина, держа въ рукахъ много заостренныхъ палочекъ. Каждому изъ гостей онъ далъ по такой палочкѣ и сказалъ: «выколите мнѣ глаза, если я не сынъ моего отца».

— Ты сынъ.

— Тогда выколите мнѣ глаза, если мой двоюродный братъ сынъ моего отца.

— Но онъ не сынъ.

— Тогда за что же вы лишаете меня, сына, моихъ правъ?

— Таковъ законъ,—отвѣтили ему.

— Кто пишетъ законы?—спросилъ мальчикъ.

— Люди,—отвѣтили ему.

— Вы люди?—спросилъ мальчикъ.

— Мы?—Гости посовѣтовались между собой и отвѣтили:

— Люди.

— Отъ васъ, значитъ,—сказалъ мальчикъ,—и зависитъ перемѣнить несправедливый законъ.

Тогда императоръ сказалъ:

— А вѣдь мальчикъ не такъ глупъ, какъ кажется, и почему бы дѣйствительно намъ и не перемѣнить несправедливаго закона?

И законъ перемѣнили, и съ тѣхъ поръ въ Кореѣ нѣтъ больше незаконныхъ дѣтей. «Это такъ», киваютъ въ окнахъ и дверяхъ серьезные корейцы, и бесѣда наша продолжается дальше.

— Правда ли, что дворянство уничтожено въ Кореѣ?—провѣряю я сообщенныя мнѣ свѣдѣнія.

— Дворянство осталось, но въ правахъ службы всѣ сословія сравнены въ 1895 году.

— А рабство?

— Собираемся и его уничтожить.

На столъ поставили, справившись о томъ, что мы уже обѣдали, корейскія лакомства: бѣлыя и красныя круглыя конфетки (мука съ сахаромъ), родъ финиковъ, китайскіе пряники, темнаго цвѣта, сладкіе, изъ разсыпчатаго тѣста. Подали чай и коньякъ. Этотъ коньякъ я узналъ по бутылкѣ,—это даръ нашихъ, уже побывавшихъ здѣсь.

— Это мнѣ подарокъ.

Тогда и мы поднесли ему свои подарки: полсотни сигаръ, сотню папиросъ, подносикъ съ приспособленіями для сигаръ.

— Очень, очень благодаренъ.

— Не хочетъ ли начальникъ сняться?

— О, да, очень хочетъ. Можно со всѣми наложницами, проститутками и служащими?

— Можно, можно.

Н. Е. берется за это дѣло, а я ухожу.

Н. Е. по возвращеніи передаетъ впечатлѣнія. Кунжу снимался одинъ и со всѣми вмѣстѣ, но двухъ женъ не показалъ: старшая жена въ имѣніи, а другая не совсѣмъ здорова. Вечеромъ онъ еще разъ придетъ къ намъ.

П. Н. нашелъ новаго проводника,—онъ знаетъ много разсказовъ, хорошо читаетъ. Мы купили большую, въ семи частяхъ, корейскую повѣсть. Будемъ читать ее въ дорогѣ.

Новый проводникъ и толпа корейцевъ сидятъ въ моей комнатѣ, и я задаю разнаго рода вопросы.

Больше всего идетъ провѣрка прежнихъ свѣдѣній.

Нашъ китайскій переводчикъ Василій Васильевичъ ходилъ къ своимъ здѣсь.

— Хорошіе люди?

— Все хунхузы (разбойники),—уныло сообщаетъ В. В.

Онъ больше всѣхъ боится этихъ хунхузовъ и трепещетъ при мысли, что мы идемъ въ самое ихъ логовище—Пек-ту-санъ.

Смерклось и скоро раздались заунывные звуки,—начальникъ идетъ. Когда пѣніе неслось уже со двора, я вышелъ, мы пожали другъ другу руки и онъ вошелъ въ комнату.

Мы усадили его на походномъ стулѣ и стали угощать икрой, ветчиной, сардинками, а, главное, коньякомъ.

— Это нашъ предводитель дворянства,—указалъ кунжу на одного изъ стоявшихъ.

Это съ полнымъ лицомъ, среднихъ лѣтъ человѣкъ, въ своемъ длинномъ костюмѣ похожій на доминиканскаго монаха. Лицо его льстивое и подобострастное.

Я попросилъ его присѣсть. Но онъ такъ и не сѣлъ.

Каждый разъ подавая ему коньякъ, П. Н. спрашивалъ разрѣшенія у начальника.

Предводитель дворянства кланялся, бралъ рюмку, какъ-то умирительно выворачивалъ всторону шею и лицо и выпивалъ все, что ему давали. Принималъ двумя руками закуску и, отворачиваясь, ѣлъ. Остальнымъ начальникъ запретилъ пить.

Въ концѣ концовъ начальникъ заговорилъ по-русски.

Разсказалъ, какъ бывалъ онъ во Владивостокѣ, какъ ѣздилъ по желѣзной дорогѣ.

— Мнѣ везло въ жизни,—говорилъ онъ своему предводителю,—я обѣдалъ со всѣми знатными людьми: во Владивостокѣ съ губернаторомъ, въ Хабаровскѣ—съ генералъ-губернаторомъ, на Камнѣ-Рыболовѣ—со становымъ.

Просилъ насъ очень скорѣе строить желѣзную дорогу, показалъ образцы каменнаго угля въ двухъ верстахъ отъ Херіена въ горѣ Саа-гори.

Я предложилъ ему попробовать вермуту, а онъ добродушно сказалъ:

— На сегодня довольно, а лучше оставьте мнѣ эту бутылку, завтра, скучая и вспоминая о любезныхъ гостяхъ, я выпью ее.

— Это мой адъютантъ,—показалъ онъ на юношу,—и я его очень люблю, и онъ всегда спитъ со мной.

Принесли сладкое: халву, карамели.

— Нѣтъ, я не ѣмъ сладкаго, лучше выпьемъ на прощаніе.

Онъ заставилъ выпить меня и я сказалъ:

— Я пью за гостепріимный, ласковый народъ корейскій, я желаю ему блестящей будущности и желаю, чтобъ никто не мѣшалъ ему развиваться.

Всѣ корейцы привѣтливо закивали головами, а начальникъ сказалъ:

— Мы хотимъ русскихъ,—у русскихъ денегъ много, а японцы еще бѣднѣе насъ.

— Возьмите вашимъ дѣтямъ,—далъ я на дорогу начальнику конфектъ.

— Вотъ мои дѣти,—показалъ онъ на толпу, стоящую у двери. И онъ отдалъ имъ всѣ конфекты.

— Сладкое я имъ позволяю: не позволяю вино и курить при себѣ. Только предводителю позволяю вино, но курить и сидѣть нельзя при мнѣ.

Затѣмъ мы простились.

Ночью еще эффектнѣе эти завыванія, разноцвѣтный громадный фонарь и бѣлая гуськомъ стража.

Послѣ ихъ ухода мы стали ѣсть приготовленный намъ корейскій обѣдъ, состоящій изъ семи закусокъ (на югѣ девять),—чиртеби, курица вареная съ бульономъ, жареное въ чеснокѣ мясо, нѣчто въ родѣ бефъ-строгановъ, и чашка рису, вмѣсто хлѣба. Все съѣдобно и вкусно.

20-го сентября.

Шесть часовъ, но уже заглядываютъ въ дырочки десятокъ дѣтскихъ глазъ. Къ сожалѣнію, дѣти грязны и запахъ отъ нихъ тяжелый, иногда прямо нестерпимый. Воздухъ комнаты отравленъ этимъ запахомъ. Лучше скорѣе вставать, да отворить бумажную дверь,—по крайней мѣрѣ, проникнетъ и свѣжій воздухъ.

Послѣ вчерашняго пиршества много покражъ: пропали чайныя ложечки, много консервовъ и разныхъ мелкихъ вещей. Хуже всего, что исчезла часть патроновъ—могутъ надѣлать себѣ массу зла.

Нигдѣ до сихъ поръ ничто не пропадало у насъ. Правда, случаи мелкаго воровства въ Кореѣ подтверждаются и другими путешественниками, но гдѣ ихъ не бываетъ? И въ уличной толпѣ Лондона развѣ ихъ меньше?

Пока укладываются, сходилъ въ городъ и снялъ нѣсколько видовъ:

лавокъ, улицъ, харчевенъ съ ихъ лапшой, женщинъ, носящихъ сзади на спинѣ своихъ дѣтей. И дѣвочка лѣтъ десяти тащитъ такой непосильный грузъ, обмотанный тряпкой. Въ открытыя двери фанзы видны работающія, на половину голыя, женщины.

Вотъ у лавочки стоитъ миловидная женщина въ своемъ костюмѣ,—бѣлая юбка, кончающаяся бѣлымъ пясомъ, на плечахъ баска, а разстояніе между баской и поясомъ открываетъ голую спину, бока, грудь. Она покупаетъ вату и пока ей отвѣшиваютъ, она стоитъ со связками кешъ въ рукахъ.

Вотъ во дворѣ раскинута палатка. Это годовщина смерти и всѣ знакомые идутъ къ нимъ съ визитомъ въ этотъ день.

Ѣдятъ, пьютъ и поминаютъ.

У лавокъ сидятъ, поджавши по турецки ноги или на корточкахъ.

У здѣшнихъ такой же, какъ и у нашихъ купцовъ, увѣренный видъ и презрѣніе ко всему, кромѣ денегъ.

Передъ нами южныя ворота и черезъ нихъ то и дѣло проходятъ женщины, неся на головахъ высокіе кувшины съ водой.

За нами толпа ребятишекъ и всякаго народа. Всѣ привѣтливы, вѣжливы и расположены.

Слышится ласковое «Араса» (русскій).

Подходитъ старикъ и горячо говоритъ что то П. Н., тотъ смѣется.

— Что онъ говоритъ?

— Говоритъ, что араса хорошъ, только солдатъ араса не хорошъ. Старикъ съ сожалѣніемъ киваетъ мнѣ головой.

Чтобъ кончить о Херіенѣ, слѣдуетъ сказать, что въ немъ 1.000 фанзъ, 6.300 жителей, 100 быковъ, 50 коровъ, 30 лошадей и 1.000 свиней. Съ трудомъ достали семь пудовъ продажнаго ячменя, нашли только пять продажныхъ яицъ.

Сборы кончены. Одинъ изъ нашихъ рабочихъ-кореецъ Сапаги-длинноногій, худой, въ пиджакѣ и котелкѣ, подъ которымъ корейская прическа, уже сидитъ на лошадк и что то горячо кричитъ.

П. Н. переводитъ. Онъ заступается за корейцевъ по поводу мелкихъ пропажъ. Ихъ просто привлекаетъ блескъ и цвѣтъ.

— Это нѣтъ карапчи,—весело кричитъ онъ мнѣ.

Словомъ «карапчи» онъ опредѣляетъ воровство.

— Ну, съ Богомъ.

Бибикъ не готовъ. У него стащили оборотъ и нечѣмъ увязать вьюки.

— Якъ начну сшивать васъ...—ворчитъ онъ.

— Что значитъ сшивать?—спрашиваю я.

— По шеѣ бить,—нехотя отвѣчаетъ онъ.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, если не хотите Лубенцовской исторіи, которую знаетъ всякій кореецъ,—говоритъ П. Н.

— Да вы что обижаетесь,—говорю я Бибику,—у насъ въ Россіи больше крадутъ.

— Такъ въ Россіи хозяинъ отвѣчаетъ, а тутъ напустятъ всякаго сброду...

Мы тронулись наконецъ, и, извиваясь въ узкихъ улицахъ города, идемъ къ южнымъ воротамъ.

Идетъ красивая блѣднолицая корейка. Она несетъ на головѣ кувшинъ и походка ея какая то особая, сохраняющая равновѣсіе.

Лице Бибика расплывается въ самую блаженную улыбку. Весь гнѣвъ сразу пропалъ.—«Красива, проклятая...»

А черезъ нѣсколько верстъ я спрашиваю его, какъ обошелся онъ безъ недоуздка.

— А укравъ ихій. А щожъ вони будутъ таскать, а мы... и мы будемъ.

И онъ въѣзжаетъ въ самую середину ихъ посѣвовъ, чтобы лошади поѣли чумизы.

— Бибикъ, а въ Россіи хозяинъ за такую потраву, что сдѣлалъ бы?

— А хиба-жъ мы въ Россіи?—успокаивается Бибикъ.

Верстахъ въ двухъ отъ Херіена стоятъ два высокихъ деревянныхъ столба съ перекладинами. На нихъ гербъ города Херіена—два дикихъ гуся и между ними вилы или, вѣрнѣе, трезубое копье.

Эти ворота поставлены отъ лучей злой горы. Это копье пронижетъ этотъ лучъ. Гуси же эмблемы весны и тепла.

Часто на воротахъ фанзы есть такія надписи: «пусть въ эти ворота скорѣе войдутъ весна и лѣто, несущія съ собой всѣ радости».

Недалеко отъ дороги памятники какого то родового кладбища: мраморныя доски въ три четверти аршина длиной, полъ-аршина шириной. По обѣимъ сторонамъ двѣ плиты съ выпуклыми изображеніями человѣческихъ фигуръ,—это рабы по двумъ сторонамъ,—они были у покойнаго при жизни, будутъ и послѣ смерти.

Иногда на такихъ кладбищахъ стоитъ высокая палка съ райской птицей на ней. Птица вродѣ цапли на длинныхъ ногахъ. Это тѣ, которые при жизни получили отъ императора похвальный отзывъ на красной бумагѣ.

Вотъ деревня въ 15 ли отъ Херіена-Пикори, что значитъ деревня памятниковъ.

Здѣсь при смѣнахъ старый начальникъ города встрѣчаетъ новаго и вручаетъ ему государственную печать.

Здѣсь же множество памятниковъ бывшимъ начальникамъ и дальше по дорогѣ все такіе же памятники. На одномъ изъ нихъ что то написано.

— Что это?

— Здѣсь написано какое счастье отдохнуть здѣсь и полюбоваться видомъ этой долины.

— Это не относится къ памятнику, это такъ написалъ какой-нибудь отдыхавшій кореецъ,—объясняетъ П. Н.,—усталъ, вотъ и понравилось ему.

— А то, что за памятникъ на горѣ?

— Это памятникъ добродѣтельной женщинѣ. Это очень почетный памятникъ,—объ немъ у императора просятъ всѣ жители округа.

— Чѣмъ она знаменита, эта женщина?

— Она была добродѣтельная жена.

— Это первый памятникъ, который мы встрѣтили, развѣ только одна и была до сихъ поръ добродѣтельная жена и кто удостовѣрилъ ея добродѣтель?—недовѣрчиво спрашиваю я.

И мнѣ разсказываютъ прекрасную глубоко-альтруистичную сказку о добродѣтельной женѣ.

«У человѣка восемь счастій: счастливая могила предковъ; хорошая жена; долголѣтіе; много дѣтей; много хлѣба; много денегъ; много братьевъ; образованіе. Но есть люди, которые не обладаютъ ни однимъ изъ этихъ счастій, и тогда они называются восьми-несчастными, — Пхар-ке-боги.

Однимъ изъ такихъ и былъ Нинораиъ-Дуи, котораго даже жена бросила.

И все-жъ таки случилось однажды такъ, что Нинораиъ-Дуи встрѣтилъ женщину по имени Дю-Си,—молодую, красивую, богатую, которая полюбила Нинораиъ-Дуи. И Нинораиъ-Дуи полюбилъ Дю-Си. Но такъ какъ несчастія восьми-несчастныхъ передаются и тѣмъ, кто любитъ ихъ, то и для Дю-си встрѣча съ Нинораномъ-Дуи не прошла даромъ,— ея торговыя дѣла пошли плохо, ея скотъ падалъ, поля ея не приносили больше урожая.

Все это кончилось тѣмъ, что, когда однажды Дю-си проснулась, она не нашла больше подлѣ себя своего любимаго Нинораиъ-Дуи, — она нашла только письмо его. Онъ писалъ ей, что несмотря на то, что онъ любилъ ее всѣми силами своей души, онъ оставляетъ ее, такъ какъ ничего кромѣ несчастія онъ не можетъ ей дать.

Дю-си, прочитавъ письмо, горько заплакала, потому что она любила Нинорана-Дуи, а не свои богатства, которыя съ этого момента она возненавидѣла, и, раздавъ ихъ нищимъ, ушла изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ жила.

Она шла по долинѣ, плакала и думала: «Если бы у меня было столько хлѣба, чтобы накормить всѣхъ голодныхъ, и столько денегъ, чтобы дать всѣмъ, кто въ нихъ нуждается, тогда бы не было больше горя на землѣ!»

Когда она такъ думала, она вдругъ увидала передъ собой, ѣдущаго на быкѣ, красиваго сильнаго человѣка, увѣшаннаго цвѣтами и перевитаго колосьями. Онъ остановилъ быка и сказалъ ей:

— Полюби меня, будь моей женой.

— Я люблю уже одного восьми-несчастнаго и никого, кромѣ него, любить не могу. Но если желаешь, будемъ братомъ и сестрой,—отвѣтила Дю-си.

И они побратались по обыкновенію ихъ страны: надрѣзавъ себѣ пальцы, кровью написали свои имена каждый на полѣ своей одежды, затѣмъ, отрѣзавъ написанное, обмѣнялись и, спрятавъ это у себя на груди, каждый отправился своей дорогой.

Утомившись отъ пути, Дю-си вошла отдохнуть въ хлѣвъ, прилегла тамъ и заснула. Во снѣ она увидала бѣлаго, какъ серебро, лицомъ и волосами старика, который сказалъ ей: «Тотъ человѣкъ, котораго ты встрѣтила на быкѣ и побраталась съ нимъ, былъ я. Я—духъ долины. Я знаю твое желаніе. Вотъ тебѣ мѣшочекъ съ рисомъ,—одного зерна довольно, чтобы самый большой котелъ наполнился рисомъ. И сколько бы ты ни брала изъ этого мѣшечка рису, онъ никогда не истощится!» Сказавъ это, старикъ исчезъ, а Дю-си проснулась. Около нея лежалъ маленькій мѣшочекъ съ рисомъ.

Взявъ мѣшочекъ, она пошла дальше.

Долина кончилась и Дю-си стала подыматься на перевалъ высокой горы. Тамъ, на вершинѣ перевала, росъ прекрасный, густой лѣсъ, посреди котораго стоялъ шалашъ. Молодой, красивый дровосѣкъ сидѣлъ въ шалашѣ передъ огнемъ очага и кипятилъ воду въ котлѣ.

— Что ты положишь въ эту воду?—спросила Дю-си послѣ привѣтствія, остановившись у входа въ его шалашъ.

— Я ничего не могу положить въ эту воду,—отвѣтилъ дровосѣкъ,—потому что у меня нѣтъ ни гумизы, ни рису.

Тогда Дю-си вошла въ шалашъ, достала изъ мѣшечка одно зерно рису и бросила его въ котелъ.

Котелъ сейчасъ же наполнился до верха рисомъ и дровосѣкъ съ Дю-си вполнѣ насытились этою пищею.

Послѣ ужина дровосѣкъ сказалъ Дю-си:

— Полюби меня и будемъ мужемъ и женой.

— Я не могу полюбить тебя,—отвѣчала ему Дю-си, — потому что люблю своего мужа, восьми-несчастнаго, но если хочешь, будь моимъ братомъ.

Дровосѣкъ согласился и они побратались.

Вскорѣ послѣ этого наступила ночь и Дю-си крѣпко заснула. Она увидала во снѣ бѣлаго, какъ серебро, лицомъ и волосами старика, который сидѣлъ верхомъ на громадномъ тигрѣ.

— Дровосѣкъ, ужинавшій съ тобою въ шалашѣ, былъ я. Я—духъ горъ. Я знаю твое желаніе: вотъ возьми этотъ кусокъ золота и сколько бы ты ни отрубила отъ него, золото у тебя никогда не будетъ уменьшаться!

Старикъ исчезъ, а Дю-си проснулась. Не было больше ни дровосѣка, ни шалаша, а около нея лежалъ кусокъ золота.

— Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать, — сказала Дю-си, вставая, — я выстрою на этомъ мѣстѣ цѣлый городъ! Ко мнѣ будутъ приходить со

всѣхъ сторонъ всѣ голодные и всѣ тѣ, кому нужны деньги, и въ числѣ ихъ я найду и своего восьми-несчастнаго.

Такъ и сдѣлала Дю-си. Къ ней приходили всѣ нищіе, всѣ голодные или нуждающіеся въ деньгахъ. Ожиданія ея исполнились, — однажды пришелъ къ ней ея мужъ, Пхар-ке-боги.

Когда увидала его Дю-си, она бросилась къ нему и упрекала его, что онъ такъ ее покинулъ. Пхар-ке-боги, узнавъ Дю-си, былъ конечно, тоже счастливъ. Дю-си взяла съ него клятву въ томъ, что онъ не покинетъ ея и не уйдетъ отъ нея больше. Послѣ этого они зажили очень счастливо, кормя и поя всѣхъ приходящихъ къ нимъ нищихъ.

Однажды у Дю-си вышли всѣ деньги и за ними необходимо надо было ѣхать въ другой городъ, чтобы размѣнять золото на деньги.

Дю-си дала свой кусокъ золота мужу и просила его, чтобы онъ въ городѣ нарубилъ побольше кусковъ и обмѣнялъ ихъ на деньги, чтобъ не ѣздить часто въ городъ и не разлучаться.

Пхар-ке-боги навьючилъ осла золотомъ и отправился съ нимъ въ городъ.

По дорогѣ необходимо было переѣхать ручей, а такъ какъ Нинораn-Дуи былъ восьми-несчастный, то и случилось, что какъ разъ въ это время пошелъ сильнѣйшій дождь, превратившій малый ручеекъ въ громадную рѣку, въ которой и потонулъ при переправѣ оселъ вмѣстѣ съ золотомъ.

— Нѣтъ!—вскричалъ въ отчаяніи несчастный,—такъ не можетъ дольше продолжаться: слишкомъ много ужъ несчастій я приношу собою этой женщинѣ! Или я спасу ея золото, или погибну и самъ вмѣстѣ съ нимъ!

Онъ бросился въ воду и утонулъ. Дю-си долго ждала Нинорана-Дуи и, наконецъ, не вытерпѣвъ, пошла сама его отыскивать.

Когда она подошла къ ручью, вода въ немъ спала и это былъ опять маленькій ручеекъ. На берегу она увидала и лежащее золото, и мертваго Нинорана-Дуи. Ничто больше не могло утѣшить Дю-си. Она шла и плакала. Она пришла въ какое-то глухое мѣсто и, сѣвъ, все плакала. Она плакала о своемъ дорогомъ восьми-несчастномъ и о всѣхъ восьми-несчастныхъ. Она такъ и умерла все плача, а отъ ея слезъ въ томъ мѣстѣ протекъ ручей, который и называется «ручей слезъ». Одинъ купецъ ѣхалъ въ городъ по дѣламъ, сбился съ дороги и попалъ какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ лежала мертвая Дю-си. Увидавъ женщину, онъ, по обычаю своей страны, въ знакъ уваженія, слѣзъ съ лошади и прошелъ мимо нея пѣшкомъ. Проходя, онъ замѣтилъ, что женщина неподвижна, а подойдя ближе и убѣдившись, что она мертва, вырылъ могилу и похоронилъ ее. Вскорѣ затѣмъ онъ нашелъ опять свою дорогу, благополучно пріѣхалъ въ городъ и удачно кончилъ всѣ свои дѣла. Приписывая удачу встрѣчѣ съ похороненною имъ женщиною, онъ на обратномъ пути снова заѣхалъ на ея могилу и, по обычаю

своей родины, помянулъ ее. Послѣ этого онъ, по пріѣздѣ домой, разсказалъ домашнимъ и знакомымъ о случившемся съ нимъ происшествіи и своей удачѣ въ дѣлахъ. Другіе купцы, его товарищи, ѣздившіе въ городъ по дѣламъ торговымъ, тоже посѣтили могилу Дю-си и помянули ее. И ихъ постигла удача. Купцы изъ другихъ мѣстностей, узнавъ объ этомъ, также завертывали на могилу Дю-си и тоже получали удачу въ своихъ дѣлахъ.

Однажды одинъ несчастный случайно попалъ на могилу Дю-си. Онъ горько плакалъ о своемъ горѣ и такъ и заснулъ на могилѣ. Во снѣ ему явилась прекрасная, молодая женщина, вся въ бѣломъ, и плакала вмѣстѣ съ нимъ и, утѣшая его говорила:

— Напейся изъ этого ручья, — вода въ немъ чистая, потому что источникъ его — слезы за несчастныхъ. Когда ты напьешся, уменьшится твое горе, потому что ты полюбишь всѣхъ другихъ несчастныхъ, какъ любила ихъ та, слезы которой образовали этотъ ручей!

Стали ходить на могилу Дю-си другіе несчастные и слава о могилѣ Дю-си росла все больше и больше.

Согласно законамъ страны, былъ поставленъ на ея могилѣ памятникъ съ надписью «добродѣтельной женщинѣ».

А слава все растетъ и растетъ и будетъ расти, потому что та, которая спитъ въ этой могилѣ, любила несчастныхъ, а ихъ все больше и больше на свѣтѣ».

На 23-ей верстѣ бывшая застава Капунсамъ.

Она обнесена сѣрой каменной стѣной. Время наложило на нее свою печать, — она развалилась, отъ прежняго города осталось всего 30 фанзъ, зелень пробралась въ стѣну, въ черепицу и это соединеніе зелени и сѣраго камня при солнечномъ блескѣ яснаго осенняго дня, при остальныхъ общихъ красно-желтыхъ золотистыхъ тонахъ составляетъ ласкающій и манящій глазъ контрастъ.

Но Боже сохрани взобраться на такую стѣну и довѣрчиво лечь въ ея зелени.

Множество ядовитыхъ змѣй ужалятъ и черезъ нѣсколько минутъ наступитъ смерть.

Такъ умерла здѣсь красавица дѣвушка, когда родители насильно заставили ее выйдти замужъ за нелюбимаго.

Она надѣла свое свадебное платье и въ немъ ушла. Никто не смѣлъ за ней слѣдовать, а она шла по стѣнѣ, пока не дошла до густой ея зелени и легла тамъ.

Все время дорога идетъ живописной долиной рѣчки Чонъ-канъ-мунъ. Тѣ-же горы, та-же кукуруза, чумиза, но больше лѣсу и широкія ветлы низко склонили свои вѣтви къ волнамъ быстрой, прозрачной, какъ хрусталь, холодной рѣки.

Подъ этими ветлами тамъ и сямъ поэтичныя фанзы. Юноши ко-

рейцы въ косахъ, въ женскихъ костюмахъ, мечтательные и задумчивые, какъ дѣвушки.

Мы ночуемъ въ 80 ли отъ Херіона въ деревнѣ Чон-горъ, въ томъ ущельи долины, гдѣ, кажется, горы совсѣмъ преградили ей путь.

Весело вьется синій дымокъ костра въ синее небо, колеблется его пламя и неровно освѣщаетъ группы сидящихъ кругомъ насъ корейцевъ.

— Пришелъ разсказчикъ,—пронеслось по деревнѣ и всѣ собрались и слушаютъ молодого двадцатилѣтняго только что женатаго юношу. Онъ въ своемъ бѣленькомъ дамскомъ костюмѣ и шляпѣ, какъ институтка застѣнчивый, говоритъ свои сказки. Иногда они поютъ ихъ.

Времена еще Гомера у корейскаго народа и надо видѣть, какъ любовно и серьезно они слушаютъ. Лучшіе разсказчики на устахъ у всѣхъ и П. Н. безошибочно дѣлаетъ свой выборъ.

Сказки о предкахъ, о счастьи.

Для счастья кореецъ носитъ своихъ покойниковъ съ мѣста на мѣсто, мѣняетъ чуть не каждый годъ названіе своей деревни, ищетъ счастливый день въ календарѣ, у предсказателей.

На склонахъ горъ его растетъ дикій виноградъ, въ долинахъ дикія яблони, вишни и сливы, въ горахъ золото, желѣзо, серебро, свинецъ и каменный уголь. Но ничего этого не надо корейцу: ему нужны сказки о счастьѣ. И сказки о счастьѣ дороже ему тяжелыхъ денегъ, тощей пашни.

Вотъ что случилось однажды на свѣтѣ.

«Жилъ былъ одинъ бѣдный дровосѣкъ.

Онъ рубилъ каждый день по три вязанки дровъ. Двѣ продавалъ, а одну оставлялъ для себя. Но вотъ съ нѣкотораго времени его вязанка стала пропадать. Проснется утромъ: нѣтъ вязанки. Рѣшилъ онъ узнать, куда пропадаетъ его вязанка, и какъ-то на ночь, вмѣсто того, чтобы лечь въ свою кровать, залѣзъ въ приготовленную вязанку дровъ. Среди ночи явились служители небеснаго сада и унесли вязанку на небо во дворецъ своего хозяина-Оконшанте. Когда дрова тамъ развязали, то увидѣли и дровосѣка. Увидѣли и доложили Оконшанте. Оконшанте потребовалъ къ себѣ дровосѣка.

— Какъ ты попалъ ко мнѣ?

Дровосѣкъ разсказалъ.

— Хорошо,—сказалъ Оканшанте,—твоихъ дровъ не будутъ больше трогать.

Тогда дровосѣкъ сказалъ:

— Разъ ужъ я попалъ къ тебѣ сюда, не можешь-ли ты чѣмъ нибудь помочь мнѣ? Я такой бѣдный и такой несчастный. Я такъ усталъ отъ постоянной работы и все мое тѣло болитъ. Вотъ посмотри мои руки.

— Чего жъ ты хочешь?

— Перемѣнить свое счастье: пусть и другіе поработаютъ, а я отдохну.

*

— Я этого не могу сдѣлать,—сказалъ Оконшанте, — счастье каждаго записано въ книги до сотворенія міра.

Но дровосѣкъ такъ просилъ, такъ плакалъ и такъ жаль всѣмъ было его, что Оконшанте сказалъ ему:

— Вотъ что я могу тебѣ сдѣлать. Не всѣ приходятъ за своимъ счастьемъ и лежитъ оно пока. Возьми чье нибудь такое счастье.

И Оконшанте потребовалъ къ себѣ книги счастья. Когда принесли, онъ посмотрѣлъ въ нихъ и сказалъ:

— Вотъ. напримѣръ, счастье Цапоги. Суждено ему быть и богатымъ, и счастливымъ. Возьми пожалуй хоть его до времени.

И дровосѣка со счастьемъ Цапоги служители Оконшанте отнесли въ его домъ.

Проснулся на утро дровосѣкъ и рѣшилъ попытать свое новое счастье.

Пошелъ къ богатому сосѣду и попросилъ у него взаймы десять тысячъ лянъ, тысячу хлѣба.

Прежде сосѣдъ ему и кеши не далъ бы, не далъ бы и хлѣба, а тутъ и разговаривать не сталъ: далъ все, что просилъ дровосѣкъ. На эти деньги и хлѣбъ, завелъ дровосѣкъ торговлю и скоро сталъ самымъ богатымъ человѣкомъ въ Кореѣ. Выстроилъ много франзъ подъ черепичной крышей, обнесъ ихъ заборомъ, купилъ много рабовъ и жилъ такъ, что всѣ ему завидовали.

Но было и у дровосѣка горе. Онъ только и думалъ о томъ, что вотъ вотъ придетъ какой-то страшный Цапоги и сразу отниметъ у него все его счастье. И отъ этой мысли онъ мало ѣлъ, мало спалъ и рѣшилъ, наконецъ, такъ: убить этого Цапоги, когда онъ явится. И съ тѣхъ поръ онъ ходилъ всегда весь увѣшанный оружіемъ, превратилъ свой домъ въ настоящую крѣпость и вооружилъ всѣхъ своихъ рабовъ.

И вотъ, однажды, въ одинъ жаркій лѣтній день, когда онъ ходилъ по двору и осматривалъ свои войска и крѣпость, онъ услыхалъ вдругъ какой-то крикъ.

— Кто это кричитъ?—спросилъ хозяинъ.

— Это Цапоги кричитъ,—отвѣтили ему.

Цапоги по корейски значитъ—рожденный подъ телѣгой.

Подъ телѣгой, которая стояла среди двора, кричалъ маленькій новорожденный ребенокъ. Его только что родила какая-то женщина и скрылась, потому что была бѣдна и нечѣмъ ей было ростить своего ребенка.

А дровосѣкъ стоялъ и думалъ:

«Такъ вотъ кто этотъ страшный Цапоги, для котораго онъ выстроилъ крѣпость, держалъ войско, котораго хотѣлъ убить. Но развѣ такихъ убиваютъ? За что убить? За то что онъ кричитъ, что хочетъ ѣсть?»

— Нѣтъ я не убью его,—сказалъ дровосѣкъ,—а сдѣлаю своимъ сыномъ и тогда его счастье будетъ и моимъ счастьемъ.

Такъ и сдѣлалъ дровосѣкъ и былъ счастливъ до конца жизни».

21-го сентября.

Лагерь уже выступилъ, и во дворѣ фанзы идетъ энергичная уборка хозяевами.

Опять все чисто и уютно. Масса дѣтей. Опять несчастный прокаженный. На мой вопросъ--много ли ихъ?

— О, много, очень много.

Онъ живетъ въ своей семьѣ. Имъ никто не брезгуетъ.

— Надо жалѣть несчастнаго,—ему ужъ недолго жить.

Семь часовъ утра, обѣдъ нашъ готовъ, надо пріучаться ѣсть съ утра и на весь день, такъ какъ на лошади придется пробыть не меньше 12 часовъ и это самый выгодный способъ передвиженія—весь день ѣхать, всѣ ночи спать.

Чудное утро, ласковое солнце, долины и горы все такъ же прекрасны, прозрачная вода все также нѣжно журчитъ въ широкой горной рѣкѣ. А вверху нѣжно-голубое небо и не знаю въ небѣ или на горѣ таетъ бѣлое, все прозрачное облачко.

Кладбище на склонѣ и уже возится трудолюбивый кореецъ у могилы своихъ предковъ.

Дорога все выше и выше. Изрѣдка попадаются по двѣ, по три двухколесныхъ арбы на быкахъ, мы иногда ихъ обгоняемъ—это везутъ товаръ изъ Россіи,—бязь, ситецъ, кумачъ. Обратные везутъ китайскую водку.

На вершинѣ перевала (3 версты отъ стоянки) Муссан-ленъ устроена молельня: у дерева, сажень въ квадратѣ, подъ черепичной крышей надпись: цонъ-нонъ-танъ (святой домъ начальника горъ). Внутри на стѣнѣ, передъ входомъ на коричневой бумагѣ изображеніе старика съ бѣлыми бровями, бѣлой бородой, съ желто-бѣлымъ лицемъ. На немъ зеленая одежда, желтые рукава (родъ ряски), красная подкладка, синяя оторочка воротника и рукавовъ. Подъ зеленой одеждой бѣлый или даже палевый подрясникъ, ноги въ китайскихъ туфляхъ. Одной рукой онъ обнимаетъ тигра, который изогнулся и смотритъ старику въ глаза.

Это его лошадь, на которой онъ объѣзжаетъ свою гору. На головѣ старика маленькая желтая корона изъ цвѣтовъ.

Старикъ сидитъ въ задумчивой позѣ на скамьѣ съ перилами и смотритъ тигру въ глаза.

Картину рисовалъ художникъ округа Херіонъ, мѣстности Тха-кор О-хан-муги въ 1898 году, третьей луны.

Внизу надпись—святой начальникъ горъ Цхонъ-Ніон-Та-Тхон-Уан-Шин-У. Картина за двумя красными кумачевыми занавѣсками. По двумъ другимъ сторонамъ множество лошадиныхъ волосъ. Всякій проѣзжающій вырываетъ у своей лошади волосы изъ гривы и хвоста и вѣшаетъ ихъ, прося о благополучіи отъ тигровъ.

Передъ изображеніемъ среди молельни два-три камня, на которыхъ сжигается душистое дерево въ честь начальника горъ.

На наружной сторонѣ бесѣдки надписи по русски: 8 мая 1889 г. Ветергофъ, 25 мая 1890 г. Ветергофъ, Неовіусъ и Хрущовъ. 26 февраля 1886 года Десано (неразборчиво).

И я написалъ: 21 сентября 1898 г. и свою фамилію.

Проѣхали 11 верстъ отъ ночевки, и начались дикія, почти необитаемыя мѣста съ узкой долиной и высокой горой.

На 20-й верстѣ развалины стараго Муссана. Сохранилась только стѣна, да нѣсколько фанзъ.

Невдалекѣ китайцы, они же и хунгузы (разбойники), жгутъ уголь. Нѣсколько такихъ хунгузовъ держатъ всю округу въ паникѣ. Корейцы робки, какъ дѣти. Будь хоть сотня ихъ, возвращающихся съ заработковъ изъ Россіи, но одинъ выстрѣлъ и предложеніе всѣмъ сложить свои вещи и деньги дѣлаютъ то, что эта сотня корейцевъ,—бѣлыхъ лебедей, которые, какъ лебеди, съ первыми весенними лучами появляются въ предѣлахъ Россіи, а осенью, съ лебедями, исчезаютъ въ своей странѣ,—складываетъ въ кучу всѣ вещи, весь товаръ, купленный въ Россіи, всѣ деньги, бросаетъ лошадей и скотъ, спасая только свою жизнь.

Китаецъ трусливѣе всѣхъ другихъ, кромѣ корейцевъ, народовъ на войнѣ, умѣющій такъ великолѣпно бѣгать, здѣсь передъ [болѣе робкими является героемъ.

Конвой изъ пяти человѣкъ нашихъ солдатъ провожаетъ партію корейцевъ въ сто человѣкъ до Корейской границы—этого достаточно, чтобъ и китайцы не нападали, и сотня корейцевъ были спокойны.

Эти факты ясно характеризуютъ, какой матеріалъ представляетъ въ военномъ [отношеніи дѣтскій корейскій народъ. Въ ихъ легендахъ, правда, сохранились представленія о богатыряхъ и ихъ подвигахъ, но въ добродѣтели современнаго корейца военныя доблести не входятъ. И, конечно, больше всего за это нашъ Бибикъ презираетъ ихъ отъ всего своего сердца. Навѣрно, презираетъ и меня въ душѣ за то, что я не пользуюсь ихъ робостью: не посылаю его на фуражировку, не позволяю ухаживать за кореянками и дразнить корейцевъ.

Все выше и выше подъемъ и только лѣсъ кругомъ, да верхушки далекихъ горъ просвѣчиваютъ.

Но лѣсъ плохой: или погорѣлый, или сгнившій. Порода—осина и лиственница. Изрѣдка попадется сосновое дерево, но такъ ихъ мало этихъ деревьевъ, что и говорить о нихъ не стоитъ. Остальное хламъ, негодный даже на порядочныя дрова.

Поздно, почти въ темнотѣ мы достигаемъ перевала, послѣдняго передъ Муссаномъ—перевала Чапленъ и, спустившись, ночуемъ въ деревнѣ Шекшарикоръ.

Бѣдная фанза,—постоялый дворъ,—вѣтеръ уныло завываетъ въ

лѣсу и отъ шума лѣса кажется, что на дворѣ разыгрывается страшная непогода.

Слушая такой вой вѣтра, одинъ путешественникъ-кореецъ изъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ лѣса, просидѣлъ четыре дня, все выжидая, когда лѣсъ перестанетъ шумѣть. Но онъ шумитъ всегда.

Бѣдная наша фанза имѣетъ характеръ кавказской сакли. Холодно. Термометръ упалъ до 4°.

Сѣна нѣтъ, соломы нѣтъ, овса нѣтъ, ячменя нѣтъ. Послали за пять верстъ и кое-какъ собрали два пуда ячменя и 25 сноповъ соломы бузы.

Но зато пріятный сюрпризъ: оказался картофель. Уже десятый день мы безъ хлѣба и картофеля.

Я не думалъ, что за такое короткое время можно такъ соскучиться за такой новостью, какъ картофель. Обыкновенно я его почти не ѣмъ, но сегодня ѣлъ, какъ самое гастрономическое блюдо.

Клоповъ въ фанзѣ множество. Мы въ почетной комнатѣ, гдѣ кореецъ держитъ своихъ покойниковъ. Дверь на грязную половину открыта и видна вся тамошняя публика: Бибикъ, Бесѣдинъ, Хоповъ,—всѣ отставные солдаты,—два нашихъ корейца: высокій Сапоги и маленькій уродъ Таани—веселый комикъ, ни слова не говорящій по-русски и тѣмъ не менѣе заставляющій нашихъ солдатъ то и дѣло хохотать.

Онъ упросилъ Бесѣдина уступить ему винчестеръ.

— На что тебѣ?

Онъ крутитъ усы:—Капитанъ...

Это значитъ, что онъ будетъ имѣть видъ капитана и плѣнитъ тогда сердце какой-нибудь кореянки. Кореянка приметъ его за «араса» (русскаго).

— Значитъ кореянки любятъ «араса»?—спрашиваетъ благообразный исполнительный, бывшій ротный фельдфебель, Бесѣдинъ.

— Ну, такъ неужели любить такихъ уродовъ, — гудитъ Бибикъ, показывая на Таани и уже умираетъ отъ смѣха.

Въ нашей фанзѣ въ женскомъ отдѣленіи путешественница-дворянка. Она путешествуетъ со своимъ рабомъ. Рабу лѣтъ 15. Его продали родители изъ южной Кореи во время свирѣпствовавшаго тамъ голода.

Я утромъ видѣлъ эту путешествующую дворянку. Высокій поясъ, баска, юбка-колоколъ—все безукоризненно бѣлое,—дама, какъ дама, еслибъ не торчащія изъ-подъ юбки въ корейской обуви ноги. Да походка съ выворачиваніемъ пятокъ, точно она все время несетъ на головѣ громадный кувшинъ съ водой.

Рабъ ведетъ въ поводу хорошенькую сытую лошадку. На спинѣ лошади красиво упакованъ тюкъ, торчитъ европейскій зонтикъ.

Другой путешественникъ, молодой человѣкъ, тоже очень опрятно одѣтый.

— Какая его можетъ быть спеціальность?—спрашиваю я у П. Н.

П. Н. отправляется съ нимъ разговаривать и послѣ долгой бесѣды съ пренебрежительной гримасой подсаживается поближе ко мнѣ:

— Онъ самъ живетъ постоянно въ Херіонѣ. Все ихъ имущество двѣ корейскихъ десятины, которыя обрабатываетъ его младшій братъ, а онъ живетъ на этотъ доходъ.

— Какіе-же доходы?

— А много ему надо? Хватитъ чумизы и довольно.

— Но такой костюмъ?

— Ну, 2 р. 50 к. Шляпа на всю жизнь. Ну, немного посводничаетъ... Пріѣдетъ, напримѣръ, изъ глухой деревни крестьянинъ богатый или дворянинъ—ничего не знаетъ въ городѣ. Ну и поведетъ по всѣмъ веселымъ мѣстамъ, гдѣ поютъ, танцуютъ.

— Это вѣдь запрещено теперь?

— На бумагѣ запрещено,—бумага все терпитъ... Только такимъ, какъ этотъ, заработокъ: покажетъ гдѣ. Или познакомитъ съ вдовой, а она просто проститутка, ну и морочитъ съ нимъ вмѣстѣ деревенскаго медвѣдя. А онъ медвѣдь совсѣмъ, можетъ, и города никогда не видалъ. А какъ услышитъ музыку, пѣніе, увидитъ ея танцы, да еще сама она нальетъ ему сули, ну и бери, какъ хунгузъ, всѣ деньги. Отдастъ и уѣдетъ въ деревню,—другой на его мѣсто.

— Это онъ самъ вамъ разсказывалъ?

— Кто это будетъ разсказывать про себя,—хозяинъ разсказывалъ, да и такъ видно. Если человѣкъ честно зарабатываетъ себѣ хлѣбъ—онъ такъ и скажетъ, а кто молчитъ, ну, значитъ, какимъ-нибудь ремесломъ нехорошимъ да занимается. Въ корейскихъ городахъ такихъ половина города: такъ и живутъ на счетъ деревенскихъ дураковъ. Вотъ теперь, навѣрно, ѣздилъ къ какому-нибудь деревенскому дружку, съ которымъ пировалъ, ну, можетъ, поклонъ отъ вдовы привезъ,—дожидается, дескать, его въ городъ. Ну, уши и развѣситъ дуракъ, да и жена тутъ,—какъ бы не проговорился: дастъ ему, сколько надо,—только уходи, пожалуйста. Съ одного, другого соберетъ, ну ему пока и довольно. Теперь вотъ дворянку эту выслѣживаетъ, можетъ и тутъ что-нибудь перепадетъ... Вотъ, если дать ему рюмки три спирта, онъ развернетъ языкъ.

— Богъ съ нимъ. Рюмку дайте, потому что ему, кажется, до сихъ поръ холодно.

Ему дали рюмку спирту и онъ расцвѣлъ, онъ подошелъ къ моей двери и, сдѣлавъ что то вродѣ дамскаго реверанса, что-то сказалъ.

Я понялъ «азенченъ»—благодарю. П. Н. перевелъ остальное:

— Онъ говоритъ, что ему лестно отъ такихъ знатныхъ гостей получить угощеніе. Теперь будетъ врать своимъ, какъ мы его принимали. Столько навретъ, что и въ три года не разберешь.

П. Н. заговорилъ о чемъ-то съ нимъ и лицо молодого франта просіяло.

— Я говорю ему, что мы воротимся еще въ Херіонъ и что нельзя-ли будетъ познакомиться съ какой-нибудь веселой вдовой черезъ него? Говоритъ—сколько угодно.

П. Н. презрительно сплевываетъ и заканчиваетъ:

— Дрянчушка-человѣкъ...

22-го сентября.

Опять мы движемся.

Спустились съ горъ. Опять долины шире, но горы выше, уютныя фанзы въ долинахъ и на неприступныхъ скатахъ горъ—пашня.

— Но какъ они снопы оттуда спускаютъ?

— На волокушкахъ.

На привалѣ мы осматриваемъ корейскую соху. Родъ нашей сохи и пара быковъ въ запряжкѣ. Прежде земледѣльческіе инструменты корейцы сами дѣлали, теперь все больше и больше привозятъ ихъ изъ Японіи, гдѣ работаютъ ихъ лучше.

Ѣдемъ дальше... Попадаются опять рѣдкія арбы парами въ ту и другую сторону. Изъ Муссана везутъ березовую кору, въ которую обертываютъ переносимаго изъ одной могилы въ другую покойника. При любви корейцевъ возиться съ своими покойниками, это видная отрасль торговли—въ березовой корѣ не гніютъ кости.

Спрашиваю я проводника корейца:

— Кто сотворилъ небо, землю?

— Землю создалъ человѣкъ, а небо Оконшанте

— А Оконшанте кто создалъ?

Выходитъ такъ, что тоже человѣкъ. Что-то не такъ.

Мы останавливаемся въ деревнѣ, собираются корейцы и горячо спорятъ. Понемногу побѣждаетъ одинъ почтенный кореецъ.

— Земля сама создалась, а небо создалъ Оконшанте, да и человѣка тоже Оконшанте.

Невдалекѣ монастырь женатыхъ бонзъ. Они сѣютъ хлѣбъ и живутъ сообща.

Къ закату показался Муссанъ, весь окруженный безлѣсными, фіолетовыми отъ заката горами.

Лѣсъ кончился, какъ только спустились съ послѣдняго перевала.

Муссанъ значитъ запутанный въ горахъ. Горъ дѣйствительно множество самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ формъ: вотъ громадный крокодилъ глотаетъ какого-то звѣря поменьше. Вотъ тигръ изогнулся и присѣлъ, чтобы прыгнуть... А въ розовомъ пожарѣ облака дорисовываютъ фантазію горъ и не разберешь, гдѣ сливаются горы земли съ горами неба.

Сумерки быстро надвигаются и скоро ничего не будетъ видно.

Но городъ ужъ близко. Онъ уютно расположился на скатѣ долинки, окруженный стѣной, съ четырьмя китайскими воротами, съ деревянными столбами для отвода лучей злой горы.

— Отчего въ корейскихъ городахъ нѣтъ монастырей, храмовъ?

Проводникъ усталъ и отвѣчаетъ: «нѣтъ и нѣтъ».

Вотъ и Муссанъ.

Какую чудную фанзу намъ отвели. Подъ черепичной крышей четыре чистыхъ комнатки, всѣ оклеенныя корейской сѣро-шелковистой бумагой.

Шумъ, крикъ, восторгъ толпы и ребятъ.

Скорѣе ѣсть и спать. О, какъ пріятно лечь и вытянуться. Но много еще работы, пока заснешь: технический журналъ, дневникъ, разсказы, астрономическія наблюденія, англійскій языкъ и надо еще послушать послѣ ужина собравшихся корейцевъ: разскажутъ, можетъ быть, что-нибудь, дадутъ свѣдѣнія о таинственномъ Пектусанѣ, объ ожидающихъ насъ тамъ хунгузахъ, о тиграхъ и барсахъ.

Ив. Аф. докладываетъ:

— Пять лошадей расковались, двѣ лошади спины набили, вышелъ ячмень, нѣтъ крупы и мяса... устали лошади къ тому же, время надо, чтобы новыя подводы найти, люди хотѣли бы бѣлье помыть, да и самимъ обмыться, пока еще можно терпѣть воду...

— Въ водѣ 9—10 градусовъ.

— Стерпятъ.

Все, словомъ, сводится къ дневкѣ.

— Хорошо...

— Дневка?

По голосу И. А. слышу, что это за удовольствіе. Положимъ, и у меня накопилось письменной работы.

Ну, дневка, такъ спать,—завтра и наѣмся, и напишусь вволю. Кстати съ начальникомъ округа повидаюсь и запасусь его распоряженіемъ для свободнаго прохода и содѣйствія мѣстныхъ властей до самаго Пектусана.

Да и Пектусанъ какъ будто ближе, чѣмъ предполагали: вмѣсто 500 ли—300. Впрочемъ, никто ничего точно не знаетъ. Да и ли до сихъ поръ не выясненная величина... По нашему опредѣленію, ли это треть версты, а не половина.

Никто: ни торговый человѣкъ, ни администраторъ, ни простой смертный не могутъ опредѣлить, что такое ли.

23-го сентября.

Сегодня дневка въ Муссанѣ.

Я уже послалъ свои визитныя карточки къ начальнику города и получилъ такія же отъ него. Онъ ждетъ насъ къ себѣ въ гости.

Объ этомъ начальникѣ отзываются съ большимъ уваженіемъ. Прежде всего, говорятъ, онъ не беретъ взятокъ, затѣмъ безпристрастно судитъ и человѣкъ съ тактомъ.

Личное мое знакомство съ нимъ только подтвердило это впечатлѣніе. Это 38-лѣтній, очень сохранившійся, сильный и высокій человѣкъ

Сила его скрадывается пропорціональностью и стройностью. Довольно густая черная бородка, красивые большіе глаза: въ нихъ какая-то ласка, задумчивость, скромность.

Обстановка его фанзы скромная. Нѣтъ стульевъ и мы сидимъ на очень простенькомъ коврѣ.

Намъ подали вареную курицу, корейскую лапшу и корейскіе пикули. Все это очевидно не каждодневная пища. Чаю и сладкаго намъ не предлагали.

Онъ очень смущенъ нашими мелкими подарками и просилъ передать, что будетъ, смотря на нихъ, вспоминать о насъ. Онъ уже распорядился о дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи, послалъ предписанія и насъ снабжаетъ ими.

Кстати сказать, дороги его округа являются идеаломъ въ сравненіи съ остальными дорогами Кореи. Даже мосты почти вездѣ имѣются.

Мы говоримъ съ нимъ о политикѣ.

Корейцы совершенно не годятся къ войнѣ, по его мнѣнію. Это кроткій, тихій народъ и теперь по своему очень счастливый, потому что умѣетъ довольствоваться малымъ.

— Деньги не всегда даютъ счастье.

Онъ смѣется, его бѣлые зубы сверкаютъ, глаза ласково смотрятъ. Японцы одно съ ними племя, но они испортились: стали двуличны и жадны. Но денегъ нѣтъ и у нихъ. «Араса»—это сильный могущественный народъ. «Араса» храбръ и ему здѣсь никто не страшенъ. «Араса» богатъ и вся сѣверная Корея живетъ заработками въ Россіи. Для Кореи не надо солдата, нужна ласка. Для хунгузовъ нужно солдатъ.

У нихъ въ городѣ 400 фанзъ и 1.500 жителей, 200 быковъ, 100 коровъ, 100 лошадей. Населеніе города на половину занимается земледѣліемъ. Часть служитъ, часть торгуетъ, остальные бездѣльничаютъ. Въ нашемъ путешествіи къ верховьямъ Тумангана и Ялу, предстоитъ много затрудненій: нѣтъ жилья, становится холодно, бродяги-хунгузы, тигры, барсы. Небо сохранитъ насъ...

Мы встали и откланялись.

24-го сентября.

Весь день вчера прошелъ въ работѣ,—писалъ, осматривалъ городъ. Такія же грязныя улицы, грязныя маленькія фанзы, маленькія лавочки съ дешевыми матеріями и необходимыми принадлежностями несложнаго корейскаго хозяйства.

Часовъ въ семь пришелъ съ визитомъ начальникъ города. Его не несли на носилкахъ и не кричали при его проходѣ. Онъ шелъ уже по новому закону. Такой же скромный, тихій, обстоятельный.

Вслѣдствіе вчерашней моей просьбы принесъ подлинную мѣру пути. Я, наконецъ, добился, что такое ли. Въ ли 360 тигачи. Тигачи соста-

вляетъ 0,445 саж. Слѣдовательно ли равняется 162 саженямъ и составляетъ треть версты. Мы торжествуемъ такимъ образомъ точность нашего измѣренія.

Начальникъ города принесъ подарки: на корейской бумагѣ китайскія надписи: «Начинающійся свѣтъ», «Красная каменная гора».

— Это приноситъ счастье.

Начальникъ выпилъ рюмку коньяку и больше пить отказался.

Мы сняли съ него фотографію и, пожелавъ другъ другу всего лучшаго, разстались.

Онъ ушелъ скромно, съ опущенной головой, точно въ раздумьѣ о чемъ-то.

— Корейскій народъ, можетъ быть, будетъ богатъ и образованъ, но такимъ счастливымъ онъ уже никогда не будетъ,—вздохнулъ онъ, прощаясь.

Это не протестъ: корейцы не способны ни къ какому протесту, — это... вздохъ о проносящемся дѣтствѣ.

Все готово.

Съ сегодняшняго дня весь транспортъ идетъ уже не раздѣляясь. Причина—китайская граница и хунгузы.

Пора ѣхать: запахъ отъ набившейся толпы ребятишекъ несносенъ. Передъ самой дверью ужасное лицо прокаженнаго. Сколько безнадежной скорби въ его глазахъ. Я даю ему деньги,—что ему деньги?

Опять Туманганъ передъ нами, но это уже рѣчка не болѣе 25 саженъ. Крутые берега его иногда не пускаютъ насъ и тогда мы взбираемся на боковые перевалы. По обѣимъ сторонамъ мелкій лѣсокъ, цвѣты осени. Чудная погода, шумитъ Туманганъ и несется шумъ въ синее чистое небо, гдѣ спятъ горы, спятъ и точно дышутъ въ своихъ бархатныхъ коричневыхъ коврахъ.

На той сторонѣ китайскій берегъ, обработанныя поля. Это работа корейцевъ, а поля китайцевъ и берутъ съ нихъ китайцы изъ 10 сноповъ въ свою пользу 6. Это указываетъ на громадную нужду въ землѣ. Надо вспомнить при этомъ, что такой работающій на китайской сторонѣ кореецъ постоянно рискуетъ попасть въ руки хунгузовъ, которые или убьютъ его, или возьмутъ выкупъ. И при корейской робости нужда все-таки гонитъ ихъ на китайскій берегъ.

— А еслибъ пришелъ «араса», онъ храбрый и прогналъ бы хунгузовъ.

— Мы такъ хотимъ «араса»...

Такъ страстно говоритъ каждый поселянинъ этихъ мѣстъ.

Намъ предложили сразу, какъ вышли изъ Муссана, переправиться на китайскій берегъ, какъ болѣе пологій, но мы рѣшили идти корейскимъ. Однако послѣ двухъ головокружительныхъ переваловъ, въ концѣ концовъ, предпочли имѣть дѣло съ хунгузами, чѣмъ рисковать лошадьми. Тропа, по которой двигались мы на высотѣ 50—60 саженъ надъ Ту-

манганомъ, буквально вьется по карнизу, наибольшая ширина котораго 2 аршина, наименьшая же просто промытая пропасть, черезъ которую и проходятъ по выступающимъ камнямъ.

Нога пѣшехода скользитъ, но положеніе вьючной лошади съ шестью пудами колеблющагося на ея спинѣ груза невыносимое.

Одна изъ лошадей потеряла равновѣсіе и уже съѣхала было задними ногами въ пропасть и мы часа два провозились, пока спасли ее.

Хуже всего на поворотахъ, которыхъ корейцы совсѣмъ не умѣютъ устраивать: или приткнутъ другъ къ другу подъ острымъ угломъ съ почти отвѣсными скалами, или совсѣмъ не соединятъ, предоставляя лошадямъ и пѣшимъ прямо прыгать.

За то виды непередаваемо хороши. Тѣмъ не менѣе пришлось отказаться и отъ видовъ. И, хотя наступаетъ вечеръ, мы все-таки перешли ночевать на китайскій берегъ, гдѣ и устроились въ какой-то брошенной китайской фанзѣ.

Проводникъ очень усердно уговаривалъ насъ, хоть переночевать для безопасности на корейскомъ берегу. Онъ и корейцы тамъ и ночевали. Кончивъ свои работы на рѣкѣ, я первый перебрался на другой берегъ и пока возились съ перевозкой вещей присѣлъ тамъ, наблюдая группу изъ корейскихъ женщинъ, которыя въ ожиданіи парома,—длинной и узкой лодки съ бревнами по бокамъ,— сидятъ на берегу. Подходятъ новыя: одна съ мѣшкомъ, другая съ корзинкой на головѣ, почти каждая съ ребенкомъ на спинѣ. Сидящія предупредительно помогаютъ пришедшей снять мѣшокъ. Всѣ онѣ стройны, въ нихъ много граціи, но лица некрасивы. Костюмъ похожъ на нашъ дамскій—баска, широкій поясъ, юбка-колоколъ. Изящныя манеры, прическа—это группа нашихъ дамъ. Онѣ такъ и сидятъ въ противоположность своимъ мужьямъ, не обращая на насъ никакого вниманія.

Уѣхали кореянки и я иду къ одинокой фанзѣ, мѣсту нашего ночлега. Все это время приходилось проводить въ шумномъ обществѣ корейцевъ, отъ любопытства которыхъ нѣтъ спасенья, приходилось и ѣсть, и спать, и работать на глазахъ толпы. Такъ они и всѣ живутъ и въ чужой монастырь не пойдешь со своимъ уставомъ: приходилось по неволѣ покоряться. Въ первый разъ здѣсь я былъ одинъ лицомъ къ лицу съ здѣшней природой. Точно первое свиданіе съ рискомъ дорого поплатиться за него. Я замечтался и сижу. Сама осень ясная, свѣтлая навѣваетъ особый покой и какую-то грусть. Точно задумались всѣ эти горы и даль въ своемъ праздничномъ нарядѣ и грустятъ о промчавшихся лучшихъ дняхъ.

Такъ уютенъ уголокъ, гдѣ эта хижина...

Цѣлый лабиринтъ отдѣльныхъ горъ странно закружился и потерялась въ нихъ эта долинка съ хижиной и сверкающей рѣчкой.

Шумъ рѣки словно стихаетъ подъ вліяніемъ вечера, а косые лучи

солнца, уже не попадая въ долину, скользятъ тамъ выше и теряются въ синѣющей мглѣ.

Окраска горъ — волшебная панорама всѣхъ цвѣтовъ. Въ одномъ поворотѣ бархатная даль отливаетъ яркимъ пурпуромъ, тамъ великолѣпный фіолетовый налетъ, а на западѣ въ блѣдной позолотѣ неба, какъ воздушныя, стоятъ иззубренныя группы горъ.

И рѣка полосами отражаетъ эти тона и все кругомъ замерло, неподвижно, все охваченное очарованіемъ, свѣжести и красоты.

А потомъ почти сразу наступила ночь, потухли горы, тьма легла и охватила мягкое бархатное синее небо.

Холодно. 3° всего. Принесли кормъ лошадямъ.

Десятокъ, другой корейцевъ, ободренные нашимъ присутствіемъ не спѣшатъ на свой берегъ.

— Оставайтесь всегда здѣсь—наивно предлагаютъ они намъ.

— Но, вѣдь, это не вашъ берегъ.

— Нѣтъ, нашъ,—еще на 150 ли нашъ, но мы не успѣли сдѣлать пограничныхъ знаковъ и хунгузы захватили нашу лучшую пашню себѣ.

Они, говорятъ, вѣроятно, о нейтральной 50 верстной полосѣ, которую безцеремонно захватили себѣ китайцы.

Эти корейцы сообщаютъ первыя свѣденія о Пектусанѣ, высочайшей здѣсь вершинѣ,—цѣли нашей поѣздки съ таинственнымъ озеромъ на ней, питающимъ будто бы три громадныя рѣки: Туманганъ, Ялу и Сунгари.

Несомнѣнно это бывшій вулканъ.

Одинъ изъ очевидцевъ этой горы (бѣлая гора Пек-ту-санъ), проѣзжавшій около нея въ 10 верстахъ, слышалъ шумъ, похожій на громъ, исходившій изъ нѣдръ земли.

— Это волны озера такъ шумятъ,—объясняетъ онъ по своему,—озеро тамъ глубоко и видѣть его можно, поднявшись на самую вершину, но подняться туда нельзя, потому что сейчасъ же поднимается страшный вѣтеръ, хотя кругомъ и тихо и мелкая пензовая пыль выѣдаетъ глаза.

— Почему же вѣтеръ поднимается?

— Драконъ, который живетъ въ этомъ озерѣ не хочетъ, чтобы смотрѣли на его жилище.

Хорошо, что драконъ запасся такой пылью, а иначе набились-бы и къ нему любопытные корейцы, какъ набивались къ намъ, когда мы ночевали нихъ.

— А Туманганъ изъ этого озера дѣйствительно вытекаетъ?

— Говорятъ.

Что значитъ Туманганъ? Туманъ-неизвѣстно куда скрывшійся, ганъ-рѣка.

— Зачѣмъ ходятъ на Пектусанъ?

— Ходятъ собирать въ его окрестностяхъ жень-шень, цѣна котораго дороже золота.

— Корейцы ходятъ?

— Не корейцы.

25-го сентября.

Холодно: два градуса мороза.

— Ив. Аф. будите людей.

Ив. Аф. дежурный. Дежурство безъ различія чиновъ и званій по очереди. Въ третью ночь моя съ П. Н. очередь.

Какъ не торопишься, а вотъ уже семь часовъ, а вокругъ все еще крикъ и шумъ корейцевъ и вьюки еще не готовы.

Уже пріѣхали корейцы съ той стороны взрослые, дѣти опять кричатъ, обступаютъ толпой.

Только женщинъ никогда нѣтъ.

Сегодня какая-то мгла на горизонтѣ и небо покрыто свинцовымъ налетомъ.

Но уже переходитъ оно въ чистый прозрачно-синій, свойственный осени свой цвѣтъ.

Съ утра и горы поблекли,—желтизна ихъ тускло сверкаетъ,—краски осени, какъ годы утомленной послѣ блестящаго праздника красавицы, уже чувствуется и выступаютъ ярче, говоря уже о ея будущей еще, но уже скорой непривлекательности.

Но выше поднимается солнце и скрадетъ всѣ эти печальные намеки и мы успѣемъ еще спуститься къ югу, не испортивъ впечатлѣнія послѣдней и лучшей красоты.

Окружили корейцы и, раскрывъ рты, смотрятъ.

— П. Н., скажите имъ, что вотъ мужчины корейцы глазъ съ насъ не сводятъ, а женщины ихъ и смотрѣть на насъ не хотятъ. Намъ пріятнѣе было-бы, еслибъ было наоборотъ.

Вотъ дружный хохотъ раздался и долго они хохотали.

Наконецъ тронулись.

Мы ѣдемъ китайской землей. На другой сторонѣ вся въ горахъ Корея, а здѣсь хлѣбородная, версты въ 2—3 долина. Урожай въ этомъ году и здѣсь превосходный: высокій красный гоалинъ, могучая кукуруза, чумиза, буда, яръ-буда, бобы сои: я собралъ до 30 сортовъ всѣхъ этихъ сѣмянъ.

Черезъ десять верстъ опять переправа на корейскій берегъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ Туманганъ впала многоводная и быстрая Тагаіонъ.

Между двухъ рѣкъ высокая скала и дальше по берегу Тумангана рядъ скалъ.

Пока идетъ переправа, подходитъ высокій кореецъ съ шкурой барса: онъ убилъ его въ 14 день 8-й луны, то есть недѣлю тому назадъ.

Длина туловища безъ хвоста 2 аршина.

Вотъ при какихъ условіяхъ онъ убилъ этого барса: женщина изъ

сосѣдней деревни сидѣла на берегу рѣки и мыла салатъ (салатъ корейцы солятъ на зиму и посыпаютъ перцемъ). Это было часа въ два дня, ходилъ народъ, и тѣмъ не менѣе барсъ съ наглостью, присущей только ему, подкрался и бросился на нее, по обыкновенію сзади и, по обыкновенію, схвативъ ее за шею. Затѣмъ съ этой 25-ти лѣтней женщиной онъ бросился въ воду, но тутъ закричалъ народъ и барсъ, выпустивъ свою жертву, одинъ уже переправился на другую сторону. Но тамъ, несмотря на крики, онъ остановился и слѣдилъ за своей жертвой, которую несло водой и которую никто не рѣшался, ввиду его присутствія, спасать.

Этотъ стоящій теперь передо мной охотникъ успѣлъ сбѣгать домой, зарядить свое фитильное ружье, возвратиться и, выстрѣливъ, положить на мѣстѣ хищника.

Кореянка, хотя и спасена, но въ безнадежномъ состояніи.

Теперь по закону онъ везетъ эту шкуру въ Муссанъ къ начальнику города, который и опредѣлитъ цѣну за нее, взявъ извѣстный процентъ въ пользу государства.

Отвратительный законъ отбивающій у населенія охоту убивать тигровъ и барсовъ, такъ какъ представленія этихъ шкуръ, пошлины и всѣ неправильности произвола, уничтожая всѣ выгоды добычи, оставляютъ корейцу только рискъ быть разорваннымъ звѣремъ.

П. Н. написалъ начальнику города, что я очень прошу продать мнѣ эту шкуру и прислать въ деревню Тяпнэ, послѣдній населенный пунктъ.

День жаркій, на солнцѣ 30°, совершенно лѣтній, лѣтняя мгла покрыла горы, небо. Передъ нами узкая тропа, теряющаяся на трехсотъ футовой высотѣ: по этому подъему мы сейчасъ пойдемъ.

Эпизодъ съ Бибикомъ.

Не хотятъ лошади сходить въ узенькую лодочку, гдѣ и человѣку трудно сохранить равновѣсіе. Уже съ часъ тянутъ ихъ за узду и кричатъ корейцы, но лошади уперлись передними ногами у самой лодки и ни взадъ, ни впередъ.

Подъѣхалъ Бибикъ, посмотрѣлъ, слѣзъ съ своей лошади, подошелъ къ упиравшейся лошади и взявъ ее за переднія ноги, поднялъ и опустилъ ихъ уже въ лодку.

Послѣ этого лошадь спокойно втащила и свои заднія ноги,—такъ поступили и съ другими лошадьми.

Когда корейцы стали выражать ему свое удовольствіе и даже восторгъ, Бибикъ отвернулся, чтобъ скрыть улыбку и проговорилъ:

— Вотъ якъ стану васъ сшивать здѣсь...

Мы опять на корейской сторонѣ, — много горъ, но совсѣмъ нѣтъ пахотныхъ мѣстъ. На перевалахъ кой-какой лѣсокъ, но плохонькій. Порядочныя сосны попадаются иногда только на могилахъ предковъ. Добрая часть Кореи въ этихъ могилахъ.

Проѣхали еще обильный водой притокъ Туманган и Туманганъ уже превратился въ десятисаженную, съ множествомъ перекатовъ, горную рѣченку.

Четыре раза поднимались и спускались съ переваловъ. Спуски, круче полуторнаго откоса. Какъ мы не побили нашихъ вьючныхъ лошадей—не знаю.

Сдѣлали 24 версты и уже вечеръ, и люди, и лошади такъ выбились изъ силъ, какъ ни разу еще не выбивались.

До Тяпнэ не добрались и заночевали на одномъ изъ переваловъ, съ котораго спускъ особенно затруднителенъ.

Изъ трехъ фанзъ одна сколько-нибудь сносная, но изъ нея только недавно унесли покойника и чувствуется еще явственный запахъ трупа

Разбили поэтому палатки, хотя и очень холодно. Холодно сразу' какъ только садится солнце.

Солнце теперь какъ разъ садится и опять передъ нами панорама горъ. Но сегодня закатъ какой-то тяжелый, сумрачный. Только на мгновеніе сверкнули огнями горы, а затѣмъ послѣдній блескъ пурпура. послѣдній печальный отсвѣтъ фіолетовой воды и быстро гасятся огни неба и земли.

Холодная тьма заволакиваетъ округу и хочется тепла, уютнаго покоя. Не скоро еще все это.

Выпили по стакану чая и стали приводить въ порядокъ работу дня. Ѣда безъ хлѣба, да и ѣда невозможная, работа тяжелая, цѣлый день на лошади,—сегодня стянутъ мой поясъ на пять дырокъ меньше.

Смотря на другихъ, видишь, какъ каждый сдаетъ: лица вытягиваются, фигуры тоньше.

Переносная кузница работаетъ у фанзы.

Какъ тяжелую мельницу нашу кореецъ замѣнилъ легкой толчеей, такъ и тяжелый горнъ нашъ замѣненъ игрушечнымъ ящичкомъ, въ которомъ движется поршень. Ящикъ трубкой соединенъ съ обыкновеннымъ горшкомъ, наполненнымъ горящимъ углемъ. Кореецъ двигаетъ игрушечный поршень и пламя ярче горитъ, а въ углѣ подкова или расплавляемый чугунъ.

— Можно посмотрѣть ящикъ внутри?

— Теперь, когда плавится чугунъ, нельзя показать, еслибъ даже дѣдъ всталъ изъ могилы.

А чугуна плавится—много, много копѣекъ на пять.

— А снять фотографію можно?

Можно. И я снимаю кузнецу, фанзы, долину рѣки съ ея гористою далью.

Черезъ рѣчку перекинутъ мостикъ. Онъ буквально изъ щепокъ, а вмѣсто помоста плетень, засыпанный сверху пескомъ.

Ширина моста—аршинъ. Ѣхать верхомъ нельзя—провалишься, въ поводу надо вести лошадь.

Идешь и все качается, а внизу съ бѣшеннымъ шумомъ скачетъ по порогамъ рѣка, шириной саженей въ десять.

Это поразительная черта корейца—доводитъ до минимума всякую потребность. Все есть, но все въ самой минимальной дозѣ.

Достаточно посмотрѣть на ихъ обѣденный въ полъаршина высотой и такой же въ діаметрѣ столикъ со всѣмъ ихъ обѣдомъ и семью закусками.

Въ такихъ маленькихъ чашечкахъ дѣти у насъ угощаютъ своихъ куколъ.

Такія же маленькія у нихъ и лошадки. Скотъ болѣе крупный, но я думаю, что большимъ онъ кажется по сравненію съ мелкорослой лошадкой, на самомъ же дѣлѣ это средній скотъ, пудовъ на 17 мяса, симентальскаго типа. Уступаетъ и нашему малороссійскому, и венгерскому, и итальянскому.

Надо принять во вниманіе, что кореецъ не пьетъ молока, не ѣстъ масла и все молоко коровъ идетъ на прокормъ теленка.

Подъ вечеръ выбрались на плоскогоріе и въ первый разъ въ Кореѣ открылось пространство, которое можно назвать полемъ: тысячъ десять десятинъ годной къ пашнѣ земли и все какъ на ладони.

Урожай, впрочемъ, здѣсь значительно хуже, чѣмъ на китайской сторонѣ,—китаецъ отнялъ счастье корейца.

Оригинальный маленькій скромный народъ, ни на что не претендующій, безобидно утѣшающійся тѣмъ, что счастье его отнято китайцами и всѣми другими.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ случилось, что китайцы отняли у корейцовъ счастье.

Жилъ когда-то на свѣтѣ художникъ Кимъ. Онъ рисовалъ такъ хорошо, что если нарисуетъ, напримѣръ, лошадь, то она убѣгала, если онъ не привязывалъ ее.

Этотъ художникъ задумалъ нарисовать такую картину, которая дала бы счастье всему его народу.

Когда онъ такъ задумалъ, явился къ нему во снѣ старикъ, лицомъ и волосами бѣлый, какъ серебро.

— Я знаю твои мысли,—сказалъ ему старикъ.—Такую картину, какую ты задумалъ, можно нарисовать, но она будетъ стоить тебѣ жизни.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ художникъ.

— Тогда я научу тебя,—сказалъ старикъ.—Посреди неба протекаетъ небольшая рѣка: только ночью можно ее видить опытному глазу. Каждый разъ, когда наступитъ ночь, ты выходи въ поле, ложись вотъ такъ на одинъ бокъ, вотъ такъ перегнувшись и не двигаясь, смотри въ небо. Много такъ пройдетъ ночей, пока пріучишься видѣть ты небесную рѣку.

Такъ научилъ старикъ художника, такъ тотъ и сдѣлалъ.

Приходила ночь, Кимъ уходилъ въ поле, ложился, какъ приказывалъ старикъ, и смотрѣлъ въ небо. Члены его отекали отъ неудобной позы, сонъ клонилъ, въ глазахъ стоялъ туманъ, но Кимъ все смотрѣлъ и смотрѣлъ. Сперва онъ видѣлъ только то, что всѣ видятъ — синее небо, да звѣзды. Но потомъ сталъ больше видѣть. Онъ увидѣлъ какъ будто красный отблескъ въ небѣ, а темная синева неба становилась все прозрачнѣе. И тогда посреди неба онъ увидѣлъ болѣе свѣтлую, нѣжно голубую почти бѣлую немного мутную полосу. То и была небесная рѣка. Сквозь прозрачное небо онъ видѣлъ садъ Оконшанте и дворецъ его, видѣлъ людей неба и свѣтъ небеснаго дня. Это его свѣтъ краснымъ отблескомъ отливалъ въ небѣ. Кимъ все смотрѣлъ и видѣлъ все больше и больше: онъ увидѣлъ рыбъ въ небесной рѣкѣ и однажды онъ увидѣлъ раскрытую книгу судебъ и прочелъ тамъ, въ чемъ счастье Кореи.

А утромъ послѣ той ночи Кима нашли мертвымъ, онъ умеръ отъ истощенія и утомленія. Такъ его и нашли въ той позѣ, въ какой велѣлъ ему лежать бѣлый старикъ.

Около него нашли и картину его. Но на этой картинѣ ничего нельзя было разобрать: краски были такъ нѣжны, что кромѣ одной линіи ничего нельзя было разобрать.

Думали, думали, что дѣлать съ этой картиной, и по приказанію императора сдали ее въ архивъ.

Но китайцы оказались умнѣе корейцевъ и, пріѣхавъ къ корейскому императору, стали просить продать имъ эту картину.

Императоръ собралъ совѣтъ.

— Картина ничего не стоитъ, — сказали ему его министры, — а деньги стоятъ и ихъ, кстати, нѣтъ у насъ и потому продать картину.

И продали картину китайцамъ за 3.000 лянъ (600 рублей), да взятокъ роздали китайцы на 130.000 лянъ.

Когда китайцы получили, наконецъ, картину, корейцы и спрашиваютъ:

— На что вамъ эта картина? На ней только и проведена одна линія.

Тогда китайцы потребовали удочку и, когда удочку съ наживой поднесли къ картинѣ, оттуда выскочилъ живой карась.

— Теперь понимаете, что это за картина? — спросили китайцы. — Это небесная рѣка и въ ней счастье того, кто обладаетъ ею.

Картину отвезли къ Богдыхану, тамъ она и теперь, китайцы съ тѣхъ поръ пошли въ гору, а корейцы все книзу, да книзу.

26-го сентября.

Ночью въ окрестностяхъ гдѣ-то мяукалъ тигръ.

На разсвѣтѣ я видѣлъ волка, который, не спѣша, переходилъ ближайшее поле. Пока я доставалъ ружье, волкъ исчезъ. Мелкій, величиной съ среднюю собаку, бѣловатый, худой.

*

Вчера Бесѣдинъ долго разсказывалъ про извѣстнаго, изъ Владивостока, охотника В. П. Хлѣбникова.

Зимой онъ отправляется одинъ съ своей собаченкой по слѣдамъ тигра. Иногда недѣлю онъ такъ ходитъ, выбирая для ночлега всегда саженей на 200 открытыя мѣста. Тамъ спитъ онъ, разгребши снѣгъ, въ мѣховомъ мѣшкѣ. На немъ спитъ его собаченка.

— Одинъ братъ только и есть у меня, а въ такія ночи собака и брата дороже. Чуть что, безъ лаю, начинаетъ лапами трогать меня, пока не проснусь. Разъ такъ, пока тигръ подкрадывался, я успѣлъ вылѣзти, приложиться и уложить его въ тотъ моментъ, когда онъ прыгнулъ,—я всегда тогда только стрѣляю и отскакиваю въ сторону: всего сажени на двѣ. Если даже промахнусь или и попаду, да не убью,—тигръ не бросится, а опять обѣжитъ саженей двѣсти кругъ, опять не доходя саженей десять, нацѣлится, сдѣлаетъ прыжокъ, опять отскочи и бей.

Ему приходилось такимъ образомъ всаживать до семи пуль, пока убивалъ тигра.

Изъ 27 случаевъ только два раза удалось ему убить тигра на повалъ, попавъ въ сердце.

И онъ всегда стрѣляетъ разрывными пулями.

Одному тигру онъ разорвалъ всѣ внутренности и тотъ еще два дня послѣ этого жилъ. Этотъ тигръ былъ убитъ жителями одной деревни, когда, обезумѣвъ отъ боли, онъ ворвался въ эту деревню, успѣвъ на улицѣ разорвать трехъ быковъ, пока его убили. Ѣсть онъ уже не могъ, только рвалъ.

На медвѣдей Хлѣбниковъ охотится двояко,—овсяннику, который встаетъ при встрѣчѣ на дыбы, бросаетъ желѣзный шаръ съ заершенными иглами. Медвѣдь обѣими лапами, со всей своей силой схватываетъ такой шаръ, но лапы его, благодаря заершеннымъ иглamъ, пришиваются такимъ образомъ къ шару. И тогда такого медвѣдя можно вести куда угодно: будетъ ревѣть, но пойдетъ.

Муравейникъ-медвѣдь на дыбы не встаетъ, а старается врага сбить съ ногъ: онъ очень опасенъ и надо, не зѣвая, стрѣлять.

Дикій кабанъ въ одиночку—пустякъ, но въ стадѣ кабаны стоятъ другъ за друга, тогда скорѣе на дерево, выбирай потолще, иначе перегрызутъ стволъ клыками.

Сегодня и поднялись рано и уложились рано,—обычный двухчасовой урокъ англійскаго языка по самоучителю я успѣлъ все-таки сдѣлать.

Впереди горы словно меньше, но за то вся мѣстность поднимается и становится на горизонтѣ въ уровень съ пройденными горами. Но тамъ опять, хотя и рѣдкія, выростаютъ новыя горы.

Мы спускаемся, поднимаемся, опять и опять все у той же рѣки Туманганъ. Здѣсь она уже саженей шесть ширины.

Верстъ тридцать вверхъ отъ Муссана она течетъ въ каменистомъ ложѣ. Громадные камни торчатъ и между ними бѣло-зелено-синяя бурно рвется рѣка.

Камни разнообразныхъ причудливыхъ формъ. Вотъ громадное кресло, вотъ высунулась громадная уродливая каменная голова и круглыми черными глазищами смотритъ сфинксомъ изъ воды на синѣющую даль горъ.

Мѣстность сразу обрывается. Исчезаетъ открытое поле, пашня, жилье. Въ узкой тѣснинѣ бѣшено рвется Туманганъ. Крутые откосы его уходятъ въ небо, покрытые мелкой желтой, какъ золото, лиственницей. Вверху нѣжно-голубое небо, бѣлое облако. Это сочетаніе цвѣтовъ—рѣки бѣло-сине-желтой, горъ нѣжно-золотистыхъ, голубого неба, контрастъ этого дикаго порыва рѣки и безмятежнаго покоя—ласкаетъ глазъ, чаруетъ душу.

Слѣдующая маленькая деревня какъ разъ та, гдѣ барсъ (по-корейски тхоупи, а тигръ—хораи или поми) схватилъ женщину. Вотъ та фанза, гдѣ жила эта женщина, вотъ мѣсто, гдѣ она сидѣла.

Вся деревня собралась и разсказываетъ.

Упустивъ добычу, барсъ, оказывается, возвратился назадъ на этотъ берегъ, не обращая вниманія на кричавшій народъ. Охотникъ стрѣлялъ почти въ упоръ въ барса. Разсказали это намъ, обступивъ по корейски и замолчали. И всѣ мы подъ впечатлѣніемъ разсказа. Какой-то кореецъ лѣниво бросилъ слово. Другой что-то сказалъ. Переспросилъ равнодушно П. Н. и неохотно вмѣшался третій. Еще одинъ какое-то слово бросилъ, и вдругъ оживился П. Н., глаза загорѣлись и всѣ сразу закричали, заговорили и удивляешься только, какъ можно при такомъ гвалтѣ что-нибудь понять. Кажется, что ссорятся всѣ они на смерть, если бы не спокойное добродушіе ихъ лицъ, когда, кончивъ, они затягиваются изъ своихъ длинныхъ трубокъ.

— Да, такъ вотъ въ чемъ дѣло,—радостно переводитъ П. Н.,—тутъ цѣлая исторія выходитъ. Семь лѣтъ тому назадъ за нее сватался одинъ человѣкъ. Онъ былъ бѣдный и отецъ не хотѣлъ отдать ее. Тогда онъ сказалъ: «Буду же я богатый» и пошелъ рыть женьшень. Они поклялись другъ другу, что будутъ мужемъ и женой. Уходя, онъ сказалъ: «Жди меня». Хунгузы убили его. Прошло три года и дѣвушку выдали за другого. Въ день свадьбы онъ явился къ ней во снѣ и сказалъ: «Помнишь клятву,—жди меня». А теперь онъ пришелъ за ней,—не онъ, душа его, вошедшая въ барса. Оттого барсъ и не думалъ о себѣ и не видѣлъ охотника. А обыкновенный барсъ такъ развѣ дѣлалъ-бы? Убѣжалъ-бы и конецъ.

— Ну, что-жь теперь?

— Теперь неизвѣстно. Если женщина выздоровѣетъ, позовутъ тоина или шамана. Черезъ сорокъ дней Оконшанте скажетъ душѣ барса свою волю,—можетъ, сдѣлаетъ его опять барсомъ или тигромъ, или

медвѣдемъ, или кабаномъ или змѣей, словомъ, такимъ звѣремъ, который опять придетъ къ ней, или скажетъ: «довольно»,—и возьметъ его душу къ себѣ на небо или въ червяка превратитъ и она его раздавитъ на дорогѣ. Можетъ, женщина, если жива будетъ, успѣетъ упросить Оконшанте. Шаманъ поведетъ ее на гору, гдѣ устроена «кукша». и будетъ тамъ молиться съ ней.

П. Н. закончилъ такъ:

— Ну, словомъ, корейцы уже успѣли запутать все дѣло такъ, какъ ихъ самихъ запутали ихъ горы.

Такъ на нашихъ глазахъ создалась новая легенда. Этотъ народъ или не вышелъ еще, или въ вѣчномъ періодѣ творчества сказокъ, легендъ.

Мое ощущеніе человѣка своей культуры передъ этой первобытной такое, точно я увидѣлъ вдругъ въ ясной дали временъ безмятежную колыбель народовъ, этотъ младенческій народъ и слышу первый ихъ лепетъ.

А, можетъ быть, это уже дѣтскій возрастъ пережившаго себя старика? Но русскіе корейцы не свидѣтельствуютъ этого, какъ не свидѣтельствуютъ того же братья корейца по происхожденію—японцы.

Еще одна деревня Тяпнэ и затѣмъ конецъ всякому жилью.

Но и здѣсь уже пахнетъ глухой дичью.

Нависли утесы, шумитъ рѣка, мелкая поросль съ обѣихъ сторонъ. Откуда-нибудь съ утеса того и гляди прыгнетъ барсъ. Или просто треснетъ вѣтка, испугается лошадь, метнется и полетишь съ ней на острые камни Тумангана.

Мы вытянулись въ линію по одному.

Хунгузы стрѣляютъ въ перваго, тигръ бросается на послѣдняго, барсъ на кого попало,—всѣ мѣста такимъ образомъ равны.

Эти три сильныхъ міра сего оспариваютъ здѣсь власть и свое право.

Право сильнаго: наши винтовки за плечами, заряжены и штыки при нихъ. Веселое возбужденіе у всѣхъ. Хватило бы только его, пока мы въ дикихъ и дѣйствительно опасныхъ мѣстахъ. Какъ бы не осилила русская безпечность.

Бибикъ уже говоритъ:

— Яки таки хунхузы: сколько ходывъ, такъ и не видавъ. Да и что они могутъ?

В. В., нашъ китайскій переводчикъ, сообщаетъ, что сорокъ хунгузовъ ушло къ Пектусану: это говорили ему и въ Муссанѣ, и встрѣчный китаецъ.

Всѣ смолкаютъ на мгновеніе,—извѣстіе дѣйствуетъ непріятно.

Бибикъ говоритъ:

— Хоть и сорокъ, якъ зачнемъ ихъ сшивать...

Его громадная фигура качается въ это время на маленькой лошадкѣ.

— А что жъ, — продолжаетъ онъ, — если на пули пойдетъ дѣло, сколько ихъ уложишь? А въ штыки?

Бибикъ смѣется.

— Онъ отъ штыка, якъ чортъ отъ ладона...

Слова В. В. прошли безъ всякаго впечатлѣнія.

Я ловлю моментъ и прошу его на будущее время всѣ подобные слухи сообщать только мнѣ.

На глухомъ поворотѣ стоитъ западня для тигровъ.

Западня длиною двѣ сажени, шириною аршинъ. Четыре стѣны изъ бревенъ, врубленныхъ въ лѣсу. Высота всего зданія шесть четвертей. Вмѣсто потолка, громадные камни.

Входная дверца западни приподнята, съ противуположной стороны такая же дверца, за которой приманка: собака, свинья.

Тигръ лѣзетъ внутрь, дверь за нимъ опускается и стоитъ онъ тамъ, не будучи въ состояніи ни уйти, ни съѣсть приманки.

Все болѣе и болѣе наглядные признаки глухой стороны.

Послѣдній перевалъ передъ Тяпнэ.

Съ него открывается уже новый видъ: передъ глазами на западъ равнина съ небольшими бугорками, покрытая лѣсомъ.

Здѣсь лѣсъ все еще никуда негодный,—частью вырубленъ и обращенъ подъ пашню, частью растетъ,—все большое и хорошее гніетъ на землѣ, мелкая же чаща только глушитъ другъ друга и нѣтъ впечатлѣнія роста ея.

Изрѣдка только попадаются отдѣльные прекрасные экземпляры лиственницы.

Лиственница, осина, липа, дубъ.

Одинъ день всего, одинъ переходъ, но какая перемѣна: ни одного зеленаго листа. Всѣ они желтые—отъ дуба съ темно-коричневой листвой, до березы и лиственницы нѣжно-золотистыхъ.

Всѣ листья еще на деревьяхъ,—первая буря оборветъ ихъ.

Я съ тревогой думаю, какъ будемъ мы кормить нашихъ лошадей, но мой конь, какъ бы отвѣчая на мой вопросъ, съ величайшимъ наслажденіемъ ѣстъ эти листья, грызетъ вѣтви, жуетъ сухой бурьянъ.

Да, только на такихъ лошадяхъ, если нѣтъ верблюдовъ, здѣсь и можно ѣздить.

На вершинѣ перевала два молитвенныхъ дома: кукши.

Одна въ честь Оконшанте (начальника неба), другая на противуположномъ скатѣ—государственная (Вон-Нан), гдѣ два раза въ годъ молятся за императора. Первая пользуется большой популярностью во всей Кореѣ.

Изъ рисунковъ обращаетъ на себя вниманіе—райская птица аистъ,—бѣлый, съ черными крыльями и хвостомъ, красными лапами и клювомъ.

Аистъ нарисованъ очень хорошо. Затѣмъ уродливая голова—Натхо—родъ нашихъ дельфиновъ, какъ ихъ рисуютъ въ нашихъ сказкахъ. Исторія этого Натхо уже извѣстна.

Я снялъ фотографію и съ рисунковъ, и съ самой кукши; я воспользовался моментомъ, когда проводникъ еще разъ молился по моей просьбѣ о благополучномъ путешествіи.

Я спохватился потомъ уже, что сдѣлалъ неловкость, и извинился за свою неловкость.

Онъ отвѣтилъ:

— Я молился передъ небомъ по просьбѣ и за русскихъ.

Признаюсь, я былъ смущенъ и деликатностью его, и вѣжливостью, и его искусствомъ дипломата какъ въ отношеніи неба, такъ и меня.

Сегодня утромъ замерзла вода; не особенно пріятно, потому что народъ въ партіи на легкѣ. Три солдатика при легкихъ шинеляхъ, а маленькій кореецъ, кромѣ пиджака, ничего не имѣетъ.

Такъ какъ теплое здѣсь можно достать только корейское, то въ костюмахъ нашихъ корейцевъ выйдетъ порядочное разнообразіе: башлыки корейскіе, у одного пиджакъ европейскій, у другого брюки.

— Ничего,—утѣшаетъ Бибикъ маленькаго корейца,—дадимъ тебѣ ружье, а все-таки за капитана бабы примутъ.

Что до солдатъ, то они съ гордостью отказываются отъ теплаго корейскаго платья.

— Холодно будетъ.

Бибикъ презрительно бросаетъ:

— Привыкать, что ли къ цыганскому поту?

Какой-то кореецъ пристадъ къ П. Н. Тотъ нетерпѣливо нѣсколько разъ что-то ему повторяетъ, а кореецъ методично все задаетъ тотъ же вопросъ.

— Ахъ и любопытный же народъ, какъ дѣти!

Вдругъ лицо П. Н. оживляется и онъ начинаетъ съ очень довольнымъ видомъ что-то разсказывать корейцу. Такъ тотъ и отсталъ.

Догоняетъ П. Н. и на лицѣ его полное торжество.

— Пристадъ: скажи ему, зачѣмъ мы идемъ на Пектусанъ? Говорю: такъ—путешествуемъ. Нѣтъ,—зачѣмъ мы идемъ? Ну, я ему хорошую штуку выдумалъ. Говорю ему, что нашему начальнику снился сонъ. Прилетѣлъ къ нему драконъ съ Пектусановскаго озера и сказалъ, что въ послѣдній день восьмой луны онъ поднимется на небо, и такъ какъ мѣсто освободится, то вотъ не хочетъ ли начальникъ положить туда въ озеро кости своего дѣда и тогда изъ рода его выйдутъ французскіе императоры. А у корейцевъ мѣсто послѣ дракона считается самымъ счастливымъ, императорскимъ. Вотъ, дескать, начальникъ и везетъ теперь кости своего дѣда. Вотъ теперь, говоритъ, понялъ. Очень довольный ушелъ.

— Зачѣмъ же вы такъ сдѣлали?

— Да это еще лучше. Самъ все равно выдумалъ бы такое, что хуже бы еще было. Я вѣдь осторожно,—не сказалъ корейскій или китайскій императоръ, а чужой, французскій. Ищи тамъ. Онъ спрашиваетъ: а начальникъ развѣ нашей вѣры? А я ему говорю: чудакъ, чай, каждому охота быть императоромъ, а вѣдь не всѣ же императоры нашей вѣры. Вѣрно, говоритъ.

Разговоръ происходилъ съ жителемъ послѣдней деревни Тяпнэ, куда мы теперь и спускаемся.

За нѣсколько часовъ, что мы не видѣли Тумангана, онъ успѣлъ еще похудѣть. Правда, стремительный потокъ, но саженей пять всего и глубины—полъаршина.

Этимъ въ сущности всѣ надежды на Пектусанское озеро, какъ и на то скалистый, то песчаный Туманчанъ въ смыслѣ судоходства, разбиваются. Надежды вотъ какія: изъ озера берутъ начало три рѣки,—слѣдовательно, при соотвѣтственныхъ работахъ можно всегда располагать запасомъ воды трехъ рѣкъ. Но если такія рѣчки, то и три, соединивъ въ одну, ничего не получимъ.

Остается интересъ туриста, отчасти и географическій,—озеро не измѣрено, не промѣрена его глубина, не изслѣдованы его выходы, слѣдовательно, не провѣрены и истоки этихъ трехъ рѣкъ.

Затѣмъ вопросъ дорогъ. Двѣсти лѣтъ тому назадъ, одинъ англичанинъ попалъ на Пектусанъ съ восточной стороны. Нашъ русскій путешественникъ, полковникъ генеральнаго штаба Стрѣльбицкій, бывшій на Пектусанѣ въ 1894 году, прошелъ отъ Тяпнэ и возвратился той же дорогой назадъ. Хорошо бы было найти другой выходъ и пройти дорогой, которой не ходили еще европейцы.

По теоріи, такая дорога должна быть,—если есть выходъ на Туманганъ, то тѣмъ болѣе долженъ быть выходъ на гораздо бо́льшую рѣку—Ялу.

П. Н., пользуясь рекомендательнымъ письмомъ пусая, сейчасъ же, какъ пріѣдемъ, сдѣлаетъ совѣтъ изъ жителей Тяпнэ.

— И безъ рекомендаціи всѣ прибѣгутъ.

Дѣйствительно, не успѣли и съ лошадей слѣзть, какъ всѣ уже на лицо. Бросили полевыя работы.

И было же дѣла нашему проводнику: сперва поздоровался онъ со старостой, при чемъ оба присѣли на корточки и положили руки на землю. Въ такомъ положеніи они говорили долго и затѣмъ оба встали. Затѣмъ староста знакомилъ его со своими односельчанами, и нашъ чистенькій старичокъ то и дѣло и очень проворно припадалъ къ землѣ, бросалъ нѣсколько фразъ и озабоченно вставалъ, чтобы опять припасть. Въ моменты припаданія лицо его ласково и заискивающе, а когда онъ на ногахъ, на лицѣ его сдержанное достоинство. И какой милліонъ оттѣнковъ въ этихъ припаданіяхъ!

Если передъ нимъ человѣкъ съ камилавкой—дворянинъ—онъ первый

валится. Валятся, кажется, оба, а смотришь, каждый разъ коснется земли какъ разъ тотъ, кому надо по чину.

Кто въ траурѣ, того вторично опрашиваетъ, и опять оба припадаютъ: молятся за упокой души усопшаго.

Намъ отвели очень хорошую фанзу и всѣ набились туда.

Распросы, разговоры, милліонъ разговоровъ и, наконецъ, заговорилъ высокій представительный старикъ.

Да, онъ знаетъ дорогу на Пектусанъ и прямо на Ялу оттуда. Онъ ходилъ тамъ.

— Не желаетъ ли онъ быть проводникомъ?

Онъ пойдетъ съ товарищемъ,—одинъ боится. Товарищъ въ полѣ и придетъ вечеромъ.

Вечеромъ опять полная фанза народу. Но передъ этимъ я или вѣрнѣе П. Н. сдѣлали очень важное открытіе: Цой-Сапаги, нашъ высокій кореецъ изъ провинціи Хуан-ха, города Хиджю, знаетъ множество сказокъ. За любовь къ сказкамъ и чтенію онъ былъ избранъ мѣстными корейцами во Владивостокѣ даже предсѣдателемъ любителей чтенія. Сейчасъ же мы устроили ему экзаменъ.

И вотъ онъ высокій, съ длинными тонкими ногами, въ узкомъ пиджакѣ, корейской прическѣ, съ котелкомъ на головѣ, сидитъ передъ нами и уже разсказываетъ прекрасную сказку о Сим-чони. Она уже записана у меня, но онъ передаетъ много новыхъ подробностей, существенно измѣняющихъ смыслъ сказки.

Жители Тяпнэ всѣ здѣсь и во дворѣ слушаютъ съ открытыми ртами и, когда Сапаги кончаетъ, задаютъ ему рядъ вопросовъ: знаетъ ли онъ такую то и такую то сказку и еще такую то, и послѣ долгихъ переспросовъ объявляютъ, что такого начитаннаго и знающаго рѣдко встрѣтишь.

Сапаги не слышитъ ихъ отзывовъ. Онъ, кончивъ, возится уже съ лошадьми. Весь день онъ бѣгалъ, разыскивая овесъ, солому, провизію, теперь повелъ поить лошадей.

Недѣлю тому назадъ, онъ пришелъ просить расчетъ за то, что я что то рѣзко сказалъ ему. Ни одного слова брани не было мною произнесено при этомъ.

Я извинился и просилъ его остаться.

Получивъ удовлетвореніе, высокій Сапаги еще энергичнѣе поднимаетъ свои длинныя ноги, прыгая между тюками, дѣлая всѣ дѣла, которыя только ему поручали.

— Если вы его не облегчите,—сказалъ вчера П. Н.,—то онъ прямо не выдержитъ и заболѣетъ.

Но отнынѣ судьба его измѣняется:—Сапаги переходитъ на мой личный счетъ, а вмѣсто него нанимается новый кореецъ.

Дѣло его отнынѣ—закупка припасовъ и разсказы.

— Ну-съ, теперь сказки надо оставить,—объявляетъ мнѣ П. Н.,—собрались старики.

Я покорно оставляю сказки и мы переходимъ къ обсужденію предстоящаго похода.

Старикъ-проводникъ совсѣмъ не явился, вмѣсто него его товарищъ—лѣтъ 45, большой, энергичный и увѣренный въ себѣ кореецъ.

— Такъ вы желаете идти на Пектусанъ?

— Да. Съ Стрѣльбицкимъ я ходилъ.

— Я не только хочу идти на Пектусанъ, но оттуда пройти на Ялу.

— Нѣтъ туда дороги.

— Но старикъ говоритъ, что есть.

— Старикъ ничего не знаетъ,—тамъ теперь снѣгъ по колѣна, тамъ хунгузы, тамъ 400 верстъ надо идти до Ялу.

— Но вся Ялу 400 верстъ,—какъ же до верховьевъ выйдетъ 400?

— Много изворотовъ.

— Скажите ему, говорю я, что изворотовъ много въ его словахъ.

— Онъ говоритъ, что въ крайнемъ случаѣ онъ проводитъ васъ до первой корейской деревни по этой дорогѣ—200 ли отъ Пектусана.

— Значитъ есть дорога?

— Опасныхъ людей много.

— А спросите его, много онъ встрѣтилъ съ Стрѣльбицкимъ?

— Двухъ.

— Вотъ въ томъ то и дѣло, потому что зимой опаснымъ людямъ дѣлать тамъ нечего,—они ходятъ туда за жень-шенемъ, за рогами изюбра, за золотомъ,—ничего этого зимой не достанешь, а теперь ужъ зима. Скажите ему, что книга Стрѣльбицкаго передо мной.

Я показываю ему книгу.

— Сколько онъ хочетъ, чтобы проводить насъ?

— Онъ хочетъ 40 долларовъ.

— За 15 дней работы?

— Стрѣльбицкій далъ ему 20 долларовъ и ходилъ съ нимъ только до Пектусана.

— Но Стрѣльбицкій шелъ съ тяжелымъ обозомъ, гналъ барановъ, онъ шелъ шесть дней до Пектусана, а мы пойдемъ два.

— Опасно, онъ меньше не желаетъ, и никто не пойдетъ, кромѣ него.—П. Н. понижаетъ голосъ и говоритъ:

— У нихъ стачка.

— Тогда я пойду безъ проводника или возьму хунгуза.

— Хунгузовъ теперь нѣтъ.

— А какая же опасность тогда?

— Ничего не можемъ на это сказать. Меньше 40 долларовъ не желаемъ.

— Ну и довольно,—я не беру проводника.

— Теперь вьючные: есть охотники?

— Есть, но не знаемъ сколько дадите?

— Сколько хотятъ?

— Десять долларовъ за лошадь и только до Пектусана.

— Сколько пудовъ на лошадь?

— Четыре.

— Я дамъ четыре доллара.

— Не хотятъ.

— Мы навьючимъ своихъ лошадей и всѣ пойдемъ пѣшкомъ. Скажите старикамъ, что я благодарю стариковъ и не утруждаю ихъ больше.

Нашъ проводникъ очень взволнованъ, что то горячо говоритъ, всѣ уходятъ.

— Проводникъ упрекаетъ ихъ въ негостепріимствѣ,—переводитъ П. Н.,—въ желаніи схватить за горло, говоритъ, что для Кореи выгодно, когда пріѣзжаютъ знатные иностранцы, и не надо отбивать у нихъ охоты ѣздить къ намъ, потому что они привозятъ много денегъ.

Съ горя я сажусь за англійскій языкъ.

Н. Е. еще засвѣтло ушелъ на китайскую сторону охотиться за кабанами и съ Бесѣдинымъ и Хаповымъ просидѣлъ тамъ до 12 часовъ ночи. Хрюканье слышали, но темно и ни одного кабана не видѣли.

27-го сентября.

Проснулся съ непріятнымъ чувствомъ: итакъ, ничего еще не устроено для дальнѣйшаго путешествія.

— Ну, что-жъ, П. Н., какъ мы будемъ?

— Подождите: уже приходилъ прежній старикъ. Я, говоритъ, далъ слово и пойду и безъ товарища. Проводникъ изъ Муссана вчера съ нимъ всю ночь провозился. Старикъ идетъ, не торгуясь. Вьючные согласны по 5 долларовъ за 4 пуда до Пектусана. Я радъ, что вчерашній проводникъ не идетъ: съ нимъ кончили бы тѣмъ, что вернулись бы съ Пектусана назадъ въ Тяпнэ. Скажетъ: дороги нѣтъ, какъ его провѣришь?

Такимъ образомъ все сразу устроилось.

— А почему старикъ не пройдетъ съ нами на Амнока-гавъ (Ялу)?

— Лошади у него нѣтъ.

— Я дамъ ему лошадь.

Пришелъ старикъ.

— Онъ согласенъ.

Весь день прошелъ въ переборкѣ и переукладкѣ вещей. Все, что можно, уничтожаемъ: ящики, оказавшіяся мало пригодными вещи.

Такъ, напримѣръ, десять фунтовъ песку сахарнаго—везли нетронутымъ: раздать людямъ.

Патроны разобрали по рукамъ. Всего пуда три выбросили. Остальное до Пектусана.

Сегодня отдыхъ и мысли убѣгаютъ далеко, далеко отсюда.

Тихо и медленно дѣлается всякое дѣло. Потомъ оглянешься и будетъ много, а пока въ работѣ, лучше не думать о концѣ.

Я любуюсь и не могу налюбоваться корейцами: они толпятся во дворѣ, разбираютъ вьюки.

Сколько въ нихъ вѣжливости и воспитанности! Какъ обходительны они и между собою и съ чужими, какъ деликатны! Ребятишки ихъ полны любопытства и трогательной предупредительности. Я вынулъ папиросу и одинъ изъ нихъ стремительно летитъ куда-то. Прибѣгаетъ съ головешкой—закурить.

Я снималъ ихъ сегодня и, снимая, сдѣлалъ движеніе, которое они приняли за предложеніе разойтись, что мгновенно и сдѣлали. Когда даешь имъ конфету, сахаръ, принимаютъ всегда двумя руками: знакъ уваженія.

Какое разнообразіе лицъ и выраженій!

Вотъ римлянинъ, вотъ египтянинъ, вотъ одинъ, вотъ другой мой сынъ, а вотъ совершенный калмыкъ.

Лица добрыя, по природѣ своей добрыя.

Я вспоминаю слова одного русскаго туриста, что кореецъ любитъ палку и съ нимъ надо держать себя съ большимъ достоинствомъ, надо бить по временамъ.

Стыдно за такихъ русскихъ туристовъ. Какимъ животнымъ надо быть самому, чтобы среди этихъ дѣтей додуматься-таки до кулака!

Ходилъ осматривать деревню Тяпнэ. Собственно двѣ деревни въ верстѣ другъ отъ друга. Всего 32 фанзы.

Передъ въѣздомъ отводъ изъ бревенъ противъ лучей злой горы.

Вся мѣстность здѣсь плоская,—съ версту пашень. Маленькій Туманганъ звонко шумитъ по камнямъ.

Глубокая осень, нѣтъ и слѣда зелени, все желто и посохло, рѣдкій лѣсокъ исчезаетъ на горизонтѣ.

Едва только выглядываютъ горы съ востока и запада, на сѣверѣ же, куда лежитъ нашъ путь, горъ нѣтъ уже, но вся мѣстность точно вздулась и поднялась въ уровень горъ.

Тяпнэ—піонеръ цивилизаціи въ борьбѣ съ лѣсной тайгой. 240 лѣтъ тому назадъ основалось здѣсь это селеніе. Тогда же и продѣлана была довольно трудная дорога изъ Муссана сюда.

Муссанъ назывался тогда Сам-Сан (три горы). Тогда здѣсь не было совсѣмъ пашни. Теперь лѣсъ верстъ на двадцать уже переведенъ и есть десятинъ семьдесятъ пашни.

По этому расчету, лѣтъ черезъ тысячу или двѣ дѣло дойдетъ и до Пектусана.

Столько и прежде было фанзъ, народу немного прибавлялось, немного убавлялось, но въ общемъ все то же. Можетъ быть, ихъ удерживаетъ необходимость перехода къ незнакомой имъ культурѣ ржи, овса, картофеля, такъ какъ здѣсь и рисъ и кукуруза идутъ уже плохо.

И городъ Муссанъ не мѣняется. Что до округа, то прежде было 5.700 фанзъ, а теперь 3.300 осталось.

— Что-жъ вымираетъ, значитъ, корейскій народъ?

— Да, прироста нѣтъ. Много ушло въ Китай, въ Россію.

— Что замѣчательнаго произошло здѣсь на эти 240 лѣтъ?

— Ничего замѣчательнаго, кромѣ хунгузовъ.

Въ прошломъ году пришло ихъ нѣсколько сотенъ и вся деревня бѣжала отъ нихъ въ горы.

Прежде тигровъ и барсовъ было много, теперь меньше стало.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ пріѣзжала китайская коммиссія для опредѣленія границъ. Были заготовлены и столбы (я ихъ видѣлъ, 35 каменныхъ плитъ), но не поставили, и съ тѣхъ поръ не пріѣзжали.

Между прочимъ, на Пектусанѣ китайцы высѣкли тогда брата нашего проводника изъ Муссана.

— За что?

— Братъ настаивалъ, что Пектусанъ принадлежитъ Кореѣ, они разсердились и высѣкли его.

Вечеретъ, шумъ рѣки, вечерній шумъ села: блеянье телятъ, ревъ быковъ и коровъ.

Корейцы сидятъ во дворѣ, окруживъ меня, всѣ разговоры кончены.

— Да,—вздыхаетъ какой-то старикъ,—пока русскіе не придутъ, не будетъ намъ житья отъ хунгузовъ.

— Русскіе не придутъ,—говорю я.

— Придутъ,—увѣренно киваетъ головой старикъ,—Манджурія и теперь ужъ русская провинція.

Ѣдутъ мимо сани. Колесъ уже здѣсь совсѣмъ нѣтъ: лѣто и зиму работа происходитъ на волокушкахъ.

Съ завтрашняго дня начинается самый серьезный періодъ нашей экспедиціи. Въ лучшемъ случаѣ предстоитъ намъ сдѣлать двѣсти верстъ въ странѣ, принадлежащей дикимъ звѣрямъ и хунгузамъ. Если снѣгъ выпадетъ, какъ-то будемъ мы, какъ обойдутся кормомъ наши лошади?

Все приготовлено съ вечера съ тѣмъ, чтобы въ четыре часа утра уже выступить.

Я все не теряю надежды довести скорость передвиженія до сорока верстъ, пока удавалось самое высшее 34 версты съ захватомъ однако ночи. Здѣсь же ночью ѣхать ничего и думать, а дни все короче и короче.

Смотрѣлъ только что карту,—сдѣлана пока только пятая часть пути—300 верстъ.

28-го сентября.

Три часа утра.

Ночь звѣздная, ясная, морозная.

Въ послѣдней четверти мѣсяцъ забрался на небо далеко, далеко и маленькій, печальный свѣтитъ оттуда: захватитъ его еще высоко въ небѣ солнце.

На этотъ разъ пѣтуховъ разбудили мы и теперь они смущенно усиленными кукуреку стараются наверстать потерянное время.

Костеръ нашъ тускло горитъ, летятъ отъ него искры и бѣлый дымъ теряется въ темнотѣ ночи.

Раньше половины шестого выступить все-таки не удалось.

Провожать насъ вышло все мужское населеніе.

— Мы желаемъ русскимъ большого счастья. Русскіе счастливы: когда они пріѣзжаютъ, стихаетъ вѣтеръ и свѣтитъ солнце. Пусть ѣздятъ къ намъ почаще—русскіе, мы будемъ и сыты, и одѣты, и въ безопасности отъ хунгузовъ.

Кстати о хунгузахъ: братъ одного изъ идущихъ съ вьюками вчера возвратился и говоритъ, что хунгузовъ много,—собираютъ цѣлебный корень Хуанзо пури.

Въ это время, когда вся трава посохла, а онъ одинъ зеленѣетъ, его легко находить.

Такіе собиратели рискуютъ нерѣдко жизнью: такъ какъ пора ненадежная и первый выпавшій снѣгъ заноситъ быстро едва замѣтныя тропы.

Мѣстность поднимается, лѣсу больше, китайская сторона Туманган, по которой мы идемъ, представляетъ изъ себя долину саженей въ триста, рѣдко поросшей лиственницей, покрытой высокой сухой травой, которую лошади по пути съ удовольствіемъ хватаютъ.

Дороги нѣтъ — тропа, но и дѣлать дороги не надо, вездѣ можно пока проѣхать. Черезъ ручьи даже мостики, — это слѣды китайской коммиссіи, работавшей здѣсь двѣнадцать лѣтъ назадъ,—они шли отъ Пектусана внизъ по теченію Туманган.

На четвертой верстѣ послѣднее поселеніе Пургун-пау.

На 12 верстѣ гора Цын-Сани, считаемая корейцами святою. Она имѣетъ оригинальную форму верхней части человѣческаго туловища съ отсѣченной головой и руками.

Высота горы футовъ 700 надъ нами.

На вершинѣ ровная плоскость саженей въ 30. На ней, говорятъ корейцы, есть громадная каменная плита, на которой гигантская шахматная доска. Это богатыры въ часы отдыха играютъ въ шашки.

Съ Пектусана видна *) эта гора и слѣдующая за ней къ востоку Пук-Поктоуй, имѣющая видъ гигантскаго лица, лежащаго вверхъ къ небу.

Черезъ эту гору дорога и перевалъ въ Консанъ и Тяпнэ.

Наша дорога все время идетъ долиной Туманган, который здѣсь только звонкій прозрачный ручей.

Мѣстность поросла почти исключительно лиственницей. Золотистыя

*) Корейцы говорятъ: эти двѣ горы получаютъ лучи отъ Пектусана и поэтому онѣ тоже священны.

густыя иглы ея уходятъ вверхъ и оттѣняютъ чистую, нѣжно-яркую лазурь осенняго неба.

На 20-й верстѣ, на перевалѣ, въ первый разъ мы увидѣли и Пектусанъ, и Собексанъ (Малый Пектусанъ).

Затѣмъ его видно часто, а съ мѣста, гдѣ я пишу, 38-я верста отъ Тяпнэ, Пектусанъ какъ на ладони.

Рѣдкій, вездѣ горѣлый лѣсъ не мѣшаетъ смотрѣть на него.

Только сейчасъ я разобрался въ этой горѣ. Она кругла, но сбоку виденъ только діаметръ ея, — остальное должно дорисовывать воображеніе. Діаметръ громадный (корейцы опредѣляютъ верхнюю окружность въ 170 ли, а окружность озера въ 80 ли). Тогда, конечно, это что-то грандіозное.

Два вида Пектусана были очень эффектны.

Вчера при закатѣ онъ былъ прозрачно-бѣло-зеленовато-молочный.

Сегодня до восхода солнца, въ туманѣ утра, онъ обрисовался на горизонтѣ громадной, цвѣта сѣраго жемчуга, поднятой къ небу круглой горой.

Теперь видъ его не такъ эффектенъ.

Въ оврагахъ онъ покрытъ снѣгомъ и это и дѣлаетъ его бѣлымъ. Лѣтомъ же онъ черный и только кайма въ самомъ верху, тамъ, гдѣ пемза, какъ будто свѣтлѣе.

Ночевали въ глухомъ мѣстѣ, у подножья какой-то красной горы, по-корейски—Хансоу-сани—красная земля—вѣроятно, киноварь въ ней. Масса норъ въ ней.

Тутъ же шумитъ Туманганъ, черезъ который даже мостъ устроенъ для двѣнадцать лѣтъ тому назадъ бывшей здѣсь китайской коммиссіи. Есть сухая переправа для лошадей и масса сухого лѣса.

Мы развели пять костровъ, спасаясь отъ владыкъ этихъ мѣстъ,— тигровъ, барсовъ и хунгузовъ.

Кстати о нихъ: сегодня проѣхали шалашъ изъ вѣтокъ со свѣжими слѣдами людей,—костеръ былъ еще теплый. Въ шалашѣ нашли двѣ вязанки цѣлебнаго корня хуанца, который продается по 25 зонъ фунтъ.

Товару рублей на 30. Очевидно, эти несчастные хунгузы—два человѣка—при нашемъ приближеніи убѣжали въ лѣсъ.

Также убѣжалъ и барсъ, котораго видѣлъ Н. Е.

Попалось нѣсколько косуль, стрѣляли, но пока неудачно.

Вечеръ. По очереди караулить эту ночь долженъ былъ я.

Въ 9 ч. для вящшаго страха нѣсколько разъ выстрѣлили.

Я поставилъ свой столикъ у костра и рѣшилъ, чтобъ скоротать время, заниматься англійскимъ языкомъ.

Правду сказать, спать безбожно хотѣлось.

Выручили корейцы при вьюкахъ:

— Ложитесь всѣ спать, потому что мы все равно спать не можемъ.

У насъ нѣтъ теплаго платья, да и за лошадьми все равно смотрѣть надо.

Я не заставилъ себя дважды просить: и самъ легъ, и своихъ людей снялъ съ караула.

29-го сентября.

Въ три часа корейцы разбудили насъ.

Итакъ, въ царствѣ хунгузовъ, тигровъ и барсовъ все благополучно: ни хунгузовъ, ни тигровъ, ни барсовъ.

— А що имъ тутъ дѣлать? — отзывается презрительно Бибикъ, — такъ никого до самаго конца и не встрѣтимъ.

— А пишутъ, а говорятъ.

— Хоть и пишутъ, хоть и говорятъ.

Сегодня штыки отвинчены, ружья въ чехлахъ и только Н. Е. не теряетъ надежды на охоту, ѣдетъ впереди и держитъ ружье наготовѣ.

Я было поѣхалъ за нимъ, но увлекся фотографіей, затѣмъ сѣлъ писать и теперь одинъ въ мертвой тишинѣ осенняго, да еще выгорѣлаго лѣса, подъ чуднымъ яснымъ сводомъ голубого, какъ бирюза, неба. Что-то проскочило въ мелкой чащѣ, — коричневое—прыжками: косуля или барсъ? Не все ли равно — грозный обликъ этихъ мѣстъ уже разрушенъ, безпечность русская вошла уже въ свои права. Россія, Европа Азія, Пектусанъ—земля вездѣ кругла.

Вчера Бибикъ, отставъ, выстрѣлилъ въ ворону, а П. Н. свалился съ лошади.

— Я думалъ, — говоритъ онъ, вставая, — что это меня убили хунгузы.

Бибикъ куда-то въ пространство бросаетъ:

— Двохъ сразу убивъ.

Лѣсъ и лѣсъ и все лиственница, изрѣдка въ ней березка, раньше на вершинахъ уваловъ попадался дубокъ.

То, что я видѣлъ, въ общемъ мало пригодный лѣсъ: попадаются отдѣльные экземпляры прямо великолѣпнаго мачтоваго лѣса, высокоцѣнимаго при этомъ, какъ лиственичнаго. Но такого лѣса ничтожное количество и онъ говоритъ только о томъ, что природныя условія для роста такого лѣса— благопріятны и что при соотвѣтственной постановкѣ вопроса черезъ сто лѣтъ здѣсь можетъ быть образцовый лѣсъ. Но теперь въ общемъ это хламъ временъ, почти весь пригорѣвшій, подгорѣвшій, посохшій. Цѣлыя сажени, куда глазъ кинешь, тянется молодая, густая поросль, глушащая другъ друга, мѣстами посохшая. Цѣлыя версты дальше тянется молодижникъ постарше, или посохшій, или уничтоженный пожаромъ. Унылый, жалкій видъ поломанныхъ вершинъ, торчащихъ кольевъ.

— Давно сгорѣлъ?

— Давно.

Лѣсъ умеръ здѣсь и будетъ поляна.

Проѣхали 20 верстъ еще и Туманганъ исчезъ. Уже и на ночевкѣ это былъ ручей въ полсажени.

Исчезъ онъ по направленію къ Пектусану, около озера—Понга—длиной около ста саженъ, шириной еще меньше, исчезъ въ маленькомъ оврагѣ.

Отсюда и названіе: Туман—скрывшаяся, ганъ—рѣка.

Это озеро и вся болотистая мѣстность и являются истоками Тумангана, а не озеро дракона на вершинѣ Пектусана.

Пока я догонялъ своихъ, Н. Е. успѣлъ встрѣтить медвѣдя, стрѣлялъ въ него, но до медвѣдя было далеко.

Медвѣдь черный, не крупный, ѣлъ въ это время голубицу, которая здѣсь въ изобиліи.

Видѣлъ онъ, кромѣ того, двухъ козуль и стадо гурановъ (козули самцы).

Всякаго звѣрья здѣсь и, притомъ не пуганнаго, непочатый уголъ.

Вотъ гдѣ мѣста для охоты: Н. Е. молилъ подарить ему денекъ для этого. Туземцы обѣщаютъ выгнать ему и тигровъ, и барсовъ, и медвѣдей, и козуль.

— Если съ одного конца по вѣтру зажечь, а съ другого на заранѣе выжженномъ мѣстѣ стать, то сами всѣ прибѣгутъ къ вашей цѣпи.

Наши, польскіе магнаты ѣздятъ на охоту въ Индію, въ Африку,—сюда бы пріѣхали, гдѣ первобытное богатство звѣрья, гдѣ люди просты, довѣрчивы, какъ дѣти.

Я приглашаю сюда и художниковъ посмотрѣть на первобытную природу.

Вотъ, напримѣръ, поворотъ и предъ глазами здѣшняя глухая, пощаженная пожарами тайга. Высокіе гиганты ушли вверхъ и сквозь ихъ желто-золотистую листву просвѣчиваетъ нѣжно-голубое небо. Другіе же такіе же гиганты, изживъ свои вѣка, мирно покоятся внизу. Ихъ, какъ ковромъ густымъ, изумрудно-зеленымъ, покрываетъ вѣчная зелень, посыпанная сверху мелкимъ желтымъ цвѣтомъ лиственницы.

Здѣсь вѣковая тишина и печальная туя, тамъ и сямъ, такъ умѣстна здѣсь въ этой тишинѣ кладбища.

Что-то шепчутъ встревоженно вершины.

Мы уходимъ отъ нихъ и уже далеко слышится послѣдній окрикъ нашихъ нанятыхъ для вьюковъ корейцевъ. Это покрикиваютъ на своихъ микроскопичныхъ лошадокъ,—они, люди востока, въ восточныхъ костюмахъ, въ какихъ-то дамскихъ, по случаю холода, капюшонахъ, добродушные, простые, робко косящіеся на всякій кустъ, на всякій шорохъ.

А вотъ и родная тайга: уголокъ вѣковыхъ елей,—неряшливый, грязный, какъ халатъ стараго скряги, и длинныя, зелено-прозрачныя клочья висятъ на старыхъ, дряхлыхъ, сѣдыхъ еляхъ. Пахнетъ сыростью

и погребомъ: ступаетъ осторожно лошадь и проваливается въ гнилой пень.

Вотъ оврагъ, заросль желто-коричнево-черная и свѣсились надъ нимъ высокія, желтыя красавицы лиственницы.

— Любимыя мѣста господина,—говорятъ корейцы, никогда не называя въ такихъ мѣстахъ тигра, и спѣшатъ пройти мимо.

Чувствуется, что это дѣйствительно мѣсто господина здѣшнихъ мѣстъ,—вотъ-вотъ выскочитъ онъ, такой же цвѣтомъ, какъ и даль эта, и, улегшись, облизываясь, какъ кошка, начнетъ весело отбивать на обѣ стороны тактъ хвостомъ...

А вотъ обгорѣлыя, засохшія деревья одиноко торчатъ въ какой-то сѣровато-бѣлой, выжженной солнцемъ пустынѣ. Не растетъ даже трава и обнажился мельчайшій искристый пемзовый песокъ.

На немъ явственные слѣды всякаго звѣрья: вотъ копытца барана, а вотъ и лапа хищнаго спутника его. Множество слѣдовъ, частью уже посыпанныхъ желтымъ цвѣтомъ лиственницы.

Н. Гаринъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

Глава пятнадцатая.

I.

Какъ только Никодимцевъ вошелъ въ гостиную, Инна Николаевна тотчасъ же замѣтила въ его лицѣ какое-то новое для нея выраженіе смущенной озабоченности и серьезности. И это заставило ее, мнительную, подавить въ себѣ радость при встрѣчѣ и поздороваться съ нимъ далеко не такъ дружески, какъ она хотѣла.

Въ свою очередъ и отъ Никодимцева не укрылось ни тревоги при его появленіи, ни холодности встрѣчи, ни испуганно-недовѣрчиваго взгляда молодой женщины.

И, какъ это часто бываетъ между мнительными и самолюбивыми людьми, каждый изъ нихъ объяснялъ къ своей невыгодѣ настроеніе другого. Инна Николаевна рѣшила, что Никодимцевъ совсѣмъ иначе къ ней относится, узнавши, вѣроятно, объ ея прошломъ, а Никодимцеву показалось, что Инна Николаевна догадалась объ его привязанности и что это ей непріятно.

Каждый словно бы испугался другого, и между ними вдругъ появилась боязливая сдержанность, сразу измѣнившая задушевный характеръ ихъ отношеній.

— Я не задержу долго васъ, Инна Николаевна,—заговорилъ Никодимцевъ,—присаживаясь въ креслѣ послѣ того, какъ съ аффектированной почтительностью поклонился ей и пожалъ ей руку. Я позволилъ себѣ побезпокоить васъ, чтобы сообщить о готовности вашего мужа на разводъ. По крайней мѣрѣ, одинъ мой пріятель, адвокатъ, котораго я вчера видѣлъ и просилъ повидаться съ вашимъ супругомъ, вынесъ такое впечатлѣніе. Если вамъ будетъ

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

угодно, я попрошу этого адвоката пріѣхать къ вамъ, и онъ охотно возьмется вести ваше дѣло. Онъ человѣкъ вполнѣ порядочный, и вы можете смѣло на него положиться.

— Мнѣ право совѣстно, Григорій Александровичъ, пользоваться вашими услугами, не имѣя на нихъ никакихъ правъ кромѣ вашей любезности... Спасибо вамъ и за паспортъ, и за адвоката... Я, конечно, возьму его.

— Вы преувеличиваете цѣну моихъ услугъ, Инна Николаевна...

Инна Николаевна вспомнила объ исторіи у Донона и хотѣла было поблагодарить Никодимцева, но что-то ее удержало... Въ письмѣ своемъ она писала и объ этомъ... Онъ прочтетъ и пойметъ, какъ она высоко ставитъ его рыцарскій поступокъ и какъ вообще она ему благодарна... Къ чему говорить?.. Да и нужно ли отдавать письмо... теперь, когда Никодимцевъ и безъ того перемѣнился...

Онъ просидѣлъ нѣсколько минутъ въ мрачномъ настроеніи и сталъ прощаться.

— Уже?—вырвалось у Инны Николаевны.

Это восклицаніе словно бы удивило Никодимцева.

— Мнѣ казалось, что я ужъ и такъ надоѣлъ вамъ, Инна Николаевна!—сказалъ онъ.

— Съ чего вы это взяли?..—краснѣя промолвила Инна.

— Это чувствуется...

— А мнѣ казалось, что вы ужъ не прежній мой другъ...

— Я!? Какъ вы могли это подумать?

— Такъ же, какъ и вы... И, признаюсь, мнѣ это было больно, хотя я этого и ждала...

— Ждали?.. За кого же вы меня принимаете, Инна Николаевна?

И онъ взглянулъ на Инну Николаевну съ такою нѣжностью, что она просіяла и воскликнула:

— Такъ оставайтесь... посидите еще... Посидите подольше... И разскажите, отчего вы сегодня такой озабоченный и серьезный. Я подумала, что вы имѣете что-то противъ меня... Теперь вижу, что нѣтъ... Вижу!—обрадованно повторила Инна Николаевна.

Въ эту минуту ему что-то сказало, что молодая женщина дѣйствительно расположена къ нему и имъ дорожитъ... „Конечно, какъ другомъ“—поспѣшилъ онъ мысленно прибавить, не смѣя и думать объ иномъ отношеніи...

И, просвѣтлѣвшій отъ радости, что онъ можетъ любить эту женщину, не возбуждая въ ней чувства непріязни, счастливый, что можетъ видѣть ее и говорить съ нею, онъ опустился въ кресло и сказалъ:

— Васъ удивило, что я пріѣхалъ озабоченный?

— Да... Вы сегодня были какой-то особенный, какъ вошли...

— Не мудрено. Утромъ сегодня я неожиданно получилъ предложеніе ѣхать съ особеннымъ порученіемъ въ мѣста, пострадавшія отъ неурожая.

— И вы... согласились конечно?

— Разумѣется. Развѣ вы не одобряете моего согласія, Инна Николаевна?

— Напротивъ... Вполнѣ, и увѣрена, что вы дѣйствительно поможете...

— Работать буду, сдѣлаю все, что могу, но... едва ли сдѣлаю все то, что нужно сдѣлать, и это меня тревожитъ... Нужда, вѣроятно велика, а средствъ мало... А здѣсь думаютъ... нѣсколько иначе и вѣрно ждутъ, что я пришлю успокоительныя донесенія... Но я предупредилъ, что правды не скрою... Я хоть и чиновникъ, Инна Николаевна, но сохранилъ въ себѣ немножко независимости!— горделиво прибавилъ Никодимцевъ.—На столько, по крайней мѣрѣ, чтобы не называть черное бѣлымъ!—объяснилъ онъ.

Инна Николаевна съ горделивымъ чувствомъ глядѣла на возбужденное, энергичное лицо Никодимцева и про себя подумала:

„И этотъ человѣкъ меня любитъ!“

И ей хотѣлось, чтобъ онъ ее любилъ и въ то же время мысль, что, послѣ письма, онъ перестанетъ ее любить, наполняло сердце ее тоской.

— И на долго вы ѣдете?—спросила она.

— На мѣсяцъ, два, три, четыре... не знаю... Знаю только, что непріятностей предстоитъ много и что нравственнаго успокоенія будетъ мало...

— Отчего?..

— Во-первыхъ оттого, что одинъ въ полѣ не всегда воинъ, а во-вторыхъ оттого, что мы, чиновники, боимся общественнаго участія... Деньги возьмемъ, но для того, чтобы допустить людей желающихъ работать, будемъ прежде узнавать: угодны ли эти люди мѣстному начальству или не угодны... И, наконецъ, развѣ помочь голодающимъ значитъ принять радикальныя мѣры?.. Развѣ можно быть увѣреннымъ, что голодъ снова не повторится и что люди небудутъ пухнуть и умирать, хотя нѣкоторыя газеты и будутъ повторять, что мы шагаемъ гигантскими шагами впередъ...

— Но развѣ вы, занимая такое мѣсто, ничего не можете сдѣлать, чтобы ваши идеи осуществились?

Никодимцевъ горько усмѣхнулся.

— Вы думаете мы всемогущи? Мы всемогущи дѣлать зло, а чтобы дѣлать добро, для этого у меня слишкомъ мало власти и вліянія. И знаете ли что, Инна Николаевна? Иногда спраши-

ваешь себя: для чего цѣлые дни работаешь, прочитывая и подписывая ворохи бумагъ? Есть ли кому отъ этого какая-нибудь польза?.. Дѣйствительно ли наши мѣропріятія, входя въ жизнь, облегчаютъ существованіе тѣхъ людей, которымъ нужно облегченіе? Въ такія минуты беретъ сомнѣніе... и становится жутко... И въ работѣ, неустанной работѣ хочется забыться... Спасибо вамъ... вы заставили меня почувствовать, что есть жизнь, скрасивши своей дружбой мое чиновническое одиночество и, даже болѣе, научивши познать тщету честолюбія... И я этого никогда не забуду... Никогда!..—серьезно и значительно прибавилъ Никодимцевъ.

Инна Николаевна молчала, смущенная и счастливая.

А Никодимцевъ продолжалъ:

— И мнѣ будетъ недоставать вашего общества, когда я уѣду... Я уже къ нему привыкъ... Работа-работой, а дружба дружбой... И не найдете ли вы дерзостью съ моей стороны, если я попрошу позволенія писать вамъ изрѣдка?..

— Я буду очень рада, но... вы меня принимаете не за ту, какая я есть!—неожиданно проговорила Инна Николаевна.

— Вы опять за старое...

— Я вамъ серьезно говорю... Мнѣ тяжело пользоваться вашимъ расположеніемъ, вашей дружбой... Разсказывать свою жизнь мнѣ стыдно, слышите ли стыдно!.. Такъ лучше прочтите...

И съ этими словами Инна Николаевна подала Никодимцеву пакетъ.

— Прочитайте и уничтожьте письмо. Слышите, Григорій Александровичъ!

— Слушаю, Инна Николаевна.

— А теперь, пока еще мы друзья, разскажите мнѣ о себѣ.

— Я всегда останусь вашимъ вѣрнымъ другомъ.

Инна Николаевна взглянула на Никодимцева долгимъ грустнымъ взглядомъ.

— Вы ослѣплены мной, Григорій Александровичъ,—промолвила она.—И это меня тревожило... Вы не изъ тѣхъ людей, мнѣніями которыхъ не дорожишь... Но я слишкомъ самолюбива, чтобы оставлять васъ въ заблужденіи... Послѣ письма оно пройдетъ... А поѣздка поможетъ вамъ основательно забыть меня.

Никодимцевъ не могъ и представить себѣ къ эту минуту, что могло бы заставить его забыть эту очаровательную женщину, искреннюю и правдивую, страдающую отъ сознанія ошибки своего замужества. Ужъ самое это письмо—что бы въ немъ не было—показываетъ честную натуру.

И онъ съ восторженностью юноши отвѣтилъ:

— Это невозможно...

— Все возможно.

Инна промолчала, опустивъ голову.

А Никодимцевъ благоговѣйно любовался ею, и тоскливо подумалъ:

„О, если бы онъ былъ моложе!“

Тогда, быть можетъ, она отозвалась бы на его любовь и согласилась быть его женой... При одной этой мысли онъ внутренно затрепеталъ отъ счастья.

— Зачѣмъ мы съ вами раньше не встрѣтились, Григорій Александровичъ?—проговорила вдругъ Инна Николаевна, словно бы отвѣчая на мысли Никодимцева.

Никодимцевъ густо покраснѣлъ:

— Раньше?.. Развѣ и теперь, когда я старъ и одинокъ, мнѣ менѣе дорого ваше позволеніе быть вашимъ другомъ...

— Вы не поняли меня. Тогда я была другая и стоила бы вашей дружбы... И... и, быть можетъ, долгой, прочной дружбы?—чуть слышно прибавила молодая женщина.

Никодимцевъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

То, что онъ считалъ невозможнымъ, о чемъ не осмѣливался мечтать, теперь вдругъ не казалось ему несбыточной мечтой. Слова Инны Николаевны были для него неожиданнымъ откровеніемъ чего-то необыкновенно свѣтлаго и счастливаго...

Но оно продолжалось нѣсколько мгновеній. Яркій свѣтъ блеснулъ во мракѣ ночи и погасъ.

Мнительный и самолюбивый, онъ тотчасъ же посмѣялся надъ собой. Не можетъ же она, въ самомъ дѣлѣ дорожить его любовью и полюбить его? Ему сорокъ два; ей двадцать шесть, двадцать семь. Онъ некрасивъ, не интересенъ; она—прелестна.

И, принимая ея послѣднія слова за кокетливую обмолвку, онъ сдѣлалъ видъ, что не понялъ ихъ и, стараясь скрыть волнующія его чувства, проговорилъ:

— Предоставьте мнѣ знать такою, какая вы есть, Инна Николаевна... И знайте, что я упоренъ въ своихъ заблужденіяхъ!—прибавилъ онъ.

— Вижу!—съ улыбкой проронила она... Ну, а теперь разскажите о себѣ... Какъ это вы ухитрились остаться такимъ... такимъ...

— Какимъ?..

— Такимъ не изгаженнымъ, какъ большая часть мужчинъ... и не педантомъ-чиновникомъ, какъ большая часть чиновниковъ.

— Быть можетъ, отъ этого я и одинокъ, какъ видите, и исторія моей жизни, исторія одного изъ очень обыкновенныхъ людей, отличающихся отъ другихъ лишь тѣмъ, что я мечталъ когда-то о большомъ личномъ счастьи и потому не получилъ никакого... Но въ этомъ случаѣ, я предпочитаю лучше ничего, чѣмъ немного.

Да и вообще мой формулярный списокъ не богатъ приключеніями, сколько-нибудь интересными, по крайней мѣрѣ, для не чиновника... Хотите все-таки познакомиться съ моимъ формуляромъ?..

— Еще бы!

— Въ такомъ случаѣ начинаю, обѣщая не злоупотреблять вашимъ вниманіемъ...

— Напротивъ, злоупотребляйте...

— Такъ я начну съ самыхъ дорогихъ воспоминаній...

— О первой своей любви?

— Нѣтъ, Инна Николаевна... Самыя дорогія мои воспоминанія относятся къ моему отцу и къ моей матери... Это были чудные, добрые люди. До сихъ поръ бывшіе ученики одной изъ кіевскихъ гимназій съ любовью съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаютъ о своемъ директорѣ. Да, Инна Николаевна, я имѣю большое и рѣдкое счастье гордиться родителями и благоговѣйно чтить ихъ память... Когда-нибудь, если позволите, я привезу вамъ ихъ портреты... Вы увидите, что это за открытыя, добрыя лица!... Вся жизнь ихъ обоихъ была исполненіемъ долга и проявленіемъ дѣятельной любви. Отецъ былъ идеалистомъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова и даже въ суровыя николаевскія времена съумѣлъ сохранить въ себѣ чувство достоинства и былъ гуманнымъ педагогомъ, часто рискуя остаться безъ мѣста и безъ куска хлѣба. Это былъ скромный, незамѣтный герой, не сознающій своего геройства... И въ этомъ помогала ему мать, до старости лѣтъ питавшая къ нему восторженную привязанность, почти влюбленность. Она была его вѣрнымъ товарищемъ и въ хорошіе, и въ дурные дни жизни... Она бодрила его своимъ сочувствіемъ, согрѣвала своей любовью... Это была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ супружескихъ паръ, которая олицетворяетъ идеалъ брака. Отецъ любилъ разъ въ жизни и только—мою мать. Мать—только отца.

— Такъ только и должно любить!—вырвалось у Инны Николаевны...

— Примѣръ ихъ—былъ лучшей школой. И если у меня есть какія-нибудь правила, если я, не смотря на среду, въ которой живу, сохранилъ въ себѣ подобіе человѣка и не сдѣлался безшабашнымъ человѣкомъ 20 числа, если я умѣю работать, если я смотрю на бракъ серьезно и, какъ вы сказали, не изгаженъ совсѣмъ,—то всѣмъ этимъ я, главнымъ образомъ, обязанъ имъ... Не словамъ ихъ, нѣтъ—они вообще мало поучали—а примѣру... Вы простите, Инна Николаевна, что я такъ увлекся и такъ много говорю о своихъ... Но мнѣ такъ хочется говорить о нихъ и говорить вамъ... Ни съ кѣмъ я не дѣлился этими воспоминаніями... Вы позволили и... пеняйте на себя...

— Что вы? Говорите, говорите! Горячее вамъ спасибо, что вы

со мною дѣлитесь вашими свѣтлыми воспоминаніями... И знаете ли что, Григорій Александровичъ?

— Что?

— Вѣдь вы—счастливецъ! — съ чувствомъ зависти воскликнула Инна Николаевна, невольно припоминая свое дѣтство и отрочество.

О, она дома видѣла совсѣмъ не похожее на то, о чемъ говорилъ Никодимцевъ. Она видѣла почти всегда грустную и обиженную мать, слышала сцены ревности, слезы и рыданія и мягкій, успокоивающій голосъ обманывающаго отца... Она не знала серьезнаго отношенія къ себѣ... только слышала, что она хорошенькая... За ней ухаживали, когда ей было четырнадцать лѣтъ... А потомъ...

— Разсказывайте, разсказывайте, Григорій Александровичъ!— проговорила съ жадной порывистостью Инна Николаевна,—словно бы боясь своихъ воспоминаній.

— Конецъ жизни отца былъ не легкій... Онъ былъ исключенъ изъ службы безъ пенсіи, какъ безпокойный человѣкъ, и жилъ уроками... А я въ то время кончалъ университетъ, мечтая объ ученой карьерѣ, но вмѣсто этого отдалъ дань молодости, былъ исключенъ изъ университета, прожилъ два года на сѣверѣ и когда вернулся, отецъ умеръ, а черезъ полгода умерла и мать... Экзаменъ мнѣ держать позволили, но объ ученой карьерѣ думать было нечего, и я сдѣлался чиновникомъ... И, какъ видите, ухитрился дослужиться до директора департамента безъ протекціи и связей... Меня держатъ въ качествѣ человѣка, умѣющаго работать и много, и скоро и не претендующаго на что-нибудь высшее...

— А ваше честолюбіе?..

— Было, но прошло...

— Почему?

— А потому, что синицѣ моря не зажечь, Инна Николаевна, а, напротивъ, самой попасть въ море... А быть подобной синицей—въ этомъ мало любопытнаго.

— Но, говорятъ, васъ назначаютъ товарищемъ министра, Григорій Александровичъ?

— Да, говорятъ, но никто не спрашиваетъ: соглашусь ли я принять такую должность?.. Впрочемъ, я думаю, что послѣ моей командировки меня не сочтутъ пригоднымъ на такой постъ... Я не изъ большихъ дипломатовъ, Инна Николаевна, и съ радостью принялъ бы мѣсто, на которомъ можно было бы подумать и о душѣ. Заработался я очень... Усталъ... А главное—работа ужъ не такъ захватываетъ меня... Ну, вотъ вамъ и мой формулярный списокъ...

— Онъ не полонъ... А ваши увлеченія?

— Ихъ не было. Была одна привязанность въ молодости.

— Отчего же вы не женились?

— Собирался... И женихомъ былъ...

— И что же?

— Какъ видите, остался холостякомъ...

— Вы отказались?

— Я... И за три дня до свадьбы...

— Почему?..

— Когда-нибудь я разскажу вамъ этотъ грустный эпизодъ изъ моей жизни... А пока скажу вамъ только, что я не раскаявался и, главное, я не разбилъ чужой жизни... Бывшая моя невѣста вышла скоро замужъ за богатаго человѣка и вѣрно была благодарна мнѣ, что я взялъ свое слово назадъ...

— И вы ее любили?

— А то какъ же? Развѣ иначе я сдѣлалъ бы предложеніе.

— И скоро ее забыли?..

— Я вообще забываю не скоро.

— Она была хороша?

— Мнѣ нравилась.

— Блондинка или брюнетка?

— Скорѣе блондинка...

— И вы съ ней больше не встрѣчались?

— Года три не встрѣчался.

— Избѣгали?

— Нѣтъ не случалось.

— А потомъ?

— Какъ-то встрѣтился. Изрѣдка встрѣчаю ее и теперь у однихъ знакомыхъ...

— Она еще хороша?—съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ допрашивала Инна Николаевна.

— Кажется, не дурна...

— Ей сколько лѣтъ?

— Тридцать пять... Но отчего эта особа васъ такъ интересуетъ, Инна Николаевна?—неожиданно спросилъ Никодимцевъ.

Молодая женщина слегка покраснѣла и торопливо отвѣтила:

— Сейчасъ и видно, что вы мало наблюдали, насъ, женщинъ...

— А почему это видно?

— Да потому, что вы не знаете главнаго нашего порока.

— Какого?

— Любопытства.

Въ эту минуту вошелъ лакей и доложилъ, что чай готовъ.

Инна Николаевна пригласила Никодимцева въ столовую.

II.

Тамъ сидѣли: Козельская, Тина и рядомъ съ ней красавецъ-студентъ Скурагинъ.

Онъ только-что принесъ Татьянѣ Николаевнѣ запечатанный конвертъ съ ея нѣсколькими письмами къ Горскому, извиняясь, что утромъ, какъ обѣщалъ, принести не могъ, такъ какъ цѣлый день оставался при больномъ. Ему сдѣлалось хуже—поднялась температура.

Обрадованная, что письма въ ея рукахъ, Татьяна Николаевна не обратила, казалось, особеннаго вниманія на то, что бывшему ея обожателю стало хуже, и пригласила юношу напиться чаю. Онъ сперва отказывался. Ему некогда, онъ опять пойдетъ въ больницу, но молодая дѣвушка съ такою чарующей простотой просила его остаться хоть на полчаса и отогрѣться послѣ мороза, что студентъ, переконфуженный отъ такой любезности, согласился и не замѣтилъ, конечно, мелькнувшаго въ глазахъ дѣвушки хищнически-торжествующаго выраженія, какое бываетъ у кошки, увѣренной, что мыши не миновать ея лапъ.

— Не говорите, пожалуйста, при мамѣ ни слова о Борисѣ Александровичѣ. Мы отъ нея скрываемъ, что онъ ранилъ себя. Мама очень нервна, и всякое волненіе для нея опасно.

Съ этими словами она бросила конвертъ на письменный столикъ и повела гостя въ столовую.

— Викторъ Сергѣичъ Скурагинъ!—назвала она гостя матери и, когда они обмѣнялись рукопожатіями, прибавила: налей, пожалуйста, мамочка Виктору Сергѣичу чая... Онъ прозябъ... Ну, садитесь и кушайте... Я страшно проголодалась.

Татьяна Николаевна посадила Скурагина около себя и, наложивъ на двѣ тарелочки по горкѣ маленькихъ сандвичей, одну поставила передъ нимъ, а другую около себя. Вслѣдъ затѣмъ она передала ему стаканъ чаю, подвинула сливки и лимонъ и проговорила:

— Сандвичи очень вкусны съ чаемъ!

Скурагинъ былъ подавленъ гостепріимствомъ и въ качествѣ благодарнаго человѣка считалъ своимъ долгомъ поскорѣй съѣсть все то, что ему было положено, и выпить стаканъ чая.

И Татьяна Николаевна имѣла возможность видѣть ослѣпительно бѣлые зубы студента и втайнѣ восхищаться его застѣнчивостью и красотою его серьезнаго лица и его глазами ясными и словно бы глядящими куда-то вдаль.

— Хотите еще сандвичей?

— О, нѣтъ... благодарю васъ!—испуганно проговорилъ онъ.

— А чаю?—спросила, улыбаясь, Тина.

— Чаю позвольте! — отвѣчалъ Скурагинъ и, перехвативъ улыбку дѣвушки, сдѣлался еще напряженнѣе и строже.

Въ эту минуту появились Никодимцевъ и Инна.

Никодимцевъ поздоровался со всѣми съ нѣкоторою застѣнчивостью человѣка, стѣсняющагося въ малознакомомъ обществѣ. Но скоро это стѣсненіе прошло, и Никодимцевъ невольно перенесъ частицу своей привязанности къ Иннѣ Николаевнѣ, на мать и на сестру. И Скурагинъ, съ которымъ познакомила Никодимцева Татьяна Николаевна, очень ему понравился. Его замѣчательно красивое лицо невольно обращало на себя вниманіе своей одухотворенностью, и самъ онъ, серьезный и застѣнчивый, видимо и не сознавалъ, какъ онъ хорошъ.

— Два куска сахара и не крѣпкій чай Григорію Александровичу, мама!—замѣтила Нина Николаевна, хорошо изучившая привычки Никодимцева.

Антонина Сергѣевна налила чай и съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ взглядывала на Никодимцева, вспоминая разговоръ мужа о томъ, что онъ влюбленъ въ Инну. И некрасивое лицо его казалось теперь ей и интереснымъ и моложавымъ, особенно молоды были черные небольшіе глаза. И вообще онъ ей казался очень хорошимъ человѣкомъ уже потому, что любилъ ея дочь и потому, что, кромѣ того, представлялъ собою блестящую „партію“ для Инны. „Не сидѣть же ей въ разводкахъ!“—думала она и отъ души желала, чтобы Никодимцевъ понравился Иннѣ и чтобы она вышла за него замужъ. Съ такимъ человѣкомъ она будетъ счастлива и забудетъ неудачу прежняго своего замужества.

Тина, напротивъ, находила, что Никодимцевъ и некрасивъ, и не молодъ, и „прѣсенъ“ и слишкомъ серьезенъ для сестры какъ мужъ, и что если она и женитъ его на себѣ, то ей будетъ трудно вести прежній образъ жизни, и, не стѣсняясь, имѣть любовниковъ. Этотъ господинъ не отнесется къ увлеченіямъ жены съ философской терпимостью идіота Левы. Онъ потребуетъ любви на всю жизнь и не позволитъ Иннѣ выбирать себѣ знакомыхъ для разнообразія впечатлѣній.

„Не моего онъ романа!“—высокомѣрно рѣшила Татьяна Николаевна.

Вотъ ея сосѣдъ, красивый какъ богъ, молодой и цвѣтущій, могъ быть желаннымъ героемъ ея новаго романа. Увлечь его, влюбить въ себя и отдаться поцѣлуямъ, этого цѣломудреннаго, строгаго юноши—было бы однимъ изъ чудныхъ впечатлѣній жизни!..—думала Татьяна Николаевна и съ самымъ наивнымъ видомъ допивала вторую чашку, аппетитно заѣдая чай сандвичами.

Разговоръ сперва шелъ вяло.

Антонина Сергѣевна жаловалась на петербургскую погоду и

на петербургскую жизнь. Какая-то вѣчная суета, погоня за развлеченіями и нѣтъ настоящей семейной жизни, нѣтъ, знаете ли, этого круглаго стола, за которымъ вечеромъ собираются всѣ члены семейства. Надъ этимъ смѣются теперь, а между тѣмъ какъ тепло у такого семейнаго очага... Жаловалась Антонина Сергѣевна и на то, что въ Петербургѣ мало истинныхъ друзей. Эти жалобы были ея конькомъ, какъ и воспоминанія о томъ времени, когда они жили въ „милой провинціи“, которая такъ нравилась Антонинѣ Сергѣевнѣ, главнымъ образомъ, потому, что тамъ ея любимый Ника еще ее не обманывалъ.

Никодимцевъ съ почтительнымъ вниманіемъ слушалъ эти ламентаціи, отхлебывая чай и изрѣдка подавая реплики. Онъ не испытывалъ скуки только потому, что чувствовалъ присутствіе Инны Николаевны.

А студентъ, уже допившій чай, мысленно бранилъ себя, что затесался къ этимъ „буржуямъ“ и не рѣшаясь встать, попрощаться и уйти, сосредоточенно и упорно молчалъ.

— А вы любите Петербургъ, Григорій Александровичъ?—обратилась къ нему съ вопросами Татьяна Николаевна.

— Не люблю.

— А вы, Викторъ Сергѣичъ?

— Терпѣть не могу!—проговорилъ, весь вспыхивая, Скурагинъ.

Всѣ невольно улыбнулись.

— Зачѣмъ же вы живете здѣсь? Вы сами вѣрно не петербуржецъ?

— Я уроженецъ Курской губерніи. А развѣ въ другихъ городахъ лучше жить? Здѣсь все-таки заниматься удобнѣе, и публичная библіотека есть.

— И вы вѣрно много работаете?

— Приходится!—скромно вымолвилъ студентъ.

— Вы на филологическомъ?

— Я—математикъ.

— На первомъ курсѣ.

— На третьемъ.

— Простите... Я думала...

— „И чего она пристаетъ? И чего я сижу здѣсь!?“—спросилъ себя Скурагинъ и рѣшилъ тотчасъ же улизнуть, какъ встанутъ изъ-за стола. Ничего поучительнаго и интереснаго онъ не находилъ здѣсь, и красота обѣихъ сестеръ не произвела на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Онъ не зналъ сущности отношеній Тины съ Горскимъ. Зналъ только, что Горскій былъ въ нее влюбленъ и что стрѣлялся изъ-за нея. Объ этомъ ему сказалъ Горскій, когда онъ прибѣжалъ изъ сосѣдней комнаты на выстрѣлъ, но что именно побудило его желать смерти, о томъ артиллеристъ

умолчалъ. Но за то сестра его не особенно дружелюбно говорила о молодой дѣвушкѣ, и Скурагинъ понялъ изъ словъ Леонтьевой, что Козельская не любила ея брата, а только кокетничала, и Скурагинъ самъ убѣдился въ этомъ сегодня по тому равнодушію, съ какимъ она приняла извѣстіе объ ухудшеніи здоровья Бориса Александровича.

„Пустая барышня!“—мысленно окрестилъ ее Скурагинъ и въ то же время рѣшилъ, что виновата не она, что она пустая, а виновата совокупность разныхъ условій жизни, которыя даже молодыхъ людей дѣлаютъ пустыми и эгоистичными и не желающими искать правды.

— Такъ Петербургъ вамъ не милъ, Григорій Александровичъ?—спросила Никодимцева въ свою очередь и Инна Николаевна.

— Не особенно, какъ городъ спеціально чиновничій...

— И это говоритъ самъ важный чиновникъ? — подсмѣялась младшая сестра.

— За то вы скоро избавитесь отъ немилаго вамъ Петербурга, Григорій Александровичъ! — проговорила Инна Николаевна съ скрытымъ упрекомъ въ голосѣ.

— Развѣ вы уѣзжаете?—спросила Козельская.

— Да... уѣзжаю.

— И надолго?

— Мѣсяца на два, три...

— За границу?.. Отдыхать?

— О, нѣтъ! Для этого я не избавился бы отъ Петербурга, какъ говоритъ Инна Николаевна, — подчеркнулъ Никодимцевъ, словно бы желая показать несправедливость ея упрека,—я ѣду въ голодающія губерніи.

— На голодъ?—со страхомъ и изумленіемъ переспросила Антонина Сергѣевна, почему-то увѣренная, что на голодъ могутъ только ѣхать студенты и студентки, незначительные чиновники и вообще люди, не имѣющіе хорошаго общественнаго положенія.

— Да.

— Но послушайте, Григорій Александровичъ. Что вамъ за охота ѣхать на голодъ?.. Вы могли бы принести не меньшую пользу и здѣсь къ облегченію ужасовъ этого бѣдствія... Но ѣхать туда, чтобы заразиться тифомъ... Я читала въ газетахъ, что многіе заразились... Вы не имѣете права, Григорій Александровичъ, рисковать своей жизнью...

По губамъ студента пробѣжала судорога. Кровь прихлынула къ его блѣднымъ щекамъ.

— А доктора и студенты значитъ имѣютъ на это право? Ихъ жизнь не такъ драгоцѣнна?—проговорилъ онъ вдругъ среди всеобщаго молчанія.

Всѣ смутились. И болѣе всѣхъ смутилась Антонина Сергѣевна.

— Вы меня не такъ поняли молодой человѣкъ... Конечно жизнь драгоцѣнна для всѣхъ...

— Антонина Сергѣевна,—вмѣшался Никодимцевъ,—предполагаетъ, что мы въ самомъ дѣлѣ жрецы незамѣнимые и потеря одного изъ нихъ была бы лишеніемъ... Но жрецовъ много, Антонина Сергѣевна, очень много. На мѣсто выбывшаго явится другой. И Викторъ Сергѣичъ вполнѣ правъ, находя, что рисковать своею жизнью обязаны всѣ... А ѣду я потому, что меня посылаютъ изслѣдовать на мѣстѣ размѣры бѣдствія, организовать помощь... Заражусь ли я тифомъ или нѣтъ, это еще вопросъ, а отказываться отъ такого порученія только потому, что можно заразиться,—было бы совсѣмъ неблаговидно.

Скурагинъ насторожилъ уши и впился глазами въ Никодимцева.

— О, разумѣется... Я понимаю, что вы ѣдете! — поспѣшила согласиться Антонина Сергѣевна.

И хотя она, какъ и остальныя дамы, бывшія въ столовой, довольно равнодушно относилась къ тому, что гдѣ-то въ Россіи люди голодаютъ,—тѣмъ не менѣе сочла нужнымъ спросить:

— А большой у насъ голодъ, Григорій Александровичъ?..

— Судя по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, бѣдствіе не особенно велико... Но не всегда можно полагаться на точность свѣдѣній. У сообщающихъ нерѣдко бываютъ розовыя очки на глазахъ.

— О, вы убѣдитесь, навѣрное убѣдитесь, что бѣдствіе ужасно!— взволнованно вдругъ заговорилъ Скурагинъ... Здѣсь, въ Петербургѣ, и не представляютъ себѣ, что дѣлается тамъ, да и не хотятъ думать объ этомъ... Иначе здѣсь не бросали бы денегъ на зрѣлища и на удовольствія, не плясали бы на балахъ, не задавали бы обѣдовъ въ то время, когда ближніе наши голодаютъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова... Надо видѣть этихъ голодныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей покорно умирающихъ отъ тифа и цынги, чтобы понять жестокость сытыхъ и обезпеченныхъ не изъ книгъ только, а изъ жизни...

— А вы видѣли?—спросилъ Никодимцевъ.

— Я мѣсяцъ тому назадъ вернулся изъ Самарской губерніи пробывши три мѣсяца въ голодающей мѣстности. Я работалъ тамъ, помогая одной доброй барынѣ, организовавшей кое-какую помощь на свои скудныя средства... Она отдала все, что у нея было и что она могла собрать черезъ знакомыхъ... Но, разумѣется, помощь была ничтожна. Мы могли помочь сотнѣ, другой людей, а кругомъ... что дѣлалось кругомъ, гдѣ не было никакой помощи...

И, „волнуясь и спѣша“, молодой студентъ въ захватывающихъ

картинахъ разсказалъ то, что онъ видѣлъ. И всѣ слушали эту вдохновенную, полную любви и состраданія, рѣчь, нѣсколько смущенные, подавленные и словно бы виноватые. Всѣ были подъ обаяніемъ этого взрыва честнаго и благороднаго сердца и сильнаго ораторскаго таланта. И дотолѣ скромный и застѣнчивый студентъ словно бы преобразился. Его красивое блѣдное и серьезное лицо дышало властностью искренности и правды, и глаза свѣтились вдохновеніемъ.

И всѣ невольно любовались имъ. Всѣ почувствовали въ немъ рыцаря духа, одну изъ тѣхъ свѣтлыхъ душъ молодости, которыя являются какъ бы маяками среди тьмы пошлости, равнодушія и человѣконенавистничества.

Никто изъ присутствовавшихъ и не догадывался, что этотъ студентъ въ обтрепанномъ сюртукѣ, ходившій зимой въ лѣтнемъ пальто, былъ до извѣстной степени состоятельнымъ человѣкомъ, получая отъ отца, помѣщика Курской губерніи, сто рублей въ мѣсяцъ. Но Скурагинъ оставлялъ себѣ только двадцать пять рублей и жилъ впроголодь. Остальныя деньги прежде онъ раздавалъ бѣдующимъ товарищамъ, а потомъ посылалъ на помощь голодающимъ. На это же пошли деньги и отъ заложенныхъ золотыхъ часовъ, недавно подаренныхъ ему теткой, и отъ заложеннаго зимняго пальто.

Ему просто было стыдно имѣть эти вещи, когда на вырученныя за нихъ деньги цѣлая сотня людей можетъ прокормиться недѣлю. Онъ хорошо понималъ условное значеніе благотворительности и безсиліе ея въ роковомъ вопросѣ о соціальномъ неравенствѣ, но теоретическія рѣшенія не погашали въ немъ чувства стыда и состраданія. Оно жило въ немъ, и потому онъ не могъ быть равнодушнымъ къ человѣческимъ страданіямъ, хотя и сознавалъ ихъ логическую неизбѣжность при извѣстныхъ условіяхъ. Теоретическое, обоснованное научными данными, оправданіе невмѣшательства, прикрывавшее холодъ и эгоизмъ, возмущало его до глубины души, и ему было стыдно за другихъ.

Этотъ стыдъ и былъ однимъ изъ руководящихъ стимуловъ его поступковъ и жадныхъ поисковъ правды въ книгахъ, которыя онъ читалъ. Но книги не давали ему отвѣта на вопросы: „Что дѣлать? Какъ жить?“ Они обогащали его умъ знаніями, изощряли умъ, вырабатывали его міросозерцаніе, но не давали возможности практически разрѣшить то, чѣмъ болѣла его душа.

Когда онъ окончилъ свою рѣчь, то словно спустился на землю и смущенно притихъ, точно виноватый, что надоѣлъ другимъ и занялъ ихъ вниманіе своей особой.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

И вдругъ Антонина Сергѣевна вышла изъ столовой и, отдавая Скурагину сторублевую бумажку, взволнованно проговорила:

— Вотъ... пошлите пожалуйста вашей знакомой...

Дали деньги и обѣ сестры, и Никодимцевъ.

Скурагинъ благодарилъ.

Никодимцевъ очень заинтересовался студентомъ, который напомнилъ ему что-то хорошее, свѣтлое, давно прошедшее... И онъ когда-то былъ юношей, готовымъ вступить въ бой съ жизнью, и что онъ теперь? Но этотъ, конечно, не примирится съ жизнью...

— А у васъ, Викторъ Сергѣичъ, уже намѣчены планы будущей жизни?—спросилъ онъ.

— О, нѣтъ... Одно только могу сказать, что служить не пойду, чтобы не быть, въ лучшемъ случаѣ, въ положеніи Пилата... Вы простите, что я такъ говорю...

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь...

— Я знаю, что очень много хорошихъ людей успокоиваютъ себя тѣмъ, что они, по возможности, противодѣйствуютъ тому, что считаютъ нехорошимъ и дѣлаютъ хорошее... Но вѣдь это самообманъ: въ большей части случаевъ они дѣлаютъ то, что неизбѣжно приходится дѣлать, и нерѣдко вводятъ въ заблужденіе и другихъ, прикрывая своими почтенными именами то, что они считаютъ въ глубинѣ души вреднымъ. Одинъ вѣдь въ полѣ не воинъ!.. Не правдали ли?

И—странное дѣло!.. Никодимцевъ, который считалъ себя независимымъ и горделиво думалъ, что онъ все таки противодѣйствуетъ тому,съ чѣмъ не согласенъ, почувствовалъ въ эту минуту въ словахъ Скурагина ударъ именно въ то больное мѣсто, которое, казалось, давно затянулось и было забыто въ туманной работѣ, самый процессъ которой словно бы ослаблялъ или скрывалъ ея сущность и значеніе...

И вотъ этотъ восторженный, милый юноша съ наивною жестокостью раскрылъ давно зажившую рану...

И безъ того, благодаря захватившему его чувству, Никодимцевъ нѣсколько охладѣлъ къ тому, что считалъ безконечно важнымъ и значительнымъ, а теперь онъ въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ себя немножко Пилатомъ. И въ головѣ его проносятся случаи изъ дѣятельности, когда это имя дѣйствительно подходитъ къ нему.

„Да, онъ былъ Пилатомъ!“ — мысленно съ безпощадной откровенностью повторяетъ Никодимцевъ и ему хочется оборвать этого „мальчишку“, напомнившему ему то, что такъ старательно было убаюкано разными софизмами, услужливо продиктованными честолюбіемъ подъ эгидой добрыхъ намѣреній принести пользу отечеству.

Но какая-то новая волна, подъ вліяніемъ чувства любви,

охватываетъ тепломъ сердце его превосходительства, и вмѣсто того, чтобы оборвать мальчишку онъ необыкновенно ласково глядитъ на него и, словно бы находясь подъ чарами этой чистой души, взволнованно говоритъ ему:

— Дай Богъ, чтобъ вы остались какъ можно долѣе такимъ, какой вы есть. Вы правы въ своихъ разсужденіяхъ, Викторъ Сергѣичъ... Но правота не значитъ еще, что найденъ исходъ... Что для одного возможно—для другого нѣтъ... Люди—не герои...

— Но я и не виню людей... Людей дѣлаютъ такими или другими множество условій... И если условія неблагопріятны, то они отражаются и на хорошихъ людяхъ... Но вѣдь правда же есть?.. И ее найдутъ же когда-нибудь... Не даромъ же ее ищутъ, несмотря ни на какія препятствія...

Скурагинъ оборвалъ рѣчь и вдругъ сорвался съ мѣста и сталъ прощаться. Его оставляли посидѣть еще, но онъ наотрѣзъ отказался. И то онъ опоздалъ. Ему надо итти по дѣлу.

Антонина Сергѣевна просила его заходить къ нимъ запросто, но онъ объявилъ, что на дняхъ уѣзжаетъ.

— Куда? Вѣрно опять на голодъ? — спросила Татьяна Николаевна.

— Да...

— Но до отъѣзда зайдите. Непремѣнно зайдите. Я, быть можетъ, соберу между знакомыми въ пользу голодающихъ... Зайдете?—спрашивала Татьяна Николаевна.

— Въ такомъ случаѣ зайду... Когда прикажете?

— Послѣ завтра вечеромъ, а то приходите обѣдать.

— Нѣтъ ужъ я вечеромъ...

— А не хотите ли ѣхать со мной, Викторъ Сергѣевичъ? — обратился къ Скурагину Никодимцевъ.

Скурагинъ на минуту задумался.

— Вы будете мнѣ очень полезны своими указаніями.

— Позвольте дать отвѣтъ черезъ два дня.

— Сдѣлайте одолженіе. Я уѣзжаю черезъ недѣлю. Вотъ вамъ моя карточка. До двѣнадцати часовъ утра я дома и очень буду радъ васъ видѣть!—сказалъ Никодимцевъ, подавая студенту карточку.

Когда Скурагинъ ушелъ, всѣ примолкли на минутку и почти разомъ и Никодимцевъ, и Нина Николаевна сказали:

— Какой славный юноша!

— Что за симпатичный этотъ Скурагинъ...

— Немного рѣзокъ, но тѣмъ не менѣе премилый!—подтвердила и Козельская.

Только Тина молчала, притихшая и, казалось, чѣмъ-то недовольная.

*

Скоро распрощался и Никодимцевъ. Антонина Сергѣевна пригласила его на другой день обѣдать, и онъ обѣщалъ.

Нина Николаевна проводила Никодимцева до дверей гостиной и, пожимая крѣпко руку, шепнула:

— Не поминайте лихомъ, Григорій Александровичъ.

На глазахъ у нея блестѣли слезы.

Глава шестнадцатая.

I.

Никодимцевъ возвращался домой возбужденный, точно выбитый изъ колеи.

Вся прошлая жизнь проносилась передъ нимъ въ видѣ непрерывнаго и неустаннаго труда, служебныхъ заботъ, огорченій и радостей въ зависимости отъ тѣхъ лицъ, подъ начальствомъ которыхъ онъ служилъ. И онъ вспоминалъ сколько ему приходилось затрачивать силъ и энергіи, ума и хитрости только на то, чтобы сохранить свое нравственное достоинство и не принимать непосредственнаго участія въ такихъ дѣлахъ, которыя онъ считалъ противорѣчащими основнымъ его взгладамъ или несогласными съ закономъ.

Теперь онъ видѣлъ въ своей дѣятельности что-то однообразно-скучное, далеко непроизводительное и удивлялся, какъ до недавняго времени онъ могъ такъ увлекаться ею, усматривая въ ней главнѣйшую цѣль и единственный смыслъ жизни. Всѣ эти безчисленныя записки, которыя онъ написалъ на своемъ вѣку, и въ которыхъ онъ старался провести свои взгляды, передѣлывались, переиначивались и если иногда проводились въ жизнь, то въ такомъ видѣ, что онъ и не узнавалъ своего творенія, но еще чаще онѣ покоились въ архивѣ до болѣе благопріятнаго времени, до болѣе счастливыхъ вѣяній...

А сколько было пережито вѣяній и сколько надо было змѣиной мудрости, чтобы уцѣлѣть на мѣстѣ и, притаившись на время, снова начинать свою Сизифову работу... Сколько разъ приходилось итти на компромиссъ во многихъ дѣлахъ, чтобы отвоевать себѣ право провести свою точку зрѣнія въ какомъ-нибудь одномъ дѣлѣ.

И эта мудрость, вмѣстѣ съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и скромностью, и доставила Никодимцеву блестящую карьеру вмѣстѣ съ репутаціей безукоризненнаго джентльмена и неподкупнаго человѣка. Зная, что для него есть предѣлъ, который онъ не преступитъ, ему не давали порученій, которыя бы его стѣсняли, и его держали, такъ сказать, для чистой работы, особенно налегая на него, когда вѣянія благопріятствовали для такой работы...

И Никодимцевъ, такимъ образомъ, могъ утѣшать себя тѣмъ, что онъ въ сторонѣ отъ того, что ему было уже очень не по сердцу...

А вотъ теперь и это утѣшеніе теряло свою силу при болѣе серьезномъ и безпощадномъ анализѣ. Онъ, честный, одушевленный лучшими намѣреніями человѣкъ, вѣдь не сдѣлалъ дѣйствительно того, что считалъ необходимымъ и полезнымъ. И на что положилъ всю свою жизнь—жизнь непрерывнаго труда?

Итоги получались незначительные, почти ничтожные, и вся дѣятельность представлялась ему безплодной. И напрасно онъ старается опровергнуть эти мысли доводами, что, по крайней мѣрѣ, онъ ничего не сдѣлалъ дурного и что будь на его мѣстѣ не такой порядочный человѣкъ, какъ онъ, было бы несравненно хуже.

„Въ общемъ ничего бы не измѣнилось!—говорилъ ему внутренній голосъ.

А между тѣмъ лучшіе годы прошли въ этой безплодной, по мнѣнію Никодимцева, работѣ, прошли однообразно, съ аккуратностью маятника, безрадостно и безпечально. Дни на службѣ, вечера въ работѣ или за чтеніемъ книгъ, разъ въ недѣлю винтъ въ клубѣ, разъ опера и изрѣдка посѣщеніе двухъ, трехъ знакомыхъ семействъ. Ни родныхъ, ни близкихъ друзей. Ни малѣйшаго сердечнаго увлеченія.

И когда, наконецъ, онъ, прозрѣвшій и понявшій, что жизнь—не одна только канцелярія, когда онъ, просвѣтленный охватившимъ его чувствомъ, жаждетъ счастья и радостей жизни, ищетъ любви и дружбы женщины,—уже поздно.

— Поздно, поздно!—невольно шепчетъ Никодимцевъ.

И щемящая тоска охватываетъ его при мысли о прошедшей молодости и при мысли о томъ, что онъ одинокъ и навсегда останется одинокимъ.

А образъ Инны Николаевны словно бы дразнитъ Никодимцева своей чарующей привлекательностью, вызывая въ немъ не однѣ только восторженно-благоговѣйныя мысли.

II.

Никодимцевъ вошелъ въ свою квартиру, отворивъ двери маленькимъ ключомъ, зажегъ свѣчку и, снявъ шубу, прошелъ въ кабинетъ. Его холостая квартира показалась ему холодной, неуютной и тоскливой. И на душѣ у него стало еще холоднѣй и тоскливѣй.

„И онъ прожилъ въ ней десять лѣтъ!“—испуганно подумалъ Никодимцевъ, зажигая большую лампу на письменномъ столѣ и свѣчи.

Затѣмъ онъ сѣлъ въ кресло, вынулъ изъ кармана конвертъ и, взрѣзавъ его ножомъ, сталъ читать письмо Инны Николаевны.

Вотъ что прочелъ онъ:

„Вы знаете, что я пишу Вамъ, потому, что уважаю Васъ и слишкомъ дорожу Вашимъ расположеніемъ, чтобы пользоваться имъ не по праву. Когда прочтете мою исповѣдь, тогда поймете, что именно Вамъ, которому такъ много обязана я своимъ пробужденіемъ отъ кошмарнаго сна, одному Вамъ я рѣшаюсь разсказать горькую правду о себѣ. Какъ это ни тяжело, но Вы должны знать, что я не та, совсѣмъ не та, какою Вы себѣ представляете, и къ какой выказываете расположеніе слишкомъ горячее, чтобъ назвать его дружбой, и не бояться, что оно можетъ усилиться и тогда разочарованіе можетъ быть еще тяжелѣе для Васъ. Простите и не сочтите это за женскую самонадѣянность. Мы женщины вообще чутки и чувствуемъ, кто и какъ привязанъ къ намъ... Но если бъ я и ошиблась, еслибъ только одна дружба сблизила насъ въ послѣднее время, то и тогда я сочла бы долгомъ написать это письмо, чтобы Вы знали къ кому Вы питаете дружескія чувства...

Я прочла безмолвный вопросъ вашъ при первой же нашей встрѣчѣ, когда вы увидѣли бывшаго моего мужа, „какъ это я могла быть женой такого ничтожнаго, неумнаго человѣка“? И почти у всѣхъ стоялъ этотъ вопросъ, когда насъ видѣли вмѣстѣ. И—вообразите?—такой же вопросъ задаю себѣ теперь и я. Задаю и рѣшительно не могу объяснить себѣ, какъ это случилось, какъ я могла прожить съ нимъ нѣсколько лѣтъ и не убѣжать, не застрѣлиться, не повѣситься... Мысли о самоубійствѣ, впрочемъ, у меня мелькали.

И вѣдь за такого человѣка я вышла замужъ, не любя его. Почему вышла? Разскажу лучше, какъ это случилось и все это стоитъ живо въ моей памяти.

Мнѣ было тогда двадцать лѣтъ. За мной много ухаживали. Меня слушали, какъ неглупую дѣвушку, нахватавшуюся изъ разныхъ книгъ и преимущественно романовъ. Къ сожалѣнію, молодые люди, бывавшіе у насъ въ домѣ, не отличались ни образованіемъ, ни развитостью. Этотъ подборъ былъ не особенно интересенъ. Отецъ какъ-то мало обращалъ на это вниманія и рѣдко бывалъ по вечерамъ дома, когда къ намъ собирались, а мама была добра и снисходительна, и предоставляла мнѣ и сестрѣ самимъ выбирать знакомыхъ. И къ намъ приводили больше своихъ товарищей два нашихъ двоюродныхъ брата, кончающіе правовѣды. Въ числѣ ихъ былъ и Травинскій. Я на него не обращала ни малѣйшаго вниманія, хотя онъ и влюбился въ меня. Мнѣ нравился другой, но этотъ послѣ шестимѣсячной влюбленности

уѣхалъ, предпочтя мнѣ мѣсто на югѣ... Да и приданаго у меня никакого не было, вѣроятно потому многіе за мной ухаживали, но предложенія не дѣлали. А мнѣ хотѣлось замужъ—не потому чтобы я чувствовала желаніе любви—совсѣмъ нѣтъ,—меня просто манило положеніе замужней женщины, большая свобода и я боялась остаться старой дѣвой... Большая часть моихъ подругъ по гимназіи вышли замужъ, а я все еще была невѣстой безъ серьезныхъ претендентовъ...

И когда Травинскій сдѣлалъ мнѣ предложеніе, объяснившись что онъ меня любитъ, я вмѣсто того, чтобы сразу отказаться, колебалась... Безхарактерность сгубила меня вмѣстѣ съ незнаніемъ людей и полною неприготовленностью къ жизни. Идеаловъ почти никакихъ... Такъ что то смутное, что слышалось изрѣдка... Жизнь, казалось мнѣ, какой то вѣчный праздникъ особенно для хорошенькой женщины. Вы понимаете, что я была уже достаточно испорчена, и почти всѣ разговоры съ подругами вертѣлись на любовныхъ темахъ .. И атмосфера въ кружкѣ людей, въ который я попала, была любовная... Стыдно вспомнить: мы ничѣмъ не интересовались... Ничего не читали... Разговоры о любви, развлеченія—вотъ одно, что интересовало, однимъ словомъ я была пустѣйшей изъ пустѣйшихъ барышень.

Однако я не скрыла отъ Травинскаго, что я не люблю его, что отношусь къ нему только какъ къ доброму знакомому. Тогда онъ сказалъ, что мы сдѣлаемъ опытъ. Если черезъ годъ я не полюблю его—мы разойдемся. Онъ не станетъ препятствовать—чувство вѣдь свободно. При этомъ онъ увѣрялъ въ своей любви и грозилъ въ случаѣ отказа застрѣлиться... Мнѣ стало жалко его, и я согласилась...

Но, согласившись, я все-таки со страхомъ думала о днѣ свадьбы. И останови меня въ ту пору кто-нибудь вѣскимъ словомъ, покажи весь ужасъ выхода замужъ безъ любви, я конечно взяла бы свое слово назадъ. Но никто не сказалъ. Мама совѣтовала выходить, считая жениха порядочнымъ человѣкомъ, которому предстоитъ карьера. Отецъ подсмѣивался надъ женихомъ, острилъ, но не отговаривалъ...

И я была повѣнчана и сдѣлалась конечно дурной женой!

На второй день свадьбы я снова повторила, что не люблю мужа и не скрыла отъ него, что его ласки внушаютъ мнѣ отвращенье... Онъ плакалъ, съ нимъ дѣлались истерическіе припадки... Онъ грозилъ, что застрѣлится, и я по безхарактерности его жалѣла и рѣшила терпѣть. Первый годъ прошелъ, и я была вѣрна мужу. Мужъ старался доставить мнѣ развлеченія, и мы вели праздную жизнь, какую ведутъ очень многіе петербургскіе супруги... Я старалась скрыть чувства, которыя онъ во мнѣ воз-

буждалъ, но по неволѣ была холодна... и изъ за этого бывалъ рядъ сценъ самыхъ невозможныхъ... Я напомнила объ обѣщаніи развестись — онъ на это отвѣтилъ отказомъ. Тогда я старалась забыться въ чаду жизни, въ развлеченіяхъ, въ поклонникахъ, въ вѣчной сутолокѣ... И мужъ очень радъ былъ этому, и первый помогалъ сдѣлать изъ нашей квартиры какой-то вѣчной рынокъ, только-бы я не скучала и только бы я позволяла ему любить себя... Эти годы были какимъ-то кошмаромъ. Страшно вспоминать... Я имѣла увлеченія и почти не скрывала этого отъ мужа, и онъ терпѣлъ эти menages en trois... Но ужаснѣе всего, что я не любила ни одного изъ нихъ... Я увлекалась ими больше изъ любопытства, отъ скуки, отъ жажды впечатлѣній, изъ за чего хотите, но только не изъ за любви... И я такъ же скоро бросала ихъ, какъ и сходилась... И чѣмъ больше я неуважала себя, чѣмъ больше презирала себя въ минуты просвѣтленія,—тѣмъ болѣе хотѣлось мнѣ забыться хотя въ иллюзіи увлеченія... Но всѣ ухаживатели смотрѣли на меня какъ на красивую женщину, съ которой можно пріятно провести время. Всѣ любовались только внѣшностью... И мое собственное тѣло по временамъ возбуждало во мнѣ самой отвращеніе... Хороша я была и сама, но хороши были и эти влюбленные!.. О, еслибъ вы знали, какъ они клеветали потомъ на меня... Впрочемъ вы знаете. Вы слышали что говорили громко про меня у Донона и... поступили, какъ рѣдко кто изъ мужчинъ поступаетъ... Говорить ли, какъ я была тронута и какъ я жалѣла, что вы рисковали изъ за меня?..

Встрѣча съ вами, ваши бесѣды, ваше отношеніе были для меня, какъ я вамъ не разъ говорила, счастливымъ случаемъ, заставившемъ меня встрепенуться и задуматься. Безъ этой встрѣчи я, быть можетъ, продолжало бы прежнюю жизнь. И чѣмъ больше я думала, тѣмъ чаще спрашивала себя: „какъ могла я такъ жить, какъ жила“. Какъ видите, я хочу попробовать иную жизнь... Хочу загладить безконечную вину передъ своей дѣвочкой... Но старое не можетъ быть вычеркнуто изъ жизни чело-вѣка. Это старое будетъ всегда стоять за мною грозной тѣнью и между мной и вами. Такъ лучше вы узнайте объ этомъ отъ меня чѣмъ отъ другихъ. Вы поймете, что дольше я молчать не могу. И вамъ легче будетъ узнать теперь, чѣмъ потомъ, что вы оказывали трогательную привязанность не той, какую создали въ своемъ воображеніи, а той, которую знаете въ ея настоящемъ-видѣ, и вамъ легче будетъ основательно забыть глубокоблагодарную вамъ. Н. Т.

Никодимцевъ нѣсколько секундъ сидѣлъ, взволнованный и умиленный.

Наконецъ онъ взялъ листъ почтовой бумаги и написалъ слѣдующія строки:

„Вы не ошиблись, глубокоуважаемая Инна Николаевна, я любилъ васъ. Но послѣ вашего письма я люблю васъ еще больше и вы въ моихъ глазахъ являетесь въ ореолѣ выстраданной чистоты. Простите мнѣ эти дерзкія строки и вѣрьте, что ваше довѣріе, оказанное мнѣ письмомъ, незабываемое счастье... Если васъ не оскорбляетъ привязанность старика—я буду завтра у васъ... Въ противномъ случаѣ напишите два слова: „не приходите".

Вложивъ письмо въ конвертъ, Никодимцевъ немедленно вышелъ изъ квартиры и поѣхалъ къ Козельскимъ.

Онъ разбудилъ швейцара и велѣлъ тотчасъ же передать письмо Иннѣ Николаевнѣ, разумѣется, если она не спитъ, а самъ остался въ швейцарской.

Черезъ пять минутъ швейцаръ вернулся и передалъ Никодимцеву записочку.

Тотъ быстро разорвалъ конвертъ и замеръ отъ счастья. Въ запискѣ было написано:

„Завтра приходите. Жду васъ. Приходите пораньше. Развѣ привязанность ваша можетъ оскорбить!.. Напротивъ... Или вы недогадливы"?

Никодимцевъ далъ швейцару три рубля и счастливый ѣхалъ домой, думая теперь о томъ счастьѣ, о которомъ не смѣлъ раньше и мечтать.

На другой день, когда Егоръ Ивановичъ подалъ Никодимцеву чай, то былъ изумленъ радостнымъ видомъ барина.

„На голодъ ѣдемъ, а онъ радуется!"—подумалъ онъ и спросилъ:

— А когда на голодъ отправимся, Григорій Александровичъ?

— Ровно черезъ недѣлю... Черезъ недѣлю!..—весело отвѣтилъ Никодимцевъ. Успѣете приготовиться?

— Какъ не успѣть.

— А что бы вы сказали, Егоръ Ивановичъ еслибъ я рискнулъ сдѣлать предложеніе?—неожиданно спросилъ Никодимцевъ.

— Что бы я сказалъ?—переспросилъ изумленный слуга.

— Да что бы вы сказали?

— Я бы сказалъ, что давно бы пора...

— А теперь... Или я ужъ очень старъ?

— Вы-то?..

И Егоръ Ивановичъ вмѣсто отвѣта весело улыбался.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ А. МИЦКЕВИЧА.

Аккерманскія степи.

(Изъ «Крымскихъ сонетовъ»).

Я выплылъ на просторъ сухого океана:
Телѣга въ зелени ныряетъ, какъ ладья;
Средь волнъ шумящихъ травъ, качаясь, ѣду я,
Минуя острова цвѣтущаго бурьяна...

Темнѣетъ... Не видать дороги, ни кургана...
Ищу я въ небѣ звѣздъ, отрады моряковъ...
Тамъ—вспыхнула заря... Тамъ—отблескъ облаковъ...
То—полоса Днѣстра, то—факелъ Аккермана.

Стой!..—Тихо какъ... Слыхать крикъ журавлей съ высотъ,
Куда-бъ и сокола не досягнуло око;
Слыхать, какъ мотылекъ былинку колыхнетъ,

Какъ проползетъ змѣя... Мой слухъ въ тиши глубокой
Такъ чутко напряженъ, что изъ Литвы-бъ далекой
Услышалъ зовъ...—Пошелъ!.. Никто тамъ не зоветъ...

А. Колтоновскій.

Univ. of California

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Пушкинъ», Л. Майкова.—Изъ жизни Пушкина.—Характеристика его личности окружающими и близкими людьми.—Пушкинъ, какъ критикъ.—Впечатлѣнія смерти Пушкина на современниковъ: воспоминанія Гончарова.—Судъ потомства.—«Русская школа»: мнѣнія стараго педагога о современной молодежи.—Мнѣнія попечителя г. Яновскаго о современной школѣ.—Почему эта школа не удовлетворяетъ всѣхъ.—Современная школа есть бюрократическое учрежденіе и должна быть разсматриваема какъ преддверіе канцеляріи.

Пушкинъ, пушкинскіе дни отодвигаютъ на задній планъ всѣ текущіе литературные интересы, Пушкинъ является теперь истиннымъ властителемъ думъ, къ которому, какъ къ солнцу, направляются думы всѣхъ любящихъ литературу, всѣхъ видящихъ въ ней сокровищницу народнаго духа, всѣхъ, въ комъ находитъ отзвукъ его потрясающее слово—«жить, чтобъ мыслить и страдать», въ комъ «выстраданный стихъ, пронзительно унылый» вызываетъ отвѣтное трепетаніе. Пушкинъ заполонилъ не только столбцы ежедневной печати, книжки толстыхъ ежемѣсячниковъ и дѣтскіе журналы,—толпа, по обыкновенію, вынесла и его на улицу, и имя Пушкина попадается здѣсь на каждомъ шагу, то въ видѣ картинки дуэли на папиросной коробкѣ, то въ видѣ портрета на конфетахъ, то въ видѣ маленькихъ копѣечныхъ изданій его твореній, о которыхъ рослые молодцы зычнымъ голосомъ выкликаютъ на перекресткѣ: «Пушкина—О попѣ и Балдѣ—вмѣсто десяти три копѣйки!» Нѣкоторымъ строгимъ цѣнителямъ и судьямъ это не нравится, они видятъ въ этомъ чуть не профанацію великаго поэта и готовы по обычаю русскихъ людей взывать къ недремлющему оку всепопечительнаго начальства—объ укрощеніи толпы и изъятіи этихъ невинныхъ знаковъ народнаго признанія имени Пушкина. Они забываютъ, что Пушкинъ никогда не сторонился толпы и улицы, онъ ихъ любилъ, онъ первый вынесъ литературу изъ великосвѣтскихъ салоновъ на улицу, изъ жеманной приживальщицы сдѣлалъ ее «народной, гордой и свободной». Ибо свобода только на улицѣ, и онъ понималъ это и всегда стремился къ ней. Не оскорбительна для памяти его эта народная утѣха, которую улица дѣлаетъ себѣ въ видѣ этихъ папиросныхъ коробочекъ и конфетокъ съ его именемъ.

Мало, конечно, въ этомъ «красы», той духовной красоты, которая у каждаго, знающаго Пушкина, соединяется съ его именемъ. Но уже и то хорошо, что этимъ путемъ становится извѣстно самое имя и у самыхъ лѣнивыхъ и не любопытныхъ вызываетъ естественный вопросъ, а кто же такой этотъ Пушкинъ? Немного о немъ доходитъ пока до народа. Въ школѣ знакомятся съ жалкими обрывками Пушкина, съ двумя-тремя стихотвореніями, въ родѣ пресловутой «Птички»—и больше ничего. Для народныхъ изданій, съ правомъ пропуска въ народныя читальни и библіотеки, разрѣшена незначительная часть, и великій національный писатель—до сихъ поръ еще запретный плодъ для своего

народа *). Есть ли большая насмѣшка судьбы? Академія устраиваетъ торжественныя засѣданія въ честь Пушкина, разрѣшаются и благосклонно поощряются всероссійскіе сборы на выкупъ родоваго имѣнія поэта, открыта подписка по всей странѣ на памятники Пушкину,—только считаются опасными для народа его творенія.

Да и одинъ ли народъ его плохо знаетъ? Для многихъ и многихъ, прошедшихъ среднюю школу, Пушкинъ впослѣдствіи, уже въ зрѣломъ возрастѣ, является своего рода открытіемъ. Мертвящій духъ этой школы такъ основательно убиваетъ въ ученикахъ желаніе поближе съ нимъ познакомиться, что большинство только и ограничивается обязательнымъ, «програмнымъ» знакомствомъ съ нимъ. И только потомъ, если счастливая случайность натолкнетъ ихъ на произведенія Пушкина, они съ удивленіемъ убѣждаются, что Пушкинъ отнюдь не школьный поэтъ, а великій писатель для всѣхъ возрастовъ и всѣхъ поколѣній, у котораго всегда можно найти неисчерпаемый источникъ новыхъ и новыхъ наслажденій. Обыкновенно такое открытіе совершается въ зрѣломъ возрастѣ, когда вкусы становятся болѣе требовательными, мысли болѣе глубокими и понятіе красоты болѣе тонкимъ. Вначалѣ увлекаетъ пламенный и пышный Лермонтовъ, болѣе близкій къ современности Некрасовъ, и только потомъ начинаешь постигать всю силу кованнаго стиха, пластическую красоту образовъ и глубину мысли Пушкина, который при ближайшемъ знакомствѣ все болѣе и болѣе становится необъятнымъ, все углубляется и расширяется, такъ что никогда нельзя сказать, что знаешь его вполнѣ.

Такое же впечатлѣніе производитъ и самая жизнь поэта, которая все болѣе захватываетъ васъ, по мѣрѣ знакомства съ условіями, при которыхъ онъ жилъ и работалъ. Едва-ли, однако, она больше извѣстна широкой публики, чѣмъ его творенія. До сихъ поръ нѣтъ хорошей общедоступной біографіи его, хотя литература о Пушкинѣ очень богата. Нынѣшніе пушкинскія дни значи-

---

*) Чтобы не быть голословнымъ, сошлемся на обстоятельную статью г. Шестакова въ № 129 «Рус. Вѣд.», въ которой авторъ говоритъ: «Изъ оффиціальнаго каталога книгъ, разрѣшенныхъ для низшихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, видно, что по отдѣлу «Разсказы, повѣсти и сказки» народная школа можетъ имѣть въ своей библіотекѣ 450 книгъ, изъ коихъ на сочиненія Пушкина приходится только 12, между тѣмъ въ тотъ же отдѣлъ изъ сочиненій К. Тхоржевскаго внесена 41 книга. Полное собраніе сочиненій Пушкина для низшихъ школъ остается неразрѣшеннымъ. Мало того: до 1895 года, когда по ходатайству одного изъ губернскихъ земствъ послѣдовало разрѣшеніе пріобрѣтать въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ книги, одобренныя для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, даже народные учителя принуждены были ограничивать свое чтеніе изъ Пушкина только нѣкоторыми, такъ-называемыми «избранными» его сочиненіями. Насколько вообще считается Пушкинъ желательнымъ авторомъ для широкаго круга читателей, показываетъ также тотъ, не такъ давно сообщенный въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» фактъ, что московскому Обществу грамотности не было разрѣшено выпустить дешевое изданіе «Бориса Годунова», какъ это предполагалось въ виду предстоящаго юбилея Пушкина.

«Мы видѣли выше, что черезъ школу и библіотеку трудно проникнуть въ народъ сочиненіямъ Пушкина. Если мы посмотримъ теперь съ этой точки зрѣнія на народныя аудиторіи, справедливо признаваемыя однимъ изъ лучшихъ средствъ ознакомленія народа съ литературными произведеніями, то увидимъ, что и онѣ являются не лучшими проводниками въ народную среду произведеній нашего великаго поэта. Достаточно сказать, что до послѣдняго времени, именно до 17 іюля 1896 года, къ произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ изъ Пушкина были допущены только три вещи: «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ», «Полтава» и «Капитанская дочка» (то и другое въ сокращенномъ видѣ). Да и теперь, послѣ пополненія списка произведеній, допущенныхъ для народныхъ чтеній, дѣло измѣнилось къ лучшему весьма незначительно: очень многое изъ Пушкина, напримѣръ, «Борисъ Годуновъ», по прежнему остается запретнымъ для народной аудиторіи».

Такимъ образомъ, заканчиваетъ г. Шестаковъ свою статью, «Пушкинъ и черезъ сто лѣтъ остается мало извѣстнымъ своему народу»...

тельно оживили ее, и каждый день приноситъ что-либо новое. Этому можно только радоваться, такъ какъ каждая лишняя черточка освѣщаетъ не только личность Пушкина, но и характерна для его времени, безъ яснаго представленія о которомъ нельзя уяснить себѣ многаго въ творчествѣ поэта и еще больше въ его бурной жизни.

Изъ всей этой массы воспоминаній, записокъ и прочихъ матеріаловъ для біографіи Пушкина мы остановимся на только что вышедшей книгѣ академика Л. Майкова, представляющей одинъ изъ солиднѣйшихъ вкладовъ въ пушкинскую литературу. Правда, мы ожидали отъ книги г. Майкова бо̀льшего въ смыслѣ новизны. Оказалось, что большая часть этого матеріала уже извѣстна и была ранѣе имъ опубликована, а кое-что новое, вошедшее въ книгу, далеко не таково, чтобы придавать ей особое значеніе. Таковы, напр., выдержки изъ дневника Вульфа, сосѣда по имѣнію и хорошаго знакомаго Пушкина. Трудно представить себѣ нѣчто болѣе блѣдное и бѣдное по мысли, слогу и содержанію. Но и съ этимъ можно бы еще примѣриться, если-бы дневникъ не страдалъ главнымъ недостаткомъ—отсутствіемъ въ немъ Пушкина, которому въ запискахъ посвящена *одна* страничка, да и въ той рѣшительно ничего новаго. Печатаніе и комментированіе такихъ трудовъ можетъ служить достойнымъ образчикомъ тщеславнаго гелертерства и академической полноты (мы бы сказали пустоты). Къ счастію, дневникъ Вульфа занимаетъ въ книгѣ неважное мѣсто, и его вполнѣ окупаютъ чрезвычайно интересные записки И. И. Пущина, лицейскаго товарища Пушкина, декабриста, которому поэтъ посвятилъ такъ много воспоминаній.

Въ этихъ запискахъ оживаетъ Пушкинъ, котораго мы видимъ сначала мальчикомъ, «живымъ, курчавымъ, быстроглазымъ». Описывая первое впечатлѣніе знакомства, Пущинъ говоритъ: «всѣ мы видѣли, что Пушкинъ насъ опередилъ, многое прочелъ, о чемъ мы и не слыхали, все, что читалъ, помнилъ; но достоинство его состояло въ томъ, что онъ отнюдь не думалъ выказываться и важничать, какъ это часто бываетъ въ тѣ годы (каждому изъ насъ было 12 лѣтъ) съ скороспѣлками, которые по какимъ-либо особеннымъ обстоятельствамъ и раньше. и легче находятъ случай чему-нибудь научиться. Обстановка Пушкина въ отцовскомъ домѣ и у дяди, въ кругу литераторовъ, помимо природныхъ его дарованій, ускорила его образованіе, но нисколько не сдѣлала его заносчивымъ,—признакъ доброй почвы. Все научное онъ считалъ ни во что и какъ-будто желалъ только доказать, что мастеръ бѣгать, прыгать черезъ стулья, бросать мячикъ, и проч. Случалось точно удивляться переходамъ въ немъ: видишь, бывало, его поглощеннымъ не по лѣтамъ въ думы и чтеніе, и тутъ же онъ внезапно оставляетъ занятія, входитъ въ какой-то припадокъ бѣшенства за то, что другой, ни на что лучшее неспособный, перебѣжалъ его или однимъ ударомъ уронилъ всѣ кегли».

Въ этихъ замѣчаніяхъ ровесника и сверстника игръ отмѣчены всѣ будущія характерныя черты поэта, впослѣдствіи смущавшія такихъ его знакомыхъ, какъ, напр., Мицкевичъ, который поражается глубиной и разнообразіемъ знаній Пушкина и въ тоже время его «легкомысліемъ въ поведеніи». Нѣсколько сумрачный по настроенію и строго-серьезный по характеру польскій поэтъ не могъ понять того удивительнаго сочетанія геніальности и дѣтской жизнерадостности, бившей ключемъ въ русскомъ поэтѣ, который съ одинаковой свободой и легкостью переходилъ отъ сужденій о политикѣ и литературѣ къ шалостямъ и забавамъ, увлекавшимъ окружающихъ своею безудержностью. И не одинъ Мицкевичъ не понималъ этой черты Пушкина. Какъ видно изъ тѣхъ же записокъ Пущина, и онъ, и другіе декабристы не могли совмѣстить въ своемъ мнѣніи о немъ этихъ его чертъ и относились къ нему, по нашему мнѣнію, легкомысленнѣе, чѣмъ онъ къ нимъ. «Подвижность пылкаго его нрава, сближеніе съ людьми нена-

дежными пугали меня», говоритъ Пущинъ, несомнѣнно имѣвшій возможность лучше, чѣмъ кто-либо другой, знать Пушкина. Въ данномъ случаѣ эта недовѣрчивость оказалась къ благополучію русской литературы. Но самого Пушкина, который о многомъ догадывался по слухамъ («ужъ знала вся гвардія наша»), такое къ нему отношеніе со стороны ближайшихъ его друзей, какими были Пущинъ или Кюхельбекеръ, видимо оскорбляло. Встрѣтившись случайно на одномъ собраніи у Н. И. Тургенева, Пушкинъ требовалъ у друга объясненій, и Пущинъ отдѣлался кое-какими общими разсужденіями. Въ запискахъ онъ по этому поводу пишетъ: «Не знаю настоящимъ образомъ, до какой степени это объясненіе удовлетворило Пушкина; только вслѣдъ за тѣмъ у насъ перемѣнился разговоръ, и мы вошли въ общій кругъ. Глядя на него, я долго думалъ,—не долженъ ли я въ самомъ дѣлѣ предложить ему соединиться съ нами? Отъ него зависило принять или отвергнуть мое предложеніе. Между тѣмъ, тутъ же невольно являлся вопросъ: почему же, помимо меня, никто изъ близко знакомыхъ ему старшихъ нашихъ членовъ не думалъ о немъ? Значитъ, ихъ останавливало тоже, что меня пугало: образъ его мыслей всѣмъ хорошо былъ извѣстенъ, но не было полнаго къ нему довѣрія... Я страдалъ за него, и подчасъ мнѣ опять казалось, что, можетъ быть тайное общество сокровеннымъ своимъ клеймомъ поможетъ ему повнимательнѣе и построже взглянуть на самого себя, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ нормальномъ своемъ быту. Я зналъ, что онъ иногда скорбѣлъ о своихъ промахахъ, обличалъ ихъ въ близкихъ нашихъ откровенныхъ бесѣдахъ, но видно, не пришла еще пора кипучей его природы угомониться. Какъ ни вертѣлъ я все это въ умѣ и сердцѣ, кончилъ тѣмъ, что сознался себя не въ правѣ дѣйствовать по личному шаткому воззрѣнію, безъ полнаго убѣжденія, въ дѣлѣ отвѣственномъ предъ цѣлью самого союза. Послѣ этого мы какъ-то часто не видались».

Пушкинъ раздѣлялъ въ этомъ отношеніи общую судьбу всѣхъ великихъ людей, которые именно близкимъ и окружающимъ не кажутся тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ. Истинное величіе всегда просто и доступно, что обманываетъ людей обыкновенныхъ, привыкшихъ все мѣрить на свой аршинъ. Только на нѣкоторомъ отдаленіи можно охватить величье, какъ и было съ Пушкинымъ, огромное вліяніе котораго росло по мѣрѣ отдаленія отъ него. Всѣ его друзья-литераторы цѣнили и понимали его неизмѣримо ниже его дѣйствительнаго значенія, кромѣ, быть можетъ, Гоголя, благоговѣвшаго передъ Пушкинымъ, что и выразилось послѣ смерти поэта въ полныхъ отчаянія и пессимизма письмахъ.

Пущинъ описываетъ свое посѣщеніе поэта въ Михайловскомъ во время его ссылки и опять, между прочимъ, касается видимо больного пункта Пушкина относительно довѣрія. «Незамѣтно,—говоритъ онъ,—коснулись опять подозрѣній насчетъ общества. Когда я ему сказалъ, что не я одинъ поступилъ въ это новое служеніе отечеству, онъ вскочилъ со стула и вскрикнулъ: «Вѣрно, все это въ связи съ майоромъ Раевскимъ, котораго пятый годъ держатъ въ Тирасполькой крѣпости и ничего не могутъ выпытать». Потомъ, успокоившись, онъ продолжалъ: «Впрочемъ, я не заставляю, тебя, любезный Пущинъ, говорить. Можетъ быть, ты и правъ, что мнѣ не довѣряешь. Вѣрно, я этого довѣрія не стою,—по многимъ моимъ глупостямъ». Молча, я крѣпко расцѣловалъ его».

Пущинъ былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ людей своего времени, идеальнѣйшій по натурѣ, способный на истинное самоотверженіе, но нѣсколько прямолинейный по уму и общему складу души. Блестящій и видный офицеръ, со всѣми шансами на выдающуюся карьеру въ военномъ мірѣ, онъ внезапно бросилъ службу и поступилъ въ гражданскій судъ на скромное мѣсто судьи въ Москвѣ, руководимый цѣлью «союза»—проводить благотворныя идеи на практикѣ въ темную среду тогдашняго общества. Онъ даже хотѣлъ сначала поступить на низшую полицейскую службу, чтобы показать, что въ службѣ госу-

дарству нѣтъ унизительныхъ должностей. Этотъ смѣлый по тогдашнему времени вызовъ обществу, съ его узкими традиціонными мнѣніями, прекрасно рисуетъ его прямую, благородную натуру. Понятно, ему трудно было проникнуть Пушкина, который не подходилъ ни подъ мѣрку «устава союза благоденствія», ни къ тому представленію объ истинномъ гражданинѣ, какое должно было сложиться у корректнаго заговорщика.

Записка Пущина—это одинъ изъ любопытнѣйшихъ документовъ, дающихъ больше всего матеріала для оцѣнки условій, при какихъ жилось Пушкину. Она подкупаетъ своей необыкновенной правдивостью и отсутствіемъ рисовки со стороны автора, который все время остается въ тѣни, предоставляя исключительное мѣсто поэту. Въ запискѣ есть любопытная страничка о надзорѣ, которому былъ подчиненъ Пушкинъ въ Михайловскомъ. Друзья занялись, между прочимъ, чтеніемъ «Горе отъ ума», комедіей, до того вовсе незнакомой поэту. «Среди этого чтенія кто-то подъѣхалъ къ крыльцу. Пушкинъ выглянулъ въ окно, какъ будто смутился и торопливо раскрылъ лежавшую на столѣ Четьи-Минею. Замѣтивъ его смущеніе и не подразумѣвая причины, я спросилъ его: что это значитъ? Не успѣлъ онъ отвѣтить, какъ вошелъ въ комнату низенькій, рыжеватый монахъ и рекомендовался мнѣ настоятелемъ сосѣдняго монастыря. Я подошелъ подъ благословеніе, Пушкинъ — тоже, приглашая его сѣсть. Монахъ началъ извиненіемъ въ томъ, что, можетъ быть, помѣшалъ намъ, потомъ сказалъ, что узнавши мою фамилію, ожидалъ найти знакомаго ему П. С. Пущина, уроженца великолуцкаго, котораго давно не видалъ. Ясно было, что настоятелю донесли о моемъ пріѣздѣ, и что монахъ хитритъ. Хотя посѣщеніе его было вовсе не кстати, но я все-таки хотѣлъ faire bonne mine au mauvais jeu и старался увѣрить его въ противномъ... Разговоръ завязался о томъ, о семъ. Между прочимъ, подали чай, Пушкинъ спросилъ ромy, до котораго, видно, монахъ былъ охотникъ. Онъ выпилъ два стакана чаю, не забывая о ромѣ, и послѣ этого началъ прощаться, извиняясь снова, что прервалъ нашу дружескую бесѣду. Я радъ былъ, что мы остались одни, но мнѣ неловко было за Пушкина; онъ, какъ школьникъ, присмирѣлъ при появленіи настоятеля. Я ему высказалъ мою досаду, что накликалъ это посѣщеніе. «Перестань, любезный другъ! Вѣдь онъ и безъ того бываетъ у меня, я порученъ его наблюденію. Что говорить объ этомъ вздорѣ». Тутъ Пушкинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ читать комедію»...

Это сообщеніе Пущина, что поэтъ состоялъ подъ надзоромъ настоятеля Святогорскаго монастыря, г. Майковъ, на основаніи словъ А. Н. Вульфа, удивительно смѣло отрицаетъ. Но страннымъ представляется, чтобы Пущинъ, столь, повидимому, человѣкъ правдивый, выдумалъ его. Скорѣе Вульфъ, разсказывавшій о Пушкинѣ уже глубокимъ старцемъ (умеръ онъ въ 1881 г.), забылъ или счелъ за лучшее, ради ему одному извѣстныхъ причинъ, умолчать объ этомъ. Тѣмъ болѣе, что тотъ же Вульфъ не отрицалъ частыхъ посѣщеній монаха, любителя рома. Мало того, этотъ святогорецъ послужилъ до извѣстной степени прототипомъ для старца Варлаама въ «Борисѣ Годуновѣ». По словамъ того же Вульфа, отъ святогорскаго настоятеля поэтъ позаимствовалъ рядъ народныхъ поговорокъ, которыя такъ и сыплются изъ устъ отца Варлаама. Такое совпаденіе словъ Вульфа съ характеромъ монаха, описаннаго Пущинымъ, вполнѣ подтверждаетъ правдивость сообщенія послѣдняго о надзорѣ за Пушкинымъ.

Глубоко поучительны мнѣнія и критическія замѣчанія Пушкина, приводимыя въ книгѣ г. Майкова въ статьяхъ «Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ» и «Пушкинъ о Батюшковѣ». Пушкинъ сдѣлалъ рядъ замѣчаній на статью Вяземскаго по рукописи послѣдняго, и, не смотря на ихъ бѣглость, они могутъ служить образцомъ редакторской «чистки». Вяземскій, вообще человѣкъ образованный и, по выраженію Мицкевича, остроумный писатель, можетъ служить

образцомъ ученаго педанта. Онъ превозноситъ Озерова, рабски подчиняясь духу ложнаго классицизма, представителемъ котораго былъ Озеровъ. Статья его о послѣднемъ цвѣтиста, манерна и жеманно-восторженна. Пушкинъ признавалъ талантъ Озерова блѣднымъ и слабымъ, и неспособнымъ именно къ творчеству драматическому. Среди его замѣчаній попадаются истинныя перлы критическаго ума. Вяземскій, напр., превозноситъ Озерова за «добродѣтель» и выводитъ отсюда общее правило для писателя: «Обязанность его (трагика) и всякаго писателя есть согрѣвать любовью къ добродѣтели и воспалять ненависть къ пороку». Пушкинъ смѣло возражаетъ ему: «Ничуть! Поэзія выше нравственности, или, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ иное дѣло. Господи Іисусе! Какое дѣло поэту до добродѣтели и порока? Развѣ—ихъ одна поэтическая сторона». Теперь эти слова—трюизмъ, банальность, общее мѣсто, но если припомнить, когда они сказаны, тогда только мы можемъ оцѣнить огромный умъ и критическое чутье Пушкина. Въ заключеніе своей критики Пушкинъ произноситъ общій судъ надъ писателями въ родѣ Озерова, вѣрно предугадавъ ихъ будущую судьбу: «Озерова я не люблю не отъ зависти, сего гнуснаго чувства, какъ говорятъ, но изъ любви къ искусству. Слогъ его не хорошъ, я не вижу въ немъ и тѣни драматическаго искусства. Слава Озерова уже вянетъ, а лѣтъ черезъ десять, при появленіи истинной критики, совсѣмъ исчезнетъ».

Не менѣе ярки и мѣтки замѣчанія Пушкина о Батюшковѣ, котораго онъ очень любилъ и цѣнилъ, признавая его до извѣстной степени своимъ учителемъ, что не мѣшало ему рѣзко критиковать его. Теперь эти замѣчанія имѣютъ чисто-историческое значеніе, но тогда они были «блистательны и новы», по вѣрному опредѣленію Бѣлинскаго, который говоритъ по поводу истинъ, высказанныхъ въ «Онѣгинѣ»: «Многія изъ нихъ и не новы, и даже не очень глубоки; но если бы Пушкинъ не сказалъ двадцать лѣтъ тому назадъ, они также были бы и новы и глубоки. И потому велика заслуга Пушкина, что онъ первый высказалъ эти устарѣвшія и уже неглубокія теперь истины. Онъ могъ бы насказать истинъ болѣе безусловныхъ и болѣе глубокихъ, но въ такомъ случаѣ его произведеніе было бы лишено истинности; рисуя русскую жизнь, оно не было бы ея выраженіемъ. Геній никогда не упреждаетъ своего времени, но всегда только угадываетъ его не для всѣхъ видимое содержаніе и смыслъ».

Все великое просто и представляется такимъ яснымъ и понятнымъ. Поэтому-то такъ быстро и на всемъ сказалось вліяніе Пушкина. Съ момента его появленія въ литературѣ, словно по волшебству, все измѣнилось въ ней. Все искусственное, чуждое, наносное мгновенно увяло, захирѣло и сгинуло. Все, живое, свое, что коренилось въ родной почвѣ, расцвѣло и окрѣпло. Понятенъ и восторгъ, охватившій читателя, съ которымъ заговорили простымъ языкомъ о простыхъ, всѣмъ дорогихъ и любезныхъ предметахъ.

Объ огромномъ, небываломъ ни до Пушкина, ни послѣ него вліяніи поэта на современниковъ лучше всего свидѣтельствуетъ впечатлѣніе, какое произвела на общество его внезапная смерть. Изъ многочисленныхъ показаній, сохранившихся объ этомъ, приведемъ только два особенно интересныхъ. Одно принадлежитъ И. А. Гончарову, сообщенное въ «Русской Старинѣ» А. Ѳ. Кони.

«Пушкина я увидалъ впервые въ Москвѣ, въ церкви Никитскаго монастыря. Я только что начиналъ читать его и смотрѣлъ на него болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ другимъ чувствомъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, живя въ Петербургѣ, я встрѣтилъ его у Смирдина, книгопродавца. Онъ говорилъ съ нимъ серьезно, не улыбаясь, съ дѣловымъ видомъ. Лицо его матовое, съуженное книзу, съ русыми бакенами и обильными кудрями волосъ—врѣзалось въ мою память и доказало мнѣ впослѣдствіи, какъ вѣрно изобразилъ его Кипренскій на извѣстномъ портретѣ. Пушкинъ былъ въ это время для молодежи все, всѣ ея упованія, сокровенныя чувства, чистѣйшія побужденія, всѣ гармоническія

струны души, вся поэзія мыслей и ощущеній—все сводилось къ нему, все исходило отъ него... Я помню извѣстіе о его кончинѣ. Я былъ маленькимъ чиновникомъ, «переводчикомъ» въ департаментѣ внѣшней торговли. Работы было немного, и я для себя, безъ всякихъ цѣлей, писалъ, сочинялъ, переводилъ, изучалъ поэтовъ и эстетиковъ. Особенно меня интересовалъ Винкельманъ. Но надо всѣмъ господствовалъ *онъ*. И въ моей скромной комнатѣ на полочкѣ, на первомъ мѣстѣ, стояли его сочиненія, гдѣ все было изучено, гдѣ всякая строка была прочувствована, продумана... И вдругъ пришли и сказали, что онъ убитъ, что его болѣе нѣтъ... Это было въ департаментѣ. Я вышелъ изъ канцеляріи въ корридоръ и горько, горячо, не владѣя собой, отвернувшись къ стѣнѣ и закрывая лицо руками, заплакалъ. Тоска ножемъ рѣзала сердце и слезы лились въ то время, когда все еще не хотѣлось вѣрить, что его уже нѣтъ, что Пушкина нѣтъ! Я не могъ понять, чтобъ тотъ, предъ кѣмъ я склонялъ мысленно колѣна—лежалъ бездыханенъ... И я плакалъ горько и неутѣшно, какъ плачутъ по полученіи извѣстія о смерти любимой женщины... Нѣтъ, невѣрно,—по смерти матери, да, матери... Чрезъ три дня появился портретъ Пушкина съ надписью «погасъ огонь на алтарѣ»... Но цензура и полиція поспѣшила его запретить и уничтожить».

Другое извѣстіе сообщаетъ П. И. Мельниковъ (Печерскій), въ то время бывшій студентомъ казанскаго университета. Литературу читалъ профессоръ Суровцевъ, стараго типа, цѣнитель Державина и Ломоносова, но большой поклонникъ Пушкина. «Онъ не разбиралъ его, говорилъ, что время для оцѣнки его произведеній еще не наступило», и восторженно привѣтствовалъ каждое его новое произведеніе. «Суровцеву пришлось возвѣстить намъ и о преждевременной кончинѣ славнаго нашего поэта. Въ пятницу 5 февраля 1837 г., въ 8 часовъ утра на третьемъ курсѣ словеснаго факультета была лекція русской словесности. Суровцевъ вошелъ въ аудиторію во время боя часовъ... Григорій Степановичъ взошелъ на каѳедру и, не садясь, вынулъ изъ кармана газетный листокъ, поднялъ его кверху и, окинувъ быстрымъ взглядомъ аудиторію, громко сказалъ: «Встаньте!» Мы встали, съ изумленіемъ глядя на профессора. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ которомъ слышались горькія задушевныя слезы, онъ прочелъ извѣстіе—всего нѣсколько словъ. Живо помню первыя слова его: «Солнце нашей поэзіи закатилось—нѣтъ болѣе Пушкина!» Аудиторія ахнула въ одинъ голосъ, послышались рыданія... Самъ профессоръ сѣлъ и, склонивъ на каѳедру сѣдую, какъ серебро, голову, горько заплакалъ... Прошло нѣсколько минутъ, онъ всталъ и сказалъ: «Князь русскихъ поэтовъ во гробѣ. Его тѣло везутъ изъ Петербурга куда-то далеко. Быть можетъ, оно еще не предано землѣ. При не закрытомъ еще гробѣ Пушкина, какъ смѣть говорить о русской словесности! Лекціи не будетъ—пойдемте молиться»...

О силѣ того же вліянія Пушкина говорятъ удивительныя мѣры, принятыя полиціей и цензурой немедленно послѣ его смерти. Самыя подробныя и любопытныя данныя сообщаетъ Никитенко въ своемъ дневникѣ, справедливо возмущаясь и волнуясь. Это былъ страхъ даже предъ мертвымъ врагомъ, хотя забывали главное—то духовное наслѣдіе, которое нельзя упрятать, втихомолку подъ прикрытіемъ жандармовъ зарыть въ глухомъ уголку, чтобы сдѣлать его недоступнымъ для общества и народа. Правда, имя Пушкина стало запретнымъ, его произведенія были искажены по возможности, но уже черезъ десять лѣтъ геніальный поэтъ какъ бы воскресъ въ статьяхъ Бѣлинскаго, который раскрылъ значеніе поэта и уяснилъ его сокровенный для массы смыслъ.

Прошло съ тѣхъ поръ пятьдесятъ лѣтъ, и мы присутствуемъ при новомъ воскресеніи Пушкина. Имя его у всѣхъ на устахъ, истины, имъ высказанныя, проникли въ сознаніе всѣхъ, образы, имъ созданные, сіяютъ немеркнущей красотой, которая сама по себѣ уже есть великое добро.

И не «погасъ огонь на алтарѣ»,—онъ превратился въ яркое, ровнымъ свѣтомъ горящее пламя, которое не погаснетъ, пока будетъ существовать русская литература, пока—

«у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть.
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять».

Въ «Русской Школѣ» печатаются очень интересныя и характерныя для нашего времени «Мысли о воспитаніи и обученіи» г. Яновскаго, попечителя кавказскаго округа, и статья «стараго педагога», какъ называетъ себя авторъ,—«Къ психологіи нашихъ подростающихъ поколѣній».

Хотя авторы сильно расходятся въ пріемахъ своихъ изслѣдованій и въ точкѣ зрѣнія на предметъ его, но, что въ особенности любопытно,—приходятъ къ одинаковому печальному выводу. Старый педагогъ выступаетъ въ своей статьѣ вполнѣ типичнымъ учителемъ, умудреннымъ опытомъ, ко всему присмотрѣвшимся и ко всему равнодушнымъ. Изъ своей многолѣтней практики онъ дѣлаетъ нѣкоторый общій выводъ, но не касается ни причинъ явленія, ни средствъ для борьбы съ нимъ. Онъ знаетъ по опыту, что всякія указанія и объясненія ни къ чему въ его дѣлѣ, что оно идетъ настолько прочно сложившимся путемъ, что тутъ ничего ни измѣнить, ни передѣлать нельзя. Онъ только показываетъ то, что усмотрѣлъ, а затѣмъ—его дѣло сторона. И какъ ни печально то, что онъ показываетъ, мы должны согласиться, что онъ поступаетъ вполнѣ правильно.

Старый педагогъ сравниваетъ два поколѣнія учащихся—прежнее 60—70 гг., и современное, и отмѣчаетъ въ послѣднемъ, какъ характернѣйшую черту его психологіи, необычайную практичность, дѣловитость и корректность его въ этомъ отношеніи. Есть ли у насъ теперь дѣти-школьники? спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ,—нѣтъ! Есть маленькіе люди, суховатые, дѣловитые, озабоченные, справляющіе свое школьное дѣло, какъ чиновники, даже дорожащіе этимъ дѣломъ, но отнюдь не ради него самого, не ради ученья или тѣмъ паче какой-то томъ науки, а ради тѣхъ выгодъ, которыя это дѣло обѣщаетъ принести въ ближайшемъ будущемъ,—словомъ, какъ чиновникъ, дорожащій службой ради 20-го числа. Школа для современнаго ученика не источникъ знаній, а «каталическое чистилище», которое каждому надо пройти, чтобы попасть въ сферу хотя и далеко не райскаго, но болѣе сноснаго существованія. Современное юношество смотритъ на школу, какъ на неизбѣжное зло, тяжкую повинность, которую надо отбыть, нѣчто въ родѣ воинской, съ тѣмъ, чтобы возмѣстить непріятности школы благами будущаго.

Чѣмъ, спрашивается, интересуется современный школьникъ, надъ чѣмъ работаетъ особенно, съ любовью, съ жаромъ, безъ принужденія? Такихъ интересовъ научнаго характера у него нѣтъ. Школьникъ дореформенной школы интересовался, смотря по обстоятельствамъ и условіямъ школы—то литературой, то математикой, а въ 60—70-ые годы налегалъ на естествознаніе, въ которомъ видѣлъ кладезь премудрости.

У современнаго школьника нѣтъ интереса ни къ чему въ особенности, онъ всѣмъ занимается понемножку, выполняетъ программу, которую не любитъ и не уважаетъ. И чѣмъ старше воспитанники, тѣмъ ярче проявляется ихъ равнодушіе къ предмету школьныхъ занятій. Для нихъ всѣ предметы равны и равно противны, хотя по всѣмъ они идутъ ровно, удовлетворительно, всѣмъ классомъ приблизительно въ одинъ уровень.

Еще среди младшихъ можно видѣть нѣкоторое различье въ этомъ отношеніи. Одни больше интересуются одними предметами, проявляютъ большія спо-

собности къ математикѣ или языкамъ, другіе оживляются на урокахъ исторіи или географіи. Въ старшихъ классахъ это все пропадаетъ, по крайней мѣрѣ, по наружности. Школа съ удивительнымъ искусствомъ сгладила различья, выровняла шероховатости, выражаясь просто—обоганила каждаго по установленному трафарету.

Чтобы такъ незамѣтно, но непреодолимо вытравлять душу, умъ и волю въ воспитанникахъ и превращать ихъ въ людей-машинъ, механически и исправно выполняющихъ свои обязанности,—средняя школа выработала удивительную систему—бюрократическую, въ которой до мельчайшихъ подробностей разработаны требованія и условія будущей чиновничьей дѣятельности. Изъ каждаго научнаго занятія изгнанъ присущій ему интересъ, все, что могло-бы увлечь и привязать ученика. Зато развита его схематическая сторона, сухо и сжато данъ рядъ непонятныхъ и скучныхъ формулъ, нѣчто въ родѣ скелета науки, оголеннаго отъ плоти и крови. Чтобы ученикъ усваивалъ только его и не заглядывалъ въ сторону, выработаны соотвѣтственные учебники, изъ которыхъ изгнано все интересное, захватывающее, любопытное само по себѣ. Затѣмъ ученикъ заваленъ этой работой до такой степени, что у него не остается ни минуты свободной для какихъ-либо постороннихъ занятій. Усилены требованія по всѣмъ предметамъ, причемъ необходимо, чтобы по всѣмъ былъ одинаковый уровень, и будь ты хоть выдающійся математикъ, лингвистъ или словесникъ, но разъ по одному изъ предметовъ отсталъ,—ты погибъ и не видать тебѣ аттестата зрѣлости.

По поводу этой поразительной нивеллировки всѣхъ способностей учениковъ, г. Яновскій дѣлаетъ интересное замѣчаніе. «Нѣтъ никакого сомнѣнія,—говоритъ онъ,—что Пушкинъ не сдѣлался-бы знаменитымъ Пушкинымъ, если-бы былъ ученикомъ въ современной нашей гимназіи: она употребила бы всѣ усилія, чтобы стереть съ него его блестящія индивидуальныя качества, или же удалила бы его изъ среды своихъ питомцевъ»... Потому что «Пушкинъ, при своей страсти къ поэзіи, мало занимался уроками, но много читалъ и быстро развивалъ свои дарованія, какъ видно изъ множества написанныхъ имъ въ лицеѣ стихотвореній. Онъ написалъ, еще будучи ученикомъ въ этомъ заведеніи, 130 стихотвореній, которыя составили цѣлую книгу». Какъ относились къ нему учителя, видно изъ примѣра, приводимаго Пущинымъ въ запискахъ. «Надобно сказать,—говоритъ онъ,—что всѣ профессора смотрѣли съ благоговѣніемъ на растущій талантъ Пушкина. Въ математическомъ классѣ вызвалъ его разъ Карцовъ къ доски и задалъ алгебраическую задачу. Пушкинъ долго переминался съ ноги на ногу и все писалъ молча какія-то формулы. Карцовъ спросилъ его наконецъ: «Что же вышло? Чему равняется иксъ?» Пушкинъ, улыбаясь, отвѣтилъ: «Нулю». «Хорошо! У васъ, Пушкинъ, въ моемъ классѣ, все кончается нулемъ. Садитесь на свое мѣсто и пишите стихи». Спасибо Карцеву,—добавляетъ Пущинъ,—что онъ изъ математическаго фанатизма не велъ войны съ его поэзіей».

Пущинъ словно предвидѣлъ ту войну, которую систематически ведутъ теперь въ нашихъ гимназіяхъ каждый учитель съ каждымъ ученикомъ, разъ онъ проявляетъ способности и охоту не къ его предмету. Сколько разъ приходится слышать такимъ ученикамъ не поощрительныя слова Карцова—«пишите ваши стихи», а стереотипное внушеніе: «Вѣдь можете же вы заниматься хорошо по такимъ-то предметамъ,—почему же занимаетесь плохо моимъ?»—слѣдуетъ дурная отмѣтка, одна за другой, и способности магически выравниваются, т. е. ученикъ изо всѣхъ силъ старается по трудному и нелюбимому предмету и запускаетъ пріятный и понятный для него. Въ результатѣ теряется охота ко всѣмъ, но требуемый баллъ получается тоже по всѣмъ.

Къ счастью или къ несчастью, Пушкиныхъ теперь не встрѣчается въ на-

шихъ гимназіяхъ. Иначе эти маленькія, незамѣтныя драмы, которыя тамъ разыгрываются ежедневно, превратились бы въ жестокія трагедіи. Бюрократическая школа не можетъ допустить по существу своему ничего выдающагося. Ея задача приготовить опредѣленное число чиновниковъ, т. е. людей, годныхъ для той кропотливой, но ничтожной работы, которую выполняютъ въ Россіи 10% ея населенія, составляющіе бюрократическую армію. Какъ въ военной арміи необходимо, чтобы вся ея сѣрая масса была на одно лицо, въ одной формѣ и однообразна по составу, такъ и въ бюрократическихъ рядахъ тоже единообразіе служитъ залогомъ успѣшной дѣятельности. Будучи по существу отрицаніемъ всякой жизни, бюрократическая машина только тогда и дѣйствуетъ правильно и хорошо, когда ею двигаютъ машинные люди, безъ выдающихся способностей, безъ увлеченія, безъ горячихъ порывовъ сердца. Иначе на каждомъ шагу происходили бы остановки, заминки, противорѣчія, какъ неизбѣжный результатъ различія въ темпераментахъ, воззрѣніяхъ, способностяхъ и увлеченіяхъ.

Современная школа достигаетъ этой цѣли съ огромнымъ успѣхомъ. Она съумѣла подчинить себѣ интимнѣйшія стороны ученической души, сгладить и отлить эти души въ нѣкую для всѣхъ общую форму, какъ тотъ мундиръ, въ которомъ щеголяютъ ряды учениковъ.

«Возьмемъ ли область религіозно нравственныхъ воззрѣній и обязанностей ихъ, присмотримся ли къ сферѣ ихъ эстетическихъ интересовъ, обратимъ ли вниманіе на характеръ ихъ личныхъ, семейныхъ и общественныхъ интересовъ—вездѣ мы увидимъ одну и ту же рѣзкую черту: внѣшнюю, видимую полноту и «корректность» ихъ жизни и—внутренній холодъ, равнодушное ко всему безразличіе»,—говоритъ старый педагогъ, и продолжаетъ:—«на первый взглядъ современные русскіе юноши и дѣти въ отношеніи религіозно-нравственныхъ понятій представляются болѣе развитыми, въ исполненіи религіозно-нравственныхъ обязанностей болѣе усердными, чѣмъ подобныя имъ же поколѣнія, напр., 50-хъ, 60-хъ годовъ. Побесѣдуйте съ любымъ теперешнимъ гимназистомъ или реалистомъ 13—14 лѣтъ, и вы найдете, что его знанія по христіанскому катехизису много полнѣе и основательнѣе, чѣмъ знанія его родителей; зайдите въ урочный часъ въ любую домовую церковь того или другого изъ нашихъ «благоустроенныхъ» учебныхъ заведеній — и ваше благочестивое сердце умилится зрѣлищемъ порядливо и чинно совершающейся передъ вами общественной молитвы юношества. Ряды молящихся школьниковъ полны и плотны; манкирующихъ богослуженіемъ нѣтъ (ибо за это строго взыскивается, замѣтимъ въ скобкахъ). Поведеніе богомольцевъ выдержанно и чинно... Все совершается въ порядкѣ, «строемъ», въ установленные моменты... Но—задумывается старый педагогъ — дѣйствительно ли современные школьники болѣе религіозны, чѣмъ предшествовавшее имъ поколѣніе?»—и, не задумываясь, онъ отвѣчаетъ: «нѣтъ!»

Все это—одна внѣшность, мундиръ, дополненіе къ тому аттестату, безъ котораго нельзя войти въ жизнь. И опять старый педагогъ сравниваетъ «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій». У прежней молодежи не было показной мундирной религіозности, но было «исканіе Бога». «Тамъ, говоритъ онъ, были и «испытующіе», но были и «увѣренные»; были колеблющіеся, сомнѣвающіеся, отрицающіе, но были и утверждающіе, убѣжденные,—короче, источникъ религіозно-нравственнаго чувства тамъ не изсякалъ, всегда билъ новой и обильной, хотя порой мутной и нездоровой волной. Теперь не то! Въ кружкахъ современной молодежи въ этомъ отношеніи все, повидимому, полно, «корректно», и все тихо, потому что все мертво. Нѣтъ ни чистой, ни мутной струи: вездѣ догматическая правильность, но и вездѣ формальная сушь и безжизненная обрядность»!

Чего же лучше?—можемъ и мы спросить съ своей стороны. Не это ли и было цѣлью, намѣченною новой школой, усердно и систематически вытравлявъ-

шей тотъ «духъ живый», который «иде же хощетъ, дышетъ», не поддаваясь циркулярамъ и предписаніямъ. Но старый педагогъ не доволенъ. Онъ хочетъ вѣры не только за страхъ, но и за совѣсть. Съ искренней печалью, дѣлающей ему несомнѣнную честь, онъ вспоминаетъ свои молодые годы, годы исканія истины и вѣры. Онъ разсказываетъ, какъ одинъ его товарищъ раздобылъ книгу Ренана и они вмѣстѣ ее прочли и помутились на время въ разумѣ. «И перечитали мы ее не разъ, не два, а, кажется, разъ пять! что мы пережили за этимъ чтеніемъ, я и разсказать теперь это затрудняюсь. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что наше тогдашнее душевное состояніе было весьма близко, коли не тождественно, съ мучительнымъ настроеніемъ тѣхъ женщинъ и тѣхъ простецовъ изъ послѣдователей Христа, предъ глазами которыхъ Его распяли. То—чувство невыразимой обиды и боли за несправедливыя поруганія и казнь возлюбленнаго Учителя, то—сомнѣнія, доходившія до полнаго невѣрія относительно Его вѣчности и Его обѣтованій, то новый приливъ вѣры, новый подъемъ надеждъ на будущее торжество и побѣду надъ врагами Его! Все, все такое и подобное передумали и перечувствовали мы». Наконецъ, измученные и усталые, товарищи порѣшили свои сомнѣнія очень оригинальнымъ образомъ: «мы рѣшили прекратить наши чтенія и всякіе разговоры, возбуждаемые имъ, а самую книгу бросили, съ привязаннымъ къ ней булыжникомъ, въ глубокій колодезь, находящійся на одномъ изъ городскихъ пустырей».

Впослѣдствіи старый педагогъ часто наблюдалъ такую же борьбу вѣры и сомнѣній среди своихъ учениковъ въ 70-е годы. «Мнѣ лично за это время пришлось выслушать не мало такихъ мучительныхъ признаній, пришлось видѣть такихъ горькихъ юношескихъ слезъ»! Но, заканчиваетъ онъ съ грустью,— «затѣмъ, съ теченіемъ времени, подобный плачъ сталъ слышаться все рѣже и рѣже въ средѣ воспитывающагося юношества, а послѣдніе 10—15 лѣтъ онъ уже и совсѣмъ пересталъ тревожить мое учительское ухо. Атмосфера религіозно-нравственной жизни нашихъ послѣднихъ молодыхъ поколѣній сдѣлалось въ высшей степени чистой и безвѣтренной, а поверхность этой жизни—зеркально-гладкой и покойной. Тутъ царитъ теперь, хотѣлось бы сказать мнѣ народной поговоркой: «тишь, да гладь, да Божья благодать». Но боюсь, не совсѣмъ вѣрно выйдетъ. «Тишь да гладь» здѣсь несомнѣнно, но тутъ ли и «Божья благодать»?!

Вполнѣ законное, но лишнее сомнѣніе. Если бы бюрократическая школа смогла завладѣть еще и душою человѣка и претворить ее по своему образу и подобію, былъ бы разрѣшенъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, нѣкогда волновавшихъ людей,—можно ли создавать искусственнымъ, лабораторнымъ путемъ людей? Рѣшеніе такого вопроса было бы въ рукахъ бюрократическаго государства могущественнѣйшимъ орудіемъ въ борьбѣ съ жизнью, которую можно было бы тогда устранить совсѣмъ, замѣнивъ ее поддѣлкой по трафарету, выработанному въ нарочито избранной комиссіи при содѣйствіи, конечно, свѣдущихъ людей.

Почтенный старый педагогъ не считаетъ себя пригоднымъ для такой комиссіи и ничего не говоритъ о мѣрахъ къ устраненію зла, смущающаго его душу. И благо ему! Онъ выполнилъ свой долгъ, отмѣтивъ ярко и сильно это зло въ своей превосходной статьѣ. Иначе выступаетъ г. Яновскій. Онъ, несомнѣнно, годенъ въ комиссію, въ качествѣ хотя бы только свѣдущаго человѣка. Уже одно то, что онъ прошелъ всю лѣстницу служенія въ современной школѣ до должности попечителя Кавказскаго округа, и притомъ онъ—одинъ изъ лучшихъ попечителей, если не самый лучшій въ наше время,—обязываетъ его, и г. Яновскій не довольствуется констатированіемъ факта и тутъ же предлагаетъ цѣлебныя средства, въ видѣ ряда измѣненій въ программахъ, учебныхъ планахъ и способахъ уловленія ученическихъ душъ въ бюрократическія сѣти. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обычнымъ методомъ разсужденія и дѣйствія бюрократической системы. Правильно и рѣзко, что называется, «не щадя живота»,

бюрократъ Ивановъ критикуетъ программу бюрократа Петрова и съ своей стороны предлагаетъ тоже проектъ. Онъ думаетъ, что Петровъ упустилъ изъ виду то и то, недостаточно развилъ такую-то сторону, вслѣдствіе чего результаты не оправдали ожиданія. Поэтому, если переставить предметы, одинъ урокъ сократить въ такомъ-то классѣ, а въ другомъ прибавить, здѣсь уничтожить переэкзаменовку, а тутъ ввести такіе и такіе экзамены,—то получится музыка не та, «у насъ запляшутъ лѣсъ и горы». Впрочемъ, какъ человѣкъ дѣйствительно опытный, г. Яновскій понимаетъ, что современные учителя, какъ ихъ не разсаживай, мало годны для роли, которую онъ имъ желаетъ навязать, и не безъ грусти замѣчаетъ въ заключеніе своего проекта: «Безъ сомнѣнія, предлагаемая система потребуетъ отъ учителей больше и умѣнья, и терпѣнія, и вниманія... Поэтому, при предлагаемой системѣ, учителями должны быть назначаемы лица не случайныя, избирающія педагогическую дѣятельность не по призванію, а единственно ради куска хлѣба, но подготовленныя къ дѣлу обученія и воспитанія, и подготовленныя серьезно».

Совершенно справедливо—опытные, подготовленные, любящіе свое дѣло и чувствующіе къ нему призваніе, люди пересоздадутъ школу. Даже и при современной программѣ ея такіе люди, съ творческой искрой и съ Богомъ въ душѣ, съумѣли бы внести жизнь и свѣтъ въ мертвую атмосферу этой школы. Но гдѣ ихъ взять? Въ этомъ и заключается слабый пунктикъ всякой бюрократіи, что для живого дѣла у нея нѣтъ живыхъ людей, а есть лишь эти люди-машины, которыхъ она сама же воспитала и подготовила, «случайные, избирающіе» ту или иную дѣятельность не по призванію, «а ради куска хлѣба».

Поэтому, какъ ни печально кажется современное состояніе средней школы, починить ее тѣми или иными заплатками нечего и думать. Да и незачѣмъ, правду сказать. Дѣло въ томъ, что не все здѣсь такъ ужъ грустно и ужасно, какъ кажется старому педагогу и г. Яновскому. Совершенно вѣрно, что современное молодое поколѣніе съ виду и «корректно», и «холодно», и «благообразно». Но не слѣдуетъ упускать изъ виду слѣдующаго. Въ каждой борьбѣ за существованіе вырабатывается приспособленіе къ средѣ. Подъ давленіемъ и въ тискахъ бюрократической школы, молодое поколѣніе приняло ту внѣшность, какая удобнѣе всего и цѣлесообразнѣе всего даетъ ему возможность отстоять именно свою душу, свою индивидуальность отъ посягательствъ на нее со стороны системы. Мы сплошь и рядомъ видимъ, какъ за порогомъ средней школы рѣзко и разомъ мѣняется тотъ же юноша, который такъ «порядливо и чинно» стоялъ только-что въ домашней церкви, «строемъ» билъ поклоны и «строемъ» возводилъ очи горѣ. Обоимъ почтеннымъ авторамъ хорошо извѣстно, какая огромная разница между только-что выскочившимъ изъ гимназіи школьникомъ и студентомъ. Оказывается у него и своя индивидуальность, подчасъ очень и очень опредѣленная, которую онъ умѣетъ при случаѣ рѣзко и сильно проявить, и свой Богъ, и свои интересы, ничего не имѣющіе общаго съ внушеніями и предписаніями, подъ давленіемъ которыхъ онъ пробылъ восемъ лѣтъ. Его благонравіе, благочиніе и внѣшняя холодная корректность сослужили ему добрую службу: они послужили ему щитомъ, которымъ онъ оградилъ свою душу отъ посягательства системы.

Эта вѣчно-жизненная приспособляемость внушаетъ намъ лучшія надежды на будущее. Оставимъ прошлое прошлому, и ужъ никакъ не лицей, гдѣ учился Пушкинъ, можетъ служить намъ руководящимъ началомъ при созданіи школы будущаго. Это было барское заведеніе, гдѣ въ «роскоши и нѣгѣ» воспитывались отпрыски именитыхъ родовъ. Школа будущаго, которая выростетъ не путемъ преобразованія современной бюрократической, а путемъ измѣненія самой жизни,—намъ представляется величественной школой труда и свободы, открытой для всѣхъ и любимой всѣми, куда будутъ стремиться не ради только ма-

теріальныхъ благъ, съ нею связанныхъ, но и ради нея самой. Только достигнуть этого нельзя измѣненіями программы и разными преобразованіями только одной школы, потому что всякая школа есть продуктъ своего времени и своего мѣста. При современномъ у насъ расцвѣтѣ бюрократіи, наша средняя школа есть прекраснѣйшее и во всѣхъ отношеніяхъ образцовое созданіе, какъ преддверіе канцеляріи. Если же и теперь школьники, съ свойственной имъ хитростью и лукавствомъ, ухищряются протаскивать сквозь кавдинское ущеліе этой школы душу живу, то это ужъ не вина школы, а дѣло жизни, которую не подчинишь никакимъ самымъ образцовымъ системамъ.

Мы даже думаемъ, что народись въ современной жизни Пушкинъ, то и онъ не пропадетъ. Можетъ быть, его выгонятъ изъ гимназіи, по увѣренію такого компетентнаго лица, какъ г. Яновскій, можетъ быть, даже съ волчьимъ паспортомъ, какъ это чуть-чуть не случилось и съ Александромъ Сергѣевичемъ. За одну дѣтскую шалость, по словамъ Пущина, имя Пушкина и его товарищей по дѣлу было внесено въ «черную книгу, съ тѣмъ, чтобы эта книга имѣла вліяніе при выпускѣ». Но «при разсужденіяхъ конференцій при выпускѣ, предоставлена была директору Энгельгардту Черная эта книга, гдѣ мы трое только и были записаны, онъ ужаснулся и сталъ доказывать, что мудрено допустить, чтобы давнишняя шалость, за которую тогда же было взыскано, могла еще имѣть вліяніе и на всю будущность молодыхъ людей послѣ выпуска. Всѣ тотчасъ согласились съ его мнѣніемъ, и дѣло было сдано въ архивъ». Можетъ быть, въ современной конференціи современный Пушкинъ и не найдетъ такого мудраго заступника. Даже навѣрное—нѣтъ. Но все же, въ противность мнѣнію г. Яновскаго, онъ сдѣлается знаменитымъ Пушкинымъ, если, конечно, это будетъ настоящій Пушкинъ.

А. Б.

ПУШКИНЪ и ВОЙНА.

(Замѣтка).

Пушкинскій праздникъ невольно ставитъ на очередь вопросъ, какъ относился къ войнѣ нашъ геніальный поэтъ. Можно ли его причислить къ «друзьямъ мира», или въ будущей исторіи уничтоженія милитаризма имя Пушкина будетъ пройдено молчаніемъ? Важность этого вопроса, помимо его біографическаго интереса, усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что на произведеніяхъ Пушкина воспитываются и долго еще будутъ воспитываться молодыя поколѣнія Россіи. Съ педагогической точки зрѣнія далеко небезразлично знать, какія чувства по отношенію къ войнѣ зарождаетъ въ юныхъ сердцахъ поэзія Пушкина.

Пушкинъ, какъ извѣстно, никогда не служилъ въ военной службѣ и не носилъ военнаго мундира, котораго не избѣгъ даже Левъ Толстой. Этотъ фактъ не можетъ не удивлять насъ, потому что и условія воспитанія, и окружающая среда, и воинственное настроеніе эпохи влекли поэта къ военной службѣ. Уже при самомъ вступленіи поэта въ лицей, на него пахнуло воинственной атмосферой. «Среди сихъ пустынныхъ лѣсовъ, внимавшихъ нѣкогда побѣдоносному россійскому оружію, вамъ повѣданы будутъ славныя дѣла героевъ, поражавшихъ враждебные строи»,—такъ говорилъ, между прочимъ, въ своей рѣчи при открытіи лицея проф. Куницынъ, и въ такомъ же духѣ преподавалась лицеистамъ исторія пресловутымъ Кайдановымъ.

Самое Царское Село съ обширнымъ садомъ, наполненнымъ

И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ,—

могло развивать воинственныя чувства въ подраставшемъ поколѣніи, тѣмъ болѣе, что въ задачи лицея входило приготовленіе молодыхъ людей не только къ гражданской, но и къ военной службѣ. Но еще сильнѣе мѣстныхъ воспоминаній и школьнаго преподаванія вліяла въ воинственномъ направленіи «гроза двѣнадцатаго года». Черезъ Царское Село проходили войска, отправлявшіяся на борьбу съ Наполеономъ, и Пушкинъ, вспоминая объ этомъ времени, незадолго до своей смерти писалъ:

Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ...

Въ 1815 году, въ одѣ на возвращеніе Императора Александра I изъ Парижа, юный Пушкинъ выражалъ сожалѣніе, что ему не удалось принять участія въ защитѣ отечества.

Почто-жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечь младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?

Еще ранѣе, въ одѣ «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» Пушкинъ прославлялъ «громкій вѣкъ военныхъ споровъ», ознаменованный побѣдами «безсмертныхъ русскихъ исполиновъ: Орлова, Румянцева и Суворова», и воспѣтый «струнами громозвучныхъ лиръ» Державина и Петрова. Въ томъ же стихотвореніи поэтъ изобразилъ и патріотическое воодушевленіе русскаго народа въ эпоху Отечественной войны и обратился къ Державину съ просьбой «взгремѣть на арфѣ золотой»,—

Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

Обратившись однако къ болѣе интимнымъ лицейскимъ произведеніямъ Пушкина, мы увидимъ, что эпоха Наполеоновскихъ войнъ далеко не такъ сильно увлекала юнаго поэта, какъ это можетъ показаться при чтеніи указанныхъ двухъ одъ, несомнѣнно, написанныхъ подъ давленіемъ лицейскихъ наставниковъ. Дошедшія до насъ стихотворенія 1812 г. ни слова не говорятъ о событіяхъ Отечественной войны. Въ 1814 г. юный поэтъ благословляетъ Пущина «на брань», приглашаетъ «пирующихъ студентовъ» разбить бутылки и рюмки «за здравіе Платова», но о самомъ себѣ заявляетъ, что онъ не любитъ «бранный громъ». Въ слѣдующемъ году, въ посланіи къ Батюшкову, Пушкинъ отказывается воспѣвать «войны кровавый пиръ», а въ посланіи къ А. М. Горчакову не желаетъ, чтобы онъ былъ увлеченъ славой «въ путь кровавый». Еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе заявляетъ Пушкинъ о своемъ равнодушіи къ военной славѣ въ стихотвореніи «Мечтатель».

Пускай, ударя въ звучный щитъ
И съ видомъ дерзновеннымъ,
Мнѣ слава издали грозитъ
Перстомъ окровавленнымъ.
И бранны вьются знамена,
И пышетъ бой кровавый—
Прелестна сердцу тишина,
Нейду, нейду за славой.

Эта «тишина» была не только личнымъ, но и общественнымъ идеаломъ Пушкина. Въ началѣ упомянутой оды на возвращеніе Императора Александра I изъ Парижа Пушкинъ выражаетъ свою радость по поводу того, что

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.

Заканчивается эта ода шестнадцатилѣтняго поэта также призывомъ къ миру.

...О русскій царь! оставь же шлемъ стальной,
И грозный мечъ войны, и щитъ—ограду нашу;
Излей предъ Янусомъ священну мира чашу,
И брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!...
И придутъ времена спокойствія златыя...
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окрыленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ и т. д.

И въ слѣдующемъ году Пушкинъ дѣлаетъ такія же мирныя заявленія.

Я не герой: по лаврамъ не тоскую,
Спокойствіемъ и нѣгой не торгую,
Не чудится мнѣ ночью грозный бой.

Поднося дядѣ своему Василію Львовичу поздравленіе въ стихахъ на пасхѣ 1816 г., Пушкинъ, между прочимъ, выражалъ и такое желаніе:

Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
Воскресли миръ и тишина.

Какъ ни сильны были впечатлѣнія той эпохи, когда, по выраженію Грибоѣдова, «кричали женщины ура и въ воздухъ чепчики бросали», знакомство поэта съ царскосельскими гусарами оказалось сильнѣе. Уже въ 1815 г. видъ блестящаго гусара отгонялъ въ мечтахъ юнаго поэта «мирныя картины прелестной сельской простоты», и онъ воображалъ себя на бранномъ полѣ и летѣлъ въ бой «на гибель супостата». Въ это время Пушкинъ мечталъ о поступленіи въ гусары и въ посланіи Галичу заявлялъ:

Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я, питомецъ важныхъ музъ,
Въ числѣ воюющихъ корнетовъ.

Въ 1817 г., когда Пушкину по выходѣ изъ лицея предстояло избрать родъ службы, онъ не остановился передъ чрезмѣрной идеализаціей военнаго поприща и въ посланіи своему дядѣ писалъ:

Но что прелестнѣй и живѣй
Войны, сраженій и *пожаровъ (!)*,
Кровавыхъ и пустыхъ (!) полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ,
И что завиднѣй бранныхъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ, и нѣгъ, и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что̀—скука, страхъ,
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.

Но голосъ благоразумія пересилилъ порывы африканской натуры поэта, онъ согласился съ аргументами своего дяди, что

Парады, караулъ, ученье—
Все это оды не вдушитъ,
А только душу изсушитъ,

и отказался отъ военной службы, предоставивъ себѣ «уединенье и свободу».

Равны мнѣ писаря, уланы,
Равны мнѣ каски, кивера,
Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассесора,

говорилъ Пушкинъ въ своемъ обращеніи «Къ товарищамъ» передъ выпускомъ. Такому самоотреченію помогло и то обстоятельство, что отецъ Пушкина рѣшительно отказался содержать сына въ кавалеристахъ, а служить въ гвардейской пѣхотѣ самъ поэтъ не хотѣлъ. Но до окончательнаго отказа Пушкина отъ военной карьеры было еще далеко. Кромѣ дяди отговаривалъ Пушкина отъ поступленія на военную службу и извѣстный генералъ А. Ѳ. Орловъ. Въ посланіи къ нему поэтъ писалъ въ 1819 году:

Орловъ, ты правъ: я забываю
Свои гусарскія мечты
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля—суеты.

«Когда-жъ возстанетъ»,—говорится въ томъ же посланіи,—

Съ одра покоя богъ мечей
И брани громкій вызовъ грянетъ,
Тогда покину міръ полей...
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
Съ мечемъ и съ лирой боевой
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.

Воинственное настроеніе Пушкина особенно усилилось во время его пребыванія на югѣ Россіи. Подъ вліяніемъ этого настроенія, навѣяннаго, можетъ быть, кавказскими впечатлѣніями, Пушкинъ написалъ въ 1820 г. одно изъ самыхъ воинственныхъ своихъ произведеній.

Мнѣ бой знакомъ—люблю языкъ мечей;
Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
Люблю войны кровавыя забавы,
И смерти мысль мила душѣ моей.
Во цвѣтѣ лѣтъ свободы вѣрный воинъ,
Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полнаго веселья не вкушалъ
И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

Въ слѣдующемъ году Пушкинъ горячо привѣтствовалъ возстаніе Ипсиланти и собирался лично стать въ ряды защитниковъ Греціи и «причаститься кровавой чашей». Въ это время написано и стихотвореніе «Война», гдѣ поэтъ радостно восклицаетъ:

Увижу кровь, увижу праздникъ мести,
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ,

и выражаетъ надежду на то, что «предметы гордыхъ пѣснопѣній разбудятъ мой уснувшій геній».

Если первое изъ приведенныхъ стихотвореній является рѣшительнымъ дифирамбомъ войнѣ ради войны, то второе изъ нихъ, помимо своей связи съ греческимъ возстаніемъ, въ значительной степени объясняется и тѣмъ мрачнымъ состояніемъ духа, которое переживалъ Пушкинъ въ южной Россіи. «Ужель ни бранный шумъ»,—спрашиваетъ поэтъ въ концѣ этого стихотворенія:—

Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы—
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?

Принять активное участіе въ освобожденіи Греціи Пушкину не удалось, и скоро подъ вліяніемъ непосредственнаго знакомства со сподвижниками Ипсиланти въ Одессѣ, Греція ему «огадѣла». Въ 1828 г., когда открылась война за освобожденіе «страны героевъ и боговъ», Пушкинъ просился въ дѣйствующую армію на Дунай; но просьба эта вызвана была не мечтами о военной славѣ, съ которыми поэтъ распростился уже давно, а черезчуръ отеческой опекой графа Бенкендорфа, отъ котораго Пушкинъ не прочь былъ уѣхать даже въ Китай. Тѣ же самыя побужденія въ связи съ любовными неудачами заставили Пушкина совершить и путешествіе въ Эрзерумъ на театръ военныхъ дѣйствій въ 1829 году. Послѣ женитьбы Пушкинъ смотрѣлъ уже на военную службу, какъ на верхъ несчастія: въ одномъ изъ писемъ къ женѣ подъ вліяніемъ ревности онъ полу-шутя грозилъ развестись и уйти «въ солдаты съ горя».

Прослѣдивши борьбу благоразумія съ пылкой натурой поэта по автобіографическимъ его стихотвореніямъ, посмотримъ, какъ относится Пушкинъ къ войнѣ въ болѣе объективныхъ и болѣе зрѣлыхъ своихъ произведеніяхъ.

Въ первомъ своемъ крупномъ произведеніи «Руслан и Людмила», написанномъ по выходѣ изъ лицея, молодой поэтъ категорически высказывается противъ военной славы. Въ началѣ второй пѣсни онъ отъ своего имени иронически говоритъ:

Соперники въ искусствѣ брани,
Не знайте мира межъ собой;
Несите *мрачной* славѣ дани
И упивайтеся враждой!
Пусть міръ предъ вами цѣпенѣетъ,
Дивяся грознымъ торжествамъ:
Никто о васъ не пожалѣетъ,
Никто не помѣшаетъ вамъ.

Въ третьей пѣснѣ этой поэмы находится прекрасная элегія Руслана, навѣянная полемъ битвы. Въ пятой пѣснѣ Ратмиръ громитъ стремленіе къ военной славѣ:

Душѣ наскучилъ бранной славы
Пустой и гибельный призракъ...
Теперь, утративъ жажду брани,
Престалъ платить безумству дани
И вѣрнымъ счастіемъ богатъ.

Воинственное настроеніе Пушкина, охватившее его на югѣ Россіи, отразилось и въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», особенно въ эпилогѣ этой поэмы, гдѣ поэтъ заявилъ о своемъ намѣреніи воспѣть героевъ кавказскихъ войнъ. Но и въ этотъ самый воинственный періодъ своей жизни великій поэтъ нашелъ въ себѣ достаточно благоразумія, чтобы осудить войну въ лицѣ одного изъ величайшихъ ея героевъ. «Кровавая память», «ненависть народовъ», «проклятіе племенъ», «зло воинственныхъ чудесъ»—вотъ какія выраженія встрѣчаются въ одѣ Пушкина «Наполеонъ», написанной въ 1821 г.

Въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» даже дикихъ татаръ Пушкинъ заставляетъ предпочитать «мирную нѣгу» «кровавой войнѣ» и «ужаснымъ набѣгамъ». Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» великій поэтъ относится съ нескрываемой ироніей къ представителямъ военнаго сословія. Достаточно напомнить характеристику Зарѣцкаго.

Зарѣцкій, нѣкогда буянъ,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повѣсъ, трибунъ трактирный...
. . . . . и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня калмыцкаго свалясь,
Какъ зюзя пьяный...

Въ «Борисѣ Годуновѣ» самозванецъ охлаждаетъ воинственный пылъ князя Курбскаго словами: «кровь русская, о Курбскій, потечетъ» и слагаетъ грѣхъ войны на Бориса. Въ «Полтавѣ» Пушкинъ художественно изобразилъ Полтавскую битву и не скрылъ своихъ радостныхъ чувствъ при видѣ побѣды русскихъ. Но эта побѣда радуетъ поэта, не какъ бойца побѣдителя, а какъ гражданина того государства, которое обязано этому кровавому событію новыми путями своего культурнаго развитія. Точно также и Петръ Великій идеализированъ въ Полтавѣ не какъ герой войны, а какъ создатель новой Россіи, и съ этой стороны противопоставленъ Карлу XII, оставившему въ исторіи «кровавый слѣдъ насилій, бѣдствій и побѣдъ». «Войны же Петра Великаго—говорится въ одной изъ замѣтокъ Пушкина—были благодѣтельны и плодотворны. Успѣхъ народнаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы и европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы».

«Путешествіе въ Эрзерумъ» замѣчательно заявленіемъ Пушкина о недостаточности одной силы оружія для окончательнаго замиренія Кавказа. На помощь грубой силѣ, по мнѣнію поэта, должна явиться мирная культура. «Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію—писалъ Пушкинъ о черкесахъ:—самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть наконецъ средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе евангелія... Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ».

Въ остальныхъ произведеніяхъ Пушкина, написанныхъ прозой, и война, и военная служба, и военное сословіе изображены такъ иронически и прозаически, что трудно допустить, чтобы чье-нибудь юное сердце плѣнилось перспективою войны съ бандами Пугачева или нашло симпатичными тѣхъ представителей военнаго сословія, которые выведены, напримѣръ, въ повѣстяхъ Бѣлкина. Бреттеръ Сильвіо, бывшій первымъ буяномъ въ арміи и перепившій Бурцова, вос-

пѣтаго Давыдовымъ;—Бурминъ, не задумавшій повѣнчаться съ чужой невѣстой; Минскій, похитившій дочь станціоннаго смотрителя—вотъ представители военной молодежи первой половины XIX вѣка, при томъ представители далеко не худшіе. Если къ нимъ прибавить Германа, способнаго на всевозможныя подлости ради скораго обогащенія, Зурина, подпоившаго Гринева, чтобы вѣрнѣе обыграть его, и наконецъ, совершенно погибшаго Швабрина, то получится цѣлая галлерея военныхъ, среди которыхъ совершенно теряются симпатичные образы Гринева и капитана Миронова. И жизнь военной молодежи въ мирное время повѣсти Пушкина изображаютъ довольно непривлекательными красками. «Жизнь армейскаго офицера извѣстна. Утромъ—ученье, манежъ; обѣдъ—у полкового командира или въ жидовскомъ трактирѣ; вечеромъ—пуншъ и карты». Такъ начинается повѣсть «Выстрѣлъ», главнымъ героемъ которой является упомянутый Сильвіо. Не лучше и жизнь гвардейскаго офицера, судя по началу «Пиковой дамы». «Однажды играли въ карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незамѣтно; сѣли ужинать въ пятомъ часу утра» и т. д. Недаромъ говоритъ отецъ Гринева: «чему научится онъ, служа въ Петербургѣ? Мотать да повѣсничать».

Обратившись къ лирическимъ произведеніямъ Пушкина, созданнымъ въ зрѣлый періодъ его жизни, мы вовсе не найдемъ данныхъ, чтобы считать нашего великаго поэта пѣвцомъ войны ради войны. Когда въ 1829 г. Пушкинъ уѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій, въ газетахъ писали: «Теперь читающая публика наша соединяетъ самыя пріятныя надежды съ пребываніемъ А. Пушкина въ станѣ кавказскихъ войскъ и вопрошаетъ: чѣмъ любимый поэтъ нашъ, свидѣтель кровавыхъ битвъ, подаритъ насъ изъ стана военнаго?» Но любимецъ воинственно настроенной публики обманулъ ея ожиданія. Правда, подъ вліяніемъ военныхъ впечатлѣній онъ написалъ нѣсколько пьесъ, но эти стихотворенія не могли удовлетворить поклонниковъ войны. «Делибашъ» изображаетъ безславную и безполезную гибель двухъ жертвъ безразсудной удали. Пьеса «Былъ и я среди донцовъ, гналъ и я османовъ шайку» носитъ шуточный характеръ. Бой барабана заставляетъ Пушкина прекратить чтеніе Данта и унестись мыслями, но не на поле битвы, а въ Царское Село. Наконецъ, въ это же время написано стихотвореніе: «Не плѣняйся бранной славой». Позднѣе Пушкинъ возмутился печатнымъ заявленіемъ одного француза, что будто бы онъ, Пушкинъ, явился въ Малую Азію, чтобы воспѣвать подвиги своихъ соотечественниковъ. «Пріѣхать на войну—говорится въ предисловіи къ «Путешествію въ Эрзерумъ»—съ тѣмъ, чтобы воспѣвать будущіе подвиги, было бы для меня... слишкомъ *непристойно*».

Вѣрный такому убѣжденію, великій поэтъ, не смотря на свою близость ко двору, не написалъ почти ни одной оды въ честь побѣдъ, одержаннымъ русскимъ оружіемъ въ царствованіе императора Николая I. Единственнымъ исключеніемъ является «Бородинская годовщина», да и та написана при исключительныхъ обстоятельствахъ. Гуманный поэтъ, мечтавшій съ Мицкевичемъ «о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся», не могъ не сожалѣть о кровавыхъ столкновеніяхъ съ поляками. Не разгромомъ Польши вызваны оды: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина», а возмутительными рѣчами «мучителей палатъ» и «легкоязычныхъ витій» по адресу Россіи. Характерно для величайшаго русскаго поэта, что даже въ этихъ, по выраженію Писарева, «въ буквальномъ смыслѣ слова воинственныхъ стихотвореніяхъ» Пушкинъ далекъ отъ угрозъ Европѣ *наступательной* войной, а по отношенію къ Польшѣ онъ является проповѣдникомъ примиренія, что особенно важно было въ ту эпоху:

Въ бореньи падшій невредимъ:
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;

*

Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ,
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не увратъ гнѣвнаго лица
И не услышатъ *пѣснь обиды*
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Соединеніе горячаго патріотизма съ духомъ истинной гуманности въ этихъ одахъ не укрылось отъ Бѣлинскаго, и великій критикъ не задумался рекомендовать русскому юношеству чтеніе этихъ «воинственныхъ» произведеній.

Вообще, далекій отъ радикальной проповѣди: «Долой оружіе»!—которая въ тотъ «жестокій вѣкъ» была бы не болѣе, какъ донъ-кихотствомъ,—Пушкинъ въ зрѣлый періодъ своего творчества допускалъ войну, только какъ неизбѣжное зло. Такими неизбѣжными войнами онъ считалъ войны для защиты отечества отъ иноземныхъ нашествій и войны освободительныя. Неудивительно поэтому, что великій поэтъ сдѣлался пѣвцомъ героевъ Отечественной войны и историкомъ того патріотическаго воодушевленія, которое охватило Россію въ эпоху нашествія Наполеона. Вполнѣ понятно также, что какъ въ 1823 г. Пушкинъ призывалъ грековъ къ возстанію («Востань, о Греція, возстань!.. Страна героевъ и боговъ, расторгни рабскія вериги!»), такъ въ 1831 г. гордился тѣмъ, что русскіе «кровью искупили Европы вольность, честь и миръ».

Кромѣ войнъ освободительныхъ и оборонительныхъ Пушкинъ допускалъ еще и войны ради распространенія высшей культуры. Съ такой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на войны Петра Великаго и на завоеваніе Кавказа.

Подводя итоги отношеніямъ Пушкина къ войнѣ, нельзя не признать, что если въ юности пламенная натура поэта находила «упоеніе въ бою и бездны мрачной на краю», то его геніальный умъ и гуманное чувство возмущались впослѣдствіи «зломъ воинственныхъ чудесъ», связанныхъ не только съ убійствами, пожарами и грабежами, но и съ праздной жизнью молодежи въ мирное время, и съ рекрутствомъ, которое Пушкинъ считалъ «тягчайшей изъ повинностей народныхъ». Отказавшись отъ дипломатическаго поприща, великій поэтъ не жалѣлъ о томъ, что ему не суждено было «мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать», и своими произведеніями онъ сдѣлалъ для мира гораздо болѣе того, что онъ могъ бы сдѣлать въ роли дипломата при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Онъ пробуждалъ лирой «добрыя чувства», осуждалъ «зло воинственныхъ чудесъ», и рисовалъ идеалъ будущаго,

Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.

С. Ашевскій.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

На голодѣ. Изъ многочисленныхъ, печатающихся въ газетахъ отчетовъ объ организаціи помощи голодающему населенію, особенный интересъ представляетъ отчетъ Льва Львовича Толстого («Спб. Вѣд.»), выдержки изъ котораго мы и приведемъ здѣсь.

Л. Л. Толстой лично былъ въ Самарской губ. постомъ и слѣдующимъ образомъ резюмируетъ вынесенныя оттуда впечатлѣнія:

«Вопросъ: — лучше или хуже стало положеніе крестьянъ съ голоднаго 1891—1892 года, въ знакомой мнѣ съ тѣхъ поръ мѣстности,—особенно занималъ меня, когда я ѣхалъ въ нынѣшнемъ году въ Самару. По слухамъ, шедшимъ оттуда, ничего отраднаго нельзя было ожидать. Однако, мнѣ хотѣлось самому провѣрить эти слухи на мѣстѣ.

«Теперь могу смѣло и правдиво отвѣтить на поставленный мной выше вопросъ. Могу отвѣтить, что положеніе крестьянъ Петровской волости, Бузулукскаго уѣзда, Самарской губерніи стало не лучше, а хуже съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ея. И это—не голословное заключеніе, ни на чемъ не основанное, а истина, подтверждающаяся новыми наблюденіями. Она наглядно обнаруживается слѣдующими тремя признаками, прежде всего бросающимися въ глаза. Я не видалъ въ Петровской волости ни одной мало-мальски порядочной новой деревянной избы. Это — первое. Если и возникли новыя жилища у крестьянъ съ памятнаго голоднаго года, то это—не избы, а тѣ же несчастныя, сырыя и темныя мазанки, типъ которыхъ знакомъ всякому, побывавшему въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ.

«Вторымъ признакомъ того, что положеніе народа стало хуже, служитъ все увеличивающееся число безлошадныхъ крестьянъ; по общему голосу схода, съ которымъ мнѣ пришлось говорить, въ с. Петровки, 1/2 этого села состоитъ изъ безлошадниковъ. Это—второе. Правда, земство раздаетъ теперь или уже раздало казенныхъ лошадей безлошаднымъ крестьянамъ, но это—только капля въ морѣ. На Петровскую волость придется всего 18 лошадей, какъ мнѣ говорили: что же это составляетъ для всей волости, когда въ одной Петровкѣ изъ 400 дворовъ, 100, по меньшей мѣрѣ, безъ лошадей? Въ связи съ убылью лошадей въ селахъ, конечно, въ одинаковой пропорціи замѣчается и есть убыль скота всякаго рода...

«Третье, что поразило меня, за послѣднюю мою поѣздку въ Бузулукскій уѣздъ, это—усиленное переселенческое движеніе отсюда, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ о переселеніи раньше и не помышляли, и куда еще недавно новые поселенцы сами стремились.

«Это—тоже крупный и очень характерный симптомъ современной народной нужды. При существующемъ дешевомъ тарифѣ жел. дорогъ и, болѣе или менѣе

организованной помощи переселенцамъ на новыхъ мѣстахъ, народъ валомъ-повалилъ туда, надѣясь найти тамъ лучшія условія жизни. Отъ хорошей жизни не побѣжишь, отъ добра добра не ищутъ, и народъ бѣжитъ, конечно, только отъ своего горя, голодовокъ и нищеты... Въ этомъ бѣжаніи лежитъ, съ одной стороны, спасеніе народу, обнищавшему на старыхъ мѣстахъ, исковырявшему безпощадно и истощившему старую почву, съ другой—въ бродячемъ духѣ русскаго народа кроется одна изъ главныхъ причинъ его культурной отсталости и медленнаго движенія впередъ. Вмѣсто того, чтобы стараться какъ-нибудь перемѣнить отжившія, старыя формы, найти новые, лучшіе способы земледѣлія и землевладѣнія и замѣнить ими первобытные, народъ и не задумывается надъ этимъ; не въ этомъ онъ видитъ причину своего обѣднѣнія, а въ недостаткѣ земли. И вотъ бѣжитъ онъ дальше въ новыя, еще дѣвственныя мѣста тамъ ковырять и портить землю, — пока и тамъ земля эта не откажется служить ему.»

Переходя къ положенію народа въ этомъ году, Л. Л. Толстой замѣчаетъ:

«Покажется страннымъ если сказать, что,—хотя голода такого нѣтъ тамъ, какой былъ въ 1891—1892 году,—нужды въ народѣ стало больше. Но, въ сущности, это—именно такъ. Голодъ былъ отъ страшной засухи, отъ того, что хлѣба не было въ Россіи, и онъ былъ въ высокой цѣнѣ; нужда есть и усиливается отъ прогрессивно падающаго народнаго хозяйства, причины чего надо искать не въ цѣнахъ на хлѣбъ и засухахъ, а въ чемъ-то другомъ. И, чтобы остановить это быстрое разореніе крестьянства, надо не дождя, и не диференціальнаго тарифа, а перестройки условій жизни и хозяйства народныхъ, основанной на принципахъ разума и логики, а не кажущейся выгодѣ и рутинѣ. Какъ голода, такъ и болѣзней—вродѣ повальныхъ эпидемій тифа,—нѣтъ въ Бузулукскомъ уѣздѣ въ нынѣшнемъ году. Есть цынга, и ея довольно много,—цынга среди бѣднѣйшихъ жителей, какъ вѣрный признакъ ихъ хронической нужды и недоѣданія. Страшная эта болѣзнь! Страшнѣе тифа, холеры, чумы, страшнѣе всѣхъ болѣзней, которыя я знаю... Ножемъ рѣжетъ васъ по сердцу видъ этихъ больныхъ. И заболѣваютъ они цынгой не сразу. Много мѣсяцевъ, много лѣтъ, можетъ быть, ихъ организмы чахли и истощались, чтобы, наконецъ,—на высшей точкѣ этого истощенія,—стать жертвами свинцовыхъ кровоподтековъ, расшатанныхъ зубовъ и кровоточивыхъ десенъ. И вотъ, въ Патровской волости есть цынготные. Къ земскому врачу въ сосѣднемъ селѣ ежедневно приходитъ такіе больные, и къ веснѣ число ихъ все расло и растетъ.

«Я просилъ врача давать имъ отъ своего имени записки въ наши столовыя, по которымъ цынготные могли бы получать изъ нашихъ столовыхъ порціи горячей пищи.

«Когда я посѣтилъ одну изъ столовыхъ въ с. Патровкѣ, гдѣ дожидались меня голодные столующіеся, гдѣ кипѣлъ горячій кулешъ въ большомъ котлѣ и пахло вкуснымъ хлѣбомъ, я спросилъ у собравшихся, есть-ли въ селѣ больные...

«— Нѣтъ, этого нынѣче нѣтъ, слава Богу,—отвѣчали голоса.—Я спросилъ, нѣтъ-ли такихъ больныхъ, у которыхъ качаются зубы, болятъ десна. Худой мужикъ Ив. Кудринъ всталъ въ концѣ стола,—я узналъ его лицо по прошлому голодному году,—и сказалъ, что у него дома двѣ бабы жалуются на десны и что зубы у нихъ шатаются. Онѣ оказались цынготными. Толпа народа окружила меня въ столовой, прося и ихъ записать въ столовыя. Пришлось разбираться. Между тѣмъ, дѣти на рукахъ у матерей кричали, прося скорѣе кашки. Я сказалъ хозяину, чтобы наливали чашки, и черезъ минуту ѣда началась. Стали тепло благодарить меня. Я отвѣчалъ имъ, что «не меня благодарите, а добрыхъ людей». Старый солдатъ, сидѣвшій въ красномъ углу, всталъ и благодарилъ меня, говоря, что онъ не думалъ еще разъ увидаться.

Что особенно поразило меня въ Патровкѣ за это мое посѣщеніе ея, это количество сифилитиковъ. Вотъ цифры, зарегистрированныя земскимъ врачемъ въ журналѣ за періодъ послѣднихъ 4-хъ лѣтъ.

«Больныхъ сифилисомъ въ с. Патровкѣ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, всѣхъ—190 человѣкъ, изъ нихъ дѣтей—около 60-ти человѣкъ. Въ заразномъ періодѣ—дѣтей 44 человѣка. Можно себѣ представить по этимъ даннымъ, какую почву находитъ эта зараза для своего распространенія! Спрашивается, что же дѣлается для прекращенія этой болѣзни, для борьбы съ ней? — Ровно ничего. Единственное, что намъ пришлось сдѣлать, это выдавать сифилитикамъ пищу на дома, не пуская ихъ въ столовыя.

«Хуже всего то, что всѣ эти несчастные—въ то же время и голые, безнадежные бѣдняки. Вотъ кабы ихъ по настоящему пожалѣли благотворители, кабы ими занялись, это было бы истинно христіанское дѣло. Мнѣ хочется сказать здѣсь также нѣсколько словъ объ инородцахъ Самарской губерніи,—особенно же о татарахъ, какъ самыхъ слабыхъ изъ нихъ, среди которыхъ, какъ извѣстно, не въ одной Самарской губерніи, рѣзче всего выразилась въ нынѣшнемъ году нужда. Татарскій вопросъ у насъ—сложное дѣло, которымъ давно пора бы заняться и привести его въ порядокъ. Самарскій губернаторъ А. С. Брянчаниновъ справедливо говорилъ мнѣ нынѣшней зимой, что татары, предоставленные самимъ себѣ, не могутъ толкомъ справляться со своими землями. Надъ ними нуженъ постоянный контроль, руководство. Кабы приставить къ нимъ особыхъ блюстителей ихъ интересовъ, могущихъ сдавать ихъ земли и вообще ладить дѣла,—какъ были уже этому удачные примѣры въ той же Самарской губерніи,—существованіе татаръ могло бы рѣзко измѣниться къ лучшему. Въ борьбѣ же съ пройдохами, русскими кулаками, въ непосильной зависимости отъ нихъ, татары постоянно угнетены и всячески отъ нихъ терпятъ»...

Для характеристики деревни, Л. Л. разсказываетъ интересные факты о мѣстномъ земскомъ начальникѣ:

«Земскій начальникъ села Патровки, напримѣръ,—какъ мнѣ разсказывали и жаловались всѣ мѣстные жители поголовно,—сажаетъ мужиковъ въ холодную за то, что они не снимаютъ предъ нимъ шапокъ или не сворачиваютъ съ обозомъ съ дороги. Онъ отказалъ большинству крестьянъ въ сѣменной ссудѣ за то, что эти крестьяне пришли поговорить со мной о своей нуждѣ на сельскомъ сходѣ. Онъ,—вмѣсто того, чтобы выслушать мужика, пришедшаго къ нему за ссудой,—кричитъ письмоводителю гнать мужика «въ шею и въ морду»! Къ сожалѣнію, этотъ земскій начальникъ не понимаетъ того, зачѣмъ онъ приставленъ къ народу, и народъ поэтому заброшенъ, одинокъ и жалокъ... Уѣзжая изъ Патровки на станцію, я ѣхалъ съ ямщикомъ, молодымъ патровскимъ мужикомъ. Я спросилъ его еще разъ: правда-ли и возможно-ли, чтобы ихъ земскій начальникъ сажалъ въ холодную за то, что мужики не сворачиваютъ съ дороги съ обозомъ и не снимаютъ шапокъ?

«Мужикъ отвѣчалъ мнѣ:

«— Это онъ только своихъ крѣпостныхъ, которыми онъ владаетъ, а другихъ не трогаетъ.

«Бѣдные крѣпостные! Это слово было сказано парнемъ такъ наивно, такъ просто, что видно было, что онъ дѣйствительно убѣжденъ въ своей закрѣпощенности къ земскому начальнику и иначе не смотритъ на него.

«Стало быть, не перевелось еще у насъ крѣпостное право?

«Стало быть, не такъ, такъ иначе оно должно царствовать у насъ съ сажаніемъ на холодныя, съ тѣлеснымъ наказаніемъ и съ другими своими аттрибутами? Боже мой! какъ это грустно, какъ больно мнѣ было слышать слова

патровскаго добродушнаго парня, свободнаго гражданина земли русской, везшаго меня степью на станцію»..

Фабричные безпорядки. 17 декабря прошлаго года на Шлиссельбургскомъ трактѣ происходили фабричныя волненія, сопровождавшіяся столкновеніемъ съ чинами полиціи. Дѣло это разсматривалось въ с.-петербургской судебной палатѣ и приговоръ, напечатанный въ газетахъ и прочитанный при открытыхъ дверяхъ, гласитъ такъ:

29—31 марта 1899 г. с.-петербургская судебная палата слушала дѣло о крестьянахъ: Ѳедорѣ Филипповѣ, Алексѣѣ Денисовѣ Якушевѣ, Иванѣ Платоновѣ Маловѣ и др., въ числѣ 15 человѣкъ, обв. по 13 и 271 ст. ул. о нак.

Въ порядкѣ, закономъ установленномъ, названныя 15 обвиняемыхъ преданы суду с.-петербургской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, по обвиненію въ томъ, что въ ночь на 17 декабря 1898 года, въ селѣ Смоленскомъ, подъ Петербургомъ, при появленіи въ корпусѣ № 63 Петровско-Спасской бумагопрядильной мануфактуры чиновъ полиціи, намѣревавшихся арестовать проживавшихъ въ корпусѣ нѣсколькихъ человѣкъ рабочихъ этой мануфактуры, произведшихъ днемъ 15 декабря нападеніе на надзирателя сыскной полиціи, согласились между собою и съ другими, оставшимися необнаруженными рабочими, силой воспрепятствовать полиціи проникнуть въ означенный корпусъ и, размѣстившись съ этой цѣлью вмѣстѣ съ другими рабочими на лѣстницѣ и на ея площадкахъ, стали бросать въ чиновъ полиціи полѣнья дровъ, табуреты, ведра, куски желѣза и т. п. предметы, вслѣдствіе каковыхъ насильственныхъ дѣйствій поименованныхъ лицъ, помощникъ пристава шлиссельбургскаго участка Миссюнасъ, околоточный надзиратель Яковлевъ и 14 человѣкъ низшихъ чиновъ полиціи получили болѣе или менѣе значительные ушибы, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13 и 271 ст. улож. о нак.

На судебномъ слѣдствіи всѣ поименованные подсудимые виновными себя въ предъявленномъ имъ обвиненіи не признали.

Изъ числа допрошенныхъ на судѣ подъ присягою свидѣтелей, приставъ шлиссельбургскаго участка Барачъ, бывшій помощникъ его Миссюнасъ, начальникъ полицейскаго резерва Галле и нижніе полицейскіе чины, въ количествѣ 15 человѣкъ, показаніями своими установили слѣдующее. Въ ночь на 14-е декабря 1898 года на Спасско-Петровской бумагопрядильной мануфактурѣ, находящейся въ мѣстности, называемой «село Смоленское», Шлиссельбургскаго участка, гор. С.-Петербурга, были разбросаны воззванія, приглашавшія рабочихъ устроить немедленно забастовку, съ цѣлью добиться улучшенія нѣкоторыхъ условій работы. Подъ вліяніемъ этихъ воззваній всѣ рабочіе названной мануфактуры, въ числѣ болѣе 2.000 человѣкъ, 14 декабря, послѣ обѣденнаго перерыва прекратили работы и разошлись по домамъ; на слѣдующій день, 15 декабря, рабочіе съ утра стали собираться группами на улицѣ близъ фабрики и послѣ переговоровъ съ прибывшимъ вскорѣ фабричнымъ инспекторомъ Шевалевымъ начали мало по малу расходиться; въ это время нѣсколько человѣкъ рабочихъ, встрѣтивъ на улицѣ надзирателя сыской полиціи Васильева, набросились на него и стали его бить; проѣзжавшій случайно мимо околоточный надзиратель Брызга поспѣшилъ на помощь къ Васильеву и успѣлъ задержать одного изъ нападавшихъ на послѣдняго—крестьянина Андрея Алексѣева, остальные же рабочіе успѣли разбѣжаться. Будучи доставленъ въ управленіе шлиссельбургскаго участка, Алексѣевъ указалъ, какъ на соучастниковъ въ нападеніи на Васильева, на рабочихъ: проживавшихъ въ принадлежащемъ названной мануфактурѣ домѣ № 63, населенномъ семейными рабочими. Такъ какъ, кромѣ того, названныя лица были замѣчены въ числѣ зачинщиковъ стачки и забастовки рабочихъ, то приставъ Шлиссельбургскаго участка, ротмистръ Барачъ, получилъ отъ своего

начальства приказаніе задержать ихъ. Съ этою цѣлью приставъ Барачъ въ двѣнадцатомъ часу ночи на 17-е декабря командировалъ околоточныхъ надзирателей Черепенка и Панина съ нѣсколькими городовыми. Вскорѣ, однако, командированные чины полиціи вернулись въ участокъ и доложили приставу, что не могли исполнить даннаго имъ порученія, такъ какъ къ этому не допустили ихъ криками и угрозами побить рабочіе, живущіе въ домѣ № 63. Тогда приставъ командировалъ помощника своего штабсъ-капитана Миссюнаса, съ тѣми же околоточными надзирателями и болѣе многочисленнымъ нарядомъ городовыхъ; но и Миссюнасу не удалось войти въ домъ, въ виду крайне возбужденнаго состоянія рабочихъ, угрожавшихъ разными насиліями. Прибывшій на мѣсто приставъ Барачъ засталъ рабочихъ, расположившимися частью у крыльца дома № 63, частью на лѣстницѣ и у оконъ. Въ этомъ домѣ проживало рабочихъ мужчинъ и женщинъ, не считая дѣтей, свыше 700 человѣкъ. Всѣ окна дома были освѣщены, рабочіе же кричали, свистали, стоялъ общій гулъ, среди котораго иногда удавалось различить отдѣльныя угрозы и ругательства. Видя себя въ невозможности при такихъ обстоятельствахъ съ имѣвшимися въ его распоряженіи чинами полиціи исполнить приказаніе начальства о заарестованіи вышепоименованныхъ рабочихъ, приставъ Барачъ доложилъ объ этомъ по телефону градоначальнику. По распоряженію послѣдняго, на мѣсто прибыли усиленные наряды пѣшей и конной полиціи, въ количествѣ около 300 человѣкъ, и эскадронъ жандармовъ, а также полиціймейстеръ III отдѣленія подполковникъ Палибинъ, который и приказалъ пѣшему наряду полиціи занять домъ для водворенія порядка. Когда команда городовыхъ, подъ начальствомъ старшихъ чиновъ полиціи, направилась ко внутренней лѣстницѣ дома, то рабочіе, размѣстившись какъ на самой лѣстницѣ, такъ и на всѣхъ ея площадкахъ, стали бросать въ городовыхъ полѣнья дровъ, пустыя ведра, куски желѣза, табуреты и даже лили сверху горячую воду. Первая партія городовыхъ, человѣкъ около 30-ти, подвергаясь серьезной опасности и прикрываясь снятыми съ петель дверями отъ сыпавшихся градомъ полѣньевъ, успѣла добраться до первой площадки и занять первый этажъ дома; тѣмъ же путемъ были заняты затѣмъ полиціею и остальные четыре этажа, причемъ, при занятіи каждаго этажа рабочіе, живущіе въ немъ, разбѣгались по корридорамъ и укрывались въ своихъ комнатахъ. Лишь около 4-хъ часовъ утра полиціи удалось водворить въ домѣ порядокъ. Во время описаннаго восхожденія полиціи по лѣстницѣ, помощникъ пристава Миссюнасъ получилъ удары однимъ полѣномъ по ногамъ и другимъ по головѣ, вслѣдствіе чего у него закружилась голова, и онъ скатился по лѣстницѣ внизъ; фельдфебелю Нечипоренко была разсѣчена до крови бровь, околоточному надзирателю Яковлеву упавшимъ полѣномъ сильно ушибло ногу; кромѣ того, 13 человѣкъ городовыхъ получили болѣе или менѣе значительныя поврежденія головы, груди, ногъ и рукъ. Къ этому всѣ спрошенные чины полиціи добавили, что въ сопротивлявшейся толпѣ они въ лицо никого не примѣтили и не могутъ указать отдѣльныхъ участниковъ сопротивленія.

Обсудивъ изложенное, судебная палата находитъ, что въ описанныхъ дѣйствіяхъ рабочихъ, проживающихъ въ домѣ № 63 Спасско-Петровской мануфактуры, заключаются всѣ признаки явнаго, сопровождавшагося насильственными дѣйствіями, сопротивленія правительствомъ установленной власти, а именно чинамъ с.-петербургской городской полиціи, при отправленіи этими чинами должности, въ предѣлахъ, предоставленныхъ имъ по закону.

Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію названнымъ подсудимымъ слѣдуемыхъ имъ по закону наказаній, судебная палата находитъ, что на основаніи 271 ст. улож. о нак. виновные подлежатъ: или лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по 3, 4 или 5-й степени 31 ст. улож., или заключенію

въ тюрьмѣ на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ, на основаніи ст. 50 улож., правъ и преимуществъ, или же заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ;

что представляется правильнымъ для подсудимыхъ Филиппова, Якушева, Малова, Николаева, Птюшкина, Козлова и Дроздова избрать изъ указанныхъ въ 271 ст. наказаній—наказаніе по 1 степ. 36 ст. улож.;

что въ виду крайняго невѣжества названныхъ подсудимыхъ является справедливымъ понизить опредѣленное имъ наказаніе на двѣ степени и назначить таковое: Филиппову въ низшей мѣрѣ, а остальнымъ — въ средней, и именно заключить въ тюрьму: Ѳедора Филиппова на восемь мѣсяцевъ, а Алексѣя Якушева, Ивана Малова, Петра Николаева, Арсенія Птюшкина, Ефима Козлова и Ѳому Дроздова—на одинъ годъ каждаго,

и что въ отношеніи подсудимыхъ Ирины Шумилиной, Ирины Васильевой, Маріи Ястребовой и Елены Петровой представляется справедливымъ избрать изъ означенныхъ въ 271 ст. наказаній — наказаніе по 3 степ. 38 ст. улож., понизить это наказаніе, въ виду крайняго невѣжества подсудимыхъ на одну степень и, перейдя къ 1 степ. 39 ст ул., назначить имъ наказаніе въ низшей мѣрѣ, а именно подвергнуть ихъ, за силою 58 ст. улож., аресту при полиціи на три недѣли каждую.

Что же касается подсудимыхъ Василія Кириллова. Волкова, Арсенія Кузьмина Ястребова, Ивана Гаврилова и Григорія Адріанова Григорьева, то, имѣя въ виду, что основаніемъ къ преданію первыхъ трехъ суду послужили данныя на предварительномъ слѣдствіи показанія свидѣтелей Марка Иванова и Савватія Сорокина, удостовѣрившихъ, что названные подсудимые принимали непосредственное участіе въ сопротивленіи чинамъ полиціи въ ночь на 17-е декабря; что на судѣ, подъ присягою, Ивановъ и Сорокинъ заявили, что они ошибочно при слѣдствіи указали на этихъ лицъ, а что въ дѣйствительности они, свидѣтели, не видѣли ихъ въ числѣ сопротивлявшихся; что въ отношеніи Григорія Григорьева имѣется лишь показаніе свидѣтеля Егора Батурина, удостовѣрившаго только, что Григорьевъ вбѣжалъ въ его кухню вмѣстѣ съ подсудимымъ Дроздовымъ, и что это одно обстоятельство, при отсутствіи другихъ данныхъ, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ обвиненію Григорьева, — особое присутствіе судебной палаты признаетъ предъявленное къ подсудимымъ Василію Волкову, Арсенію Ястребову, Ивану Гаврилову и Григорію Григорьеву обвиненіе недоказаннымъ и всѣхъ ихъ въ приписываемомъ имъ по настоящему дѣлу преступленіи невиновными.

Еврейскіе безпорядки въ Николаевѣ. Корреспондентъ «Спб. Вѣдомостей» даетъ слѣдующую картину еврейскихъ безпорядковъ, происходившихъ въ Николаевѣ на Пасху.

«Безпорядки начались вечеромъ, 19 апрѣля. Первый день Св. Христова Воскресенья прошелъ мирно и тихо. Много толпилось пьяныхъ, галдѣвшихъ и пѣвшихъ; но это — обычное праздничное явленіе. Рабочіе скоплялись около винныхъ лавокъ. На второй день праздника св. Пасхи, близъ Сѣнной площади, толпа рабочихъ, собравшихся около винной лавки, затѣяла драку съ евреями, торговавшими содовой водой, папиросами и тому под. Рабочіе накидывались на евреевъ, били ихъ, переворачивали ихъ деревянныя будочки. Зачинщиками безпорядковъ были мальчуганы и подростки. Они забѣгали впередъ, бросали камни въ окна еврейскихъ домовъ, накидывались на попадавшихся евреевъ. Тѣ отбивались, защищались, какъ могли, прятались, запирали лавки, двери. Пьяная, дико ревущая толпа все росла и росла и запружала широкой лавиной всѣ улицы. Съ базара рабочіе шли густою толпою къ центру города, ломая и разбивая все,

что попадалось подъ рукою еврейскаго, разыскивая и разбивая еврейскія лавки, еврейскія квартиры. «Бей жидовъ, бей христопродавцевъ!»—слышались дикіе возгласы. Свистъ, гамъ нападающихъ, вопли и крики избиваемыхъ, грохотъ и гулъ отъ выбрасываемыхъ изъ оконъ мебели, рухляди и утвари... Стономъ стояли надъ городомъ дикіе возгласы разъяренной толпы. Впереди бѣжали мальчуганы, выискивая и высматривая еврейскія квартиры и лавки. Они-то и были застрѣльщиками и зачинщиками. За ними брела сплоченной массой толпа пьяныхъ рабочихъ, камни летѣли въ воздухѣ, стекла въ окнахъ въ мгновеніе ока разбивались въ дребезги, вылетали рамы, вышибались рамы. Толпа врывалась внутрь помѣщенія. Сверху летѣли столы, стулья, диваны, мелкій скарбъ. Внизу стоявшіе съ дикимъ крикомъ и гоготомъ набрасывались на выброшенные предметы, ломали ихъ, разрывали, разбивали на части. Летѣли дорогіе зеркала, ковры, диваны, кровати. При громкихъ кликахъ разъяренной толпы выброшено было со второго этажа піанино и сейчасъ же разбито, разломано вдребезги. Подушки и пуховыя перины разрывались и распарывались. Выпускать изъ нихъ пухъ доставляло громадное удовольствіе толпѣ. Пухъ разлетался далеко по вѣтру, устилая бѣлымъ покровомъ, словно снѣгомъ, тротуары улицъ.

«На первыхъ порахъ безпорядки застали врасплохъ полицію. Небольшой наличный составъ городовыхъ не имѣлъ возможности сдержать напоръ бушующей толпы. Рабочихъ были массы, они ходили сплоченной гурьбою. Неудержимымъ напоромъ тысячной толпы городовые были смяты, сбиты. Вечеромъ, 19 апрѣля, не принималось никакихъ серьезныхъ мѣръ противъ безпорядковъ, войскъ не было видно. Лишь дѣйствовали усиленные наряды городовыхъ да кое-гдѣ разъѣзжали казаки, которые ничего ровно не могли подѣлать противъ несмѣтной толпы, стоявшей стѣною и вплотную запружавшей улицы. Буянамъ было полное раздолье.

«Только 20 апрѣля вызваны были съ ранняго утра войска. Всѣ команды съ пароходовъ, казаки, резервный батальонъ призваны были къ охранѣ порядка. Вызванъ былъ изъ казармъ весь Прагскій полкъ. Участниковъ погрома начали арестовывать. Скопища разгоняли казаки. Въ тѣхъ улицахъ, гдѣ были еврейскія лавки и дома, ставили для охраны взводы солдатъ. Толпа оказывала слабое сопротивленіе воинскимъ командамъ. Летѣли въ солдатъ обломки мебели, камни но, затѣмъ, подъ натискомъ военной силы, толпа разбѣгалась во всѣ стороны, чтобы сплотиться вновь и продолжать дѣло разрушенія. Бушевавшихъ рабочихъ окружали, оцѣпляли со всѣхъ сторонъ казаки и загоняли во дворы полицейскихъ участковъ. При арестахъ было много ранено казаковъ и солдатъ. Нѣкоторые изъ нихъ были сбиты съ лошадей и получили серьезные ушибы въ голову камнями. Къ вечеру 20 апрѣля было арестовано около 800 чел. Безпорядки къ ночи прекратились.

«По городу разъѣзжалъ, окруженный казаками, и. д. Николаевскаго военнаго губернатора, контръ-адмиралъ Ѳедоровъ, полиціймейстеръ и др. власти.

«У воротъ полицейскихъ участковъ, гдѣ содержатся арестованные рабочіе, стояли толпами ихъ жены, родные. Бабы выли, причитали, ругались. Слышатся ругань, угрозы, въ ворота летятъ камни, комья грязи. На ихъ крики слышится шумный откликъ арестованныхъ во дворѣ. Николаевскія жены мастеровыхъ и рабочихъ представляютъ изъ себя типъ особаго уклада и повадки. Жены и дочери матросовъ, онѣ унаслѣдовали отъ моряковъ воинственность, необычайную крѣпость мускуловъ, смѣлость, отвагу. Николаевскія «дамы» съ любымъ мужчиной вступятъ въ рукопашный бой и неизвѣстно еще, на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Можно судить поэтому, какую осаду выдерживали полицейскіе участки со стороны женщинъ, выступившихъ на защиту арестованныхъ.

«Особенному разгрому подвергся домъ Либина, подрядчика по замощенію улицъ. Громилами были рабочіе другихъ конкуррентовъ Либина. У Либина

убытковъ тысячъ на 20. Либинъ спасся благодаря тому, что спрятался въ погребѣ. Грабежа не было, за исключеніемъ одного случая. Встрѣтивъ на улицѣ еврейку, толпа потребовала, чтобы она сняла съ пальцевъ 6 золотыхъ колецъ, что та и сдѣлала. Съ встрѣчавшимися евреями жестоко не расправлялись. Надъ ними больше издѣвались, хотя наносили и побои. 21-го апрѣля разгромили магазины на Сѣнной и базарѣ. Здѣсь уже таскали товары. Задерживали парней, на которыхъ было по нѣсколько костюмовъ. У иныхъ находили цѣлыя штуки товаровъ. 22-го апрѣля прибыли крестьне окрестныхъ деревень: Варваровки, Богоявленска, съ бабами и мѣшками. Прибыли «поживиться», но ихъ сейчасъ же выпроводили изъ города. По дорогѣ они разнесли сторожку при еврейскомъ кладбищѣ и повредили нѣкоторые памятники. Торговля въ городѣ прекращена. Магазины закрыты до 28-го апрѣля. Въ больницѣ нѣсколько раненыхъ. Арестованныхъ свыше 400 человѣкъ.»

Погромъ продолжался три дня. Убытки города простираются до 300 тыс. рублей. Большихъ несчастій съ людьми не было, но раненые камнями и притомъ раненые тяжело—есть. Убитъ одинъ еврей, принимавшій участіе въ грабежѣ и въ погромѣ еврейскаго дома.

Кстати, приведемъ слѣдующее изумительное извѣстіе, появившееся въ «Новомъ Времени»:

«Всѣ харьковскіе дачевладѣльцы обязаны уѣздною полиціей особыми подписками не отдавать ихъ дачъ въ наемъ лицамъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Исключеніе, по словамъ «Южн. Края», можетъ быть сдѣлано въ этомъ случаѣ только тѣмъ евреямъ, которые или сами больны, или же члены ихъ семейства, и по роду болѣзни, удостовѣренной врачемъ, нуждаются въ климатическомъ леченіи».

Воспоминанія о Салтыковѣ. 26 апрѣля исполнилось десятилѣтіе со дня смерти Михаила Евграфовича Салтыкова. Въ «Сынѣ Отечества» появились интересныя воспоминанія о немъ г-на Пантелѣева. Приведемъ нѣкоторые, наиболѣе интересные отрывки изъ этихъ воспоминаній. О появленіи «Губернскихъ очерковъ», г-нъ Пантелѣевъ, со словъ Салтыкова, разсказываетъ слѣдующее:

«Губернскіе очерки» М. Е. написалъ въ 1856 г. въ Петербургѣ, проживая въ Волковскихъ номерахъ (Б. Конюшенная), въ которыхъ съ давнихъ поръ привыкли останавливаться сибиряки и пріѣзжіе изъ сѣверо-восточныхъ губерній, смежныхъ съ Сибирью. Окончивъ «Губернскіе очерки», М. Е. прежде всего далъ ихъ прочитать А. В. Дружинину. Отзывъ Дружинина былъ самый благопріятный: «вотъ вы стали на настоящую дорогу: это совсѣмъ не похоже на то, что писали прежде».—Черезъ Дружинина «Губернскіе очерки» были переданы Тургеневу. Послѣдній высказалъ мнѣніе, прямо противоположное:—это совсѣмъ не литература, а чортъ знаетъ что такое!

Вслѣдствіе такого отношенія Тургонева къ «Губернскимъ очеркамъ», Некрасовъ отказался принять ихъ въ «Современникъ», хотя отчасти тутъ играли роль и цензурныя соображенія. Въ Петербургѣ провести ихъ почти не представлялось возможности. Выручилъ судьбу «Губернскихъ очерковъ» В. П. Безобразовъ, товарищъ по лицею М. Е., съ которымъ онъ былъ въ то время въ очень близкихъ отношеніяхъ, даже жили вмѣстѣ. В. П. Безобразовъ высоко цѣнилъ «Губернскіе очерки», и участвуя въ «Русскомъ Вѣстникѣ», переслалъ ихъ М. Н. Каткову, который сразу понялъ выдающееся значеніе «Губерскихъ очерковъ» и съ радостію согласился напечатать ихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Но безъ цензора Крузе первое крупное произведеніе М. Е. не скоро увидало бы свѣтъ, хотя съ треть все-таки было выкинуто. М. Е. не разъ говорилъ мнѣ, что корректуры безъ пропусковъ должны были сохраниться, но гдѣ—припомнить не могъ. Можетъ быть, онѣ и по сей день живы?

Къ слову о корректурахъ. М. Е. говорилъ (въ 1886 г.), что сохранились первоначальныя корректуры «Исторіи одного города», которая въ печати вышла съ большими сокращеніями. Гдѣ эти корректуры?

Необыкновенный успѣхъ «Губернскихъ очерковъ» подалъ мысль выпустить ихъ отдѣльнымъ изданіемъ, какъ только окончено печатаніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Это дѣло взялъ на себя М. Н. Катковъ. Отдѣльное изданіе разошлось быстро и дало М. Е. около 2.000 р.

— Этимъ я обязанъ Каткову; и вообще, за это время, могу только добромъ помянуть Каткова.

О своихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ Тургеневу, Салтыковъ разсказывалъ г. Пантелѣеву:—На литературномъ вечерѣ въ концѣ 1870 г. или началѣ 1871 г., устроенъ здѣшними французами въ пользу своихъ раненыхъ, я былъ, разсказывалъ М. Е., чтобы заявить свое сочувствіе французамъ. Тамъ встрѣтился съ Тургеневымъ, съ которымъ былъ не въ особенно дружественныхъ отношеніяхъ и даже иногда проходился на его счетъ. Завидя меня, Тургеневъ самъ подошелъ ко мнѣ и при этомъ далъ мнѣ оттискъ своей статьи о моей «Исторіи одного города» (кажется, статья была напечатана въ англійскомъ «Атенеумѣ»). Тургеневъ сравнивалъ меня съ Свифтомъ. Я недавно перечиталъ Свифта; хотя при изданіи и была статья В. Скотта, все-же трудно понимать безъ комментаріевъ; потому онъ на меня и не произвелъ особенно сильнаго впечатлѣнія.

— У насъ,—продолжалъ М. Е.—установилось такое понятіе о романѣ, что онъ безъ любовной завязки быть не можетъ, собственно это идетъ со времени Бальзака; ранѣе любовная завязка не составляла необходимаго условія романа, напр., Донъ-Кихотъ. Я считаю мои—«Современная идиллія», «Головлевы», «Дневникъ провинціала» и др. настоящими романами; въ нихъ, несмотря даже на то, что они составлены какъ-бы изъ отдѣльныхъ разсказовъ, взяты цѣлые періоды нашей жизни.

Возобновленныя въ 1871 г. отношенія съ Тургеневымъ еще болѣе скрѣпились съ 1875 году, когда М. Е. былъ за границей. Между ними происходила даже оживленная переписка.

У Тургенева въ Буживалѣ разъ М. Е. встрѣтился съ гр. Соллогубомъ, заранѣе просившимъ у Тургенева разрѣшенія прочитать ему свою новую пьесу. Началось чтеніе; въ пьесѣ было выставлено въ самомъ ужасномъ видѣ молодое поколѣніе; представители его являлись людьми, лишенными всякихъ нравственныхъ принциповъ, ворами, мошенниками. М. Е. нѣкоторое время слушалъ, хотя видно было, что пьеса Соллогуба глубоко возмущала его; наконецъ онъ не выдержалъ и разразился страшной бранью по адресу Соллогуба. Возбужденіе М. Е. дошло до высшей степени, и съ нимъ сдѣлался обморокъ. Все это такъ подѣйствовало на Соллогуба, что онъ тутъ же бросилъ свою пьесу въ каминъ.

Закрытіе «Отечественныхъ Записокъ» въ 1884 г. какъ громомъ поразило Салтыкова: въ первое время, говоритъ г. Пантелѣевъ, онъ даже опасался дальнѣйшихъ личныхъ непріятностей. Не задолго передъ тѣмъ я обратилъ вниманіе М. Е. на корреспонденцію въ «Daily News», въ которой М. Е. выставлялся, какъ глава республиканской партіи въ Россіи, очень хитро ведущій свои дѣла; при этомъ подробно разсказывалась фантастическая сцена обыска у него (легенда объ этомъ обыскѣ разнеслась по всей Россіи, хотя никакого обыска у М. Е. въ дѣйствительности никогда не было). М. Е. послалъ въ «Daily News» опроверженіе, справедливо указывая въ немъ, что никогда не стоялъ во главѣ какой-нибудь политической партіи, и всего менѣе республиканской, о которой въ Россіи никто и никогда не слыхалъ. Но ликвидація дѣла скоро отвлекла его вниманіе, и сначала казалось, что къ самому факту прекращенія журнала

онъ былъ нѣсколько равнодушенъ. Но когда все кончилось, онъ сталъ чувствовать своего рода одиночество, сиротство.

— Вы не можете себѣ представить,—говорилъ онъ,—какое для меня лишеніе, что я не могу ежемѣсячно говорить съ публикой и пригомъ, о чемъ хочу. Друзей у меня никогда не было (говоря такъ, М. Е., по меньшей мѣрѣ, забывалъ въ эту минуту о своихъ отношеніяхъ къ А. М. Унковскому, котораго въ душѣ считалъ самымъ близкимъ въ себѣ человѣкомъ); я жилъ только общеніемъ съ публикой. А теперь, какое одиночество! Въ «Вѣстникѣ Европы» меня печатаютъ («Пестрыя письма»—въ это время), но вѣдь я тамъ чужой, всѣ мои отношенія ограничиваются тѣмъ, что по временамъ ко мнѣ заѣзжаетъ Стасюлевичъ.

По закрытіи «Отечественныхъ Записокъ» М. Е. писалъ въ «Вѣстникѣ Европы», и «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Покойному П. А. Гайдебурову очень хотѣлось что-нибудь получить отъ М. Е. для книжекъ «Недѣли». Долго его покушенія были тщетны, наконецъ въ одну добрую минуту М. Е. далъ ему «Оброшеннаго», небольшую вещицу, но такую характерную и драгоцѣнную по автобіографическому значенію. М. Е., однако, скоро раскаялся въ своей уступчивости.

— Не мѣсто «Оброшенному» въ книжкахъ «Недѣли», кто его тамъ будетъ читать; чортъ знаетъ, какую глупость сдѣлалъ,

Дня черезъ три П. А. Гайдебуровъ пріѣзжаетъ къ М. Е. въ необычное время, вечеромъ. Сцена происходила при мнѣ.

— Вашъ разсказъ уже сверстанъ, только я думаю...—Тутъ П. А. нѣсколько замялся.

— Что жъ вы думаете, цензура не пропуститъ? — съ живостью прервалъ М. Е.

— Нѣтъ, въ цензурномъ отношеніи онъ не представляетъ никакихъ затрудненій. По моему, слѣдовало бы кое гдѣ сдѣлать нѣкоторыя редакціонныя поправки.

— Какого же рода?

— Встрѣчаются, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ удачныя выраженія, напр...— и тутъ Гайдебуровъ указалъ на нѣкоторыя слова, которыя, по его мнѣнію, лучше было бы замѣнить другими, и даже указалъ какими.

Я ожидалъ взрыва со стороны М. Е.; къ удивленію, тотъ сдержался и только сухо отвѣчалъ.

— Не вижу никакой надобности измѣнять.

— Я вамъ завтра пошлю корректуру и отмѣчу мѣста, на которыя сейчасъ указывалъ,—закончилъ П. А. и съ этими словами откланялся.

Я тоже хотѣлъ сдѣлать, но М. Е. меня удержалъ.

— Нѣтъ, вы только подумайте: Гайдебуровъ вздумалъ меня исправлять! Я возьму назадъ «Оброшеннаго».

М. Е. такъ и сдѣлалъ; никакія просьбы Гайдебурова не перемѣнили его рѣшенія. Впослѣдствіи онъ далъ ему совсѣмъ незначительную вещь «Полковницкую дочь», да еще сказку «Неумытый трезоръ». Содержаніе послѣдней показалось П. А. не совсѣмъ понятнымъ, но, наученный опытомъ, онъ уже никакихъ разговоровъ съ М. Е. не заводилъ по этому поводу.

Интересенъ также разговоръ Салтыкова о его незаконченныхъ сказкахъ.

Не всѣ «сказки», задуманныя М. Е., онъ записалъ; случалось, что болѣзненное состояніе усиливалось и обрывало тему, которую онъ начиналъ обдумывать; становилось лучше—онъ брался за что-нибудь новое.

— У меня почти готовы три сказки; давно собираюсь по поводу одной изъ нихъ переговорить съ вами. Въ ней я переношу сцену дѣйствія въ Сибирь, и мнѣ хотѣлось бы знать, какое впечатлѣніе производитъ то время,

когда круглый день стоитъ ночь, а потомъ, наоборотъ.—Я не могъ удовлетворить любопытству М. Е., такъ какъ сѣвернѣе 63° не жилъ въ Сибири.

— Но почему васъ это интересуетъ?

— Дѣло въ томъ, что въ одной сказкѣ я вывожу личность, которая живетъ въ большомъ городѣ, принимаетъ сознательное и дѣятельное участіе въ ходѣ общественной жизни, сама на него вліяетъ, и вдругъ, по мановенію волшебства, оказывается среди сибирскихъ пустынь. Первое время она живетъ продолженіемъ тѣхъ интересовъ, которые только что вчера ее волновали, чувствуетъ себя, какъ бы въ средѣ борющихся страстей; но постепенно образы начинаютъ отодвигаться вдаль, какой-то туманъ спускается, вотъ едва выступаютъ очертанія прошлаго, наконецъ, все исчезаетъ, воцаряется мертвое молчаніе. Лишь изрѣдка въ непроглядную ночь слышится звонъ колокольчика проѣзжей тройки, и до него долетаютъ слова: «ты все еще не исправился?»

Но эта сказка никогда не было закончена; о ней потомъ М. Е. даже позабылъ.

«Тяжело было видѣть, говоритъ Пантелѣевъ, какъ физически страдалъ М. Е.; въ письмахъ его постоянно встрѣчаются строки, вродѣ слѣдующихъ: «...голова такъ слаба, что рѣшительно ничего не могу дѣлать. Вѣчный шумъ, точно прибой волнъ. Боюсь сойти съ ума», (29 мая 1887 г.); «...я чувствую себя ужасно. Каждое утро встаю съ мыслью: не лучше ли застрѣлиться». (5 іюня 86 г.).

Но еще тяжелѣе было слушать, когда онъ высказывалъ свои душевныя боли. Постепенно онъ сталъ приходить къ убѣжденію, что его болѣзнь хроническая, а не временный недугъ.

— Вы только подумайте, что мнѣ, можетъ быть, придется прожить нѣсколько лѣтъ, ничего не читая, не работая, не позволяя себѣ думать о чемъ-нибудь серьезномъ. Бываютъ минуты, что я боюсь сойти съ ума, да вѣрно этимъ и кончу. Мое положеніе ужасно: ни читать, ни писать не могу, цѣлый день думаю о пустякахъ; по временамъ находитъ такое странное физическое состояніе, что я долженъ употреблять всѣ усилія, чтобы подавить его.

— До сихъ поръ,—говорилъ въ другой разъ М. Е.,—я не зналъ, что такое тоска, бывало скучно и только. А теперь, я ношу въ себѣ эту тоску, какъ нѣчто постоянное, она не покидаетъ меня ни на минуту и угнетаетъ мое душевное состояніе окончательно. И вмѣстѣ съ тѣмъ, малѣйшіе пустяки, не стоющіе никакого вниманія, раздражаютъ меня (примѣръ—прислуга, собирающаяся выйти замужъ, да еще не ранѣе, какъ черезъ полгода). И этотъ шумъ, вѣчный звонъ въ ушахъ! вотъ цѣлую недѣлю гудитъ въ ушахъ—«Вдоль по улицѣ метелица мететъ», тутъ навѣрно сойдешь съ ума.

Пушкинская выставка. Въ академіи наукъ съ 15 мая по 25 была устроена Пушкинская выставка, описаніе которой, болѣе обстоятельное, заимствуемъ изъ газеты «Россія».

Матеріалы распредѣлялись по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) автографы, фотографическіе снимки съ автографовъ, какъ самого А. С. Пушкина, такъ и его ближайшихъ родныхъ, т. е. отца, матери, сестры—О. С. Павлищевой, и брата, Льва Сергѣевича; 2) журналы, издававшіеся при жизни Пушкина; 3) печатныя изданія его сочиненій до 1887 г., когда творчество великаго поэта сдѣлалось достояніемъ всей Россіи; 4) альманахи, альбомы и сборники иллюстрацій; 5) предметы, принадлежавшіе А. С. Пушкину или освященные памятью о немъ. Шестой и самый обширный отдѣлъ портретовъ и видовъ распадается на слѣдующія группы: портреты А. С. Пушкина; его изображенія въ скульптурѣ; виды мѣстностей и зданій связанныхъ съ его именъ; портреты родственниковъ; портреты, относящіеся къ лицейскому періоду; портреты современныхъ Пушкину

особъ царствующаго дома; портреты его начальниковъ; портреты дамъ, съ которыми онъ былъ закомъ и которыми такъ или иначе интересовался; портреты товарищей, друзей и современныхъ ему литераторовъ; портреты актеровъ, художниковъ и музыкантовъ пушкинскаго періода; портреты критиковъ, посвящавшихъ свои труды произведеніямъ А. С. Пушкина.

Четыре рукописи Пушкина доставлены изъ Императорской публичной библіотеки, въ томъ числѣ записная тетрадь начала двадцатыхъ годовъ, принадлежавшая первоначально опекуну дѣтей поэта, Н. И. Тарасенко-Отрѣшкову. Вторая рукопись озаглавлена: «Комедія о Царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ». Какое значеніе придавалъ этому труду геніальный авторъ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ собственноручно сдѣланная имъ въ концѣ приписка: «3-го ноября 1825 г. конецъ комедіи въ ней же первая персонала царь Борисъ Годуновъ. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу Аминь». Весьма любопытна записная книжечка, относящаяся ко времени путешествія Пушкина въ Оренбургъ, въ 1833 г., и поступившая въ публичную библіотеку въ 1889 г. съ бумагами покойнаго А. А. Краевскаго, издателя «Отечественныхъ Записокъ» и «Голоса». На семи листкахъ книжки занесены матеріалы къ «Исторіи пугачевскаго бунта», замѣтки о самозванцѣ, отрывки изъ пѣсенъ о Пугачевѣ и разные рисунки, среди которыхъ выдѣляется видъ Смоленской горы съ домомъ историка Карамзина въ Симбирскѣ. Четвертая рукопись, «Сказка о золотомъ пѣтушкѣ», также снабжена русункомъ самого поэта, набросаннымъ чернилами въ видѣ заглавной виньетки. Рисунки Пушкина, выполненные большею частью весьма старательно, встрѣчаются, вообще, въ его рукописяхъ очень часто и представляютъ тѣмъ большій интересъ, что воспроизведена въ печати лишь ничтожная доля ихъ. Трудно понять, почему эта обильная область пушкинскаго образнаго творчества еще не нашла издателя.

Много рукописей Пушкина доставлено Л. Н. Майковымъ и его супругою, А. А. Майковой. Не перечисляя подробно автографовъ этого собранія, отмѣтимъ лишь наиболѣе выдающіеся: черновая знаменитой пьесы «Царъ напрасный, царъ случайный» (26-го мая, 1828 г.), написанной болѣзненнымъ, неровнымъ, несвойственнымъ Пушкину почеркомъ, вполнѣ гармонирующимъ съ пессимистическимъ настроеніемъ стихотворенія; черновой набросокъ стихотворенія: «Нѣтъ я не льстецъ, когда царю хвалу свободную слагаю»,—на оборотѣ наброска занесено четвертостишіе:

«Милый другъ! Отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ, новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранитъ мой талисманъ».

Подъ четвертостишіемъ Пушкинъ пять разъ оттиснулъ на сургучѣ свой перстень—талисманъ; отрывокъ изъ частью не напечатаннаго еще дневника Пушкина, начинающійся словами: «Вчерашній день былъ для меня замѣчателенъ» и помѣченный 15 октября 1827 года; рукописи многихъ лирическихъ стихотвореній, собственноручные перечни стихотвореній Пушкина, письма его, сдѣланная рукой поэта помѣтка на заглавномъ листѣ Брюсова календаря, списанный Пушкинымъ указъ Пугачева, рисунки поэта и пр.

Изъ остафьевскаго архива князей Вяземскихъ доставлена, въ числѣ другихъ автографовъ, графомъ С. Д. Шереметевымъ статья кн. П. А. Вяземскаго «О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова», съ собственноручными замѣчаніями на нее Пушкина. Какъ чутко подмѣчалъ онъ всякую фальшь въ искусствѣ, характерно свидѣтельствуетъ сдѣланная имъ карандашная помѣтка противъ слѣдующей тирады кн. Вяземскаго: «Вотъ одна трагическая сторона поэмы Озеровой! Онъ съ искусствомъ умѣлъ противопоставить мрачному и злобному Старну, таящему въ глубинѣ печальной души преступныя надежды, взаимную и про-

стосердечную любовь двухъ чадъ природы, искренность Моины, благородство и довѣрчивость Фингала, и сочеталъ въ одной картинѣ краски *добродѣтельной* страсти, владычествующей прелестью очарованія своего въ сердцахъ невинныхъ, съ мрачными красками угрюмой и кровожадной мести, и хитрость злобной старости съ довѣрчивою смѣлостью добродѣтельной молодости». Пушкинъ подчеркнулъ карандашемъ отмѣченное курсивомъ слово «добродѣтельной» и написалъ сбоку: «Противуположности характеровъ вовсе не искусство—но пошлая пружина французской трагедіи!» Критическимъ чутьемъ своимъ онъ на голову переросъ даже даровитыхъ современниковъ, выработавъ въ себѣ безошибочное мѣрило художественной красоты, благодаря которому замѣчалъ всякое уклоненіе отъ естественности, не обольщаясь и столь яркимъ геніемъ, какъ Данте. Извѣстныя пародіи его на «Божественную Комедію», обличающія чрезмѣрную сгущенность красокъ пародируемаго подлинника, служатъ доказательствомъ необычайной проникновенности эстетическаго пониманія великаго поэта.

Утонченнымъ благородствомъ дышатъ строки, внесенныя Пушкинымъ въ выставленный тутъ-же альбомъ директора лицея Э. А. Энгельгардта, въ который лицеисты вписывали свои имена при выпускѣ: «Пріятно мнѣ думать, что увидя въ книгѣ вашихъ воспоминаній и мое имя между молодыхъ людей, которые обязаны вамъ щастливѣйшимъ годомъ жизни ихъ, вы скажете: въ лицеѣ не было неблагодарныхъ». Альбомъ съ этой драгоцѣнной для характеристики поэта надписью составляетъ собственность барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена.

Изъ собственной библіотеки Государя Императора доставлено два документа; письмо А. С. Пушкина П. А. Плетневу, написанное въ мартѣ 1826 г. Оно начинается словами: «Карамзинъ боленъ—милый мой, это хуже многаго; ради Бога, успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты».

Второй документъ—не воспроизведенная еще въ печати французская записка Пушкина къ Соломирскому слѣдующаго содержанія: «A l'instant si vous le desirez, venez avec un temoin. 15 Avr. P.».

Записка относится къ 1827 г, и припечатана перстнемъ «талисманомъ». Вызовъ, о которомъ въ ней говорится, не состоялся.

Тутъ же 21 листъ съ рисунками П. П. Соколова къ повѣсти Пушкина «Капитанская дочка». Прекрасно выполненные карандашомъ рисунки даровитаго художника составляютъ истинное украшеніе отдѣла иллюстрацій къ сочиненіямъ А. С. Пушкина.

Отъ президента академіи наукъ устроители выставки удостоились получить замѣчательный экземпляръ первыхъ шести главъ «Евгенія Онѣгина» изданныхъ 1825—1828 гг., съ проклеенными между страницъ листками бѣлой бумаги, на которыхъ рукою А. С. Пушкина сдѣланы поправки. Кромѣ поправокъ, на этихъ листкахъ имѣются прекрасныя иллюстраціи къ тексту, нарисованныя самимъ поэтомъ. Такъ, напримѣръ, противъ словъ: «Она звалась Татьяной» набросана очаровательная героиня романа; противъ описанія сна Татьяны, нарисованы разныя чудовища—ракъ верхомъ на паукѣ, чертенята въ разныхъ позахъ и пр. Кромѣ того отъ президента академіи доставлены два автографа А. С. Пушкина: посланіе къ поэту—слѣпцу И. И. Козлову, 1825 г. (начинающееся словами: «Пѣвецъ! Когда передъ тобой...») и сонетъ «Не множествомъ картинъ безсмертныхъ мастеровъ», вписанный Пушкинымъ, въ Москвѣ, 30 августа 1830 г., на страницѣ 185—186 альбома, принадлежавшаго Юрію Никитичу Бартеневу. Посланіе къ Козлову пріобрѣтено отъ дочери автора «Чернеца», понынѣ живущей въ С.-Петербургѣ.

Отъ младшаго сына поэта, Григорія Александровича Пушкина, на выставку ожидаются изъ села Михайловскаго билліардные шары, которыми игралъ поэтъ, и его сабля. Этимъ присыломъ пополнится весьма любопытная витрина вещей принадлежавшихъ А. С. Пушкину.

Изъ прочихъ достопримѣчательностей отдѣла автографовъ слѣдуетъ указать на доставленную Е. Я. Гротомъ рукопись перваго стихотворенія Пушкина «О, Делія драгая...», написаннаго въ 1812 г., когда юному поэту исполнилось лишь 12 лѣтъ,—на автографъ французскихъ стиховъ «Mon portrait» (1814 г.), принадлежащій Е. Д. Куломзиной, письмо Пушкина 1836 г. къ барону Геккерену-отцу, на французскомъ языкѣ, альбомъ П. А. Осиповой, съ выписаннымъ на 85-й стр. посвященнымъ ей стихотвореніемъ «Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ...»

П. Я. Дашковымъ доставлены автографы родственниковъ А. С. Пушкина: письмо матери поэта, Надежды Осиповны Пушкиной. 1827 г., французскіе стихи отца его, Сергѣя Львовича Пушкина, и французскіе стихи сестры—Ольги Сергѣевны Павлищевой. Изъ обильной коллекціи А. А. Майковой, супруги вице-президента академіи наукъ, выставлено письмо Сергѣя Львовича Пушкина отъ 16-го апрѣля 1830 г. къ сыну, касающееся женитьбы поэта на Н. Н. Гончаровой.

Пушкинъ въ сельскомъ населеніи. Ярославскій статистическій комитетъ предпринялъ изслѣдованіе вопроса, приняты ли сочиненія Пушкина въ народную массу и какъ они тамъ читаются. Результаты этого изслѣдованія сообщаются въ интересной статьѣ г. Свирщевскаго, напечатанной въ «Курьерѣ».

«Изслѣдованіе показало, что почти въ половинѣ школьныхъ районовъ Ярославской губерніи не оказалось «тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ признаковъ знакомства населенія (взрослаго) съ Пушкинымъ». Другими словами: Пушкинъ остается далеко не общеизвѣстнымъ писателемъ даже въ селеніяхъ, ближайшихъ къ школѣ. Такъ обстоитъ дѣло въ губерніи, которая въ данномъ отношеніи находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Грамотность въ Ярославской губерніи стоитъ выше, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Россіи, исключая однѣ прибалтійскія губерніи.

Но въ тоже время по подсчету оказалось, что въ 245 школьныхъ районахъ взрослое населеніе и подростки пользуются для чтенія сочиненіями Пушкина изъ различныхъ источниковъ; въ 160 районахъ, на $^3/_4$ не совпадающихъ съ вышеуказанными 245, крестьянское населеніе на собственныя средства пріобрѣтаетъ сочиненія Пушкина. Такимъ образомъ, приблизительно въ половинѣ школьныхъ районовъ или, иначе, на протяженіи приблизительно половины Ярославской губерніи Пушкинъ извѣстенъ крестьянскому населенію, по крайней мѣрѣ, тѣми или иными своими произведеніями.

Отношеніе населенія къ возможности пользоваться произведеніями Пушкина и отзывы его о тѣхъ произведеніяхъ, которыя приходилось ему читать, не одинаковы. Есть нѣсколько отвѣтовъ по губерніи, по 2—3 въ каждомъ уѣздѣ, которые сообщаютъ, что сочиненія Пушкина не нравятся крестьянамъ, не доступны ихъ пониманію, рѣдко берутся и не особенно охотно читаются ими. Иногда съ особенной силой указывается на непривычку крестьянъ къ чтенію произведеній въ стихотворной формѣ. Всѣ эти случаи, конечно, объясняются тѣми же причинами, которыя лежатъ въ основаніи всѣхъ отрицательныхъ показаній. Но въ большинствѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ оказывается, что для всѣхъ сколько-нибудь подготовленныхъ школьнымъ обученіемъ людей все, написанное Пушкинымъ, является вполнѣ доступнымъ, очень интересуетъ читателей, производитъ на нихъ глубокое впечатлѣніе и составляетъ любимое чтеніе.

Учителя, къ которымъ обращался со своимъ запросомъ статистическій комитетъ, сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія объ отношеніи читателя изъ народа къ Пушкину:

«Крестьяне интересуются сочиненіями Пушкина и добиваются имѣть ихъ у себя въ семьѣ». —«Сочиненія Пушкина еще мало проникли въ народную массу, но разъ Пушкинъ попалъ въ ея среду, то онъ читается и усваивается наро-

домъ, какъ вполнѣ родной ему народный поэтъ».—«Всѣ, кто читалъ что-либо изъ сочиненій Пушкина, говорили, что хорошо».—«Въ тѣхъ домахъ, гдѣ они имѣются, сочиненія Пушкина читались охотно, видимо, съ интересомъ. Нравится и содержаніе, и звучность, всегда говорилось съ восторгомъ о стихахъ его и о простотѣ и задушевности разсказовъ».—«Замѣчается, что живость фантазіи въ твореніяхъ Пушкина и реальность изображенія въ нихъ бытовой стороны жизни завлекаетъ часто сельчанина въ пользу поэта, и онъ съ удовольствіемъ читаетъ и даже воспроизводитъ въ своихъ пѣсняхъ его сочиненія».

«Изъ Курбевой народной библіотеки-читальни и взрослые, и подростки охотно берутъ и читаютъ Пушкина, особенно повѣсти Бѣлкина», «Бориса Годунова», «Евгенія Онѣгина», «Кавказскаго плѣнника», «Мѣднаго всадника». Приходилось слышать, какъ подростки рекомендуютъ другъ другу то или иное произведеніе Пушкина, говоря: «возьми это, я читалъ: это хорошо и все тутъ понятно». Возвращая книги въ читальню, многіе съ восхищеніемъ говорятъ о стихотвореніяхъ, въ которыхъ Пушкинъ рисуетъ русскую природу. Вообще замѣтно, что Пушкинъ читается съ интересомъ, языкъ его произведеній легокъ для читающихъ, поэзія его доступна имъ и увлекаетъ ихъ».

«Сочиненія Пушкина читаются съ большимъ интересомъ; это видно изъ того, что нѣкоторые по нѣскольку разъ перечитываютъ одно и то же сочиненіе». «Изъ Богословскаго земскаго училища взрослые пользуются для чтенія сочиненіями Лермонтова, Крылова, Тургенева и Пушкина; изъ сочиненій послѣдняго болѣе читаются т. I, II и VI. Взрослые и подростки очень часто обращаются съ просьбой дать имъ Пушкина».

«Среди лицъ, пользующихся книгами вятской читальни, есть не мало и такихъ читателей, которые интересуются Пушкинымъ и прочитываютъ всѣ его произведенія».—«Изъ середской библіотеки вовсе не требуются стихотворенія Пушкина; во все время существованія библіотеки (2 года) было 5—6 случаевъ требованія ихъ крестьянами. Повѣсти же, особенно «Капитанская дочка», и «Исторія пугачевскаго бунта», берутся крестьянами крайне охотно и читаются ими съ увлеченіемъ».

«Пушкинъ нравится народу; это видно изъ того, что его стихотворенія, выученныя дѣтьми въ школѣ, часто повторяются ими въ юношескомъ возрастѣ. А «Капитанская дочка» прочитана съ удовольствіемъ всѣмъ грамотнымъ населеніемъ».

«Сказки Пушкина, которыя находятся въ библіотекѣ, нравятся и взрослымъ. Послѣдніе не разъ спрашивали почитать повѣсть «Капитанскую дочку», и я доставалъ ее у попечительницы школы; еще взрослые и подростки интересуются поэмой «Полтава», которую я давалъ изъ своихъ книгъ. Одинъ, читавшій «Капитанскую дочку», отозвался съ особымъ выраженіемъ въ голосѣ: «ну хороша книжка», а такъ онъ говорилъ только о классическихъ произведеніяхъ. Очень интересными крестьяне называютъ также сказки, «Бориса Годунова» и «Полтаву». Одинъ, прочитавшій «Евгенія Онѣгина», на вопросъ: каковъ же былъ человѣкъ Онѣгинъ, отвѣчалъ: «да это былъ какой-то пустозвонъ». Ну, а понравился ли весь этотъ разсказъ о немъ?—«Нѣтъ, въ немъ ничего нѣтъ хорошаго и нестоило читать».

«Мнѣніе крестьянъ о Пушкинѣ трудно выразить, но случалось иногда слышать: Пушкинъ—первый сочинитель, очень умный, Императоръ Николай I часто бесѣдовалъ съ нимъ; онъ первый подалъ «прошеніе» объ освобожденіи крестьянъ. Крестьянинъ Алексѣевъ (порядочно начитанный—50 лѣтъ) по какому-то разговору со мною очень удачно продекламировалъ: «хвалу и клевету пріемли равнодушно и не оспаривай глупца».—Это откуда же?—спрашиваю. «Неужели не знаете? Пушкинъ». Оказывается, онъ хорошо знакомъ съ его сочиненіями, и видно, что и въ пошехонскіе края проникъ духъ Пушкина».

*

«Въ веретейской библіотекѣ не разъ приходилось слышать очень лестные отзывы объ историческихъ и повѣствовательныхъ сочиненіяхъ Пушкина, очень увлекаются повѣстями его подростки, 17—18 лѣтняя молодежь. Въ нашей мѣстности фамилія великаго поэта стала нарицательной всѣхъ вообще художественныхъ произведеній, и очень часто приходилось слышать просьбу, чтобы была дана книга изъ «сочиненій Пушкина» о двѣнадцатомъ годѣ или вообще историческая, при чемъ подразумѣваютъ сочиненія Л. Н. Толстого или Полевого».

«Пришлось мнѣ усмотрѣть въ одномъ домѣ моего прихожанина полное собраніе сочиненій Пушкина. «Это сынъ мой читаетъ, купилъ ихъ въ Петербургѣ». Повидавшись съ сыномъ, я узналъ отъ него, что онъ прочиталъ всѣ сочиненія Пушкина и многія знаетъ наизустъ».

Но лучшимъ доказательствомъ популярности Пушкина служитъ пріобрѣтеніе его сочиненій самими крестьянами. Пріобрѣтаются населеніемъ всего охотнѣе, во-первыхъ, тѣ сочиненія, на которыя предъявляетъ требованія учащаяся молодежь, т. е. сказки Пушкина, затѣмъ нѣкоторыя произведенія, имѣющіяся въ отдѣльныхъ дешевыхъ изданіяхъ—особенно «Капитанская дочка», «Дубровскій», повѣсти, «Исторія пугачевскаго бунта», «Полтава», но не рѣдко также и «Борисъ Годуновъ», «Каменный гость», «Скупой рыцарь», «Кавказскій Плѣнникъ», «Цыгане», и, наконецъ, довольно часто и полныя собранія сочиненій Пушкина. Крайне неблагопріятныя условія книжной торговли въ уѣздахъ, т. е. отсутствіе книжныхъ лавокъ и складовъ, полученіе книгъ чрезъ посредство разносчиковъ, придерживающихся обыкновенно старыхъ рамокъ лубочной литературы, обусловливаютъ очень часто совершенно случайный характеръ книжныхъ покупокъ. Вообще здѣсь наблюдаются различныя степени сознательности въ пріобрѣтеніи именно сочиненій Пушкина крестьянами. Иногда, на толкучкѣ въ Ярославлѣ, на сельскихъ базарахъ, на ярмаркахъ, у ходебщиковъ-офеней, вмѣстѣ съ другими лубочными изданіями разнообразнаго содержанія попадаются имъ въ руки, прельщая картинкой на своей оберткѣ, «никольскія» изданія Пушкина, прежде всего сказки. Въ другихъ случаяхъ это пріобрѣтеніе совершается уже подъ вліяніемъ школы, по просьбѣ учениковъ. «Если что можно встрѣтить изъ сочиненій Пушкина въ крестьянскомъ домѣ,—пишетъ одинъ учитель, и тоже повторяется многими другими,—то это его сказки или повѣсти, и книжки эти всегда оказывались купленными или самими школьниками, или по ихъ желанію и выбору. Наконецъ, имѣется и много указаній на совершенно сознательное стремленіе крестьянъ къ пріобрѣтенію сочиненій Пушкина, какъ своего любимаго писателя». «Встрѣчаются изъ числа бывшихъ моихъ учениковъ, пишетъ одинъ учитель, любители поэзіи вообще, и есть между ними такіе, которые большое предпочтеніе отдаютъ Пушкину и имѣютъ свои книги этого поэта». Многіе обращаются съ просьбой выписать для нихъ сочиненія Пушкина къ школьнымъ учителямъ; такъ, напримѣръ, по сообщенію учителя глѣбовскаго 2-класснаго училища въ рыбинскомъ уѣздѣ, имъ одновременно, при выходѣ въ свѣтъ дешеваго изданія полнаго собранія сочиненій Пушкина, было выписано для крестьянъ 8 экземпляровъ; многіе имѣютъ болѣе или менѣе полно составленныя библіотечки, содержащія въ себѣ произведенія лучшихъ русскихъ писателей, среди которыхъ обыкновенно почетное мѣсто занимаютъ произведенія Пушкина; многіе изъ отхожихъ промышленниковъ привозятъ съ собой изъ Петербурга и другихъ городовъ его сочиненія, а иногда снабжаютъ ими своихъ родственниковъ, оставшихся въ губерніи. Этотъ послѣдній фактъ присылки родными произведеній Пушкина изъ столицы, объяснять-ли его запросомъ со стороны остающихся на мѣстѣ, или желаніемъ отсутствующихъ дать своей семьѣ дорогой подарокъ, — одинаково указываетъ уже на совершенно осмысленное отношеніе населенія къ нашему народному поэту и является высоко-знаменательнымъ.

VII-й Пироговскій съѣздъ русскихъ врачей.

Въ седьмой разъ собираются для обсужденія насущныхъ вопросовъ своей спеціальности русскіе врачи, поставившіе на своемъ знамени славное имя незабвеннаго Н. И. Пирогова, врача-просвѣтителя, врача-философа. Мѣстомъ послѣдняго съѣзда общества русскихъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова или, какъ его называютъ короче, пироговскаго съѣзда было избрано, согласно рѣшенію VI-го кіевскаго съѣзда. Казань, старая, экономически-захудалая Казань, по выраженію казанскаго городскаго головы, привѣтствовавшаго врачей на первомъ общемъ собраніи.

Число участниковъ съѣзда—всего около 600 чел.—оказалось значительно меньшимъ, чѣмъ на предъидущихъ съѣздахъ, что отчасти объясняется дальностью Казани и неудобствомъ путей сообщенія. отчасти неудачнымъ выборомъ времени для съѣзда, а главнымъ образомъ, сильно распространенными сейчасъ эпидеміями тифа, цынги и проч, заставившими многихъ врачей остаться на мѣстахъ своего настоящаго служенія.

Изъ 600 врачей,—участниковъ съѣзда, на долю Казани приходится болѣе 100 человѣкъ, остальные-пріѣзжіе—преимущественно земскіе врачи и больше всего изъ Поволжья. Представителей клиники, каѳедры было, сравнительно съ прежними съѣздами, мало и этимъ обстоятельствомъ до извѣстной степени объясняется то, что научная сторона съѣзда уступала мѣсто вопросамъ практическимъ, имѣющимъ общественно-бытовой характеръ. Земскій врачъ, въ силу условій своей жизни, вдали отъ библіотекъ, лабораторій, клиникъ, заваленный и подавленный чрезмѣрной работой и тяжелыми впечатлѣніями текущей дѣйствительности, въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишенъ возможности, при всемъ желаніи, предаваться научнымъ рабочамъ, требующимъ, помимо надлежащей обстановки, душевнаго покоя и отрѣшенности отъ жизни, ежеминутно приводящей земскаго врача въ столкновеніе съ окружающей темнотой, голодомъ и холодомъ... Надо, впрочемъ, замѣтить, что вообще обсужденіе научныхъ вопросовъ въ большихъ собраніяхъ представляется крайне затруднительнымъ: нельзя поднятіемъ рукъ притти къ окончательному рѣшенію по какому-либо научному вопросу. Въ данномъ случаѣ мнѣніе большинства далеко не всегда будетъ самымъ близкимъ къ истинѣ.

Собравшись въ городѣ, принадлежащемъ къ одной изъ пострадавшихъ отъ неурожая губерній, врачи не могли не отдать значительную часть вниманія и времени вопросу о голодѣ. И въ первомъ же засѣданіи секціи общественной медицины вопросъ о голодѣ былъ поставленъ первымъ. Проф. Высоцкій, завѣдующій медицинской частью мѣстнаго отдѣленія Краснаго Креста, д-ръ Гранъ изъ Самары и нѣкоторые другіе познакомили присутствующихъ съ тяжелой, не поддающей описанію картиной голода, переживаемаго цѣлымъ обширнымъ райономъ Россіи. Голодъ со своими неизбѣжными спутниками—тифомъ и цынгой поражаетъ цѣлые уѣзды и губерніи. Въ одной Казанской губ. зарегестрировано до 20.000 цынготныхъ больныхъ, столько же въ Самарской. А какое количество не попало въ регистрацію! Скрюченные, кровоточащіе, отекшіе люди лежатъ безъ движенія и стонутъ... о хлѣбѣ. На глазахъ матерей валяются несчастныя голодныя дѣти... Понятно, что при такихъ условіяхъ, медицинская наука со всѣми своими блестящими завоеваніями совершенно безсильна. Тамъ, гдѣ населеніе лишено хлѣба, нельзя помочь гигіеническими наставленіями и медикаментами. Нуженъ хлѣбъ, хлѣбъ и хлѣбъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчалось такое явленіе, что бывшіе сравнительно болѣе зажиточными до голода крестьяне пострадали отъ болѣзней больше, чѣмъ бѣднѣйшіе, такъ какъ первымъ удалось дольше кормиться своимъ убитымъ скотомъ, подвергшимся, благодаря оттепели, порчѣ.

Тяжело было врачамъ выслушивать всѣ эти разсказы, разсматривать графическія изображенія колоссальнаго роста цынги и куриной слѣпоты, являющейся результатомъ жироваго голоданія. Тяжело было въ особенности въ виду безсилія оказать настоящую помощь. Собравъ между собою до 7.000 руб., на которыя рѣшено отправить два санитарные отряда въ голодныя губерніи отъ имени Пироговскаго съѣзда, секція находила необходимымъ возбудить ходатайство о скорѣйшемъ изслѣдованіи причинъ хроническихъ у насъ голодовокъ, ведущихъ къ вымиранію и вырожденію населенія...

Грустное настроеніе, вызванное вѣстями о голодѣ съ момента прибытія въ Казань, не могло быть разсѣяно и рѣчью проф. А. А. Боброва, произнесенной на торжественномъ открытіи съѣзда на тему «о современной хирургіи въ дѣлѣ врачеванія». Разсказавъ объ успѣхахъ, достигнутыхъ въ настоящее время хирургіей, благодаря антисептикѣ и асептикѣ, способамъ обезболиванія при операціяхъ и т. д., почтенный профессоръ кончилъ свою рѣчь уже на тему... о любви къ отечеству и народной гордости. Послѣдній международный конгрессъ въ Москвѣ удивилъ весь міръ, показавъ, какъ высоко стоитъ у насъ наука; теперь уже не только не надо ѣздить учиться за границу, а—наоборотъ—начинаютъ изъ-за границы ѣздить къ намъ, что пора притти къ заключенію, что если больному не помогутъ въ Россіи, то не помогутъ уже нигдѣ. Въ то время какъ проф. Бобровъ такъ превозноситъ отечественную науку, военно-медицинская академія командируетъ 17 врачей, въ томъ числѣ двухъ профессоровъ для усовершенствованія за границу. Очевидно, не всѣмъ представляются наши успѣхи въ области науки такими уже большими...

Переходя къ бѣглому обзору обсуждавшихся на съѣздѣ вопросовъ, имѣющихъ общій, не спеціально медицинскій интересъ, остановимся прежде всего на вопросѣ «о расторженіи брака вслѣдствіе душевной болѣзни одного изъ супруговъ», дебатировавшемся въ секціи нервныхъ и душевныхъ болѣзней. Вопросъ этотъ былъ поднятъ еще на шестомъ Пироговскомъ съѣздѣ д-ромъ П. С. Штейнбергомъ, представившимъ докладъ «о необходимости включить душевную болѣзнь въ число законныхъ причинъ къ расторженію брака». Д-ръ Штейнбергъ предлагалъ тогда ходатайствовать по слѣдующимъ постановленіямъ: а) по біологическимъ и соціальнымъ мотивамъ съѣздъ въ Кіевѣ призналъ крайне полезнымъ и желательнымъ введеніе государственнаго закона, въ силу котораго разрѣшался-бы брачный разводъ между православными супругами, если формально будетъ удостовѣрена наличность душевной болѣзни у одного изъ нихъ; б) иниціатива ходатайства должна исходить только отъ психически здороваго члена супружеской четы; и в) несовершеннолѣтнія дѣти разведенныхъ супруговъ, вполнѣ сохранивъ всѣ права по наслѣдству своихъ родителей, должны до совершеннолѣтія оставаться на попеченіи психически здоровой стороны, получившей разводъ Докладъ д ра Штейнберга вызвалъ оживленныя пренія, приведшія кіевскій съѣздъ къ слѣдующей резолюціи: поручить правленію общества русскихъ врачей препроводить докладъ д-ра Штейнберга въ русскія психіатрическія и юридическія общества для обсужденія и собранный такимъ образомъ матеріалъ препроводить VII съѣзду русскихъ врачей.

Правленіе выполнило возложенную на него задачу, разославъ во многія общества предложеніе д-ра Штейнберга, и полученные отъ этихъ обществъ отвѣты сгруппировало въ особый докладъ настоящему съѣзду. Изъ обзора всего полученнаго матеріала видно, что выводы, къ которымъ пришло большинство обществъ, отвѣтившихъ на запросъ правленія, благопріятны для введенія новаго закона, разногласія существуютъ только относительно частностей дѣла. Такъ, большинство обществъ не считаетъ достаточнымъ одной наличности душевной болѣзни для возбужденія ходатайства о разводѣ, а необходимо представить доказательство неизлѣчимости душевной болѣзни.

По мнѣнію всѣхъ обществъ, одобряющихъ введеніе новаго закона, вопросъ о томъ, насколько душевная болѣзнь одного изъ супруговъ подходитъ подъ требованія устанавливаемыхъ условій, долженъ рѣшаться судебной властью на основаніи заключенія экспертовъ. Относительно послѣднихъ мнѣнія также расходятся. Одни настаиваютъ на необходимости экспертовъ-психіатровъ, другія говорятъ, что экспертами могутъ быть и не спеціалисты, а проф. Кожевниковъ требуетъ «единогласнаго рѣшенія не менѣе трехъ врачей-психіатровъ». Большинство обществъ высказалось за то, что необходимымъ условіемъ при расторженіи брака, вслѣдствіе душевной болѣзни, должно быть матеріальное обезпеченіе душевно-больного супруга со стороны здороваго супруга, если онъ имѣетъ средства, или со стороны общества и государства. Еще на кіевскомъ съѣздѣ противъ проекта д-ра Штейнберга высказался проф. Чижъ изъ Юрьева, находя, что условія развода установлены догматическимъ правомъ и не могутъ быть измѣнены. Затѣмъ нѣкоторыя изъ членовъ Кіевскаго съѣзда указывали на неудобства введенія этого закона, на то, что этотъ законъ нарушитъ интересы дѣтей, что въ такомъ законѣ не существуетъ настоятельной необходимости.

При обсужденіи вопроса въ Казани тоже возникли интересныя дебаты, въ которыхъ приняли участіе не только врачи, но и юристы—профессоръ Шершеневичъ и нѣкоторые представители мѣстной магистратуры и адвокатуры. Всѣ юристы, за исключеніемъ одного, признавали желательнымъ введеніе новаго закона, доказывая, на основаніи историческихъ данныхъ, что русское каноническое право допускало разводы по поводу душевной болѣзни одного изъ супруговъ и, что съ точки зрѣнія этической и нашихъ гражданскихъ законовъ, сожительство двухъ лицъ, сдѣлка между лицами, изъ которыхъ одно оказалось душевно-больнымъ, представляются крайне вредными и подлежащими прекращенію. Противникъ новаго закона указывалъ на то, что бракъ, какъ таинство, не можетъ и не долженъ быть расторгнутъ, что расторженіе брака, вызванное хотя-бы и душевной болѣзнью одного изъ супруговъ, возможно только при грубомъ взглядѣ на бракъ, какъ на сдѣлку, какъ на союзъ физіологическій, что мыслимо и желательно только предупрежденіе такихъ ненормальныхъ браковъ. Изъ врачей оппонентомъ явился тотъ самый проф. Чижъ, который и на кіевскомъ съѣздѣ высказывался противъ новаго закона. Нельзя сказать, чтобы его аргументація отличалась особой убѣдительностью. По мнѣнію проф., крайне трудно рѣшить вопросъ, излѣчима-ли болѣзнь или нѣтъ; далѣе, за недостаткомъ у насъ психіатровъ, при обширности нашихъ пространствъ, новымъ закономъ смогутъ воспользоваться только зажиточные классы населенія и при томъ только люди недобрые, что такого рода законъ поощряетъ эгоизмъ... Секція не вняла доводамъ почтеннаго профессора и постановила слѣдующую резолюцію: душевное заболѣваніе одного изъ супруговъ можетъ служить поводомъ къ разводу въ томъ случаѣ, если оно неизлѣчимо и если оно также выразилось рѣзкимъ измѣненіемъ психической личности.

Наслѣдіемъ кіевскаго съѣзда является и докладъ д-ра А. Л. Эбермана «объ учрежденіи Высшаго Врачебнаго Управленія въ Имперіи». Вопросъ этотъ, являясь чрезвычайно важнымъ, имѣетъ уже свою довольно продолжительную исторію. Еще въ 1886 году была организована при медицинскомъ департаментѣ комиссія по вопросу объ улучшеніи санитарныхъ условій и уменьшенія смертности въ Россіи съ покойнымъ С. П. Боткинымъ во главѣ. Комиссія эта, между прочимъ, вполнѣ согласилась съ мнѣніемъ тоже нынѣ покойнаго проф. А. П. Доброславина, что «безъ реорганизаціи врачебно-санитарнаго дѣла въ Россіи невозможно что-либо сдѣлать для улучшенія санитарнаго положенія населенія, невозможно и разсуждать о томъ, за полнымъ отсутствіемъ данныхъ, на коихъ таковыя разсужденія могли бы опираться». По этому, комиссія высказалась за

необходимость «учрежденія главнаго управленія по дѣламъ здравія со всѣми правами высшей распорядительной инстанціи, которое бы вѣдало всѣ санитарныя дѣла Имперіи». Авторитетное имя С. П. Боткина заставило многихъ съ надеждою смотрѣть на труды комиссіи, хотя и оппозиція имѣла во-главѣ Ѳ. Ѳ. Эрисмана, лучшаго знатока нашей общественно-медицинской организаціи. Какъ бы то ни было, труды комиссіи ни къ чему не привели, хотя ненормальность существующаго порядка вещей продолжаетъ сознаваться всѣми. На 6-мъ съѣздѣ въ Кіевѣ д-ръ А. Л. Эберманъ, вообще много потрудившійся для врачебнаго сословія въ Россіи, выступилъ съ докладомъ объ учрежденіи министерства народнаго здравія. Въ Кіевѣ предложеніе д-ра Эбермана было встрѣчено далеко не сочувственно. Общій мотивъ возраженій сводится, какъ резюмируетъ его правленіе общества русскихъ врачей, къ тому, что децентрализаціонный строй является вообще единственно согласнымъ съ исконнымъ историческимъ ходомъ развитія у насъ общественности и отвѣчающимъ самой сущности врачебно-санитарнаго дѣла, которое не можетъ быть заключено въ неподвижныя рамки, а, наоборотъ, нуждается въ свободной инаціативѣ, въ возможности примѣниться къ разнообразнѣйшимъ и сложнымъ мѣстнымъ особенностямъ и условіямъ. Однако кіевскій съѣздъ поручилъ правленію разработать этотъ вопросъ и докладъ по этому поводу разослать въ медицинскія общества и во всѣ медицинскія учрежденія, прося ихъ высказать свои мнѣнія и затѣмъ, сопоставивъ выводы, доложить о результатахъ настоящему 7-му съѣзду.

Правленіе общества, очень аккуратно и точно выполняющее порученія, которымъ сочувствуетъ, очень небрежно, повидимому, отнеслось къ данному порученію. А между тѣмъ, д-ръ Эберманъ продолжалъ свое дѣло и въ Петербургѣ, по его иниціативѣ, была организована комиссія изъ 30 членовъ-представителей разныхъ медицинскихъ обществъ въ Петербургѣ. Въ результатѣ трудовъ этой комиссіи, до сихъ поръ еще функціонирующей, явился краткій докладъ д-ра Эбермана Казанскому съѣзду, при чемъ рѣчь идетъ уже не о министерствѣ народнаго здравія, какъ видно изъ заглавія, а объ высшемъ врачебномъ управленіи—перемѣна далеко не существенная и принятая, какъ сообщилъ д-ръ Эберманъ, по совѣту одного очень извѣстнаго юриста. Сущность доклада сводится къ тому, что, вслѣдствіе разбросанности управленія врачебной частью по различнымъ министерствамъ и вѣдомствамъ замѣчается полное отсутствіе единства и цѣлесообразности въ дѣйствіяхъ по врачебно-санитарной части, что главными руководителями въ проведеніи врачебныхъ и санитарныхъ мѣръ являются обыкновенно лица, далеко не компетентныя. Врачи же не только не имѣютъ должной власти, но даже права голоса, а слѣдовательно—и возможности соотвѣтствующимъ образомъ приложить свои знанія къ дѣлу. Результатомъ этого является грустная картина нашего врачебно-санитарнаго неустройства, недостатокъ врачей, повивальныхъ бабокъ, недостатки законодательства по врачебной части, отсутствіе правильной медицинской статистики, недостатокъ больницъ и т. д. Для устраненія всѣхъ этихъ печальныхъ несомнѣнно существующихъ явленій рекомендуется созданіе очень сложной, *бюрократической медицинской системы*, съ цѣлымъ рядомъ исполнительныхъ органовъ, долженствующей правильно поставить у насъ медицинское дѣло. Проектъ въ такомъ видѣ, какъ онъ представленъ д-ромъ Эберманомъ, является далеко не разработаннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ясно видно, что и болѣе детальная его разработка врядъ ли могла бы многихъ убѣдить въ его цѣлесообразности. Главнѣйшимъ недостаткомъ проекта является *уничтоженіе* въ дѣлѣ развитія медицинской у насъ организаціи *всякой общественной инициативы*, и безъ того уже крайне вялой и урѣзанной. Пренія, вызванныя докладомъ д-ра Эбермана, отличались большой страстностью, и проектъ д-ра Эбермана былъ съ шумомъ отвергнутъ, а ненормальному порядку вещей суждено, повидимому, еще долго держаться,

такъ какъ никѣмъ не было предложено ничего такого, что сколько нибудь двинуло бы дѣло впередъ. А между тѣмъ взаимныя отношенія оффиціальной, такъ сказать, казенной медицины и общественной части вызываютъ большія недоразумѣнія; неразграниченность областей вѣдѣнія каждой изъ этихъ вѣтвей медицинской организаціи даетъ поводъ къ появленію распоряженій, взаимно противоположныхъ, повергающихъ обывателя, котораго всѣ эти заботы касаются, въ большое недоумѣніе...

Съ гораздо большей страстностностью, я готовъ сказать—съ нетерпимостью—обсуждался на съѣздѣ проектъ проф. Д. О. Отта объ организаціи акушерской помощи среди сельскаго населенія. И этотъ вопросъ былъ возбужденъ на Кіевскомъ съѣздѣ, при чемъ тогда же рѣшено было учредить постоянное бюро при клиническомъ повивальномъ институтѣ въ Петербургѣ для собиранія матеріаловъ о положеніи повивальнаго дѣла въ Россіи и изысканія способовъ къ его улучшенію, а организація этого дѣла была поручена проф. Отту. О томъ, какъ печально стоитъ у насъ дѣло оказанія акушерской помощи, наглядно свидѣтельствуютъ цифровыя данныя. Въ одномъ уѣздѣ Тульской губ. въ 1897 году на 8.722 родовъ, помощь акушерками оказана лишь въ 100 случаяхъ, въ Котельническомъ уѣздѣ Вятской губ. въ 1896—1897 гг., на 13.675 родовъ, акушерками принято только 854 и т. д. На окраинахъ дѣло стоитъ еще хуже. Одинъ врачъ сообщаетъ изъ Уфимской губ., что на 45.000 населенія нѣтъ ни одной акушерки; въ Кунгурскомъ уѣздѣ, Пермской губ., одна фельдшерица-акушерка приходится на 100.000 жителей. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ нерѣдко являются и смертельныя исходы при родахъ. Такъ, Полтавская уѣздная управа, въ докладѣ за 1898 годъ пишетъ, что изъ 15 умирающихъ въ производительномъ возрастѣ (отъ 16 до 55 лѣтъ) женщинъ, одна умираетъ отъ родовъ. А ту массу болѣзней, которыя нерѣдко являются результатомъ неумѣло поданной помощи или полнаго ея отсутствія, даже учесть нельзя. Такъ какъ далеко еще то время, когда все населеніе будетъ обезпечено настоящей акушерской помощью, для чего, по разсчетамъ, уѣздъ долженъ быть разбитъ на участки съ радіусомъ не болѣе 10 верстъ и каждый участокъ снабженъ врачемъ-акушеромъ и хотя бы небольшимъ родильнымъ пріютомъ, то, по неволѣ, сейчасъ приходится прибѣгать къ мѣрамъ палліативнымъ. Такимъ палліативомъ, по мнѣнію проф. Отта, могло бы служить значительное увеличеніе числа сельскихъ повивальныхъ бабокъ, которыя должны замѣнить нынѣ дѣйствующихъ «повитухъ» или «бабокъ». Желая имѣть болѣе точныя мнѣнія по этому вопросу, проф. Оттъ сначала напечаталъ въ газетѣ «Врачъ», а затѣмъ разослалъ во всѣ земства и другія учрежденія, вѣдающія санитарное дѣло въ Имперіи, свой проектъ съ цѣлымъ рядомъ вопросныхъ пунктовъ. Проф. Оттъ предлагаетъ командировать въ повивальные институты женщинъ, не имѣющихъ даже никакого образованія, а только грамотныхъ, на одинъ учебный годъ, т. е. на 8—9 мѣсяцевъ, для ознакомленія съ раціональными способами подачи акушерской помощи. Такія женщины, являясь стипендіатками пославшаго ихъ земства, обязаны по окончаніи курса, который съ полнымъ содержаніемъ долженъ обойтись въ 100 руб., жить въ мѣстѣ постояннаго жительства, гдѣ онѣ и будутъ развивать свою дѣятельность. Вознагражденіе этихъ бабокъ должно производиться либо въ видѣ небольшого жалованья, либо въ видѣ отдѣльной платы (отъ 1 до 2 рублей) за каждые засвидѣтельствованные врачемъ, священникомъ или кѣмъ либо изъ должностныхъ лицъ роды. Профессоромъ Оттомъ получено было 160 отвѣтовъ, изъ которыхъ 105 — за проектъ, а 46—противъ, 10 отвѣтовъ неопредѣленныхъ, хотя надо замѣтить, что при обсужденіи проекта въ медицинской печати гораздо чаще встрѣчались отзывы неблагопріятные проекту, чѣмъ сочувствующіе ему.

Въ Казани проектъ проф. Отто обсуждался, какъ уже сказано, съ большой

горячностью, а слѣдовательно и недостаточно справедливо. Основное возраженіе то, что проектъ этотъ противорѣчитъ идеаламъ земской медицинской организаціи, содѣйствуя распространенію и укрѣпленію среди населенія вмѣсто врачей, «полузнаекъ», которымъ, однако, дипломъ повивальнаго института дастъ возможность относиться высокомѣрнѣе къ населенію, чѣмъ это дѣлаютъ дѣйствующія въ настоящее время «повитухи», которыя скорѣе являются замѣстительницами хозяйки, пока послѣдняя лежитъ, чѣмъ медицинской силой. Солидныя соображенія привелъ, по крайней мѣрѣ, относительно Курской губ. д-ръ В. И. Долженковъ, доказавшій, что если сельскія бабки будутъ получать 1 руб. за оказанную при родахъ помощь, на нихъ должна быть израсходована такая сумма, которая дала бы возможность покрыть всю Курскую губ. цѣлой сѣтью новыхъ врачебныхъ пунктовъ. Если бы такія данныя были приведены относительно всѣхъ губерній, то стало бы очевидно, что проектъ не отвѣчаетъ настоящимъ нуждамъ населенія. Отвергнувъ проектъ проф. Отта, собраніе и въ данномъ случаѣ не указало выхода изъ ужаснаго положенія, и дѣлу акушерской помощи населенію суждено еще надолго оставаться въ самомъ незавидномъ положеніи.

Кромѣ указанныхъ уже предложеній и докладовъ обсужденію съѣзда была представлена очень цѣнная работа особой комиссіи при правленіи общества по вопросу объ объединеніи методовъ санитарно-статистическихъ изслѣдованій. Трудность составленія и вмѣстѣ съ тѣмъ важность такого рода объединяющей программы медико-статистическихъ изслѣдованій понятна всякому и надо сказать, что комиссія добросовѣстно выполнила возложенную на нее задачу. Слѣдуетъ еще указать на цѣлый рядъ сообщеній, хотя и по вопросамъ болѣе частнымъ, но имѣющимъ довольно значительное общественное значеніе. Многіе изъ такихъ вопросовъ возбуждаются уже далеко не въ первый разъ, но приходится продолжать ихъ обсужденіе, такъ какъ до приведенія въ жизнь всѣхъ благихъ пожеланій врачей еще очень далеко. Пришлось услышать нѣсколько сообщеній о санитарномъ неблагоустройствѣ нашихъ городовъ, о томъ зачаточномъ состояніи, въ какомъ находится санитарная организація не только мелкихъ, но и крупныхъ городовъ и т. д. Шла рѣчь и о необходимости преподаванія гигіены въ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ вопросъ былъ расширенъ и высказано желаніе о распространеніи гигіеническихъ свѣдѣній не только въ женскихъ, но и мужскихъ школахъ и при томъ не только въ среднихъ, но и низшихъ. При этомъ нельзя не согласиться съ той постановкой даннаго вопроса, какую сдѣлалъ проф. Капустинъ. По его мнѣнію, гигіена не должна явиться новымъ обязательнымъ предметомъ въ нашей школѣ, и безъ того заваливающей учащихся массой занятій, со всѣми тяжелыми признаками обязательныхъ предметовъ, т. е. съ отмѣтками, экзаменами, вызовами и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не должна преподаваться въ догматической формѣ въ видѣ правилъ, касающихся личной гигіены, а должна дать сводъ такихъ свѣдѣній, которые позволяли бы разумно и сознательно относиться къ окружающему міру.

Слушая сообщенія о распространеніи гигіеническихъ свѣдѣній въ народѣ, о царящей тамъ тьмѣ и о полной вслѣдствіе этого безпомощности врачей, чувствуешь, что находишься въ какомъ-то заколдованномъ кругу, изъ которыхъ необходимо найти выходъ—иначе будущее представляется чрезвычайно мрачнымъ... Безъ школы нѣтъ просвѣщенія, но какая же школа мыслима безъ хлѣба, или, быть можетъ, потому и нѣтъ хлѣба, что нѣтъ школъ, но во всякомъ случаѣ безъ того и другого немыслима и разумная медицинская помощь, немыслимо проведеніе никакихъ гигіеническихъ знаній. Личная и общественная гигіена развиваются надлежащимъ образомъ только тамъ, гдѣ населеніе культурно, т. е. гдѣ въ массахъ есть сознаніе потребности и полезности предлагаемыхъ мѣръ. А пока мы во многихъ случаяхъ уподобляемся тому врачу въ

Гейневскомъ стихотвореніи, который совѣтовалъ умиравшему на чердакѣ бѣдняку пить хорошее вино и въ морозы получше закутываться въ шубу.

Изъ докладовъ уже спеціально-медицинскихъ нельзя не указать на бодрящее сообщеніе извѣстнаго дерматолога проф. В. М. Тарновскаго объ излѣчимости одной изъ самыхъ тяжелыхъ и распространенныхъ органическихъ болѣзней. Аргументація профессора, о которой здѣсь не мѣсто говорить, оказалась блестящей и убѣдительной. Въ секціи глазныхъ болѣзней подробно дебатировался вопросъ о трахомѣ, болѣзни заразной, имѣющей огромное распространеніе, въ особенности въ войскахъ, находящейся несомнѣнно въ связи съ почвенными условіями и вмѣстѣ съ тѣмъ опять-таки съ культурой или вѣрнѣе—некультурностью населенія, такъ какъ грязь, скученность и т. д. облегчаютъ передачу болѣзни отъ одного къ другому. Секціи анатоміи и физіологіи пришлось посвятить нѣкоторое время возбужденному тамбовскимъ медицинскимъ обществомъ вопросу о пріобрѣтеніи способа консервированія труповъ д-ра Эфизіо Марини въ Неаполѣ. О способѣ Марини было много сообщеній и въ общей прессѣ и притомъ въ сравнительно недавнее время, между тѣмъ какъ Марини вызывалъ уже удивленіе Наполеона III и лучшихъ врачей того времени. Для цѣлей спеціально-медицинскихъ, способъ Марини, составляющій секретъ изобрѣтателя, имѣетъ огромное значеніе при изученіи топографіи человѣческаго тѣла. Тамбовское медицинское общество въ своемъ докладѣ допускаетъ даже предположеніе, пока ни на чемъ не основанное, что всеобщее пользованіе способомъ Марини можетъ уничтожить вредное вліяніе кладбищъ. Въ чемъ состоитъ секретъ Марини, не извѣстно, извѣстно только то, что въ тѣло онъ ничего не вводитъ, а достигаетъ поразительныхъ результатовъ при помощи цѣлаго ряда ваннъ. Марини, добывающій средства къ жизни врачебной практикой, бѣденъ и готовъ продать свой секретъ, очевидно, за приличную сумму. Изобрѣтатель, повидимому, очень озлобленъ и выразился въ разговорѣ съ Ферора, что онъ кончитъ тѣмъ, что броситъ все въ море. Тамбовское общество вступило въ переговоры съ Марини въ томъ предположеніи, чтобы поставленныя имъ условія передать на обсужденіе пироговскаго съѣзда. Точнаго отвѣта Марини не далъ, а секція физіологіи и анатоміи, гдѣ слушался докладъ тамбовскаго медицинскаго общества, вполнѣ правильно разсудила, что пока препараты Марини не будутъ подвергнуты точному строго-научному изслѣдованію, было бы преждевременно вести переговоры о покупкѣ секрета.

Не имѣя въ виду перечислить здѣсь всѣ спеціально-медицинскіе доклады, я на этомъ и заканчиваю своей краткій обзоръ съѣзда и позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ объ организаціи съѣздовъ вообще и казанскаго въ частности. Къ несомнѣннымъ недостаткамъ организаціи съѣздовъ надо отнести отсутствіе строгой критики въ отношеніи представляемыхъ докладовъ. Нужно разъ навсегда установить правило, по которому допускается чтеніе докладовъ заранѣе представленныхъ и выдержавшихъ критику организаціоннаго комитета и никакъ не должно допускаться представленіе докладовъ уже во время самого съѣзда. Строгая критика въ данномъ случаѣ не должна быть разсматриваема какъ стѣсненіе свободы высказать свое мнѣніе. Такое мнѣніе, такая статья или докладъ могутъ быть прочитаны въ какомъ-либо мѣстномъ медицинскомъ обществѣ или напечатаны въ медицинскомъ журналѣ. Для выигрыша времени необходимо изъ докладовъ исключать историческую и литературную части. При соблюденіи этихъ условій плодотворность работъ съѣздовъ много выиграла-бы. На такого рода съѣздахъ должны обсуждаться только тѣ доклады, которые представляютъ общій интересъ и являются результатомъ собственныхъ и то въ достаточномъ числѣ произведенныхъ опытовъ и наблюденій. Предварительное составленіе такъ называемыхъ программныхъ вопросовъ является очень полезнымъ, такъ какъ по такимъ вопросамъ обыкновенно выступаютъ докладчиками люди,

имѣющіе достаточно данныхъ для того, чтобы подѣлиться ими съ товарищами. Относительно допускаемыхъ возраженій на доклады надо сказать, что и этими возраженіями тоже не слѣдуетъ злоупотреблять, напоминая предъ дебатами, что оппоненты приглашаются дорожить временемъ и, поэтому, должны говорить только по существу дѣла, а не изъ одного желанія поговорить вообще. Нечего толковать о томъ, что ко всѣмъ оппонентамъ должны предъявляться однѣ и тѣже требованія и разъ рѣшено удѣлять каждому возраженію 5 или 10 мин., то этому правилу должны подчиняться рѣшительно всѣ. Что касается казанскаго съѣзда, то развѣ очень придирчивый человѣкъ поставитъ на видъ тѣ незначительные недочеты, представляющіеся совершенно неизбѣжными при той массѣ огромнаго труда, который выпадаетъ на долю организаціоннаго комитета за долго до съѣзда, а въ особенности во время самого съѣзда. Людямъ буквально приходится разрываться на части, оставаясь все время любезными, предупредительными, такъ какъ они являются хозяевами. И съ этой стороны врядъ ли въ чемъ-нибудь можно упрекнуть организаціонный комитетъ послѣдняго съѣзда. Простота, сердечность, желаніе оказать услугу или сдѣлать пріятное—вотъ какъ приходится характеризовать отношеніе къ пріѣзжимъ со стороны комитета. Много въ этомъ отношеніи поработали студенты-медики Казанскаго университета, которымъ, я думаю, каждый участникъ съѣзда приноситъ свою сердечную благодарность. Взаимныя отношенія студентовъ и профессоровъ (если не всѣхъ, то многихъ), представляются такими доброжелательными, простыми и товарищескими, насколько, конечно объ этомъ можно было судить за короткое время пребыванія въ Казани, что заслуживали бы отдѣльнаго описанія. И городское управленіе, и вообще всѣ, кто только могъ, въ той или иной формѣ выказывали самое сердечное вниманіе членамъ съѣзда. А если принять во вниманіе незавидное экономическое положеніе Казани, неприспособленность ея къ принятію сразу большаго числа пріѣзжихъ, то заботливость и предупредительность казанцевъ станутъ еще очевиднѣе. Думаю, что не у меня одного недѣля, проведенная въ Казани, останется навсегда пріятнымъ воспоминаніемъ въ жизни.

Врачъ **В. И. Бинштокъ.**

За границей.

Дрейфусовская эпопея. Дѣло Дрейфуса по прежнему продолжаетъ держать въ напряженномъ состояніи общественное вниманіе не только во Франціи, но и во всемъ образованномъ мірѣ. Всѣ ждутъ, чѣмъ наконецъ разрѣшится это дѣло, затянувшееся до безконечности. Чуть не ежедневно раскрываются все новыя и новыя подробности и надо удивляться упорству, съ которымъ защищаются явная несправедливость и беззаконіе. Въ сущности личность Дрейфуса теперь отходитъ на второй планъ, и въ яркомъ свѣтѣ выступаютъ язвы современнаго буржуазнаго строя во Франціи, страшный вредъ милитаризма и лжепатріотизма, подъ прикрытіемъ которыхъ могутъ совершаться гнусныя дѣла, позорящія человѣчество.

Каждаго, кто слѣдилъ за слѣдствіемъ, производимымъ уголовною палатой кассаціоннаго суда, должно было поразить одно обстоятельство: ненормальные размѣры, принимаемые въ показаніяхъ нѣкоторыхъ свидѣтелей совершенно побочными вопросами, не имѣющими прямого отношенія къ единственному вопросу, который долженъ бы быть рѣшенъ, т. е. къ тому, былъ ли Дрейфусъ правильно и законно осужденъ въ 1894 году. Слѣдствіе должно было установить только факты, доказывающіе или опровергающіе это. Между тѣмъ мы присутствуемъ точно на состязаніи въ краснорѣчіи, и всѣ, какъ противники пересмотра, такъ

и сторонники его, наперерывъ, другъ передъ другомъ, доказываютъ, разсуждаютъ и объясняютъ факты каждый по своему, сообщаютъ свои впечатлѣнія, и,—въ особенности противники пересмотра,—призываютъ Бога и судей въ свидѣтели своего непоколебимаго убѣжденія въ виновности Дрейфуса. Еще больше поражаютъ враждебныя чувства, которыя, повидимому, питаютъ другъ къ другу нѣкоторые свидѣтели. Эксперты почерка противорѣчатъ другъ другу и обвиняютъ другъ друга въ некомпетентности и въ ошибкѣ. Генералы главнаго штаба и офицеры спеціальнаго оружія никакъ не могутъ согласиться между собою насчетъ значенія бордеро, гидравлическаго тормаза, руководства къ стрѣльбѣ и т. п., и часто въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ отзываются другъ о другѣ, подчеркивая взаимное промахи и ошибки съ особенною язвительностью. Роже, Гонзъ, Билльо, Цурлинденъ, Гартманъ, Кюинье, Мерсье, Кавеньякъ и др., каковы бы ни были ихъ имена и титулы, на каждомъ словѣ противорѣчатъ другъ другу, подводятъ изподтишка, ругаютъ другъ друга и не могутъ сойтись буквально ни на *одномъ* пунктѣ. Ихъ соединяетъ только одно общее чувство—ненависть къ единственному человѣку, который имѣлъ мужество отстаивать свое убѣжденіе въ невинности Дрейфуса. Человѣкъ этотъ Пикаръ, который до сихъ поръ, къ удивленію всѣхъ честныхъ людей, томится въ заключеніи и не извѣстно когда будетъ выпущенъ. Всякаго безпристрастнаго читателя должны поразить также своею глупостью или цинизмомъ тѣ извиненія и оправданія, которыя приводятся нѣкоторыми свидѣтелями въ защиту поддѣлывателя Анри и браваго улана Эстергази.

Любопытно въ данномъ случаѣ показаніе Кюинье, которое въ сущности является обвинительнымъ актомъ противъ Пати дю Кляма. Оказывается, что именно этотъ офицеръ долженъ нести отвѣтственности за подлогъ Анри, дѣйствовавшаго по его внушенію. Тщеславіе, надменность, безпримѣрная наглость и нравственная низость всѣхъ этихъ офицеровъ сквозятъ въ каждомъ словѣ ихъ показаній суду, а между тѣмъ они высокомѣрно заявляютъ, что они—носители чести арміи и что на нихъ лежитъ обязанность защищать эту честь. Невольно возникаетъ вопросъ: а честь страны, народное достоинство, не страдаютъ ли они отъ такихъ представителей и защитниковъ.

Объемистые документы кассаціоннаго суда не доставляютъ ни одного сколько нибудь вѣскаго доказательства въ пользу виновности Дрейфуса, и чѣмъ дальше, тѣмъ ярче обнаруживается нелѣпость процесса 1894 г., несостоятельность улики и неправильность судопроизводства. Прежде всего, ничѣмъ не доказано, что бордеро, на основаніи котораго былъ осужденъ Дрейфусъ, было имъ написано и даже, наоборотъ, существуетъ сильное и основательное подозрѣніе, что авторомъ этого документа былъ дѣйствительно Эстергази, и въ этомъ смыслѣ высказался докладчикъ кассаціоннаго суда Балло-Бопрэ; затѣмъ слѣдствіе обнаружило цѣлую серію поддѣлокъ и подлоговъ, которые приписываются Анри, но въ которыхъ Кюинье прямо обвиняетъ Пати дю Кляма. Эти поддѣлки и подлоги бросаютъ тѣнь на весь процессъ 1894 г. и заставляютъ сильно подозрѣвать, что весь онъ сначала до конца, былъ основанъ на обманѣ и весь сотканъ изъ злоупотребленій.

Документы слѣдствія представляютъ также въ довольно странномъ свѣтѣ поведеніе нѣсколькихъ министровъ, находившихся у власти въ то время, когда начатъ былъ злополучный процессъ. Многіе изъ министровъ сознались суду, что они противились процессу, находя улики недостаточно доказательными, но должны были уступить подъ давленіемъ генерала Мерсье, который былъ тогда военнымъ министромъ. Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото, котораго независимая печать обвиняетъ теперь въ легкомысліи, находилъ небезопаснымъ начинать процессъ на основаніи такихъ доказательствъ, какія были собраны Мерсье. Ганото зналъ, что ни германское, ни итальянское правительство

не имѣютъ ни какихъ сношеній съ Дрейфусомъ, но за все время министерства Мелина онъ ни разу не вмѣшался, не высказалъ своего мнѣнія, не протестовалъ противъ ложныхъ заявленій, явно направленныхъ къ тому, чтобы ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе, и которыя дѣлались министрами или генералами съ трибуны палаты депутатовъ.

Легкомысліе Ганото поражаетъ не менѣе, чѣмъ глупость Кавеньяка, огласившаго съ трибуны документы, подложность которыхъ была хорошо извѣстна всѣмъ посвященнымъ въ дѣла главнаго штаба и должна была быть извѣстна ему. Удивительно типично также признаніе генерала Биллье. Когда его спросили по поводу противорѣчивыхъ версій депеши полковника Паниццарди, то Биллье признался, что ему была извѣстна подлинная и точная версія этой депеши, представленная министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, *но онъ не придавалъ ей значенія, потому что она устанавливала невинность Дрейфуса, поэтому то онъ и удалилъ ее изъ секретнаго dossier!* Почтенному защитнику чести (?) арміи ни разу не пришло въ голову, что именно поэтому этотъ документъ имѣетъ огромную важность; онъ совершенно не сознаетъ значенія своего поступка и того, что этимъ онъ доказываетъ самымъ неопровержимымъ образомъ предвзятое намѣреніе главнаго штаба, во чтобы то ни стало представить Дрейфуса виновнымъ!

Врядъ ли какой нибудь другой процессъ на свѣтѣ представляетъ такую изумительную смѣсь лжи, низости и удивительной наивности и непониманія самыхъ элементарныхъ вещей. Но въ этомъ процессѣ, въ которомъ гнусное перемѣшивается съ трагическимъ, есть одна свѣтлая сторона, это—доказательство силы общественнаго мнѣнія. Нельзя считать погибшей сторону, въ которой общественная совѣсть можетъ такъ громко заявлять о своихъ правахъ и заставить преклониться передъ своими требованіями могущественную, захватившую въ свои руки власть, клику продажныхъ, низкихъ и гнусныхъ дѣятелей, прикрывающихся громкими фразами о патріотизмѣ, чести арміи и т. п.! Не погибъ тотъ народъ, который не боится суда, общественнаго мнѣнія и не страшится вырвать съ корнемъ тѣ злокачественные наросты на общественномъ организмѣ, которые подрываютъ его благосостояніе!

Около половины Іюня Дрейфусъ будетъ привезенъ во Францію и тогда то наступитъ эпилогъ этой безпримѣрной трагикомедіи конца вѣка.

Двѣ годовщины. 18 го мая 1799 г. умеръ въ Парижѣ Пьеръ Огюстенъ Каронъ Бомарше, знаменитый французскій драматургъ и публицистъ, а два дня спустя въ Турѣ родился Гоноре де Бальзакъ, знаменитый французскій романистъ и родоначальникъ реалистической школы. Одинъ мощный талантъ угасъ, другой народился и Франція можетъ съ гордостью праздновать двойную годовщину въ этомъ году. Когда Бомарше сошелъ въ могилу и на свѣтъ родился Бальзакъ, то во Франціи еще господствовалъ республиканскій календарь и только что затихъ громъ революціи. Начиналась буржуазная реакція, на почвѣ которой выросла Имперія; но страна была еще такъ богата интеллектуальными силами, что каждая потеря немедленно вознаграждалась, таланты смѣняли другъ друга и, казалось, запасъ ихъ былъ неистощимъ. Умственная жизнь страны била мощнымъ ключемъ, который разливался широкимъ потокомъ, не изсякавшимъ и не ослабѣвавшимъ въ теченіе двухъ столѣтій.

Въ то время, однако, какъ память Бальзака чествуютъ въ этомъ году на его родинѣ, въ Турѣ, и литературное общество посвящаетъ ему торжественное засѣданіе, о Бомарше точно забыли. Въ честь его не слагаются гимны и лишь въ немногихъ органахъ печати были посвящены ему краткія замѣтки по случаю столѣтней годовщины его смерти. Это и понятно. Бальзакъ стоитъ ближе къ нынѣшнему поколѣнію, между тѣмъ какъ Бомарше всецѣло принадлежитъ

XVIII вѣку. Трудно даже представить себѣ болѣе противоположные характеры, нежели Бомарше и Бальзакъ. Бомарше былъ истиннымъ сыномъ просвѣщеннаго XVIII вѣка, все стремившагося впередъ, тогда какъ Бальзакъ представляетъ скорѣе пресыщенный умъ, болѣе склонный къ отступленію, нежели къ дальнѣйшему движенію впередъ. Въ своихъ романахъ Бальзакъ далъ вѣрную картину современнаго ему французскаго общества. До того картины, изображавшіяся романистами, были лишены плоти и крови; въ нихъ не было живыхъ существъ, а какіе-то безплотные призраки, созданія фантазіи романиста, не нуждавшіеся ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, а только въ любви, которая была главнымъ ихъ занятіемъ. Бальзакъ замѣнилъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ живыми людьми и въ своей «Comédie humaine» создалъ цѣлый рядъ типическихъ образовъ, проявляя при этомъ необыкновенную наблюдательность и способность подмѣчать мельчайшіе детали жизненной обстановки.

Однако между Бомарше и Бальзакомъ, несмотря на ихъ противоположность во всемъ, можно все таки найти точки соприкосновенія. Оба были дѣльцами, оба мечтали о богатствѣ, оба сами присвоили себѣ дворянское достоинство, прибавивъ частицу *de* къ своей фамиліи, хотя и тотъ и другой происходили изъ буржуазной семьи. Бальзакъ былъ сначала три года клеркомъ у нотаріуса и затѣмъ уже выступилъ на поприще романиста, потерпѣвъ неудачу какъ писатель драматургъ. На этомъ новомъ поприщѣ ему повезло, издатели и книгопродавцы на расхватъ раскупали его произведенія и, богатство, о которомъ всегда мечталъ Бальзакъ, было у него тутъ подъ рукой. Но онъ, также какъ и Бомарше, пустился въ издательскія спекуляціи, которыя разорили его, вовлекли въ долги, отъ которыхъ онъ потомъ не могъ освободиться до самой смерти и вынужденъ былъ работать до истощенія силъ. Впрочемъ пылкая фантазія Бальзака часто до такой степени увлекала его, что онъ то представлялъ себя крезомъ, то нищимъ. Выдержки изъ его писемъ попадали въ европейскую печать и въ нихъ часто можно было прочесть жалобу на то, что онъ вынужденъ голодать, что у него нѣтъ денегъ, чтобы отправить франкированное письмо, чтобы заплатить за извозчика и т. д. и т. д. Но тотъ, кто посѣтилъ бы Бальзака какъ разъ въ это время, увидалъ бы его окруженнымъ чисто азіятскою роскошью. Бальзакъ точно не сознавалъ противорѣчія между своими жалобами на нужду и этою роскошью, между невозможностью заплатить за извозчика и своимъ рабочимъ костюмомъ доминиканскаго покроя, изъ тончайшаго бѣлаго кашемира, на бѣломъ шелку.

M-me Ансело, въ своихъ «Salons de Paris», разсказываетъ слѣдующій фактъ, характеризующій увлеченія Бальзака. Утромъ она встрѣтила его на улицѣ Парижа; онъ имѣлъ видъ совершенно растеряннаго человѣка и сказалъ ей, что находится въ отчаяніи, что онъ несчастнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ, кошелекъ у него пустъ, а голова полна мыслей. Онъ только что заложилъ свои часы, чтобы имѣть возможность позавтракать. Вечеромъ, въ тотъ же день, она встрѣтилась съ нимъ опять въ салонахъ герцогини Абрантесъ. Отъ утреннихъ жалобъ не осталось и слѣда и Бальзакъ вдохновеннымъ тономъ разсказывалъ о своихъ грандіозныхъ планахъ и надеждахъ, которые должны были доставить ему баснословныя богатства. Наконецъ-то талантъ и умъ получатъ то, что имъ принадлежитъ по праву! Онъ говорилъ о милліонахъ и, когда онъ потрясалъ рукой, то какъ будто слышался звукъ золота, это былъ совсѣмъ другой Бальзакъ. не тотъ, который утромъ жаловался на свою бѣдность. Въ сущности однако это былъ тотъ же самый человѣкъ, склонный все преувеличивать до крайнихъ предѣловъ, какъ свои мечты о богатствѣ, такъ и жалобы на бѣдность. Въ этомъ отношеніи онъ отличался отъ Бомарше, который никогда не уносился мечтами. Бомарше все перепробовалъ, занимался финансовыми предпріятіями, затѣвалъ процессы, сочинялъ памфлеты, комедіи, драмы и даже оперу, но въ

дѣйствительности былъ политикомъ и политика составляла его главное и истинное призваніе. Бальзакъ же былъ истиннымъ сыномъ того вѣка, который ознаменовался всеобщею погоней за богатствомъ, послѣ того какъ раздались знаменитыя слова Гизо: «Enrichissez vous!» Онъ отличался отъ своихъ современниковъ лишь тѣмъ, что былъ щепетиленъ въ выборѣ средствъ къ обогащенію. Въ его театральномъ произведеніи «Mercadet le faiseur» заключается рѣзкая сатира на финансовыхъ спекуляторовъ, не стѣсняющихся въ выборѣ средствъ. Бальзакъ говорилъ, что деньги надо презирать, но чтобы имѣть возможность ихъ презирать—ихъ надо имѣть. Безъ денегъ нѣтъ власти, безъ власти нѣтъ положенія въ свѣтѣ. Такова теорія Бальзака.

Бальзакъ часто говорилъ о «маршалахъ французской литературы», охотно заимствуя свои сравненія изъ временъ Наполеона I, которому онъ поклонялся; недаромъ онъ былъ легитимистъ. Надъ однимъ изъ портретовъ Наполеона онъ написалъ слѣдующія слова: «Я заканчиваю перомъ то, что онъ началъ мечомъ». Помня, что Наполеонъ по царски награждалъ своихъ маршаловъ, Бальзакъ находилъ, что и «маршалы литературы» должны получать княжескіе оклады.

Бомарше не былъ, пожалуй, столь разборчивъ въ средствахъ, какъ Бальзакъ, но за то и не такъ былъ пропитанъ мечтами о власти и богатствѣ, какъ этотъ послѣдній. Правда, онъ занимался торговыми спекуляціями и наживалъ на нихъ милліоны, но его привлекала не столько самая перспектива богатства, сколько самый процессъ его наживанія, рискованныя спекуляціи и т. д. Его кипучая натура постоянно жаждала дѣятельности, сильныхъ ощущеній и впечатлѣній. Онъ устраивалъ банкирскія операціи и въ тоже время затѣвалъ какую-нибудь сложную политическую интригу или же рисковалъ своею жизнью, защищая честь своей сестры и т. п. Бомарше соединялъ въ себѣ всѣ типичныя стороны французской расы и былъ самъ олицетвореніемъ французскаго народа, со всею его непослѣдовательностью, стремительностью и впечатлительностью и быстрыми переходами отъ одного состоянія къ другому. Начавъ свою карьеру подмастерьемъ въ лавочкѣ своего отца, который былъ часовщикомъ, Бомарше ухитрился попасть въ высшее общество, гдѣ, благодаря своему музыкальному и разговорному таланту, онъ быстро обратилъ на себя вниманіе и завязалъ связи, которыя ему потомъ очень пригодились. Ему было 32 года, когда онъ отправился въ Испанію, чтобы отмстить обольстителю своей сестры, испанскому писателю-поэту Клавиго. Этотъ эпизодъ Бомарше описываетъ въ своихъ «Fragments de voyage en Espagne». Исполнивъ это семейное дѣло, Бомарше занялся другими: онъ велъ разсѣянную жизнь; принятый въ лучшемъ мадридскомъ обществѣ, онъ интриговалъ, писалъ стихи, затѣвалъ коммерческія предпріятія и т. п. Изъ Испаніи, онъ вывезъ весь декорумъ и костюмы для своихъ пьесъ «Севильскій Цирюльникъ» и «Свадьба Фигаро» и тамъ же онъ впервые выказалъ въ яркомъ свѣтѣ всѣ разнообразныя стороны своего характера, какъ дѣлецъ, семьянинъ и веселый жуиръ и какъ политикъ и публицистъ. Такая разнохарактерность составляетъ наиболѣе типическую черту всей его дѣятельности и пролегаетъ красною нитью черезъ всю его жизнь.

Музей общественной гигіены въ Берлинѣ. Въ Берлинѣ, въ 1887 году основанъ Музей общественной гигіены. Въ началѣ это было скромное учрежденіе, состоявшее только изъ коллекцій германской выставки по гигіенѣ, но съ этихъ поръ Музей этотъ расширился и обогатился многочисленными новыми аппаратами, планами, моделями и коллекціями, которыя доставлялись Музею съ разныхъ сторонъ.

Музей помѣщается въ обширномъ двухъэтажномъ зданіи, рядомъ съ гигіеническимъ институтомъ берлинскаго университета и открытъ для публики каждый день, а читальный залъ, гдѣ находятся книги и журналы по гигіенѣ, рисунки

и т. п. открытъ два раза въ недѣлю. Въ этомъ Музеѣ можно найти все, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ гигіенѣ, спасанію жизни или предупрежденію несчастныхъ случаевъ. Тутъ есть аппараты для спасенія утопающихъ, карты съ указаніями маяковъ у германскихъ береговъ, модели сторожевыхъ постовъ, пожарной команды и т. д. Но особенно заслуживаютъ вниманія мѣры противъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими различныхъ профессій. Тутъ находятся также различные препараты, доказывающіе вредъ, приносимый здоровью рабочихъ вдыханіемъ мельчайшей угольной, древесной, хлопчатобумажной и др. пыли на фабрикахъ и указываются мѣры къ борьбѣ съ этими вредными вліяніями, модели аппаратовъ для очищенія воздуха въ копяхъ и на фабрикахъ, предохранительные респираторы, очки и т. д. Въ этомъ отдѣлѣ Музея обращаютъ на себя вниманіе таблицы несчастныхъ случаевъ, а также статистическія таблицы смертности, ясно указывающія, что смертность уменьшилась со введеніемъ канализаціи и проведеніемъ воды для питья.

Въ Музеѣ находятся также модели жилищъ для рабочихъ, экономическихъ кухонь, пріемныхъ покоевъ для поданія первой помощи при несчастныхъ случаяхъ, фабричныхъ бань, школъ и планы рабочихъ кварталовъ. При этомъ тщательно вычислена цѣна каждой постройки, наемная цѣна помѣщенія и все остальное. Затѣмъ идетъ отдѣлъ дѣтской и школьной гигіены, гдѣ можно видѣть модели школьныхъ колоній, гимнастическіе аппараты, представляющіе послѣднее слово науки, дѣтскія игры и учебныя пособія. Въ музеѣ конечно собрано также все, что относится къ военной гигіенѣ, къ поданію первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и во время войны, а рядомъ съ Музеемъ во дворѣ устроена испытательная станція и лабораторія для изслѣдованія почвы, воздуха, температуры и т. д.

Городское управленіе въ Лондонѣ и палата общинъ. Британскій парламентъ занимается въ настоящее время обсужденіемъ законопроекта новаго лондонскаго городскаго самоуправленія. Обсужденіе этого законопроекта представляетъ важное событіе въ лондонской жизни, такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что Лондонъ—это государство съ шестимилліоннымъ населеніемъ, передъ которымъ многія изъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ должны отступить на второй планъ. Исторія лондонскаго самоуправленія лучше всего указываетъ соціальную и политическую эволюцію Англіи за послѣднее полстолѣтіе и весь ходъ этой эволюціи и ея перипетій.

Но эта исторія вовсе не древняя. Сорокъ пять лѣтъ тому назадъ Лондонъ имѣлъ два милліона жителей и считался уже два столѣтія самымъ большимъ европейскимъ городомъ. Несмотря на это, управленіе Лондона носило довольнотаки примитивный характеръ. Главная роль принадлежала Сити, съ его небольшимъ населеніемъ и весьма микроскопическими размѣрами; но Сити обладало грандіозною корпораціей, альдерменами и лордъмэромъ. Лондона въ сущности не было, такъ какъ онъ состоялъ всегда изъ отдѣльныхъ частей и предмѣстій, связанныхъ въ одно цѣлое, причемъ каждый округъ сохранялъ вольности и свое управленіе, никакого центральнаго органа не было и всѣ дѣйствовали въ разбродъ, такъ что вся исторія Лондона сводится къ постоянной борьбѣ двухъ различныхъ направленій, что впрочемъ повторяется также и во всей исторіи политической и соціальной эволюціи Англіи. Представительницей одного изъ этихъ направленій, консервативнаго, служитъ партія умѣренныхъ, которые являются потомками старинныхъ виговъ. Исправлять постепенно наслѣдіе прошлаго, но сохранять поскольку возможно архаическій характеръ всѣхъ учрежденій и ихъ разнообразіе—вотъ принципъ, котораго придерживается эта партія. Въ Лондонѣ эта партію желала сохранить во чтобы-то ни стало и организацію Сити и муниципальныя корпораціи. Другая партія, въ составъ которой входятъ либералы,

радикалы, фабіановскіе соціалисты, добивается отмѣны старинныхъ посадовъ, предмѣстій, даже Сити, и централизаціи городского управленія, которое должно исходить непосредственно отъ народа. Это такъ называемые прогрессисты, возмущающіеся въ особенности анахронизмомъ и аномаліей учрежденій Сити и требующіе ихъ уничтоженія. «Какъ!—восклицаютъ они,—представитель нѣсколькихъ купцовъ продолжаетъ, подъ именемъ лордъмэра, говорить отъ лица шести милліоновъ людей, изъ которыхъ ни одинъ не участвовалъ въ его избраніи. Развѣ это справедливо»!..

Прогрессистамъ удалось таки постепенно расшатать это прочное учрежденіе и добиться компромиссовъ. Казалось, окончательная побѣда была не за горами и дни Сити были сочтены, но наступила реакція. Въ данный моментъ въ палату общинъ внесенъ законопроектъ не только сохраняющій организацію Сити и всѣ его прерогативы, но стремящійся также укрѣпить его и возвысить. Этотъ, такъ называемый «London Government Bill» вызвалъ горячія пренія въ палатѣ общинъ, причемъ даже былъ выдвинутъ на сцену женскій вопросъ. Одинъ изъ консервативныхъ депутатовъ внесъ поправку къ новому законопроекту, въ которой стремился ограничить права женщинъ и ихъ участіе въ новомъ городскомъ управленіи. Онъ указывалъ, что хотя образованныя женщины и принесли пользу въ дѣлѣ управленія городскими общественными библіотеками, въ школьныхъ комиссіяхъ и т. п., тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ случаевъ, можно было обойтись безъ ихъ содѣйствія. Въ санитарной комиссіи участіе женщинъ онъ находитъ тоже неудобнымъ. «Притомъ,—прибавляетъ ораторъ,—было бы очень жаль вмѣшивать женщинъ въ политическую борьбу, которой избѣжать невозможно въ новомъ городскомъ самоуправленіи, и если мы допустимъ женщинъ туда, то *въ будущемъ мы не будемъ имѣть никакого основанія лишать ихъ парламентскихъ избирательныхъ правъ и въ концѣ концовъ онѣ получатъ доступъ въ парламентъ*».

Въ послѣднихъ словахъ оратора заключалась его главная точка зрѣнія: «не слѣдуетъ протягивать женщинамъ палецъ, чтобы онѣ не захватили всю руку». Рѣчь его, какъ и слѣдовало ожидать, вызвала оживленныя пренія. Первымъ возражалъ Бальфуръ, указавшій на то, что уже въ 1894 г. парламентъ призналъ права женщинъ занимать выборныя должности и если теперь, въ новомъ законопроектѣ, отказать имъ въ этомъ правѣ, то это означало бы «шагъ назадъ». Притомъ же женщины доказали свои способности и свою полезность въ различныхъ комиссіяхъ и было бы странно, послѣ такого плодотворнаго опыта, снова ограничивать ихъ поле дѣятельности. По мнѣнію Бальфура женщинамъ сдѣдовало бы дать нѣкоторыя парламентскія избирательныя права, но разумѣется съ извѣстными ограниченіями. Что же касается ихъ появленія въ парламентѣ, то онъ долженъ сознаться, что одна мысль о томъ, что онѣ будутъ засѣдать въ палатѣ общинъ, приводитъ его въ содроганіе. Если бы женщины вздумали этого добиваться, то лишились бы въ немъ своего защитника.

Послѣ рѣчи другихъ ораторовъ, высказавшихъ свое отношеніе къ женскому вопросу, было приступлено къ голосованію и на этотъ разъ женщины вышли побѣдительницами, такъ какъ поправка къ биллю, лишающая ихъ право участія въ городскомъ самоуправленіи, была отвергнута большинствомъ 127 голосовъ противъ 101. Но пренія этимъ не кончились. Либеральный депутатъ Лодзъ внесъ новую поправку къ биллю, въ которой заявлялось, что ни полъ, ни замужество, не должны служить препятствіемъ къ занятію выборныхъ должностей. Въ доказательство способности женщинъ занимать выборныя должности и пользы, приносимой ими, онъ привелъ результаты послѣднихъ выборовъ въ Ирландіи, гдѣ 39 женщинъ были выбраны на разныя должности. Въ Лондонѣ 17 женщинъ давно уже состоятъ членами различныхъ совѣтовъ и онъ полагаетъ, что врядъ ли можно желать лучшихъ членовъ, чѣмъ онѣ!

Нѣкоторые изъ консервативныхъ депутатовъ потребовали, чтобы была внесена въ новый законопроектъ оговорка, ограничивающая права женщинъ и не допускающая ихъ занимать должность мэра, депутатъ Блэнбери поставилъ при этомъ на видъ, что мэръ непремѣнно долженъ обладать «знаніемъ людей» (knowledge of men), а женщины этого знанія понять не могутъ! Это предложеніе принято, также какъ и другое, отнимающее у женщинъ право занимать должность альдерменовъ (старшихъ). Такимъ образомъ, сдѣлавъ шагъ впередъ въ одномъ отношеніи, палата общинъ точно испугалась своего прогрессивнаго движенія и сразу подалась назадъ. Эти колебанія взадъ и впередъ дали поводъ депутату Джону Бёрнсу въ рѣзко юмористической формѣ осмѣять палату, не рѣшающуюся прямо высказать свое нежеланіе допустить женщинъ въ городское самоуправленіе. «И чего только не говорилось по этому поводу! воскликнулъ онъ. Указывали на то, что женщинъ не слѣдуетъ вовлекать въ политическую избирательную борьбу, забывая при этомъ, что въ «Primrose League» женщины служатъ консервативной партіи для политической агитаціи, между тѣмъ именно въ городскомъ самоуправленіи много такого дѣла, въ которомъ женщины могутъ принести наибольшую пользу. Было бы очень желательно, чтобы парламентъ, въ данномъ случаѣ, не поддавался вліянію гг. «правой стороны».

Въ виду рѣзкости тона рѣчи Бёрнса, Бальфуръ счелъ за лучшее прекратить пренія, заявивъ, что вопросъ о допущеніи женщинъ можетъ быть рѣшенъ во время дальнѣйшаго обсужденія билля по статьямъ.

Въ то время какъ въ палатѣ общинъ пренія вертѣлись вокругъ женскаго вопроса, въ палатѣ лордовъ они носили нѣсколько юмористическій характеръ. Какой то благородный лордъ разразился пламенною рѣчью противъ новыхъ мозаичныхъ украшеній собора св. Павла. Эта мозаика является грубымъ нарушеніемъ вкусовъ публики и понятій о красотѣ и гармоніей своихъ красокъ напоминаетъ англійскій «lobster salad», заявилъ лордъ и требовалъ, чтобы правительство вмѣшалось въ это дѣло.

Лордъ Салисбюри хладнокровно возразилъ на это, что онъ не имѣетъ права вмѣшиваться, да сслибъ и имѣлъ, то ни за что не воспользовался бы имъ, такъ какъ художественные и религіозные вопросы принадлежатъ къ числу очень щекотливыхъ предметовъ и правительство должно, насколько это возможно, избѣгать ихъ.

Тогда выступилъ другой лордъ съ вопросомъ: гдѣ находится голова Веллингтона? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ палата общинъ вотировала необходимые фонды для сооруженія въ томъ же самомъ соборѣ св. Павла памятника, на которомъ должна была возвышаться конная статуя побѣдителя Ватерлоо. Памятникъ существуетъ, но безъ статуи, которую удалили въ подвалъ, а когда захотѣли ее вытащить оттуда, то замѣтили, что у нея не было головы. Веллингтонъ обезглавленъ и казнь произведена надъ его изображеніемъ—какое страшное оскорбленіе! Почтенный лордъ такъ возмущался, такъ негодовалъ, что каждую минуту можно было ожидать, что онъ потребуетъ головы министровъ, чтобы смыть это оскорбленіе.

Лордъ Салисбюри также хладнокровно возразилъ и на на эту пламенную филиппику, что «такъ какъ скульпторъ, дѣлавшій статую Веллингтона, не получилъ за нее денегъ и умеръ, то его душеприкащикъ явился, взялъ голову Веллингтона и, положивъ ее къ себѣ въ карманъ, удалился. Притомъ-же,— замѣтилъ лордъ Салисбюри—правительство королевы имѣетъ слишкомъ много другихъ дѣлъ и заботъ на рукахъ и потому не можетъ заниматься разыскиваніемъ головъ всѣхъ знаменитыхъ личностей, живыхъ или мертвыхъ, потерявшихъ свою голову, и предоставляетъ членамъ парламента самимъ, по собственной иниціативѣ, ходатайствовать въ палатѣ общинъ насчетъ ассиг-

*

новки необходимыхъ фондовъ для возстановленія головы герцога Веллингтона на мѣстѣ».

Первыя шаги японскаго государственнаго дѣятеля. Японскій городъ Осака праздновалъ не такъ давно 300-лѣтній юбилей одного изъ своихъ величайшихъ народныхъ героевъ, Таико Хидейоши, который былъ сыномъ простого крестьянина, но достигъ наивысшаго положенія въ странѣ, не взирая на кастовыя ограниченія, и во время войны былъ главнымъ полководцемъ Японіи. Три столѣтія тому назадъ, онъ создалъ планъ покоренія Кореи и присоединенія ея къ Японіи и этотъ планъ, хранящійся въ японскомъ архивѣ, былъ выполненъ японцами во время ихъ послѣдней войны. Таико Хидейоши хотѣлъ проникнуть черезъ Манджурію въ Пекинъ и превратить его въ столицу великаго японскаго государства. Смерть помѣшала ему привести въ исполненіе свой смѣлый планъ. Со временъ Таико ни одинъ изъ государственныхъ дѣятелей, также вышедшихъ изъ народа, не достигъ такого высокаго положенія, и только теперь маркизъ Ито, первый способствовавшій введенію въ своемъ отечествѣ реформъ, приблизившихъ его къ цивилизованнымъ европейскимъ государствамъ,— также какъ и прежній японскій герой, самъ добился почестей и славы.

Маркизъ Ито происходитъ изъ простой крестьянской семьи. Онъ родился въ деревнѣ Тсукаримура, насчитывающей всего лишь 1.500 жителей. Родители его были бѣдные и Ито выросъ среди лишеній и нужды. Когда онъ былъ ребенкомъ, то всѣ окружающіе считали его совершенно неспособнымъ, но впослѣдствіи имъ пришлось разубѣдиться въ этомъ. Молодымъ человѣкомъ Ито отправился въ Гаги и оттуда въ Кіото; онъ былъ однимъ изъ первыхъ японцевъ, признавшихъ необходимость полнѣйшаго преобразованія какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ условій страны. Самъ Ито недавно, въ засѣданіи японскаго экономическаго общества, разсказывалъ объ этомъ слѣдующее:

«Теперь наши сношенія съ заграницей носятъ очень оживленный характеръ, сказалъ онъ;—ввозъ иностранныхъ книгъ въ Японію никакихъ затрудненій не представляетъ и кромѣ того у насъ уже существуетъ довольно много японскихъ переводовъ; поэтому теперь познакомиться съ европейскою культурой не трудно и для нынѣшней учащейся японской молодежи это большая благодать. Когда же я былъ ученикомъ, то ничего подобнаго не существовало и единственнымъ пособіемъ при обученіи иностранному языку служилъ англо-японскій словарь. Учителей англійскаго языка найти было нелегко тогда, эта книга замѣняла намъ и учителя, и руководителя и мы добросовѣстно изучали ее, ища въ ней подспорье въ трудныхъ случаяхъ. Тридцать пять лѣтъ тому назадъ я въ первый разъ поѣхалъ въ Англію. Въ то время въ странѣ уже поднятъ былъ вопросъ о томъ, должна ли Японія по прежнему оставаться закрытой для европейской культуры. Споръ былъ очень горячій и страсти разгорались сильнѣе чѣмъ при теперешней борьбѣ партій. Но партія, мечтавшая о доступѣ въ страну европейской культуры, была тогда слишкомъ слаба, а противоположная партія казалась слишкомъ сильной.

«Къ счастью для насъ, не все то, что кажется сильнымъ, бываетъ сильнымъ на самомъ дѣлѣ, и въ нашей исторіи можно найти неоднократные примѣры этого. Когда Таико Хидейоши, триста лѣтъ тому назадъ, завладѣлъ Кореей и наши войска стояли уже въ Пингъянгѣ, то династія Минга, господствовавшая въ Нанкинѣ прислала тогда корейцамъ на помощь такое громадное войско, что наши люди совершенно упали духомъ. Несмотря на это, всѣ кричали, что надо сражаться до послѣдняго издыханія и никто ничего и слышать не хотѣлъ о мирѣ, но въ глубинѣ души всѣ мечтали и желали мира. Трое полководцевъ отправили посланнаго къ одному изъ генераловъ, который славился своею храбростью, но онъ сказался больнымъ, такъ какъ прекрасно зналъ, что

за нимъ посылаютъ лишь для того, чтобы онъ посовѣтовалъ заключить миръ и можно было бы такимъ образомъ сослаться на него. Припасовъ оставалось лишь не болѣе, какъ на десять дней, и войско очутилось въ очень трудномъ положеніи. Снова послали къ генералу и на этотъ разъ онъ явился. Устроили военный совѣтъ, на которомъ нѣкоторые изъ полководцевъ заявили, что они намѣрены бороться до послѣдней крайности, даже если у нихъ не останется ничего, кромѣ камней. На это генералъ спокойно возразилъ: «Мои войска не могутъ ѣсть камни. Не лучше ли намъ заключить миръ?» Тогда всѣ съ восторгомъ подхватили его слова и даже тѣ самые полководцы, которые только что заявляли, что они готовы питаться камнями. Выслушавъ все это, генералъ также спокойно замѣтилъ: «Но прежде чѣмъ отступить, я попробую все таки сразиться съ войсками Минга, я одинъ буду сражаться со своимъ войскомъ и другимъ полководцамъ не зачѣмъ принимать участіе въ этомъ сраженіи». Такъ и случилось; генералъ одержалъ блестящую побѣду надъ громаднымъ китайскимъ войскомъ и тогда заключилъ миръ.

«Такіе же точно «камнѣды» и теперь хотѣли во чтобы то ни стало изолировать страну и не допустить въ нее иностранную культуру; когда ихъ спрашивали, какими способами они разсчитываютъ закрыть иностранцамъ доступъ въ Японію, они отвѣчали: «Мы укрѣпимъ всѣ берега Японіи, уставимъ ихъ пушками и будемъ обстрѣливать каждое иностранное судно, которое осмѣлится приблизиться къ берегу». Но когда имъ задавали вопросъ, откуда они возьмутъ такъ много пушекъ, они возражали: «Всѣ колокола изо всѣхъ буддійскихъ храмовъ будутъ перелиты и изъ нихъ будутъ сдѣланы пушки и кромѣ того всѣ тѣ, кто добивается открытія страны, будутъ казнены». Такъ какъ слухи ходили, будто бы и самъ императоръ раздѣляетъ такую точку зрѣнія, то понятно, вся страна пришла въ сильнѣйшее волненіе. Я былъ въ то время въ Кіото изъ числа очень немногихъ, которые стояли за то, что Японія должна сдѣлаться открытой страной; поэтому я рѣшилъ отправиться заграницу и познакомиться съ иностранною культурой. Съ этою цѣлью я заключилъ тайный союзъ со своими пріятелями: Кахору Инуи, Мазару Инуи, Ioso Ямао и Кинсуке Іендо. Затѣмъ я обратился за содѣйствіемъ къ одному высокопоставленному чиновнику, моему земляку, Шошу Кусака, который однако высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ моего плана.

«Но это насъ не остановило. Мы отправились въ Токіо и тамъ разыскали другого нашего земляка, генерала Омура, который, какъ намъ было извѣстно, зналъ голландскій языкъ и интересовался Европой. Онъ, какъ и слѣдовало ожидать, отнесся очень сочувственно къ нашему плану и тотчасъ же согласился оказать намъ поддержку. Въ тѣ времена у насъ господствовалъ старинный законъ, воспрещавшій японцамъ подъ страхомъ смертной казни покидать свою страну. Мы переодѣлись купцами и попытались въ Іокогамѣ попасть на какое-нибудь иностранное судно. Тамъ мы обратились къ англійскому консулу, который хорошо говорилъ по японски, и онъ согласился отправить насъ тайкомъ на одномъ суднѣ. Мы размѣняли 5.000 іенъ, данныя намъ генераломъ Омурой, на американскіе доллары и ночью, тайкомъ, зашли въ европейскую лавку, чтобы пріобрѣсти тамъ европейское платье и сапоги. Но мы ничего не достали кромѣ старыхъ сапогъ и стараго матросскаго платья, за которое насъ заставили заплатить очень большіе деньги. Мы не знали назначенія этого костюма и только впослѣдствіи узнали это и много смѣялись надъ своею глупостью. Старые сапоги, которыми насъ снабдилъ лавочникъ, были такъ велики, что наши обѣ ноги свободно входили въ одинъ сапогъ и поэтому мы съ трудомъ могли въ нихъ двигаться; мы остригли волосы по европейскому образцу и спрятались въ саду консульства.

«Вечеромъ, по приглашенію консула, явился иностранный капитанъ, но какъ

ни просилъ его консулъ взять насъ съ собою, капитанъ ни за что не соглашался, зная, какъ строго карають законы страны всякую попытку къ эмиграціи. Послѣ разговора съ нимъ консулъ пришелъ къ намъ и сказалъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать для насъ. «Мы уже остригли свои волосы, сказалъ я ему, и если мы теперь, въ такомъ видѣ, покажемся на улицѣ, то все равно намъ отрѣжутъ голову. Мы не можемъ ни въ какомъ случаѣ выйти изъ консульства и лучше готовы сами лишить себя жизни, нежели подвергнуться казни». Консулъ увидѣлъ, что мы твердо рѣшились продѣлать надъ собою «Гаракири» (вскрытіе живота), и сказалъ намъ: «Ваша рѣшительность трогаетъ меня. Я попробую еще разъ поговорить съ капитаномъ». Онъ повелъ насъ въ комнату, гдѣ находился капитанъ. Инуи, говорившій немного по англійски, принялся объясняться съ нимъ и я замѣтилъ, что капитанъ уже склоняется въ нашу пользу, вѣроятно ради консула, который подвергался серьезной опасности, благодаря нашему присутствію. Капитанъ сказалъ, что возьметъ насъ съ собой, и мы въ полночь перебрались къ нему на судно, японская стража въ темнотѣ не узнала насъ и приняла насъ за иностранныхъ матросовъ. Но на суднѣ намъ пришлось спрятаться, пока мы не вышли въ открытое море; только тогда мы могли безопасно показаться на палубѣ.

«Намъ было очень непріятно, что никто изъ насъ, кромѣ Инуи, не понималъ по англійски. Матросы давали намъ остатки отъ своего стола и вообще обращались съ нами, какъ съ дѣтьми, хотя мнѣ, самому младшему изъ нашей компаніи было уже 23 года, а Инуи исполнилось 29 лѣтъ. Въ Японіи мы занимали довольно почетное положеніе, но тутъ, на суднѣ, съ нами обращались очень презрительно. Теперешніе путешественники даже и представить себѣ не могутъ, какую жизнь намъ пришлось вести тогда на этомъ парусномъ суднѣ. Мы должны были помогать матросамъ въ ихъ работѣ и не разъ случалось, что насъ будили ночью ударомъ веревки и заставляли выходить на палубу и помогать ставить паруса и т. п. А между тѣмъ мы заплатили за свой проѣздъ и пропитаніе изрядную сумму. Но мы должны были волей неволей мириться съ такою жизнью и почитать себя счастливыми, что насъ не выдали японскимъ властямъ.

«Суэзскій каналъ тогда еще не былъ открытъ и намъ пришлось плыть мимо мыса Доброй Надежды. Такимъ образомъ мы путешествовали четыре мѣсяца, пока, наконецъ, не достигли Лондона и въ теченіе этого времени только одинъ разъ зашли въ гавань, такъ что путешествіе наше было очень утомительное и скучное. Все время мы питались солониной и морскими сухарями. Находясь въ такихъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, мы все-таки должны были все время усердно учиться англійскому языку и по прибытіи въ Лондонъ я уже зналъ употребительныя англійскія фразы. Капитанъ повелъ насъ къ цирюльнику, потомъ въ баню и затѣмъ пошелъ съ нами къ разнымъ профессорамъ, которыхъ онъ просилъ пріютить насъ у себя. Но вездѣ намъ отказывали, такъ какъ къ японцамъ не привыкли и относились съ предубѣжденіемъ. Наконецъ, мнѣ и Инуи удалось упросить профессора лондонскаго университета Вильямсона взять насъ къ себѣ; остальныхъ пріютилъ у себя одинъ художникъ. Мы не имѣли ни малѣйшаго понятія о той культурѣ, какую увидѣли въ Лондонѣ; намъ и во снѣ не снилось ничего подобнаго, а казалось по временамъ, что мы переселились въ какую-то волшебную страну.

«Я и Инуи поселились у профессора и скоро познакомились со студентами, которые охотно взялись обучать насъ по англійски. Однажды жена профессора, читая газету, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: какъ называется моя родина. «Шошу» отвѣчалъ я. «Ну а гавань Симоносеки тамъ же находится, гдѣ и Шошу, «спросила она». «Да», отвѣтилъ я. «Какіе однако безумцы ваши соотечественники! замѣтила она намъ. Вѣдь они вздумали обстрѣливать наши военныя суда въ

Симоносеки». Она дала газету и мы пришли въ неописанное изумленіе, когда прочли, что жители Шошу дерзнули вступить въ бой съ англійскими судами. Мы теперь хорошо знали англійское могущество и понимали, что Японіи никогда не совладать съ Англіей. Тутъ намъ стало еще болѣе ясно, что если наше отечество останется при прежнихъ условіяхъ культуры, то оно погибнетъ, и мы твердо рѣшили тотчасъ же вернуться въ Японію и употребить всѣ силы, чтобы побудить Японцевъ не затѣвать распри съ англичанами и не противиться доступу европейской культуры въ страну, такъ какъ только полное преобразованіе нашего отечества можетъ спасти его отъ гибели!»

Ито вернулся въ Японію вмѣстѣ съ Инуи и оба принялись энергично работать надъ возрожденіемъ страны. Онъ добился введенія конституціоннаго правленія въ Японіи послѣ долгихъ трудовъ и усилій. Въ 1890 г. Конституція была введена въ странѣ. Ито былъ ея составителемъ и образцомъ для него послужила прусская конституція, которую онъ изучилъ въ 1883 году въ Германіи. Современная Японія очень много обязана своимъ прогрессомъ смѣлости Ито, его настойчивости и неустрашимости.

Парижскій соціальный музей и его дѣятельность. Музей, открытый въ Парижѣ графомъ Шамбреномъ и носящій названіе «Соціальнаго музея», уже успѣлъ пріобрѣсти въ теченіе своего пятилѣтняго существованія репутацію одного изъ самыхъ полезныхъ учрежденій. Онъ открытъ для всѣхъ и каждый, интересующійся соціальными вопросами и желающій изучить ихъ, найдетъ въ въ этомъ музѣе всѣ нужные ему документы, планы, образцы, уставы и т. п. всевозможныхъ учрежденій и соціальныхъ организацій, имѣющихъ цѣлью улучшить матеріальное и нравственное положеніе рабочихъ классовъ. Въ свое время *) мы сообщили нашимъ читателямъ исторію этого полезнаго учрежденія и теперь только скажемъ нѣсколько словъ о его дѣятельности.

Соціальный музей получаетъ и собираетъ свѣдѣнія, относящіяся къ области соціальной экономіи, рѣшительно изо всѣхъ странъ, гдѣ онъ имѣетъ своихъ корреспондентовъ. Въ библіотекѣ получаются всѣ печатные труды, относящіеся къ соціальнымъ вопросамъ и соціальному движенію въ разныхъ государствахъ. Иногда музей организуетъ спеціальную миссію для изученія того или иного спеціальнаго вопроса. Такъ музеемъ были отправлены миссіи для изученія аграрнаго вопроса въ Германіи, рабочихъ союзовъ (Trade Unions) въ Англіи, кооперативнаго движенія въ Италіи и т. п. Такимъ образомъ въ музей притекаютъ свѣдѣнія съ разныхъ сторонъ; затѣмъ уже дѣятельность музея заключается въ томъ, чтобы сдѣлать эти свѣдѣнія доступными для публики. Съ этою цѣлью въ музеѣ устроено справочное бюро, куда обращаются всѣ, кто желаетъ получить какія-либо свѣдѣнія и разъясненія по самымъ разнообразнымъ вопросамъ: устройству дешевыхъ жилищъ, кооперативныхъ обществъ, пенсіонныхъ кассъ въ обезпеченіи старости, обществъ взаимопомощи, всякаго рода страхованій, профессіональныхъ синдикатовъ, школъ, библіотекъ, народныхъ банковъ и т. п. Если канцелярія музея затрудняется дать тотчасъ же отвѣтъ и требуемую справку, когда дѣло касается какого-нибудь сложнаго вопроса, то это поручается одному изъ компетентныхъ людей въ этой области, работающихъ въ различныхъ секціяхъ музея.

Музей распадается на три отдѣла: 1) Промышленный и рабочій, куда поступаютъ всѣ запросы касающіеся различныхъ рабочихъ ассоціацій, синдикатовъ, биржъ труда, кооперативныхъ обществъ и т. д.; 2) сельско-хозяйственный, имѣющій сношенія со всѣми сельско-хозяйственными ассоціаціями въ Парижѣ и въ провинціяхъ, и 3) отдѣлъ корреспонденцій и объявленій. Въ на-

---

*) См. «М. Б.» 1897 г.

стоящемъ году музей обладаетъ своимъ органомъ, въ которомъ печатаются передовыя статьи и хроника, знакомящая съ дѣятельностью соціальнаго музея. Въ библіотекѣ музея собрано до 15.000 томовъ, относящихся къ соціальнымъ и экономическимъ вопросамъ, и получается 400 періодическихъ изданій.

Но музей не ограничивается только собираніемъ документовъ или ожиданіемъ, что къ нему обратятся за справками. Дирекція музея постоянно устраиваетъ публичныя лекціи, съ цѣлью возбудить въ публикѣ интересъ къ соціальнымъ вопросамъ. Кромѣ того, основатель музея, покойный графъ Шамбренъ, умершій въ февралѣ этого года, организовалъ «общество молодежи» для изслѣдованія «великихъ соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ нашего времени». Это общество, состоящее изъ 120 молодыхъ людей, изъ которыхъ одни еще находятся на студенческой скамьѣ, другіе же уже изыскали себѣ какой-нибудь родъ дѣятельности и занимаются адвокатурой, журналистикой, педагогическою дѣятельностью, промышленностью и т. д.,—служитъ дополненіемъ соціальнаго музея и спеціально командируетъ своихъ членовъ для изученія соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ въ разныя мѣста. Результаты этихъ поѣздокъ служатъ потомъ предметомъ публичныхъ конференцій въ музеѣ и образуютъ матеріалъ, поступающій въ библіотеку и справочное бюро музея.

Музей доставляетъ всѣмъ, обращающимся въ канцелярію его, всякія свѣдѣнія по вопросамъ соціальнаго характера, даетъ техническіе отзывы, указываетъ на необходимыя реформы и улучшенія, которыя должны быть введены въ существующія учрежденія, организуетъ конференціи, лекціи, демонстраціи, назначаетъ ученыя коммиссіи и распредѣляетъ награды и медали за лучшіе труды по соціальнымъ вопросамъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris».—«Revue des deux Mondes».—«North American Review».

Героическое путешествіе Нансена и безумно-смѣлая попытка Андре достигнуть полюса на воздушномъ шарѣ послужили толчкомъ къ возбужденію интереса къ арктическимъ странамъ. Никогда еще столько экспедицій не отправлялось къ полюсамъ, какъ въ прошломъ 1898 году, и между старымъ и новымъ міромъ возникло нѣчто въ родѣ соперничества въ этомъ стремленіи въ область неизвѣстнаго. Соединенные Штаты организовали цѣлый рядъ экспедицій въ арктическія страны съ различными научными цѣлями, и изъ числа этихъ экспедицій безспорно заслуживаетъ наибольшаго вниманія экспедиція подъ управленіемъ лейтенанта Пири, который въ 1897 году представилъ американскому географическому обществу свой планъ и съ такимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ изложилъ свои взгляды, что произвелъ сильное впечатлѣніе на своихъ слушателей. Американскіе милліардеры тотчасъ же сложились и предоставили въ распоряженіе путешественника 150.000 долларовъ на устройство экспедиціи. «Revue de Paris» сообщаетъ разныя любопытныя подробности, относящіяся къ этой экспедиціи и ея организатору.

Лейтенантъ Пири тотчасъ же, по полученіи необходимыхъ суммъ, началъ приводить въ исполненіе свой планъ. Онъ зафрахтовалъ корабль, собралъ экипажъ и заготовилъ съѣстные припасы. Въ прошломъ году, въ іюлѣ, его судно «Windward» вошло въ гавань «Whale Sound», приняло на бортъ нѣсколько эскимосовъ, собакъ и разный необходимый матеріалъ и затѣмъ отправилось далѣе къ сѣверу. Съ этого времени Пири блуждаетъ въ полярныхъ льдахъ. Гдѣ онъ находится—неизвѣстно. Но Пири, подобно Нансену и другимъ арктическимъ путешественникамъ, обладаетъ необыкновеннымъ мужествомъ, энергіею

и настойчивостью. «Если я не достигну своей цѣли съ одного раза,—сказалъ онъ, отправляясь въ свое путешествіе,—то начну снова и такъ до тѣхъ поръ, пока не одержу побѣды!»

Пири давно уже подготовлялъ себя къ этой экспедиціи. Съ 1891 по 1897 годъ онъ совершилъ шесть путешествій по Гренландіи и изъ этой страны вѣчныхъ льдовъ и снѣга онъ сдѣлалъ какъ бы свою вторую родину. Два раза онъ бралъ съ собою свою молодую жену. Онъ привезъ съ собою маленькій деревянный срубъ изъ Америки и, устроивъ его на берегу, въ мѣстѣ, защищенномъ отъ снѣжныхъ лавинъ и ледниковъ, провелъ въ немъ зиму, вмѣстѣ съ женой. Онъ описываетъ поэтическими красками эту зиму, проведенную имъ въ полярныхъ льдахъ; разсказываетъ, какъ они вмѣстѣ съ женою отпраздновали Рождество, согласно традиціямъ своей родины, какіе подарки они сдѣлали другъ другу и какъ они занимались чтеніемъ прошлогоднихъ газетъ, которыя захватили съ собою. Тамъ, въ этомъ домикѣ, на разстояніи 12° отъ полоса, у ихъ родилась дочка. Она родилась въ тотъ моментъ, когда солнце въ послѣдній разъ показалось на горизонтѣ и затѣмъ наступила долгая полярная ночь.

Гиперборейская дѣвочка была названа эскимоскимъ именемъ «Ahnighitto», что означаетъ: снѣжинка. Вотъ какъ Пири самъ описываетъ рожденіе своей дочери: «12-го сентября 1891 г. въ «Anniversary Lodge» произошло интересное событіе: явилась на свѣтъ маленькая иностранка, которая вѣсила девять фунтовъ. Благодаря попеченіямъ доктора и мистриссъ Кроссъ (ирландская нянюшка, которую мистриссъ Пири взяла съ собою), мать и дочь благополучно пережили кризисъ. Наша маленькая Снѣжинка съ голубыми глазами появилась какъ разъ на закатѣ арктическаго дня и могла видѣть послѣдніе блѣдные лучи свѣта, предшествующіе наступленію близкой полярной ночи. Ее положили на мягкіе мѣха ея родной страны и распростерли надъ нею американское знамя».

Снѣжинка росла и восхищала собою всѣхъ окружающихъ. «Въ первые полгода своей жизни, прибавляетъ Пири, она не знала другого свѣта, кромѣ свѣта лампы, и когда она увидѣла первые лучи весенняго солнца, упавшіе въ нашу комнату, то протянула ручонки, чтобы схватить ихъ. Эти лучи были ея первою игрушкой, затѣмъ наступилъ великолѣпный лѣтній день и наша дѣвочка разцвѣла подъ вліяніемъ непрерывныхъ и блестящихъ лучей арктическаго солнца, подобно тому, какъ пышно распускается тюльпанъ, вынесенный изъ темнаго погреба на окно, на солнце. Когда одиннадцати мѣсяцевъ отъ роду, наша Снѣжинка покинула свою родину, то какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи она оказалась на годъ впереди всѣхъ своихъ сверстницъ. Эскимосы пріѣзжали издалека, чтобы сдѣлать намъ визитъ и поглядѣть на нашу Снѣжинку».

Пири говоритъ, что Гренландія—самая интересная изъ всѣхъ арктическихъ странъ. Отправивъ свою жену и дочь въ Америку, онъ остался на третью зиму въ Гренландіи, съ однимъ только спутникомъ, мистеромъ Ли и слугою негромъ. Пири не только привыкъ къ своей обстановкѣ, но даже началъ находить особенную прелесть въ унылой полярной ночи, «когда наступаетъ царство безмолвія и смерти, холода и мрака».—«Есть какая-то особенная дьявольская красота, говоритъ онъ, въ этомъ изсиня черномъ небѣ, усѣянномъ звѣздами изумительнаго блеска. Это небо спускается въ видѣ свода на землю, окутанную бѣлымъ саваномъ, и на море, скованное льдами. Но когда луна освѣщаетъ эту картину или на небѣ начинаютъ сверкать и переливаться магическіе лучи сѣвернаго сіянія, то все кругомъ пріобрѣтаетъ какую-то сверхъестественную красоту и великолѣпіе».

Пири очень хорошо отзывается объ эскимосахъ, которыхъ онъ называетъ «самыми наивными, самыми мужественными и самыми маленькими представителями человѣческой расы». Эти затерявшіеся въ полярныхъ льдахъ представи-

тели человѣчества обитаютъ одни въ этой обширной области. Пири точно пересчиталъ ихъ; оказалось—153 человѣка. Съ помощью этихъ самыхъ эскимосовъ и по ихъ указанію ему удалось разыскать огромныя метеориты Мельвильской бухты. Это были три громадныя глыбы космической матеріи, желѣза и никеля, которыя были доставлены имъ впослѣдствіи въ Америку и хранятся теперь въ музеѣ въ Нью-Іоркѣ.

Изъ холодныхъ странъ перейдемъ въ теплыя. Одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Revue de deux Mondes» описываетъ свое посѣщеніе Цейлона. Онъ вернулся оттуда разочарованный въ буддизмѣ. Эта экзотическая доктрина представлялась ему совершенно въ иномъ свѣтѣ въ Парижѣ, среди послѣдователей буддизма, пріобрѣтающаго въ Европѣ все больше и больше сторонниковъ. Ему пришлось бесѣдовать по этому поводу въ Коломбо съ апостолическимъ делегатомъ Индіи. Этотъ прелатъ давно уже жилъ въ Индіи и хорошо изучилъ ее. Онъ въ яркихъ чертахъ изобразилъ своему восхищенному слушателю всю исторію Цейлона, начиная съ того момента, когда королю Котта, близъ Коломбо, было доложено, что на берегъ высадились какіе-то блѣдные люди. Древнія королевства роковымъ образомъ погибали одно за другимъ, послѣ того, какъ они открыли свои двери европейцамъ.

— «Вы пріѣхали изъ страны, въ которой написано много прекрасныхъ книгъ о буддизмѣ и браманизмѣ, сказалъ прелатъ журналисту. Я прочелъ ихъ и восхищаюсь ихъ остроумною метафизикой. Европейскій умъ умѣетъ придать опредѣленныя формы индусскимъ религіямъ и очистить ихъ отъ примѣсей, такъ что буддизмъ, возрождаясь въ Парижѣ и въ Берлинѣ, совершенно преобразуется. Но здѣсь, на родинѣ буддійской легенды, мы бы напрасно стали искать слѣды ея величія. Этотъ великій образъ, который воспѣваютъ ваши поэты, оставилъ послѣ себя только роковую тѣнь огромнаго идола. Посмотрите на общество, которое насъ окружаетъ: атеизмъ въ высшихъ классахъ, фетишизмъ—въ низшихъ. Тѣ, кто не отрицаютъ Бога, живутъ, сгибаясь подъ бременемъ вѣчнаго страха дьявола. Они боятся и никогда не устаютъ бояться. Ихъ бонзы, за исключеніемъ немногихъ, знаніе которыхъ скрываетъ отъ глазъ прохожихъ невѣжество другихъ,—эти бонзы, презрѣнные и низкіе, нарочно поддерживаютъ такой страхъ, и всѣ эти священныя деревья, молитвы и паломничества имѣютъ одну лишь цѣль, отвратить бѣдствія, которыя могутъ обрушиться на человѣка. Все ихъ существованіе проходитъ въ этомъ страхѣ передъ роковою судьбой, которая имъ не извѣстна, но заставляетъ трепетать. А между тѣмъ эти красивые арійцы, потемнѣвшіе отъ жгучаго солнца, эти сингалезцы, называющіе себя сынами льва, принадлежатъ къ одной изъ самыхъ интеллигентныхъ и способныхъ расъ на свѣтѣ. Если бы не буддизмъ, который привелъ ихъ въ оцѣпененіе, то мы бы присутствовали теперь при роскошномъ разцвѣтѣ этой человѣческой расы».

Таково вліяніе буддизма, доктрину котораго многіе такъ желали бы пересадить въ Европу, но, какъ справедливо замѣтилъ прелатъ, въ Европѣ эта доктрина уже получаетъ иную окраску, иное значеніе и смыслъ и поэтому ея вліяніе на судьбы человѣчества будетъ тоже иное.

Президентъ американской библіотечной ассоціаціи печатаетъ въ «North American Review» статью о свободныхъ библіотекахъ и сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ ихъ дѣятельности. Двѣ тысячи публичныхъ библіотекъ разсылаютъ ежегодно до тридцати милліоновъ книгъ въ разные уголки Соединенныхъ Штатовъ. Составъ этихъ библіотекъ и ихъ организація весьма разнообразны. Тутъ есть и сельскія библіотечки, состоящія всего лишь изъ какой нибудь сотни-другой книгъ и снабжающія чтеніемъ обитателей различныхъ отдаленныхъ

фермъ,—и огромныя городскія библіотеки, весьма сложнаго устройства, разсчитанныя уже на удовлетвореніе гораздо болѣе широкихъ потребностей. Сюда же надо причислить великолѣпную Чикагскую городскую библіотеку, зданіе которой стоитъ два милліона долларовъ, украшено драгоцѣнною мозаикой и имѣетъ въ городѣ 40 отдѣленій или станцій для выдачи книгъ. Такая же библіотека существуетъ и въ Бостонѣ, подъ управленіемъ совѣта, назначеннаго мэромъ. Эта библіотека также помѣщается въ роскошномъ дворцѣ, постройка которато стоила городу $2^1/_2$ милліона долларовъ. Десять отдѣленій библіотеки и 17 станцій для выдачи книгъ разсѣяны по всему городу; книги доставляются въ вагонахъ. Библіотека имѣетъ 700.000 томовъ и можетъ вмѣстить одновременно до 2.000 читателей. Администрація библіотеки состоитъ изъ 250 человѣкъ и на ея содержаніе ежегодно расходуется четверть милліона долларовъ.

Съ каждымъ годомъ въ Америкѣ открываются все новыя и новыя библіотеки, что указываетъ на возрастающую потребность къ чтенію. Въ Филадельфіи, напримѣръ, недавно открыта библіотека спеціально для слѣпыхъ, состоящая изъ двухъ тысячъ томовъ, напечатанныхъ рельефными буквами. Въ непродолжительномъ времени эта библіотека должна обогатиться еще 500 томами. Кромѣ библіи и молитвенниковъ, въ ней находятся жизнеописанія различныхъ знаменитыхъ людей, историческія сочиненія, стихи и т. д. Кромѣ того въ залахъ ея устраиваются лекціи, спеціально для слѣпыхъ, имѣющія огромный успѣхъ и вызвавшія подражаніе въ другихъ большихъ городахъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Физика и метеорологія. Жертвы молніи и нѣкоторыя ея эффекты. — Медицина и гигіена. 1) Новыя изслѣдованія о зараженіи туберкулёзомъ. 2) Стерилизація воды для питья посредствомъ озона.—Этнографія. Русскіе на рѣкѣ Колымѣ.

Физика и метеорологія. *Жертвы молніи и нѣкоторые ея эффекты.* Явленіе молніи, интересующее съ одной стороны метеорологовъ, съ другой физиковъ, которые не въ состояніи еще дать полнаго, научнаго объясненія нѣкоторымъ, чрезвычайно любопытнымъ формамъ этого явленія, какъ, напр., шаровидная молнія, обращаетъ на себя вниманіе и въ обыденной жизни. Ни одинъ годъ не проходитъ безъ того, чтобы молнія не нанесла иногда значительнаго ущерба имуществу жителей любой страны, гдѣ лѣтнія грозы обыденное явленіе, чтобы, наконецъ, она не унесла нѣкотораго количества человѣческихъ жертвъ. Неудивительно поэтому, что не только многіе люди, но часто и животныя, чувствуютъ необъяснимый и непреодолимый страхъ передъ грозой. Тѣ, которымъ такой страхъ неизвѣстенъ, взывая къ логикѣ боящихся грозы субъектовъ, повторяютъ старое положеніе: опасность быть убитыми молніей меньше, чѣмъ быть убитыми сорвавшейся со стѣны вывѣской. Конечно, какъ и всякій другой логическій доводъ, такіе слова вовсе не производятъ дѣйствія на того, кому органически свойственъ страхъ передъ грозой, но позволительно также усомниться въ вѣрности вышеприведеннаго положенія самого по себѣ. Провѣрить его можно только на основаніи точныхъ статистическихъ цифръ. Довольно обширный и очень интересный матеріалъ собранъ въ этомъ отношеніи извѣстнымъ французскимъ астрономомъ Камилломъ Фламаріономъ въ Bulletin de la Société astronomique de France *).

Во Франціи статистика убитымъ молніей ведется правильно съ 1835 года министерствомъ юстиціи. До 1895 года т.-е. за шестьдесятъ лѣтъ молніей убито *на одной только французской территоріи* шесть тысячъ сто девяносто восемь человѣкъ. Въ среднемъ это составитъ 100 человѣкъ въ годъ, иногда же годичное количество убитыхъ, какъ мы увидимъ, значительно превышаетъ эту цифру. Явленіе, какъ видно, достаточно значительно, чтобы быть достойнымъ серьезнаго вниманія и во всякомъ случаѣ имѣетъ мало общаго съ басней о *вывѣскѣ, сорвавшейся со стѣны*. Притомъ, нужно замѣтить, что вышеприведенная цифра имѣетъ въ виду только лишь убитыхъ наповалъ. Общее количество пострадавшихъ отъ молніи впятеро превышаетъ число убитыхъ наповалъ; тѣмъ не менѣе нужно замѣтить, что число смертныхъ случаевъ отъ ожоговъ молніей и отъ паралича сравнительно очень невелико: если человѣкъ поднимается послѣ удара, онъ обыкновенно почти невреднмъ Разсматривая цифры убитыхъ, приходящихся на каждый годъ, Фламъ-

*) Bull. de la Société astr. de France. Avril 1899. Les victimes de la foudre et ses caprices.

маріонъ приходитъ къ выводу, что количество смертей отъ молніи постепенно увеличивается, если даже принять въ соображеніе то обстоятельство, что статистика была не полна въ первые годы. Мы не будемъ проводить всѣхъ цифръ, укажемъ только, что съ 1835 до 1860 года только четыре года дали болѣе 100 убитыхъ (максимумъ 111 челов.). Минимальныя количества выпали на 1843 г. (48 чел.), 1853 г. (50 чел.), 1854 г. (52 чел.); тогда какъ съ 1860 по 1895 г. только четыре года дали меньше 100 убитыхъ (минимумъ 1879 г. (86 чел.). Максимумъ убитыхъ пришелся на слѣдующіе годы: 1892 г. (187 чел.), 1874 г. (178 чел.), 1884 г. (174 чел.), 1868 г. (156 чел.), 1893 г. (155 чел.). Увеличеніе количества убитыхъ можно было бы прежде всего приписать общему увеличенію количества населенія, но, какъ извѣстно, за послѣднее 30-лѣтіе Франція въ этомъ отношеніи почти не двинулись впередъ. Съ 1854 г. позаботились о томъ, чтобы въ статистическихъ свѣдѣніяхъ различался полъ убитыхъ: оказалось, что убитыхъ молніей женщинъ гораздо меньше. Возьмемъ для примѣра каждый десятый годъ: въ 1854 г. убито мужчинъ 38, женщинъ 14, 1864 г. муж. 61, жен. 26, 1874 г. муж. 127, жен. 53, 1884 г. муж. 134, жен. 40, 1894 г. муж. 94, жен. 23. Всего съ 1854 по 1895 г. муж. 3.435, жен. 1.305. Разные изслѣдователи пытались разными причинами объяснить такое предпочтеніе молніи къ пораженію мужчинъ: одни приписывали его разницѣ въ природѣ существа, органическаго электричества, платья т. п. Дѣло объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что число мужчинъ занятыхъ полевыми работами больше числа женщинъ.

Хотя территорія Франціи и невелика по сравненію съ поверхностью земного шара, однако и на этой маленькой территоріи распредѣленіе ударовъ молніи далеко не отличается правильностью. Замѣчаются области, гдѣ жертвы молніи очень рѣдки и, наоборотъ, нѣкоторыя провинціи платятъ въ нѣкоторомъ смыслѣ ежегодную и постоянную дань. Наиболѣе страдаютъ гористыя мѣстности, хотя съ ними иногда на одной ступени стоятъ и низменныя равнины. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о неравномѣрности такого распредѣленія, приведемъ цифры убитыхъ за 60 лѣтъ, приходящихся на отдѣльные департаменты. Такъ, на департаментъ Пюи-де-Дамъ приходится 230 убитыхъ, далѣе идутъ съ постепенно убывающей цифрой департаменты верховьевъ Луары (195 чел.), Саоны и Луары (164 чел), Сѣвера (152 чел.) и т. д. На самыхъ послѣднихъ ступеняхъ стоятъ департаменты Морбиганъ (30 чел.), Кальвадосъ (27 чел.), Орнъ (25 чел.) и Маншъ (17 чел.).

Многія причины играютъ важную роль въ этомъ распредѣленіи. Съ одной стороны замѣчено, что въ горныхъ областяхъ грозы чаще, чѣмъ въ равнинахъ; съ другой стороны случаи пораженія молніей, несомнѣнно, должны быть чаще тамъ, гдѣ число жителей больше. Въ тоже время случаи пораженія въ жилыхъ помѣщеніяхъ чрезвычайно рѣдки, такъ что городъ Парижъ, увеличивая до чрезвычайности количество жителей департамента Сены, чрезвычайно понижаетъ процентъ пораженныхъ грозою въ этомъ маленькомъ департаментѣ. Такъ напр., въ Парижѣ и во всемъ департаментѣ Сены съ 1864 г. по 1893 г. не было ни одного случая пораженія молніей, несмотря на то, что ежегодно нѣсколько грозъ разражается надъ нимъ и молнія почти каждый разъ ударяетъ въ деревья, общественныя зданія и дома. Для того, чтобы лучше судить объ относительномъ количествѣ пораженныхъ молніей сравнительно съ плотностью населенія, количество жителей каждаго департамента было раздѣлено на общую цифру пораженныхъ молніей и такимъ образомъ получилось количество жителей на одного пораженнаго громомъ. Оказалось, что эта пропорція значительно варіируетъ по областямъ. Если даже отбросить находящійся въ особыхъ условіяхъ департаментъ Сены, гдѣ одинъ убитый приходится на 92.792 жителя, мы найдемъ

такія цифры: въ деп. Маншѣ одинъ на 29.414 жит.; въ Морбиганѣ одинъ на 18.400 жит.; тогда какъ въ Лозерѣ одинъ убитый приходится на 1.362 жителя, въ нижнихъ Альпахъ одинъ на 1.458 жителей; въ верхней Луарѣ одинъ на 1.675 человѣкъ.

Количество несчастныхъ случаевъ съ людьми располагается въ слѣдующемъ порядкѣ по мѣсту происшествія. Первую группу составляютъ пораженные подъ деревьями, которыхъ оказывается значительное большинство; затѣмъ слѣдуютъ пораженные въ открытомъ полѣ, въ особенности часты притомъ несчастные случаи, если держать въ рукахъ желѣзные предметы: плугъ, косу, вилы и т. п. или вести въ рукахъ животныхъ. Далѣе слѣдуютъ несчастные случаи въ изолированныхъ строеніяхъ, фермахъ, пастушескихъ хижинахъ и т. п. Затѣмъ, въ сторожевыхъ будкахъ желѣзнодорожныхъ линій и, наконецъ, въ городахъ.

Вотъ краткое резюмэ шестидесятилѣтнихъ наблюденій. Въ заключеніе авторъ останавливается на отдѣльныхъ, рѣдкихъ случаяхъ, которые наблюдались лицами достойными довѣрія. Передаемъ наиболѣе интересные случаи собранные Фламмаріономъ. Вотъ случаи рѣдкаго явленія шаровидной молніи. Профессоръ Шнауферъ отъ 30 Октября 1898 года сообщилъ слѣдующее: «Молнія въ видѣ шара появилась въ жилой квартирѣ, въ комнатѣ, гдѣ находились молодая дѣвушка, которая сѣла на столъ и подняла ноги съ пола. Шаръ катился по полу, направился къ дѣвушкѣ, поднялся къ ней, спирально прокатился по ея тѣлу и затѣмъ вышелъ въ отверстіе камина, закрытое бумагой. По трубѣ свѣтящійся шаръ поднялся далѣе вверхъ и при выходѣ на воздухъ произвелъ взрывъ съ страшнымъ трескомъ, отъ котораго задрожалъ весь домъ. Молнія притомъ не причинила никакого вреда». Этотъ случай вполнѣ аналогиченъ съ тѣмъ, который сдѣлался классическимъ, благодаря отчету о немъ Бабинэ и Араго и произошелъ въ Парижѣ 5 іюля 1852 года. Замѣчательно полное сходство характерныхъ обстоятельствъ происшествія, выходъ шара въ отверстіе камина и его взрывъ на крышѣ при выходѣ изъ трубы. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ бюллетеней французской Ассоціаціи для процвѣтанія наукъ Вандеръ сообщаетъ слѣдующій фактъ. Надъ коммуной Беньонъ разразилась сильная гроза. Авторъ сообщенія находился на фермѣ съ двумя дѣтьми 12—13-лѣтняго возраста. Дѣти находились подъ крытыми воротами хлѣва, въ которомъ помѣщалось 25 головъ рогатаго скота. Передъ ними находился открытый дворъ длиною около 20 метровъ, на концѣ котораго росъ тополь. Вдругъ на верхушкѣ тополя появился огненный шаръ, величиною въ яблоко, который на глазахъ наблюдателя спускается съ вѣтки на вѣтку внизу и, наконецъ, спускается по стволу на землю. Затѣмъ, очень медленно онъ катится по двору по самой землѣ и пробирается подъ ворота, гдѣ находились дѣти. Одинъ изъ нихъ имѣлъ храбрость коснуться шара ногою; тотчасъ раздался страшный взрывъ, потрясшій стѣны фермы, дѣти были брошены на землю, но остались совершенно невредимыми, зато одинадцать головъ скота наповалъ убито въ хлѣвѣ. Невозможно дать объясненія этой аномаліи: ребенокъ касающійся самой молніи отдѣлывается страхомъ, а позади него 11 животныхъ убито наповалъ?!

Иногда молнія проходитъ, не причинивши не только вреда, но даже оказываетъ благодѣтельное вліяніе, иногда же просто какъ бы забавляется. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ практики прошлаго лѣта. Нѣкто Фино находился на порогѣ своей хижины, наблюдая грозу, какъ вдругъ сильными ударами грома его сшибла съ ногъ и бросило въ уголъ комнаты. Нѣкоторое время, онъ находился въ безсознательномъ состояніи и зрѣніе его оставалось помраченнымъ въ теченіе 10 часовъ, послѣ чего онъ вполнѣ оправился. Но замѣчательно то, что субъектъ этотъ, страдая сильнымъ ревматизмомъ ногъ, едва могъ ходить съ помощью палки; со времени происшествія онъ ходитъ безъ палки и съ легкостью выполняетъ работы, которые давались ему съ большимъ трудомъ. Въ другомъ мѣстѣ три

женщины стояли возлѣ жатвенной машины; ударомъ молніи одна изъ нихъ убита наповалъ, двѣ другія поднялись совершенно невредимыми, но на нихъ не осталось признаковъ платья: даже обувь была сорвана съ ихъ ногъ. Подобныхъ случаевъ извѣстно нѣсколько. Нерѣдко желѣзные предметы вырываются изъ рукъ молніей, причемъ она не причиняетъ никакого вреда человѣку; изъ многочисленныхъ примѣровъ этого рода, приведемъ слѣдующій: рабочій несъ на плечахъ вилы; ударомъ молніи вилы были вырваны изъ его рукъ, унесены на разстояніи около 50 метровъ, причемъ стальные зубья ихъ оказались спирально закрученными въ видѣ пробочниковъ.

Бываютъ случаи, когда молнія разсѣкаетъ человѣка на-двое, какъ бы сильнымъ ударомъ топора. Такъ напр., 20 января 1868 г. въ Круа молнія упала на вѣтряную мельницу и убила мельника, который съ головы до ногъ оказался какъ бы раздѣленнымъ пополамъ. Ударъ молніи расплавилъ серебряную серьгу, продѣтую въ ухѣ одной женщины; послѣдняя осталась живой.

Примѣры эти можно было бы умножить до безконечности. Въ заключеніе приведемъ еще одинъ фактъ, недавно наблюдавшійся въ Соединенныхъ Штатахъ. Одинъ фермеръ, ярый республиканецъ, украсилъ фасадъ своей новой фермы большими литографированными портретами Макъ-Кинлея и Гобарта. Во время сильной грозы, молнія нѣсколько разъ ударяла въ новое зданіе, которое казалось объятымъ пламенемъ. Испуганный владѣлецъ бросился къ своей фермѣ, но къ своему крайнему изумленію нашелъ все въ полной цѣлости. Онъ замѣтилъ только, что портреты его кандидатовъ исчезли, но зато молнія воспроизвело ихъ точную копію со всѣми деталями на стѣнѣ, гдѣ они висѣли.

Всѣ эти факты, объясненія которымъ мы еще не въ состояніи дать, еще разъ доказываютъ намъ, насколько несовершенно еще наше знаніе природы и какъ интересны должны быть многія ея области, куда научное изслѣдованіе не могло пока проникнуть.

Медицина и гигіена. 1) *Новыя изслѣдованія о зараженіи туберкулёзомъ.* Обыкновенно допускаютъ, что зараженіе туберкулёзомъ происходитъ черезъ высохшую мокроту, выдѣляемую туберкулёзными больными. Это положеніе основано на классическихъ въ настоящее время изслѣдованіяхъ берлинскаго профессора Cornet. Онъ показалъ, что мокрота чахоточныхъ, плюющихъ прямо на землю, высыхаетъ, превращается въ пыль подъ ногами прохожихъ, либо подъ метлою и щеткою убирающаго жилыя помѣщенія слуги; пыль эта, заключающая въ себѣ способныя произвести зараженіе туберкулёзныя бациллы поднимается вѣтромъ, носится въ воздухѣ и вдыхается легкими лицъ, окружающихъ туберкулёзнаго больнаго, вводитъ въ ихъ легкія агента, производящаго зараженіе чахоткой. Такъ въ большинствѣ случаевъ происходитъ зараженіе въ казармахъ, рабочихъ помѣщеніяхъ, различныхъ бюро, гдѣ часто чахоточный рабочій или чиновникъ передаетъ болѣзнь своему сосѣду. Факты эти въ настоящее время общеизвѣстны и теорія берлинскаго ученаго объясняла ихъ повидимому тѣмъ полнѣе, что многочисленныя изслѣдованія показали, что воздухъ, выдыхаемый туберкулёзными больными не заключаетъ въ себѣ туберкулёзныхъ бациллъ. Во избѣжаніе распространенія туберкулёзной заразы посредствомъ высохшей мокроты, Cornet предложилъ рядъ профилактическихъ мѣръ (запрещеніе плевать на полъ, устройство общественныхъ плевальницъ и введеніе плевальницъ для личнаго употребленія, чистку комнатъ мокрыми тряпками и т. п.), которыя чрезъ нѣкоторое время были введены въ большинствѣ цивилизованныхъ странъ.

Вопросъ о передачѣ туберкулёзной заразы стоялъ на этой фазѣ, когда два года тому назадъ бреславлскій профессоръ Flügge, занимаясь изслѣдованіемъ о зараженіи хирургическихъ ранъ бактеріями воздуха, констатировалъ, что въ то время, когда человѣкъ говоритъ громко или тихо, а еще болѣе когда онъ кашъ-

ляетъ или чихаетъ, въ воздухъ выбрасывается множество микроскопическихъ капелекъ слюны, которыя, будучи наполнены бактеріями, находящимися нормально въ полости рта, летаютъ нѣкоторое время въ воздухѣ, переносятся иногда довольно далеко воздушными теченіями и, въ концѣ концовъ, осѣдаютъ на землю. Посредствомъ самыхъ тщательныхъ опытовъ, онъ опредѣлилъ время, въ теченіе котораго микроскопическія капельки носятся въ воздухѣ, минимальную скорость воздушнаго тока, необходимую для ихъ переноса, разстояніе, на которое совершается такой переносъ и т. п. Эти изслѣдованія проливали новый свѣтъ въ туманный вопросъ о передачѣ нѣкоторыхъ болѣзней дыхательныхъ органовъ. Становилось очевиднымъ, что больной воспаленіемъ легкихъ, инфлуэнцой или чахоткой, который кашляетъ много, создаетъ вокругъ себя, когда онъ говоритъ или кашляетъ, опредѣленную зону наполненную микроскопическими капельками, содержащими въ себѣ специфическихъ агентовъ, производящихъ пневмонію, инфлуэнцу, туберкулёзъ; далѣе, что лица находящіяся по сосѣдству съ такими больными, подвергаются опасности ввести въ свои легкія вмѣстѣ съ вдыхаемымъ воздухомъ, заключающіяся въ немъ капельки съ специфическими бациллами.

Flügge принялся за провѣрку этихъ положеній и изслѣдованія, произведенныя въ его лабораторіи и подъ его руководствомъ четырьмя его учениками, недавно опубликованныя въ «Zeitschrift für Hygiene» (мартъ 1899 г., т. XXX, выпускъ I), ясно доказываютъ, что опасность зараженій жидкою мокротою (микроскопическими капельками) болѣе, чѣмъ опасность зараженія сухою мокротою, и что профилактика туберкулёза въ томъ видѣ, въ какомъ она была установлена на основаніи изслѣдованій Cornet, должна быть измѣнена и дополнена. Были произведены изслѣдованія двоякаго рода: одни были предназначены для провѣрки опытовъ Cornet надъ заразительностью сухой мокроты, другія, чтобы подкрѣпить теорію возможности передачи туберкулёза посредствомъ жидкой мокроты. Мы изложимъ вкратцѣ сущность этихъ опытовъ.

Для провѣрки теоріи Cornet, Sticher произвелъ двѣ серіи опытовъ. Первый былъ поставленъ слѣдующимъ образомъ. Тонкая пыль, предварительно стерилизованная, была растерта до сухости съ мокротою туберкулёзныхъ и помѣщена въ каучуковый баллонъ, соединенный съ одной стороны съ мѣхомъ для поддуванія, съ другой съ маской надѣвающейся на голову и укрѣпляющейся на шеѣ морскихъ свинокъ, надъ которыми, производились опыты. По выходѣ изъ маски воздухъ проходилъ черезъ флаконъ съ растворомъ хлористаго натрія. Въ этихъ условіяхъ, несмотря на быстрый токъ воздуха, производимый поддуваломъ (скорость тока каждый разъ съ точностью опредѣлялась) и несмотря на частое встряхиваніе баллона, въ которомъ заключалась высохшая мокрота, *ни одна изъ морскихъ свинокъ, надъ которыми производился опытъ, не заразилась туберкулёзомъ.*

Въ другой серіи опытовъ, Sticher замѣнилъ мокроту, растертую съ пылью, мокротою, расположенною на компрессахъ и предварительно высушенныхъ въ десиккаторѣ. Поступая также, какъ въ предъидущемъ опытѣ т. е., сотрясая и сжимая баллонъ въ то время, когда продувался токъ воздуха, онъ констатировалъ, что *всѣ морскія свинки заболѣли туберкулёзомъ*, когда скорость тока воздуха доходила до одного метра въ секунду и во всякомъ случаѣ не была менѣе 30 сентиметровъ въ секунду. Слѣдовательно, когда высушиваніе мокроты не было совершеннымъ или когда притокъ воздуха не былъ достаточно сильнымъ, зараженія туберкулёзомъ черезъ вдыханіе не происходило, несмотря на сильныя встряхиванія баллона, заключавшаго наполненную бациллами пыль. Чтобы по возможности ближе стать къ условіямъ обыденной жизни, Beninde повторилъ опыты Sticher'a, пользуясь платками, бывшими въ употребленіи у туберкулезныхъ больныхъ, и ему удалось констатировать слѣдующее: если пла-

токъ, въ которыхъ плевалъ чахоточный, былъ предварительно высушенъ въ десиккаторѣ, морскія свинки становились туберкулёзными, также какъ и въ опытахъ Sticher'a. Если же опыты производились съ платками, которые, послѣ употребленія ихъ чахоточными, оставались въ ихъ карманѣ, гдѣ они и высыхали въ теченіе 24 или 48 часовъ, можно было пропускать воздухъ со скоростью превосходящею 1 метръ въ секунду, встряхивать, тереть и сжимать платокъ, заключенный въ баллонѣ, и ни одно изъ животныхъ не заражалось туберкулёзомъ.

Что же показываютъ намъ эти опыты? Они доказываютъ, что зараженіе высохшей мокротой *можетъ* произойти; но для того, чтобы оно произошло, нужны нѣкоторыя благопріятныя обстоятельства (полное высыханіе мокроты, значительной скорости притокъ воздуха), которыя рѣдко, если не въ видѣ исключенія, встрѣчаются въ обыденной жизни.

Опыты Лащенка и Heymann'a показываютъ намъ условія зараженія жидкою мокротою туберкулёзныхъ. Въ первой серіи опытовъ Лащенко пропускалъ токъ воздуха по поверхности и черезъ жидкую мокроту туберкулёзныхъ и констатировалъ, что достаточно тока воздуха скоростью въ 3 миллиметра, чтобы унести на разстояніе одного метра жидкія частицы, переполненныя бациллами. Слѣдовательно, распространеніе жидкой пыли происходитъ съ большею легкостью, чѣмъ распространеніе твердой. Въ другой серіи опытовъ тотъ же изслѣдователь заставилъ чахоточныхъ говорить, кашлять и плевать на опредѣленномъ разстояніи отъ блюдечекъ, наполненныхъ бульономъ, предназначеннымъ для культуры бациллъ. Изъ 6 туберкулёзныхъ четверо заразили бульонъ, т. е., кашляя и разговаривая, распространили микроскопическія капельки съ туберкулёзными бациллами вокругъ себя на значительное разстояніе. Эти опыты съ тѣмъ же успѣхомъ были повторены Heymann'омъ: изъ 35 чахоточныхъ онъ нашелъ 14 человѣкъ, т. е. 40%, которые въ этихъ условіяхъ разбрасывали на разстояніе 50 сентим. и болѣе жидкую пыль, наполненную бациллами. Не ограничившись этимъ, Heymann пошелъ далѣе и поставилъ слѣдующіе опыты: онъ помѣщалъ чахоточныхъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ клѣтокъ, въ которыхъ находились морскія свинки; головы ихъ были укрѣплены такъ, что они смотрѣли прямо въ лицо чахоточнымъ; больные кашляли, говорили, отплевывали мокроту, когда въ этомъ была надобность. Опытъ длился нѣсколько мѣсяцевъ и далъ слѣдующій результатъ: *изъ 25 морскихъ свинокъ, подвергавшихся опыту, 6 заболѣли легочной чахоткой.* Чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, не нужно забывать, что количество воздуха, проникающаго въ легкія морскихъ свинокъ очень незначительно, и что сила вдыхательныхъ движеній очень слаба у этихъ животныхъ по сравненію съ человѣкомъ.

Изслѣдованія Лащенка и Heymann'a устанавливаютъ такимъ образомъ существованіе новаго источника заразы: это зона, наполненная жидкою пылью съ бациллами, которая образуется вокругъ чахоточнаго, когда онъ кашляетъ или плюетъ. Какова же дѣйствительная опасность, которую она представляетъ? Анализируя работы своихъ учениковъ, Flügge говоритъ, что значенія этой опасности не нужно преувеличивать. Прежде всего оказывается, что не всѣ чахоточные распространяютъ пыль съ бациллами: таковыхъ по изслѣдованіямъ Sticher'a оказывается 40%. Во-вторыхъ, слѣдуетъ принимать въ соображеніе разстояніе, на которомъ воздухъ становится зараженнымъ капельками: опасная зона по изслѣдованіямъ Лащенка и Sticher'a имѣетъ радіусъ 50 сентим.; на разстояніи 1 метра или $1^1/_2$ м. уже не находятъ капелекъ съ бациллами. Слѣдуетъ, наконецъ, принимать во вниманіе продолжительность времени пребыванія въ опасной зонѣ. Очень простыхъ профилактическихъ средствъ достаточно, чтобы уменьшить шансы зараженія жидкой мокротой. Достаточно, чтобы больной, когда онъ кашляетъ или плюетъ, держалъ передъ своимъ ртомъ руку или

платокъ, чѣмъ сведется почти къ нулю распространеніе жидкой мокроты съ бациллами. Лица, окружающія больного, не должны безъ особой надобности приближаться къ нему въ то время, когда онъ кашляетъ или плюетъ. Наконецъ, въ конторахъ, различныхъ бюро и рабочихъ помѣщеніяхъ, слѣдуетъ наблюдать, чтобы разстояніе между головами чиновниковъ или рабочихъ не было менѣе одного метра, разстояніе, ограничивающее опасную зону. Что же касается профилактическихъ мѣръ, основанныхъ на изслѣдованіяхъ Cornet, то онѣ должны быть сохранены во всей своей силѣ въ казармахъ, конторахъ, рабочихъ помѣщеніяхъ, общественныхъ экипажахъ, вагонахъ, словомъ всюду, гдѣ частое движенія публики можетъ, хотя бы и рѣдко, создать опасность зараженія высохшею мокротою. (Revue générale des sciences № 8, 1899 г.).

Изъ вышеизложеннаго ясно видно, какую серьезную опасность зараженія чахоткой создаетъ скверная привычка плевать на улицахъ, на полъ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, если немного подумать, не трудно придти къ выводу, что плевать на улицѣ или въ общественномъ мѣстѣ—значитъ плевать въ ротъ своего сосѣда и любого прохожаго. Не даромъ американцы ведутъ серьезную борьбу съ обыкновеніемъ плевать, гдѣ угодно и когда угодно. Два года тому назадъ запрещено было плевать въ вагонахъ и общественныхъ экипажахъ подъ угрозою штрафа, доходящаго до крупной суммы (около 200 руб.). Въ настоящее время въ Бостонѣ запрещено плевать даже на улицахъ и общественныхъ площадяхъ. Санитарное бюро въ Бостонѣ, по словамъ Médecine moderne, объявило безжалостную войну противъ этой скверной привычки, развѣсивши слѣдующее объявленіе: «санитарное бюро Бостона считаетъ привычку плевать въ общественномъ мѣстѣ актомъ безусловно вреднымъ, источникомъ опасности и причиною болѣзней. Поэтому, формально воспрещается плевать на полъ, платформы и ступеньки всякаго общественнаго экипажа, вагона, трамвая, въ помѣщеніи вокзала, ресторанахъ, церквахъ, театрахъ, рынкахъ, на тротуарахъ улицъ и общественныхъ площадяхъ»! Желательно, чтобы этотъ хорошій примѣръ нашелъ побольше подражаній.

2) *Стерилизація воды для питья посредствомъ озона.* Извѣстно, что вода служитъ часто источникомъ распространенія инфекціонныхъ болѣзней и съ тѣхъ поръ какъ фактъ этотъ былъ прочно установленъ въ наукѣ, гигіенисты съ одной стороны, инженеры съ другой заняты изобрѣтеніемъ способовъ, которыми можно было бы удалять изъ воды патогенныхъ микробовъ. Множество способовъ предложено было для достиженія этой цѣли. Ихъ можно раздѣлить на двѣ большихъ категоріи: одни изъ нихъ направлены на то, чтобы помѣшать проникновенію зародышей болѣзней съ поверхности земли до почвенныхъ водъ, служащихъ для питья; другіе имѣютъ цѣлью удаленіе или разрушеніе зародышей микробовъ, присутствія которыхъ въ водѣ не было возможности избѣжать. Такъ какъ многіе города находятся въ такихъ условіяхъ, что нѣтъ возможности избѣжать разныхъ причинъ зараженія ихъ почвенныхъ водъ, благодаря геологическому строенію верхнихъ слоевъ земной оболочки, на которой они расположены, имъ остается только выборъ средствъ послѣдней категоріи.

Почти всѣ способы очистки, предложенные до сихъ поръ, представляютъ серьезныя затрудненія, въ особенности, если ихъ нужно примѣнить въ большомъ масштабѣ. Фильтрованіе черезъ слои песку улучшаетъ воду, но не даетъ никогда достаточной гарантіи въ полной безопасности такой воды для питья. Стерилизація посредствомъ теплоты слишкомъ дорого обходится, чтобы ее можно было широко примѣнить на практикѣ. Изъ способовъ химической очистки единственный оказавшійся въ настоящее время пригоднымъ для практическаго осуществленія, основанъ на примѣненіи озона.

Уже давно извѣстны качества этого газа, являющагося энергичнымъ окислителемъ и губительнымъ для микробовъ. Давно уже многіе ученые рекомендо-

вали этотъ газъ, какъ весьма пригодный для стерилизаціи воды, оставалось только разрѣшить практическую сторону дѣла. Первый аппаратъ для такой стерилизаціи появился на гигіенической выставкѣ въ Парижѣ въ 1895 году; онъ давалъ два кубическихъ метра стерилизованной воды въ часъ, но система эта не получила широкаго примѣненія въ обиходѣ какого-нибудь города и задача массовой стерилизаціи воды оставалась все еще не разрѣшенной. Недавно былъ произведенъ въ городѣ Лиллѣ опытъ въ большомъ масштабѣ по способу предложенному Мармье и Абрагамомъ. Мы не будемъ описывать тѣхъ, по своей сущности, очень простыхъ машинъ, которыя потребовались для приведенія въ исполненіе проекта названныхъ инженеровъ, которымъ, судя по отчету коммиссіи, назначенной муниципалитетомъ Лилля, удалось вполнѣ удовлетворительно разрѣшить практическую задачу. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о результатахъ, которые получены были названной коммиссіей, устроившей рядъ опытовъ. Способъ стерилизаціи большихъ количествъ воды посредствомъ озона предложенный Мармье и Абрагамомъ признанъ вполнѣ дѣйствительнымъ, лучшимъ изъ всѣхъ, примѣнявшихся до сихъ поръ. Простое устройство аппаратовъ, ихъ прочность и правильность функціонированія даютъ всѣ гарантіи, которыхъ можно требовать отъ индустріальныхъ аппаратовъ. Всѣ патогенные микробы и сапрофиты вполнѣ разрушаются, за исключеніемъ Bacillus subtilis, совершенно безвреднаго для человѣка и животныхъ; къ тому же названный микробъ сопротивляется большинству примѣнявшихся для стерилизаціи средствъ и даже кипяченію при увеличеніи давленія при 110°. Важно замѣтить также, что озонированіе воды не вноситъ въ нее никакого посторонняго элемента, вреднаго для здоровья организма. Наоборотъ, вслѣдствіе значительнаго уменьшенія содержащихся въ водѣ органическихъ соединеній, вода, подвергнутая обработкѣ озономъ менѣе подвержена послѣдующимъ процессамъ броженія и, слѣдовательно, не такъ легко портится. Наконецъ, такъ какъ озонъ есть ничто иное какъ кислородъ съ инымъ молекулярнымъ строеніемъ, примѣненіе его имѣетъ то преимущество, что онъ какъ бы энергичнѣе насыщаетъ воду воздухомъ, дѣлаетъ ее болѣе здоровою и пріятною для питья, не лишая ее въ тоже самое время ея полезныхъ минеральныхъ элементовъ.

Энтографія. *Русскіе на рѣкѣ Колымѣ.* По низовьямъ сибирскихъ рѣкъ, протекающихъ по дикой, непривѣтливой и неудобной для культурной жизни тундрѣ и впадающихъ въ Ледовитый Океанъ, расположены русскія поселенія, основанныя первыми завоевателями Сибири. Чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о жизни нѣкоторыхъ изъ такихъ русскихъ поселеній, именно расположенныхъ по среднему и нижнему теченію рѣки Колымы, были сообщены *В. Г. Богоразомъ* въ засѣданіи Имп. Русск. Географич. Общества 7 мая 1899 года. Населеніе это, смѣшавшись съ туземными инородцами, составило своеобразную племенную смѣсь, сравнительное изученіе которой представляетъ громадный интересъ въ энтографическомъ, антропологическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. Нерѣдко среди русскаго населенія по рѣкѣ Колымѣ можно встрѣтить типичныхъ тунгусовъ и чукчей. Немногочисленные инородническіе роды Нижнеколымска совершенно смѣшались съ русскими, находятся въ непрерывномъ брачномъ соединеніи съ ними и ни въ какомъ отношеніи не разнятся отъ остального русскаго населенія. Въ Среднеколымскѣ русское населеніе живетъ бокъ-о-бокъ съ якутами, что при свободѣ нравовъ на Колымѣ, влечетъ за собой постоянное смѣшеніе крови. Въ типѣ русскаго населенія примѣсь эта сказалась многими, весьма замѣтными чертами. Такъ, на Походской вискѣ, составляющей центръ русскаго населенія, попадаются еще лица чистаго кавказскаго типа съ русыми волосами, сѣрыми или голубыми глазами, прямымъ носомъ, но обыкновенно эти признаки смѣшиваются съ признаками инородническими: при сѣрыхъ глазахъ являются широкія скулы, носы и т. п. Несмотря на свою мал-

численность (всѣхъ русскихъ на Колымѣ около 1.200 человѣкъ) русское населеніе, раздѣленное къ тому же на двѣ неравныя группы поселеніями якутовъ, сохранило однако русскій языкъ со многими его архаическими формами, русскія пѣсни, сказки, суевѣрія и обычаи въ томъ же видѣ, въ какомъ они были принесены съ далекой родины. Наряду съ многими словами юкагирскаго и ламутскаго происхожденія въ ихъ языкѣ можно встрѣтить древне-русскія слова и даже историческія выраженія, потерявшія для колымчанъ всякій смыслъ, таковы напр.: *разнобоярщина*, *на бѣлой землѣ сидѣть*, *литовское разоренье* и пр. Среди юкагирскихъ и чукотскихъ сказокъ попадается множество старыхъ московскихъ сказокъ. Память колымчанина съ изумительнымъ упорствомъ хранитъ названія неизвѣстныхъ для него рѣкъ и городовъ, какъ напр. Волга-матушка, Донъ Ивановичъ, Черниговъ, Саратовъ или имена историческихъ лицъ, какъ напр. Скопинъ, Императоръ Петръ Алексѣевичъ, казакъ Платовъ и т. д. Наряду съ обрядами инородническаго шаманства являются смѣшанные съ ними повѣрья и обряды древне-русскіе. Сусѣдко-домовой, дѣдушка-водяной, лѣшій встрѣчаются въ ихъ представленіяхъ съ таинственными шайтанами, выходящими ночью изъ могилъ, разбросанныхъ по глухимъ берегамъ Колымы, Анѣя и др. рѣкъ. Колымчане исполнены робкаго и почтительнаго обожанія къ своей далекой, таинственной и неизвѣстной для нихъ отчизнѣ, откуда вышли ихъ предки 250 лѣтъ тому назадъ, а потому нерѣдко въ столкновеніяхъ съ инородцами, которыхъ называютъ «дикими азіатами», колымскій порѣчанинъ настаиваетъ на своемъ русскомъ, православномъ происхожденіи. И тѣмъ не менѣе русское населеніе усвоило себѣ весь матеріальный бытъ туземныхъ племенъ, пріобрѣло образъ жизни и привычки этихъ «дикихъ азіатовъ», являющихся тѣми же охотниками-ихтіофагами, какими были сѣверные инородцы Сибири еще до пришествія туда русскихъ.

Довольно значительный элементъ составляютъ также уголовные ссыльные, число которыхъ съ ихъ семьями доходитъ въ настоящее время до 100 человѣкъ. Нѣкоторые изъ такихъ невольныхъ поселенцевъ совершенно ассимилировались, обзавелись семьей, хозяйствомъ и не требуютъ отъ общества никакого вспомоществованія. Но это явленіе составляетъ исключеніе; большая же часть поселенцевъ является тяжелымъ бременемъ для округовъ, къ которымъ они приписаны, получая отъ нихъ содержаніе рыбой и деньгами. Количество ихъ постоянно мѣняется, но были годы, когда, напр., одинъ обрусѣлый родъ колымскихъ якутовъ, имѣющій только 13 взрослыхъ мужчинъ, въ томъ числѣ 3 стариковъ, должны были содержать 9 поселенцевъ. Административное устройство русскаго населенія также разнообразно. Въ Среднеколымскѣ самымъ важнымъ элементомъ являются служилые казаки, причисленные къ пѣшему якутскому казачьему полку; они не имѣютъ оружія и числятся въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Казаки эти употребляются для полицейской службы, но главная ихъ обязанность заключается въ томъ, что они возятъ почту и сопровождаютъ поселенцевъ. Повинность эта падаетъ тяжелымъ бременемъ на долю молодыхъ, бѣдныхъ казаковъ, такъ какъ болѣе зажиточные подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ уклоняются отъ командировокъ, равнымъ образомъ какъ и люди постарше возрастомъ. Трудно представить себѣ трудности такого пути въ особенности въ лѣтнее время, когда онъ тянется мѣсяцевъ 4, 5 и представляетъ крайне тягостную экспедицію по болотистой мѣстности: цѣлыми днями лошадь бредетъ по брюхо въ грязи и къ вечеру трудно бываетъ найти достаточно сухое мѣсто для того, чтобы разложить огонь и поставить палатку; весь дневной переходъ въ такихъ условіяхъ не превышаетъ 15—18 верстъ. Тамъ, гдѣ мѣстность гористая, является другое затрудненіе, такъ какъ приходится переходить вбродъ множество горныхъ рѣчекъ, если же послѣднія разольются въ половодье, то приходится цѣлыми недѣлями ждать переправы.

Кормиться во время такихъ путешествій приходится отъ гостепріимства якутовъ и въ случаѣ отказа съ ихъ стороны, казакъ долженъ насильно добывать себѣ пропитаніе. Трудно представить себѣ, какой образъ жизни складывается подъ вліяніемъ такихъ постоянныхъ разъѣздовъ для молодого казака, который получаетъ отвращеніе отъ всякаго труда и промысла. Для своего содержанія служилый казакъ получаетъ отъ казны 2 п. муки въ мѣсяцъ, причемъ половина мѣсяцевъ въ году выдача идетъ деньгами, что составляетъ по казенной, доставной цѣнѣ отъ 15 до 20 руб. въ мѣсяцъ, а со всѣми другими денежными выдачами составляетъ на паёкъ: 150 рублей деньгами и 12 пудовъ муки. Но такъ какъ жалованье выдается неисправно, то три четверти казаковъ запродаютъ его торговцамъ, причемъ за пудъ муки платятъ въ 6—9 разъ дороже ея мѣстной стоимости.

Вторая многочисленная группа населенія—нижнеколымское мѣщанское общество, которое совершенно было бы подавлено тяжестью непосильныхъ платежей и натуральныхъ повинностей, если бы не станочная гоньба для казенной почтовой надобности: 700—800 руб., получаемые обществомъ за содержаніе нижнеколымскаго станка и цѣликомъ почти уходящіе на платежи повинностей, недоимокъ и т. п., спасаютъ населеніе, неимѣющее за отсутствіемъ на крайнемъ сѣверѣ заработковъ никакихъ платежныхъ средствъ. Въ особенно же тяжеломъ по отношенію къ податямъ положеніи находятся обрусѣлые инородческіе роды, которые во время эпидеміи оспы вымерли больше чѣмъ на половину и которые до сихъ поръ никакъ не могутъ избавиться отъ платы за выморочныя души; яркимъ примѣромъ такого положенія можетъ служить одинъ обрусѣлый юкагирскій родъ, въ которомъ всего лишь 3 работника, молодыхъ парня, которымъ приходится платить повинности за 10 душъ.

Главнымъ занятіемъ, дающимъ населенію средство къ существованію, является рыболовство. Мука, въ особенности на нижней Колымѣ, драгоцѣнная рѣдкость и употребляется не въ пищу, а для питья въ случаѣ отсутствія кирпичнаго чаю: ее поджариваютъ на сковородѣ и завариваютъ кипяткомъ. Мясо еще болѣе рѣдкій продуктъ питанія: на многихъ заимкахъ его видятъ лишь въ короткое лѣто, когда случается убить дикаго оленя. Рыбу либо отвариваютъ, или же зимою морозятъ сырую рыбу и ѣдятъ, строгая ее тонкими стружками. Для соленія рыбы нѣтъ достаточно соли, которая очень дорога на Колымѣ, ни посуды, необходимой для соленія. Нѣтъ также погребовъ за отсутствіемъ нужныхъ для ихъ устройства инструментовъ. А между тѣмъ невозможность сохраненія запасовъ—основная причина ежегодныхъ голодовокъ на Колымѣ. Главнымъ животнымъ служащимъ для перевозки является собака, а потому русскіе являются лучшими собаководами, у которыхъ даже сидячіе чукчи, которые издавна ѣздятъ на собакахъ, заимствуютъ собакъ для улучшенія породы своихъ собакъ, а также форму нарты, родъ упряжи и т. и. Откуда русскіе на Колымѣ позаимствовали собаководство, опредѣлить съ точностью невозможно; нужно полагать, судя по нѣкоторымъ лингвистическимъ признакамъ, что оно заимствовано съ камчатки или отъ сидячихъ коряковъ. Скотоводство и коневодство у русскаго населенія мало развито; скотоводами по преимуществу являются якуты.

Во всемъ округѣ нѣтъ почти никакой медицинской помощи, если не считать того обстоятельства, что за 10 послѣднихъ лѣтъ былъ на Колымѣ врачъ въ теченіе одной зимы, да и тотъ, неужившись съ населеніемъ, бѣжалъ изъ округа. Въ обычное время люди умираютъ на Колымѣ оттого, что некому вытащить занозу или разрѣзать случайно образовавшійся нарывъ. Во все остальное время леченіе лежало на одномъ фельдшерѣ, который за множествомъ другихъ заботъ не могъ выполнять своихъ прямыхъ обязанностей. Результатомъ крайней распущенности нравовъ и свободы половыхъ отношеній, начинающихся

съ наступленіемъ зрѣлости, является распространеніе сифилиса. Въ 1896—1897 гг. вслѣдствіе сильнаго развитія этой болѣзни былъ назначенъ въ колымскій округъ еще одинъ фельдшеръ для борьбы съ сифилисомъ, но борьба эта превратилась скоро въ самый грубый судебно-медицинскій сыскъ и населеніе просило пріѣхавшаго изъ Якутска ревизора избавить его отъ всѣхъ мукъ леченія и свидѣтельствованія, послѣ чего искорененіе сифилиса временно прекратилось.

Еще ужаснѣе для населенія другая страшная гостья, пять разъ посѣщавшая Колыму въ теченіе нынѣшняго столѣтія—это эпидемія оспы, особенно свирѣпствовавшая въ теченіе зимы 1884—1885 г., когда нѣкоторыя заимки на нижней Колымѣ вымерли до послѣдняго человѣка. Болѣзнь эта сразу уноситъ весь приростъ населенія, накопившійся со времени послѣдней эпидеміи. Докладчикомъ была изображена ужасающая картина послѣдней эпидеміи оспы, записанной имъ со словъ одного казака, приставленнаго по приказу начальства ухаживать за больными оспой. Вполнѣ понятнымъ становится по этому тотъ суевѣрный ужасъ, который населеніе Колымы питаетъ къ оспѣ. «Матушка оспа», «начальница»—вотъ тѣ эпитеты, которыми ее величаютъ. Цѣлыя семьи поголовно вымирали въ одну ночь отъ этой ужасной болѣзни.

«Въ такихъ то условіяхъ», закончилъ свой длинный и интересный докладъ В. Г. Богоразъ, «небольшой осколокъ великаго русскаго народа влачитъ свое жалкое существованіе, заброшенный среди полярныхъ снѣговъ на оледенѣлыхъ берегахъ негостепріимной рѣки. Родина не посылаетъ ему ничего, кромѣ нѣкоторыхъ предметовъ матеріальнаго быта, необходимыхъ для существованія послѣднему дикарю. Никакое благое вѣяніе не достигаетъ его лица, ни одна благая вѣсть не доносится къ его ушамъ. Глаза его обращены къ землѣ и только изрѣдка обращаются на западъ и то не съ надеждой, но съ суевѣрнымъ страхомъ, такъ какъ оттуда приходитъ могучая въ сѣверныхъ пустыняхъ матушка-оспа собирать человѣческую дань съ дикихъ и одичавшихъ обитателей полярнаго края».

Чтеніе было иллюстрировано многочисленными діапозитивами, которые усугубляли и безъ того тяжелое впечатлѣніе, произведенное краснорѣчивымъ разсказомъ о мрачныхъ условіяхъ существованія, въ которыхъ проходится жить и нѣкоторымъ невольнымъ пришельцамъ, исгнаннымъ сынамъ далекой европейской отчизны.

Н. М.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Іюнь. 1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Юридическія науки.—Философія и психологія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература.*—Изъ западной культуры: «О театрѣ и идеяхъ». Ив. Иванова. Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

С Елпатьевскій. «Разсказы и очерки».—*Бончъ-Бруевичъ.* «Русская поэзія». *Н. Соколовъ.* «Стихотворенія.—*Каллашъ.* «Русскіе поэты о Пушкинѣ». *Божеряновъ.* «Поэты поэту».

Елпатьевскій. Разсказы и очерки. Спб. Изд. Л. Пантелѣева. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Новый сборникъ разсказовъ и очерковъ г. Елпатьевскаго, въ который вошли произведенія его за послѣдніе 3—4 года, составленъ разнообразно и читается съ неослабнымъ интересомъ.

Талантъ г. Елпатьевскаго, его теплый юморъ, умное и мѣткое слово придаютъ огромному матеріалу наблюденій, которымъ располагаетъ авторъ, живость и интересъ современности или же ту особую жизненность художественнаго творчества, которая вызываетъ сочувственное біеніе въ сердцѣ читателя. Именно на двѣ категоріи такого рода распадается содержаніе этого сборника. Это—или наблюденія жизни, самой разнообразной—отъ далекаго Туруханскаго края до Ниццы и Рима, жизни нижегородской ярмарки и Вяземской лавры въ Петербургѣ, — или небольшія художественныя картинки, на которыхъ тщательно и съ подкупающей читателя любовью выписаны типичные образы, надолго запечатлѣвающіеся въ памяти. Таковы разсказы «Гекторъ», «Пожалѣй меня», «Въ кухнѣ», «Ѣдутъ», «Присяжнымъ засѣдателемъ».

Какъ наблюдатель, авторъ умѣетъ схватить главныя стороны жизни и обрисовать ихъ нѣсколькими смѣлыми штрихами достаточно ярко. Очень живо написаны его заграничныя воспоминанья. Особенно интересна и справедлива его характеристика современнаго француза съ его несокрушимымъ самодовольствомъ и вѣчнымъ любованіемъ собой, на подкладкѣ пошлости и духовнаго обнищанія. Впрочемъ, добавляетъ авторъ въ заключеніе, «французы за послѣднюю четверть вѣка значительно потеряли свою самоувѣренность. Хотите знать—почему? Потому что ихъ нѣмецъ побилъ. Я желаю одного,—чтобы имъ не удалось въ скорости побить нѣмца. Вы только вообразите,—французъ сомнѣвается! И цѣлыхъ уже 25 лѣтъ! Уже эта одна необычная продолжительность сомнѣнія даетъ право надѣяться, что онъ что-нибудь придумаетъ. А побьетъ нѣмца, тотчасъ получитъ увѣренность, — гребень кверху, хвостъ колесомъ и сейчасъ на заборъ—возвѣщать міру, какая онъ превосходная птица»... Также интересны и живы его картинки нижегородской ярмарки — «Самокаты» и «Мамоны», въ которыхъ авторъ, хорошо ознакомленный съ изнанкой всероссійскаго торжища, выводитъ нѣсколькихъ представителей веселящагося купечества и его увеселителей. Въ очеркѣ «На переписи» описано ночное посѣщеніе Вяземской лавры во время однодневной переписи въ Петербургѣ.

Замѣчательно, что такое огромной важности событіе, какъ всероссійская перепись, промелькнуло въ литературѣ почти безслѣдно, и небольшой очеркъ г. Елпатьевскаго пожалуй единственное исключеніе.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ общаго содержанія сборника стоятъ два большихъ очерка «Миша» и «Спирька», въ которыхъ авторъ дѣлаетъ попытку дать общую характеристику двухъ доминирующихъ въ наше время сословій—дворянства и купечества. Въ обработкѣ темы чувствуется вліяніе Щедрина и свойственныхъ старому народничеству взглядовъ на капитализмъ и его развитіе у насъ. Публицистическая струйка, примѣшивающаяся въ этихъ очеркахъ къ художественности, дѣлаетъ ихъ невполнѣ выдержанными, но отдѣльныя мѣста и въ нихъ удачны. Мѣтко схвачены нѣкоторыя черты господствующихъ сословій, какъ, напр., національныя тенденціи Миши или всероссійскій патріотизмъ на чисто карманной подкладкѣ Спирьки. «Я не совсѣмъ точно выразился, сказавши, что Миша антисемитъ: онъ анти... анти...—Я, собственно говоря, не знаю что. Миша всегда любилъ словечки и восклицанія и въ уѣздѣ въ минуты душевнаго жара часто говорилъ: «дондеръ-шишъ!» иногда въ видѣ объясненія добавляя: «тысяча чертей и одна пушка»... Теперь онъ говоритъ «народность»... хотя я также мало понимаю, что разумѣетъ Миша подъ этимъ словомъ, какъ его «дондеръ-шишъ», и тѣ объясненія, которыя онъ дѣлаетъ, также мало даютъ моему уму, какъ и тысяча чертей и одна пушка. Поляковъ онъ не любитъ за то, что они поляки, мусульманъ за то, что вѣрятъ въ Магомета, финляндцевъ—они пьютъ дешевое венгерское вина, а онъ, Миша—дорогое, кавказскіе народцы—маленькіе народцы и владѣютъ такими хорошими землями въ то время, какъ у Миши ничего нѣтъ... Развившаяся въ Мишѣ ненависть къ законности и къ законамъ придаетъ иногда несвойственный Мишѣ злобный характеръ... Все ему кажется, что разныя народности обладаютъ чрезмѣрнымъ и излишнимъ количествомъ правъ и что слишкомъ много по отношенію къ нимъ проявляется законности... Онъ сдѣлался нервенъ и раздражителенъ,—все что-то ему чудится и мерещится, на кого-то онъ постоянно сердится, все выслѣживаетъ, подсматриваетъ, подслушиваетъ»... Въ «Спирькѣ» вѣрно подмѣчены его современная побѣдоносная наглость, умѣнье вездѣ выставлять свои интересы, какъ истинно государственные, и уловлена связь Спирьки съ правящими сферами, гдѣ онъ задаетъ тонъ и закулисно управляетъ. Если въ очеркѣ односторонне освѣщена исторія происхожденія Спирьки и его развитія, на что намъ уже приходилось указывать въ свое время *),—то типичныя черточки современнаго нашего капиталиста схвачены удачно, и фигура получилась характерная и импозантная. Таковъ, напр., Спирька въ роли думскаго гласнаго, свѣдущаго человѣка, засѣдающаго въ коммиссіяхъ, гдѣ онъ диктуетъ свои условія, наконецъ,—на всероссійскихъ съѣздахъ, гдѣ Спирька величается, какъ соль земли русской.

Бончъ-Бруевичъ. Избранныя произведенія русской поэзіи. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. Изданіе второе. О сборникѣ г. Бончъ-Бруевича мы воздерживались давать отзывъ и вѣроятно промолчали бы совсѣмъ, если-бы не второе изданіе, недавно вышедшее. Очевидно, существуетъ спросъ на такого рода изданія, какъ они ни кажутся странны на первый взглядъ. Странность эта заключается въ особомъ подборѣ стихотвореній, при которомъ составитель видимо руководствуется не внутренними достоинствами произведенія, а чисто внѣшними признаками. Разъ то или иное стихотвореніе имѣетъ хотя слабое отношеніе къ гражданскимъ мотивамъ, составитель, ничто же сумняся, закатываетъ его въ число «избранныхъ». Въ результатѣ такого «избранія» получился объемистый сборникъ, болѣе чѣмъ на половину составленный изъ

*) См. «М. Б». 98 г., мартъ, «Крит. Замѣтки».

набора риѳмованныхъ фразъ, не согрѣтыхъ чувствомъ, не проникнутыхъ силой и далеко не блещущихъ красотою формы. Гоняясь за полнотою представленія гражданскихъ мотивовъ въ русской поэзіи, авторъ набираетъ ихъ вездѣ, гдѣбы они ни встрѣтились и въ какую-бы форму ни отлились. Получается удивительное смѣшеніе, гдѣ на ряду съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ и Некрасовымъ фигурируютъ въ числѣ «избранныхъ»—гг. Ленцевичи, Коринѳскіе, Филимоновы и даже г. Фофановъ, попавшій, навѣрное къ великому своему изумленію, въ число «гражданскихъ» поэтовъ. Не понимаемъ, почему въ такомъ случаѣ пропущенъ, напр., Державинъ, которому тоже случилось обмолвиться стишкомъ, въ своемъ родѣ знаменитымъ:

«Проснися, сибаритъ! Ты спишь
И въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь, и т. д.».

Обращаемъ вниманіе г. Бончъ-Бруевича на такое упущеніе, въ надеждѣ, что при слѣдующемъ изданіи онъ исправитъ столь существенный недостатокъ. Право, старикъ Державинъ не хуже тѣхъ молодыхъ поэтовъ, коихъ составитель удостоилъ своимъ избраніемъ.

Насколько вообще г. Бончъ-Бруевичъ безпеченъ по части поэзіи, показываетъ его отношеніе къ излюбленнымъ поэтамъ. Пушкину, напр., онъ отвелъ въ сборникѣ, имѣющемъ свыше 40 печатныхъ листовъ, только *шесть* страничекъ, Полежаеву—шесть, Лермонтову немного больше—цѣлыхъ двѣнадцать. За то г. Ленцевичу—18, нѣкоему Яхонтову—21 (то-то, должно быть, поэтъ!), знаменитой поэтессѣ Барыковой—10, господину Лихачеву—листъ, поэту Боровиковскому (есть, оказывается, и такой поэтъ)—листъ, «поэту» Навроцкому—даже $1^1/_2$ листа (24 стран.!). Съ столь знаменитыми и чудными поэтами, какъ перечисленные гг. Ленцевичъ, Боровиковскій, Яхонтовъ, Барыкова и Навроцкій, конкуррируютъ въ сборникѣ только Некрасовъ—27 стр. и Надсонъ—37.

Сказаннаго было-бы достаточно для характеристики избранной поэзіи г. Бончъ-Бруевича, но, къ великому стыду и огорченію нашему, оказалось, что многихъ любимцевъ составителя сборника мы совсѣмъ не знаемъ, и это заставляетъ насъ нѣсколько углубиться въ суть вещей, чтобы ознакомить и читателей съ такими препрославленными пѣвцами нужды и народнаго горя, какъ знаменитые гг. Яхонтовъ, Боровиковскій, Лихачевъ, Филимоновъ и др. О г. Ленцевичѣ мы какъ-то говорили недавно, почему вдаваться еще разъ въ разборъ достославнаго піита не станемъ. Миръ его праху, и напрасно г. Бончъ-Бруевичъ откопалъ его. Тоже самое и относительно г-жи Барыковой, которой года два назадъ мы уже имѣли счастье посвятить нѣсколько прочувствованныхъ строкъ. Но гг. Боровиковскій, Яхонтовъ, Лихачевъ и многіе другіе не уступающіе имъ по достоинству піиты,—да будетъ имъ воздана честь.

Въ каталогѣ изданій г. Суворина есть А. Л. Боровиковскій, авторъ многочисленныхъ изданій по судебнымъ установленіямъ, какъ-то: «Отчетъ судьи», два тома, «Законы гражданскіе», «Уставы гражданскаго судопроизводства» и т. д.,—очень извѣстный цивилистъ. Въ сборникѣ г. Бончъ-Бруевича тоже А. Л. Боровиковскій. Если это одно и тоже лицо, то отрадно, конечно, видѣть, что строгій судія, снявъ судейскіе доспѣхи, непрочь подчасъ побаловаться и стихомъ. Поэзія, извѣстно, смягчаетъ нравы, а для судьи мягкость никогда не лишня, особенно въ нашъ вѣкъ суровый. Правда, стихъ его не изъ легкихъ и «судьбы звучитъ въ немъ приговоръ». Въ стихотвореніи «31 января 1881 г.» (похороны Достоевскаго) онъ сопоставляетъ торжественность похоронъ съ началомъ жизни Достоевскаго, когда

Тридцать лѣтъ назадъ, въ началѣ жизни, *онъ*,
Чей гробъ теперь несутъ усыпанный цвѣтами.—

Онъ шелъ закованный, и тяжкій сердца стонъ
Старался заглушить, бряцая кандалами.

И заканчиваетъ обращеніемъ къ будущему судіѣ:

Судомъ исторіи свергались алтари.
Судились геніи... Ты будь правдивъ, историкъ,
Какой найдешь въ немъ грѣхъ, всю правду говори,
Хотя-бы твой успѣхъ былъ тягостенъ и горекъ...
Но совершая судъ, напомни громко намъ,
Тѣ вдохновенныя, возвышенныя строки,
Откуда черпали мы всѣ и ты, ты самъ,
Любви, прощенія, великіе уроки.

Въ этихъ строфахъ вполнѣ сказывается вся «поэзія» г. Боровиковскаго,—размѣренно-тяжкіе періоды, точно заключеніе судейскаго резюме. Таковы же и другіе стихотворенія, болѣе легкія по размѣру, какъ напр., «О пшеницѣ», въ которомъ на вопросъ дѣтей, почему мужикъ не ѣстъ пшеницы, отецъ отвѣчаетъ слѣдующимъ яко-бы глубоко ироническимъ стихомъ:

—Дѣтки, любитъ онъ пшеницу
Въ полъ цѣны продать еврею,
Деньги жъ любитъ отдавать онъ
Въ казначейства, да въ управы...
Таковы мужичьи вкусы!...
Таковы мужичьи нравы!...

Правильныя мысли выражаетъ г. Боровиковскій, спору нѣтъ, и если-бы правильности мышленія было достаточно для поэзіи, то онъ несомнѣнно былъ-бы поэтомъ. Но, считая себя въ правѣ отъ русской поэзіи требовать послѣ Пушкина, Лермонтова и Некрасова—глубины чувства, силы выраженія и блеска формы, мы осмѣливаемся такіе стихи считать плохими, банальными передовицами во вкусѣ скучно-добродѣтельнаго «Сына Отечества», изложенными въ плохо риѳмованной прозѣ.

Не уступаетъ ему въ благомысліи и добродѣтели и г. Яхонтовъ. Вотъ, напр., его «Земская школа», гдѣ—

«Барышня земская съ дьякономъ дружно
Разуму учатъ ребятъ:
Пищу сердцамъ ихъ здоровую нужно,
Въ грамотѣ—свѣтъ, говорятъ».

И все дальше въ томъ же духѣ, все по той же прописи для гражданскихъ мотивовъ, гдѣ «холодъ» риѳмуетъ съ словомъ «голодъ», «народъ»—«впередъ» и проч. И такихъ «избранныхъ» стиховъ—20 страницъ для удрученія ума и сердца читателя.

Впрочемъ, не 20 страницъ, а около 600, такъ какъ, за исключеніемъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Полежаева, нѣсколькихъ стихотвореній Надсона, Плещеева, Добролюбова, П. Я., весь объемистый сборникъ представляетъ подобный же наборъ риѳмованной прозы. Останавливаться на другихъ представителяхъ такой «избранной поэзіи» мы считаемъ лишнимъ! Они всѣ на одну колодку, и отличить, напр., какого-нибудь Филимонова отъ Яхонтова или Алмазова не сможетъ даже и самъ г. Бончъ-Бруевичъ. А ужъ онъ-ли не знатокъ, какъ показываетъ его сборникъ.

Мы вовсе не противъ гражданскихъ мотивовъ въ поэзіи, думаемъ, что въ чести гражданина не менѣе красоты, чѣмъ и въ другихъ чувствахъ. Но мы безусловно отказываемся признавать поэзіей добродѣтельныя мысли, завороченныя въ грубую и тошнотворную риѳмованную ветошь. И когда какой-нибудь «избранный», но «частію по глупой честности, частію по простотѣ», пропадающій въ неизвѣстности «поэтъ», напр., г. Медвѣдевъ, начинаетъ завывать, «напрягши умъ, наморщивши чело»,—

Зародыши добра и мысли благородной
На нивѣ дѣвственной, на нивѣ плодородной,
На пажити святой, на пажити народной
Со всѣмъ стараньемъ сѣй!—

а ему со всѣхъ сторонъ на протяженіи 40 печатныхъ листовъ подвываютъ въ тонъ не менѣе «избранные» «поэты», — то отъ такой дьявольской какофоніи убѣжишь за тридевять земель.

Н. М. Соколовъ. Стихотворенія. Спб. 1899 г. Стихи г. Соколова выгодно отличаются отъ его критическихъ опытовъ (см. слѣдующій отдѣлъ, отзывъ объ его книгѣ «Лирика Я. П. Полонскаго»). Это доказываетъ лишній разъ, что можно недурно играть на роялн и не знать физическихъ свойствъ звука. Не слѣдуетъ, конечно, предъявлять къ г. Соколову, какъ поэту, непомѣрныхъ требованій: мысль его неглубока, а поэзія далеко неоригинальна. Вездѣ, гдѣ онъ берется философствовать на отвлеченныя темы (*Царица мысль*, *У памятника Мицкевича*), хочется посовѣтовать ему не тратить на нихъ свое дарованіе. Лучше всего ему удаются стихотворенія, гдѣ ни мысль, ни даже чувство не претендуютъ на своеобразность, гдѣ все дѣло въ мѣткомъ выраженіи и въ изящной формѣ. Таковы многія изъ восьмистишій, соединенныхъ подъ общимъ названіемъ *Изъ дневника*. Всѣ они довольно однообразны, всѣ они посвящены довольно заурядному чувству, въ которомъ тѣмъ не менѣе слышится что-то пережитое, на всѣхъ ихъ, наконецъ, замѣтно нѣкоторое вліяніе любовной лирики Гейне, вѣроятно безсознательное. Не обладая характерной для великаго романтика ироніей надъ самимъ собой и надъ всѣмъ міромъ, обнаруживая разницу и въ другихъ весьма существенныхъ пунктахъ, г. Соколовъ приближается къ Гейне эпиграмматичностью формы. Первое четверостишіе обыкновенно не представляетъ ничего особеннаго: обычныя, часто избитыя слова, и только въ послѣдней строфѣ, иногда въ послѣдней строчкѣ неожиданный поворотъ мысли, эффектная фраза, то, что французы называютъ pointe. Порой кажется, что все стихотвореніе написано спеціально для этой заключительной строчки. Приведемъ только одинъ примѣръ.

Когда твой взоръ ко мнѣ летитъ,
Меня въ толпѣ другихъ замѣтитъ,
Мнѣ шлетъ привѣтъ, мнѣ говоритъ,
Мнѣ улыбается и свѣтитъ,

Не вѣрю я своимъ глазамъ
И отойти хочу къ порогу,
Какъ нищій въ храмѣ, чтобы тамъ
Издалека молиться Богу...

Изъ болѣе длинныхъ стихотвореній г. Соколова самое удачное по нашему мнѣнію (*Волшебная пѣсня*) несомнѣнно также сложилось подъ живымъ впечатлѣніемъ Гейне. Это не только слышится въ стилѣ всей пьесы и даже въ складѣ строфы, но можно прямо указать тѣ баллады Гейне, которыя могли внушить г. Соколову сюжетъ его испанской легенды: здѣсь соединены двѣ темы—пѣснь торжествующей любви изъ *Frau Mette* и казнь счастливаго любовника, благословляющаго передъ смертью причину своей гибели изъ *Ritter Olaf*.

Стихъ г. Соколова и въ другихъ мѣстахъ (за немногими исключеніями) гладокъ и звученъ, языкъ выразителенъ. Можно сказать, что г. Соколовъ обладаетъ поэтическими способностями, но не обнаруживаетъ той всесторонней индивидуальности, которая одна даетъ право на званіе поэта.

Переводъ десяти сонетовъ Петрарки, приложенный въ концѣ книги, нельзя назвать удачнымъ. Даже съ внѣшней стороны г. Соколовъ не съумѣлъ сохранить классическое для сонета чередованіе рифмъ, что недопустимо при переводѣ такого формиста, какъ Петрарка. Надо впрочемъ признать, что перево-

дить Петрарку весьма неблагодарная задача. Постоянная игра словъ, намеки на миѳологическіе эпизоды, изысканныя, слишкомъ взвѣшенныя сравненія дѣлаютъ его стихи прозаическими на всѣхъ языкахъ, кромѣ итальянскаго.

В. Каллашъ. Русскіе поэты о Пушкинѣ. Сборникъ стихотвореній. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. Стр. 333.—И. Н. Божеряновъ. Поэты поэту. Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ Пушкину. Спб. 1899 г. Ц. 25 к. стр. 96. Оба сборника посвящены памяти Пушкина, но существенно отличаются другъ отъ друга. Сборникъ г. Каллаша представляетъ *все*, что существуетъ въ русской поэзіи о Пушкинѣ, какъ написанное при жизни поэта, такъ и послѣ его смерти. Получилась довольно объемистая книга въ 20 печатныхъ листовъ слишкомъ, въ которой весь матеріалъ распредѣленъ въ 8 отдѣлахъ: I—стихотворенія при жизни Пушкина (съ 1815 по 1837 гг.); II — стихотворенія на смерть Пушкина (1837 г.); III—до открытіи памятника въ 1880 г.; IV—на открытіе памятника (1880 г.); V—стихотворенія 1880—1887 г.; VI—юбилейныя стихотворенія 1887 г.; VII—стихотворенія 1887—1899 г.; VIII—дополненія. Сборникъ г. Божерянова гораздо скромнѣе: въ него вошли только стихотворенія на смерть Пушкина и на открытіе памятника. Свой сборникъ г. Божеряновъ снабдилъ небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ собраны очень интересные отзывы и мнѣнія современниковъ, кн. Вяземскаго, Никитенко, Гоголя, и затѣмъ отзывы послѣдующихъ писателей, изъ рѣчей и статей при открытіи памятника. Издана книжечка г. Божерянова небрежно, но съ портретами Пушкина, его жены и родителей и нѣсколькими иллюстраціями къ произведеніямъ Пушкина. Вообще, изданіе это заслуживаетъ вниманія, но сборникъ г. Каллаша гораздо интереснѣе уже по одной своей полнотѣ.

Просматривая эту массу стиховъ, посвященныхъ Пушкину или написанныхъ о Пушкинѣ, выносишь одно общее и тяжелое впечатлѣніе—необычайной скудости мысли и бѣдности поэтическаго творчества. Единственнымъ, достойнымъ имени того, кому посвящено, остается до сихъ поръ Лермонтовское «На смерть Пушкина». Оно ни тогда, ни потомъ не было превзойдено никѣмъ ни по силѣ выраженія, ни по красотѣ формы. Среди окружающей его бѣдноты и безцвѣтности оно выдѣляется, какъ огромный бриллiантъ чистѣйшей воды въ кучѣ жалкихъ поддѣлокъ. До извѣстной степени и только отчасти съ нимъ можно сопоставить «Лѣсъ» Кольцова, по задушевности тона и пластичности языка. И это въ своемъ родѣ поразительное явленіе, что личность и судьба Пушкина не вдохновили ни одного русскаго поэта. А вѣдь ихъ было довольно, правда, уступавшихъ Лермонтову въ энергіи и объемѣ таланта, но все же несомнѣнно крупныхъ дарованій, какъ А. Толстой, Фетъ, Полонскій, Плещеевъ, Майковъ. Единственное исключеніе послѣ Лермонтова составляетъ Некрасовъ, у котораго вылилось нѣсколько чудесныхъ строфъ, посвященныхъ Пушкину въ его «Русскихъ женщинахъ». Въ нихъ Некрасовъ прекрасно схватилъ характерныя черты великаго поэта, его искренность, доброту, дѣтскую жизнерадостность, огромный умъ и мѣткость языка. Напр., эти слова Пушкина, которыми онъ провожаетъ княгиню Волконскую:

«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смѣлымъ терпѣньемъ богаты;
Пусть мирно свершится вашъ путь роковой,
Пусть васъ не смущаютъ утраты!
Повѣрьте, душевной такой чистоты
Не стоитъ сей свѣтъ ненавистный!
Блаженъ, кто мѣняетъ его суеты
На подвигъ любви безкорыстной!
Что свѣтъ? опостылѣвшій всѣмъ маскарадъ!
Въ немъ сердце черствѣетъ и дремлетъ,
Въ немъ царствуетъ вѣчный, разсчитанный хладъ
И пылкую правду объемлетъ...

Вражда умирится вліяньемъ годовъ,
Предъ временемъ рухнетъ преграда,
И вамъ возвратятся пенаты отцовъ
И сѣни домашняго сада!
Цѣлебно вольется въ усталую грудь
Долины наслѣдственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.
Да, вѣрю! Недолго вамъ горе терпѣть,
Гнѣвъ царскій не будетъ же вѣчнымъ...
Но если придется въ степи умереть,
Помянутъ васъ словомъ сердечнымъ:
Плѣнителенъ образъ отважной жены,
Явившей душевную силу,
И въ снѣжныхъ пустыняхъ суровой страны
Сокрывшейся рано въ могилу!»

Вѣдь это—почти пушкинскіе стихи, и когда послѣ нихъ переходишь къ вылощеннымъ, размѣренно-утонченнымъ и пусто-звонкимъ строфамъ нашихъ «парнасцевъ», тѣхъ, что «до сѣдыхъ волосъ лишь въ чести гражданина не усмотрѣли красоты»,—какимъ холодомъ повѣетъ отъ нихъ! Вотъ, для примѣра, начало Полонскаго:

Пушкинъ, это—возрожденье
Русской музы, воплощенье
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ,
Это—незапечатлѣнный
Ключъ поэзіи, священный
Въ свѣтлой области искусствъ.
Это—эллиновъ стремленье
Къ красотѣ и лицезрѣнье
Ихъ божествъ безъ покрывалъ, и т. д.

А между тѣмъ, это еще лучшее изъ всего, что посвящено Пушкину. У Полонскаго есть красивые обороты и удачныя сравненья, чего совсѣмъ нѣтъ у Майкова, Фета и другихъ. У Тютчева хороши только два заключительныхъ стиха: «Тебя, какъ первую любовь, Россіи сердце не забудетъ». Попадаются недурные отдѣльные стихи у поэтовъ-современниковъ Пушкина, есть они у Курочкина («не зналъ свободы онъ для гордыхъ вдохновеній»), но они тонутъ въ массѣ дѣланнаго пафоса, холодной реторики и искусственнаго сочетанія словъ.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Памяти Бѣлинскаго».—*Н. Карѣевъ.* «Жанъ-Жакъ Руссо».—*Н. М. Соколовъ.* «Лирика Я. П. Полонскаго».

Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ. Съ 3-мя фототипіями. Изданіе Пензенской общественной библіотеки имени М. Ю. Лермонтова. Москва 1899. Названный сборникъ предназначенъ для образованія фонда для просвѣтительныхъ цѣлей въ память Бѣлинскаго при Пензенской библіотекѣ, и въ первой части своей представляетъ болѣе или менѣе полную картину юбилейныхъ празднествъ прошлаго года. Вступленіемъ въ сборникъ служитъ лѣтопись, во многомъ похожая на скорбный листъ, о дняхъ Бѣлинскаго въ Пензѣ, затѣмъ слѣдуютъ всѣ рѣчи, произнесенныя на торжественномъ собраніи Общества люб. росс. словесности въ Москвѣ 8 апрѣля 1898 г., а также нѣкоторыя изъ юбилейныхъ рѣчей и статей изъ Петербурга и другихъ городовъ. Много воодушевленія, много искренней, горячей любви къ геніальному пролетарію слышится

въ этихъ поминальныхъ рѣчахъ старыхъ и молодыхъ литераторовъ и профессоровъ. И въ этомъ несомнѣнно лишній разъ оправдалось наблюденіе Тургенева, который, какъ извѣстно, характеризовалъ Бѣлинскаго подъ именемъ Покорскаго въ *Рудинѣ*: стоитъ только произнести это имя,—говоритъ Лежневъ,—и въ человѣкѣ зашевелится все, что въ немъ есть благороднаго, «точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ забытую стклянку съ духами». Передъ читателями статей Н. И. Стороженко, А. Н. Веселовскаго, И. П. Иванова и другихъ воскресаетъ великій, чистый образъ Бѣлинскаго, который одинъ могъ бы заставить любить русскую литературу,—и этого совершенно достаточно, чтобы сообщить крупный интересъ изданному Пензенскою библіотекою сборнику.

Болѣе обширная вторая часть его, состоящая изъ болѣе или менѣе случайныхъ стихотвореній и прозаическихъ статей, этюдовъ, очерковъ и отрывковъ, оставляетъ, къ сожалѣнію, менѣе отрадное впечатлѣніе. Изданіе подобныхъ сборниковъ съ какою-нибудь благою цѣлью давно уже вошло у насъ въ обычай, давно уже сложился типъ такихъ спорадическихъ изданій, въ которыхъ по большей части добрыя намѣренія оправдываютъ бѣдность содержанія. Книга, носящая имя Бѣлинскаго, должна была бы, по нашему мнѣнію, носить иной характеръ, нежели заурядные благотворительные сборники. Помимо матеріальнаго успѣха, который несомнѣнно будетъ достигнутъ благодаря однимъ «именамъ» участниковъ, послѣдніе должны были бы не упускать изъ виду, что ихъ произведенія войдутъ въ составъ литературнаго памятника тому, кто столько далъ русской литературѣ и обществу и такъ мало получилъ отъ него при жизни. Мы знаемъ литераторовъ, которые не послали своихъ произведеній въ сборникъ единственно потому, что считали ихъ недостойными памяти великаго критика. Тѣ же писатели, которыхъ общественное мнѣніе до нѣкоторой степени обязывало участвовать въ славной тризнѣ, не должны были ограничиться пожертвованіемъ перваго попавшагося листка «изъ портфеля» или перваго пришедшаго въ голову зигзага своего талантливаго пера. Намъ представляется, что благоговѣніе передъ памятью Бѣлинскаго ставило всѣхъ участниковъ сборника въ необходимость дать нѣчто такое, что могло бы претендовать на вниманіе и одобреніе *самого* Бѣлинскаго. Тѣ, которые это сдѣлать не въ состояніи, должны были бы просто молчать. Жизнь писателя, а нарочито русскаго писателя протекаетъ часто въ такихъ условіяхъ, что обращать упрекъ къ тому или другому имяреку было бы, можетъ быть, несправедливо, но въ общемъ остается краснорѣчивымъ тотъ фактъ, что изъ четырехсотъ страницъ, составляющихъ 2-ю часть «Сборника В. Г. Бѣлинскаго», лишь весьма немногія обнаруживаютъ въ авторахъ стремленіе дать лучшее, на что только они способны. Особенно бѣдна (качественно) беллетристика въ сборникѣ. Три крошечные разсказца г. Чехова, какъ всегда остроумные и мастерски написанные, принадлежатъ по своему содержанію едва ли не къ самымъ мелкимъ изъ безчисленныхъ анекдотовъ, которые онъ такъ забавно разсказываетъ. Даже заманчивое имя гр. Л. Н. Толстого на этотъ разъ украшаетъ почти пустое мѣсто. Онъ задумалъ передѣлать окончаніе извѣстной повѣсти Костомарова *Сорокъ лѣтъ*. Странно, какъ это великій художникъ не видѣлъ, что версія Костомарова гораздо сильнѣе, проще и вмѣстѣ оригинальнѣе, чѣмъ та, которую онъ теперь предлагаетъ. Изъ стихотвореній нѣкоторыя не лишены достоинствъ. Къ лучшимъ принадлежатъ стихи покойнаго Я. П. Полонскаго (написаны 9 декабря 1897), Ив. Бунина и П. Я.

Бо́льшую часть небеллетристическихъ статей составляютъ критическія и историко-литературныя этюды, что и естественно было ожидать въ юбилейномъ сборникѣ величайшаго русскаго критика. Къ сожалѣнію, многіе изъ этихъ этюдовъ не дѣлаютъ чести наслѣдникамъ Бѣлинскаго; нѣкоторые просто пора-

жаютъ незрѣлостью (*Идеалистическія настроенія въ поэмѣ «Демонъ»*), безсодержательностью (*Нѣсколько словъ о Тургеневѣ, какъ поэтѣ*) или непродуманностью. Къ послѣдней категоріи относится статья Л. Е. Оболенскаго *Эволюція личности у женщинъ по типамъ Ибсена*, гдѣ авторъ увѣряетъ, что «міръ его (Ибсена) музы очень нешироκъ. Въ драмахъ его мы встрѣчаемъ почти исключительно стремленія женской души и ея борьбу за нихъ. Почти никакія иныя стремленія и вопросы нашей эпохи Ибсеномъ не затрогивались». Можно подумать, что критикъ не знаетъ *Врага народа*, *Столповъ общества*, *Союза молодежи*, *Пэра Гинта* и пр. и пр. Впрочемъ критику приходится противорѣчить самому себѣ при довольно подробномъ изложеніи *Бранта*. Въ названныхъ драмахъ затронуты всѣ современные вопросы, кромѣ женскаго: отношеніе личности къ толпѣ, соціальная проблема, герои улицы, идеалъ и компромиссъ. Другой критикъ г. Баженовъ, авторъ «психіатрическаго этюда» *Символисты и декаденты*, также обнаруживаетъ слабое критическое дарованіе, цитируетъ, какъ авторитетъ, «очень интересную и оригинальную» книгу Макса Нордау, а кромѣ того весьма плохо знакомъ съ новѣйшей французской поэзіей; такъ, напр., слѣдуя нѣкоторымъ нецеремонящимся съ истиною газетнымъ корреспондентамъ, г. Баженовъ думаетъ, что произведенія Леона Диркса, провозглашеннаго, какъ извѣстно, королемъ поэтовъ послѣ смерти Малларме, «извѣстны лишь небольшому кружку его единомышленниковъ и въ печати, повидимому, не появлялись». Въ дѣйствительности же Леонъ Диксъ началъ печатать стихи еще въ 60-хъ годахъ, появляется въ извѣстнѣйшихъ журналахъ, давно уже собралъ свои стихотворенія въ изданіи Альфонса Лемера въ 2 томахъ и никакихъ особыхъ единомышленниковъ не имѣетъ.

Лишь двое изъ критиковъ дали серьезныя и тщательно обработанныя статьи: г. Каренинъ, который давно уже занимается Жоржъ-Зандъ и ея эпохой, помѣстилъ въ сборникѣ весьма обстоятельную, основанную на богатомъ и свѣжемъ матеріалѣ статью *Сентъ Бевъ, Мишель и Жоржъ-Зандъ*; другой этюдъ—*На разстояніи полувѣка* (*Бальзакъ, Ант. Чеховъ и Вл. Короленко о крестьянахъ*)—принадлежитъ г. Батюшкову, который въ сущности вложилъ въ свою статью гораздо болѣе, чѣмъ обѣщаетъ скромный подзаголовокъ: во всеоружіи сравнительнаго метода, авторъ характеризуетъ отношеніе къ крестьянству французскаго и русскаго романа за послѣдніе полвѣка. Со многими соображеніями критика позволительно несоглашаться, можно удивляться методическому безстрастію, съ какимъ онъ излагаетъ узко классовые взгляды Бальзака, но нельзя не признать весьма интереснымъ и многое объясняющимъ это сопоставленіе двухъ чуждыхъ литературъ въ ихъ отношеніи къ одной и той же темѣ. Такая очная ставка даетъ хорошее освѣщеніе сущности французскаго натурализма и нашего реальнаго романа.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что *Сборникъ* заключаетъ нѣсколько интересныхъ писемъ Тургенева, Анненкова, Салтыкова, Чернышевскаго, Некрасова, Гончарова, гр. А. Толстого, а также нѣкоторые другіе матеріалы, важные для біографій выдающихся русскихъ писателей.

Н. Карелинъ. Жанъ-Жакъ Руссо. Опытъ характеристики его общественныхъ идей. Изданіе П. Б. Струве. Спб. 1899. Ц. 1 р. Читатель, незнакомый съ нашими журнальными теченіями послѣднихъ лѣтъ, былъ бы вѣроятно очень изумленъ, что такія темы, какъ общественные взгляды Руссо, ставшія давно академическими даже во Франціи, вызываютъ столь страстное къ нимъ отношеніе со стороны русскихъ изслѣдователей. Можно не соглашаться съ мнѣніями, установившимися въ обширной литературѣ по этому предмету, можно находить въ ней существенные промахи и недостатки, но это ни въ какомъ случаѣ не можетъ объяснить того полемическаго ожесточенія, которымъ полна книжечка г. Карелина отъ первой до послѣдней страницы. Осно-

ванія для этого надо искать далеко за предѣлами столь невинной, повидимому, темы. Если г. Карелина такъ волнуютъ несогласныя съ нимъ мнѣнія, то естественно было бы ожидать, что онъ прежде всего обратится противъ наиболѣе видныхъ и оригинальныхъ изслѣдователей даннаго вопроса, которыхъ дѣйствительно можно считать отвѣтственными за утвердившіяся ошибки. Вмѣсто того онъ пишетъ свою книгу какъ будто исключительно противъ гг. Карѣева и Южакова, которые даже въ русской литературѣ не являются ни самыми глубокими, ни наиболѣе самостоятельными цѣнителями Руссо.

Г. Карелинъ претендуетъ на то, что ему первому удалось раскрыть истинное значеніе общественныхъ теорій Руссо, тогда какъ его предшественники ихъ не понимали и сознательно или безсознательно извращали ихъ въ угоду своимъ буржуазнымъ идеямъ. Въ немногихъ словахъ можно такъ формулировать воззрѣнія Руссо, какъ ихъ понимаетъ г. Карелинъ: исторія развитія общественныхъ формъ не есть нѣчто случайное, измѣненіе и направленіе ихъ зависитъ не отъ законодателя, какъ думали энциклопедисты, а отъ измѣненія условій удовлетворенія матеріальныхъ потребностей людей. Правда, наименьшую сумму золъ человѣчество знало лишь въ своемъ младенчествѣ, когда отдѣльныя пары легко находили средства для поддержанія своего существованія, не нуждаясь ни въ запасахъ, ни въ эксплуатаціи труда другихъ людей, но безсмысленно было бы мечтать о возвращеніи къ этому естественному состоянію, что нерѣдко приписывалось Жанъ-Жаку его противниками. Съ увеличеніемъ народонаселенія, съ уменьшеніемъ легкости пропитанія, естественнымъ образомъ возникла собственность, а съ нею общественное неравенство, для охраны котораго потребовалась гражданская организація. Подъ вліяніемъ этого неизбѣжнаго процесса измѣнилась и самая человѣческая природа, усложнились потребности, развились страсти, возникли современныя государственныя формы. И такимъ образомъ, сколько бы цивилизація ни принесла несчастій человѣчеству, она представляетъ изъ себя такое же закономѣрное и *естественное* состояніе, какъ и стадія первобытности.

До извѣстной степени такая формулировка дѣйствительно соотвѣтствуетъ взглядамъ Руссо. Но нужно замѣтить, что если другіе изслѣдователи не придавали этой сторонѣ идей Руссо такого значенія, какъ г. Карелинъ, то трудно указать кого-нибудь, кто бы, самостоятельно излагая общественныя теоріи великаго женевца, такъ или иначе не говорилъ бы о томъ же. Правда, никто не видѣлъ въ этихъ теоріяхъ такой цѣльности и послѣдовательности, какъ г. Карелинъ. По мнѣнію послѣдняго, Руссо «не былъ ни метафизикомъ, ни «просвѣтителемъ», ни, что въ сущности то же самое, «субъективнымъ» мыслителемъ» (стр. 108); «онъ яснѣе многихъ, не своихъ только, а также и нашихъ современниковъ, видѣлъ соотношеніе между экономическимъ, нравственнымъ и политическимъ состояніемъ извѣстныхъ ему государствъ» (стр. 152). Но не поступаетъ ли въ данномъ случаѣ г. Карелинъ такъ, какъ живописцы XV и XVI вѣковъ, когда они наряжали въ современные имъ костюмы Мадонну, пророковъ и апостоловъ? Съ точки зрѣнія г. Карелина казалось бы особенно страннымъ, что при тѣхъ производственныхъ отношеніяхъ, которыя породили теорію физіократовъ, могъ получить такое полное развитіе экономическій матеріализмъ.

На самомъ дѣлѣ, Руссо, не будучи просвѣтителемъ, былъ въ значительной степени субъективнымъ мыслителемъ и далеко не всегда ясно видѣлъ связь между экономическимъ и политическимъ состояніемъ даннаго государства, что вполнѣ естественно для его времени, когда еще политическая экономія и статистика были въ зародышѣ, и тѣ историки, которые приписываютъ Руссо предпочтительное вниманіе къ политическому фактору, не заслуживаютъ столь строгихъ упрековъ, какіе къ нимъ обращаетъ г. Карелинъ. Для примѣра возь-

мемъ хотя бы *разсужденіе о польскомъ правительствѣ*, гдѣ Руссо ни однимъ словомъ не упоминаетъ ни объ экономическихъ условіяхъ современнаго ему состоянія Польши, ни объ экономическихъ основахъ для предлагаемыхъ реформъ. Дѣйствительно, въ этихъ реформахъ онъ все время рекомендуетъ наблюдать крайнюю осторожность, стараясь приспособить ихъ къ національному характеру поляковъ и исходить изъ существующаго государственнаго строя, но ultima ratio всетаки остается у него разумъ и добрая воля господствующаго класса-дворянства. Говоря о только что названномъ *разсужденіи*, г. Карелинъ допускаетъ весьма странную ошибку. Съ обычною рѣзкостью онъ насмѣхается надъ г. Карѣевымъ, а за нимъ и надъ г. В. В. за то, что они «обвиняютъ Руссо въ томъ, что онъ совѣтовалъ польскимъ панамъ не освобождать крестьянскихъ тѣлъ, не освободивши сперва ихъ душъ». «Поэтому онъ рекомендуетъ польскимъ панамъ,—говоритъ г. Карѣевъ,—отпускать на волю только тѣхъ крѣпостныхъ, которые заслужили этого своимъ хорошимъ поведеніемъ». Г. Карѣевъ «хочетъ увѣрить читателя, будто Руссо говоритъ о простомъ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, о той свободѣ, которою польскіе крестьяне пользуются въ настоящее время. Но у Руссо объ одномъ такомъ освобожденіи нѣтъ и рѣчи. Оно является у него лишь необходимымъ условіемъ политическаго освобожденія крестьянъ, надѣленія ихъ законодательной властью» (стр. 126). «Не заводя и рѣчи о простомъ гражданскомъ освобожденіи—продолжаетъ г. Карелинъ (стр. 131),—Руссо, во имя спасенія Польши отъ чужеземнаго ига, убѣждалъ пановъ поставить крестьянъ въ такое положеніе, при которомъ они сами были бы достаточно сильны, чтобы отстоять все то, что сочли бы своимъ благомъ». Посмотримъ, что же на самомъ дѣлѣ говоритъ Руссо. Онъ находитъ необходимымъ «открыть выходъ крѣпостнымъ (serfs) къ свободѣ, а мѣщанамъ доступъ къ благородному состоянію». О какой свободѣ тутъ идетъ рѣчь, о простомъ освобожденіи отъ крѣпостничества или о дарованіи политическихъ правъ, становится яснымъ изъ дальнѣйшаго. Освобожденіе это должно происходить очень медленно слѣдующимъ образомъ. Каждые два года должны собираться провинціальныя собранія, составленныя извѣстнымъ образомъ изъ дворянскихъ депутатовъ, которые бы приглашали въ свою среду еще нѣкоторыхъ, наиболѣе достойныхъ священниковъ, а можетъ быть и старцевъ-нотаблей изъ всѣхъ сословій. «Главный предметъ занятій такого комитета заключался бы въ томъ, чтобы на основаніи достовѣрныхъ воспоминаній и свидѣтельствъ тщательно провѣреннаго общественнаго мнѣнія составлять списокъ крестьянъ, которые отличились хорошимъ поведеніемъ, хорошею обработкою поля, добрыми нравами, заботою о своихъ семьяхъ, хорошимъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей своего состоянія. Этотъ списокъ долженъ былъ бы затѣмъ быть представленнымъ на саймикъ (diétine), который изъ него выбралъ бы опредѣленное закономъ число подлежащихъ освобожденію крестьянъ» (un nombre fixé par la loi pour être *affranchi*). «Когда же такимъ образомъ будетъ освобождено извѣстное количество крестьянъ въ данномъ округѣ», когда эти освобожденные образуютъ цѣлыя общины, когда ихъ надѣлять общинной землей, когда исполнится еще нѣсколько условій, тогда только можно будетъ «возвратить имъ наконецъ данное имъ природою право участвовать въ управленіи своего края и отправлять депутатовъ на сеймики». Для блестящаго начала такой операціи есть прекрасный случай. «Не можетъ быть, чтобы въ несчастьяхъ, которыя только что пережила Польша, конфедераты не получали помощи и не удостовѣрились въ привязанности нѣкоторыхъ мѣщанъ и даже нѣкоторыхъ крестьянъ... Какой прекрасный дебютъ, по моему мнѣнію, торжественно даровать дворянство этимъ мѣщанамъ и свободу (franchise) этимъ крестьянамъ!» и т. д. Не подлежитъ такимъ образомъ сомнѣнію, что Руссо очень ясно различаетъ и раздѣляетъ долгимъ промежуткомъ времени освобожденіе отъ панщины и дарованіе политическихъ правъ крестьянамъ.

и что условіемъ для перваго должны быть не только хорошее поведеніе, но также хорошее исполненіе обязанностей, присвоенныхъ крестьянскому сословію, и привязанность къ панамъ. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ г. Карѣевъ болѣе правъ, чѣмъ г. Карелинъ. Вполнѣ справедливо осуждая тенденціозный подборъ цитатъ у своихъ противниковъ, г. Карелинъ цитируетъ самъ очень усердно ту главу, изъ которой нами взяты всѣ вышеприведенныя выписки, и пропускаетъ весьма важныя въ данномъ вопросѣ мѣста.

За сдѣланными оговорками книгу г. Карелина нельзя не признать однако цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу о Руссо. Будучи вполнѣ оригинальной, книга г. Карелина обладаетъ всѣми свойствами свѣжей и ясной мысли, что такъ благотворно вліяетъ вообще на читателя. Даже своей односторонностью она полезна и поучительна, исправляя узость мысли противниковъ, слишкомъ перегнувшихъ палку въ другую сторону и освѣщающихъ личность Руссо, какъ исключительно субъективнаго мыслителя и утописта.

Н. М. Соколовъ. Лирика Я. П. Полонскаго. Критическій этюдъ. С.-Петербургъ. 1899 г.

Каждое въ отдѣльности взятое предложеніе г. Соколова просто и понятно. Большинство изъ нихъ выражаютъ весьма общія, хотя и не безспорныя мысли. Но по мѣрѣ того, какъ авторъ наполняетъ ими страницу за страницей, читателю начинаетъ казаться, что эти разсужденія ведутъ къ какому нибудь неожиданному выводу, въ концѣ же концовъ оказывается, что все разрѣшается такимъ же, болѣе или менѣе общимъ тезисомъ, какъ и предпосылки. «На все, что стоитъ передъ его глазами, онъ (поэтъ) смотритъ не такъ, какъ смотрятъ другіе, потому что во всемъ и всегда онъ ищетъ не того, что нужно для успѣха въ жизни и для житейской мудрости». Поэтъ долженъ «отрѣшиться отъ завѣтныхъ (?) и общепризнанныхъ убѣжденій», «долженъ безусловно отрѣшиться отъ личныхъ интересовъ и цѣлей». Подобными афоризмами начинаетъ г. Соколовъ свой критическій этюдъ. Затѣмъ, на 8-й страницѣ критикъ формулируетъ курсивомъ свой взглядъ на поэтическую дѣятельность: «Безъ художественной воспріимчивости—нѣтъ поэта, безъ конкретнаго образа — нѣтъ поэзіи». Авторъ, повидимому, думаетъ, что онъ открылъ «эти элементарныя и простыя истины». «Мы убѣждены,—говоритъ онъ, — что только неясное представленіе объ этихъ существенныхъ моментахъ творческаго процесса даетъ нѣкоторую устойчивость и кажущуюся убѣдительность явно ошибочнымъ, основаннымъ на какомъ-то недоразумѣніи современнымъ теоріямъ въ этой области». Изъ дальнѣйшаго оказывается, что дѣло не въ теоріяхъ, а въ практикѣ. Есть «мнимые друзья искусства, которые, не отрицая его въ принципѣ, пытаются поработить его своимъ личнымъ и эгоистическимъ цѣлямъ». «Формула журнальныхъ убѣжденій занимаетъ мѣсто музы. Журналъ долженъ пропагандировать свои «идеи» и поручаетъ это своимъ сотрудникамъ, которые съ своей стороны обязаны поставлять и прозу, и стихи. Между поэтомъ и міромъ—густымъ туманомъ стелется «тенденція», отвлеченная мысль, которая, какъ бы она ни была симпатична по своему внутреннему содержанію (гдѣ ужъ тамъ симпатична, когда она служитъ личнымъ и эгоистическимъ цѣлямъ!), ничего не даетъ ни глазу, ни воображенію». Мы не возражали противъ привилегіи, данной г. Соколовымъ поэту—на все смотрѣть не такъ, какъ смотрятъ другіе, но безусловно отрицаемъ за критикомъ такую прерогативу. Указанныя имъ отношенія между издателями и авторами прозы и стиховъ можно наблюдать только на Никольскомъ рынкѣ въ Москвѣ. Если же г. Соколовъ думаетъ, что то же самое происходитъ и въ журнальныхъ редакціяхъ, то это доказываетъ, что г. Соколовъ недостаточно знакомъ съ ними, и судитъ скорѣе съ предвзятой точки зрѣнія.

Произведенія Полонскаго очень нравятся г. Соколову, онъ находитъ его

истиннымъ поэтомъ, съ которымъ не могутъ равняться ни Фетъ, ни даже гр. А. Толстой. Но критическій методъ г. Соколова не въ силахъ никого убѣдить въ правильности безапелляціонныхъ приговоровъ. Одному можетъ нравиться больше Полонскій, другому больше гр. А. Толстой, — это дѣло личнаго расположенія. Чтобы критика имѣла серьезное значеніе, даже если читатель не соглашается съ ея конечными приговорами, она должна стремиться выяснить тѣ психологическія, біографическія и общественно-историческія условія, при которыхъ создалось данное литературное явленіе, данная художественная индивидуальность. По мнѣнію г. Соколова, «біографическія черты», а тѣмъ болѣе условія общественной среды стоятъ «далеко на второмъ планѣ» при характеристикѣ «истиннаго поэта»; его произведенія должны быть оцѣниваемы, какъ нѣчто абсолютное, внѣ всякихъ соображеній о времени и пространствѣ. Но и самъ г. Соколовъ не можетъ удержаться на этой точкѣ зрѣнія; иногда и ему приходится указывать вліяніе историческаго момента на то или иное произведеніе Полонскаго; иногда, забывъ, что онъ предписалъ истинному поэту отрѣшаться отъ «завѣтныхъ убѣжденій», онъ подмѣчаетъ яркое ихъ отраженіе въ стихахъ Полонскаго. Къ сожалѣнію, подобныя непослѣдовательности г. Соколовъ допускаетъ черезчуръ рѣдко. Будь ихъ больше, книга г. Соколова имѣла бы несравненно большую цѣнность. Повидимому, авторъ располагалъ такимъ матеріаломъ гораздо болѣе, чѣмъ использованный имъ въ книгѣ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

А. Эсменъ. «Основныя начала государственнаго права».—*Lombroso и Ferrero.* «Женщина преступница и проститутка».

А. Эсменъ, профессоръ парижскаго юридическаго факультета. Основныя начала государственнаго права. Переводъ съ французскаго Н. Кончевской подъ редакціей и съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. Томъ II. Москва, 1899 года. Цѣна 1 руб. Мы уже отмѣтили появленіе въ русскомъ переводѣ этого выдающагося сочиненія по конституціонному праву, разбирая первый томъ трактата профессора Эсмена, изданный О. Н. Поповой *). Мы закончили тогда нашъ обзоръ пожеланіемъ самаго широкаго распространенія этому сочиненію и не могли не высказать надежды, что въ непродолжительномъ времени появится въ переводѣ на русскій языкъ и вторая часть обширнаго труда профессора Эсмена, но въ болѣе тщательно и точно редактированномъ переводѣ. Желанія наши исполнились и даже въ большей степени, чѣмъ мы ожидали: не только появляется на русскомъ языкѣ второй томъ сочиненія Эсмена въ прекрасномъ переводѣ, но и первый томъ издается на ново другимъ издателемъ, подъ другой редакціей и по болѣе доступной цѣнѣ,—оба тома изданія г. Солдатенкова стоятъ всего 2 рубля!

Вторая часть труда г. Эсмена посвящена государственному праву французской республики. Особенный интересъ получаетъ эта часть вслѣдствіе того, что здѣсь, по многимъ вопросамъ, не нашедшимъ себѣ мѣста въ первой части, авторъ сопоставляетъ дѣйствующее французское право съ прежними конституціями Франціи, а также съ конституціями иностранныхъ государствъ. Содержаніе этой части сочиненія Эсмена слѣдующее: прецеденты конституціи 1875 г., вотированіе учредительныхъ законовъ 1875 г., ихъ общій характеръ (глава I);

*) См. «М. В.», 1898 г, № 7, стр. 71—73.

исполнительная власть: президентъ республики (главы II и III), министры (глава IV); законодательная власть: составъ палатъ и избраніе ихъ членовъ, привилегіи обѣихъ палатъ и гарантіи, которыми онѣ пользуются, функціи палатъ (глава V); верховный судъ (глава VI); пересмотръ конституціи (глава VII) и приложеніе, посвященное чрезвычайно интересному и важному вопросу парламентаризма: обязаны или не обязаны министры выйти въ отставку послѣ неблагопріятнаго для нихъ вотума сената. Читатели съ громаднымъ интересомъ прочтутъ это приложеніе, также какъ и первую главу, излагающую исторію возникновенія современной французской конституціи, ея учрежденій, въ связи съ тѣми условіями, въ которыхъ они возникли. Съ захватывающимъ интересомъ читается отдѣлъ о функціяхъ палатъ, гдѣ излагаются столь животрепещущіе вопросы, какъ изготовленіе законовъ, роль законодательныхъ палатъ въ финансовыхъ вопросахъ, роль обѣихъ палатъ въ осуществленіи контроля надъ правительствомъ: вопросы, интерпелляціи, парламентскія слѣдствія. Со свойственнымъ автору талантомъ, онъ чрезвычайно тонко анализируетъ каждый вопросъ, даетъ всестороннее его освѣщеніе, такъ что читатель вполнѣ точно уясняетъ себѣ существо спорнаго предмета и получаетъ возможность установить себѣ опредѣленную точку зрѣнія. Чтобы не повторяться, скажемъ, что второму тому сочиненія профессора Эсмена присущи всѣ тѣ крупныя достоинства, которыя мы отмѣтили, давая отзывъ о первой части его труда.

Переводъ этой части книги г. Эсмена, также какъ и перваго тома въ изданіи г. Солдатенкова, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Попадаются кое-гдѣ мелкія опечатки, иногда нѣкоторыя неточности (напр. на стр. 97 «code d'instruction criminelle» переведено «уложеніе объ уголовномъ слѣдствіи», вмѣсто «кодексъ уголовнаго судопроизводства»), но онѣ такъ рѣдки, что нисколько не нарушаютъ пріятнаго впечатлѣнія отъ безукоризненнаго въ общемъ перевода.

Можно искренне порадоваться, что наша небогатая литература обогатилась такимъ классическимъ сочененіемъ, какъ «Основныя начала государственнаго права» профессора Эсмена. Желаемъ ему самаго широкаго распространенія и нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что оно займетъ выдающееся мѣсто въ политической литературѣ послѣднихъ лѣтъ.

C. Lombroso & G. Ferrero. Женщина преступница и проститутка. Переводъ д-ра Г. И. Гордона. Съ 14 таблицами внѣ текста. Изд. южно-русскаго книгоиздательства Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1898 г. Изъ предисловія переводчика мы узнаемъ, что, предлагая вниманію русскихъ читателей переводъ сочиненія проф. Lombroso и Ferrero, онъ руководствовался желаніемъ обогатить русскую литературу выдающимся трудомъ по уголовной антропологіи. Но переводчикъ сейчасъ же спѣшитъ оговориться: хотя Lacassagne, Tarde, Laurent и другіе изслѣдователи совершенно опровергли ученіе Lombroso о преступномъ типѣ, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ онъ, вышеназванная книга представляетъ огромный интересъ... Итакъ, сразу оказывается, что вмѣсто «*выдающагося труда*» по уголовной антропологіи, русскимъ читателямъ предлагается «*книга, представляющая огромный интересъ*». Затѣмъ переводчикъ отмѣчаетъ искусственность группировки матеріала, собраннаго въ разбираемомъ сочиненіи по анатоміи, психологіи и криминалогіи женщины, и одностороннее его освѣщеніе. Что же остается въ концѣ концовъ въ числѣ достоинствъ названнаго сочиненія? Переводчикъ указываетъ, что переведенная имъ «книга, по разнообразію своего фактическаго матеріала и детальности обработки, можетъ служить однимъ изъ лучшихъ руководствъ для изученія какъ нормальной, такъ въ особенности преступной женщины».

Намъ кажется все это довольно страннымъ. Лѣтъ 14—15 тому назадъ, когда началась громкая европейская извѣстность Ломброзо, когда основанная

имъ школа поражала всѣхъ новизной идей и не была еще подвергнута строгой научной критикѣ, можно было еще говорить о «выдающихся трудахъ», объ «огромномъ интересѣ» и о «лучшихъ руководствахъ». Но послѣ того, какъ доказано Тардомъ, что Ломброзо «принимаетъ за подтвержденіе правила случайно подобранный рядъ исключеній» (а это признаетъ и переводчикъ), произведенія Ломброзо не могутъ не только обогатить русскую литературу выдающимся трудомъ или служить однимъ изъ лучшихъ руководствъ для изученія нормальной и преступной женщины, но и не въ состояніи даже представлять для читателей огромный интересъ.

Книга состоитъ изъ четырехъ частей, въ которыхъ являются темою: нормальная женщина, преступность женщины (къ специфической формѣ женской преступности авторы относятъ и проституцію), патологическая анатомія и антропометрія преступницъ и проститутокъ и, наконецъ, біологія и психологія преступницъ и проститутокъ.

Наиболѣе слабыми частями являются первая и третья. Первая часть, посвященная нормальной женщинѣ, представляетъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, обвинительный актъ противъ всѣхъ женщинъ. Женщины обвиняются: 1) въ томъ, что при сравненіи съ мужчиной у нихъ мы замѣчаемъ недоразвитіе: женщина меньше мужчины по росту и вѣсу, лицо ея лишено растительности, число красныхъ шариковъ въ крови ея и удѣльный вѣсъ ихъ меньше и т. д. (стр. 14—35); 2) въ томъ, что въ нихъ слабѣе развиты какъ специфическая и общая чувствительность, такъ и нравственная чувствительность (стр. 36—53); 3) въ томъ, что онѣ болѣе, чѣмъ мужчины, жестоки, мстительны, непріязненны по отношенію другъ къ другу и, какъ это ни странно, въ тоже время и болѣе сострадательны! (стр. 54—81); 4) въ томъ, что женская любовь есть въ сущности только особый видъ материнскаго чувства, что любовь къ мужчинѣ есть слѣдствіе не влеченія къ нему, а той преданности и подчиненія ему, которыя развились въ женщинѣ путемъ постепеннаго примѣненія къ жизни (стр. 87—100); 5) въ томъ, что женщины болѣе мужчинъ религіозны (стр. 101—107); 6) въ томъ, что онѣ лживы (стр. 108—114); 7) въ томъ, что у женщины нравственное чувство менѣе развито, чѣмъ у мужчины, что онѣ несправедливы, болѣе вспыльчивы, чѣмъ мужчины, и легче ихъ поддаются гнѣву, тщеславны, отличаются скупостью, жадностью, непрямодушны, понимаютъ честь совсѣмъ иначе, чѣмъ мужчины (стр. 115—130) и, наконецъ, 8) въ томъ, что умъ ихъ отличается ничтожной способностью къ творческой дѣятельности, отсутствіемъ оригинальности, женщины—враги прогресса и т. д. и т. д. (стр. 131—150).

Столь пространный обвинительный актъ, занимающій 137 страницъ, тѣмъ не менѣе, страдаетъ всѣми недостатками, свойственными обыкновенно обвинительнымъ актомъ: въ немъ много преувеличеній, излишествъ и увлеченій. Многіе обвинительные пункты остаются вовсе не доказанными, другіе доказаны очень слабо, а многіе не могутъ быть вовсе вмѣнены въ вину. А между тѣмъ, въ слѣдующихъ частяхъ своего труда авторы пользуются всѣмъ этимъ матеріаломъ, ссылаются на многія положенія, высказанныя въ отдѣлѣ о нормальной женщинѣ, какъ на вполнѣ доказанныя, и на нихъ строютъ свои дальнѣйшіе заключенія и выводы. Такимъ образомъ, авторы допускаютъ ошибку, извѣстную въ логикѣ подъ названіемъ petitio principii. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, признать, что авторы доказали наличность у женщинъ жестокости, если они въ подтвержденіе своего тезиса говорятъ: «Всякая женщина въ глубинѣ души своей жестока и даже самая кроткая изъ нихъ поступитъ безчеловѣчно съ тѣмъ, кто ее оскорбитъ, ибо въ жестокосердіи заключается, какъ сказано, ея оборонительное и наступательное оружіе» (стр. 72). Въ подтвержденіе другихъ своихъ положеній, авторы приводятъ по нѣсколько цитатъ изъ Prudhomme'a,

Шопенгауэра, Макса Нордау и другихъ самыхъ разнообразныхъ по характеру и достоинству авторовъ. Мы знаемъ, говорятъ, напримѣръ, Lombroso и Ferrero на стр. 122, что женщина способна убить, чтобы завладѣть какимъ нибудь украшеніемъ, въ родѣ ожерелья. Или напр. на стр. 123: «Многимъ изъ насъ нерѣдко приходится наблюдать, какъ въ семьѣ благородныя и щедрыя побужденія отца встрѣчаютъ отпоръ со стороны матери, болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, преданной своимъ дѣтямъ и потому черезъ чуръ эгоистичной». Таковъ аргументъ въ пользу женской скупости. Чтобы доказать, пишутъ Lombroso и Ferrero на стр. 125, что прямодушіе не можетъ считаться одной изъ женскихъ добродѣтелей, можно было бы сослаться, за недостаткомъ другихъ доказательствъ, на лживость женщины и ту легкость, съ какою она пишетъ анонимныя письма. Такихъ примѣровъ аргументаціи можно было бы привести очень много.

Такимъ же характеромъ бездоказательности отличается и третья часть, посвященная патологической анатоміи и антропометріи преступницъ и проститутокъ. Здѣсь вполнѣ приложимы слова Торда, что Ломброзо свойственно принимать за подтвержденіе правила случайно подобранный рядъ исключеній. Напр. на стр. 195 авторы упоминаютъ, что они изслѣдовали 26 череповъ и 5 скелетовъ проститутокъ; въ другихъ изслѣдованіяхъ матеріаломъ служили трупы 60-ти преступницъ. И на основаніи такихъ данныхъ, авторы составляютъ статистическія таблицы патологической анатоміи и антропологіи преступницъ.

Нѣкоторый интересъ представляютъ вторая и четвертая части, въ виду богатаго матеріала въ нихъ содержащагося. Интересна глава, излагающая исторію проституціи, и главы III—XII четвертой части, посвященныя психологіи преступницъ. Но и этими главами и частями слѣдуетъ пользоваться очень осторожно, такъ какъ и въ нихъ встрѣчаются, подобно другимъ частямъ этого труда, противорѣчія, неточности и всякаго рода ошибки,—логическія, фактическія, историческія и т. д. Примѣровъ можно привести не мало. Напр., на стр. 321 авторы устанавливаютъ неопровержимый тезисъ ничѣмъ однако не доказанный, что нормальная женщина есть полупреступница! Или положеніе, высказанное на той же страницѣ: естественная атавистическая форма преступности у женщины есть не преступленіе, а проституція, такъ какъ примитивная женщина болѣе проститутка, чѣмъ преступница. Характерна ссылка на положеніе, высказанное въ первой части труда, но тамъ вовсе не доказанное: «Говоря о нравственности нормальной женщины, мы уже видѣли, что у нея слабо развито уваженіе къ чужой собственности» (стр. 360). Или еще совершенно голословное утвержденіе на стр. 364: «Въ то время, какъ нищенство является у мужчины почти всегда слѣдствіемъ дегенераціи и продуктомъ врожденной склонности къ бродяжничеству и отвращенія къ труду, оно у женщинъ сплошь да рядомъ только случайное преступленіе». Далѣе, устанавливая въ нѣсколькихъ мѣстахъ основное положеніе, что причина проституціи кроется въ отсутствіи нравственнаго чувства, и признавая даже, что происхожденіе врожденной проституціи кроется въ нравственномъ помѣшательствѣ (стр. 435, 406 и др.), авторы разбираемаго сочиненія, тѣмъ не менѣе, на стр. 419 цитируютъ Parent-Duchatelet, утверждающаго, что «лѣнь является одной изъ главныхъ причинъ проституціи»!.. На стр. 423 цитируется д-ръ de Sanctis, констатирующій, на основаніи наблюденія 28 (sic!) проститутокъ, у нихъ удивительную аналогію съ истероэпилептическими больными.

Мы могли бы еще продолжить списокъ примѣровъ въ подтвержденіе высказанныхъ нами замѣчаній. Но намъ кажется, что достаточно и тѣхъ, которые мы привели. Всѣ указанные нами недостатки разбираемаго труда лишаютъ его значенія, которое старается придать ему переводчикъ. Мы думаемъ, что настоящій переводъ не обогатитъ русскую литературу выдающимся трудомъ по уголовной антропологіи; врядъ ли также онъ можетъ служить однимъ изъ

лучшихъ руководствъ для изученія какъ нормальной, такъ въ особенности преступной женщины.

Что касается перевода, то въ общемъ онъ выполненъ удовлетворительно. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, переведена ли книга съ итальянскаго подлинника, или съ перевода на одинъ изъ европейскихъ языковъ.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

Паульсенъ. «Кантъ, его жизнь и ученіе».—*Ланге.* «Исторія матеріализма».—*Тиченеръ.* «Очерки психологіи».

Паульсенъ. Кантъ, его жизнь и ученіе. Спб. 1899. Всѣмъ извѣстна та громадная роль, которая выпала на долю философіи Канта въ текущемъ столѣтіи; всѣмъ извѣстно также, какъ мало доступно изученіе философіи Канта и какъ много комментаріевъ на его сочиненія появилось въ послѣднія десятилѣтія. Поэтому нужно считать вполнѣ своевременнымъ появленіе сочиненія о Кантѣ Паульсена, который въ настоящее время извѣстенъ не только какъ выдающійся мыслитель, но и какъ писатель съ блестящими литературными способностями. Книга Паульсена представляетъ интересъ еще и потому, что принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ сочиненій о Кантѣ, которыя излагаютъ систему его въ полнотѣ. Особенная же важность въ книгѣ Паульсена принадлежитъ тому обстоятельству, что онъ пытается опредѣлить значеніе философіи Канта въ настоящее время, для современнаго міровоззрѣнія.

Паульсенъ говоритъ, что онъ «не можетъ причислить себя къ безусловнымъ поклонникамъ Канта», однако убѣжденъ въ томъ, что «его философія съ его великими основными мыслями должна указывать путь современному міровоззрѣнію. Серьезность и сила, съ которою онъ разрѣшаетъ послѣднія и глубочайшія проблемы, всегда будутъ придавать его сочиненіямъ характеръ привлекательнаго и высокаго предмета изученія».

Онъ находитъ, что «этически-метафизическій идеализмъ Кантовской философіи, ея пониманіе отношенія познающаго духа къ дѣйствительности, ея взглядъ на значеніе *знанія* и *воли* для жизни и міровоззрѣнія, все это прочныя пріобрѣтенія нѣмецкой философіи».

«Спеціальная цѣль критической философіи, философіи Канта, по мнѣнію Паульсена, состояла въ томъ, чтобы *установить миръ между вѣрою и знаніемъ*».

Въ теоретической философіи Кантъ вмѣстѣ съ матеріализмомъ утверждаетъ, что наука приводитъ къ познанію *закономѣрности*, а не *смысла* вещей, она даетъ механическое, а не теологическое объясненіе міра. Но Кантъ убѣжденъ съ идеализмомъ въ томъ, что въ вещахъ есть *смыслъ* и мы можемъ быть увѣрены въ этомъ. Жизнь имѣетъ смыслъ; съ непосредственною достовѣрностью мы признаемъ нравственныя блага за абсолютную цѣль жизни не разсудкомъ или научнымъ мышленіемъ, а *волею*, или какъ говоритъ, Кантъ *практическимъ разумомъ*. Вѣра убѣждена въ томъ, что Богъ создалъ міръ, чтобы осуществить въ немъ вмѣстѣ съ людьми идею блага. Всѣ догматы религіи представляютъ не что иное, какъ «различныя выраженія увѣренности въ томъ, что міръ существуетъ для добра, что природа и исторія имѣютъ основаніе въ идеѣ—цѣли Бога».

Но такъ какъ эти двѣ точки зрѣнія, т. е. научное пониманіе вещей и религіозное истолкованіе ихъ совершенно различны, то спрашивается, какимъ образомъ они совмѣщаются въ одномъ міровоззрѣніи. Кантъ думаетъ, что это можетъ быть достижимо при помощи различенія чувственнаго и сверхчувствен-

наго міра. Міръ, составляющій предметъ естественно-научнаго познанія есть лишь явленіе для нашей чувственности, а не дѣйствительность въ себѣ; на оборотъ, міръ религіозной вѣры есть сама въ себѣ сверхчувственная дѣйствительность. Эта дѣйствительность никогда не можетъ сдѣлаться предметомъ научнаго познанія, потому что человѣческое познаніе ограничено чувственнымъ опытомъ. Мы можемъ знать только объ существованіи этого міра. Это послѣдній предѣлъ, до котораго можетъ достигнуть человѣческое познаніе. Критически изслѣдуя самаго себя, свою сущность и границы своего познанія, разсудокъ узнаетъ, что по ту сторону чувственно познаваемаго міра существуетъ абсолютная дѣйствительность. При этомъ духъ, содержаніе котораго не исчерпывается однимъ разсудкомъ, признаетъ себя, какъ нравственное существо, членомъ этой абсолютной дѣйствитительности, и опредѣляетъ сущность этой дѣйствительности на основаніи своей собственной сущности.

Такъ какъ въ системѣ Канта истолкованію міра при помощи практическаго разума придается первенствующее значеніе, то эта особенность ученія Канта и называется *приматомъ* практическаго разуму передъ теоретическимъ.

Этому ученію Канта вполнѣ сочувствуетъ Паульсенъ. По его словамъ, Кантъ вполнѣ правильно понялъ сущность знанія и вѣры. Кантъ поощряетъ естествоиспытателя къ подчиненію міра явленій законамъ, руководясь при этомъ чувственнымъ опытомъ. Разсудокъ можетъ пытаться объяснить при помощи механической связи природы всѣ явленія. Единственная цѣль науки—это достиженіе *истины*, вѣра же выступаетъ только при *оцѣнкѣ* вещей. Съ другой стороны Кантъ вполнѣ признаетъ и религіозную вѣру, поскольку она хочетъ быть тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть, а именно она должна быть нравственною увѣренностью въ томъ, что высшее благо возможно въ дѣйствительности. Религія не наука, поэтому она не можетъ быть предметомъ доказательства, но именно поэтому она не можетъ быть заблужденіемъ: ее нельзя отвергать на основаніи доказательствъ. Догматы можно разрушать критикою, но сама религія неуничтожима: она постоянно вновь возрождается въ человѣческомъ духѣ изъ своихъ живыхъ корней.

Такимъ образомъ Кантъ отводитъ волѣ надлежащее для нея положеніе въ человѣческомъ міропониманіи, и этимъ кладетъ конецъ одностороннему *интеллектуализму* XVIII-го вѣка, который состоялъ въ убѣжденіи, что цѣнность человѣка основывается на его образованіи, что нравственное развитіе зависитъ также отъ образованія. Кантъ примкнулъ къ перевороту, начатому Руссо, и повелъ его дальше. Новыя воззрѣнія характеризуются двумя положеніями: цѣнность человѣка зависитъ не отъ его разсудка, а исключительно отъ его *воли*, міровоззрѣніе зависитъ не столько отъ разсудка, сколько отъ воли.

Въ этомъ Паульсенъ видитъ особую заслугу Канта для современнаго міровоззрѣнія. Его послѣдователями въ этомъ смыслѣ являются въ нѣмецкой философіи: Ланге, Вундтъ и Паульсенъ; въ французской философіи есть также его послѣдователи. Въ недавнее время извѣстный американскій психологъ, Джэмсъ написалъ блестящую статью въ защиту роли вѣры въ человѣческомъ міровоззрѣніи подъ заглавіемъ «О волѣ вѣрить».

Ланге. Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время. Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к. Изд. Л. Пантелѣева. Нельзя не порадоваться появленію новаго изданія этой замѣчательной книги, имѣвшей такое огромное значеніе въ міровой литературѣ, какъ въ смыслѣ поворота въ сторону Кантіанства, такъ и въ смыслѣ популяризаціи самой философіи въ обширныхъ кругахъ общества. Книга Ланге, появившаяся на нѣмецкомъ языкѣ въ 1866 году, была затѣмъ переиздана пять разъ и переведена на многіе языки. Такой успѣхъ объясняется дѣйствительно выдающимися достоинствами этой книги. Она не только затрогиваетъ глубочайшіе вопросы философіи, но и

даетъ болѣе или менѣе законченное рѣшеніе ихъ, при удивительно глубокой эрудиціи автора какъ въ области философіи, такъ и въ области исторіи и естествознанія: она затрогиваетъ не только вопросы философскаго міропониманія, но и вопросы соціально-этическіе. Изъ огромной массы эмпирическаго матеріала онъ стремится создать одно гармоническое цѣлое, одно стройное міросозерцаніе, насколько это было возможно при исходной точкѣ автора. Въ немъ замѣчается одна особенность, которая характеризуетъ вообще нѣмецкую философію конца XIX-го вѣка—это именно попытка строить идеалистическую философію на эмпирическихъ началахъ. Ланге въ этомъ отношеніи пріобрѣлъ особенное значеніе: онъ пытался примирить реалистическое стремленіе своего времени съ идеалистическими традиціями прошлаго, онъ стремился примирить разсудокъ съ чувствомъ, дѣйствительность съ идеаломъ, эмпирію съ міромъ трансцендентнаго, міръ дѣйствительнаго съ міромъ «цѣнностей». Для достиженія этого Ланге предлагаетъ особую точку зрѣнія, которую онъ называетъ точкою зрѣнія «идеала», т. е. точку зрѣнія, возвышающуюся надъ трезвымъ разсмотрѣніемъ міра простыхъ явленій и дающую мѣсто для свободнаго и смѣлаго подъема «идеалистическаго» мышленія.

Въ ту эпоху, когда Ланге писалъ свою книгу, въ публикѣ было замѣтно стремленіе къ философіи *матеріализма*. Поэтому задача Ланге заключалась въ тщательномъ критическомъ изслѣдованіи этой доктрины, съ устраненіемъ которой онъ приходитъ къ собственной точкѣ зрѣнія «идеала».

Какъ извѣстно, сущность матеріалистической доктрины состоитъ въ признаніи, что истинная дѣйствительность состоитъ не въ духѣ, а въ матеріи, вся дѣятельность которой состоитъ въ механической связи по формѣ причины и слѣдствія и въ которой не существуетъ никакихъ цѣлей; съ этимъ взглядомъ связывается тенденція устранять изъ области научнаго изслѣдованія всѣ тѣ вопросы, которые находятся внѣ механической связи матеріальныхъ атомовъ и движущихся матеріальныхъ массъ.

Въ этомъ воззрѣніи есть одна основная ошибка, открытіе которой принадлежитъ собственно Канту, но въ совершенно самостоятельной формѣ предложено Ланге, по всей вѣроятности, не безъ вліянія со стороны Шопенгауера,—именно такъ называемое доказательство неосновательности матеріализма съ точки зрѣнія теоріи познанія. Сущность этого доказательства, какъ извѣстно, сводится къ тому, что мы не можемъ собственно воспринимать матеріи безъ того, чтобы не воспринимать при этомъ нашего «я»; воспринимая вещество, мы воспринимаемъ собственно наши ощущенія; въ этомъ смыслѣ наши духовныя состоянія такъ же реальны, какъ и матерія, и даже въ извѣстномъ смыслѣ реальность духовныхъ состояній для насъ болѣе очевидна, чѣмъ реальность матеріи. Отсюда ясно, что матеріализмъ совершенно теряетъ подъ собою почву. Его необходимо оставить какъ философскую доктрину.

Но не слѣдуетъ думать, что Ланге хотѣлъ совершенно устранить матеріализмъ изъ человѣческаго познанія. Нѣтъ, онъ находилъ для него мѣсто въ научномъ познаніи. Онъ думалъ, какъ это до него дѣлали Кантъ и Шопенгауеръ, что руководящей точкой зрѣнія для натуралиста должна быть матеріалистическая. Онъ думалъ, что натуралистъ въ своихъ изслѣдованіяхъ не долженъ принимать въ соображеніе тѣ цѣли, которыя человѣкъ связываетъ съ вещами: онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ не долженъ находиться подъ вліяніемъ этическихъ или религіозныхъ задачъ. Натуралистъ долженъ думать, что только въ томъ случаѣ онъ можетъ достигнуть истиннаго познанія, когда онъ всю дѣйствительность можетъ объяснить изъ механическихъ дѣйствій матеріальныхъ атомовъ.

Но отнюдь не слѣдуетъ думать, что матеріализмъ можетъ быть той законченной доктриной, которая высказываетъ послѣднее слово о сущности дѣйстви-

тельнаго. Здѣсь именно въ качествѣ дополненія должна явиться *философія* и именно философія *критическая* и *идеалистическая*.

По мнѣнію Ланге, мы нуждаемся не только въ эмпирическомъ естествознаніи, но также въ основѣ всѣхъ наукъ, въ *философіи* и въ особенности въ *теоріи познанія*. Кромѣ того, мы на ряду съ познаніемъ нуждаемся въ поэзіи, съ которой связывается дѣятельность не разсудка, а фантазіи. Мы нуждаемся въ дополненіи дѣйствительности посредствомъ идеала. «Всѣ философемы,—говоритъ Ланге,—имѣющія тенденцію давать значеніе только дѣйствительному, необходимо должны тяготѣть къ матеріализму. Но зато у матеріализма нѣтъ отношеній къ высшимъ функціямъ свободнаго человѣческаго духа. Онъ помимо своей творческой несостоятельности, бѣденъ возбужденіями, безплоденъ для науки и для искусства, равнодушенъ или склоненъ къ эгоизму въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку. Онъ едва можетъ замкнуть кольцо своей системы, не заимствуясь у идеализма».

Естествознаніе не можетъ дать законченнаго міровоззрѣнія. «Всякая естественная наука останавливается на частностяхъ... Вселенная, когда мы понимаемъ ее естественно научно, можетъ насъ также мало воодушевлять, какъ читаемая по складамъ Иліада».

Послѣ того, какъ натуралистъ постигъ это, онъ можетъ оставаться матеріалистомъ въ своей области, но если онъ переходитъ къ разсмотрѣнію общей области всѣхъ наукъ и затѣмъ всей духовной жизни человѣка, то онъ долженъ съ одной стороны быть критическимъ философомъ, съ другой стороны идеалистическимъ. Такое рѣшеніе проблемы является господствующимъ въ современной идеалистической философіи въ Германіи.

Имѣя въ виду выдающіяся достоинства этой книги, мы позволимъ себѣ рекомендовать эту книгу нашимъ читателямъ, интересующимся высшими философскими вопросами. Для нихъ тщательное изученіе книги Ланге можетъ быть источникомъ весьма обширнаго поученія. При этомъ мы не можемъ обойти молчаніемъ, что цѣна книги, 1 р. 50 коп. при такомъ хорошемъ изданіи и при такомъ хорошемъ переводѣ, невѣроятно дешевая, и мы можемъ выразить пожеланіе, чтобы и это обстоятельство послужило поводомъ для наиболѣе широкаго распространенія этой книги среди образованной публики.

Тиченеръ. Очерки Психологіи. Спб. 1898. «Цѣлью моей при составленіи этой книги, говоритъ авторъ, было дать краткій и простой очеркъ методовъ и наиболѣе важныхъ результатовъ экспериментальной психологіи». Нельзя не признать, что авторъ выполнилъ свою задачу вполнѣ удачно. На сравнительно небольшомъ пространствѣ, авторъ сжато, но полно излагаетъ важнѣйшіе результаты современной экспериментальной психологіи, насколько она, разумѣется, поддается изложенію въ элементарной и доступной формѣ.

Надо замѣтить, что для оцѣнки значенія экспериментальной психологіи необходима предварительная подготовка, во первыхъ по физикѣ и физіологіи, а затѣмъ по т. н. «общей психологіи». Подъ этой послѣдней понимается та психологія, которая разбираетъ основные принципы психологіи, такіе вопросы какъ напр. вопросъ о методѣ психологіи, объ отношеніи психологіи къ другимъ наукамъ, объ отношеніи психическихъ явленій къ физическимъ и т. п. Только тогда для читателя огромный матеріалъ современной экспериментальной психологіи, часто представляющійся въ сыромъ и не обобщенномъ видѣ, можетъ получить должное освѣщеніе.

Хотя авторъ и имѣлъ ввиду только экспериментальную психологію, но онъ излагаетъ ее такъ, что читатель видитъ ихъ связь съ общей психологіей. Съ другой стороны, хотя по заявленію автора, «книга его, какъ это неизбѣжно дѣлаетъ всякая психологія, предлагаетъ извѣстное количество познаній по физикѣ и физіологіи, но онъ свелъ количество этихъ познаній до минимума».

Весьма часто, у насъ въ Россіи, при словѣ экспериментальная психологія многіе думаютъ, что это есть тотъ видъ психологіи, который единственно заслуживаетъ вниманія, что всякая другая психологія должна быть признана не научной и не заслуживающей вниманія. Въ книгѣ Тиченера читатель можетъ узнать, что на самомъ дѣлѣ экспериментальная психологія есть часть психологіи и именно та, которая занимается изслѣдованіемъ явленій *доступныхъ* экспериментальному изслѣдованію, а такихъ явленій сравнительно немного.

Хотя авторъ считаетъ психологію отраслью *философіи* на ряду съ онтологіей, этикой и т. д., но въ своемъ изложеніи онъ той части психологіи, которая граничитъ съ философіей, удѣляетъ очень мало мѣста (всего 7 стр.); это онъ объясняетъ своимъ желаніемъ отдать метафизикѣ то, что ей принадлежитъ. Между тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что многіе въ настоящее время требуютъ полной эмансипаціи психологіи отъ философіи, подобно тому, какъ физика давнымъ давно эмансипировалась отъ нея. Въ этомъ отношеніи Тиченеръ значительно умѣреннѣе, чѣмъ многіе сторонники экспериментальной психологіи.

Книгу Тиченера можно рекомендовать тѣмъ, кто желаетъ въ доступной формѣ ознакомиться съ современной экспериментальной психологіей.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го апрѣля по 15-е мая 1899 года.

Джонъ-Невиль Кейнсъ. Предметъ и методъ политической экономіи. Пер. съ англ. Гучковскаго «Научно-образовательная библіотека». М. 1899.

Гётчинсонъ. Вымершія чудовища. Вып. 4, 5. Съ 177 таб. и 37 рис. Перев. М. В. Павловой. «Научно-образовательная библіотека» М. 1899.

Е. И. Булгакова. Японія и японцы. М. 1899.

Д. Н. Жбанковъ и В. И. Яковенко. Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время. М. 1899. Ц. 80 к.

Е. Волкова. Несчастный женихъ. Историч. разсказъ изъ времени царя Бориса Годунова. М. 1899.

М. А. Энгельгардтъ. Письма о земледѣліи (съ вводными предложеніями по адресу неомарксизма). Изд. Павленкова. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Т. Рибо. Философія Шопенгауера. Перев. съ фр. Э. Ватсонъ. Изд. Павленкова. Спб. 1899. Ц. 50 к.

В. Лункевичъ. «Научно-популярная библіотека для народа». Изд. Павленкова Спб. 1899 г.:

№ 1. Земля. Съ 13 рис. въ текстѣ. Ц. 8 к.

№ 2. Небо и звѣзды. Съ 18 рис. въ текстѣ. Ц. 8 к.

№ 3. Громъ и молнія. Съ 24 рис. въ текстѣ. Ц. 12 к.

№ 4. Жизнь въ каплѣ воды. Съ 14 рис. въ текстѣ. Ц. 8 к.

№ 5. Невидимые друзья и враги людей. Съ 28 рис. въ текстѣ Ц. 16 к.

№ 6. Зеленое царство. Бесѣды о томъ, какъ живетъ растеніе. Съ 32 р. Ц. 16 к.

№ 9. Два великихъ царства природы. Съ 93 рис. въ текстѣ. Ц. 25 к.

№ 10. Великаны и карлики въ царствѣ животномъ. Съ 37 рис. Ц. 20 к.

№ 11. Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ. Съ 33 рис. въ текстѣ. Ц. 16 к.

№ 15. Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата. Жизнь муравьевъ. Съ 12 рис. въ текстѣ.

Обзоръ сельско-хозяйственный Самарской губ. за 1898—1899 г. Вып. I. Самара. 1899 г.

Н. Перцовъ. Стихотворен. Пермь. 1899. Ц. 1 р.

М. Б. Полиновскій. Въ желтомъ домѣ. (Сцена-монологъ). Одесса. 1899.

Д-ръ Л. С. Пинскеръ. «Авто-эмансипація». Призывъ русскаго еврея къ своимъ соплеменникамъ. Одесса. 1899. Ц. 15 к.

С. Хорошенковъ. Характеристика холодильныхъ машинъ и о примѣненіи холода. Спб. 1899. Ц. 50 к.

М. А. Берновъ. Испанія, Алжиръ и Сахара. Путевые очерки. Съ портретомъ, біографіей и 52 илл. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

Н. А. Юрьевъ. Наше время и его задача. М. 1899. Ц. 25 к.

Н. Телешовъ. Повѣсти и разсказы. М. 1899. Ц. 1 руб.

В. Каллашъ. Русскіе поэты о Пушкинѣ. Сборникъ стихотвореній. М. 1899. Ц. 1 р.

Фр. Альб. Ланге. Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время. Пер. съ 3-го нѣм. изд. 2 т. Изд. 2-е Пантелѣева. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

D-r. Th. Kistiakowsky. Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Studie. Berlin. 1899. Ц. 4 марки.

А. Додэ. Новые разсказы. Спб. 1899. Ц. 20 к.

Брауверъ и Шпенинратъ. Руководство для кочегаровъ и надсмотрщиковъ за котлами и для преподаванія въ низшихъ школахъ. Съ 61 рис. въ текстѣ. Пер. и доп. В. Остерманъ. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Н. Н. Борисовъ. Поруганные идеалы. Разсказъ. Спб. 1899. Ц. 10 к.

Альфредъ Фулье. Будущее морали. Спб. 1899. Ц. 20 к.

Л. С. Въ защиту личности. Педагогическія идеи. Н. А. Добролюбова. Спб. 1899. Ц. 25 к.

П. Деляновъ. Казенная винная монополія. Вып. IV.

Отчетъ о дѣятельности Воронежской комиссіи народныхъ чтеній за 1897—1898 г. Воронежъ. 1899.

М. Чепинская. Разсказы о животныхъ. Дѣтство.

Отчетъ комиссіи по нар. образованію за 1898 г. Начальныя народныя училища. Спб. 1899.

Е. Каро. Жоржъ Зандъ. Пер. О. Н. Масловой. М. 1899. Ц. 60 к.

А. Лященко. Къ исторіи русскаго романа. Публ. элементъ въ романахъ Θ. А. Эмина. Спб. 1898.

Ж. Уссингъ. Воспитаніе и обученіе у грековъ и рѣмлянъ. Пер. Θедоровой. Спб. 1899. Ц. 75 к.

А. В. Смирновъ. Уроженцы и дѣятели Владимірской губ., получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. Вып. 3. Владиміръ. 1898. Ц. 1 р. 25 к.

К. Б. Гренгагенъ. Поѣздка на Иматру. Съ прилож. кратк. словаря Р. Ш. Фин. словъ. Изд. Поповой. 1899. Ц. 40 к.

— Путеводитель по Финляндіи. Изд. Поповой. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ общимъ руководствомъ В. П. Семенова и В. И. Ламанскаго. Т. I. Московско-промышленная область и верхнее поволожье. Изд. Девріена. Спб. 1899. Ц. 1 р. 75 к.

Е. И. Конради. Сочиненія. Съ портретомъ и біограф. очеркомъ. Подъ ред. М. А. Антоновича. Т. I. Исповѣдь матери.

Атласъ естественно-историческій. Состав. П. Ю. Шмидтъ и И. В. Ламбинъ. Изд. Поповой. 1899. Ц. при подпискѣ 5 р.

В. В. Шарковъ. Какъ измѣрить крестьянское трехполье. Изд. Тихомирова. М. 1899. Ц. 4 к.

И. П. Селивановскій. Опытные суслятники или лучшіе способы истребленія сусликовъ. Изд. Тихомирова. М. 1899. Ц. 20 к.

А. Т. Прохоровъ. Приготовленіе бѣлевской чисто-яблочной пастилы. Изд. Тихомирова. М. Ц. 4 к.

В. В. Шарковъ. Крымъ, его прошедшее и настоящее. Изд. Тихомирова. М. 1899. Ц. 5 к.

— О засухахъ на поляхъ Южной Россіи. Изд. Тихомирова. М. 1899. Ц. 3 к.

И. П. Селивановскій. Ложкари. Руководство по выдѣлкѣ деревян. ложекъ. Изд. Тихомирова. М. 1899. Ц. 15 к.

Е. Жадовскій. Дихотомическія таблицы для опредѣленія растеній. Изд. Тихомирова. М. Ц. 1 руб.

Сборникъ постановленій Московскаго губ. земскаго собранія съ 1865—1897 г. посвящ. памяти Д. А. Наумова. М. 1899.

А. Кернеръ ф.-Мариляунъ. Жизнь растеній. Вып. 18—20.

Унатъ Галайда. Добромъ же переможешь. Харьковъ. 1899. Ц. 3 к.

Отчетъ Совѣта Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегор. губ. за 1898 г. Н. Новгородъ. 1899.

Д-ръ М. Б. Додинъ. Общественное призрѣніе и массовое вскармливаніе грудныхъ дѣтей. Воронежъ. 1898.

В. В. Розановъ. Литературные очерки. Сборникъ статей. Изд. П. Перцова. М. 1899. Ц. 1 руб.

Д-ръ И. И. Пантюховъ. Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа. Съ картою. Тифлисъ. 1898.

Р. Штамлеръ. Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи.

Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1898 г. Одесса. 1899.

Сутта-Нипата. Сборникъ бесѣдъ и поученій. Буддійская каноническая книга. Перев. съ англ. Герасимова «Восточная библіотека». Т. I. М. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Л. Е. Оболенскій. Изложеніе и критика идей неомарксизма. Спб. 1899. Ц. 1 р.

М. Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали. Спб. «Знаніе» 1899. Ц. 2 р.

И. И. Ивановъ. Пушкинъ. Очеркъ. М. Библіотека Д. Ст. 1899. Ц. 25 к.

Пушкинскій сборникъ. Изд. «Библіотеки Дѣт. Чтенія». 1899. Ц. 75 к.

А. С. Пушкинъ. Сочиненія. Изд. книжнаго магаз. «Знаніе» подъ ред. Вѣтринскаго. Съ портр. и илл. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Роза Люксембургъ. Промышленное развитіе Польши. Ред. Д. Протопопова. Перев. Ф. Гурвича. Изд. книж. маг. «Знаніе». Спб. 1899. Ц. 50 к.

Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Пер. З. Венгеровой. Изд. Тов. «Знаніе». Спб. 1899. Подп. цѣна на изд. въ 3 т. съ 1.200 рис. 10 руб.

Р. Кэрръ. Телеграфъ безъ проводовъ. Съ рис. въ текстѣ. Пер. съ англ. В. Поляковъ и А. Бѣлой. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Ю. Мильталеръ. Что такое красота. Введеніе въ эстетику. Пер. З. А. Венгеровой. Изд. Поповой. «Образовательная библіотека». Спб. 1899. Ц. 40 к.

Г. Гиггсъ. Физіократы. Пер. подъ ред. П. Струве. Изд. Поповой. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Рисъ-Дэвидсъ. Буддизмъ. Перев. подъ ред. проф. С. Ольденбурга. Изд. Поповой. Спб. 1899. Ц. 40 к.

Карлъ Бюхеръ. Работа и ритмъ. Рабочія пѣсни, ихъ происхожденіе эстетическое и экономическое значеніе. Изд. Поповой. «Экономическая библіотека». Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Джозуэ Кардуччи. Дантъ и его произведенія. Пер. съ ит. П. Риттера. Харьковъ. 1899. Ц. 20 к.

Отчетъ Нижегородской общественной библіотеки за 1898 г. Н. Новгородъ. 1899.

Д. Сапожниковъ. Цѣнная находка. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина. Изд. редакціи жур. «Русское Обозрѣніе». 1899. Ц. 1 р.

Б. Ф. Брандтъ. Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. II часть. Спб. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

А. А. Коринфскій. «Бывальщины» и «Картины Поволжья». Спб. 1899. Ц. 2 р.

А. Новиковъ. Записки земскаго начальника. Спб. 1899 Ц. 1 р. 50 к.

Д. Мёиро. Очеркъ электр. явленіи и ихъ примѣненій къ практической жизни. Изд. Суворина. «Научная дешевая библіотека». Спб. 1898.

К. Вейзеръ. Исторія англійской литературы. Пер. съ нѣм. Изд. Суворина. «Научная дешевая библіотека». Спб. 1899.

Зигель. В. Шекспиръ. Пер. съ нѣм. Ѳ. Черниговца. Изд. Суворина. «Научная дешевая библіотека». 1899. Спб.

В. Г. Бѣлинскій. Обзоръ русской литературы отъ Ломоносова до Пушкина. Ч. I. О Пушкинѣ. Ч. II. Изд. Суворина. «Дешевая библіотека». Спб. 1890 г. Ц. 20 и 25 к.

Н. М. Языковъ. Стихотворенія. Ч. I. и II. Изд. Суворина. «Дешевая библіотека». Спб. 1899. Ц. 40 к.

Вл. А. Тихоновъ. Пустоцвѣтъ (Въ деревнѣ). Романъ. Изд. Суворина. Спб. 1899. Ц. 1 р.

И. Потапенко. Свѣтлый лучъ. Романъ. Изд. Суворина. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

А. Фогаццаро. Исчезнувшія тѣни. Романъ Изд. Суворина. «Новая библіотека». Спб. Ц. 60 к.

Г. д'Аннунціо. Невинная жертва. Пер. М. М. Иванова. Изд. Суворина. «Новая библіотека». Спб. 1899. Ц. 60 к.

Князь Дм. Голицынъ. (Муравлинъ). Въ Петербургѣ. Изд. Суворина. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Воспоминанія сержанта Бургоня. Пожаръ Москвы и отступленіе французовъ. Пер. съ фр. Л. Г. Изд. Суворина. Спб. Ц. 1 р.

Н. Леонардъ. Новый торговый и промышленный уставъ. Изд. Суворина. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

Д. Кайгородовъ. Дневникъ петербургской весенней и осенней природы за 10-лѣтіе 1888—1897 г. Съ табл. Изд. Суворина. Спб.1899. Ц. 2 руб.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

О ТЕАТРѢ И ИДЕЯХЪ.

По поводу книги *Le drame romantique, par Pierre Nebout.*

I.

Въ исторіи европейской культуры существуетъ фактъ чрезвычайно любопытный, и даже отчасти странный. Касается онъ предмета, всѣмъ извѣстнаго, почти для всѣхъ увлекательнаго и въ послѣднее время именно у насъ получившаго исключительное значеніе. Русское общество, несомнѣнно, очень усердно занято мыслью о народномъ просвѣщеніи, дѣятельно изыскиваетъ всевозможные пути къ умственному подъему своей темной родины и одинъ изъ этихъ путей открыло въ театральныхъ зрѣлищахъ. Они неизбѣжно входятъ въ программы современныхъ просвѣтителей, культурное ихъ значеніе обсуждается съ великой горячностью, они ставятся наравнѣ съ библіотеками, школами, публичными лекціями и даже выше всего этого. По существу вопросъ считается рѣшеннымъ разъ навсегда: театръ—учрежденіе безусловно просвѣтительное, слѣдуетъ только составить вполнѣ литературный репертуаръ, и народу можно будетъ входить въ театральную залу, какъ въ настоящій храмъ науки и добродѣтели.

Повидимому, эта вѣра въ театральныя представленія можетъ опереться на очень почтенныхъ свѣдущихъ людей. Всякому просвѣщенному русскому читателю извѣстны прежде всего восторженныя чувства, воодушевлявшія самое благородное и идейное молодое поколѣніе во всей исторіи русскаго общества. Гимнъ театру, пропѣтый Бѣлинскимъ, первый приходитъ на память. Какихъ только страстныхъ словъ не вложено молодымъ критикомъ въ это «стихотвореніе!» Говорится здѣсь о «любви всѣми силами души, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ», о любви больше всего на свѣтѣ, кромѣ любви ко благу и истинѣ, о театрѣ—самовластномъ властелинѣ нашихъ чувствъ, о неизъяснимо-сладостномъ блаженствѣ еще только въ ожиданіи поднятія занавѣса... А потомъ?.. Вся полнота возможныхъ для человѣка ощущеній, самыхъ свѣтлыхъ и возвышенныхъ; и критикъ отказывается описать всѣ очарованія театра, желаетъ только, чтобы и у насъ былъ свой народный, русскій театръ...

Это очень искренно, даже до нѣкотораго самозабвенія, потому что одновременно съ театромъ получаетъ дань восторга и «біеніе

пульса могучей русской жизни». Время въ сильнѣйшей степени охладитъ представленіе великаго критика на счетъ мощи этого пульса, измѣнится и температура театральныхъ увлеченій. Горькая дѣйствительность не разъ заставитъ его съ грустной ироніей вспомнить о своемъ юношескомъ трепетѣ и воскликнуть: «Увы! все это поэзія, а не проза, мечты, а не существенность!» И на этомъ печальномъ заключеніи Бѣлинскому придется помириться. Только изрѣдка на представленіяхъ *Гамлета,* да еще съ Мочаловымъ въ заглавной роли, критику удается отдохнуть отъ мучительной «существенности», да и то моментами, когда божество снизойдетъ на геніальнаго артиста. Это случается далеко не всегда, и страстному обожателю изящнаго необходимо прощать прихотливому генію томительно-заурядныя сцены ради одной вспышки, одного монолога.

Дѣйствительный театръ годъ за годомъ все больше разочаровывалъ Бѣлинскаго и подъ конецъ онъ даже переставъ вспоминать о выспреннихъ мечтахъ юности, вынужденный безпрестанно считаться съ пошлостями и уродствами драматической сцены. Искатель всемогущаго искусства и всепокоряющей красоты невольно превращается въ рецензента, въ болѣе или менѣе раздраженнаго обязательнаго лѣтописца, отнюдь не возвышенныхъ и не просвѣтительныхъ явленій.

Противорѣчіе по-истинѣ трагическое, если представить во всей яркости и силѣ неутолимую эстетическую и идейную жажду Бѣлинскаго. Оно не миновало и другого его современника, столь же рыцарственнаго поклонника театра. Гоголь, въ самый разгаръ своего проповѣдничества, обуреваемый мучительной тоской о недосягаемомъ нравственномъ совершенствѣ и думами объ отреченіи отъ суеты мірской, сохранилъ добрыя чувства къ театру. Для него это каѳедра, и съ нея можно много оказать міру добра. Даже больше, — театръ можетъ быть ступенью къ христіанству для всѣхъ, кто отдѣлился отъ христіанства. Публика пойдетъ куда ее поведутъ, у нея нѣтъ собственнаго каприза, она вся во власти художника. Надо только выбрать достойныя пьесы, прекрасно ихъ поставить, и театръ выполнитъ свое высокое назначеніе. Главными героями на этомъ пути будутъ, по соображеніямъ Гоголя, «первоклассные актеры-художники». Только они въ состояніи выбрать пьесу, произвести репетиціи, научить всѣхъ исполнителей и вообще упрочить «каѳедру». Гоголь религіозно вѣритъ во «внутреннее эстетическое чувство» актера-художника и его идеальную добросовѣстность во всѣхъ поступкахъ: «собственная извѣстность» убережетъ актера отъ личныхъ пристрастій и удержитъ его на высотѣ просвѣтительнаго призванія...

Вотъ какъ умилительно разсуждалъ о нашемъ вопросѣ геніальный сатирикъ, мнившій проникать сокровеннѣйшія глубины человѣческаго сердца и разоблачать душеспасительнымъ словомъ язвы и недуги своихъ соотечественниковъ!

И развѣ это не авторитетъ? Кому же, какъ не автору *Ревизора,* судить здраво и внушительно о значеніи театра? Вопросъ совершенно естественный, но одновременно съ нимъ возникаетъ и недоумѣніе столь же неопровержимое.

Мы припоминаемъ, по какимъ случаямъ Гоголь вспоминалъ о театрѣ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ раньше чѣмъ

взялъ на себя званіе проповѣдника и очистителя душъ? Ему приходилось иногда касаться театра весьма близко, именно рисовать нѣкоторыхъ особенныхъ любителей театральныхъ удовольствій. И нельзя сказать, чтобы это были дѣятели почтенные и умы просвѣщенные. «Самые выгодные люди для театральной дирекціи», по выраженію Гоголя, это поручики Пироговы, коллежскіе ассесоры Ковалевы и титулярные совѣтники Поприщины. Нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно поручики, не только «въ театрѣ безсмѣнно», но при случаѣ и сами умѣютъ превосходно продекламировать стихи даже изъ *Горе отъ ума*, здѣсь же пріятно разсказать анекдотъ и выпустить изъ трубки дымъ кольцомъ. Все это, надо полагать, таланты одного порядка, не встрѣчающіе ни малѣйшаго уваженія со стороны автора, и все это вызываетъ нѣкоторые вопросы.

Если поручикъ Пироговъ, такой страстный любитель театровъ, умѣетъ даже отличать хорошіе стихи отъ дурныхъ, какъ же въ немъ уживаются столь малопочтенные таланты и какъ вообще весь поручикъ Пироговъ можетъ оставаться личностью до такой степени ничтожной и смѣшной? Вѣдь театръ неотразимо дѣйствуетъ на умъ и нравственность своихъ посѣтителей, особенно безсмѣнныхъ, а у нашего героя, повидимому, именно благодаря театральнымъ вкусамъ, прибавились только развѣ лишнія черты пошлости. Какъ примирить все это, тѣмъ болѣе, что въ вопросѣ замѣшаны такія представленія, какъ *Горе отъ ума* и, разумѣется, не мало «актеровъ-художниковъ»: дѣло идетъ о цвѣтущемъ времени русской сцены.

Очевидно и здѣсь приходится признать извѣстное разногласіе между мечтами и «существенностью». Геніальный сатирикъ столь же неосторожно увлекся чисто-отвлеченными идеями о театрѣ-каѳедрѣ, какъ и Бѣлинскій, и оказалось два непримиримыхъ факта: съ одной стороны — храмъ съ безсмертными божествами красоты и искусства, съ другой—увеселительный пріютъ несовершеннолѣтнихъ любителей стишковъ и охотниковъ «громко вызывать актеровъ».

Гоголь въ свѣтлыя минуты готовъ былъ склонить вѣсы въ прискорбную сторону. Среди тысячной толпы онъ подслушалъ всего два-три голоса, обличавшіе пониманіе его произведенія, сочувствіе его таланту,—и то одинъ самый осмысленный и желанный голосъ попалъ въ столичную театральную публику случайно, изъ глухой провинціи, принадлежалъ отнюдь не безсмѣнному гостю театральной залы, раздался скромно, почти одиноко... Театръ, очевидно, не причемъ въ развитіи образа мыслей этого удивительнаго зрителя, и еще менѣе актеры-художники, можетъ быть впервые представшіе предъ его глазами. А вотъ два comme il faut, двѣ бекеши, два офицера, да еще литераторъ—несомнѣнные театралы и именно они болѣе всего причиняютъ мученій автору безнадежной тупостью мысли и заскорузлостью вкуса. Очевидно, надо полагать—театръ не создаетъ для самаго себя ни тонкихъ цѣнителей, ни просто умныхъ зрителей. Подавляющее большинство театральной толпы покидаетъ зрѣлище съ такими, примѣрно, критическими мыслями: «да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того... въ своемъ родѣ» или съ болѣе опредѣленнымъ интересомъ: «какъ зовутъ ту молоденькую актрису?»

Такова аудиторія. Вполнѣ подстать и профессора. Писатель

рисуетъ себѣ, изъ своего прекраснаго далёка—великаго актера-художника, идеально просвѣщеннаго, благороднаго, всецѣло поглощеннаго судьбой великихъ идей и геніальныхъ образовъ на драматической сценѣ, чуждаго всякихъ себялюбивыхъ страстей и разсчетовъ... Однимъ словомъ, идеалъ не менѣе ослѣпительный, чѣмъ даже откупщикъ Муразовъ и помѣщикъ Константжогло, предназначенные, какъ извѣстно, спасти свое отечество отъ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Бѣдный писатель! Какъ скоро забылъ онъ собственныя слезныя жалобы на *дѣйствительныхъ* актеровъ и простилъ имъ горечь, отравившую его сердце при первомъ же появленіи его созданія на сценѣ!

Онъ забылъ или совсѣмъ не зналъ гораздо болѣе важныхъ вещей. Никогда и нигдѣ на памяти цивилизованнаго человѣчества не существовало ни публики, вступившей на путь совершенствованія подъ вліяніемъ душеспасительныхъ театральныхъ зрѣлищъ, ни актеровъ-художниковъ, ставившихъ себѣ исключительно одну апостольскую задачу, просвѣщать и облагороживать толпу. Театръ всегда и вездѣ стремился къ одной цѣли: увеселять и забавлять. Если по временамъ оказывалось, что эта цѣль совпадаетъ съ другими болѣе благородными, совпаденіе нисколько и никогда не зависѣло отъ самого театра и менѣе всего отъ актеровъ-художниковъ. Театръ неизмѣнно, при всѣхъ обстоятельствахъ, шелъ за толпой, *въ данное время* вліятельной и благодарной. Ни единаго раза онъ не взялъ на себя иниціативы ни въ какомъ ни въ общественномъ, ни даже въ художественномъ вопросѣ, напротивъ, именно въ лицѣ актеровъ-художниковъ, неизмѣнно становился на пути всякому художественному и литературному прогрессу въ области драмы. Все, что только имѣется стихійно-консервативнаго, слѣпо-традиціоннаго и коснаго въ культурныхъ обществахъ, все это искони вѣковъ охранялъ и поощрялъ театръ, какъ учрежденіе. Его всегда прежде всего интересовалъ размѣръ успѣховъ и славы, а не качество ихъ и театръ дни своего благоденствія высчитывалъ и продолжаетъ высчитывать по количеству зрителей, а не по ихъ умственному уровню. Если по временамъ съ драматической сцены раздавалось смѣлое и новое слово, можно заранѣе поручиться, оно проникло сюда вопреки «актерамъ-художникамъ», послѣ продолжительныхъ и тягостныхъ усилій литературы и настойчиваго требованія публики. Но и послѣ торжества новой идеи, стоило возникнуть реакціи среди сѣраго большинства, среди «бекешъ» и «мужчинъ въ мундирахъ», театръ немедленно и послушно билъ отбой и оказывалъ гостепріимство сатирѣ и пасквилю на какіе угодно идеалы, лишь бы только они оказались внѣ покровительства толпы.

И это вполнѣ естественно и убѣдительно, независимо даже отъ историческихъ свидѣтельствъ. Театральныя зрѣлища предназначены для возможно большаго количества зрителей. Они, слѣдовательно, должны быть приспособлены къ *среднему* уровню, общества, откуда они разсчитываютъ брать свою публику. А какъ съ точностью опредѣлить этотъ *средній* уровень? При самомъ слабомъ опасеніи,—остаться безъ публики театръ непремѣнно возьметъ мѣрку *ниже* средней и начнетъ служить менѣе всего развитымъ, просто даже—литературнымъ вкусамъ. Единственное спасеніе—геніальный драматургъ, способный силой своего дарованія

подчинить одинаково и взрослыхъ и малыхъ сихъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, театръ неудержимо опускается все ниже и ниже по направленію къ уличнымъ увеселеніямъ и постепенно утрачиваетъ всякую связь съ литературой и какими бы то ни было идеями.

Этотъ фактъ мы и наблюдаемъ именно въ наше время, когда на театръ начинаютъ возлагать самыя отвѣтственныя надежды по части народнаго просвѣщенія. Стоитъ посмотрѣть, чѣмъ сталъ современный театръ для общества, чтобы въ сильнѣйшей степени понизить надежды на его просвѣтительную роль.

Прежде всего, драматическая литература со временъ Островскаго перестала совсѣмъ считаться литературой. Это просто особый видъ грамотнаго промысла, въ родѣ сочиненія разныхъ прошеній и свидѣтельствъ для уловленія простодушной публики. Драматургъ пользуется неограниченной свободой подобнаго рода сочинителей: онъ можетъ невозбранно что угодно и кого угодно передѣлывать, обкрадывать, откуда угодно заимствовать. Правда, его произведеній не напечатаетъ ни одинъ журналъ, но на сценѣ они создадутъ ему извѣстность и пріобрѣтутъ капиталъ. Его цѣль, вовсе не красота и не искусство, а *сценичность*, т. е. особыя чисто актерскія удобства, сыграть ту или другую роль.

Роли играются, пьеса часто черезъ два-три мѣсяца совершенно забывается, но авторъ ничего не теряетъ: онъ сочиняетъ на смѣну другое такое же произведеніе, и лавры въ его вѣнкѣ не увядаютъ. Съ дѣйствительно литературнымъ явленіемъ такая судьба не мыслима. Оно непремѣнно вноситъ въ общество какую-нибудь мысль, оставляетъ въ памяти болѣе или менѣе яркій образъ. Ничѣмъ подобнымъ не сопровождается кратковременная жизнь драматической пьесы, развѣ только какой-нибудь откровенный намекъ на личности, воспроизведеніе какого-либо юридическаго или пикантнаго приключенія заставитъ заранѣе освѣдомленное общество—нѣсколько дольше поговорить о находчивомъ авторѣ и его удачливомъ дѣтищѣ.

Таково обычное положеніе театра и драматической литературы. Но бываютъ и на этой улицѣ праздники,—собственно не для нея, а вообще для литературы,—появляются большіе таланты, желающіе говорить съ публикой со сцены. Въ эти періоды обыкновенно провозглашается великое культурное значеніе театра, сами геніальные писатели стараются возможно ярче представить неограниченное вліяніе драматическихъ монологовъ и сценической игры. Такъ было во второй половинѣ XVIII вѣка, въ первой—XIX, когда шла борьба за преобразованіе литературы и вмѣстѣ съ ней—нравственныхъ и политическихъ идеаловъ.

Тогда Шиллеръ объявлялъ: «Театръ это каналъ, которымъ льется не посредственно въ народныя массы то, что вырабатываетъ наука и знаніе»; «гдѣ кончается власть законовъ, тамъ начинается власть театра». Во Франціи выражались еще энергичнѣе,—не знали, гдѣ и положить предѣлъ благодѣтельнымъ воздѣйствіямъ театра на умъ и сердце толпы, даже всего народа.

«Просвѣтители» всѣхъ направленій и темпераментовъ ожидали отъ театра всевозможныхъ благодѣяній,—въ нравахъ, въ законодательствѣ, даже во внѣшней политикѣ. Именно на театръ

правительство, попечительное о своемъ народѣ, должно обратить особенное вниманіе, сдѣлать его однимъ изъ *важнѣйшихъ учрежденій*. Путемъ сцены можно подготовлять какія угодно преобразованія, драмы—замѣнятъ церковныя проповѣди, актеры—учителей среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а драматурги превратятся въ государственныхъ людей. Одинъ изъ самыхъ вѣрующихъ вождей новой свободной и мужественной мысли написалъ блестящій гимнъ театру—искренній, страстный, отразившій всю глубину идеальныхъ настроеній идеалистической эпохи.

«Самое дѣйствительное и цѣлесообразное средство вооружить непреодолимой силой человѣческій разумъ и бросить вдругъ въ народъ массу просвѣтительныхъ идей, заключается, несомнѣнно, въ театрѣ. Тамъ подобно потрясающему звуку трубы, который въ извѣстный день, долженъ поразить мертвыхъ, краснорѣчіе простое и яркое можетъ въ одно мгновеніе пробудить уснувшую націю. Тамъ величавая мысль одного человѣка воспламенитъ, подобно электрическому току, всѣ души. Тамъ, наконецъ, законодательство встрѣтитъ меньше всего препятствій и достигнетъ величайшихъ результатовъ, легко и безъ насилій».

Сильнѣе трудно выражаться, и театръ, дѣйствительно, оказался на высотѣ даже такихъ выспренныхъ упованій. Можно сказать, онъ открылъ новѣйшую исторію европейской мысли и чрезвычайно страстно сопровождалъ всѣ общественныя событія, служилъ самымъ чувствительнымъ барометромъ политической атмосферы. Но весь этотъ блескъ принадлежитъ не ему, не его дѣятелямъ и героямъ, а силѣ, безпрестанно вступавшей съ ними въ жестокую борьбу—литературѣ. Театръ только уступалъ этой силѣ и лишь въ томъ случаѣ, когда въ уступкахъ находилъ отнюдь не идейную цѣль, а просто практическую выгоду, когда общество завѣдомо становилось на сторону литературы и властно несло въ театральную залу свои новые вкусы и желанія. Тогда театръ, въ лицѣ «актеровъ-художниковъ» покорно склонялся предъ высшей волей, предъ своимъ неотразимымъ господиномъ—публикой, и становился всѣмъ чѣмъ угодно—парламентомъ, трибуной, каѳедрой.

Ни для кого изъ очевидцевъ не была тайной эта уступчивость и это благородство. Публика отдавала себѣ ясный отчетъ въ смыслѣ театральнаго прогресса и, преклоняясь предъ истинными виновниками новаго движенія—писателями, продолжала по прежнему крайне сурово и часто презрительно относиться къ самимъ исполнителямъ благородныхъ монологовъ и идеальныхъ ролей.

II.

Въ самомъ дѣлѣ, какая неожиданная,—съ перваго взгляда едва понятная картина,—въ самый разгаръ гуманнѣйшихъ идей! Всѣ слои стараго общества охвачены чувствомъ терпимости и человѣколюбія, кто пониже — тотъ вполнѣ искренне, повыше — больше играютъ комедію и обличаютъ невмѣняемость и легкомысліе. Но и здѣсь усиливаются идти съ вѣкомъ наравнѣ и усердно толкуютъ о естественномъ равенствѣ всѣхъ людей, о позорѣ всяческаго рабства, юридическаго и нравственнаго, о неограничен-

ной власти свободнаго разума и чувствительнаго сердца. Такова мода, и уже въ этомъ извѣстная порука, что аристократъ поостережется слишкомъ явно обнаруживать феодальные инстинкты и «благородный» образъ мыслей. О непривилегированныхъ, особенно о писателяхъ—нечего и говорить: они готовы всякую минуту по братски обнять негра, невольника и вскорѣ даже политическимъ актомъ провозгласятъ его *человѣкомъ* и *гражданиномъ*.

И вотъ среди этихъ прекрасныхъ чувствъ и небывало искренней и горячей вѣры въ человѣческую природу, исключеніемъ является актеръ, безъ различія emplois и талантовъ. Еще можно понять, почему актеровъ презирала и преслѣдовала старая католическая церковь: тамъ могъ господствовать просто темный предразсудокъ, но какимъ образомъ столь же враждебныя и въ высшей степени упорныя чувства могли передаться людямъ, безусловно просвѣщеннымъ, терпимымъ по природѣ и по убѣжденіямъ?

Напримѣръ, сословіе адвокатовъ: оно дастъ очень много ораторовъ наступающей революціи, и за долго до нея выдѣлитъ немало сторонниковъ новаго движенія и потомъ либеральнѣйшихъ авторовъ знаменитыхъ челобитныхъ въ генеральныя штаты. И вотъ это сословіе вплоть до самой революціи наноситъ нестерпимыя обиды актерскому званію, оно исключаетъ изъ своей корпораціи всякаго члена, вступившаго въ родство съ актеромъ. Въ теченіе почти двухъ вѣковъ актеры не могутъ добиться практическаго осуществленія уже существующаго закона, именно указа Людовика XIII, чтобы званіе актера не считалось нравственно безчестнымъ и въ общественномъ отношеніи предосудительнымъ. И замѣтьте, этотъ удивительный порядокъ вещей невозбранно царствуетъ рядомъ съ повальной театральной страстью общества, сохраняется помимо Мольера, лично актера и автора *Тартюфа*, т. е. истиннаго просвѣтителя въ самомъ культурномъ и гражданскомъ смыслѣ слова. Вѣдь актеры же разыграли геніальную комедію, ихъ устами писатель бросилъ несмываемое клеймо въ позорный недугъ громаднаго вѣкового значенія, и все-таки актеры юридически не составляютъ сословія, не имѣютъ гражданскихъ правъ самаго послѣдняго поденщика.

Вы увѣрены, за нихъ вступится литература, эта свѣтлая и грозная сила Руссо, Вольтера, Дидро, Даламбера. Вступиться, повидимому, неизбѣжно: вѣдь театръ признанъ важнѣйшей школой современнаго просвѣщенія, и писатели должны создать неразрывное нравственное единеніе съ артистами.

Писатели и стремятся къ нему, но встрѣчаютъ непреодолимыя препятствія. Актеры, среди всеобщаго увлеченія философіей, т. е. новыми общественными идеалами и литературными теоріями, цѣпко держатся за преданія. Они остаются единственнымъ коснымъ міромъ, обнаруживаютъ даже вражду къ знаменитѣйшимъ современнымъ драматургомъ, только потому, что эти драматурги замышляютъ разныя новшества въ литературѣ и намѣреваются пользоваться сценой для просвѣтительныхъ идей.

Ужъ, кажется, на что́ вліятельнѣе Вольтера: его имя окружено неотразимой властью даже за предѣлами Франціи, каждая его брошюра—европейское событіе,—все равно подписана она его именемъ или только выдается за продуктъ «фернейской мануфак-

туры». И только одни актеры боятся этого имени! Весь геній Вольтера въ ихъ глазахъ ничего не стóитъ предъ какой угодно безсмысленной но непремѣнно любовной интригой въ пьесѣ. Любовь на сценѣ обязательна и притомъ въ старой классической формѣ. Герой долженъ всѣ свои доблести отдавать за прекрасныя очи героини, а героиня въ свою очередь пылать страстью, на пространствѣ пяти актовъ, наполнять сцены исключительно любовными изліяніями и сосредоточивать весь ходъ и развязку драмы на сердечномъ вопросѣ.

Пусть Вольтеръ въ негодованіи сочиняетъ особые трактаты противъ «нелѣпой любви», заполонившей французскую, а за ней и всѣ европейскія сцены, пусть съ неподражаемымъ остроуміемъ высмѣиваетъ амурное резонерство и галантное комедіянство, театръ непоколебимъ.

Идеи, какой вздоръ сравнительно съ хорошимъ выходомъ въ роли перваго любовника! И актеры не стѣсняются излагать авторамъ вполнѣ откровенно свои театральныя идейныя воззрѣнія. Вотъ для примѣра, выговоръ, сдѣланный сценической знамени. тостью XVIII вѣка не менѣе знаменитому драматургу:

«Какъ! ради какой-то ничтожной нравственной цѣли, вы заставляете героя терпѣть наказаніе отъ отца и любовницы! Измѣните конецъ моей роли, смягчите краски, въ особенности постарайтесь сдѣлать моего героя интереснымъ фатомъ. Я вовсе не не хочу, чтобы отецъ лишилъ меня наслѣдства и я желаю жениться на своей возлюбленной».

Такъ рѣшительно актеры сотрудничали съ популярнѣйшими авторами! Они поднимаютъ на смѣхъ трагедію Вольтера *Эдипъ*. Пьеса написана на философскую тему, собственно она открываетъ борьбу театра съ суевѣріями и церковнымъ фанатизмомъ, пролагаетъ путь просвѣщенію на драматическую сцену. Публика оцѣнитъ заслуги *Эдипа* и впослѣдствіи, во время его предсмертнаго тріумфальнаго путешествія въ Парижъ будетъ привѣтствовать Вольтера именно какъ автора этой трагедіи.

Но актерамъ нѣтъ никакого дѣла до смысла пьесы. Они встрѣчаютъ ее вызывающимъ презрѣніемъ—потому что въ ней нѣтъ влюбленной героини. Точно также отнесутся они и къ другой трагедіи Вольтера—*Меропа*, какъ разъ именно той, какую публика поставитъ рядомъ съ *Эдипомъ*, по идейному содержанію—фактъ, въ высшей степени знаменательный! Театральная толпа идетъ впереди художниковъ сцены и заставляетъ ихъ подчиняться вѣяніямъ времени, и не только въ менѣе доступной области политическихъ стремленій, а даже въ простыхъ литературныхъ вопросахъ.

Актерамъ и на умъ не приходитъ, что классическая трагедія отжила свой вѣкъ, для Расина и Корнеля нѣтъ больше публики, составъ культурнаго общества совершенно измѣнился, маркизы и виконты окончательно стали достояньемъ комедіи—и на сценѣ и въ жизни, выросла сила третьяго сословія и предъявила свои мѣщанскія требованія даже государству,—не только литературѣ.

Для всѣхъ фактъ—очевиденъ, не видятъ его только актеры. Они продолжаютъ носиться съ принцами и съ принцессами и только пустота театра на представленіяхъ классическихъ пьесъ, заставляетъ образумиться его хозяевъ. Опытъ дается чрезвычайно трудно,

актеры долго пристаютъ къ авторамъ—такъ или иначе новую драму уподобить старой трагедіи, сообщить ея содержанію по меньше реальнаго, современнаго интереса и украсить блистательными упражненіями въ краснорѣчіи на тему о могуществѣ женскихъ взоровъ и о ничтожествѣ мужскаго героизма предъ дамой королевскаго происхожденія.

Актеры по своему совершенно правы. Иныхъ ролей, кромѣ томныхъ принцессъ и страстныхъ принцевъ, они не въ состояніи играть и естественно отрекаются отъ какихъ бы то ни было основательныхъ нововведеній. Дидро—едва ли не самый восторженный поклонникъ театра и для своего времени—одинъ изъ первыхъ драматурговъ-просвѣтителей, терпитъ кровныя обиды отъ актерской косности и профессіональнаго артистическаго эгоизма. На образцовой столичной сценѣ онъ не можетъ найдти исполнителей для своей популярнѣйшей драмы *Отецъ семейства*. Она вдохновлена благородными преобразовательными идеями, написана *для націи*, а не для выродившихся ротозѣевъ большого свѣта. Но ея-то и не умѣютъ сыграть артисты *французской комедіи*—наслѣдники Мольера. Состоялось одно единственное представленіе и пьеса на цѣлыхъ десять лѣтъ исчезла для парижской публики. Въ провинціи для нея находились актеры и она встрѣчала повсюду восторженный пріемъ.

И такова судьба всякаго другого драматурга, не согласнаго потакать заплеснѣвѣвшимъ вкусамъ закулиснаго міра. Напримѣръ, Мерсье—писатель исключительной оригинальности даже среди просвѣтителей XVIII вѣка, писатель съ высокими гуманными и культурными задачами, прекрасный знатокъ иностранныхъ литературъ, цѣнитель Шекспира и Шиллера: однимъ словомъ—множество литературныхъ и идейныхъ достоинствъ, не вполнѣ доступныхъ даже Вольтеру и энциклопедистамъ. И именно его актеры не желаютъ пускать на сцену. Нѣкоторыя его пьесы нравятся даже при дворѣ, и всѣ безусловно очень эффектны и драматичны, но у актеровъ свои соображенія: Мерсье написалъ книгу о театрѣ, не особенно лестную для «актеровъ-художниковъ» и совсѣмъ не благопріятную для ихъ любимой классической трагедіи. Въ результатѣ—онъ на всю жизнь останется отверженцемъ. Актеры навсегда отказываются даже читать его пьесы. При случаѣ они не затрудняются пожаловаться прямо въ цензуру или въ полицію, и неугодный имъ журналъ будетъ задержанъ, а то и совсѣмъ прекращенъ. Съ цѣлью предупредить даже малѣйшее посягательство на кулисное святилище, актеры рѣшаются платить жалованье цензорамъ, и тѣ нещадно губятъ статьи, непріятныя самолюбію артистовъ.

Но и это еще не все. Актеры совершенно равнодушны къ новымъ идеямъ, къ самому понятію о гражданской свободѣ,—это въ порядкѣ вещей,—и писатели отмѣчаютъ актерское равнодушіе какъ исконный неизбѣжный фактъ. Но актеры не ограничиваются равнодушіемъ. Они становятся въ ряды враговъ просвѣщенія. Отвергая Дидро и Вольтера, — они радушно открываютъ двери театра клеветникамъ и пасквилянтамъ на философовъ и современную литературу. Они ставятъ на сценѣ самыя беззастѣнчивыя драматическія издѣвательства и доносы, — реакціоннаго содержанія,—просто разсчитывая на крупные сборы и желая угодить

властямъ. Незадолго до революціи рабскія чувства исчезаютъ повсюду, даже скромные лавочники и не совсѣмъ захолустные крестьяне начинаютъ открыто толковать о новомъ порядкѣ вещей. Сельскіе священники—и тѣ стремятся побывать на представленіи *Свадьбы Фигаро*. Надъ страной видимо вѣетъ духъ обновленія,—и въ этой атмосферѣ именно театръ продолжаетъ оставаться затхлымъ закоулкомъ, своего рода складомъ всякаго историческаго декоративнаго старья. Актеры все еще чувствуютъ себя вѣрноподданными потентованныхъ джентльменовъ. Свое «общественное мнѣніе» они проявляютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ былыя времена полиція устраивала на улицахъ овація и манифестаціи среди «добрыхъ обывателей города Парижа». Актеры такъ и остаются ея вѣрнѣйшими соревнователями, торжествуютъ не только со сцены разныя чувствительныя патріотическія событія,—но и составляютъ кляку среди публики—на случай, если не всѣ зрители захотятъ раздѣлить чувства труппы.

Вообще,—театръ, насколько зависитъ отъ него, упорно остается убѣжищемъ всего отсталаго въ искусствѣ, раболѣпнаго въ смыслѣ гражданскомъ и неуязвимаго по части какихъ угодно благородныхъ общественныхъ начинаній. Это—прирожденный врагъ литературы, какъ силы просвѣщающей и развивающейся. Во Франціи ни одинъ писатель не вѣритъ, чтобы сцена по собственному побужденію стала когда-либо союзницей писателей. Самые рѣзкіе отзывы объ артистахъ принадлежатъ такимъ писателямъ, какъ Дидро, Вольтеръ и Даламберъ. Мы не говоримъ о Руссо: онъ написалъ жестокій памфлетъ на служителей драматическаго искусства. Но женевскій философъ вообще не жаловалъ театра и не вѣрилъ въ его достоинства ни при какихъ обстоятельствахъ. Онъ могъ превысить чувство мѣры и наговорить много несправедливаго.

Но всѣ другіе, энергично возставали противъ «варварства», Руссо,—особенно Вольтеръ и Даламберъ. Они искренне защищали театръ и доказывали его великія заслуги предъ цивилизаціей,—и въ то же время не могли не сознаться въ печальной истинѣ: непроходимая пропасть всегда существовала и существуетъ между сценой и литературой. Въ темномъ мірѣ актеровъ просвѣщеніе цѣнится ни во что, не имѣютъ представленія даже о вкусѣ, совершенно не заботятся о нравственномъ и гражданскомъ достоинствѣ артистическаго ремесла, и къ писателямъ относятся какъ къ своимъ подданнымъ, къ людямъ обязаннымъ театру безграничной благодарностью за каждое представленіе ихъ пьесы.

Такъ жаловались во Франціи. Отвѣтный голосъ раздавался изъ Германіи. Здѣсь также явился убѣжденный, даровитый преобразователь драмы и сцены, блестящій критикъ и превосходный драматургъ. Онъ возгорѣлся желаньемъ поднять нѣмецкій театръ на высоту національнаго художественнаго учрежденія. Судьба, повидимому, открыла ему широкій путь къ этой цѣли. Нашелся человѣкъ, также мечтавшій о «національномъ театрѣ» въ самомъ благородномъ смыслѣ слова,—и Лессингу предстояло быть руководителемъ новаго учрежденія.

Какое счастье для «просвѣтителя!» И онъ съ жаромъ принялся насаждать вкусъ и идеи. Но немедленно пришлось остыть. Противъ критика возстали герои сцены и потребовали, чтобы даже имена не ихъ упоминались въ критическихъ статьяхъ Лессинга,

хотя критикъ являлся образцомъ скромности и деликатности. Но театральные боги не желали допускать даже тѣни сомнѣнія въ ихъ величіи и красотѣ. Такъ и разстроился весь величественный замыселъ.

Подобныя исторіи возобновлялись всякій разъ,—лишь только въ литературѣ выступалъ оригинальный талантъ и рѣчь заходила о смѣнѣ отжившихъ преданій новыми. Театръ непремѣнно оказывался на сторонѣ преданій,—и только подъ усиленнымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія—рѣшался перейти на сторону новаго движенія.

Сколько испытаній пришлось перенести Гюго! Кажется, — исторія драматической литературы не знаетъ болѣе убѣжденнаго, болѣе отважнаго и, что самое главное—болѣе даровитаго преобразователя. Авторъ *Кромвеля* созданъ вождемъ и воиномъ. Никто какъ онъ не умѣетъ увлечь за собою молодежь, воспламенить толпу, подавить даже противниковъ блескомъ и силой своей чисто-французской, эффектно-краснорѣчивой поэзіи. За какимъ же еще писателемъ и идти артистамъ!

И нѣкоторые поддаются искушенію,—но крайне робко, оглядываясь по сторонамъ, трепетно прислушиваясь къ настроеніямъ публики, ежеминутно готовые отстать и раскаяться. Поэту суждено видѣть удивительныя колебанія въ температурѣ актерскаго сочувствія на одномъ и томъ же спектаклѣ: все зависитъ отъ количества аплодисментовъ и энергіи хлопальщиковъ. У исполнителей нѣтъ собственнаго мнѣнія; театральная зала управляетъ ими, какъ вѣтеръ флюгерами.

Не мало и открытой вражды. Какую, напримѣръ, презрѣнную исторію разыгрываетъ знаменитая m-lle Марсъ по поводу *Эрнани*! Она изводитъ автора безсмысленными придирками къ отдѣльнымъ стихамъ, обижается его равнодушіемъ къ ея критикѣ, грозитъ провалить пьесу, усмиряется только предъ страхомъ—потерять благодарную роль, мститъ автору за каждый свой неудачный выходъ. И все это не потому, что у прославленной артистки имѣется обдуманное опредѣленное мнѣніе о самой пьесѣ,—ничего подобнаго: артистка просто никогда не играла подобныхъ ролей и боится провалить свою славу. Но разъ спектакль сойдетъ благополучно,—она первая придетъ въ восторгъ отъ драмы и даже предложитъ автору поцѣловать ее «свою донью Соль».

Подобная исторія повторится при постановкѣ драмы—*Король забавляется*. Теперь разыграется чувство ревности къ таланту соперницы. Оно совершенно ослѣпляетъ классическую артистку, толкаетъ ее на такого сорта поступки, что авторъ вынужденъ будетъ публично заявить г-жѣ Марсъ, до какой степени возмутителенъ ея образъ дѣйствій. Онъ—авторъ—напоминаетъ при постороннихъ свидѣтеляхъ, какъ она—геніальная m-lle Марсъ душила несчастныхъ молодыхъ дебютантокъ, не давала имъ ходу—лишь бы самой блистать бутафорской молодостью въ пятьдесятъ лѣтъ!..

Происшествіе, возможное только въ тускломъ царствѣ кулисъ,—и оно отнюдь не исключительное, оно даже не тайна для публики. И мы понимаемъ, почему именно публика во всѣхъ столкновеніяхъ литературы съ театромъ становится на сторону писателей и позволяетъ съ артистами часто даже слишкомъ жестокія мѣры.

Факты преизобилуютъ опять въ тотъ же просвѣтительный вѣкъ. Публика часто выходитъ изъ терпѣнія, возмущенная актерскими художественными прихотями, ихъ раболѣпіемъ даже предъ второстепенными агентами правительства. Бываютъ случаи, когда партеръ бурно требуетъ отъ актера—стать на колѣни среди сцены и просить у публики прощенія за неприличную выходку, дѣлаетъ актерамъ выговоры за незнаніе ролей и дурную игру, незадолго до революціи—прерываетъ представленіе пасквильныхъ комедій реакціоннаго содержанія и заставляетъ актеровъ опускать занавѣсъ при самыхъ оскорбительныхъ крикахъ. И властямъ безпрестанно приходится прибѣгать къ полиціи, наполнять залу даже вооруженной стражей, чтобы дать актерамъ возможность—разыграть сатиру въ лицахъ на современныхъ популярнѣйшихъ писателей.

По сторонѣ актеровъ, кромѣ полиціи, еще «большой свѣтъ», мужескаго и женскаго пола. «Герцогини» даже пріобрѣтаютъ особенную извѣстность, какъ покровительницы сценическихъ героевъ. Весь Парижъ распѣваетъ куплеты о дамской театральной психопатіи, не стѣсняясь называть по именамъ и виновниковъ и жертвъ постыднаго недуга,—и фамиліи особенно модныхъ театральныхъ свѣтилъ превращаются чуть не въ бранныя клички.

И такъ продолжается въ то самое время, когда новая драма завладѣла всѣми сценами, когда театръ дѣйствительно превратился въ школу и въ парламентъ. Это превращеніе нисколько не подняло уваженія публики къ дѣятелямъ сцены и нисколько не расположило къ нимъ даже литературу. Актеры и драматурги и особенно критики по прежнему два воинствующихъ враждебныхъ лагеря. Это два непримиримыхъ психологическихъ міра. Взаимныя ихъ отношенія, очевидно. не подлежатъ преобразованію, какъ бы ни измѣнялись направленія общественной мысли и литературныя школы. Результатъ остается одинъ и тотъ же: театръ покорный слуга вѣяній, господствующихъ въ толпѣ, создающихъ ему публику,—все остальное внѣ его интересовъ. Исторія театра—типичная исторія *безъ направленія*,—точнѣе съ направленіемъ въ пользу *фактической силы* даннаго времени. Этотъ выводъ имѣетъ громадное значеніе: онъ показываетъ, что самъ по себѣ театръ—вовсе не культурное и не просвѣтительное явленіе,—онъ становится таковымъ исключительно какъ орудіе внѣшней, ему посторонней и въ сущности ему чуждой и весьма часто ненавистной власти—художественной литературы и прогрессивной общественной политики. Именно исторія подтверждаетъ печальную истину, что театръ—въ лицѣ своихъ даже первостепенныхъ дѣятелей—отзывался гораздо охотнѣе на реакціонныя мѣры правительства и на литературные вкусы толпы, чѣмъ шелъ на встрѣчу новому движенію идей и возрожденію искусства.

Франція въ теченіе двухъ столѣтій представила безчисленное множество доказательствъ,—въ высшей степени краснорѣчивыхъ и, надо думать, для восторженныхъ поклонниковъ театра болѣе или менѣе убѣдительныхъ.

III.

Чего только не перевидала французская публика на театральныхъ зрѣлищахъ! До восемнадцатаго вѣка ученые знали по кни-

гамъ о поразительныхъ дѣяніяхъ аѳинскаго народа во время спектаклей. Историки разсказывали о безумныхъ взрывахъ восторга и гнѣва, о самыхъ откровенныхъ чувствахъ толпы по отношенію къ современнымъ знаменитостямъ политики и философіи. Исторія увѣковѣчила также услугу, какую аѳинскій театръ оказалъ эллинскимъ мракобѣсамъ и старовѣрамъ. Комедія яростно преслѣдовала новую свободную мысль и поразила пасквилемъ даже Сократа. Приснопамятная черта театральная безразличія къ идеямъ и людямъ! Но все это—блѣдныя тѣни сравнительно съ опытами новыхъ вѣковъ. Аристофанъ, конечно, чрезвычайно усердно защищалъ древній Олимпъ, вовсе лично не вѣруя въ него, издѣвался надъ демократическими вольностями республики, пользуясь ими какъ разъ для своихъ издѣвательствъ. Но авторъ *Облаковъ*—явленіе временное и нѣчто исключительное, до Аристофана и послѣ него театръ не имѣлъ такого громкаго политическаго значенія, Не то—въ послѣднія два вѣка.

Съ помощью драматическихъ пьесъ можно подробно воспроизвести исторію современнаго общества, разумѣется въ той странѣ, гдѣ драматическая литература не состоитъ подъ усиленнымъ надзоромъ цензуры. Самымъ поучительнымъ примѣромъ можетъ служить французскій театръ. Даже протоколы законодательныхъ собраній и политическихъ митинговъ не могутъ дать такого жизненнаго и яркаго матеріала для характеристики новаго французскаго общества, какимъ изобилуетъ прошлое и настоящее однихъ только парижскихъ сценъ. Недаромъ французская печать съ такимъ усердіемъ слѣдитъ за дѣятельностью театра, безпрестанно издаются періодическіе отчеты объ отдѣльныхъ сценахъ, пишутся тщательныя изслѣдованія по вопросамъ драмы, для другихъ литературъ совершенно безразличнымъ. Даже ученое книгопроизводительства до сихъ поръ не изсякаетъ въ области театра и драматической критики. И на самомъ, дѣлѣ французамъ есть что изслѣдовать и чему поучиться въ своей театральной исторіи.

Въ высшей степени замѣчателенъ фактъ, что именно во Франціи идея о народно-образовательномъ назначеніи театра съ теченіемъ времени почти совсѣмъ заглохла. Полтораста лѣтъ тому назадъ она, можно сказать, гипнотизировала литературу и общество, а теперь даже временно не всплываетъ на поверхность идейныхъ интересовъ новой Франціи. Ея писатели способны рѣшать какіе угодно вопросы по теоріи драмы, искать новыхъ «формулъ» но восхвалять театръ, какъ просвѣтительное учрежденіе эта идея имъ не приходитъ на умъ. Театръ можетъ служить прекраснымъ зеркаломъ дѣйствительности, еще лучше—развлеченіемъ но школой!—это противорѣчитъ всей его новой исторіи.

Правда, въ прошломъ вѣкѣ со сцены публика слушала цѣлые политическіе трактаты, но это было наивное, младенчески-идеалистическое время. Оно исчезло безвозвратно и съ тѣхъ поръ театръ ни разу не допускалъ водвориться на своей сценѣ учительской каѳедрѣ. Революція разочаровала весьма многихъ даже изъ прежнихъ проповѣдниковъ, но никто не поспѣшилъ съ такой ревностью отмѣтить новое настроеніе, какъ театръ.

Во время революціи онъ торжествовалъ гибель самыхъ почтенныхъ преданій, повидимому, съ неудержимой радостью, показывалъ на сценѣ духовенство въ самыхъ предосудительныхъ карти-

нахъ, открещивался отъ всякаго намека на монархію, даже отъ слова *roi*. Но лишь только въ воздухѣ почуялись реакціонныя вѣянія, театръ немедленно сталъ во главѣ отрезвѣвшихъ и кающихся и здѣсь также хватилъ черезъ край,—согласно законамъ сценическаго темперамента. Реакціонный азартъ актеровъ дошелъ до такой степени что публика снова начала устраивать скандалы по образцу дореволюціонныхъ, даже стрѣлять на сцену при слишкомъ вызывающихъ благонамѣренныхъ упражненіяхъ исполнителей. Но вѣтеръ дулъ въ ихъ сторону.

Всходила звѣзда Бонапарта, и театръ могъ со всею страстью предаваться издѣвательству надъ революціей, надъ созданными ею законами, надъ ея идеями и ея исторіей. Театръ поспѣшилъ воспользоваться вопіющей подтасовкой фактовъ, съ тѣхъ поръ вошедшей во всеобщее обращеніе среди враговъ революціи. Театръ отождествилъ все революціонное движеніе съ терроромъ, всѣ принципы 89-го года съ якобинствомъ. Унижая до послѣдней степени Робеспьера и его кровавую клику, театръ заносилъ руку на всѣхъ дѣятелей революціи. Естественно, Бонапартъ нашелъ въ актерахъ готовыхъ глашатаевъ своихъ добродѣтелей и своего генія, и ни одно общественное учрежденіе, ни одно общество не спускалось до столь низкихъ ступеней лести, на какихъ стояла сцена и ея герои въ теченіе всего правленія Наполеона. Въ настоящее время трудно представить, до какой первобытной откровенности доходили публичныя вѣрноподданическія чувства театра, и нельзя сказать, чтобы всегда и во всемъ былъ виноватъ самъ грозный господинъ. Театръ явно старался забѣжать впередъ, соперничалъ съ полиціей и цензурой по части празднествъ и торжествъ въ честь семейныхъ радостей императора. Какихъ только пьесъ и сценъ не измышляли актеры, чтобы прославить то или другое событіе! Исторія и миѳологія были призваны къ отчету, чтобы увѣнчать новаго «Карла Великаго» и новаго «Ахилла» его отпрыска. На Бонапарта сыпались со сцены монологи совершенно въ духѣ византійскаго краснорѣчія, его украшали именами добродѣтельныхъ римскихъ императоровъ, особенно Траяна.

Но Наполеонъ палъ, Парижъ занятъ иноземными войсками, герой былъ русскій императоръ и актеры спѣшатъ его возвести также въ Траяна, ради него разыграть тотъ самый спектакль, которымъ они еще такъ недавно угощали Наполеона. Александръ I возмущается столь азіятской угодливостью, даетъ суровый урокъ актерамъ, отказываясь выслушивать ихъ словословія.

Александръ I не одинъ, — найдется не мало коронованныхъ любителей театра во вкусѣ Бонапарта, и театръ, еще не изжившій своихъ хвалебныхъ гимновъ въ честь Наполеона, принимается вѣнчать Бурбоновъ, воскрешаетъ память Генриха IV, увѣряетъ публику, что вся Франція въ восторгѣ даже отъ графа Артуа—едва ли не самаго легкомысленнаго и ограниченнаго принца во всей бурбонской фамиліи. Но актеры слишкомъ поторопились, Наполеонъ еще не совсѣмъ погибъ, онъ возвращается въ Парижъ и воцаряется на сто дней: приходится опять перестраивать инструменты и бѣдный Траянъ опять долженъ отвѣчать своей славой, въ третій разъ мѣнять себѣ соревнователя и соименника.

Уже этихъ преобразованій вполнѣ достаточно, чтобы оцѣнить

историческую роль театра въ одну изъ самыхъ отвѣтственныхъ политическихъ эпохъ новой Франціи. Мы не должны забывать, что направленіе сцены зависѣло отъ вкуса самихъ актеровъ. Конечно, наполеоновская тайная и явная полиція не дремала, народились и литераторы съ откровеннымъ девизомъ «чего изволите», но театръ могъ дѣлать выборъ. Какъ прежде такъ и при Наполеонѣ *французская комедія* сама обсуждала и принимала пьесы для представленія. *Комитетъ* актеровъ изрекалъ приговоры авторамъ и ихъ произведеніямъ, и этотъ именно комитетъ шелъ на встрѣчу рабскому повѣтрію литературы. Мы не знаемъ ни единаго случая болѣе или менѣе независимаго и достойнаго поведенія со стороны всей труппы или ея отдѣльныхъ членовъ. Съ авторами и печатными произведеніями наполеоновской цензурѣ приходилось выдерживать непріятныя столкновенія: она отлично умѣла читать ненапечатанное!—актеры и пьесы, принятыя на сцену,—блистали благонравіемъ. И Наполеонъ умѣлъ цѣнить услуги театра, былъ ревностнымъ посѣтителемъ спектаклей, велъ даже знакомство съ актерами, напримѣръ съ знаменитымъ Тальма.

Но и съ этой дружбой произошла неожиданная исторія, еще разъ открывшая актерамъ глаза на ихъ настоящее общественное и нравственное положеніе. Тальма очень желалъ украсить себя знакомъ почетнаго легіона. Наполеонъ жаловалъ артиста чрезвычайно, повидимому не существовало никакихъ препятствій. Крестами и наградами располагалъ человѣкъ съ неограниченной властью и съ глубочайшимъ принципіальнымъ презрѣніемъ къ общественному суду. И все таки Тальма креста не получилъ: даже Наполеонъ побоялся сравнять великаго актера съ простымъ солдатомъ своей арміи. Можно было перечеркнуть всѣ революціонныя декларацiи и конституціи,—но украсить актера орденомъ это, повидимому, нестерпимое нарушеніе естественныхъ законовъ благоустроеннаго государства. И Наполеонъ былъ правъ. Онъ не могъ не знать, на какомъ уровнѣ даже послѣ революціоннаго уравненія всѣхъ сословій и состояній, стояло званіе актера въ глазахъ общества? Писатель успѣлъ завоевать себѣ гражданскія права. Ихъ у него не было такъ же, какъ и у актера, при старой *классической* монархіи. Полувѣка мужественной идейной борьбы возвели писателя на степень нравственной и даже политической силы, революція признала его дѣло—великимъ достояніемъ страны, даже Наполеонъ терялъ сонъ и аппетитъ изъ страха предъ «идеологами» и призналъ необходимымъ почтить гоненіемъ женщину-писательницу.

Ничего подобнаго не случилось въ судьбѣ актеровъ. Они какъ были отверженцами полноправнаго гражданскаго общества при Людовикахъ, такими и остались при Наполеонѣ и даже при Бурбонахъ. Конечно, революція, освобождавшая негровъ, не могла допустить отлученія актеровъ отъ церкви и лишенія обыкновенныхъ правъ всякаго гражданина, не обезчещеннаго по суду. Но кодексъ узаконялъ разныя положенія самъ по себѣ, а общество рѣшало вопросы само по себѣ,—и даже Наполеонъ не дерзнулъ пойти противъ его рѣшеній.

И причина, разумѣется, не предразсудки: возводилъ же Наполеонъ даже въ королевскій санъ людей самаго послѣдняго происхожденія. Бывшіе трактирные слуги становились герцогами и

маршалами, а Тальма до конца дней оставалось сѣтовать на безгранично болѣе скромную неосуществленную мечту. Очевидно, актеры даже въ эпоху всеобщаго энтузіазма во имя свободы, не сумѣли подняться до общаго уровня, не оставили въ памяти публики ни одной черты своей гражданской доблести и только—они единственные—прошли сквозь революцію не дѣятелями и не участниками, сколько-нибудь сочувствующими и сознательными.

И общество не находило возможнымъ—перемѣнить свой исконный взглядъ на достоинство актера. Театральные подвиги за время имперіи могли только упрочить этотъ взглядъ и Бурбоны впослѣдствіи попытаются опять низвести актеровъ къ прежнему дореволюціонному положенію, т. е. считать ихъ отлученными отъ церкви, лишать ихъ церковнаго погребенія, не признавать ихъ браковъ законными. Правда, парижское населеніе возмутится противъ нетерпимости духовенства, но вовсе не изъ желанія,—защитить честь актеровъ, а въ порывѣ негодованія вообще противъ ненавистной іезуитской политики реакціоннаго правительства.

Дальнѣйшая роль театра нисколько не противорѣчила этому положенію вещей. Съ теченіемъ времени театръ, повидимому, все рѣшительнѣе сосредоточивался на одной благодарной задачѣ: уловливать забавное и пикантное въ современныхъ событіяхъ, все равно каковъ бы ни былъ общій смыслъ этихъ событій.

На первомъ планѣ—бонапартизмъ. Несомнѣнно, французскіе либералы не обнаружили особенной политической зрѣлости, избравъ знаменосцемъ своей партіи сначала свято-еленскаго изгнанника, потомъ его сына и, наконецъ, цѣлый рядъ мелкотравчатыхъ наполеонидовъ. Но политики имѣли за собой, по крайней мѣрѣ, одно оправданіе: имя Наполеона, славныя военныя преданія имперіи служили смертоноснымъ укоромъ бездарности и немощамъ Бурбоновъ. Театръ пользовался «наполеоновской легендой» безъ всякихъ политическихъ разсчетовъ, просто какъ неисчерпаемымъ кладеземъ для мелодраматическихъ и весьма часто просто уличныхъ зрѣлищъ. Онъ явился усерднѣйшимъ оруженосцемъ бонапартизма, впослѣдствіи—Луи Наполеона, безъ конца эксплуатировалъ пресловутый *Меморіалъ св. Елены*, выводилъ на сцену всѣ небылицы въ лицахъ, какія только можно извлечь изъ этой едва ли не самой лживой, рабской и лицемѣрной книги, какая только появлялась во Франціи за первую половину XIX-го вѣка. Театръ пустилъ въ ходъ всѣ испытанные дешевые эффекты, собиралъ богатую дань съ уличныхъ зѣвакъ, мелкихъ аферистовъ, съ площаднаго шовинизма, прокладывая дорогу къ престолу второму цезарю. Одновременно актеры издѣвались надъ соціальнымъ движеніемъ, выдергивали отдѣльныя фразы изъ произведеній даровитѣйшихъ публицистовъ—въ родѣ Прудона и Луиблана и играли на смѣшливыхъ инстинктахъ толпы. Повторялась дореволюціонная исторія: тогда Руссо показывали со сцены дикаремъ на четвереньках, выводили его послѣдователей въ лицѣ лакеевъ, плутовъ и воровъ, теперь та же политика была пущена въ ходъ противъ соціальныхъ ученій. Революція сорокъ восьмого года создала неограниченную свободу печатнаго и устнаго слова, и театръ поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, для пущаго униженія республики и ея законовъ. Театръ прямо настаивалъ на новомъ государственномъ переворотѣ въ пользу монархіи. Появилась на-

рочно написанная пьеса *Ярмарка идей*, долго не сходившая съ афиши. Она вела правильную ожесточенную войну съ республиканскимъ правительствомъ, съ народными представителями, поднимала на смѣхъ знаменитый девизъ—свобода, братство и равенство, объясняла эти слова всевозможными шутовскими способами и, разумѣется, дискредитировала и людей и идеи въ глазахъ всегда многочисленныхъ охотниковъ до пошлаго пищеварительнаго зубоскальства. Слово воровство, напримѣръ, предлагалось замѣнить словомъ *братство* и говорить вмѣсто,—часы украли, часы побратали—*on fraternise une montre*! Не пощадили актеры даже національнаго гимна. На сценѣ депутаты являлись въ видѣ лягушекъ и квакали, при общей потѣхѣ зрителей,—мотивъ *Марсельезы*.

Это—въ области комедіи. Драма старалась въ томъ же направленіи. Она давала трогательныя зрѣлища изъ временъ первой революціи, воспроизводила судьбу ея жертвъ и старалась вызвать позднія слезы раскаянія и сожалѣнія у современной публики. Однимъ словомъ,—театръ всецѣло состоялъ на услугахъ реакціи и своей свободой пользовался въ интересахъ господина.

Онъ уже приближался, на встрѣчу ему летѣли прозрачные льстивые намеки, сцена превращалась въ лагерь или въ боевое поле и публику старались электризовать бонапартистскимъ токомъ. Цѣль достигнута, бонапартизмъ одержалъ побѣду и надъ революціей и надъ республикой и надъ всѣми принципами и девизами. Началась эпоха, заложившая прочныя основы растлѣнію общества, государства и литературы, эпоха, перенесшая свое тлетворное дыханіе и на третью республику. Театръ, разумѣется, не могъ отстать отъ общаго теченія,—и воспоминаніе о немъ—какъ о «трибунѣ» и «кафедрѣ»—навсегда кануло въ невозвратное прошлое.

Время отъ времени, конечно, появлялись пьесы идейнаго содержанія. Но даже самыя *театральныя* и наивныя изъ этихъ произведеній—въ родѣ, напримѣръ, пресловутой *Дамы съ камеліями*—должны были по исконному порядку выдерживать борьбу съ актерской косностью и неизмѣннымъ равнодушіемъ къ «ничтожнымъ нравственнымъ цѣлямъ».

Это равнодушіе съ поразительной силой отразилось на театральной критикѣ. Театръ именно въ наше время создалъ особую породу литератора-*рецензента*, породу—не обладающую ни единымъ признакомъ собственно писательскаго типа. Раньше, еще до второй четверти нашего вѣка, театральная критика являлась дѣломъ безусловно литературнымъ, драматурги-реформаторы непремѣнно старались теоратически выяснить принципы своей реформы, предисловія къ пьесамъ—настоящіе трактаты по драмѣ и театру, писались одновременно съ художественными произведеніями, создававшими эпоху въ искусствѣ. Вообще театральная критика была столь же неразрывно связана съ литературой, какъ и сама драма. Теперь все это измѣнилось въ самомъ корнѣ.

Все равно какъ драматурги считаются какъ бы внѣ писательскаго круга прессы, вовсе не причисляются къ литературѣ, такъ и театральная критика давно уже стала особымъ—*полулитературнымъ* ремесломъ. Театральный критикъ можетъ и даже долженъ писать рѣшительно обо всемъ, что касается кулисъ и

сцены,—и не имѣть ни малѣйшаго касательства собственно къ литературѣ. Онъ—принадлежитъ учрежденію не художественному, дѣятелямъ не идейнымъ, онъ—приспѣшникъ актеровъ, а не союзникъ писателей, онъ, по мѣрѣ силъ обязанъ быть такъ же увеселителемъ театральной толпы, какъ и сценическіе герои, писать въ особомъ genre badinant, т. е. фельетонно-шутовскомъ и беззаботномъ на счетъ содержанія и цѣлей писанія. Образцы достаточно извѣстны: Франциск Сарсэ и Жюль Лемэтръ—истинные создатели цѣлой школы, особаго улично-кулиснаго блягерства, импрессіонистской амикошонской болтовни объ актерахъ и актрисахъ и—*по поводу ихъ*—о пьесахъ. Это принципіальное и послѣдовательное упраздненіе мысли и литературы и неограниченное торжество истинно декадентскаго лозунга: *Cela nous amuse*! И посмотрите, съ какимъ варварскимъ фанатизмомъ эти критики возстаютъ противъ всякаго литературнаго явленія, угрожающаго идеями. Сарсэ ополчился противъ шекспировскихъ драмъ и не побоялся печатно заявить, что всѣмъ этимъ *Отелло и Гамлетамъ* гораздо предпочтительнѣе бойкій водевиль парижскаго происхожденія. Таже судьба постигла и драмы Ибсена. Лемэтръ съ своей стороны вооружился на «славянщину», т. е. русскій романъ, и смѣшалъ съ самой подлинной бульварной грязью *Грозу* Островскаго. И все это вполнѣ естественно; современному театру не подъ силу подобныя произведенія, актеры ихъ не понимаютъ, съ ихъ стороны потребовалось бы исключительное напряженіе мысли и сценическаго таланта, и напряженіе, на ихъ взглядъ, совершенно излишнее: достаточно найдется благодарной публики и для ихъ привычныхъ, почти механическихъ упражненій.

Въ результатѣ устанавливается своего рода круговая порука между театромъ и драматической литературой, актеромъ и рецензентомъ. Въ общемъ получаются въ полномъ смыслѣ поддонки, *интеллигентный отстой* и даже мысль о высокомъ общественномъ назначеніи театра является праздной и жалкой мечтой. Разсчитывать на ея осуществленіе могутъ только или безнадежные теоретики-идеалисты или люди съ богатырскими силами—художественными и практическими. Какъ велики должны быть эти силы, показываетъ самая послѣдняя попытка въ нашемъ вѣкѣ преобразовать театръ въ просвѣтительное учрежденіе. Авторъ книги, вызвавшей насъ на бесѣду о театрѣ, только мимоходомъ успѣлъ собрать немало въ высшей степени краснорѣчивыхъ данныхъ. Извѣстны онѣ давно, но слишкомъ часто забывается ихъ дѣйствительный смыслъ, и самъ авторъ не отдаетъ себѣ полнаго отчета въ ихъ значеніи, хотя и не принадлежитъ къ породѣ театральныхъ фанатиковъ.

IV.

Врядъ ли кто изъ всѣхъ писателей новаго времени до такой степени былъ одаренъ талантами поэта-трибуна, какъ Викторъ Гюго. И онъ весьма рано понялъ силу своего таланта и направилъ ее на двойную цѣль: преобразовать драму и пустить въ оборотъ множество новыхъ свободныхъ идей, создать торжество литературному и политическому либерализму. Общее направленіе искусства и идеаловъ именовалось романтизмомъ и вмѣщало въ себѣ небывало-богатое содержаніе.

Гюго и его соратники не оставили, кажется, ни одного нрав-

ственнаго и политическаго вопроса не затронутымъ, по своему неразработаннымъ. Ближайшій и самый «поэтическій»—разумѣется, вопросъ о любви. Романтики поставили его на новую почву, освѣтили его по истинѣ сверхъестественнымъ свѣтомъ, усложнили его до послѣдней степени—сравнительно съ прежними поэтами—и связали его съ политикой, съ величайшимъ фактомъ новой исторіи, съ демократическимъ движеніемъ. Можно написать обширный трактатъ только на тему о «романтической любви».

Какое прежде всего возвышенное *психологическое* представленіе объ этомъ чувствѣ? «Земная» любовь—вовсе не простая потребность человѣческой природы, не страсть, не голосъ крови и сердца, а нѣкая таинственная сила, только однажды снисходящая на человѣка. Она—божественнаго происхожденія и неразрывными узами связана съ «вѣчной любовью». Она очищаетъ грѣшника искупляетъ преступленія, она—высшая евангельская истина: Іисусъ обнаруживалъ больше нѣжности къ обращеннымъ грѣшницамъ, чѣмъ къ женщинамъ безупречной добродѣтели. Любовь не ограничивается земнымъ существованіемъ, она безсмертна, какъ человѣческая душа, она—источникъ величайшихъ самопожертвованій и подвиговъ, она, какъ Богъ, имѣетъ своихъ мучениковъ и исповѣдниковъ.

Естественно, предъ любовью исчезаютъ всѣ ранги и грани, измышленныя государствомъ и обществомъ. Королева можетъ полюбить послѣдняго изъ своихъ подданныхъ, потому что *женщина* выше *королевы* и сердце благороднѣе всѣхъ ранговъ и состояній. Здѣсь, рядомъ съ высшимъ закономъ природы и нравственности, восторжествуетъ также политическій принципъ: королева, обожающая лакея, дальше не можетъ идти протестъ противъ привилегій и неравенства!

Но, при столь рѣшительной и глубокой постановкѣ сердечнаго вопроса, соотвѣтствующій характеръ долженъ получить и самъ герой. И онъ дѣйствительно будетъ вознесенъ на головокружительную высоту: предъ нимъ самые пышные короли и принцы классической сцены покажутся жалкими фигурантами.

Романтическій герой—личность фатальная, надѣленная совершенно исключительной судьбой. Его духовныя силы—громадны, его несчастья—безпримѣрны, превращенія его участи—сверхъестественны. Его внѣшній видъ, его рѣчь, каждый его выходъ на сцену исполнены блеска и эффекта. Герой, по основному правилу романтическаго искусства, олицетворяетъ народъ—силу таинственную, мощную и всеобъемлющую.

Но при такомъ крайнемъ напряженіи *индивидуальной* героической психологіи поэты не желаютъ пожертвовать толпой и исторической обстановкой. Они выведутъ на сцену и самый народъ, одной изъ основъ преобразованной драмы—признаютъ историческое освѣщеніе среды и событій. Поэзія никогда еще не задавалась такими разносторонними и, повидимому, даже необъятными задачами: реализмъ обстановки и сверхчеловѣческое величіе героевъ, и въ результатѣ должна получиться непремѣнно значительная политическая идея. Это значитъ—исчерпать всѣ рессурсы драмы и сцены и театръ поставить выше и трибуны и каѳедры, выше самой жизни, такъ какъ она только въ смутныхъ и отрывочныхъ образахъ заставляетъ наблюдателя прозрѣвать высокіе нравственные уроки.

И романтики обратились несомнѣнно къ самому внушительному учителю, все къ тому же Шекспиру, который уже неоднократно возрождалъ и создавалъ европейскую драму. Гюго, преисполненный восторженныхъ чувствъ къ британскому поэту, вознамѣрился извлечь изъ его произведеній—непреложныя указанія и образцы для новой драмы. И онъ извлекъ, перенесъ ихъ немедленно на современную сцену и провозгласилъ ихъ неограниченную и вѣчную власть надъ театромъ новаго времени.

Но посмотрите, что произошло съ шекспировскими уроками на романтической сценѣ!

Шекспиръ, какъ всякому извѣстно, рѣшительный реалистъ: онъ не останавливается предъ самыми удручающими личностями, въ нравственномъ отношеніи и предъ самыми жестокими трагическими эпизодами. Это одно,—другое—рядомъ съ великимъ зломъ Шекспиръ даетъ мѣсто низменной пошлости, смѣхъ и слезы на его сценѣ не исключаютъ другъ друга, а, напротивъ, сопровождаютъ, короли и шуты, герои и уродцы—выступаютъ одновременно и правовѣрный классикъ пришелъ бы въ отчаяніе, какъ назвать шекспировскую пьесу—трагедіей или комедіей? Въ ней всего достаточно—и крови и юмора, и ужасовъ и идиллій.

Именно такъ и должно быть!—восклицаетъ новѣйшій романтикъ,—и устанавливаетъ правило: въ драмѣ непремѣнно должно быть на сценѣ *grotesque*, т. е. нѣчто выдающейся по своей оригинальной смѣхотворности: это, по мнѣнію Гюго, одна изъ высшихъ красотъ драмы. Рядомъ возвышенное *sublime*, ужасное и шутовское—*bouffon*: изъ ихъ совмѣстнаго развитія на сценѣ и получится, по соображеніямъ романтика, настоящій реализмъ и въ то же время будетъ оправданъ кличъ новой литературы: «Шекспиръ—богъ театра».

На самомъ дѣлѣ реальнаго получилось очень мало. То, что у Шекспира являлось непосредственнымъ выраженіемъ дѣйствительности и свободнымъ внушеніемъ его творческаго генія, у романтика превратилось въ чисто-отвлеченную систему, въ заранѣе придуманную программу театральныхъ эффектовъ. Сліяніе трагическаго и комическаго на современной сценѣ преобразовалось въ сногсшибательные контрасты невиданной міромъ красоты и едва вѣроятнаго уродства.

На сценѣ контрасты выходили чрезвычайно поразительными, актеры, побѣжденные въ своемъ косномъ упорствѣ предъ всякимъ нововведеніемъ, скоро освоились съ *гротесками* романтиковъ и почувствовали даже глубокую благодарность за необыкновенно благодарныя роли высшаго театральнаго эффекта. Театръ, въ лицѣ актеровъ-художниковъ, торжествовалъ, изображая рыцарственныхъ бандитовъ, геніальныхъ лакеевъ, чувствительныхъ королевъ и трагическихъ шутовъ, но исторія и жизненная правда должны были облечься въ трауръ и отчаяться въ своемъ торжествѣ на новой *реальной* сценѣ.

Это не первый случай, когда интересы театра порабощали исторію и психологію, и всегда послѣ страстнаго увлеченія Шекспиромъ. Уже Шиллеръ ввелъ на сцену контрасты, сценическіе эффекты, основанные на столкновеніи двухъ непримиримо-враждебныхъ и одинаково неисторическихъ личностей. Знаменитыя сцены—маркиза Позы съ королемъ Филиппомъ, Маріи Стюартъ съ

Елизаветой—классическіе образцы блестящей *сценичности* и совершенно извращенной исторической правды и психологической логики. Но именно эти образцы и создали славу шиллеровскихъ пьесъ на сценѣ. Никакія идеи не могли бы побудить актеровъ и актрисъ играть роли «безъ выходовъ», и если бы маркизъ Поза произносилъ свои монологи не предъ «коронованнымъ инквизиторомъ» и не очаровывалъ своимъ благороднымъ и революціоннымъ краснорѣчіемъ именно это чудовище самовластія и жестокости, драма Шиллера давно была бы осуждена на почетное пребываніе среди классической исключительно книжной литературы.

Гюго подчинился тѣмъ же *театральнымъ* разсчетамъ. Весь шаржъ, вся лубочность красокъ въ его пьесахъ должны быть отнесены на счетъ ихъ сценичности. Надо обладать единственнымъ геніемъ Шекспира, чтобы спасти исторію и психологію рядомъ съ актерскими запросами къ пьесѣ. И недаромъ Шекспиръ устами Гамлета жестоко негодовалъ на сотрудничество актеровъ въ драмахъ и комедіяхъ, на произвольныя вставки, на шутовскія выходки—комиковъ и раздираніе природы на части—трагиковъ.

Однородныя явленія мы наблюдаемъ до сихъ поръ. Всякій, кому случалось видѣть самыхъ знаменитыхъ исполнителей шекспировскихъ ролей, долженъ знать, въ какомъ обязательно изуродованномъ видѣ предлагаются публикѣ, именно этими театральными геніямъ, и роли и самыя пьесы. Мы не можемъ назвать даже ни одного сценическаго Гамлета, не наложившаго рукъ на шекспировскій текстъ. Достаточно двухъ примѣровъ: даровитѣйшій французскій Гамлетъ Мунэ-Сюлли *вставляетъ* въ драму цѣлыя сцены собственнаго или, во всякомъ случаѣ, не шекспировскаго сочиненія, напримѣръ, безсмысленную школьническую сцену—врученія Гамлетомъ письма—Офеліи. Блестящій итальянскій Гамлетъ Росси передѣлывалъ всю драму, переставлялъ сцены, вычеркивалъ цѣлые монологи—и это изъ пьесы, гдѣ вся сущность въ монологахъ, вычеркивалъ даже незабвенную жалобу датскаго принца на распаденіе міра и на нравственный долгъ его, принца, возстановить міровую гармонію!

Для всякаго сколько-нибудь мыслящаго читателя въ этой жалобѣ, весь Гамлетъ съ величавыми порывами юнаго идеализма, съ безысходной тоской одиночества, съ невыносимо-жестокой жизненной задачей, а для актера это лишнія слова, потому что, надо думать, въ нихъ мало сценическаго содержанія и съ ними нельзя сдѣлать благодарнаго «выхода».

Такова исконная борьба театра съ правдой и истинно художественнымъ искусствомъ. Актеръ требуетъ наиболѣе громкаго успѣха съ наименьшей затратой труда, успѣха, разсчитаннаго непремѣнно на самый обширный кругъ публики, безъ малѣйшаго соображенія о культурныхъ достоинствахъ этого круга, объ его художественномъ вкусѣ и просто даже умственномъ развитіи. Требуется совершенно исключительное самоотверженіе со стороны сценическаго таланта, чтобы онъ легкость и общедоступность своихъ лавровъ принесъ въ жертву идеѣ и художественности. По крайней мѣрѣ, исторія не знаетъ примѣровъ подобнаго мужества и, если судить по современному направленію театра, врядъ-ли когда и узнаетъ.

Мы безпрестанно убѣждаемся, до какой степени театръ по

существу—учрежденіе косное и эгоистическое. Каждому русскому зрителю долженъ быть извѣстенъ господствующій фактъ нашей современной сцены: она безнадежно вращается будто въ колесѣ въ ограниченномъ шаблонномъ репертуарѣ такъ называемыхъ фрачныхъ и сюртучныхъ пьесъ. Это не просто гардеробные и бутафорскіе термины: они выражаютъ вполнѣ опредѣленный *жанръ* драматической литературы. Современный русскій актеръ умѣетъ изображать только такъ называемаго интеллигентнаго человѣка, т. е. фигуру совершенно неиндивидуальную, своего рода международную формулу прилично одѣтой и умѣющей держать себя человѣческой особи. По этой фигурѣ выкраиваются драмы, комедіи и просто пьесы. Каждое представленіе ничто иное, какъ варіація на давно вытверженные сценическіе пріемы, жесты, манеру объяснять любовныя и всякія иныя чувства. Умѣть носить костюмъ, ходить по сценѣ и болѣе или менѣе естественно выбалтывать всякія пошлости въ спокойныхъ сценахъ и эффектно, съ оттѣнками выкрикивать избитыя тирады въ драматическіе моменты, вотъ и весь современный артистъ. А что касается *индивидуализированія* роли, ея психологическаго изученія, то это, во-первыхъ, лишнее: драматурги сами не имѣютъ ничего общаго съ живой *личной* психологіей, они давно уже выдрессированы для сочиненія *ролей*, а не для создаванія *типовъ*, а потомъ, психологія и разнообразіе личностей вполнѣ подмѣняются видоизмѣненіями въ гриммѣ и въ подробностяхъ костюма. Пиджакъ съ бородой или фракъ съ усами, полосатые брюки съ обильной шевелюрой или скромная «пара» съ прической подъ гребенку—вотъ и вся «психологія», привычный зритель уже догадается, что все это означаетъ и будетъ даже благодаренъ, что ему, вмѣсто разныхъ соображеній, прямо показываютъ готовую вывѣску съ надписями въ родѣ дѣтскихъ иллюстрацій.

Въ результатѣ, со сцены исчезло все характерное, жизненное, индивидуальное. Она превратилась въ школьническую маріонеточную игру, въ царство—шаблоннаго, посредственнаго, безличнаго. На русскихъ сценахъ, напримѣръ, почти совсѣмъ не играются пьесы Островскаго,—и не потому что для нихъ нѣтъ публики: опытъ доказываетъ совершенно обратное, а потому что актеры не умѣютъ, не способны играть сколько-нибудь психологическихъ ролей. Гораздо легче разрисовать физіономію и сшить новый костюмъ, чѣмъ работать умомъ, ломать годами пріобрѣтенный сценическій навыкъ, приспособлять свою застывшую въ трафаретныхъ рамкахъ и въ концѣ нравственно обѣднѣвшую природу, къ глубокому жизненному замыслу художника. Если, ужъ *геніальные* артисты, въ родѣ Росси, не въ силахъ сыграть дѣйствительно—шекспировской роли и берутся за нее только послѣ многообразныхъ «исправленій» и «аранжировокъ», чего же требовать отъ простыхъ ремесленниковъ сцены—все равно на первыхъ ли они роляхъ или на вторыхъ? Разницы по существу нѣтъ между современнымъ первымъ театральнымъ персонажемъ и вторымъ и третьимъ: одинъ столяръ и кузнецъ, а другой рѣзчикъ и слесарь,—и всѣ одинаково не художники и не психологи.

И мы безпрестанно видимъ, какъ постепенно падаетъ литература на служеніи театру. Актеры стоятъ плотной стѣной противъ писателей и произведеній, угрожающихъ нарушить ихъ безпе-

чальное приживательство якобы у храма искусства. Напримѣръ, пьесы изъ народной жизни или не попадаютъ на сцену или непремѣнно проваливаются: актеры не могутъ и, слѣдовательно, не желаютъ ради «ничтожной нравственной цѣли» совлекать съ себя модные костюмы, мѣнять салонный языкъ, покидать танцмейстерскіе манеры. На все это существуетъ публика и даже психопатически-увлеченная, что и требуется доказать, все остальное не касается театра.

Мы могли бы подтвердить всѣ эти положенія множествомъ поучительнѣйшихъ фактовъ и, вѣроятно, найдется не одинъ читатель, также располагающій запасомъ подобныхъ доказательствъ. Но мы говоримъ объ общихъ тенденціяхъ театра, какъ общественнаго учрежденія. Они сами по себѣ менѣе всего прасвѣтительныя и культурныя. Театръ, предоставленный собственнымъ задачамъ и стремленіямъ, никогда и нигдѣ не обнаруживалъ наклонности служить какой бы то ни было идеѣ. Онъ по существу и по всей своей исторической судьбѣ зрѣлище, а не школа, и мы видѣли, въ самыя идейныя эпохи новой европейской исторіи—театръ, на сколько отъ него зависѣло, стоялъ на сторонѣ преданій, отжившихъ привилегій и правъ матеріальной власти. Если онъ начиналъ служить освободительному движенію, это происходило исключительно подъ непреодолимымъ давленіемъ литературы и общества. Какъ только это давленіе, ослабѣвало или реакція пріобрѣтала власть,—театръ немедленно и съ чрезвычайнымъ усердіемъ становился застрѣльщикомъ *торжествующей* силы и часто простиралъ свое усердіе до такихъ предѣловъ, что даже вызывалъ открытое негодованіе публики.

Эти историческіе уроки мы должны помнить всякій разъ, когда рѣчь заходитъ о нравственномъ и общественномъ значеніи театра. Онъ въ такихъ случаяхъ—простое орудіе, *пассивное средство* съ исконными привычками *активно* сопротивляться именно идейнымъ цѣлямъ. Литература и общество должны напрячь всѣ усилія, чтобы повернуть театръ на путь просвѣщенія и идейности и неотступно слѣдить за новымъ направленіемъ сцены. Она только будетъ отражать безусловно *настойчивыя* внѣшнія внушенія и по собственной иниціативѣ не вступитъ на идейную дорогу и еще менѣе пойдетъ по ней, если въ данное время идеи не будутъ господствующей силой въ литературѣ и въ общественной средѣ, если сама публика не станетъ увѣренно идейной.

Только на такой почвѣ и можно строить планы объ услугахъ театральной сцены народному просвѣщенію и вообще національному прогрессу. И въ особенности русское общество и русская художественная и критическая литература не должны забывать, какъ дешевы и по существу безцѣльны мечты о театрѣ-школѣ и о театрѣ-трибунѣ и какъ на самомъ дѣлѣ *лично*—отвѣтственны и трудны обязанности всякаго, кто сочувственно и съ дѣятельными намѣреніями произноситъ слова «народное просвѣщеніе». Онъ, и только онъ, въ эту минуту просвѣтитель и трибунъ.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Lehrkunst und Lehrhandwerk*» *Von Oskar Jäger. Wiesbaden (Kunze's Nachfolger)* (*Учительское искуство и учительское ремесло*). Очень толстая книга для всѣхъ, интересующихся педагогическими вопросами или занимающихся педагогикой. Въ первой части авторъ дѣлаетъ характеристику отдѣльныхъ классовъ гимназій, опредѣляетъ ихъ цѣли, задачи и особенности. Вторую онъ посвящаетъ важнѣйшимъ педагогическимъ вопросамъ, школьной дисциплинѣ, личности и поведенію учителей, отношеніямъ между школой и родительскимъ домомъ и т. п. Въ третьей части исключительно говорится о преподаваніи въ трехъ старшихъ классахъ гимназіи и о новыхъ программахъ. (Frankfurter Zeitung).

«*The Workers. An Experiment in Reality*» *by Walter A. Wyckoff. (Heinemann).* (*Рабочіе; опытъ дѣйствительной жизни*) Авторъ этой любопытной книги провелъ три года среди рабочихъ всякаго рода и жилъ ихъ жизнью, раздѣляя всѣ невзгоды и лишенія этой жизни. Собранныя имъ за эти три года наблюденія могутъ составить очень цѣнный матеріалъ для изученія современныхъ соціальныхъ условій, тѣмъ больше что авторъ, принадлежащій къ привиллегированному классу, нарочно превратился въ простого рабочаго и терпѣлъ страшную нужду въ Чикаго, гдѣ онъ очутился среди «Unemployed» для того, чтобы имѣть возможность судить по собственному опыту о положеніи рабочаго и о главныхъ характерныхъ особенностяхъ рабочихъ классовъ.
(Literary World).

«*The Underground Railway from Slavery to Frudom*» *by prof. Wilbur Sibert* (*Macmillanand and C°*). (*Подземная желѣзная дорога отъ рабства къ свободѣ*). Чрезвычайно интересное и основанное на историческихъ данныхъ описаніе наиболѣе романическихъ сторонъ великаго движенія въ пользу уничтоженія рабства въ Соединенныхъ Штатахъ. «Подземной желѣзной дорогой» называлась тайная организація, дѣйствовавшая въ пользу освобожденія негровъ. Небольшая группа самоотверженныхъ людей, преданныхъ идеѣ аболиціонизма, помогала бѣгству негровъ, рабовъ изъ южныхъ штатовъ въ Канаду, гдѣ они находились уже подъ покровительствомъ англійскихъ законовъ. Авторъ разсказываетъ трогательную исторію Джона Брауна, имя котораго употреблялось какъ военный кличъ во время гражданской войны и президента «подземной желѣзной дороги» самоотверженнаго Леви Коффина, который, вмѣстѣ со своею преданною женой, помогъ бѣжать болѣе чѣмъ тремъ тысячамъ рабовъ.
(Daily News).

«*Across the Everglades*» *by Hugh Z. Willoughby* (*Dentand C°*). *Очерки Флориды.* «Everglades» называется та часть Флориды, куда бѣлые люди почти никогда не заглядывали. Авторъ отправился туда для собиранія естественно-историческихъ коллекцій по порученію пенсильванскаго университета, но описаніе его путешествія носитъ не только научный, а также и въ высшей степени популярный характеръ. Очень интересенъ его разсказъ объ одномъ индѣйскомъ племени во Флоридѣ, съ которымъ ему пришлось близко познакомиться. Семиналы—такъ называется это племя,—въ высшей степени оригинальный и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже стоящій на высокой степени цивилизаціи народъ. Они относятся съ презрѣніемъ къ бѣлымъ и «бѣлый человѣкъ», по ихъ мнѣнію, синонимъ лжеца. (Literary World).

«*Degeneracy: its causes, signs and Results*» *by prof. Eugene Talbot. Chicago. With illustrations. Rice: 6 s.* (*The Contemporary Science Series*). (*Вырожденіе; его причины, признаки и результаты*). Книга посвящена очень важному вопросу о вырожденіи въ современной жизни. Авторъ разсматриваетъ съ научной точки зрѣнія разнообразныя причины этаго явленія и обсуждаетъ способы борьбы съ нимъ. Книга иллюстрирована преимущественно фотографическими снимками.
(Bookseller).

«*The Wonderful Century: its Succcsses and its Failures*» *by Alfred Russel Wallace.* (*Swan Sonnenschein and C°*) *Second Edition.* (*Удивительное столѣтіе*). Очень интересно и живо написанная книга, въ которой обсуждаются всѣ свѣтлыя и темныя стороны кончающагося столѣтія, великія открытія, ознаменовавшія его и прискорбные факты и событія бросающіе на него тѣнь.

(Bookseller).

«*Wild Animals I have Known*» *by Ernest Secton Thompson* (*Nutt*) *With 200 illustrations* (*Дикія животныя, которыхъ я зналъ*). Авторъ этой книги—натуралистъ, помѣстилъ въ ней цѣлый рядъ разсказовъ о различныхъ животныхъ, которыхъ онъ зналъ или о которыхъ слыхалъ. Несмотря на научный характеръ этой книги, по живости изложенія и интересу ее можно сравнить съ сочиненіемъ Киплинга «The Lungle Book». Разсказы автора увлекаютъ читателя и заставляютъ его чувствовать глубокую симпатію ко многимъ изъ четвероногихъ. (Athaeneum).

History of intellectual Development on the Cenés of modern Evolution» *by J. Beat tie Crozier.* (*Longwans, Creen and C°*). (*Исторія интеллектуальнаго развитія на основаніи современной эволюціи*). Авторъ, уже издавшій трудъ о цивилизаціи и прогрессѣ, задался цѣлью представить общую исторію эволюціи человѣческой мысли, начиная съ древнихъ временъ до настоящаго времени и прослѣдить ея развитіе и отраженіе въ религіи, наукѣ и философіи.

(Revue Sciéntifique).

«*Hokusai*» *by C. J. Holmes.* (*Umicorn Press*) (*Гокусая*). Чрезвычайно интересно и тепло написанная исторія симпатичнаго японскаго художника, къ которому можно примѣнить пословицу: «Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ». Гокусаи родился въ 1760 г. и прожилъ почти 90 лѣтъ въ большой бѣдности и неустанно работая. Онъ былъ бѣденъ и работалъ преимущественно только для бѣдныхъ, но до сихъ поръ его вліяніе сказывается во всѣхъ произведеніяхъ японскихъ художниковъ, въ японской орнаментикѣ и каждый современный японскій художникъ по справедливости можетъ быть названъ послѣдователемъ и учениковъ Гокусаи, съ которымъ, однако, никто изъ нынѣшнихъ японскихъ художниковъ не можетъ сравниться по талантливости изображенія и воспроизведенія сценъ изъ жизни животныхъ, а также по смѣлости фантазіи. (Literary World).

«*Paisans et Ouvriérs depuis sept cents ans*» *par le vicomte d'Avenel* (*A. Colén*). *Paris. Prix 4 fr.* (*Рабочіе и крестьяне въ теченіе семи вѣковъ*). Ученый авторъ этого сочиненія издалъ гигантскій трудъ, въ которомъ заключается подробное изслѣдованіе экономической исторіи собственности, заработной платы, продуктовъ и всѣхъ вообще цѣнъ во Франціи, начиная съ 1200 по 1800 годъ. Желая сдѣлать доступными большому кругу читателей результаты своихъ ученыхъ изысканій, авторъ резюмировалъ въ двухъ томахъ свои выводы. Въ первомъ онъ говоритъ о земельной собственности и деньгахъ, а второй томъ посвящается рабочимъ и крестьянамъ и сообщаетъ очень любопытныя свѣдѣнія объ условіяхъ жизни рабочихъ классовъ, эволюціи заработной платы и т. п. за послѣднія семьсотъ лѣтъ. Какъ первый (la Fortune privée à tsavers sept siècles) такъ и второй томы продаются отдѣльно и представляютъ совершенно законченныя сочиненія.

(Journal des Débats).

«*La Guerre et la Paix*» *(étude sur l'arbitrage international) par Charles Richet.* (*Schleicher*). *Paris. Prix 1 fr.* (*Война и миръ; изслѣдованіе вопроса о международномъ третейскомъ судѣ*). Этотъ небольшой томикъ входитъ въ составъ изданій «Bibliothèque littéraire de vulgarisation scientifique» и заключаетъ въ себѣ чрезвычайно ясное, хотя и сжатое изложеніе всѣхъ причинъ и послѣдствій войны, шансовъ на ея уничтоженіе. Авторъ подробно разбираетъ вопросъ о международномъ третейскомъ судѣ и о прочихъ мирныхъ учрежденіяхъ. Къ книгѣ приложенъ библіографическій указатель сочиненій, относящихся къ третейскому суду. (Journal des Débats).

«*Hommes et Chose d'outre-mer*» *par Paul Hamelle* (*librairie Fischbacher*) *avec facsimilés d'autographes. Paris. Prix: 3 fr. 50 c.* (*Люди и вещи за моремъ*). Книга заключаетъ въ себѣ рядъ отдѣльныхъ очерковъ, картинъ и портретовъ различныхъ знаменитыхъ общественныхъ дѣятелей; авторъ набрасываетъ ихъ мастерскою рукою, по мѣрѣ того какъ они проходили передъ его глазами. Эти небольшіе очерки написаны очень живо и интересно. Гладстонъ, Сесиль Родесъ, Макъ Кэртней, Лорье, Ирландскій вопросъ и т. д.—вотъ славные сюжеты той картинной и портретной галлереи, которую авторъ представляетъ своимъ читателямъ.

(Journal des Débats).

«*Histoire Sociale au Palais de Justice*» *par Emile de St.-Auban* (*A. Pedone*). *Prix: 3 fr. 50 c.* (*Соціальная исторія въ судѣ*). Чрезвычайно интересная книга. Авторъ ея, извѣстный адвокатъ, анализируетъ и комментируетъ пренія недавнихъ судебныхъ процессовъ. Второй томъ его сочиненія вышелъ подъ заглавіемъ: «Le silence et le secret». (Молчаніе и тайна).

(Journal des Débats).

«*Lesen und Reden*» *von prof. D-r Hilty. Leipzig. 1899.* (*Чтеніе и разговоръ*). Хорошо извѣстный по своимъ предшествующимъ сочиненіямъ профессоръ Гильти издалъ подъ этимъ заглавіемъ два очерка: въ первомъ онъ даетъ превосходные совѣты молодежи относительно выбора книгъ и извлеченія пользы изъ чтенія; во второмъ—онъ

стремится дать полезныя указанія людямъ, которые желаютъ говорить публично.

(Litterarische Echo).

«*Les Savants modernes; leur vie etleurs travaux d'après les documents académiques*»—*par M. A. Rebiere.* (*Nony et C°*). *Paris.* (*Современные ученые, ихъ жизнь и труды*). Цѣль автора, извѣстнаго французскаго математика Ребьера, познакомить обыкновенныхъ читателей со всѣми великими именами, великими проблемами и великими открытіями науки. Трудъ его, для котораго онъ воспользовался академическими документами, охватываетъ періодъ двухъ вѣковъ. Читатель постепенно знакомится съ жизнью и работами ученыхъ преимущественно французскихъ, обезсмертившихъ свое имя великими открытіями.

(Revue Internationale).

«*Intimate China: the Chinese as I have Seen them*» *by M-rs Archibald Little.* (*Hutchinson und C°*). *With 120 illustrations.* (*Китайцы вблизи*). Мистриссъ Литтль, написавшая эту книгу, долго жила и путешествовала по Китаю и познакомилась съ жизнью не только большихъ городовъ, но и самыхъ отдаленныхъ закоулковъ обширной китайской имперіи. Она возстаетъ противъ существующихъ воззрѣній, что китайцы ненавидятъ иностранцевъ и въ особенности миссіонеровъ. Китайскіе крестьяне—народъ добродушный, вѣжливый и гостепріимный и только подъ вліяніемъ подстрекательства и наущенія мандариновъ, они производятъ нападенія на миссіи и нападаютъ на иностранцевъ. Вообще, по словамъ мистриссъ Литтль, между народнымъ Китаемъ и Китаемъ мертвыхъ доисторическихъ учрежденій надо дѣлать различіе. Съ послѣднимъ то и приходится бороться иностранцамъ, такъ какъ именно «Китай мандариновъ» служитъ главнымъ препятствіемъ къ прогрессу. Описанія мистриссъ Литтль сельской и городской жизни въ Китаѣ чрезвычайно интересны; ея анекдоты изъ китайской военной жизни блещутъ юморомъ, а описанія природы очень живописны. Книга снабжена превосходными иллюстраціями.

(Daily News).

«*Le plus beau royaume sous le ciel*» *par Onésime Reclus.* (*Librairie Hachette*). *Самая прекрасная страна подъ небесами*). Читатель быть можетъ не догадывается, что тутъ дѣло идетъ о Франціи. Автора этой книги можно было бы назвать «поэтомъ географіи» (le poète de la géographie). Его описаніе Франціи проникнуто поэтическимъ чувствомъ и восторженностью, но въ тоже время съ научной стороны не оставляетъ желать ничего лучшаго и взгляды, высказываемые авторомъ на настоящее и будущее страны, ея политико-экономическія условія и т. п. отличаются глубиной и научностью. Авторъ предсказываетъ блестящее будущее французскимъ колоніямъ, въ особенности африканской Франціи (Fance d'Afrique), которая явится источникомъ новой и кипучей жизни въ будущемъ.

(Indépendance Belge).

«*Le paysan dans la littérature française*» *par Henri Tajot.* (*Крестьянинъ во французской литературѣ*). Авторъ собралъ и резюмировалъ различные взгляды на крестьянина, господствовавшіе во французской литературѣ и изобразилъ эволюцію этихъ взглядовъ въ различныя эпохи.

(Journal des Débats).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the
NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6753
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

DEC 5 1991
REC CIRC OCT 24 1991

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C038441598